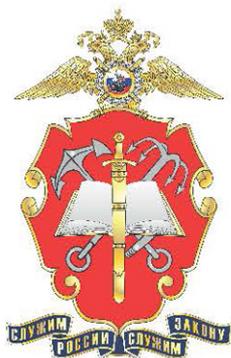

ISSN
2949-1150 online
2071-8284 print

ВЕСТНИК

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ**

**2025
№ 1 (105)**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 1 (105) январь – март 2025 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
of Saint Petersburg University
of the MIA of Russia**

No 1 (105) January – March, 2025

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 1 (105) январь – март 2025 г.

Рецензируемый научно-теоретический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – сетевое издание, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издается с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал. Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны. Способ распространения: в электронном виде.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 3 марта 2023 г. ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК при Минобрнауки России от 29 марта 2022 г. журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Отнесен к высшей категории научной значимости изданий – К1.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных *Ulrich's Periodicals Directory*.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Р. Е. Артамонов, Л. М. Букина.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
Тел.: 8 (812) 730-26-96.

E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет: 31.03.2025 г.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia

№ 1 (105) January – March 2025

Founded in 1999, “Vestnik of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation” is a quarterly, network, peer-reviewed, open access scholarly journal published by Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

On March 29, 2022, the Higher Attestation Commission (VAK) under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation gave its approval to include the journal into the databases of VAK. The journal belongs to K1 category and covers the following areas:

- 5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences.
- 5.1.2. Public Law (State Law) Sciences.
- 5.1.3. Civil Law Sciences.
- 5.1.4. Criminal Law Sciences.
- 5.3.3. Labour Psychology, Engineering Psychology and Cognitive Ergonomics.
- 5.3.9. Forensic Psychology and Psychology of Safety.
- 5.8.1. Pedagogy, History of Pedagogy and Education.
- 5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education.

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index and included in the databases of *Ulrich's Periodicals Directory*.

The journal is distributed on-line throughout Russia and foreign countries.

The languages of the journal are Russian and English.

The author is responsible for the content of the work and the accuracy of the facts. The opinion of the author may not coincide with the position of the editorial staff and members of the editorial board. Reprinting of the journal publications in other periodicals is possible with the reference to the journal.

The journal is re-registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications: El No. FS77-84786 on March 3, 2023.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print)

Editors: G. N. Golyadkin, R. E. Artamonov, L. M. Bukina.

Publisher address: 1 Lyotchika Pilyutova St., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Phone: +7 (812) 730-26-96

E-mail: vestnik@univermvd.ru

Date of issue: 31.03.2025.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук (Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

- Амельчаков И. Ф.** – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
- Бавсун М. В.** – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Астафичев П. А.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Балахонский В. В.**, доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Бекетов О. И.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
- Болдырев В. А.**, доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
- Бучакова М. А.**, доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
- Васильева И. В.**, доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
- Вахнина В. В.**, доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
- Гейжан Н. Ф.**, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Гельдибаев М. Х.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Гордеев С. Н.**, доктор юридических наук, доцент (Республика Узбекистан, Ташкент)
- Гривенная Е. Н.**, доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
- Дозорцева Е. Г.**, доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
- Ерофеева М. А.**, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
- Ескина Л. Б.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Илакавичус М. Р.**, доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
- Каплунов А. И.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Коваленко В. И.**, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
- Коларич Драгана**, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
- Кубышко В. Л.**, кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
- Латышов И. В.**, доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
- Мещерякова Е. И.**, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
- Миьялкович Саша**, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
- Нижник Н. С.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Никифоров Г. С.**, доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Николаева Т. Г.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Никуленко А. В.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Пастушеня А. Н.**, доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
- Рузакова О. А.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Сафонов А. А.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Сердюк Н. В.**, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
- Слепцов И. В.**, кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
- Стрельникова Ю. Ю.**, доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
- Тюнин В. И.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Ульянина О. А.**, доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
- Ухов В. Ю.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Химичева О. В.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Цветков В. Л.**, доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
- Цветков И. В.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Чечётин А. Е.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
- Шаранов Ю. А.**, доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Шахматов А. В.**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – *Kaverina L. V.*, Candidate of Philological Sciences (Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)

Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)

Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)

Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Gordeev S. N., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Republic of Uzbekistan, Tashkent)

Grivennaya E. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)

Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)

Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)

Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)

Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)

Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)

Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)

Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)

Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Бавсун М. В.** Технологические императивы как альтернативное средство регулирования общественных отношений 10
- Власова Т. В., Лесовая Т. С.** Кодификация права: отдельные проблемные вопросы 17
- Демидова И. А.** Соборность как характеристика правовой культуры современного общества... 28

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Ерыгина В. И.** Особенности реализации государственной политики воспитания в образовательных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации 39
- Нудненко Л. А.** Местное самоуправление в городе федерального значения – Санкт-Петербурге: особенности конституционно-правового закрепления и организации 50
- Очередыко В. П.** Национальная правовая система в устремлениях России к многополярному миру: факторы развития и ограничения 58

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Абдуллаев Р. Р., Миннигулова Д. Б.** Перспективы развития обязательного государственного страхования сотрудников органов внутренних дел 67

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Афанасьев А. Ю.** «Входы» и «выходы» в механизме доказывания преступной деятельности 82
- Бициев З. В.** Общественная опасность и малозначительность уклонения от административного надзора 90
- Богданов А. В., Ильинский И. И., Кудин О. В.** Влияние миграционной ситуации в России на терроризм и экстремизм 97
- Бурлаков В. Н.** Риски безопасности как основание криминализации транспортных правонарушений 109
- Верещагина А. В.** Эксгумация в российском уголовном судопроизводстве: религиозный, исторический и нормативный аспекты 119
- Иванькович Д. В.** Характеристика личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (статьей 317 Уголовного кодекса Республики Беларусь) 130
- Квасников Е. С.** Нужно ли дознание в сокращенной форме как отдельная форма расследования? 139
- Озерова Ю. С., Кирикова М. В.** Нужно ли дознание в сокращенной форме как отдельная форма расследования? 146
- Сливинская Н. Ю.** Классификация источников и формул закрепления международного обязательства «или выдавать, или осуществлять судебное преследование» (“aut dedere aut judicare”) 152
- Супрун С. В.** Проблемы изъятия предметов, документов, материалов органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий 161
- Цирит О. А., Панькина И. Ю.** Вопросы противодействия незаконному обороту янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней 172
- Чирков Ф. В.** Методологические проблемы аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны в контексте содержания традиционных духовно-нравственных ценностей 183
- Шайденко Д. А.** О способе преодоления противоречий, связанных с исчислением срока задержания подозреваемого 194

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Гнездилова Е. В.** Модульная технология обучения адъюнктов иноязычной лексике научного стиля 202
- Ходякова Н. В., Сердюк Н. В., Виноградова Н. Ф.** Развитие личности в образовании как педагогическая стратегия противодействия ментальной агрессии 213

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- Бобаров С. В.** Опыт применения теории мотивации Портера – Лоулера в создании условий для повышения результативности научной деятельности курсантов военных учебных заведений 223
- Гейжан Н. Ф., Кравцун И. А.** Информационно-пропагандистская работа в органах внутренних дел: направления и методы совершенствования 231
- Ермилов Ю. А.** Приемы обучения сотрудников полиции правомерному применению физической силы 241
- Зибров Г. В., Белошицкий А. В., Мещерякова Е. И.** Формирование готовности сотрудников силовых ведомств к принятию решений с использованием метода ментальных репрезентаций 248

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

- Костина Е. В., Булыгина В. Г., Дубинский А. А.** Индивидуально-психологические и нейропсихологические особенности уволившихся сотрудников органов внутренних дел с учетом категории профессиональной пригодности 256
- Семенова Н. А.** Структурно-функциональная динамическая модель формирования метаресурса жизненной успешности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации 271

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

- Злоказов К. В., Гайдамашко И. В., Бородавко Л. Т.** Влияние руководителя служебного коллектива на морально-психологическое состояние подчиненных сотрудников 284
- Самойлик Н. А.** Личностные характеристики саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы 294

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Bavsun M. V.** Technological imperatives as an alternative means of regulating public relations 10
Vlasova T. V., Lesovaya T. S. Codification of Law: Selected Problematic Issues 17
Demidova I. A. Collegiality as a characteristic of legal culture of modern society 28

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- Erygina V. I.** Features of implementation of the state policy of upbringing in educational institutions of the system of the Ministry of the Interior of Russia 39
Nudnenko L. A. Local self-government in St. Petersburg as a federal city: features of constitutional and legal consolidation and organisation 50
Ocheredko V. P. National legal system in Russia's aspirations for a multipolar world: challenges and limitations 58

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- Abdullaev R. R., Minnigulova D. B.** Prospects for developing compulsory state insurance for internal affairs employees 67

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Afanasyev A. Yu.** "Inputs" and "outputs" of the mechanism of proving criminal activity 82
Bitsiev Z. V. Public danger and insignificance of evasion of administrative supervision 90
Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Kudin O. V. Impact of the migration situation in Russia on extremism and terrorism 97
Burlakov V. N. Safety risks as the reasons of transport offences' criminalisation 109
Vereshchagina A. V. Exhumation in Russian criminal proceedings: religious, historical and normative aspects 119
Ivankovich D. V. Personality characteristic of the offender committed a crime under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation (Article 317 of the Criminal Code of the Republic of Belarus) 130
Kvasnikov E. S. Is it constitutional and legal concept or change of interpretation of criminal law? 139
Ozerova Yu. S., Kirikova M. V. Is a shortened form of inquiry necessary as a separate form of investigation? 146
Slivinskaya N. Yu. Classification of sources and formulae of strengthening international obligation to extradite or prosecute 152
Suprun S. V. Problems of seizing objects, documents and materials in carrying out open operative-search activities 161
Cyrit O. A., Pankina I. Yu. Issues of countering the illegal trafficking of amber, jade and other semiprecious stones 172
Chirkov F. V. Methodological problems of axiological interpretation of objects of criminal law protection in the context of the content of traditional spiritual and moral values 183
Shaidenko D. A. The way to overcome contradictions concerning the calculation of the suspect's detention period 194

PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

- Gnezdilova E. V.** Modular technology of teaching foreign language vocabulary of scientific style to postgraduates 202
Khodyakova N. V., Serdyuk N. V., Vinogradova N. F. Personality development in education as a pedagogical strategy for counteracting mental aggression 213

CONTENTS

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

- Bobarov S. V.** The experience of application of Porter-Lawler motivation theory in creation of conditions for increasing the results of scientific activity of cadets of military educational institutions 223
- Geyzhan N. F., Kravtsun I. A.** Information and propaganda work in internal affairs bodies: directions and methods of improvement 231
- Ermilov Yu. A.** Techniques for training police officers in the lawful use of physical force 241
- Zibrov G. V., Beloshitsky A. V., Meshcheryakova E. I.** Formation of decision-making readiness of law enforcement officers using the method of mental representation 248

LABOUR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY AND COGNITIVE ERGONOMICS

- Kostina E. V., Bulygina V. G., Dubinsky A. A.** Individual psychological and neuropsychological characteristics of the dismissed employees of the internal affairs bodies with consideration to their professional suitability category 256
- Semenova N. A.** Structural-functional dynamic model of formation of meta-resource of life success of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation 271

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

- Zlokazov K. V., Gaidamashko I. V., Borodavko L. T.** Influence of head of subdivision on moral and psychological state of subordinate employees 284
- Samoylik N. A.** Personality characteristics of self-regulatory behaviour of convicted women serving sentences in prisons 294

Научная статья
УДК 34.340.01
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-10-16>

Технологические императивы как альтернативное средство регулирувания общественных отношений

Максим Викторович Бавсун, доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
kafedramvd@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>

Аннотация:

Введение. Технологические императивы – одно из мощнейших средств управления современными общественными отношениями. Их внедрение в нашу жизнь происходит без нашего согласия, как впрочем, и без согласия законодателя, органов государственной власти, а также любого, кто имеет отношение к управлению государством.

Методы. Методологическую основу данного исследования составили общенаучный диалектический метод и формально-логический. Это позволило определить, что любой технологический императив есть не что иное, как реально свершившийся факт, который невозможно ни опровергнуть, ни отменить, ни проигнорировать. При этом его появление зачастую зависит от людей, крайне далеких, собственно, от управления в целом и государственной власти в частности.

Результаты. Каждый из императивов, с одной стороны, облегчает наше существование, а с другой – создает массу проблем, перестраивая многие аспекты повседневности и одновременно позволяя формировать многочисленные преступные схемы, каждый раз вынуждая правоохранителя реагировать с опозданием. Опоздание – это именно тот термин, которым можно определить всю деятельность государственного аппарата по отношению к любой из технологий, внедряемой в повседневную жизнь человека. В свою очередь параллельность, альтернативность правового регулирования тех или иных процессов, происходящих в обществе, с легкостью воспроизводятся новыми технологиями, которые совершенно самостоятельно внедряются во все сферы деятельности человека. Неспособность государства управлять такими вещами с неизбежностью порождает неопределенность всего правового регулирования, где «мнимая» целесообразность уже давно поглотила законность, прервав таким образом более чем вековую дискуссию относительно соотношения данных категорий.

Ключевые слова:

технологический императив, правовое регулирование, общественные отношения, законность, целесообразность, неопределенность, биотехнологии

Для цитирования:

Бавсун М. В. Технологические императивы как альтернативное средство регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 10–16. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-10-16>.

Статья поступила в редакцию 24.06.2024;
одобрена после рецензирования 19.07.2024;
принята к публикации 05.09.2024.

© Бавсун М. В., 2025

Original article

Technological imperatives as an alternative means of regulating public relations

Maksim V. Bavsun, Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
kafedramvd@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>

Abstract:

Introduction. *Technological imperatives serve as one of the most powerful means of managing modern social relations. They are embedded in our life unconsented; moreover, it happens without the consent of legislators, public authorities, and other people involved in governing the state.*

Methods. *The methodological basis of the study was made up of general scientific dialectical and formallogical methods. This enabled the authors to determine that any technological imperative is nothing but a fait accompli, which can be neither refuted, cancelled nor ignored. However, its emergence often depends on people being far from governing, particularly the state power.*

Results. *Each imperative makes our life easier, but they, on the other hand, create many problems. Imperatives transform various aspects of everyday life, at the same time they make it possible to form numerous criminal patterns making law enforcers to react late. Tardiness is exactly the term to define the activity of the governmental system in relation to any of technologies implemented in a person's daily life. In turn, the parallelism, alternativity of legal regulation of certain processes taking place in society are easily done by new technologies, independently being embedded in all areas of human activity. Failure of the state to manage this sort of things leads to an inevitable uncertainty in all legal regulation, where 'imaginary' advisability has long ago absorbed legality, breaking off the age-old debate about the relationship between these categories.*

Keywords:

technological imperative, legal regulation, public relations, legality, advisability, uncertainty, biotechnologies

For citation:

Bavsun M. V. *Technological imperatives as an alternative means of regulating public relations // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 10–16. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-10-16>.*

The article was submitted June 24, 2024;
approved after reviewing July 19, 2024;
accepted for publication September 5, 2024.

Введение

Право при всей нестабильности общественных отношений и их колоссальной трансформации в исторической ретроспективе имеет достаточно жесткую конструкцию, мало подверженную изменениям даже с течением времени. В этом смысле догма представляет ту основу или базис (сформировавшееся и устоявшееся правило, не требующее дополнительного обоснования и подтверждения, принимаемое всеми безоговорочно), на котором, собственно, и происходит трансформация любой глубины, позволяя сохранить сущность права в целом и отдельных его отраслей в частности. По сути, это гарантия его целостности как регулятора, способного обеспечить преемственность не только самого правоотношения, но и регулируемого общественного отношения. В этом смысле определенный правовой консерватизм – безусловное благо. Тем не менее его пределы ограничены, позволяя при сохранении базиса совершать поступательное движение вперед с учетом развития общественных отношений. Однако именно поступательность для столетия настоящего не является характерной чертой развития. Скорее наоборот, «рванный» темп, обеспечивающий скачкообразное движение, делают любые попытки поступательности несостоятельными. В свою очередь, именно новые технологии выступают в качестве тех средств, которые на современном этапе развития общества делают возможным каждый следующий рывок в любом из заданных направлений. Речь при этом идет не об оценке самого движения и того, а вперед ли оно вообще происходит. Скорее, нужно ставить вопрос о неких закономерностях такой динамики и, что самое важное, проблематики ее доминирования в современной системе правового регулирования общественных отношений.

Методы

В исследовании применялись базовые положения диалектического метода познания, общенаучные и частно-научные методы, такие, как сравнительно-правовой, конкретно-социологический, формально-логический, системный и исторический.

Результаты

Безапелляционность и безальтернативность каждого нового технологического императива, вторгающегося в жизнь всего человечества, феноменальна не сама по себе, а важна с позиции его возможности вносить серьезные, стойкие, принципиально новые изменения в правила поведения людей, способные успешно функционировать. Регулирование того или иного императива зачастую происходит позже, что называется «на ходу», подстраиваясь под уже не просто существующее, а зачастую вполне успешно функционирующее.

Новые технологии все больше оказываются, с одной стороны, двигателем всего нового, а с другой – тем средством, которое вынуждает законодателя «подстраиваться» под те самые фактические условия, делая право вторичным, а императивы идейно прогрессивными. Амбивалентность правового регулирования уже давно стала нормой, допускающей двойственную природу воздействия на общественные отношения [1]. Однако проблема уже даже не в этом. Императивы гораздо более «агрессивны». Они не оставляют альтернативы законодателю и откровенно вынуждают его действовать строго определенным образом. Более того, они сами являются той альтернативой, которая далеко не всегда подвержена регулированию, либо таковое происходит со значительным опозданием, когда элемент параллельности продолжает сохраняться.

Специалисты в области гражданского права отмечают: «Особенностью альтернативного правового регулирования является то, что обосновывающие его нормы не имеют формального выражения в таких источниках права, которые свойственны национальным и международной правовым системам» [2, с. 149–150]. То есть в буквальном смысле оно существует само по себе. В. Ф. Попандуполо отмечает, что «...суть правового регулирования заключается в общественном саморегулировании. Здесь проявляется своя логика, основанная на согласовании воли действующих индивидов, преследующих свои интересы. Термин «механизм» к саморегулированию применим весьма условно, поскольку многообразие поведения индивида не может быть уложено в прокрустово ложе какого-либо определенного механизма». И далее: «Для возникновения правоотношения (как и властеотношения) решающую роль играют жизненные обстоятельства, которым придается юридическое значение. И это не только действующие законодательные нормы, которые по определению являются юридическими фактами, с которыми индивид соотносит свое поведение» [3, с. 8]. Опять же речь идет о фактически существующих общественных отношениях, находящихся при этом вне зоны правового регулирования.

Е. С. Зайцева, рассуждая о таком явлении, как саморегулирование, полагает, что «в качестве альтернативы правового регулирования саморегулирование имеет определенные преимущества, особенно в отношениях, основанных на общем дозволении, и способствует минимизации юрдификации (избыточного правового регулирования), предоставляя большую степень свободы участникам общественных отношений и позволяя избежать их детальной регламентации» [4]. Суть высказывания сводится все к тому же – к наличию тех или иных групп общественных отношений, успешно существующих и развивающихся, но не отраженных в современном праве. Автор ведет речь о так называемой саморегуляции, представляющей альтернативу регулированию правовому, априори признавая факт исключений из общего и, казалось бы, незыблемого правила, относящегося к правовой сфере. Все это свидетельствует о самом факте возможности альтернативы при, казалось бы, тотальности правового охвата общественных отношений, невозможности «уйти» от ответственности. Наличие таковой (альтернативы) далеко не всегда указывает на саморегуляцию, которая сама по себе представляет безусловный как научный, так и практический интерес. Скорее можно ставить вопрос о возникновении неких параллелей в правовом регулировании, сам факт возникновения которых становится возможным из-за появляющихся новых технологических императивов, в конечном итоге приводящих к появлению и последующему течению саморегулирующихся процессов.

Пожалуй, одна из наиболее ярких иллюстраций этого – внедрение новых технологий и их способность выстраивать параллельное регулирование отношений в сфере медицины. Речь даже не об отдельно взятых и относительно частных вопросах, о ее отраслях или направлениях, а в целом о способности новых технологий именно в данной отрасли знаний человека получать принципиально новые результаты, внедряясь в запретные ранее зоны. Безусловно, регулирование данных вопросов далеко не всегда поспевает за самим процессом развития, а зачастую оказывается и просто невозможным. «Современная наука, – пишет О. В. Попова, – интенционально превращает человеческую телесность в артефакт, конструирует из естественного – технологическое. В технологической перспективе человеческая природа становится лабильной: ее презентуют, модифицируют, очищают, улучшают в различных вариациях, репрезентируя

биологические субстанции и части человеческого тела – то, как объект исследования, то как патент, то как высоколиквидный товар» [5, с. 190–191]. И далее, что касается именно правового регулирования данных процессов: «Всевозможные результаты биотехнологического конструирования требуют создания соответствующей социальной среды, где они могут быть легализованы, „одомашнены“» [5, с. 190–191]. Зарубежные специалисты пишут по этому поводу следующее: «Необходимы законы для установления должного места в обществе для эмбрионов, химер и других гибридных существ, генов и геномных последовательностей, а также процессов, в которых эти „вещи“ преобразуются или заново создаются и производятся. Биологические существа должны быть трансформированы в юридические, одомашненные существа... Необходима регуляция социальных отношений, которые ранее не существовали» [6, с. 68].

Именно – регуляция, и именно – должна быть. Сегодня ее как таковой нет, в то время как «биологические существа» уже есть. Технологии позволяют их создать, а регулирование за ними либо не поспевает, либо ему это просто не нужно. «Развитие подобных тенденций в медицине отодвигает интересы больного на периферию и способствует рассмотрению его в качестве средства, обеспечивающего приток денежных инвестиций. Это чревато приспособлением имеющихся норм (как медицинских, так и социальных) под законы рынка. Нормы как социальные ценности в этом случае приобретают вполне финансовый эквивалент» [5, с. 254]. Ф. Фукуяма, рассуждая об этом, указывает на большое количество людей, которые стремятся снять с себя ответственность (возникновение которой возможно лишь при должном правовом регулировании новых явлений), выводя свои действия исключительно в область медицины [7]. Это позволяет объяснить практически любые действия человека, исключив при этом регулирование как таковое, оставаясь в зоне медицины, объясняющей все...

Увы, но все это так или иначе приводит к совершенно неподконтрольному государству (нерегулируемому со стороны государства) смещению и проведению новых антропологических границ, которые дают практически неограниченные возможности конкретному человеку (врачу, руководителю лечебного заведения и т. д.) оставаться за пределами правового регулирования априори.

Данный вид конструирования, в отличие от естественных процессов конструирования социальной реальности, является «выражением деятельностной, или проектной конструкторской технологической, изменяющей мир установки, с точки зрения искусственного, в противовес созерцательной, или объясняющей, или натуралистической установке»¹, характерной для процесса естественного конструирования реальности [8, с. 162–164]. Процесс естественного конструирования социальных конвенций, отмечают специалисты, «уступает место радикальному целенаправленному технологическому вмешательству в бытие человека, направлен на такую модификацию его личности, которая оказывается в ситуации утраты антропологических констант своего бытия, острого кризиса этических оснований и самопонимания» [8; 9]. Постепенно происходит подрыв антропологической сущности человека, что было совершенно недопустимо на протяжении всей истории его существования. Соответственно, ни о каком предыдущем опыте регулирования чего-либо подобного также нельзя говорить. Для правовой сферы это такой же вызов, как и для самого человека с позиции тех технологий, которые к нему все больше применяются, не имея при этом правовой основы.

И все же эти процессы регулируемы, вопрос лишь в уровне такого регулирования и что под таким понимать. Никто не говорит о том, что у рассматриваемого явления нет ведомственного, локального и иного корпоративного нормативного регулирования отдельных вопросов в данной сфере. Проблема в другом. Что или кто является движущим фактором, что первично, ради чего совершаются те или иные манипуляции и почему одни стали доминирующими, а другие (зачастую более эффективные) неприменимы по умолчанию? Нельзя не согласиться с О. В. Поповой, отмечающей, что «реанимационное пространство современной больницы является революционным не только в отношении возможностей, заложенных в нем для спасения человеческих жизней, оно является таковым еще и по той причине, что в нем реализуется новая аксиологическая (и биополитическая) программа современности, в основе которой порождение новых форм жизни, жизни на грани со смертью, жизни, которую легко спутать со смертью. И именно в этом отношении пространство больниц оказывается аналогичным пространству концентрационного лагеря: здесь политическая воля создает возможность конструирования и отбора живых существ...» [5, с. 169].

Что это если не евгеника, причем в самом ее крайнем проявлении? Надо также понимать, что возможности политической воли строятся исключительно на технологиях. При их отсутствии никакая политическая воля не была бы возможной. Далее никакая политическая воля не может лежать

¹ Юдин Б. Г. Точка зрения искусственного // Гуманитарные ориентиры научного познания : отчет о НИР/НИОКР (итоговый) / под ред. П. Д. Тищенко. Москва : [Навигатор], 2014. [С. 15–29].

в основе регулирования, как и в целом любого другого правового явления, особенно если мы ведем речь о таких вещах, как жизнь человека, возможность ее прекращения, возникновения, продления и т. д. Это действительно уровень упомянутого автором концлагеря, где политическая воля (зачастую отдельно взятого человека) способна решить глобальный вопрос. Но дело даже не в этом. Интерес представляет технология и ее императивный характер, который может быть использован в различных вариациях, не меняя при этом саму суть проблемы. В сфере медицины мы как нигде видим все, что только возможно из запретного в праве: параллельность, альтернативность, саморегулируемость и даже политическую волю, лежащую в основе все того же регулирования, подменяя собой все вышеупомянутое.

Доминирование технологий в данной отрасли знаний привело к определению человека в качестве «артефакта технологической поддержки» [10], «неоморта» [11; 12], «существа, формы жизни, созданной медицинскими технологиями» [13], одновременно указывая на «невероятную уязвимость человека перед новыми технологиями, все больше заставляя воспринимать себя в качестве сконструированного технологическим миром данности, объекта проектирования» [5, с. 167]. Между тем в праве нет пока подходов к регулированию чего-либо подобного, не говоря уже о так называемой политической воле, явлении максимально абстрактном и, как правило, на правовом уровне ничем не подтвержденном. Мы вновь все свели к тому, что все решается на уровне отдельно взятого учреждения, а соответственно, лица, его возглавляющего, также не меньше зависящего от общего политического тренда в данном конкретном вопросе.

Надо сказать, что приведенный выше пример воздействия технологических императивов на формирование новых общественных отношений является лишь отдельно взятым из череды других, не менее ярких, показательных, но от этого не менее противоречивых, сложных и нетрадиционных для любого правового государства и любой исторической эпохи. Технологические императивы во всех случаях подобного рода опережают реальную действительность², не говоря уже о системе правового регулирования общественных отношений, которая сейчас все глубже уходит в стадию рефлексии, лишь реагируя на уже произошедшее событие³, находя для него подобающее обоснование, создавая при этом некое подобие регулирования, либо регулирование – постфактум, документируя, а не проецируя.

Если говорить об иных сферах, где вещи подобного рода становятся возможными, то здесь нельзя не вспомнить о таких нишах, как IT-технологии или, например, любое другое направление, в котором такие технологии используются (в частности, все что касается так называемого искусственного интеллекта, или банальных вещей вроде электросамокатов и пр.)⁴. Все новое, неизведанное и даже пугающее, сначала появляется, и только потом обретает необходимую форму в виде правил, поощрений либо запретов (ответственности). Все российское уголовное законодательство пронизано опозданием своих реакций на новые формы преступного поведения, а соответственно и теми проявлениями, которые должны случаться чуть раньше. Опоздание, которое порождает амбивалентность правового регулирования, объясняемого при этом корпоративностью, закрытостью, сложностью реагирования на каждую новую угрозу или новую технологию и прочими вещами, с одной стороны, верными, а с другой – подменяющими основы правового регулирования сфер деятельности, в которых наблюдается зависимость от технологических императивов.

С учетом внедрения новых технологий именно в медицину и абсолютной управляемости данного процесса, Д. В. Попов указывает на амбивалентность биополитики как источника двойственной природы любых производных от нее процессов, включая и такие традиционно запретные зоны для регулирования, как рождение и смерть [12, с. 164]. Императив, согласно Д. В. Попову, вторгся уже и в эти сферы, породив такие негативные явления, как некрополитика, негантиропная биополитика и пр. [14, с. 55, 60–61, 69–71]. Роль технологических императивов в появлении и развитии этих явлений колоссальна, с их ростом все больше становясь определяющими во всей уголовной политике на современном этапе [15].

² Бавсун М. В. Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях доминирования технологического императивов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 10–17. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-10-17>.

³ Бавсун М. В., Салыкова А. К. «Событие» как эффективное средство деконструкции общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 10–16. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-1-10-16>.

⁴ Одним из ярких тому примеров является использование БПЛА в период проведения Специальной военной операции на Украине. Ничего подобного в данном направлении мир не знал всего лишь 3–4 года назад, в то время, как сегодня именно данные технологии оказались способными в императивном порядке изменить весь ход ведения современной войны (что характерно, далеко не только СВО). В свою очередь, регулирование данного вопроса происходило экстренными темпами и продолжает происходить сейчас, причем со значительным опозданием в сравнении с фактическим применением всей беспилотной авиации (как, впрочем, и не только) в зависимости от военных потребностей.

Между тем любой амбивалентности присуща двойственность, в нашем случае альтернативность, не просто нарушающая, а зачастую и полностью исключаящая начала законности в праве. И вот здесь, пожалуй, возникает основной вопрос, связанный с внедрением новых технологий во все сферы жизни и их регулированием – это вопрос соотношения законности и целесообразности в праве вообще и в отдельных случаях в частности. Дело в том, что приведенные выше примеры имеют мало отношения как к одной, так и к другой категории в их классическом видении в общей теории права (как, впрочем, и в предметных отраслях права), а также относительно их соотношения между собой [16, с. 183; 17, с. 102; 18; 19, с. 41–45]. Наверное, впервые человечество столкнулось с таким явлением, проявляющимся в виде новых технологий, результаты которых практически обнуляют любые предыдущие наработки в праве, которые до этого момента считались базовыми, но оказавшиеся бесполезными в новых условиях. Более того, при сложившихся обстоятельствах стремительности и бескомпромиссности внедрения новых технологий в жизнь человека практически нет никакой возможности для традиционного выбора в русле законности или целесообразности. В то же время эта проблема всегда была актуальна для права (как в теории, так и на практике) и всегда как-то решалась. Сама дискуссия сохранялась, а ее актуальность не подвергается сомнениям и сегодня, хотя в нынешних условиях, с учетом альтернативности внедрения всего нового, этот вопрос уже звучит по-иному. Появление с практической незамедлительным применением новых технических средств не успевает проходить какие-либо стадии обсуждения, приемки, постановки на учет, формального внедрения, апробации, ознакомления специалистов, в определенных случаях общественности, опубликования результатов применения и т. д. Вполне естественно, что вопрос правового регулирования многих технологий, который должен проистекать после реализации хотя бы части перечисленных процессов, зачастую происходит либо постфактум, либо со значительным опозданием, либо носит максимально формальный характер, не будучи способным даже частично выполнять свои функции априори, оставаясь лишь на «бумаге».

Между тем целесообразность самих технологий, наряду с их императивностью формирует ту самую законность, без которой легитимность любого средства не просто ставится под сомнение, а полностью исключается. Именно они первичны, таковы правила современной эпохи, вынуждающие законодателя рефлексировать на уже случившееся событие или появившуюся новую технологию. Опережение в данном вопросе бывает возможным, но лишь в некоторых случаях, в силу слабой прогнозируемости и, соответственно, невозможности постановки более или менее конкретных целей⁵ [20; 21, с. 62–63]. Так называемая «голая целесообразность» способна как раз создать параллельность в правовом регулировании, уводя его в сторону ведомственности, локальности или чрезвычайщины.

3 **З**аключение

Целесообразность того или иного технического средства, наряду с целесообразностью его правового регулирования и выступает в качестве императива законности, которая, оказываясь вторичной и находясь под двойным давлением целесообразности, пытается найти свое проявление на любом из возможных уровней. Увы, но все та же «голая целесообразность» выступает в качестве идеи, формирующей границы правового регулирования. Но еще хуже то, что происходит это фрагментарно, в зависимости от частных случаев каждого нового императива. Однако, реагируя каждый раз в соответствии с новой потребностью, мы неизбежно теряем в системности, последовательности и комплексности в процессе формирования правового массива, который уже давно складывается на основе рефлексии, обусловленной абсолютно разнонаправленными факторами. В свою очередь, технологические императивы в последнее десятилетие все чаще оказываются в качестве доминирующих, практически не давая шансов законодателю в реализации созидательной функции и оставляя ему роль статиста, фиксирующего технологическую реальность. В конечном итоге мы приходим к глобальной неопределенности в правовом регулировании общественных отношений, объясняемой ложной целесообразностью, уже давно вышедшей из под контроля законности.

⁵ Между тем «...право вообще становится менее эффективным, если чаще реализуются санкции в его нормах, чем цели» (Цит. по: Орлов В. Н., Экимов А. И. Цель в норме советского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1968. № 5. С. 22–28). Наличие цели указывает на осмысленность совершаемых любым субъектом правоотношений действий. «...Действование без цели есть бесцельное, бессмысленное действование» (Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Работы К. Маркса за 1842–1844 гг. ; Ф. Энгельса за 1839–1844 гг. // Сочинения : в 30 т. 2-е изд. Москва : Госполитиздат, 1954. Т. 1. С. 258). И именно в средстве реализации цель получает свою определенность (Трубников Н. Н. Отношение цели, средства и результата деятельности человека // Вопросы философии. 1964. № 6. С. 59–68).

Список источников

1. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамоде́рн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья III. Амбивалентность права в контексте биополитической стратегии государства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 1. С. 66–74. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-11012>.
2. Чеговадзе Л. А., Стригунова Д. П. Юридическая природа альтернативного правового регулирования международных коммерческих договоров // Вестник Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя. 2018. № 1. С. 149–152.
3. Папандуполо В. Ф. Дуализм регулирования общественных отношений (правовое и нормативное регулирование) // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 3. С. 7–16. <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-3-7-16>.
4. Зайцева Е. С. Саморегулирование как альтернатива правовому регулированию // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 60–64. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2019-14010>.
5. Попова О. В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования : [монография]. Москва : Канон+, 2021. 352 с.
6. Novotny H., Testa G. Naked genes: reinventing the human in the molecular age. Cambridge, MA : MIT Press, 2010. 144 p.
7. Фукуяма Е. Наше постчеловеческое будущее : Последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левина. Москва : АСТ, 2004. 349 с.
8. Попова О. В. Биотехнологическое конструирование искусственного – естественного: социальный контекст // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 161–171. <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.2.17>.
9. Тищенко П. Д. Биотехнологические предпосылки сексуальной революции XXI века // Человек. 2009. № 6. С. 21–30.
10. *Controversies in the Determination of Death : A White Paper of the President's Council on Bioethics*. Washington, DC : [The President's Council on Bioethics], 2008. 168 p.
11. Курцмен Дж., Гордон Ф. Да сгинет смерть! : Победа над старением и продление человеческой жизни. / пер. с англ. М. Н. Ковалевой. Москва : Мир, 1982. 215 с.
12. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / пер. с итал.: И. Левина, О. Дубицкая, П. Соколов. Москва : Европа, 2012. 189 с.
13. Lizza J. P. Potentiality, irreversibility, and death // The Journal of Medicine and Philosophy. 2005. Vol. 30, № 1. P. 45–64. <https://doi.org/10.1080/03605310590907057>.
14. Попов Д. В. Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2021. 144 с.
15. Бавсун М. В., Попов Д. В. Биополитический бэкграунд уголовной политики // Философия права. 2019. № 4 (91). С. 75–84.
16. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1950. 308 с.
17. Стучка П. Революционная роль права и государства : общее учение о праве. 3-е, пересмотр. и доп. изд. Москва : Издательство Коммунистической академии, 1924. 140 с.
18. Строгович М. С. Теоретические вопросы советской законности // Советское государство и право. 1958. № 4. С. 15–26.
19. Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1976. 142 с.
20. Орлов В. Н., Экимов А. И. Цель в норме советского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1968. № 5. С. 22–28.
21. Трубников Н. Н. Отношение цели, средства и результата деятельности человека // Вопросы философии. 1964. № 6. С. 59–68.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-17-27>

Кодификация права: отдельные проблемные вопросы

Татьяна Валентиновна Власова¹, кандидат юридических наук, доцент

Татьяна Сергеевна Лесовая², кандидат юридических наук

Российский государственный университет правосудия

Москва (117418, ул. Новочеремушкинская, д. 69), Российская Федерация

¹ t_vlasova@list.ru, ² tesovaya@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>, ² <https://orcid.org/0000-0002-5549-9246>

Аннотация:

Введение. Систематизация права как процесс его упорядочивания является постоянной деятельностью, осуществляемой разными субъектами и в различных целях. Юридическая наука и практика выделяют четыре вида систематизации права, среди которых основным, в т. ч. позволяющим, несмотря на наличие иных позиций по данному вопросу характеризовать российскую правовую систему как романо-германскую, выступает кодификация права. В теоретико-правовой и отраслевых науках данный правовой феномен не является малоисследованным. При этом дискуссионными остаются вопросы, касающиеся таких его аспектов, как: понятие, предмет, сущность и результат, которые и подвергаются анализу в настоящей статье. Кроме этого, на основе рассмотрения кодекса как вида одной из форм права, раскрываются его понятие и признаки. Указанные правовые процессы и явления в т. ч. изучаются в связи с развитием правоотношений и их правовых регуляторов в условиях цифровой трансформации в современный период. Авторы статьи анализируют подходы к заявленной проблеме, сложившиеся в отечественной юридической мысли в различные исторические периоды.

Методы. Для получения научного результата авторы используют общеправовой, диалектико-материалистический метод познания, общенаучные (исторический, логический, системный, функциональный), а также частнонаучные (историко-правовой, формально-юридический (догматический), структурно-функциональный) методы.

Результаты. Авторами пришли к следующим выводам: теоретически обоснованным представляется понятие «кодификация права»; предметом кодификации права выступают принципы и нормы права; кодекс как вид одной из форм права на современном этапе одновременно является федеральным законом и кодифицированным видом правового акта, имеющим системообразующий характер, устанавливающим общие и специальные принципы и нормы права; его место в системе правовых актов и иных видов форм права должно быть определено единообразно для всех отраслей российского права; использование цифровых возможностей позволит сделать процесс кодификации права более открытым, демократичным, повысит качество и определенность правовых регуляторов, положительно скажется в дальнейшем на процессе реализации права, при этом цифровые трансформации не изменят форму права, как способ закрепления и внешнего выражения принципов и норм права, возможные изменения произойдут во «внешнем виде» кодекса, а именно способе передачи правовой информации.

Ключевые слова:

кодификация права, кодекс, принципы права, нормы права, систематизация права, правотворчество, правовые акты, цифровизация, Цифровой кодекс

Для цитирования:

Власова Т. В., Лесовая Т. С. Кодификация права: отдельные проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 17–27. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-17-27>.

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 09.01.2025; принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Codification of Law: Selected Problematic Issues

Tatiana V. Vlasova¹, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Tatiana S. Lesovaya², Cand. Sci. (Jurid.)

The Russian State University of Justice

69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation

¹ t_vlasova@list.ru, ² tesovaya@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>, ² <https://orcid.org/0000-0002-5549-9246>

© Власова Т. В., Лесовая Т. С., 2025

Abstract:

Introduction. *The systematisation of law as a process of its arrangement is a continuous activity carried out by various actors and for different purposes. Legal science and practice distinguish four types of systematisation of law. Among them the main one is that of the codification of law that allows characterising the Russian legal system as Romano-Germanic despite the existence of other positions on this issue. In theoretical-legal and branch legal sciences this legal phenomenon is not poorly researched. At the same time, the issues concerning such aspects as: concept, subject, essence and result, which are analysed in this article, remain debatable. In addition, on the basis of consideration of the code as a type of one of the lawforms, its concept and features are revealed. These legal processes and phenomena are also studied in connection with the development of legal relations and their legal regulators in the context of digital transformation in the modern period. The authors of the article analyse the approaches to the stated problem, developed in domestic legal thought in different historical periods.*

Methods. *To obtain a scientific result, the authors use general philosophical dialectical-materialistic cognition method, general scientific (historical, logical, systemic, functional), as well as specific scientific (historical-legal, formal-legal (dogmatic), structural-functional) methods.*

Results. *The authors came to the following conclusions: the concept of "codification of law" is theoretically justified; the subject of codification of law is the principles and norms of law; the code as a type of one of the law forms at the present stage is both a federal law and a codified type of legal act, which has a system-forming character, establishing general and special principles and norms of law; its place in the system of legal acts and other types of law forms should be determined uniformly for all branches of Russian law; the use of digital resources will make the process of codification of law more open, democratic, it will increase the quality and clearness of legal regulators, and will have a positive impact on the process of implementation of law, while digital transformations will not change the form of law as a way of fixing and external expression of principles and norms of law, possible changes will occur in the "exterior" of the code, namely the way legal information is transmitted.*

Keywords:

codification of law, code, principles of law, norms of law, systematisation of law, lawmaking, legal acts, digitisation, digital code

For citation:

Vlasova T. V., Lesovaya T. S. Codification of Law: Selected Problematic Issues // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 17–27. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-17-27>.

The article was submitted June 13, 2024; approved after reviewing January 9, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Динамичное развитие общественной жизни в современный период, изменение форм взаимодействия между субъектами, появление новых технологий в информационной сфере приводят к необходимости совершенствования существующего правового регулирования правоотношений. Это придает актуальность пересмотру действующих и принятию новых правовых регуляторов, а также необходимости их систематизации, в т. ч. кодификации. Значительный объем принципов и норм права, содержащихся в различных формах права, обостряет проблему их согласованности, доступности и реализации, включая правоприменение, создает необходимость постоянной и целенаправленной обработки, упорядочения, сведения в единую систему. Кодификация права позволяет повысить качество и определенность правовых регуляторов, выявить и устранить противоречия и пробелы в различных формах права, создать оптимальные условия для их реализации, а также решить иные проблемы, связанные с действием принципов и норм права.

Проблемы систематизации права, в т. ч. кодификации, не являются малоисследованными, данные вопросы становились предметом научного анализа многих ученых дореволюционного, советского и современного периодов: Е. Н. Трубецкого, А. А. Рождественского, Г. Ф. Шершеневича, С. А. Голунского, М. С. Строговича, Д. А. Керимова, С. С. Алексеева, Н. Н. Вопленко, А. В. Мицкевича, В. А. Рыбакова, С. В. Липеня, Т. Н. Рахманиной, В. М. Баранова и др., но в то же время и в современный период не утрачивают своей теоретической и практической значимости. Труды в т. ч. названных отечественных ученых легли в основу настоящего исследования.

Целью научной работы выступает выявление существенных свойств такого процесса и явления как, соответственно, кодификация права и кодекс, в т. ч. в период цифровой трансформации права, а также их закрепление в признаках, формирующих определения понятий.

Методы

В научной статье с использованием общеправового диалектико-материалистического метода познания, общенаучных методов: исторического, логического, системного, функционального, а также частнонаучных методов: историко-правового, формально-юридического (догматического), структурно-функционального, проведен анализ понятия, предмета, сущности

и результата кодификации права как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе развития юридической мысли, установлена взаимосвязь кодификации права и правотворческого процесса, раскрыты основные свойства кодекса, нашедшие выражение в его признаках.

Результаты

История развития отечественной юридической мысли по проблемам определения понятия кодификации права, ее сущности, предмета и признаков

Систематизация права является, с одной стороны, логическим завершением правотворчества, а с другой – его продолжением, и позволяет создать работающую систему форм права, реализуемых в государстве. Если постоянно не осуществлять упорядочение системы правовых регуляторов, число которых увеличивается быстрыми темпами, в будущем могут возникнуть большие трудности в нахождении и реализации принципов и норм права. Одним из наиболее сложных видов систематизации права является его кодификация, в т. ч. в силу того, что предусматривает обработку значительного объема правовой информации не только с целью ее хронологического, тематического или иного упорядочивания, но и поиска пробелов в различных формах права, коллизий в праве, дефектов права и правотворческих ошибок для дальнейшего их устранения и как результата – повышения качества и определенности права в целом.

Слово «кодификация» (от лат. *codex* – кодекс, и *facere* – делать) означает «собрание законовъ въ систематическомъ порядкъ, въ одинъ сводъ»¹, «систематизация законов государства по отдельным отраслям права, обычно с пересмотром имеющегося и отменой устаревшего законодательства»². Определения, данные в словарях, устанавливают этимологию слова. В целях раскрытия признаков кодификации права и выявления ее сущности полагаем необходимым проанализировать труды ученых, исследовавших данный правовой феномен.

Не отрицая достижений зарубежной правовой мысли, обратимся к концепциям, сформированным в дореволюционный, советский и современный периоды становления отечественной юриспруденции. Выделение указанных этапов формирования российской юридической доктрины позволит показать эволюцию представлений о кодификации права, обусловленную не только развитием права и его форм, результатами постоянного правового мониторинга, но и появлением новых видов систематизации права, их видоизменениями, установлением характеризующих их признаков, в т. ч., например, позволяющих разграничивать кодификацию и инкорпорацию права.

В дореволюционный период вопросы кодификации права исследовались не только представителями теоретических (Е. Н. Трубецким, А. А. Рождественским, Г. Ф. Шершеневичем, Н. К. Ренненкампфом, Н. М. Коркуновым и др.), но и отраслевых (Д. И. Азаревичем, А. Х. Гольмстенем, Ф. Ф. Мартенсом и др.) юридических наук.

Например, сравнивая два вида систематизации права, кодификацию и инкорпорацию, Е. Трубецкой пишет: «Под кодификацией разумеется такая обработка действующего права, которая не ограничивается приведением его в порядок, но вносит в него внутреннюю связь и единство»³. Ученый выделяет следующие признаки рассматриваемого вида систематизации права: объединяется все законодательство или его часть; сборники, в которые законы собраны и переработаны в соответствии с определенными началами, являются логически цельными, внутренне связанными и едиными. При этом Е. Трубецкой, рассматривая закон как правовую норму, установленную высшим авторитетом, не дает определенного ответа на вопрос, что объединяется – законы или нормы: «Кодификатор не ограничивается собранием действующих законов: из целой массы действующих законов он должен сделать выбор <...> с одной стороны, отбросить часть старых норм, с другой – создать целый ряд новых»⁴ [1, с. 126].

А. Рождественский рассматривает кодификацию в широком и узком смысле. В широком смысле ученый включает в нее в качестве одной из операций инкорпорацию, а в узком или собственном смысле этого слова раскрывает ее как приведение статей закона к внутреннему единству «посредством подчинения тем или другим руководящим юридическим принципам»⁵

¹ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / сост. под ред. А. Н. Чудинова. Санкт-Петербург : Издание книгопродавца В. И. Губинского, 1894. С. 397.

² Петрова Ф. Н. Словарь иностранных слов. Москва : Сирин, 1996. С. 233.

³ Трубецкой Е. Энциклопедия права. Москва : Товарищество «Типографии А. И. Мамонтова», 1917. С. 126.

⁴ Там же.

⁵ Рождественский А. Основы общей теории права : Основы общей теории права : Курс лекций, чит. на Высш. жен. юрид. курсах в Москве. Москва : В. С. Спиридонов, 1912. С. 46.

[2, с. 46], отмечая при этом, что потребность в кодификации в целом связана с появляющимися затруднениями в применении законодательного материала и возможными противоречиями в законоположениях. Признаками кодификации в узком смысле этого слова выступают: объединение статей закона; появление их внутреннего единства; группирование на основе руководящих юридических принципов; «многое из прежнего может быть отброшено, еще большее – изменено и создано вновь»⁶.

Значительное внимание кодификации уделил Г. Ф. Шершеневич. Отмечая ее положительные черты, ученый писал: «Кодификация состоит в переработке законодательства, направленной к приведению действующих законов в систему, с согласованием их содержания с потребностями времени и с согласованием их друг с другом на начале единства принципов, положенных в основу» [1, с. 368].

Таким образом, можно отметить, что на данном этапе в основном рассматривались такие виды систематизации, как кодификация и инкорпорация. Ученые дореволюционного периода понимали кодификацию права как основанное на единых принципах объединение «статей законов», «законов», «законодательства или его части», формирующее их согласованную общность и взаимосвязи.

В советский период развития юридической науки проблемы систематизации права не теряли своей актуальности. Так, например, С. А. Голунский и М. С. Строгович отмечали, что кодификацией называется «такая систематизация законов, которая связана с переработкой их по существу на основе единых принципов»⁷. При этом результатом указанного вида систематизации авторы называли исключительно кодекс.

Интерес представляет точка зрения Д. А. Керимова, который относил кодификацию к высшему виду систематизации и в то же время отмечал, что она «является тем же самым законотворчеством», однако «в отличие от текущего законотворчества, создающего отдельные законодательные акты по тем или иным проблемам, кодификация упорядочивает значительную часть уже существующего и действующего законодательства, как правило, его изменяя, дополняя и преобразуя»⁸.

С. С. Алексеев рассматривал кодификацию в связи с нормативными юридическими актами как элементами механизма правового регулирования, отмечая, что осуществляется она в ходе правотворчества, а результатом выступают единые сводные нормативные акты [2, с. 122].

А. С. Пиголкин и И. С. Самощенко определяли кодификацию как процесс переработки действующего законодательства и создания сводных актов, вбирающих проверенные и оправдывающие себя прежние нормативные предписания [3, с. 21], а С. Л. Зивс характеризовал ее как переплав «крупного блока действующих норм» [4, с. 194].

Раскрывая особенности систематизации «нормативно-правовых актов» министерств СССР, Н. Н. Захарова писала: «Кодификация – вид систематизации, который характеризуется качественной переработкой действующих правовых норм, устранением несогласованностей и противоречий правового регулирования, восполнением пробелов и отменой устаревших норм»⁹.

Таким образом, в рассматриваемый период развития научной мысли кодификация права чаще всего изучалась как вид систематизации права. При этом отдельные ученые предлагали и более широкий подход, при котором она рассматривалась как элемент механизма правового регулирования. Кроме этого, отмечалось, что кодификация состоит в переработке действующих «законодательных актов», «нормативных актов», «норм права» и создании нового сводного акта, способствует частичному или полному изменению норм права, регулирующих общественные отношения.

В постсоветский и современный периоды проблемы кодификации права продолжают исследоваться как в теории права, так и в рамках отраслевых юридических наук.

А. В. Мицкевич, рассматривая особенности кодификации законодательства, отмечал, что она осуществляется непосредственно в процессе правотворчества, а, соответственно, именно в нем следует искать ее место и определять значение. В то же время ученый не отрицал «систематизаторские характеристики» кодификации [5, с. 145].

Интерес представляет точка зрения В. А. Рыбакова, рассматривающего кодификацию во взаимосвязи с преемственностью права как одну из форм (видов) последнего (кодификационную

⁶ Рождественский А. Указ. соч.

⁷ Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. Москва : Юриздат, 1940. С. 186.

⁸ Керимов Д. А. Законодательная техника : научно-методическое и учебное пособие. Репр. изд. Москва : Норма, 2023. С. 84.

⁹ Захарова Н. Н. Систематизация нормативно-правовых актов министерств СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1990. С. 6.

преемственность). В такой взаимосвязи рассматриваемое явление в недостаточной степени исследовано в науке, несмотря на то, что кодификация права и преемственность права связаны с развитием права, предполагают накопление действующего правового материала; реализуются одновременно [6, с. 43].

В определении, сформулированном А. Н. Чашиным, прослеживается, на наш взгляд, классическая дефиниция кодификации, выработанная с точки зрения юридического позитивизма. Так, ученый традиционно рассматривает данный процесс как вид систематизации законодательства, связанный с деятельностью «нормотворческих органов», внутренней и внешней обработкой «нормативных правовых актов» и выработкой нового путем изменения «норм права»¹⁰.

Ю. М. Горячковская и В. А. Исаенко отмечают, что в процессе кодификации часть осуществляемой работы остается за пределами правотворчества, в связи с чем полагают, что не совсем корректно уравнивать два этих вида юридической деятельности. Авторы пишут, что «...кодификация законодательства представляет собой деятельность по коренной переработке нормативного материала, в ходе которой создается новый, системообразующий (для отрасли или подотрасли права) нормативный акт» [7, с. 48].

С. В. Липень предлагает рассматривать кодификацию как основную, главную, принципиальную часть, основную разновидность правотворчества, а не только форму систематизации законодательства, «использовать аспекты теории систематизации законодательства для развития теории правотворчества, уточнения ее научных положений и усиления научных позиций» [8, с. 139].

М. А. Колыванцева, поддерживая выводы А. В. Малько и В. В. Субочева, обращает внимание на то, что кодификацию можно рассматривать не только с точки зрения системообразующего и правотворческого процесса, но и как юридико-техническое средство создания особой формы права [9, с. 299].

Представители отраслевых наук вслед за многими теоретиками права рассматривают кодификацию права в рамках правотворческого процесса, направленного на пересмотр «норм права», регулирующих определенный круг общественных отношений, завершением которого становится принятие единого «законодательного акта»¹¹.

Таким образом, в рассматриваемый период при изучении кодификации права ученые продолжают анализировать установленные на предыдущих этапах формирования юридической мысли признаки, но в то же время отмечают ее новые взаимосвязи с другими правовыми процессами и явлениями, в т. ч. влияние данного вида систематизации права на развитие правотворчества, юридической техники, права в целом.

На основе проведенного исследования отечественной правовой мысли по проблемам кодификации права можно сделать следующие промежуточные выводы.

Во-первых, в дореволюционный, советский и современный периоды отмечается неоднозначность в определении понятия и сущности кодификации права. В дореволюционный период кодификация права в основном рассматривалась в контексте систематизации права, во взаимосвязи с инкорпорацией, а именно «обработкой», «переработкой» «законодательства», «законов», его статей. Советский период также характеризуется изучением кодификации чаще всего в рамках систематизации права. Отдельные авторы отмечают и ее связь с правотворчеством, механизмом правового регулирования. В постсоветский и современный периоды исследования кодификации права отечественные ученые продолжили изучение раннее установленных ее связей с систематизацией права и правотворчеством. При этом они анализируют и иные аспекты, демонстрирующие углубление научного знания в исследуемой области.

Во-вторых, сущность кодификации права одновременно может исследоваться в связи с систематизацией права и правотворческой деятельностью, в ходе которой создается упорядоченный, определенный вид одной из форм права. При этом уравнивать кодификацию права только с процессом принятия нового правового акта дискуSSIONно, т. к. правотворческий процесс является частью правотворческой деятельности, цель которой состоит в преобразовании права, придании ему большей степени определенности, непротиворечивости, беспробельности и пр.

В-третьих, в теории права и отраслевых юридических науках не сложилось единообразного понимания предмета кодификации права. Ученые предлагают рассматривать в качестве последнего законодательство, нормы права, правовые предписания, нормативные правовые акты,

¹⁰ Чашин А. Н. Кодификация в сфере российского законодательства: теория, история и перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. С. 8.

¹¹ Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. С. 7 ; Васильева Ю. В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: теоретические и практические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2010. С. 15.

их статьи. Однако теоретически более обоснованным представляется вывод о том, что упорядочению в процессе кодификации права подлежат принципы права и нормы права. Так, например, термин «законодательство» в отечественной науке рассматривается неоднозначно. В узком смысле законодательство ограничивается законами, а в широком охватывает нормативные правовые акты. На наш взгляд, теоретически более обоснованным является понятие «правовой акт», а не «нормативный правовой акт», поскольку данный вид формы права объективирует не только нормы права, но и принципы права, являющиеся самостоятельными правовыми регуляторами. Систему форм российского права наряду с правовыми актами (законами и подзаконными правовыми актами) составляют также правовые договоры и правовые обычаи. В связи с этим считаем, что принципы и нормы права, содержащиеся, например, в правовых договорах, также могут быть в будущем кодифицированы. Исходя из этого полагаем, что систематизируется в процессе осуществления кодификации не законодательство (пусть даже в широком смысле этого слова), а право, содержащиеся в нем правовые регуляторы. В связи с этим теоретически обоснованным представляется понятие «кодификация права».

В-четвертых, проанализировав определения, выработанные в юридической науке в различные периоды ее развития, можно выделить следующие основные признаки кодификации права:

1) одновременно является видом систематизации права, а также, с одной стороны, логическим завершением правотворчества, а с другой – его продолжением;

2) имеет взаимосвязь с конкретизацией права, поскольку принципы и нормы права при ее осуществлении вырабатываются на основе общих, менее определенных правовых регуляторов, содержащихся в правовых актах и иных видах форм права, обладающих, прежде всего, более высокой юридической силой и реализуемых в государстве;

3) осуществляется, когда сформированы устойчивые правовые регуляторы, значительный объем и разрозненность которых приводит к неопределенности в праве и порождает необходимость его унифицировать;

4) упорядочение происходит на основе общих и специальных принципов права, которые выступают систематизирующим основанием для выработки новых общих и специальных норм права в различных отраслях и институтах права;

5) систематизированные принципы и нормы права характеризуются внутренним единством, согласованностью, длительностью существования и позволяют повысить степень определенности права;

6) в результате появляется новый единый правовой акт или иной вид формы права, которые закрепляют принципы и нормы права, устанавливающие основы правового регулирования объективно нуждающихся в этом общественных отношений в той или иной сфере;

7) способствует устранению пробелов в различных формах права, коллизий в праве, дефектов права, правотворческих ошибок и повышению качества и определенности права в целом.

Кодекс как вид одной из форм права и результат кодификации права

В системе форм права, реализуемых в нашем государстве, традиционно центральное место занимают кодифицированные правовые акты. В большинстве случаев они характеризуются большим объемом, сложной структурой, внутренней согласованностью и высоким уровнем обобщенности принципов и норм права. Одним из основных признаков таких правовых актов можно назвать системообразующий характер содержащихся в них правовых регуляторов для отраслей, подотраслей и институтов российского права.

Названные правовые акты чаще всего рассматриваются в юридической литературе как результат кодификации права. Ученые анализируют следующие их виды: конституции, уставы, основы законодательства, кодексы (отраслевые, комплексные), сводные федеральные законы (кодифицированные), положения, правила, инструкции и др. [5, с. 143, 147–153; 10, с. 76; 11, с. 6; 17, с. 16]. Из перечисленного именно кодекс является наиболее практически востребованным видом правового акта, образующим основу правореализационной, в т. ч. правоприменительной, и интерпретационной деятельности. Как справедливо отмечает А. Н. Чашин, проводивший исследование кодификации с использованием в т. ч. социологического метода, результат кодификации является наиболее доступной для граждан формой восприятия правовой информации, в отличие от некодифицированных нормативных правовых актов¹².

С точки зрения этимологии «кодекс» – «первоначально деревянная, покрытая воском дощечка, служившая у римлян для изображения писем; позднее рукопись в форме книги (а не свитка). Теперь преимущественно обозначает систематизированное собрание законов, составленное путем кодификации...»¹³.

¹² Чашин А. Н. Указ соч. С. 8.

¹³ Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о» = Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат» / под ред. В. Я. Железнова, М. М. Ковалевского [и др.] : Т. 1–58. 7-е перераб. изд. Москва : Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К^о», [1936]. Т. 24: Кауфман – Кондаков. С. 413.

В современный период развития юридической науки, например, М. С. Студеникина отмечает, что «в доктрине права сложилось традиционное понимание кодекса как закона сводного характера, обеспечивающего единообразное регулирование и содержащего в систематизированном виде всю или основную массу норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений» [5, с. 106].

Интересной представляется дефиниция кодекса, содержащаяся в Энциклопедическом справочнике на официальном сайте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, которая определяет его как кодифицированный федеральный закон, «который на основе общих принципов права объединяет правовые нормы, регулирующие ту или иную отдельную сферу, область, группу общественных отношений (Уголовный кодекс Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации и др.). В форме кодексов обычно принимаются федеральные законы, содержащие нормы, комплексно регулирующие большие группы наиболее важных сфер отношений»¹⁴.

Поддерживая необходимость разграничения понятий «источник права» и «форма права», понимая под последним способ его внешнего выражения, полагаем дискуссионной позицию Т. Н. Рахманиной, рассматривающей кодекс как источник права, оптимально воплощающий типичные свойства кодификации [12, с. 95]. Представляется, что кодекс – это не источник права, а вид одной из форм российского права.

Характеризуя кодекс, ученые выделяют его признаки. При этом, например, Ю. А. Тихомиров проводит его разграничение с иными правовыми актами [13, с. 38], а В. В. Кожевников в свою очередь пишет об отличительных от закона признаках кодекса [14, с. 11].

В научной литературе часто рассматриваются вопросы о «положении кодекса в иерархии источников права», «о соотношении кодекса с другими законами» [12, с. 95, 96; 23, с. 11; 15, с. 32–33]. Так, А. В. Мицкевич писал, что, с одной стороны, кодексы «выступают... юридически приоритетными», с другой стороны – не обладают «по отношению к другим федеральным законам более высокой юридической силой...» [5, с. 148, 149]. Ю. А. Тихомиров считает: «Целесообразно поэтому в федеральном законе о нормативных правовых актах установить принцип соответствия кодексу других нормативных правовых актов в части регулирования общественных отношений, входящих в сферу действия данного кодекса» [13, с. 42]. Поддерживая схожую позицию, например, Т. Н. Рахманина также отмечает, что следует «признать необходимость наделения кодексов более высокой юридической силой по отношению к обычным федеральным законам» [12, с. 96] и определить их место «в иерархии источников права между федеральными конституционными и федеральными законами» [16, с. 34]. В свою очередь В. В. Ершов пишет о необходимости принятия кодексов в качестве федеральных конституционных законов [17, с. 444].

При рассмотрении данного вопроса нельзя не отметить, что отдельные кодексы, действующие в настоящее время в Российской Федерации, предусматривают приоритет над другими правовыми актами, в т. ч. федеральными законами, принципы и нормы права, содержащиеся в которых, воздействуют на правоотношения, входящие в соответствующий предмет правового регулирования отрасли, подотрасли или института права. Например, это закреплено в ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁵, хотя в определениях Конституционного Суда Российской Федерации неоднократно отмечалось, что «Ни один федеральный закон в силу статьи 76 Конституции Российской Федерации не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой»¹⁶.

На основе изложенного можно сделать следующие промежуточные выводы.

Во-первых, кодекс одновременно является видом одной из форм права и результатом кодификации права.

Во-вторых, кодекс – вид федерального закона, устанавливающий общие и специальные принципы и нормы права, регулирующие правоотношения, входящие в предмет правового регулирования соответствующих отраслей, подотраслей и институтов права.

¹⁴ Энциклопедический справочник // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/9550/> (дата обращения: 11.04.2024).

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁶ См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2000 г. № 22-О «По запросу Питкярантского городского суда Республики Карелия о проверке конституционности статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (далее – СПС). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26561/?ysclid=m5v0xohexzm399887662 (дата обращения: 11.04.2024); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1999 г. № 182-О «По запросу Арбитражного суда города Москвы о проверке конституционности пунктов 1 и 4 части четвертой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25670/?ysclid=m5v10rr04h790950239 (дата обращения: 11.04.2024).

В-третьих, к основным признакам кодекса можно отнести следующие:

1) является видом одной из форм права, а именно – видом федерального закона;
2) выступает результатом кодификации права;
3) устанавливает общие и специальные принципы и нормы права, регулирующие правоотношения, входящие в предмет правового регулирования соответствующих отраслей, подотраслей и институтов права;

4) вносит изменения в правовое регулирование объективно нуждающихся в этом общественных отношений в той или иной сфере, обусловленные их развитием и необходимостью создания единой согласованной системы правовых регуляторов, способствует их унификации, повышает качество и определенность права в целом;

5) формирует основу для принятия специальных правовых регуляторов, находящих внешнее выражение в некодифицированных федеральных законах, иных правовых актах, а также видах форм права;

6) может содержать новые правовые регуляторы, принимаемые в процессе соответствующего вида правотворчества, а также принципы и нормы права, выработанные в процессе конкретизации права.

В-четвертых, неопределенность соотношения кодекса с иными федеральными законами вызывает различные проблемы, например, при разрешении коллизий принципов и (или) норм права. Поскольку правовые регуляторы, содержащиеся в кодифицированных и некодифицированных видах правовых актов, имеют равную юридическую силу, то правило разрешения содержательных коллизий предписывает обращение к специальным правовым регуляторам. Между тем в действующих кодексах Российской Федерации, как правило, закрепляется приоритет нашедших в них внешнее выражение принципов и норм права над правовыми регуляторами, содержащимися в иных федеральных законах. С одной стороны, следует поддержать ранее проанализированные выводы ученых о придании кодексам большей юридической силы и закреплении их особого статуса по сравнению с иными федеральными законами. С другой стороны, ввиду отсутствия специального закона о формах права, устанавливающего место кодекса в системе правовых актов и иных видов форм права представляется, что в настоящий период следует сохранить практику, выработанную законодательными органами, устанавливающую их приоритет перед иными федеральными законами, в т. ч. в силу их общего и системообразующего характера.

Кодификация права в эпоху развития информационных технологий

В свете рассмотренного ранее в данной научной статье нельзя обойти вниманием еще одну актуальную в настоящий период проблему – кодификацию права в условиях цифровизации. Цифровизация, несомненно, затронула все сферы жизнедеятельности общества, в т. ч. и право. Ученые обращают внимание на появление новых принципов и норм права, формирующих соответствующие институты права. Принимаются правовые акты, упорядочивающие цифровые правоотношения. Количество их возрастает с каждым днем. Как справедливо отмечает Д. И. Провалинский, «безусловно, цифровизация и цифровые технологии способны формировать и изменять поведение человека, устанавливать новые нормы и формы социальных отношений, влиять на процесс создания цифрового права и правосознания личности» [18, с. 83].

На повестку дня выносятся вопросы о принятии цифрового кодекса, появлении в перспективе электронного нормативного правового акта и др. [19; 20]. Среди проблем, обсуждаемых учеными, выделяется и вопрос о кодификации права. При этом, как правило, обсуждается не кодификация права как таковая, а принятие Цифрового / Информационного кодекса Российской Федерации, а также в целом вопросы систематизации [21–23].

Происходящие процессы цифровизации пока не привели к изменениям в доктринальных положениях, сохраняется сложившийся понятийно-категориальный аппарат юридической науки – не претерпело значительных изменений само понимание кодификации права: в период с начала XX века по сегодняшний день было сформулировано ее определение, выделены признаки, исследованы результаты. Основы теории кодификации в общем и целом остаются прежними.

Представляется, что в условиях цифровой трансформации пересмотру может быть подвергнут процесс кодификации права. Еще в 2010 году В. Д. Зорькин писал: «Характерной чертой современных глобальных процессов являются новые информационные технологии. Они оказывают решающее влияние и на технологию кодификации. <...> Очевидно, традиционные «бумажные» технологии в обозримой перспективе не исчезнут. Останутся и созданные с их помощью эталонные образцы. Тем не менее, технологическая основа современной систематизации и кодификации законодательства – это сетевые базы данных, интернет-технологии, глобальная информационная инфраструктура» [24].

Как уже ранее было отмечено, кодификацию права можно рассматривать как вид правотворческой деятельности. Необходимость ее проведения по-прежнему будет обусловлена наличием объективных причин, в частности, значительным объемом правовых регуляторов, содержащихся в различных видах форм права, наличием в них возможных противоречий, пробелов и т. д. И это не будет отличать кодификацию в цифровую эпоху от предыдущих периодов развития права. На современном этапе совершенствование инкорпорации и учета в условиях развития информационных технологий уже позволяет быстрее выявлять несогласованности между правовыми регуляторами и правовую неурегулированность объективно нуждающихся в этом видов общественных отношений. Представляется, что в будущем создание специальных цифровых поисковых программ и алгоритмов для обнаружения, например, коллидирующих принципов и (или) норм права, выраженных в различных видах форм права, а также пробелов, сможет еще больше повысить эффективность правотворчества, ускорить процесс кодификации права, исключить субъективный фактор при обработке правовых регуляторов, сократить число правотворческих ошибок.

Изменения могут произойти и в самом правотворческом процессе, в рамках которого осуществляется кодификация права. Как отмечают Д. А. Пашенцев и Д. Р. Алимова, «в будущем практически любой член общества, имеющий смартфон или компьютер, может внести свой вклад в законотворческий процесс. <...> Результатом станет создание текста, в максимальной степени отвечающего интересам широких слоев общества» [34, с. 104]. При этом Д. А. Пашенцев дискуссионно отмечает: «Наметилась тенденция к появлению новой формы права в виде электронного нормативного акта» [19, с. 8]. На наш взгляд, «электронный нормативный акт» – не новая форма права, а лишь иной способ передачи правовой информации.

Подводя промежуточные итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на возможные изменения в правотворческом процессе, кодификация права как вид его систематизации сохранит свой статус. При этом использование цифровых возможностей (например, поиска и обработки информации о наличии противоречий и пробелов в праве, электронного обсуждения проектов правовых актов и иных видов форм права, внесения продолжений в них и пр.) сделает данный процесс более открытым, демократичным, повысит качество правовых регуляторов, что положительно скажется в дальнейшем на процессе реализации права.

Во-вторых, считаем, что в процессе цифровизации изменится не вид формы права, а только ее оформление. Сам вид формы права как способ закрепления и внешнего выражения принципов и норм права сохранится.

В-третьих, на данный момент активная реализация прав и обязанностей субъектов, участвующих в цифровых правоотношениях, свидетельствует об их фактической сформированности, но правовое регулирование данных правоотношений в настоящее время находится на переходном этапе – от становления к дальнейшему развитию. В то же время цифровые правоотношения регулируются принципами и нормами права, относящимися к различным институтам права и не имеют однозначной отраслевой принадлежности. Это приводит к невозможности формирования общих, а также специальных принципов и норм права, закрепляющих предмет, основы регулирования таких правоотношений, понятийный аппарат, способы защиты и пр. Цифровые правоотношения стирают грани между публичным и частным правом, что еще более затрудняет их упорядочивание. На этом фоне быстрое принятие Цифрового кодекса Российской Федерации лишь добавит практических проблем, основой которых станет разноплановость цифровых правоотношений. Представляется, исходя из регламентации развивающихся цифровых правоотношений путем внесения изменений и дополнений в действующие правовые акты, что постепенное накопление правореализационной, правоприменительной, правоинтерпретационной практики и выявление проблем в правовом регулировании создаст основу для упорядочивания правовых регуляторов, действующих в этой сфере, в т. ч. путем кодификации права. Кроме этого, например, в решении, принятом на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, отмечается преждевременность осуществления кодификации в данной сфере, необходимость упорядочения таких правоотношений путем принятия специальных федеральных законов, отсутствие предпосылок для принятия в России Цифрового кодекса¹⁷.

¹⁷ Решение о возможности разработки Цифрового кодекса Российской Федерации (принято на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 01.12.2023 г. № 235-1/2023) // СПС Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=242045&ysclid=m5v1605rkkx505238323#WT2OIZUGf7K7m29R1> (дата обращения: 11.04.2024). Документ опубликован не был.

3 **З**аключение

Исходя из анализа отечественной юридической литературы различных временных этапов можно отметить, что кодификация права неоднократно выступала предметом научных исследований в дореволюционный, советский и современный периоды. Проведенный анализ свидетельствует о том, что упорядочению в процессе ее осуществления подлежат принципы и нормы права. В этой связи теоретически дискуссионным является понятие «кодификация законодательства», более обоснованным представляется понятие «кодификации права». Кодекс как вид одной из форм права на современном этапе одновременно является федеральным законом и кодифицированным видом правового акта, имеющим системообразующий характер, устанавливающим общие и специальные принципы и нормы права, регулирующим правоотношения, входящие в предмет правового регулирования соответствующих отраслей, подотраслей и институтов права. Он не только вносит изменения в правовое регулирование и способствует унифицированию, приведению в согласованную систему правовых регуляторов, повышению степени определенности права, но и формирует основу для принятия специальных правовых регуляторов (специальных принципов и норм права); может содержать как новые принципы и нормы права, так и выработанные в процессе конкретизации права.

Представляется, что место кодекса в системе правовых актов должно быть определено единообразно для всех отраслей российского права – следует сохранить практику, выработанную законодательными органами, устанавливающую их приоритет перед иными федеральными законами, в т. ч. в силу их общего и системообразующего характера.

Несмотря на возможные изменения в правотворчестве, связанные с цифровизацией, кодификация права как вид его систематизации сохранит свой статус. При этом использование цифровых возможностей позволит сделать данный процесс более открытым, демократичным, повысит качество правовых регуляторов, положительно скажется в дальнейшем на процессе реализации права. Цифровые трансформации не изменят форму права как способ закрепления и внешнего выражения принципов и норм права, возможные изменения произойдут во «внешнем виде» кодекса, а именно способе передачи правовой информации. Кроме этого, представляется, что принятие Цифрового кодекса в настоящий момент будет преждевременным, поскольку лишь добавит практических проблем, основой для которых станет разноплановость цифровых правоотношений.

Список источников

1. Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. / вступ. слово, [сост.]: П. В. Крашенинников. Москва : Статут, 2016. Т. 4: Общая теория права. 752 с.
2. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Москва : Юридическая литература, 1966. 187 с.
3. Пиголкин А. С., Самощенко И. С. Совершенствование советского законодательства и юридическая наука // Советское государство и право. 1977. № 3. С. 17–24.
4. Зявс С. Л. Источники права. Москва : Наука, 1981. 239 с.
5. Систематизация законодательства в Российской Федерации : Научное издание / Пиголкин А. С., Студеникина М. С., Мицкевич А. В. [и др.] ; под ред. А. С. Пиголкина. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 380 с.
6. Рыбаков В. А. Преемственность в праве и кодификация права // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 42–48.
7. Горячкова Ю. М., Исаенко В. А. Кодификация в системе форм систематизации законодательства // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8 (224). С. 47–51. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_8_47.
8. Липень С. В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 2 (183). С. 132–147. <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.132-147>.
9. Колыванцева М. А. Кодификация российского законодательства в условиях модернизации социально-экономической, политической и культурной деятельности // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 298–301.
10. Малышева И. В. Единство правотворчества и систематизации законодательства : монография. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2020. 96 с.
11. Числов А. И., Карнаухова Е. В. К вопросу о кодификации локальных нормативных правовых актов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 2 (12). С. 4–16.
12. Рахманина Т. Н. Кодификация и системное развитие права / Кодификация законодательства : теория, практика, техника : материалы Международной научно-практической конференции, г. Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г. / под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2009. С. 91–100.
13. Тихомиров Ю. А. Теория кодекса / Кодификация законодательства : теория, практика, техника : материалы Международной научно-практической конференции, г. Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г. / под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2009. С. 38–45.
14. Кожевников В. В. Кодекс как продукт систематизации нормативно-правовых актов в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2023. № 9 (225). С. 11–12. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_9_11.
15. Абрамова А. И. Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития // Журнал российского права. 2016. № 12 (240). С. 27–38.

16. Рахманина Т. Н. Актуальные вопросы кодификации российского законодательства // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 30–39.
17. Еришов В. В. Регулирование правоотношений : монография. Москва : РГУП, 2020. 562 с.
18. Провалинский Д. И. Правоотношения в условиях цифрового пространства // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 81–84. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_12_81.
19. Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права // Право и образование. 2019. № 7. С. 4–9.
20. Николаев А. И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 4. С. 44–48. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2019.36.4.05>.
21. Затулина Т. Н. Цифровой рубль и цифровая валюта как инновационные инструменты современной финансовой политики // Финансовое право. 2023. № 8. С. 5–8. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2023-8-5-8>.
22. Бачило И. Л. О подходах к систематизации и кодификации информационного законодательства / Систематизация и кодификация информационного законодательства : сборник научных работ / отв. ред. И. Л. Бачило. Москва : Канон+, 2015. С. 7–11.
23. Полякова Т. А., Троян Н. А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2. С. 25–33. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.102.2.025-033>.
24. Зорькин В. Д. Концептуальные основы кодификации российского законодательства : Тезисы доклада на Международных правовых чтениях им. М. М. Сперанского «Кодификация российского законодательства», г. Санкт-Петербург, 1 октября 2010 г. // Конституционный Суд Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=38> (дата обращения 31.03.2024).
25. Пашенцев Д. А., Алимова Д. Р. Новації правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 102–106. <https://doi.org/10.31857/S013207690005265-3>.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 340.1
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-28-38>

Соборность как характеристика правовой культуры современного общества

Ирина Андреевна Демидова, кандидат юридических наук, доцент

Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Могилев (212011, ул. Крупской, д. 67), Республика Беларусь
demidova-irina00@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4863-8455>

Аннотация:

Введение. Трансляция посредством права системы общественных ценностей, запрос на эффективное функционирование правовых учреждений, потребность в правовой коммуникации в рамках отдельного общества и мирового сообщества обуславливают требование сформированности правовой культуры. Актуальной научной задачей является выработка критериев оценки правовой культуры современного общества. Социальная природа права предполагает обращение к вопросам духовно-культурного становления социума. Представленный подход исходит из признания национального характера права как социального регулятора общественных отношений, выделения в качестве фактора идентификации национальной правовой системы исторически сформированных типов системы социального регулирования. Характеристика социальной и правовой реальности позволяет выявить особенности функционирования права в рамках национального культурного пространства, обозначить качественные параметры правовой культуры общества.

Методы: использованы всеобщий диалектический метод и метод восхождения от абстрактного к конкретному; общенаучные логические методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, а также социологический метод; специальные методы правовых исследований – формально-юридический и историко-правовой.

Результаты. Обозначены направления исследований соборности в юридическом дискурсе. Выделены проблемные аспекты в обсуждении проблематики соборности, которые определяются трансформациями социальной реальности. Подлежат учету новые подходы к пониманию права, изменения правовой реальности и наличные деформации правового сознания. Значение соборности при характеристике правовой культуры устанавливается исходя из широкого понимания права как единства формализованного права, правового сознания и правовых отношений. Обосновано положение о роли соборности в характеристике правового культурного развития белорусского общества. На уровне личности соборность проявляется в ментальных характеристиках белорусов. В общественной сфере в исторической проекции и в условиях современности соборность характеризуется правовой традицией функционирования института народного представительства.

Ключевые слова:

правовая культура, соборность, социальная реальность, правовая реальность, правовое культурное пространство, общественные ценности, правовая традиция, правовая коммуникация, правовая жизнь

Для цитирования:

Демидова И. А. Соборность как характеристика правовой культуры современного общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 28–38. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-28-38>.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024;
одобрена после рецензирования 02.01.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Collegiality as a characteristic of legal culture of modern society

Irina A. Demidova, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus
67, Krupskoy str., Mogilev, 212011, Republic of Belarus
demidova-irina00@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4863-8455>

© Демидова И. А., 2025

Abstract:

Introduction. Transmission of the system of social values through law, the demand for the effective functioning of legal institutions, the need for legal communication in a particular society and the global community determine the requirement for the development of legal culture. The main scientific goal is to develop criteria for evaluation of legal culture of modern society. The social nature of law involves the issues of spiritual and cultural development of society. The presented approach is predicated on the recognition of the national character of law as a social regulator of social relations, and the allocation of historically formed types of social regulation system as a factor in the identification of the national legal system. The description of social and legal reality helps to discern the peculiarities of law functioning within the national cultural space, and to ascertain the qualitative parameters of legal culture in society.

Methods. The universal dialectical method and the method of ascending from the abstract to the concrete; general scientific logical methods of analysis, synthesis, comparison, generalisation, as well as the sociological method; and special methods of legal research – formal-legal and historical-legal.

Results. The directions of research on collegiality in legal discourse are outlined. It also highlights some problematic aspects in discussing the issues of collegiality, which are determined by changes in social reality. New approaches to the understanding of law, changes in legal reality and current deformations of legal awareness are considered. The importance of collegiality for the description of legal culture is established on the basis of a broad understanding of law as a unity of formalised law, legal awareness and legal relations. The position on the role of collegiality in description of the development of legal culture in Belarusian society is substantiated. At the individual level, collegiality is manifested in the mental characteristics of Belarusians. In the public sphere, in the historical perspective and in the modern conditions, collegiality is characterised by the legal tradition of the functioning of the institute of people's representation.

Keywords:

legal culture, collegiality, social reality, legal reality, legal cultural space, social values, legal tradition, legal communication, legal life

For citation:

Demidova I. A. Collegiality as a characteristic of legal culture of modern society // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 28–38. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-28-38>.

The article was submitted November 11, 2024; approved after reviewing January 2, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Обращение к анализу соборности при характеристике правовой культуры в контексте цивилизационных особенностей правового функционирования социума определяется необходимостью научной проработки вопросов, касающихся оценки состояния правовой культуры современного общества.

В установлении роли соборности с позиций отличительных качеств национальной правовой традиции и уровня правовой культуры общества следует исходить из этимологии термина «соборность», который рассматривается как духовная общность многих совместно живущих людей¹. В данном случае единство общества характеризуется с позиций христианской веры. При этом допускается и более широкая трактовка соборности. Происхождение термина «соборность» от термина «собор», одно из значений которого – собор, съезд², позволяет рассматривать соборность как принцип совместного обсуждения и решения важнейших общенациональных вопросов на соборе, понимаемом в светском смысле как собрание народных представителей. И в первом, и во втором случае соборность определяет специфику формирования и функционирования социальной реальности, характер социального взаимодействия в различных ее проявлениях – как духовно-культурном, так и политико-правовом. Интегративная роль соборности в правовой сфере заключается в единении общества на основе принятия ценности и универсальности права как социального регулятора. Это находит отражение в национальной правовой традиции, которая характеризует общественную правовую культуру и определяет специфику правовой жизни общества.

Сущностные признаки соборности в качестве фактора духовной жизни общества выступают предметом изучения прежде всего социальной философии. В данном контексте следует отметить ряд кандидатских работ российских авторов³. В научных исследованиях соборность

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва : А ТЕМП, 2006. С. 741.

² Там же.

³ Анисин А. Л. Основания и пути становления идеи соборности в русской духовной жизни : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 1997. 19 с. ; Барсуков Г. В. Феномен соборности: онтологические и гносеологические аспекты : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2013. 23 с. ; Евреева О. А. Идея соборности: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2006. 23 с. ; Кузнецов А. Ю. Философия соборности как обоснование концепций российской идентичности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1999. 21 с. ; Киреев В. К. Феномен соборности и его роль в социокультурном развитии российского общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2009. 25 с. ; Хачецуков З. М. Феномен духовности в развитии российского общества: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 21 с.

рассматривается также в преломлении отдельных философских концепций⁴. Традиционным является анализ соборности в преломлении к религиозной сфере общественной жизни⁵. Отдельные научные труды посвящены рассмотрению культурной идентичности как фактора социальной реальности⁶. В контексте оценки правовой реальности как результата и сферы функционирования права соборность предметом изучения не выступала. При этом данная проблематика востребована в силу социального запроса на правовое взаимодействие в условиях правового культурного пространства, которое «может иметь как территориальный (в границах территории отдельного государства), так и межтерриториальный (в пределах региональных и международных сообществ) и надтерриториальный (в рамках отдельных сфер правового воздействия) характер. Сформированность и эффективное функционирование правового культурного пространства различных уровней призваны реализации потенциала права в качестве универсальной информационной системы» [1, с. 47]. Особенности сферы действия права определяют правовую жизнь общества как цивилизационный феномен (концепт, который развивается А. В. Малько, его последователями и учениками)⁷ [2–5], устанавливают характеристики правовой политики⁸ [6–9], обуславливают отличительные свойства национальной правовой системы в исторической проекции и в условиях современности⁹ [7; 10–12]. Закрепление в праве общественных ценностей соответствующего этапа цивилизационного развития, перевод в юридическую форму в условиях современности значительной части общественных отношений, социальная востребованность правовой коммуникации как на уровне отдельного общества, так и мирового сообщества обуславливают социальный запрос на эффективное функционирование правового культурного пространства различных уровней и сформированность правовой культуры.

Правовое пространство в своем основании имеет культурную основу. В данной связи специфика функционирования права в рамках правового пространства отдельного общества отражается посредством понятия «правовое культурное пространство». Особенности действия права на национальном уровне задаются культурно-генетическим кодом общественного развития (далее – социокод), который закрепляет ценностный выбор общества, устанавливает фундаментальные смыслы и ценности национальной культуры в русле цивилизационного развития. Его «расшифровка» в преломлении к правовой сфере представляет актуальную научную задачу, которая может быть решена в контексте междисциплинарных исследований правовой культуры. Отмечается интерес к проблематике правовой культуры в рамках различных научных дисциплин, что предопределяет интегративный характер знаний о данном правовом феномене¹⁰.

⁴ Анисин А. Л. Принцип соборного единства в истории философской мысли : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2011. 46 с. ; Поляков Д. Д. Соборность как основа философии образования о. Сергия Булгакова : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2006. 24 с. ; Харин В. Н. Социально-философский анализ категорий «соборность», «служение» и «должное»: на материале концепции С. Л. Франка : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2004. 23 с.

⁵ Дестивель Л. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2007. 19 с. ; Кныш Е. В. Христианские практики соборности в постсекулярной культуре : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2018. 25 с. ; Лебедев И. А. Основной принцип соборности как «единство во множестве» и его реализация в современной Русской Православной Церкви : автореф. дис. ... канд. теологии. Нижний Новгород, 2020. 43 с.

⁶ Мельникова Л. В. Трансформации российской культурной идентичности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2012. 25 с. ; Зайцева А. С. Проблема идентичности в эпоху глобализации: социально-философский аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2007. 36 с. ; Клягин Н. В. Становление цивилизации : (Социально-философский аспект) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Москва, 1994. 50 с. ; Мирзабекова А. Ш. Проблема культурной идентичности в контексте многообразия цивилизаций: социально-философский аспект : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Алматы, 2007. 42 с. ; Темиргалиев К. А. Проблема культурной идентичности в процессе общественно-исторических трансформаций : (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Алматы, 2006. 28 с.

⁷ Михайлов А. Е. Правовая жизнь современной России: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 30 с. ; Шавлохова Э. К. Индивидуальная правовая жизнь и ее основные формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 27 с. ; Шиянов В. А. Правовая система и правовая жизнь общества : теоретический аспект взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 26 с.

⁸ Исаков И. В. Правовая политика современной России: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 42 с.

⁹ Богдановская И. Ю. Источники права на современном этапе развития «общего права» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. 48 с. ; Небратенко Г. Г. Обычно-правовая система традиционного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Махачкала, 2011. 54 с. ; Синюков В. Н. Российская правовая система : (Вопросы теории) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. 36 с.

¹⁰ Гурьянов Н. Ю. Правовая культура: сущность, структура, социальные функции : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2007. 21 с. ; Маслов А. Н. Западноевропейская ментальность и правовая культура российской государственности : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 22 с. ; Овчиев Р. М. Правовая культура и российский правовой менталитет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 25 с. ; Русанова Н. М. Правовая культура в современной России: социологический анализ особенностей формирования : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2002. 24 с. ; Сазанов О. В. Правовая культура России: проблема модернизации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 15 с. ; Слепакуров В. С. Правовая культура в системе соционормативного регулирования : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 1999. 17 с. ; Степанов Л. Л. Правовая культура в контексте культурологического анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 22 с. ; Хачинский К. Б. Правовая культура и конституционный процесс: проблемы и тенденции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2003. 19 с. ; Шашин П. А. Правовая культура в правовой системе общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. 25 с.

Одновременно построение теоретического знания о правовой культуре значимо в практическом плане. В частности, учет культурно-цивилизационных особенностей общественного развития в осуществлении правовой политики призван способствовать обеспечению устойчивости общественных отношений, повышению эффективности правового воздействия различных уровней и, в целом, достижению социального прогресса.

Следует исходить из того, что социокод общественного развития имеет ценностное основание. Совокупность исторически сформированных социальных ценностей задает соответствующие типы системы социального регулирования, так называемые социокультурные комплексы. В обосновании известного белорусского теоретика права Н. В. Сильченко в исторической проекции на территории Беларуси сложились и функционируют религиозно-моральный, политико-центристский и правоцентристский социокультурные комплексы, на которые в современных реалиях накладывается технический. На тех или иных этапах развития общества эффективность и значимость имели различные нормы – религиозные, моральные, политические, правовые, технические. Установлено, что внутренняя структура социокультурных комплексов представлена не только нормативными элементами. В их состав входит социальная практика, которая выступает в качестве элемента генерации, программно-целевой (идеологической) и информационно-ценностный элементы, а также элементы индивидуального регулирования, сохранения, передачи, защиты [13, с. 7–8]. В правоцентристском социокультурном комплексе универсальный характер приобретают ценности права как социального регулятора общественных отношений. В контексте исследуемой проблематики важным в данной логической схеме объяснения является обоснование того, что программно-целевой (идеологический) элемент системы социального регулирования не может противоречить признаваемым обществом ценностям. В плане социальной практики это означает программирование общественной жизни исходя из ценностного выбора социума. В данной связи ценности выступают в качестве устойчивой составляющей сложившихся социокультурных комплексов. Признание права верховенствующим и интегративным социальным регулятором в социокультурном комплексе правоцентристского типа обуславливает вхождение правовых ценностей в систему общезначимых ценностей. Принятие этой данности призвано выстраивать правовую политику, соответствующую ценностной матрице общества и отвечающей общественным интересам.

В силу того, что социальные ценности являются коллективными по своей природе, соборность как духовная общность совместно проживающих людей определяет содержание информационно-ценностного элемента исторически сложившейся системы социального регулирования, устанавливается в ее нормативном элементе. Как факт фиксации социального единства и способ закрепления социального опыта соборность находит отражение в т. ч. в сформированной правовой традиции, включая практику проведения общенациональных соборов для обсуждения и решения важных социальных и политических вопросов. Представленный подход предполагает постановку и решение ряда исследовательских задач для характеристики роли соборности в правовой культуре. В их числе: обоснование роли соборности как одной из духовных констант общественного развития, которые лежат в основании системы социального регулирования, закрепляются в правовой традиции и проявляются в различных элементах правовой системы – системе права, системе законодательства, юридической науке, юридической практике, качественное состояние которых характеризует правовую культуру общества и определяет его правовую жизнь; выявление исторической и современной традиции созыва общенациональных соборов, съездов как фактора развития гражданского общества, показателя сформированности правовой культуры белорусского общества.

Методы

В качестве базового в исследовании использован всеобщий диалектический метод, который позволяет осуществить всестороннюю характеристику правовой сферы общественных отношений, отвечает представлениям о правовой культуре как цивилизационном процессе, в рамках которого происходит развитие всех общественных сфер на основе исторически сформированного культурно-генетического кода.

Теоретико-правовое исследование правовой культуры опирается на метод восхождения от абстрактного к конкретному, что связано с оперированием общенаучными категориями «цивилизация», «культура», «право» и др. Используются общенаучные логические методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, частный социологический метод, специальные методы правовых исследований – формально-юридический и историко-правовой.

Оценка сформированности национального правового культурного пространства и состояния правовой культуры с позиций соборности возможна с учетом сложившихся подходов

к пониманию права, а также посредством оценки современных тенденций развития правовой сферы. Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные научные работы¹¹. Характеристика соборности в сфере действия права базируется на положениях теории правовой культуры, представленных в научных трудах известных ученых¹², служит продолжением теоретических наработок в контексте авторской концепции правовой культуры современного белорусского общества [14]. Методологически значимо различие трех уровней теоретико-правового знания о правовой культуре:

- догматического – в рамках предметного поля юриспруденции;
- философского – в силу культурной составляющей данного феномена;
- социологического – вследствие социального характера права.

Результаты

Соборность как форма фиксации духовных констант правового общественного развития может быть охарактеризована посредством установления ментальных особенностей восприятия права и выявления существенных черт правовой традиции, что в совокупности составляет ментальную и мировоззренческую основу правовой культуры общества.

Соборность как черта правового менталитета белорусского общества

Исследование правового менталитета представляет отдельный пласт в изучении правовой культуры и осуществляется в рамках философского¹³ и юридического¹⁴ дискурса. При этом эмпирические характеристики ментальных черт могут быть «замерены» при помощи социологических исследований [15–19]. Правовой менталитет определяется ментальными особенностями представителей этноса¹⁵. В данной связи правовой менталитет предстает в качестве фактора становления и культурной идентификации этноса в правовой сфере [20–23]. Необходимо учитывать, что в основе правового общественного сознания лежит национальное самосознание, в котором находит отражение не только социальная действительность, но и природные факторы формирования и существования этноса. Правовой менталитет выступает в качестве структурного элемента общественного правового сознания наряду с такими его составляющими, как правовая идеология (принятие ценности права), правовая психология (эмоциональное восприятие права) и правовая мораль (правовое взаимодействие). Особенности национального правового менталитета в рамках единого духовно-правового пространства определяются формированием общей для этнической и социальной общности людей юридической картины мира, что определяет когнитивный стиль их правового мышления, специфику восприятия и понимания права, способы обработки правовой информации, модели правового поведения.

Исходим из того, что посредством права происходит фиксация системы общественных ценностей, принимаемых обществом и охраняемых государством. В данной связи правовая культура представляет собой срез правовой жизни общества, высвечивающий уровень и степень накопленных обществом ценностей, которые не могут быть реализованы иначе как через сознание и поведение его представителей, что позволяет структурировать правовую культуру на правовое сознание и правомерное поведение. При этом общественное правовое сознание выступает как осознанное и предзаданное цивилизационное явление в силу того, что «генезис правосознания всегда органично связан с историей становления цивилизации, ее генотипом, особенностями ее развития, особой логикой поведения субъектов политики и права,

¹¹ Например: Гусейнов А. И. Право как феномен культуры : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. 410 с. ; Редько А. А. Правовая инициатива в механизме действия современного российского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2023. 60 с. ; Лановая Г. М. Типологическая характеристика современного права : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. 462 с. ; Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2012. 45 с.

¹² Петручак Л. А. Правовая культура современной России : теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2012. 453 с. ; Сальников В. П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. Ленинград, 1990. 402 с. ; Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс : Проблемы теории и методологии : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1996. 288 с.

¹³ Довлекаева О. В. Правовой менталитет: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 22 с. ; Лагунов А. А. Современный российский менталитет: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2000. 23 с. ; Палинчук С. Ф. Социально-философский анализ правовой жизни общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2005. 26 с. ; Редель А. И. Духовность в структуре российского менталитета : к вопросу о социокультурной трансформации российского общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2003. 19 с.

¹⁴ Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 53 с. ; Дудченко Л. В. Особенности проявления российского правового менталитета в правосознании различных социальных групп : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 38 с. ; Меняйло Д. В. Правовой менталитет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 23 с. ; Овчиев Р. М. Правовая культура и российский правовой менталитет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 25 с.

¹⁵ Демидова И. А. Менталитет и ментальность как интегративные научные категории: осмысление в контексте познания правовой культуры общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1. С. 10–19.

с изменяющимися на протяжении столетий социально-экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями» [18, с. 10]. Если говорить о Беларуси, то в качестве правообразующих факторов восприятия правовых явлений могут быть признаны факт становления и развития права в межцивилизационном ценностном пограничье между Западом и Востоком, особенности этнического и религиозного состава населения, доминирующий в новейшее время политико-правовой тип цивилизации и соответствующая ему политико-центристская система социального регулирования и др.

Функционирование общества в соответствии с исторически заданным «цивилизационным проектом» призвано служить обеспечению, с одной стороны, устойчивости общественных отношений, с другой – поступательности общественного развития. Это обеспечивается культурно-генетическим кодом, в основе которого лежат принимаемые обществом ценности. Каталог исторически сформированных правовых ценностей включает правовую справедливость как базовую ценность, правовую свободу, правовое равенство, правовой порядок, правовую безопасность, правовой прогресс и др. В процессе цивилизационного развития правовые ценности интегрируются в систему общезначимых ценностей. Восприятие социумом правовых ценностей исходит из признания их социальной значимости, что характеризует осознанное общественное правосознание [18]. То обстоятельство, что ценностный выбор общества проявляется в ментальных характеристиках представителей этноса, позволяет характеризовать национальную правовую культуру через призму социологического среза с позиций принятия ценностей и моделей западной цивилизации (в частности, правового государства, прав человека, индивидуалистских начал) или восточной цивилизации (прежде всего, духовно-религиозного единства, традиционных ценностей, коллективистских начал).

Белорусский социолог В. В. Кириенко по результатам проведенных исследований представил сегментированную модель ментального автопортрета белорусов. В порядке убывания выбора респондентов она включает социально-духовные характеристики в качестве преобладающих, традиционные (коллективистские), рационально-деятельностные, а также проявленные в меньшей степени либеральные и индивидуалистические характеристики [16, с. 159]. Доминирующими в числе социально-духовных ценностей белорусами признается толерантность – терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям, теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание, которые в большей степени характеризуют их личностные качества. Показательно, что идентификация современных белорусов с той или иной конфессией (главным образом с православием или католицизмом) связана в большей степени с социокультурной и семейной, чем с религиозной традицией, при этом этноконфессиональное согласие является одной из «точек опоры» общества и государства, что определяет ценностный портрет современного белорусского общества [19, с. 17–18]. Синергия Церкви и государства проявляется в реализации современным белорусским государством духовно-нравственной политики в отношении семьи как основы гражданского общества.

Традиционные общественные ценности составляют также коллективизм, патриотизм, стремление к постепенным общественным изменениям, уважение традиций и следование им. Преобладающей рационально-деятельностной характеристикой выступает трудолюбие [16, с. 159]. Важной социальной характеристикой белорусов является отсутствие конфликтной идентичности при том, что системообразующим трендом современного развития белорусского общества является белорусскость [19, с. 9]. Уникальность Беларуси связана с взаимодополняемостью этнических, территориальных и гражданских составляющих белорусской идентичности. В данной связи показательно, что по результатам социологических исследований начала 20-х гг. XXI века при ответе на вопрос «Что значит быть белорусом?» выбор респондентов распределяется следующим образом: любить Беларусь и белорусов (45,8 %), жить в Беларуси (42,1 %), считать себя белорусом (38,1 %), знать и беречь национальные традиции (34,7%), по происхождению быть белорусом (30,9 %), иметь белорусское гражданство (24 %) [19, с. 10].

В качестве проявления соборности может рассматриваться выявленное в ходе социологических опросов соотношение правосодержащих ментальных характеристик белорусов к характеристикам сопричастности и справедливости. Оценка данного параметра производилась с позиций самооценки и в контексте представлений белорусов об их идеальном значении. Так, уважение традиций и следование им в соответствии с выбором респондентов в идеальной оценке составляет 86,9 %, в самооценке – 42,1 %, законопослушание – 84,0 % и 22,8 % соответственно [16, с. 295]. При этом если содержание параметра «уважение традиций» однозначно и данные показатели подлежат учету и корректировке при формировании правовой политики, то в отношении законопослушания необходимо учитывать, что «понятие „законопослушание“ в рамках конкретных этнонациональных культур имеет различную структуру. В западной культуре законопослушание, в самом общем плане, обозначает следование „букве“ закона, тому закону, который на бумаге». В восточных, в том числе и славянских, культурах законопослушанием обозначают следование не только букве, сколько „духу“ закона, закону, который в душе, закону совести» [16, с. 290]. В этой связи писанный закон не может противоречить духовному выбору народа. Соборность как духовная общность совместно проживающих людей призвана

содействовать реальному осуществлению правового закона, отвечающего требованиям права и воплощающего правовую справедливость.

В ментальном портрете белорусов характеристики сопричастности и справедливости выражают такие показатели, как толерантность (55,6 % в идеальной оценке и 67,0 % – в самооценке), коллективизм (60,1 % и 57,6 %, соответственно), духовность (57,9 % и 35,9 %, соответственно) [16, с. 295]. Таким образом, механизмы социальной справедливости белорусы связывают с коллективизмом, духовностью и толерантностью. Показательно соотношение таких ментальных характеристик белорусов, как «справедливость, теплота и сердечность между людьми, сочувливость и сострадание» (72,2 %) и «законопослушание» (22,8 %) (при том, что в идеальной модели законопослушание составляет 84,0 %) [16, с. 298]. Представленные социологические данные позволяют согласиться с определением в качестве существенной черты белорусского правового менталитета амбивалентности, что выражается в сосуществовании правового негативизма и правового скептицизма на обыденном уровне с традиционным уважением к закону и стремлением к правопорядку на глубинном уровне [23, с. 88]. При наличии динамизма правового сознания обозначенные характеристики правового менталитета обуславливают ментальные особенности отношения населения к действующему и желаемому праву, воспринимаемые на уровне подсознания модели правового поведения. В совокупности представленные факторы характеризуют правовую культуру и правовую жизнь белорусского общества.

Соборность как правовая традиция и мировоззренческая основа правовой культуры современного белорусского общества

Ценностный выбор общества находит отражение в праве, что определяет сложившуюся правовую реальность как составную часть социальной реальности. Представляется целесообразным исходить из широкой трактовки права, которая связана с его пониманием не только как формализованного права, но и как правового сознания, так называемого «мягкого права» и фактических правовых отношений [24, с. 9]. Представленный подход позволяет вести речь о национальной правовой традиции как факторе правового развития общества, определяющем мировоззренческие основы правовой культуры общества. Следует различать правовую традицию как факт цивилизационного развития общества и сформированные в ее рамках юридические традиции. В совокупности правовая традиция фиксирует исторические особенности становления правовой сферы, юридические традиции – специфику функционирования права в рамках национального правового культурного пространства.

Изучение существующей правовой реальности с позиций деятельности правовых учреждений предполагает теоретический анализ юридических традиций их функционирования. В качестве правовых учреждений в широком смысле могут рассматриваться все государственные органы власти. При этом в большей степени соборность в государственном управлении проявляется посредством представительного правления [25; 26]. В данной связи в контексте выявления особенностей национальной правовой культуры востребовано рассмотрение исторически сформированных юридических традиций функционирования представительных органов власти, в т. ч. выявление национальных особенностей организации народного представительства¹⁶ [27; 28].

Исторически соборность как фактор духовно-политической общности людей связана с функционированием народных собраний в качестве органов власти. На белорусских территориях примером выступают вечевые сходы. Сформированные вечевые традиции характерны для таких белорусских городов, как Полоцк, Витебск, Друцк и др. В период Великого княжества Литовского в белорусских городах, получивших магдебургское право, были сформированы городские магистраты – органы мещанского самоуправления. Политическому становлению городов способствовали братства – добровольные объединения горожан по признаку цеховых структур [29, с. 15–17]. Функционирование магистратов и братств характеризует представительное правление мещан на местном уровне организации власти. На государственном уровне определяющая роль принадлежала сеймам – органам шляхетского управления, что было закреплено в правовых памятниках – Статутах Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг. На местном уровне власти органами шляхетского управления были сеймики [30, с. 23–24]. Наличие представительных органов власти отдельных сословий характеризует общественное устройство и организацию государственного правления периода средневековья. Одновременно созыв сеймов Великого княжества Литовского в период вхождения белорусской территории в состав Речи Посполитой после заключения Люблинской унии 1569 года отражает сформированность политического самосознания шляхты, которая выражала интересы в т. ч. и белорусов как этнической общности.

В новейшей истории институт народного представительства на белорусской территории определяется функционированием таких органов власти, как советы. Эволюцию советов отражают его наименования: во время революций начала XX века – советы рабочих, солдатских

¹⁶ Например: Астафичев П. А. Народное представительство в современной России: проблемы теории и правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. 46 с. ; Варлен М. В. Институт депутатского мандата в теории и практике народного представительства в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2012. 60 с.

и крестьянских депутатов, в советский период – советы депутатов трудящихся в соответствии с Конституцией БССР 1937 года, советы народных депутатов – согласно Конституции БССР 1978 года [30, с. 24]. В советский период исследованию политической роли советов было посвящено достаточное количество работ¹⁷. Политическая модель организации советов была единой для всех советских республик, как и общая коммунистическая идеология, провозглашавшая ценности социального единства, экономического равенства, свободы и братства. Вхождение Верховного Совета БССР, равно как и советов других союзных республик, в систему советских государственных органов власти и их подчинение Верховному Совету СССР не позволяло реализации белорусским народом в полном объеме принципа народовластия. При этом в обозначенный исторический период было сформировано общее духовное и идеологическое единство – советский народ.

Особенности политической истории позволяют считать базовой политико-правовой ценностью, формирующей правовую традицию на белорусских землях, национальную государственность, которая выступает в качестве духовно-идейного императива особенно явственно с конца XIX века. В современных реалиях с 90-х гг. XX века она реализуется посредством построения независимого государства – Республики Беларусь. Показательно, что в начальной редакции Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 года парламент как главный орган государственной власти именовался Верховный совет и был однопалатным, тем самым сохранялась преемственность с советским периодом в организации представительных органов власти. По результатам республиканского референдума 24 ноября 1996 г. в Конституцию Республики Беларусь были внесены изменения, которые затрагивали в целом организацию верховной власти. В том числе учреждался двухпалатный парламент (Национальное собрание) в качестве представительного и законодательного органа власти. Если полномочия Верховного Совета и его взаимоотношения с другими высшими органами власти обуславливались особенностями президентского типа республики, то Национального собрания – исходя из специфики республики смешанного типа. Конституционно закреплялось участие народа в управлении государством посредством выборов и референдумов, свидетельствующее о политическом единстве общества. На местах выборными представительными органами государственной власти выступали местные советы депутатов.

В настоящее время в соответствии с Конституцией Республики Беларусь от 15 марта 1994 года в редакции республиканского референдума 27 февраля 2022 года в систему органов государственной власти Беларуси входит Всебелорусское народное собрание (глава 3¹⁸). Данное нормативное установление может рассматриваться в качестве примера продолжения традиций народного представительства. Анализ конституционно закрепленных полномочий этого органа власти позволяет констатировать его политическое верховенство на уровне нормативной манифестации. Эффективное функционирование Всебелорусского народного собрания в качестве высшего представительного органа народовластия призвано служить единению всех субъектов политики – органов государственной власти, местных советов депутатов, институтов гражданского общества в принятии судьбоносных для Республики Беларусь правовых актов (документов и решений). Так, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, принятая на заседании седьмого Всебелорусского народного собрания 24–25 апреля 2024 г., в числе национальных интересов устанавливает сбалансированность интересов личности, общества и государства. Субъектами системы обеспечения национальной безопасности определяются государственные органы и организации, гражданское общество, граждане в соответствии с их полномочиями (п. 4)¹⁹. Правовой характер белорусского государства проявляется в поддержке институтов гражданского общества, что призвано обеспечению гражданского единства. Законом Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества»²⁰ в числе задач взаимодействия государства и гражданского общества определяются: повышение вовлеченности институтов гражданского общества в управление делами государства;

¹⁷ Лагун С. Р. Укрепление Советов Белоруссии и повышение их роли в строительстве социализма (1926–1937 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск, 1967. 78 с. ; Лейзеров А. Т. Развитие демократических принципов и форм деятельности местных Советов народных депутатов в условиях совершенствования социализма : социально-правовые аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1987. 48 с. ; Петриков П. Т. Деятельность Советов депутатов трудящихся Белорусской ССР по созданию материально-технической базы коммунизма (1959–1965 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск, 1972. 68 с.

¹⁸ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24.11.1996, 17.10.2004 и 27.02.2022) // Президент Республики Беларусь : [официальный сайт]. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 17.11.2024).

¹⁹ Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575) // Генеральная прокуратура Республики Беларусь : [официальный сайт]. URL: <https://www.prokuratura.gov.by/ru/acts/kontseptsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/> (дата обращения: 17.11.2024).

²⁰ Об основах гражданского общества [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь «ЭТАЛОН-ONLIN» (далее – «ЭТАЛОН-ONLIN») : [сайт]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12300250> (дата обращения: 17.11.2024).

обеспечение реализации государственной политики с учетом приоритета национальных интересов; организация конструктивного взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества; учет общественного мнения и законных интересов граждан при осуществлении государственной политики; укрепление единой общности «белорусский народ» (ст. 4)²¹. В совокупности поставленные задачи направлены не только на решение насущных политических вопросов, но и на обеспечение политического и гражданского единства белорусского общества, достижение которого возможно на основе духовной и политической общности народа, сформированной в рамках национального правового культурного пространства.

Обсуждение

При характеристике соборности и установлении ее роли в преломлении к правовой культуре необходимо исходить из цивилизационных изменений, определяющих новую социальную реальность, в числе которых могут быть названы глобализация как общемировой процесс, технические инновации, определяющие новый формат коммуникации, в т. ч. правовой, культурные трансформации, включая кризис духовности и другие детерминанты общественного развития, которые по большей части имеют универсальный характер²². Технизация всех сфер общественной жизни вследствие процессов информатизации, медиатизации и компьютеризации определяет унификацию общественной жизни, что способствует формированию универсальных ценностей мировой цивилизации, в т. ч. допускает возможность формирования единого цивилизационного права [32].

В установлении особенностей социально-правового развития, которые фиксируются посредством права и отражаются в правовой культуре общества, предполагается научная оценка социальных трансформаций современной Беларуси [31].

В процессе изучения соборности в характеристике правовой культуры подлежат учету современные трактовки права как социального феномена [33–37], наличные деформации правового сознания²³ [38; 39], соответствующие общественным изменениям модификации правовой реальности [40; 41] и другие факторы, в совокупности характеризующие правовую жизнь. Обозначенные факторы определяют новые ракурсы в изучении правовой культуры современного общества.

Следует исходить из того, что актуальное (фактически существующее) современное право принципиально не может быть совершенным как вследствие динамики общественных отношений, так и колебаний в условиях метамодерна между ценностями модерна и постмодерна. Вследствие этого достижение идеальной правовой реальности и безусловного правопорядка невозможно априори. При этом регулятивные и охранительные свойства права должны быть использованы максимально. Модусами бытия права с точки зрения постметафизического мышления обозначаются человекоразмерность, конструируемость (создается людьми), знаковость (существует в знаковой форме и поведенческих, дискурсивных и поведенческих практиках людей) и практическая ориентированность. Представленный подход позволяет рассматривать правовую реальность и как юридический образ (представление о праве, его описание, интерпретация, объяснение в качестве ментального и психического аспекта), и как социальное явление, и как социально-нормативный факт, и как концепт [40, с. 30].

С позиций соборности принципиально важным является понимание права как социального явления в качестве фактора и условия межличностного диалога, который обеспечивает нормальное функционирование социума [37, с. 237]. В основе данного диалога должно лежать общественное представление о праве (правовая картина мира, юридический образ права), включенное в коллективную память, выраженное посредством формализованного права в системе правовых норм, проявленное посредством осознанного общественного правового сознания и реализованное в правовых отношениях. В данном контексте соборность призвана сохранению ценностного выбора общества, кодированию всех социальных действий в соответствии с принимаемыми обществом ценностями, закрепленными посредством права.

В условиях современной право предстает как концепт (идея) социальной справедливости и равенства, реализация которого призвана обеспечивать устойчивость общественных отношений, способствовать их развитию. Как социально-нормативный факт оно фиксируется в разнообразных источниках права и реализуется в правовой политике государства. Значение соборности в характеристике правовой культуры общества определяется наличием фактического права, которое не нашло своего выражения и закрепления в официальных средствах, поддерживается и защищается гражданским обществом [41, с. 37].

²¹ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12300250> (дата обращения: 17.11.2024).

²² Демидова И. А. Современное общество как среда и детерминанта развития правовой культуры (опыт теоретико-правового анализа) / И. А. Демидова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 27–35. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-2-26-35>.

²³ Нижник Н. С. Правовой инфантилизм как явление современной правовой реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 68–95. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-68-95>.

3 Заключение

Рассмотрение соборности в преломлении к правовому развитию общества позволяет осуществить характеристику правовой культуры современного общества как социально-правового феномена, выработать научно обоснованные критерии оценки правовой культуры, определить основные направления правовой политики, соответствующей вызовам современности. Соборность как духовная общность совместно проживающих людей находит отражение в характеристиках ментальности представителей этноса. Ментальные основания правовой культуры белорусского общества устанавливают ее качественное своеобразие. Одновременно соборность проявляется в исторически сформированной правовой традиции, которая определяет мировоззренческую основу правовой культуры современного белорусского общества.

Принципами реализации правовой политики современной Беларуси провозглашается опора на ценности и культурные традиции белорусского народа, исторические, геополитические, социально-экономические особенности государства (п. 5 Концепции правовой политики Республики Беларусь²⁴). Проведение правовой политики в соответствии с данными принципами призвано обеспечить поступательность общественного правового развития. Идеологическими императивами правовой политики определяются патриотизм и народовластие (п. 9 Концепции правовой политики Республики Беларусь), которые могут рассматриваться в качестве ценностей-целей белорусского общества. Политическая общность белорусского народа в современных реалиях проявляется в деятельности Всебелорусского народного собрания в качестве высшего органа народовластия. Реализация данным органом властных полномочий по утверждению основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, концепции национальной безопасности, программы социально-экономического развития, права законодательной инициативы должна способствовать обеспечению стратегических ориентиров правовой политики (п. 30 Концепции правовой политики Республики Беларусь). Тем самым на государственном уровне в Республике Беларусь признается значимость единения социума на основе общественных ценностей, которые закрепляются в праве.

Список источников

1. Демидова И. А. Правовое культурное пространство: вопросы понимания, обозначения, направления исследования // Юстиция Беларуси. 2023. № 4 (253). С. 43–48.
2. Малько А. В., Пономаренков В. А. Правовая жизнь современного общества : социально-факторный анализ : монография. Москва : Юрлитинформ, 2015. 152 с.
3. Правовая жизнь общества : проблемы теории и практики : монография / Малько А. В., Анисимова А. С., Афанасьев С. Ф., Байниязов З. С.; ред. А. В. Малько. Москва : Проспект, 2016. 489 с.
4. Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты : монография / Анисимова А. С. [и др.]; под ред. А. В. Малько. Москва : Юрлитинформ, 2016. 354 с.
5. Малько А. В., Трофимов В. В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации : монография. Москва : Юстиция, 2020. 236 с.
6. Малько А. В., Гайворонская Я. В. Правовые акты как средства российской правовой политики в условиях глобализации и регионализации : монография. Москва : Юстиция, 2020. 120 с.
7. Правовая политика. Право. Правовая система : монография / Байниязов Р. С. [и др.]; под ред. А. В. Малько. Москва : Юрлитинформ, 2013. 342 с.
8. Малько А. В., Терехов Е. М. Интерпретационная правовая политика в современной России в условиях глобализации и регионализации : монография. Москва : Кнорус, 2020. 146 с.
9. Месилов М. А. Правовая культура в механизме развития российской государственности : монография. Москва : Спутник+, 2012. 141 с.
10. Радько Т. Н. Правовая система России на юридической карте мира : монография. Москва : Проспект, 2021. 134 с.
11. Сильченко Н. В. Законотворчество. Закон. Правовая система : избранные труды. Минск : Право и экономика, 2020. 198 с.
12. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию : монография. 2-е изд., доп. Москва : Норма, 2016. 670 с.
13. Сильченко Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 5–15.
14. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования : монография. Могилев : Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2021. 396 с.
15. Бабосов Е. М. Стратификационная трансформация современной Беларуси : монография. Минск: Беларуская навука, 2018. 362 с.
16. Кириенко В. В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы : монография. Гомель : ГГТУ имени П. О. Сухого, 2009. 320 с.
17. Мельников А. П. Национальный менталитет белорусов. 2-е изд. Минск : Право и экономика, 2005. 109 с.

²⁴ О Концепции правовой политики Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 // «ЭТАЛОН-ONLINE» : [сайт]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=p32300196&q_id=1797128 (дата обращения: 17.11.2024).

18. Осознанное общественное правосознание – важнейшая составная часть правовой культуры современного общества : монография / Белова И. А., Василевич Г. А., Вишневицкий А. Ф. [и др.] ; под ред. В. А. Кучинского. Гродно : ЮрСа-Принт, 2020. 416 с.
19. Ценностный портрет современного белорусского общества : аналитический проект / Алейникова С. М. [и др.]. Минск : Друк-С, 2021. 55 с.
20. Демидова И. А. Правоментальная характеристика белорусского общества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 87–96.
21. Резников Е. В. Правовая идентичность и правовой менталитет : монография. Москва : Юрлитинформ, 2017. 237 с.
22. Сенин И. Н., Хамзина Б. К. Российский правовой менталитет : монография. Омск : ОмЭИ, 2012. 123 с.
23. Юрашевич Н. М. Правовой менталитет белорусского общества // Веснік БДУ. Серыя 3: Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2007. № 3. С. 85–88.
24. Лившиц Р. С. Современная теория права : Краткий очерк / отв. ред. Н. С. Малейн. Москва : Институт государства и права РАН, 1992. 93 с.
25. Миль Дж. Ст. Размышления о представительном правлении. Санкт-Петербург : Книжный магазин Яковлева, 1863. 360 с.
26. Парламентаризм: история, теория, технология : коллективная монография / Боброва Н. А., Гоголевский А. В., Демичев А. А., Журавлев В. П. [и др.]. Санкт-Петербург : Алетей, 2022. 198 с.
27. Проблемы народного представительства в Российской Федерации : сборник трудов / под ред. С. А. Авакьяна. Москва : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1998. 180 с.
28. Максимейко Н. А. К вопросу о литовско-русских сеймах : (Ответ проф. М. Любавскому). Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1904. 21 с.
29. Гигин В. Ф. Народное представительство как часть белорусской политической традиции // Социология. 2015. № 3. С. 14–24.
30. Демидова И. А. Политико-правовой институт народного представительства / Миссия права 2024 : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Великий Новгород, 17 апреля 2024 года / под ред. М. С. Трофимовой. Великий Новгород : Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2024. С. 21–27.
31. Бабосов Е. М. Стратификационная трансформация современной Беларуси : [монография]. Минск : Беларуская навука, 2018. 360 с.
32. Витушко В. А. Цивилизационное право : монография. Минск : БИП-С Плюс, 2011. 224 с.
33. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4 (71). С. 62–70.
34. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1 (72). С. 52–62.
35. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья III. Амбивалентность права в контексте биополитической стратегии государства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 1 (80). С. 66–74.
36. Нижник Н. С., Алиев Я. Л. Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : материалы Международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 26 марта 2021 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 133–138.
37. Честнов И. Л. Что есть право? // Правоведение. 2013. № 3 (308). С. 229–237.
38. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1994. № 2. С. 3–25.
39. Нижник Н. С. Правовой инфантилизм как вид деформации правового сознания: атрибутивные черты и особенности проявления / Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей, г. Могилев, 17 мая 2024 г. / редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. С. 113–122.
40. Честнов И. Л. Правовая реальность как предмет постклассической философии права // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 2 (19). С. 28–34.
41. Сильченко Н. В. О сфере действия, сущностных началах и развитии права в цифровую эпоху // Философия права. 2022. № 1 (100). С. 34–39.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 342.5, 37.013
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-39-49>

Особенности реализации государственной политики воспитания в образовательных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации

Виктория Ивановна Ерыгина, кандидат исторических наук, доцент

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
Белгород (308024, ул. Горького, д. 71), Российская Федерация
erygina@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3575-1536>

Аннотация:

Введение. Актуальность темы вызвана важностью проблемы государственно-правового регулирования процесса воспитания граждан Российской Федерации на основе единых требований, принципов, традиций в силу сложившейся потребности общества в формировании «национального воспитательного идеала» человека и гражданина. Однако при реализации государственной политики воспитания возникают трудности, противоречия и коллизии, связанные с разработкой конкретных документов в сфере образования, а также особенностями ведомственных вузов, в частности, образовательных организаций системы МВД России.

Методы. В работе использованы формально-догматический метод, метод сравнительного анализа, методы индукции и дедукции, междисциплинарной корреляции, сравнительно-правовой метод, метод толкования права, социологический методы.

Результаты. В результате проведенного исследования выявлены следующие особенности реализации государственной политики в сфере воспитания в образовательных организациях системы МВД России: во-первых, правовой основой воспитательной работы являются наряду с общероссийским законодательством об образовании ведомственные приказы МВД России и локальные акты организаций; во-вторых, воспитательная работа является частью морально-психологического обеспечения сотрудников органов внутренних дел; в-третьих, особенностями содержания рабочей программы воспитания можно назвать выделение правового воспитания в качестве отдельного направления воспитательной работы; в-четвертых, наиболее распространена такая форма воспитания, как мероприятие; в-пятых, наличие четкой иерархической структуры органов и должностных лиц, ответственных за воспитание сотрудников органов внутренних дел; в-шестых, особенности субъект-субъектного взаимодействия с курсантами в воспитательно-образовательном процессе заключаются в личностно-ориентированном подходе, который

Ключевые слова:

государственная политика, образование, воспитание, вузы, курсанты, Конституция Российской Федерации, ведомственные нормативные правовые акты, законодательство об образовании

Для цитирования:

Ерыгина В. И. Особенности реализации государственной политики воспитания в образовательных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 39–49. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-39-49>.

проявляется в индивидуальной воспитательной работе, и другие. В заключении автор предлагает пути совершенствования воспитательной работы в образовательных организациях системы МВД России путем внедрения интерактивных форм и методов воспитательной работы, активного использования опыта гражданских вузов и расширения сферы взаимодействия с практиками и различными институтами гражданского общества.

Статья поступила в редакцию 21.08.2024;
одобрена после рецензирования 26.02.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Features of implementation of the state policy of upbringing in educational institutions of the system of the Ministry of the Interior of Russia

Victoria I. Erygina, Cand. Sci. (Hist.), Docent

Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I. D. Putilina
71, Gorky str., Belgorod, 308024, Russian Federation
erygina@ist.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3575-1536>

Abstract:

Introduction. *The relevance of the research is determined by the importance of state-legal regulation of the process of the Russian Federation citizens' upbringing on the basis of common requirements, principles, traditions due to the existing demand of the society in the formation of the "national upbringing ideal" of a person and a citizen. However, in the implementation of the state policy of upbringing there are difficulties, contradictions and collisions associated with the elaboration of specific documents in the field of education, as well as the peculiarities of departmental higher education institutions, in particular, in the system of the Ministry of the Interior of Russia.*

Methods. *The formal-dogmatic method, method of comparative analysis, methods of induction and deduction, interdisciplinary correlation, comparative-legal method, method of interpretation of law, sociological and political methods were used in the research.*

Results. *As a result of the research, the following features of the state policy implementation in the sphere of education in educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia are revealed: first, the legal basis of upbringing work is provided by departmental orders of the Ministry of the Interior of Russia and local acts of the institutions in addition to the all-Russian legislation on education, second, upbringing work should be considered a part of the moral and psychological support of internal affairs employees; third, the working programme of education includes legal upbringing as a separate direction of upbringing work; fourth, the most common form of upbringing is an event; fifth, there should be a clear hierarchical structure of bodies and officials responsible for upbringing of internal affairs employees; sixth, the particularities of subject-subject interaction with cadets in the upbringing and educational process consist in the personality-oriented approach focused on individual upbringing work, and others.*

In conclusion, *the author offers ways for improving upbringing work in educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia by introducing interactive forms and methods of upbringing work, actively using the experience of civil higher education institutions and expanding the scope of interaction with practitioners and various institutions of civil society.*

Keywords:

state policy, education, upbringing, educational institutions, cadets, Constitution of the Russian Federation, departmental normative legal acts, legislation on education

For citation:

Erygina V. I. Features of implementation of the state policy of upbringing in educational institutions of the system of the Ministry of the Interior of Russia // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025, № 1 (105). P. 39–49. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-39-49>.

The article was submitted August 21, 2024;
approved after reviewing February 26, 2025;
accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Актуальность темы обусловлена объективными процессами, происходящими в системе российского образования в последнее десятилетие. Во-первых, российское общество пришло к осознанию необходимости государственного управления воспитательным процессом после длительного периода пренебрежения вопросами воспитания и разрушения прежней системы воспитательной работы в учебных организациях всех уровней. Во-вторых, отказ от единой государственной идеологии после разрушения СССР привел к от отказу от единых стандартов

в воспитании подрастающего поколения, что недопустимо в условиях сложившихся угроз национальной безопасности России. В-третьих, недооценка воспитания в деятельности органов государственной власти, ведомственных учреждений многих организаций, ранее включенных в воспитательную систему и активно занимавшихся ее планированием (профсоюзы, молодежные и детские организации) [1, с. 7], отразилась на утрате новыми поколениями традиционных духовно-нравственных ценностей. В-четвертых, в связи с началом специальной военной операции от общества потребовались максимальная концентрация сил и духовных качеств российского народа, сплочение, противодействие фальсификациям истории, фейкам, откровенной лжи и русофобии, а для этого необходима длительная воспитательная работа на всех уровнях образования, включая высшую школу.

Методы

В работе использованы формально-догматический метод, метод сравнительного анализа, методы индукции и дедукции, междисциплинарной корреляции, сравнительно-правовой метод, метод толкования права, социологический методы.

Результаты

Анализ законов, подзаконных актов, правоприменительных документов, регламентирующих сферу образования, а также Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [2] свидетельствует о том, что в России в течение последних двух десятилетий сформировался общественный и государственный заказ образовательным организациям на «достижение определенного идеала, т. е. образа человека, имеющего приоритетное значение для общества в конкретно-исторических социокультурных условиях» [2].

Важнейший импульс для пересмотра концепции воспитания был дан конституционной реформой 2020 года, благодаря которой обновилось содержание, цели и направления воспитательной работы в образовательных организациях [3, с. 33]. Конституция Российской Федерации в редакции 2020 года¹ создает прочный фундамент для строительства новых правовых условий, при которых происходит полная самореализация личности, ее гармонизация с общественными и государственными интересами. Конституция Российской Федерации способствует становлению основ «конституционной гражданственности» и «осмысленного патриотизма». Реализация идеологических положений Конституции Российской Федерации, как утверждает С. В. Кабышев, происходит в ходе преподавания конституционного права России в юридических образовательных организациях, в процессе осуществления воспитательной и просветительской работы [4, с. 6]. О влиянии Конституции на формирование правовой культуры граждан свое мнение вполне справедливо высказывает Н. В. Мамитова, считающая, что «любая конституция оказывает непосредственное и опосредованное воздействие на поведение человека, формируя конституционное правосознание» [5, с. 67].

Поправки в Конституцию Российской Федерации потребовали внесения соответствующих изменений в федеральное законодательство об образовании. В частности, в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»² было сформулировано единое понятие «воспитание» (ст. 2), внесены изменения в организацию воспитательной работы, согласно которым каждая образовательная организация должна разработать рабочие программы воспитания и календарные планы воспитательной работы как составной части основной образовательной программы (ст. 12.1). Для того чтобы образование имело практико-ориентированный характер, приветствуется привлечение социальных партнеров к воспитательной деятельности. Ради достижения «национального воспитательного идеала» Правительство Российской Федерации поставило перед образовательными организациями высшей школы задачи разработать показатели оценки эффективности воспитательной деятельности в образовательных организациях высшего образования (далее – ООВО) и подготовить педагогов, специально занимающихся воспитательной работой.

Данная политика получила отражение в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года (далее – Стратегия) и реализуется в процессе воспитания молодых граждан³. Однако существенным просчетом Стратегии можно назвать игнорирование одного

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 14.02.2024).

² Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

³ Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р // СЗ РФ. 2015. № 23. Ст. 3357.

из важнейших субъектов образовательного процесса – обучающихся ООВО. Согласно Стратегии, воспитание должно быть направлено на «детей», под которыми ее разработчики подразумевают всех обучающихся, не достигших 18-ти летнего возраста. Среди курсантов и студентов к данной социальной группе относятся только обучающиеся первого курса, значит, согласно логике разработчиков Стратегии, только их необходимо воспитывать. Студенты и курсанты старших курсов не отнесены Стратегией к субъектам воспитания, что, на наш взгляд, совершенно неоправданно, так как они также подлежат воспитанию на время их обучения в образовательной организации. В данном документе ООВО вообще оказались исключенными из числа образовательных организаций, занимающихся воспитанием. Однако ученые – специалисты в области образования «в высшей школе» настаивают на том, что не следует «никогда недооценивать значение воспитательной работы в вузе», т. к. «в студенческие годы закладывается основа поведения молодого поколения» [6, с. 209]. Воспитание студентов, курсантов, слушателей играет первостепенную роль в формировании профессионалов своего дела, специалистов, на плечи которых после окончания вуза ляжет ответственность за дальнейшую судьбу страны. От них будет зависеть будущее нашего государства: станет оно передовой и процветающей державой или будет находиться в разряде «догоняющих» и отсталых стран.

Сложившаяся в настоящий момент напряженная внешнеполитическая обстановка в мире в связи с открытым противостоянием Запада и России, в условиях развязанной США и ее сателлитами гибридной войны против нашей страны актуализировала потребность в формировании личности патриота, защитника своего Отечества, восприимчивого судьбу Родины как свою собственную. Поскольку дети являются важнейшим приоритетом государственной политики, согласно ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, то особое внимание уделяется их воспитанию, социализации в ходе единого образовательного процесса, основанного на общих требованиях и стандартах.

Важность формирования традиций, связанных с духовно-нравственными ценностями общества и государства, посредством всех уровней образования подчеркивается в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809⁴, а также в правовой доктрине. В частности, С. Н. Бабурин настаивает на необходимости реформирования юридического образования, федеральных образовательных стандартов высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) на основе нравственных императивов. По его мнению, «проблема стратегического планирования подготовки и воспитания кадров требует первостепенного внимания» [7, с. 161–162].

Особая миссия по укреплению правовых основ и государственных интересов Российской Федерации возложена на сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД). Образовательные организации системы МВД России наряду с другими субъектами (государством, негосударственными образованиями, органами местного самоуправления, общественными объединениями [5, с. 170–171]) призваны участвовать в реализации национальных интересов Российской Федерации. А теперь попытаемся выделить особенности воспитательной работы в ООВО системы МВД России.

Во-первых, на образовательные организации системы МВД России распространяют свое действие как общероссийское законодательство об образовании⁵, специализированный

⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁵ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598 ; О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5063 ; Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977 ; Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утв. Президентом Российской Федерации 30 декабря 2023 г. № Пр-2610). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408366785/> (дата обращения: 16.08.2024) ; Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 // СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3475 ; Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р // СЗ РФ. 2024. № 36. Ст. 5484 ; Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» : постановление Правительства Российской Федерации от 7 октября 2021 г. № 1701 // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. II). Ст. 375 ; национальный проект «Молодежь и дети» // Правительства Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/914/about/> (дата обращения: 14.02.2024) ; Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность (уровень специалитета) : приказ Минобрнауки России от 16 ноября 2016 г. № 1424 (ред. от 13.07.2017) (зарег. в Минюсте России 08.12.2016, № 44618) // Интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612090008> (дата обращения: 14.02.2024) ; Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) : приказ Минобрнауки России от 1 декабря 2016 г. № 1511 (ред. от 11.01.2018) (зарег. в Минюсте России 29.12.2016, № 45038) // Там же. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201612290116> (дата обращения: 14.02.2024).

федеральный закон о службе в органах внутренних дел⁶, так и ведомственные нормативные правовые акты. Поскольку в стране сложилась единая государственная политика воспитания, во всех образовательных организациях действуют одинаковые принципы, подходы и требования, тем не менее, в ООВО системы МВД России существует своя специфика, которая отражается в приказах МВД России⁷ и локальных актах организаций⁸, направлена на реализацию государственных программ развития образования и подготовку профессионалов и патриотов своей страны.

Во-вторых, воспитательная работа в полицейском ведомственном вузе является частью морально-психологического обеспечения его сотрудников. Поэтому при разработке программы воспитания в образовательных организациях системы МВД применяется приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900⁹, который утвердил Порядок организации морально-психологического обеспечения деятельности ОВД, один из важнейших разделов которого посвящен воспитательной работе.

В-третьих, особенностями содержания рабочей программы воспитания в ООВО системы МВД России можно назвать выделение правового воспитания в качестве отдельного направления воспитательной работы. Большое внимание уделяется формированию у курсантов чувства патриотизма, под которым ряд ученых справедливо понимают солидарность с народом своего государства, воспитание культуры межнационального общения, гордость за принадлежность к своему государству и профессии [8]. Следует поддержать мнение ряда ученых, считающих, что в типовую рабочую программу воспитания и типовой календарный план мероприятий можно включать не только «общие»¹⁰, но и «специальные задачи воспитательной работы в образовательных организациях МВД России»¹¹.

В-четвертых, курсанты с первого курса являются сотрудниками ОВД, поэтому им приходится совмещать учебу с выполнением ряда обязанностей: уборкой территории, несением службы в нарядах, обеспечением общественной безопасности и охраной общественного порядка¹² в период проведения массовых мероприятий, проведения голосования на выборах, совместными рейдами с сотрудниками ГИБДД (в настоящее время ГАИ) и патрулированием территории.

⁶ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

⁷ Об утверждении Особенности организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, дополнительным профессиональным программам и основным программам профессионального обучения, Особенности организации и осуществления методической и научной (научно-исследовательской) деятельности в области подготовки кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка, а также деятельности федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 19 сентября 2022 г. № 691 (зарег. в Минюсте России 25.10.2022, № 70689) // Интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210250038> (дата обращения: 15.06.2024) ; URL: <https://base.garant.ru/400791288/> (дата обращения: 15.06.2024) ; Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 (ред. от 02.05.2023) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/74482191/> (дата обращения: 15.06.2024) – Документ опубликован не был и др.

⁸ Программа воспитательной работы с постоянным составом Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина на 2023/2024 учебный год (утв. начальником Белгородского юридического института МВД России 15.06.2023) ; Примерный календарный план воспитательной работы по основной профессиональной образовательной программе высшего образования (среднего профессионального образования) в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина» (утв. начальником Белгородского юридического института МВД России 15.06.2023) ; Примерная рабочая программа воспитания по основной профессиональной образовательной программе высшего образования (среднего профессионального образования) в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина» (утв. начальником Белгородского юридического института МВД России 15.06.2023). – Документ опубликован не был и др.

⁹ URL: <https://base.garant.ru/400791288/> (дата обращения: 15.06.2024).

¹⁰ Методические рекомендации по разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования (утв. Минобрнауки России 29.12.2023) // Официальные документы в образовании. 2024. № 12 ; 13.

¹¹ Рожков А. А. Планирование и содержание воспитательной работы в образовательных организациях системы МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 206; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-4-202-211>.

¹² Информация об участии сотрудников и обучающихся Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина в мероприятиях по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности // Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина : [сайт]. URL: https://xn--90aijl9g.xn--blaew.xn--plai/Press-sluzhba/Informacija_i_analiticheskie_materiali/ (дата обращения 27.07.2024).

На основе приказа МВД России от 27 августа 2024 г. № 500¹³ в образовательной организации на весь период обучения курсантов и слушателей разрабатывается программа воспитательной работы, где подробно определяется содержание и основные воспитательные мероприятия. Затем на основе этой программы готовится отдельно план работы организации по всем разделам морально-психологического обеспечения службы сотрудников ОВД на год, одним из разделов которого являются мероприятия воспитательного характера. Анализ конкретных планов работы в ряде образовательных организаций, в частности в Санкт-Петербургском университете МВД России, Белгородском юридическом институте МВД России имени И. Д. Путилина, показал, что больше половины запланированных мероприятий посвящено проблемам морально-психологического обеспечения, включая вопросы воспитания. На основе проведенного исследования планирующей документации образовательных организаций системы МВД ученый И. А. Сошников пришел к выводу, что наиболее распространена в этих вузах такая форма воспитания, как мероприятие [9, с. 210]. Однако, учитывая физическую, моральную и психологическую нагрузку, которую вынуждены испытывать курсанты, целесообразно не перегружать их дополнительными воспитательными мероприятиями после учебных занятий, а больше внимания уделять воспитанию обучающихся непосредственно во время учебных занятий.

Нормативно закреплено, что образование состоит из двух важнейших неразрывных компонентов: обучения и воспитания, поэтому преподаватели должны тщательно планировать рабочие программы учебных дисциплин таким образом, чтобы включать в них воспитательный компонент, соответствующий и федеральному законодательству в сфере образования, и целям образовательных организаций системы МВД. Представляется весьма эффективным процесс активного внедрения в практику воспитательной работы различных интерактивных форм и методов работы, позволяющих преподавателям сочетать учебную и воспитательную деятельность, при этом не перегружая обучающихся [7].

Педагогическая практика показывает, насколько важно уже на первом курсе сформировать у обучающихся критическое системное мышление, побудить их к творчеству, развить их лучшие качества. Достичь этих целей можно различными способами, интерактивной методикой проведения учебных занятий. Например, целесообразно проводить семинары и практические занятия в форме диспутов, конференций, уроков памяти и патриотизма, деловых игр, конкурсов и т. п., что значительно повысит качество образовательного процесса, сделает его более продуктивным и интересным [10, с. 218–221; 11].

В-пятых, особенностью организации воспитательной работы в образовательных организациях системы МВД России является четкая иерархическая структура органов и должностных лиц, ответственных за воспитание сотрудников ОВД. Во главе этой структуры стоит Главное управление по работе с личным составом МВД России (ГУРЛС)¹⁴. Непосредственной организацией воспитательной работы с сотрудниками ОВД занимается отдел организации воспитательной работы в составе Управления организации морально-психологического обеспечения ГУРЛС МВД России. С учетом федеративного государственного устройства Российской Федерации на региональном уровне вопросы воспитания курируют подразделения морально-психологического обеспечения в составе территориальных органов МВД России¹⁵. Воспитательная работа в образовательной организации, подведомственной МВД России, возглавляется начальником института (академии, университета), который направляет эту деятельность, определяет ее задачи и сроки исполнения, лично участвует в проведении воспитательных мероприятий. Основными субъектами воспитательного процесса в ООВО являются заместитель начальника института (по работе с личным составом), руководители структурных подразделений, начальники факультетов, курсов¹⁶; подразделения по работе с личным составом, сотрудники отдела морально-

¹³ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024> (дата обращения: 14.02.2024).

¹⁴ Об утверждении Положения о Главном управлении по работе с личным составом Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29 июня 2022 года № 480 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/405175159/> (дата обращения: 18.08.2024). – Документ опубликован не был.

¹⁵ Тонышев А. В., Смородина В. А. Организация воспитательной работы в органах внутренних дел : учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. С. 27–34.

¹⁶ См.: Анциферов В. В. Совершенствование воспитательной работы начальников факультетов, курсов высших учебных заведений МВД России : дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2001. 281 с. ; Лапшов Д. А. Индивидуализация воспитательной работы начальника курса в вузе МВД России : дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2006. 160 с.

психологического обеспечения, командиры учебных взводов, отделений и профессорско-преподавательский состав, объединенный в кафедры¹⁷. Введена практика закрепления кафедр за курсами.

В воспитательной работе участвуют также преподаватели-кураторы, наставники, ветераны, представители комплекующих органов, духовенства, общественные объединения, органы «курсантского» самоуправления, профсоюзные организации, центры, советы, комиссии, клубы и др.

Специфика уставных отношений между субъектами воспитательного процесса заключается в усиленном контроле за обучающимися со стороны вышестоящих руководителей, что сковывает инициативу, творчество, самостоятельность и активность курсантов и преподавателей. Проведение внеаудиторных воспитательных мероприятий преподавателям необходимо обязательно согласовывать с вышеуказанными ответственными лицами в письменной форме. Тем не менее в системе МВД России в целом и в ведомственных вузах выстроилась четкая система воспитания, основанная на принципах единоначалия, субординации, эффективно реализующая федеральные стандарты, принципы и основополагающие правовые акты в сфере образования.

В-шестых, анализ календарного плана воспитательной работы Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина показал, что основными формами проведения воспитательных мероприятий являются лекции, беседы, собрания, инструктажи, мониторинги, встречи; однако редко встречаются в плане диспуты, викторины, конкурсы и другие интерактивные методы и формы воспитания. Стоит отметить, что воспитательные мероприятия запланированы во внеаудиторное время, т. е. вне учебных занятий или после них. Основными ответственными лицами за проведение воспитательных мероприятий являются начальники факультетов и курсов, а также отдел морально-психологического обеспечения. В настоящее время уже внедряется в практику обсуждение планов воспитательной работы образовательной организации с конкретными кафедрами, профессорско-преподавательским составом, непосредственно участвующими в воспитании курсантов (слушателей) и тем самым учитываются требования федерального законодательства о том, что воспитание является частью образовательного процесса. Например, такое обсуждение состоялось в Белгородском юридическом институте МВД России имени И. Д. Путилина при составлении плана мероприятий, приуроченных к 80-летию победы в Великой Отечественной войне. Целесообразно и в дальнейшем при составлении планов воспитательной работы в ООВО обязательно привлекать преподавателей к этой деятельности, а также учитывать мнение самих воспитуемых.

В целом государственная политика развивается в направлении гуманизации воспитания обучающихся высшей школы, что предусматривает его непрерывную связь со всеми уровнями воспитания, начиная с семьи, дошкольных образовательных организаций, школ. Система общего и профессионального образования, согласно современной педагогической доктрине и образовательным стандартам, строится на «субъект-субъектных» отношениях, т. е. обучающийся рассматривается как субъект воспитания наравне с воспитателем. И они оба в диалоге и общении друг с другом достигают искомого «национального воспитательного идеала». Согласно исследованию Ю. И. Церникель, в образовательных организациях системы МВД России особенности субъект-субъектного взаимодействия с курсантами в воспитательно-образовательном процессе заключаются в личностно-ориентированном подходе, который проявляется в индивидуальной воспитательной работе. Так, при выстраивании субъект-субъектных отношений целью педагогической деятельности является всестороннее развитие личности курсанта, при общении с которым должны использоваться такие способы, как диалог, проблемное обсуждение, моделирование, стимулирование и др. [12, с. 143]. Индивидуальная работа является одним из видов воспитательной работы наряду с информационно-пропагандистской, культурно-просветительской, а также работой по поддержанию служебной дисциплины и законности.

Анализ практики реализации государственной политики воспитания в образовательных организациях системы МВД России позволяет сделать вывод, что существуют риски формализации воспитательного процесса в ведомственной ООВО вследствие того, что разработкой и внедрением программы воспитания занимаются начальники-командиры, которые выполняют административные функции, не разъясняют программу воспитания в педагогическом коллективе, представляют ее как готовый документ, не обсуждают ее с воспитуемыми, субъективно измеряют уровень воспитанности обучающихся.

В-седьмых, если в гражданских ООВО развито студенческое самоуправление [8], мнение которого учитывается при разработке программы воспитания и календарного плана воспитательной

¹⁷ Тонышев А. В., Смородина В. А. Указ. соч. С. 12–13.

работы согласно ч. 3 ст. 12.1 Федерального закона № 273-ФЗ¹⁸, то в ведомственных образовательных организациях действует система единоначалия и субординации, а принцип самостоятельности объединений обучающихся сильно ограничен. В связи с поправками в федеральное законодательство об образовании в 2020 году ведомственные ООВО вынуждены были внести коррективы в самоуправление обучающихся. Мнение последних стало периодически учитываться при планировании воспитательной работы, чтобы она не превратилась в набор формальных мероприятий, неинтересных молодым людям, а наоборот, способствовала их гармоничному развитию, профессиональному становлению и была бы максимально востребована, давала обратный эффект для воспитуемых.

Курсантское самоуправление появилось сравнительно недавно. Самоуправление предполагает неформальное общение, выбор лидера, совета обучающихся, совместное обсуждение и принятие решений по наиболее важным вопросам, касающимся учебы, досуговой внеучебной деятельности. Обязательным требованием курсантского самоуправления является согласование своих действий с руководством образовательной организации, администрацией муниципального образования, общественными объединениями в сфере молодежной политики. Свообразными формами самоуправления можно считать деятельность курсантского научного общества, клубов по интересам, например, клуба молодых избирателей «Лидер» в Белгородском юридическом институте МВД имени И. Д. Путилина. Вместе с преподавателем (руководителем клуба) определяется план его работы, избирается секретарь клуба из числа курсантов, который помогает преподавателю организовать его членов, координировать их деятельность. В рамках клуба налаживается неформальный контакт между преподавателем и курсантами, позволяющий творчески совместными усилиями организовывать различные мероприятия, направленные на формирование электоральной культуры обучающихся [13, с. 47; 14].

В-восьмых, большую роль в формировании правовой культуры и правовых знаний играют юридические клиники или информационно-консультативные центры при ООВО, задача которых состоит в том, чтобы: 1) научить курсантов (слушателей) практическим профессиональным умениям и навыкам, самостоятельности в изучении материалов для разрешения правовых споров и вынесении обоснованного решения; 2) оказывать гражданам юридическую помощь.

В начале 2000-х годов такие клиники создавались в гражданских ООВО, а затем их опыт переняли и некоторые образовательные организации системы МВД России. Такие юридические клиники существуют в Нижегородской академии МВД России, Санкт-Петербургском, Краснодарском и Московском университетах МВД России. В процессе оказания юридической помощи гражданам курсанты (слушатели) овладевают компетенциями, предусмотренными федеральными государственными образовательными стандартами: коммуникативными навыками, умениями интервьюирования, консультирования и др.

В-девятых, воспитательная работа в образовательной организации системы МВД России охватывает не только курсантов (слушателей), но и постоянный состав данной организации. С целью повышения уровня дисциплинированности сотрудников, их правового просвещения, информирования о важнейших событиях внутри страны и на международной арене, изменениях в текущем законодательстве разрабатываются специальные программы воспитания, на основе которых проводятся различные мероприятия. С целью оказания помощи молодым сотрудникам в овладении профессиональными навыками со стороны более опытных профессионалов или руководителей применяется также институт наставничества.

В-десятых, при реализации государственной образовательной политики ведомственные вузы сочетают компетентностный и системно-деятельностный подходы, традиционные и инновационные формы воспитания [15, с. 39]. Повышение качества образования, востребованность и успешность выпускников, цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества вызывают необходимость в трансформации учебного процесса в ООВО, напрямую связанной с апробацией и внедрением принципиально новых методов обучения и воспитания, способствующих активному, углубленному освоению обучающимися учебного материала и формированию всесторонне развитой личности. Необходимо учитывать, что время не стоит на месте, и новое поколение воспитуемых – это поколение Z, которое выросло уже на IT-технологиях, гаджетах, смартфонах, соцсетях, интернете. Поэтому и в образовательных организациях системы МВД России применяются новые воспитательные технологии. Большое значение имеет комплексное использование технических мультимедийных средств обучения, наличие методических разработок, включая сборники специальных упражнений и проблемных задач в электронном виде. Активными методами обучения являются программы глубокого погружения в проблемную ситуацию с помощью виртуальных игровых технологий, компьютерных симуляторов [10], которые могли бы

¹⁸ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

оказать большую помощь в развитии цифровых методов правового воспитания в случае их широкого внедрения в очный и дистанционный форматы обучения. Педагоги из разных образовательных организаций системы МВД России пытаются использовать такие новые образовательные технологии, как виртуальные экскурсии, медиаресурсы, которые позволяют обучающимся окунуться в атмосферу присутствия в изучаемом 3D-объекте или территории, глубже понять сущность того или иного предмета, рассмотреть его с разных сторон, перемещаться с панорамы на панораму [10], во времени и пространстве, не только отрабатывая практические навыки, но и расширяя горизонты познания сложных правовых явлений, например, эволюцию государства и права, структуру общества, правовой статус личности и т. д.

На наш взгляд, необходимо активно внедрять в практику работы ведомственных ООВО формы и методы воспитания, применяемые в гражданских организациях высшего и среднего профессионального образования, принципиальным отличием которых является практика применения активных и интерактивных методов обучения. Интерактивные методы работы по сравнению с традиционными предусматривают получение знаний в готовом виде, а их активный поиск самими обучающимися в процессе самостоятельной деятельности. Преподаватель не должен выполнять функции «репродуктора», он должен быть другом, наставником обучающегося, помогающим ему идти по дороге знаний.

По методам интерактивные формы воспитательной работы делятся на следующие виды: дискуссии, дебаты, коллективное дело, решение проблемных ситуаций, нравственный выбор, деловые игры [11, с. 46]. Анализ планов воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России, Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина показал, что в целях всестороннего воспитания личности курсанта широко применяется такая форма, как экскурсии, например, в музеи, на выставки, места боевой славы (мемориальные комплексы, диорамы).

Сравнительно недавно образовательными организациями системы МВД России стал применяться метод проектов, предусматривающий участие курсантов в различных конкурсах научных работ всероссийского, регионального и вузовского уровней. Например, курсанты могут принять участие во всероссийских конкурсах на лучшую работу «Моя законотворческая инициатива», «Моя страна – моя Россия», «Атмосфера» и предложить свои идеи по совершенствованию законодательства и социально-экономическому развитию регионов. Так, ежегодно курсанты Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина участвуют в вузовском конкурсе проектов «Моя малая Родина». Мини-проектами являются также «паспорта субъектов Российской Федерации» и «паспорта муниципальных образований», которые готовят курсанты 1–2-х курсов Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина при изучении учебных дисциплин «Конституционное право России» и «Муниципальное право». Ученые доказывают перспективность проектного метода обучения, который постепенно вытесняет традиционные модели образования и меняет образовательные приоритеты. Проектная деятельность мотивирует подрастающее поколение к активному участию в социальных процессах, реализации государственной политики подготовки кадрового резерва, направлена на повышение качества жизни населения [16, с. 42–43]. Однако в образовательных организациях системы МВД России грантовая поддержка проектов не применяется.

Интерес представляет теория и практика проектирования процесса патриотического воспитания курсантов Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, реализация которого происходит в форме социально значимых акций и проектов (оказание помощи ветеранам, шефство над детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, профилактическая работа с трудными подростками и др.), волонтерской общественной деятельности [17, с. 50]. Большое воспитательное значение имеет посещение обучающимися Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина госпиталя для военнослужащих, участвующих в специальной военной операции¹⁹.

3 **З**аключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, для достижения большей эффективности воспитательной работы в образовательных организациях системы МВД России необходимо более активное использование опыта гражданских ООВО, сочетание традиционных и интерактивных форм и методов воспитания, широкое внедрение цифровых технологий, привлечение к образовательному процессу большего круга субъектов воспитания, развитие взаимодействия с представителями гражданского общества, практиками.

¹⁹ Вместе мы непобедимы! // Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина : [сайт]. URL: <https://xn--90ajl9g.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/52507516/> (дата обращения: 21.08.2024).

Во-вторых, предлагаем Министерству внутренних дел Российской Федерации разработать примерную рабочую программу воспитания обучающихся образовательных организаций с учетом специфики данного ведомства по аналогии с примерной рабочей программой воспитания, предложенной Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

В-третьих, назрела необходимость разработки и принятия новой стратегии воспитания Российской Федерации на долгосрочный период, в которой обязательно должны быть учтены обучающиеся высших учебных заведений как субъекты воспитательной работы. И в этот документ предлагаем включить отдельный раздел, посвященный воспитательной работе в ведомственных ООВО, относящихся к МВД России, а также ФСИН России, Минобороны России, ФСБ России, Росгвардии и т. п. В основу указанного раздела стратегии следует положить правовую доктрину ученых и практиков, занимающихся исследованием и реализацией принципов, методов, форм правового воспитания курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России.

В-четвертых, распространить опыт работы юридических клиник вузов на все образовательные организации системы МВД России в целях создания правовых информационно-консультативных центров, одновременно формирующих правовую культуру граждан и дающих курсантам практические знания, умения и навыки оказания юридической помощи.

В-пятых, для совершенствования воспитательной работы, придания ей неформального значения целесообразно активно привлекать к разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы советы обучающихся согласно ст. 12.1 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»²⁰. Курсанты должны стать активными субъектами воспитательного процесса, не бояться брать на себя ответственность за самые смелые решения и проекты, стремиться к саморазвитию и формировать в себе готовность в современных сложных геополитических условиях встать на защиту своего государства.

В-шестых, образовательные организации системы МВД России четко и последовательно выстраивают свою воспитательную работу в строгом соответствии с действующим законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами, системно реализуют государственную политику воспитания. Следует также отметить, что их положительный опыт формирования гражданственности, патриотизма, дисциплинированности у молодого поколения граждан нашей страны является образцом для гражданских организаций всех уровней образования.

В-седьмых, назрела необходимость создания нормативно-правовой базы для учебно-воспитательного кластера, предусматривающего научно-педагогическое сотрудничество ведомственных вузов с образовательными организациями общего, профессионального, дополнительного образования и профессионального обучения, обеспечивающее возможность непрерывного образования граждан, решения вопросов профессиональной ориентации и лучшей подготовки к будущей профессии.

В-восьмых, обеспечить правовое и научно-методическое регулирование процесса выявления воспитательного потенциала каждой учебной дисциплины и систематической корректировки технологии обучения курсантов и слушателей с целью усиления воспитательной направленности подготовки будущих сотрудников ОВД.

Список источников

1. Ильинский И. М., Луков В. А. О Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 5–14.
2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Москва : Просвещение, 2009. 28 с.
3. Ерыгина В. И. Внедрение конституционных ценностей в программу воспитания / Современные образовательные ценности и обновление содержания образования : сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, г. Белгород, 21 октября 2021 г. / под ред. Е. В. Никулиной, А. Ю. Дмитриичук, К. В. Харченко, В. И. Ерыгиной, С. А. Ржевской, С. А. Олейниковой. Белгород : Белгородский институт развития образования, 2021. С. 31–34.
4. Кабышев С. В. О парадигме конституционного права России в новых исторических реалиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 2–7.
5. Мамитова Н. В. Нравственные ценности конституционализма: историческая ретроспектива и современная реальность : (рассуждения о теории нравственного государства С. Н. Бабурина) // Государство и право. 2022. № 10. С. 63–70; <https://doi.org/10.31857/S102694520019504-5>.
6. Куришев А. Х. К вопросу об эффективности воспитательной работы в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70–4. С. 208–210.
7. Бабурин С. Н. Нравственное государство : Русский взгляд на ценности конституционализма : монография / предисл. И. М. Рагимова. Москва : Норма, 2020. 536 с.

²⁰ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

8. Хорольский В. В., Хорольская Т. Е. Проблемы воспитания в образовательных учреждениях вузов МВД России // Юридическое образование и наука. 2006. № 1. С. 37–41.
9. Сошникова И. А. Интерактивные технологии воспитательной работы и их соотношение с традиционными формами воспитания обучающихся в вузах МВД // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56-7. С. 206–212.
10. Ерыгина В. И. Использование интерактивных форм и методов правового воспитания обучающихся образовательных организаций МВД России // Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел : монография / А. Н. Александров, К. В. Буняева, В. В. Васильев [и др.]. Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, 2024. С. 198–231.
11. Сошникова И. А., Гейжан Н. Ф. Интерактивные технологии воспитательной работы с обучающимися в образовательных организациях системы МВД России : монография. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2019. 176 с.
12. Церникель Ю. И. Особенности субъект-субъектного взаимодействия в воспитательно-образовательном процессе курсанта вуза МВД России // Ползуновский вестник. 2006. № 3. С. 141–145.
13. Ерыгина В. И. Система повышения уровня электоральной культуры граждан посредством современных образовательных технологий // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2 (16). С. 40–53.
14. Ерыгин А. А. Электорально-правовое воспитание курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России // Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел : монография / А. Н. Александров, К. В. Буняева, В. В. Васильев [и др.]. Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, 2024. С. 187–197.
15. Долин В. А. Воспитательная работа в вузе МВД России в современной геополитической ситуации: традиции и новации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 4. С. 38–42.
16. Иванова С. В., Пастухова Л. С. Возможности использования проектного метода в образовании и работе с молодежью на современном этапе // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 6. С. 29–49; <http://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-6-29-49>.
17. Ходякова Н. В., Базулина А. А., Дорошенко О. М. Теория и практика проектирования процесса патриотического воспитания курсантов образовательных организаций МВД России // Педагогика и психология: академический журнал. 2023. № 3 (3). С. 47–51.

Научная статья
УДК 342.553
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-50-57>

Местное самоуправление в городе федерального значения – Санкт-Петербурге: особенности конституционно-правового закрепления и организации

Лидия Алексеевна Нудненко, доктор юридических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва (119606, пр. Вернадского, д. 84, корп. 1), Российская Федерация
nudnenko@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4619-6518>

Аннотация:

Введение. В статье на основе анализа федерального и регионального законодательства показаны особенности реализации местного самоуправления в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Санкт-Петербурге. Актуальность исследования определяется сохранением проблем при организации функционирования местного самоуправления в субъектах Российской Федерации в современных условиях и недолжной разработанностью данной проблематики в современной юридической литературе. Объектом анализа являются признаки, характеризующие особенности местного самоуправления Санкт-Петербурга в сравнении с особенностями местного самоуправления Москвы и Севастополя.

Методы. При исследовании федерального и регионального законодательства об особенностях местного самоуправления в городах федерального значения – субъектах Российской Федерации, а также практики их реализации использовались: системный подход, формально-логический и формально-юридический методы, метод сравнительного правоведения.

Результаты. Выявлены пробелы в правовом регулировании местного самоуправления в Санкт-Петербурге, высказаны предложения по их устранению. Выявлено, что, несмотря на требование Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ о присутствии в Уставе муниципального образования его наименования (обязательное условие регистрации устава), особенностью муниципальных округов Санкт-Петербурга является отсутствие наименования у 31 округа. Сделан вывод о том, что отсутствие наименования муниципального образования при регистрации его Устава свидетельствует об отсутствии должного контроля со стороны как компетентных органов, регистрирующих уставы муниципальных образований, так и правоохранительных органов. Отмечен факт отсутствия в ст. 41 Устава Санкт-Петербурга, посвященного системе правовых актов данного города федерального значения, как субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

Ключевые слова:

субъект Российской Федерации, город федерального значения, местное самоуправление, муниципальные образования, вопросы местного значения

Для цитирования:

Нудненко Л. А. Местное самоуправление в городе федерального значения – Санкт-Петербурге: особенности конституционно-правового закрепления и организации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 50–57. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-50-57>.

Статья поступила в редакцию 06.12.2024;
одобрена после рецензирования 27.01.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Local self-government in St. Petersburg as a federal city: features of constitutional and legal consolidation and organisation

Lidiya A. Nudnenko, Dr. Sci. (Jurid.), Professor

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, building 1, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation
nudnenko@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4619-6518>

© Нудненко Л. А., 2025

Abstract:

Introduction. Based on the analysis of federal and regional legislation the article shows the specifics of the implementation of local self-government in the subject of the Russian Federation – the federal city of St. Petersburg. The relevance of the research is determined by the persistence of problems in the organisation of the functioning of local self-government in the subjects of the Russian Federation in modern conditions and the inappropriate elaboration of this issue in modern legal literature. The object of the analysis is the signs characterising the features of local self-government in St. Petersburg in comparison with the features of local self-government in Moscow and Sevastopol.

Methods. In the study of federal and regional legislation on the specifics of local self-government in cities of federal significance – subjects of the Russian Federation, as well as the practice of their implementation, the following methods were used: systematic approach, formal-logical and formal-legal methods, the method of comparative jurisprudence.

Results. Gaps in the legal regulation of local self-government in St. Petersburg have been identified and proposals have been made to eliminate them. It has been revealed that despite the requirement of Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 on the presence of its name in the regulation of the municipal entity (a required condition for registration of the regulation), as a feature of the municipal districts of St. Petersburg is the absence of a name for 31 districts. It is concluded that the absence of the name of the municipality during the registration of its regulation indicates the lack of proper control by both the competent authorities registering the charters of municipalities and law enforcement agencies. The fact is noted that Article 41 of the Regulation of St. Petersburg devoted to the system of legal acts of this city of federal significance as a subject of the Russian Federation does not contain normative legal acts of local governments.

Keywords:

subject of the Russian Federation, city of federal significance, local self-government, municipalities, issues of local importance

For citation:

Nudnenko L. A. Local self-government in St. Petersburg as a federal city: features of constitutional and legal consolidation and organisation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 50–57. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-50-57>.

The article was submitted December 6, 2024; approved after reviewing January 27, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Проблемы организации и функционирования органов местного самоуправления – предмет постоянного внимания государственных и общественных деятелей, ученых различных специальностей и юристов-практиков, в своей деятельности касающихся разнообразных вопросов взаимодействия органов государственной власти и населения [1–4], проблем организации самоуправления с учетом особенностей исторического и социально-экономического развития регионов [5–7], вопросов реализации прав российских граждан¹ [8].

Актуальность исследования особенностей местного самоуправления в городе федерального значения – Санкт-Петербурге определяется наличием сравнительно небольшого количества научных исследований по данной проблематике, изданных в основном в 2006–2009 гг.² [10–17], отличающихся по глубине и широте научных исследований проблем местного самоуправления в другом городе федерального значения Москве. Среди научных работ, посвященных данной тематике [18–22], преобладают исследования, посвященные историческому пути развития и характеристике особенностей местного самоуправления на современном этапе в Москве. Научные исследования местного самоуправления в Санкт-Петербурге до настоящего времени немногочисленны.

Анализ Конституции Российской Федерации позволяет выделить конституционно-правовые признаки местного самоуправления, которое является: основой конституционного строя Российской Федерации, возникшей исторически еще в Древнем Риме, получившей развитие в последующие эпохи развития человечества и ставшей общечеловеческой ценностью, закрепленной в конституциях демократических государств; формой народовластия наряду с непосредственной демократией и государственной властью; субъективным правом гражданина; составной частью единой системы публичной власти, наряду с органами государственной власти.

Местное самоуправление возникает в силу Конституции Российской Федерации как форма выражения воли всего российского многонационального народа, действует на всей территории Российской Федерации. Вместе с тем в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ о местном самоуправлении) имеется глава 11, регулирующая особенности

¹ Нижник Н. С., Савельева М. В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1(101). С. 34–50. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-1-34-50>.

² Сергиенко А. А. Правовое регулирование вопросов местного значения внутригородских муниципальных образований городов федерального значения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2009. 218 с.

организации и реализации местного самоуправления на отдельных территориях, в частности, в городах федерального значения – субъектах Российской Федерации, одним из которых является Санкт-Петербург³.

Методы

При исследовании федерального и регионального законодательства об особенностях местного самоуправления в городах федерального значения – субъектах Российской Федерации, а также практики их реализации использовались:

- системный подход (при рассмотрении взаимовлияния экономических факторов на реализацию местного самоуправления в Санкт-Петербурге);
- формально-логический метод (при построении логических умозаключений и обоснований);
- формально-юридический метод (при уяснении смысла нормативных правовых актов);
- метод сравнительного правоведения (при исследовании особенностей местного самоуправления в городах федерального значения – субъектах Российской Федерации).

Результаты

Будучи городом федерального значения – субъектом Российской Федерации, Санкт-Петербург обладает особенностями организации местного самоуправления, которые можно разделить на общие и специальные.

К числу общих относятся особенности, характерные для всех городов федерального значения – субъектов Российской Федерации, закрепленные в ст. 79 ФЗ о местном самоуправлении⁴.

Специальными особенностями можно назвать те, которые возникли при реализации общих особенностей в силу географических, исторических, экономических условий в конкретном городе федерального значения – субъекте Российской Федерации. В нашем случае – в Санкт-Петербурге.

Прежде всего местное самоуправление осуществляется на внутригородских территориях, что в целом нехарактерно для других городов Российской Федерации, а составляет исключение из общего правила. Установление, изменение, преобразование границ внутригородских территорий в качестве муниципальных образований города федерального значения осуществляется его законом с учетом мнения населения (ст. 79 ФЗ о местном самоуправлении). Мнение населения может быть выявлено как путем голосования населения, так и выражено представительным органом муниципального образования [19, с. 233–240].

Критериями для выделения видов муниципальных образований Санкт-Петербурга являются географические, исторические, экономические, культурные и иные особенности территории, в результате учета которых на территории города создано 111 муниципальных образований⁵.

В качестве принципа территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации, начиная с 2003 года, в отличие от предшествующего этапа становления местного самоуправления в России, стал принцип несовпадения территориальной организации местного самоуправления с административно-территориальным делением субъекта Российской Федерации.

Исключение из этого принципа представляет территориальная организация местного самоуправления в Санкт-Петербурге, которое в основном (но не в целом!) отвечает содержанию этого принципа. В составе города 18 административных районов, территория которых подразделена на 81 муниципальный округ согласно с их принадлежностью к определенной жилищно-эксплуатационной системе. При этом на территории Кронштадтского района расположен один муниципальный округ, а на территории Курортного района – 11 муниципальных округов⁶. Таким образом, Кронштадтский район города Санкт-Петербург (административно-территориальная единица) совпадает с территориальной основой местного самоуправления этого города федерального значения.

³ Статья 79 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822).

⁴ Нудненко Л. А. Тенденции правового регулирования особенностей организации местного самоуправления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (81). С. 61–68.

⁵ О территориальном устройстве Санкт-Петербурга : Закон Санкт-Петербурга от 25 июля 2005 г № 411-68 (ред. от 05.04.2024) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2005. № 11.

⁶ Административно-территориальное устройство Санкт-Петербурга // Совет муниципальных образований Санкт-Петербурга : [официальный сайт]. URL: <https://www.sovetmo-spb.ru/msu/administrativno-territorialnoe-ustroystvo-sankt-peterburga> (дата обращения: 25.01.2025).

Муниципальные образования различаются географически (внутри внешних границ города либо за их пределами), количеством населения, инфраструктурой, характером экономики, расположенной на этих территориях. Например, в поселке Серово количество жителей – 200, а в Колпино – более 140 000 человек.

Несмотря на требование ФЗ о местном самоуправлении о присутствии в Уставе муниципального образования его наименования, что является обязательным условием регистрации устава, особенностью муниципальных округов Санкт-Петербурга является отсутствие наименования у 31 округа. Так, на территории Санкт-Петербурга имеются: муниципальный округ № 7 (Василеостровской район), муниципальный округ № 21 (Калининский район).

Факт отсутствия наименований у ряда муниципальных образований Санкт-Петербурга можно объяснить отсутствием инициативы со стороны как населения соответствующих муниципальных образований, которые в данной ситуации могли бы воспользоваться правотворческой инициативой, предусмотренной Федеральным законом об общих принципах организации местного самоуправления, так и представительных органов местного самоуправления, которые обладают правом законодательной инициативы (ст. 33 Устава Санкт-Петербурга)⁷.

Представляет интерес решение этого вопроса в Севастополе, Закон которого от 3 июня 2014 г. № 19-ЗС содержит ст. 9 о порядке рассмотрения предложений о присвоении наименований административно-территориальным единицам как географическим объектам или об их переименовании, где подробно урегулирован: круг субъектов законодательной инициативы о наименовании; перечень предоставляемых документов в обоснование данной инициативы; расчет затрат, связанных с наименованием; требования к оформлению документов инициативы; формы участия в этом процессе Законодательного Собрания и Губернатора Севастополя; порядок назначения и опроса граждан по вопросу наименования; порядок оповещения граждан по поводу инициативы и проведения опроса; процедуру решения этого вопроса в Законодательном Собрании Севастополя⁸.

Полагаем, что опыт правовой регламентации вопроса о наименовании административно-территориальных единиц в Севастополе может быть распространен и на вопрос о наименовании муниципального образования и стать полезным в правовой регламентации актуального для Санкт-Петербурга вопроса.

Отсутствие наименования муниципального образования при регистрации его Устава свидетельствует об отсутствии должного контроля со стороны как компетентных органов, регистрирующих уставы муниципальных образований, так и правоохранительных органов.

Обращает на себя факт отсутствия в ст. 41 Устава Санкт-Петербурга, посвященного системе правовых актов данного города федерального значения как субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления⁹. Нормативные правовые акты органов местного самоуправления согласно общепринятым постулатам юридической науки входят в систему правовых актов субъекта Российской Федерации, которая является двухуровневой:

- 1) акты органов государственной власти субъекта Российской Федерации;
- 2) нормативные правовые акты органов местного самоуправления муниципальных образований.

Считаем, что этот пробел в ст. 4.1. Устава Санкт-Петербурга целесообразно устранить, включив в систему правовых актов города нормативные правовые акты органов местного самоуправления.

Другой особенностью местного самоуправления в Санкт-Петербурге является наличие в районах города территориальных исполнительных органов государственной власти – администраций районов при отсутствии представительных органов государственной власти в городских районах. Администрации районов г. Санкт-Петербурга напоминают районные управы города Москвы, которые подчиняются префектуре административного округа Москвы и через нее Правительству Москвы. Таким образом в Москве создана единая вертикаль системы исполнительных органов государственной власти. Вертикаль исполнительной власти в Санкт-Петербурге состоит из Губернатора, Правительства и районных администраций. Администрации районов Санкт-Петербурга осуществляют государственное управление и подчиняются Правительству города. Глав районных администраций назначает Губернатор Санкт-Петербурга.

⁷ Устав Санкт-Петербурга (принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга (далее – ЗС СПб) 14.01.1998) (ред. от 23.05.2024) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 1998. № 5–6.

⁸ Об административно-территориальном устройстве города Севастополя : Закон Севастополя от 3 июня 2014 г. № 19-ЗС (ред. от 05.10.2022) // Севастопольские известия. 2014. 14 июня.

⁹ Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 1998. № 5–6.

Поскольку территория городского района, как правило, включает несколько муниципальных образований, то возникает проблема взаимодействия между администрацией района Санкт-Петербурга и органами местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на его территории. Эту задачу выполняют отделы по организационной работе и взаимодействию с органами местного самоуправления, создаваемые при каждой администрации района Санкт-Петербурга.

В качестве основных направлений такого взаимодействия можно выделить: регулятивную, организационную и информационные функции.

Регулятивная функция проявляется в общей координации деятельности органов местного самоуправления муниципальных образований, а также издании районной администрацией Санкт-Петербурга правовых актов по вопросам организации местного самоуправления в пределах, установленных федеральным законодательством. Данный вывод подтверждается предписанием п. 3 ст. 64 Устава Санкт-Петербурга о возможности районной администрации, входящей в единую систему публичной власти в Санкт-Петербурге, осуществлять правовое регулирование вопросов организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге в случаях и порядке, установленных федеральным законом.

Городской район представляет собой единый хозяйственный комплекс, единый рынок товаров и услуг коммунального хозяйства. Сказанное требует принятия согласованных решений органами государственной власти Санкт-Петербурга с органами местного самоуправления по вопросам, затрагивающим интересы жителей не только одного, но и нескольких муниципальных образований. Следует учитывать общность интересов, потребностей жителей всего города, независимо от района их проживания. Решения органов государственной власти Санкт-Петербурга должны приниматься с учетом ожиданий местного сообщества, выраженных как непосредственно, так и через органы местного самоуправления. Эти решения должны быть нацелены на решение общественных интересов, обеспечение достижения общественного блага.

В идеале отношения между органами государственной власти и органами местного самоуправления Санкт-Петербурга должны строиться на модели уважения и партнерства, поскольку они преследуют общие цели и оказывают необходимые услуги населению. В рамках данной модели местное самоуправление должно быть органичным элементом самовыражения местного сообщества, влияющим на решение вопросов местного значения на территории муниципального образования.

Основное направление деятельности указанного отдела администрации района Санкт-Петербурга составляет влияние на реализацию прямого волеизъявления граждан города по вопросам местного значения, которое можно обозначить как организаторскую функцию. Проявлениями названной функции являются: предоставление сведений об участниках местного референдума и выборов депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований на территории района; образование участков референдума и избирательных участков; публикация списков участников референдума и избирательных списков, а также мест нахождения участковых избирательных комиссий и комиссий референдума, помещений для голосования.

Кроме организаторской, отдел администрации района Санкт-Петербурга по организационной работе и взаимодействию с органами местного самоуправления выполняет информационную функцию, конкретными проявлениями которой является информирование жителей муниципальных образований по вопросам социально-экономического развития как всего города в целом, так и жителей муниципальных образований, расположенных на территории городского района.

Недостатком реализации информационной функции является отсутствие на сайтах в интернете информации о деятельности отделов по организационной работе и взаимодействию с органами местного самоуправления районных администраций Санкт-Петербурга. В результате не получается составить представление о конкретных мероприятиях и решениях, в которых выражается такое взаимодействие. Как правило, отделы районной администрации ежегодно составляют отчеты о своей деятельности по вопросам собственной компетенции. Полагаем целесообразным помещать таких отчетов для ознакомления населения и общественных объединений на сайте в сети «Интернет».

Следует отметить отсутствие у отдела по организационной работе и взаимодействию с органами местного самоуправления контрольной функции, поскольку органы местного самоуправления согласно ст. 12 Конституции Российской Федерации не входят в систему органов

государственной власти, самостоятельны в принятии решений по вопросам собственной компетенции и не находятся в отношениях подчинения территориальному исполнительному органу государственной власти, каким является вышеупомянутый отдел районной администрации Санкт-Петербурга.

Реализация контрольной функции возможна в отношении органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований только со стороны районной администрации относительно полномочий, делегированных органам местного самоуправления законом Санкт-Петербурга.

Особенность местного самоуправления в Санкт-Петербурге как городе федерального значения составляет перечень вопросов местного значения, реализуемых в рамках муниципальных образований города, которые можно подразделить на общие, адресованные всем муниципальным образованиям города¹⁰, дополнительные для определенного вида муниципальных образований (например, городов) и специфические для конкретного, указанного в Законе перечня муниципальных образований независимо от их видовой классификации.

К дополнительным вопросам местного значения муниципальных образований городов на основании территориальных, географических и экономических особенностей муниципальных образований относятся, например, осуществление мероприятий по содержанию в порядке и благоустройству воинских захоронений, мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества, расположенных вне земельных участков, входящих в состав кладбищ и др. (п. 5 ст. 10 Закона Санкт-Петербурга о местном самоуправлении). Специфические вопросы местного значения адресованы муниципальным образованиям муниципальных округов Горелово, Лахта-Ольгино, которые должны заниматься текущим ремонтом и содержанием дорог, расположенных в пределах границ муниципальных образований (п. 3 ст. 10 Закона Санкт-Петербурга о местном самоуправлении¹¹).

Таким образом, вопросы местного значения были детализированы с целью решения проблем жизнеобеспечения населения муниципальных образований, создания механизма регулирования социально-экономического развития их территорий. Вместе с тем в юридической литературе отмечается, что достичь максимального разграничения полномочий между органами государственной власти Санкт-Петербурга и органами местного самоуправления не удалось [13, с. 27–28]. Это можно объяснить тем, что существуют сферы, в которых полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления пересекаются (образование, здравоохранение и др.), поскольку перед ними в этих сферах стоят общие задачи – улучшение качества жизни населения, обеспечение его прав. Различия в реализации этих сфер определяются масштабами деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления Санкт-Петербурга.

Анализ круга вопросов местного значения в Санкт-Петербурге позволил сделать вывод, что все оперативные и стратегические решения принимаются городскими органами государственной власти. Органы местного самоуправления не имеют полномочий по принятию самостоятельных политических решений, что можно объяснить централизацией государственного управления, необходимостью сохранения единого городского хозяйства, обеспечивающего эффективное социально-экономическое развитие города.

Реализация вопросов местного значения в значительной степени зависит от наличия соответствующих материальных и финансовых ресурсов. На решение этой проблемы направлено принятие ежегодного Закона Санкт-Петербурга о бюджете, в котором определяются источники доходов муниципальных образований и нормативы отчислений в местные бюджеты¹². Кроме того, Законодательное Собрание Санкт-Петербурга принимает отдельные законы, регулирующие: формы и условия межбюджетных трансфертов бюджетам внутригородских муниципальных образований из бюджета города¹³; источники финансовой поддержки в составе бюджета Санкт-Петербурга для финансового выравнивания бюджетов муниципальных образований;

¹⁰ Пункт 1 статьи 10 Закона Санкт-Петербурга о местном самоуправлении (Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге : Закон Санкт-Петербурга от 23 сентября 2009 г. № 420-79 (принят ЗС СПб 23.09.2009) (ред. от 24.12.2024) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2009. № 22).

¹¹ Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2009. № 22.

¹² О бюджете Санкт-Петербурга на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов : Закон Санкт-Петербурга от 30 ноября 2023 г. № 714-144 (принят ЗС СПб 29.11.2023) (ред. от 29.11.2024) // Администрация Санкт-Петербурга : [официальный сайт]. URL: <https://www.gov.spb.ru/law/> (дата обращения: 27.12.2024).

¹³ О межбюджетных трансфертах бюджетам внутригородских муниципальных образований города федерального значения Санкт-Петербурга из бюджета Санкт-Петербурга : Закон Санкт-Петербурга от 29 февраля 2020 г. № 419-94 (принят ЗС СПб 23.09.2020) (ред. от 24.12.2024) // Администрация Санкт-Петербурга : [официальный сайт]. URL: <https://www.gov.spb.ru/law/> (дата обращения: 27.12.2024).

порядок предоставления и размер дотаций местным бюджетам на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов муниципальных образований.

В научной литературе [9, с. 68–73; 14] и средствах массовой информации неоднократно высказывалось мнение о неудовлетворительном состоянии с финансированием организации местного самоуправления в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга, которое урезано до минимального. Имеет место даже сокращение штатов, чтобы была возможность тратить средства не только на зарплаты. Одной из причин данного явления называют то, что финансирование муниципальных образований в основном идет через субсидии и дотации от чиновников. Местные налоги и сборы не могут в должной мере наполнить местные бюджеты. «В таком виде муниципальная власть остается абсолютно бесправной»¹⁴.

Приведенное суждение подтверждается статистическими данными о количестве денежных средств в городском бюджете Санкт-Петербурга на финансирование муниципальных образований города. Так, согласно данным Комитета финансов Правительства Санкт-Петербурга, консолидированный бюджет Санкт-Петербурга на 1 декабря 2023 г. составил 1 099 580 976 346,08 руб., а консолидированный бюджет муниципальных образований города – 15 592 373 146,08 руб., что составляет 1,4 % от городского бюджета в целом¹⁵.

3 заключение

Будучи городом федерального значения, субъектом Российской Федерации, город Санкт-Петербург обладает как общими для городов федерального значения особенностями местного самоуправления на своей территории, так и специфическими особенностями, характерными только для него. Имеют место отмеченные в тексте статьи проблемы в правовой регламентации местного самоуправления города Санкт-Петербурга, требующие устранения.

Список источников

1. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Полиция и гражданское общество: направления и формы партнерского взаимодействия (по материалам международной конференции) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 43–48.
2. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Советское государство и общество: основные направления взаимодействия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 8 (74), № 4. С. 384–394.
3. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Общественные организации и объединения в СССР: участие в реализации функций советского государства // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 7–12. <https://doi.org/10.18572/2221-3287-2023-1-7-12>.
4. Нижник Н. С., Лясович Т. Г. Полицейская деятельность и профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел как предмет правовых исследований // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10 (76), № 1. С. 410–426.
5. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Империя и федерация как формы социальной организации в контексте ретроспективного и теоретико-правового анализа (К 100-летию образования СССР) // Государство и право. 2022. № 12. С. 186–192. <https://doi.org/10.31857/S102694520023313-5>.
6. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. 2024. № 3. С. 202–208. <https://doi.org/10.31857/S1026945224030215>.
7. Нижник Н. С., Сидоренко Н. С. Политико-правовая мысль как объект современных научных исследований // История государства и права. 2024. № 7. С. 41–49. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2024-7-41-49>.
8. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Права человека – проблема актуального юридического и политического дискурса // Гражданское общество в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 8–13. <https://doi.org/10.18572/2221-3287-2024-1-8-13>.
9. Сергиенко А. М. Муниципальная реформа в правовом поле города федерального значения – Санкт-Петербурга (вопросы регионального законодательства // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2006. № 3 (23). С. 67–77.
10. Васецкий А. А., Левина С. А. Мониторинг муниципальных средств массовой информации (на примере печатных изданий муниципальных образований Санкт-Петербурга) // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2007. № 2 (26). С. 97–106;
11. Лабудин А. В. Местное самоуправление в условиях муниципальной реформы: некоторые итоги десятилетнего пути // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2007. № 2 (50). С. 51–63.
12. Сергиенко А. М. Проблемы правового регулирования вопросов местного значения внутригородских муниципальных образований // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11. С. 35–38.
13. Васецкий А. А., Шубина Н. В. Законодательство Санкт-Петербурга об организации местного самоуправления // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2008. № 4 (32). С. 5–29.

¹⁴ Ключкова К. «Не до этого». Муниципальную реформу в Петербурге поставили на паузу // Фонтанка : [сайт]. URL: https://www.fontanka.ru/2023/09/21/72731051/?utm_source=ok (дата обращения: 28.12.2024).

¹⁵ Отчет об исполнении консолидированного бюджета Санкт-Петербурга и ТФОМС на 01.12.2023 // Администрация Санкт-Петербурга : [официальный сайт]. URL: www.gov.spb.ru/gov/otrasl/finance. (дата обращения: 27.12.2024).

14. Васецкий А. А., Шубина Н. В. Проблемы развития местного самоуправления в Санкт-Петербурге : [монография]. Санкт-Петербург : СЗАГС, 2008. 314 с.
15. Яновский В. В. Проблемы развития местного самоуправления в Санкт-Петербурге // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2009. № 4 (36). С. 218–221.
16. Хмельченко Е. Г. Проблемы перспективного развития местного самоуправления в городах федерального значения – Москве и Санкт-Петербурге // Вестник университета. 2017. № 3. С. 204–209.
17. Андриченко Л. В. Особенности организации местного самоуправления на отдельных территориях // Журнал российского права. 2024. № 10. С. 44–54.
18. Ежукова О. А., Малютин Н. С. Особенности организации публичной власти на отдельных территориях: опыт Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 13–23.
19. Нудненко Л. А. Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия : монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 411 с.
20. Баженова О. И. Современные проблемы организации муниципальной власти в городских округах: состояние и перспективы / Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва, 20 апреля 2018 г. / под ред. Л. Т. Чихладзе. Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. С. 86–94.
21. Гриценко Е. В. Конституционная география России: как не заблудиться в лабиринтах особых режимов и статусов территорий // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33, № 3 (160). С. 4–42. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2024-3-4-42>.

Научная статья
УДК 342
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-58-66>

Национальная правовая система в устремлениях России к многополярному миру: факторы развития и ограничения

Виктор Пантелеевич Очередыко, доктор юридических наук, профессор

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева
Санкт-Петербург (197046, Александровский парк, д. 5 А), Российская Федерация
ocheredkovp@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6552-453X>

Аннотация:

Постановка проблемы. Россия является активным участником формирования многополярного мира. Признание правовой системы важным ресурсом российского участия в этом процессе предъявляет к ней новые требования, настоятельно требует внесения в ее развитие корректив, отражающих органические черты российской цивилизации.

Методы. Исследование детерминировано применением общенаучных, частнонаучных и специальных методов познания, позволивших комплексно исследовать проблемы и факторы развития национальной правовой системы в условиях становления многополярного мира.

Результаты. Автор рассматривает Россию как формирующийся центр силы в многополярном мире, анализируя право как один из ее ресурсов. в широком историческом контексте, включающем два этапа глубоких трансформаций. В статье выявлены их характерные черты и противоречивые результаты. Проведен многофакторный анализ развития российской правовой системы в условиях становления многополярного мира, показана обусловленность ее успешной трансформации реализацией в правовой сфере цивилизационного позиционирования России.

Выводы. Перед правовой системой всегда стоит задача быть адекватной потребностям меняющейся государственной политики по развитию модели национального развития. Эволюция государственной политики обуславливает изменение приоритетов в развитии правовой системы для возрастания ее конкурентных возможностей в новых условиях. Трансформация национальной правовой системы обусловлена воздействием факторов, отражающих меняющуюся конфигурацию современного мирового правопорядка. Правовая трансформация должна базироваться на цивилизационном позиционировании России в многополярном мире, на обращении к национальным ценностям и традициям. Однако перевод на деятельностный уровень учета ценностных ориентиров и правовых традиций в развитии правовой системы наталкивается на существенные ограничения.

Ключевые слова:

правовая система, многополярный мир, центр силы, национальные приоритеты, ценностные ориентиры

Для цитирования:

Очередыко В. П. Национальная правовая система в устремлениях России к многополярному миру: факторы развития и ограничения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 58–66. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-58-66>.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.

Original article

National legal system in Russia's aspirations for a multipolar world: challenges and limitations

Viktor P. Ocheredko, Dr. Sci. (Jurid.), Professor

North-West branch of the University of Justice named after V. M. Lebedev
5 A, Aleksandrovskiy park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation
ocheredkovp@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6552-453X>

© Очередыко В. П., 2025

Abstract:

Statement of the problem. Russia is an active participant in the formation of a multipolar world. The recognition of the legal system as an important resource for Russian participation in this process places new demands on it and urgently requires adjustments to its development that reflect the organic features of Russian civilization.

Methods. The study is determined by the use of general scientific, specific scientific and special methods of cognition, which made it possible to comprehensively study the problems and factors of development of the national legal system in the context of the formation of a multipolar world.

Results. The author examines Russia as an emerging center of power in a multipolar world, analyzing law as one of its resources. In a broad historical context, including two stages of profound transformations. The article identifies their characteristic features and contradictory results. A multifactorial analysis of the development of the Russian legal system in the context of the formation of a multipolar world is carried out, and the conditionality of its successful transformation by the implementation of Russia's civilizational positioning in the legal sphere is shown.

Conclusions. The legal system always faces the task of being adequate to the needs of the changing state policy on the development of the national development model. The evolution of state policy determines the change of priorities in the development of the legal system to increase its competitive capabilities in the new conditions. The transformation of the national legal system is determined by the influence of factors reflecting the changing configuration of the modern world legal order. Legal transformation should be based on the civilizational positioning of Russia in a multipolar world, on an appeal to national values and traditions. However, the transfer to the activity level of taking into account value guidelines and legal traditions in the development of the legal system encounters significant limitations.

Keywords:

legal system, multipolar world, centre of power, national priorities, value orientations

For citation:

Ocheredko V. P. National legal system in Russia's aspirations for a multipolar world: challenges and limitations // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 58–66. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-58-66>.

The article was submitted December 17, 2024; approved after reviewing March 5, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Начиная с середины XX века, мир переживает последовательное развитие трех моделей мироустройства – биполярной, однополярной, многополярной. Переход в новый многополярный мир призван открыть перед всеми цивилизациями и государствами «возможности для своего демократического, оригинального пути развития»¹.

Несмотря на признание некоторыми авторами многополярности в организации международных отношений уже свершившимся фактом [1], все-таки, на наш взгляд, этот процесс находится на начальной стадии. Многополярный мир пока представлен скорее в теоретических конструкциях.

Современное понимание многополярного мира акцентирует внимание на становлении мировых центров, не подверженных диктату западных государств. Эта система приходит на смену прежней парадигме мироустройства, характеризующейся доминированием одного центра (западного мира) и его экспансией под лозунгами глобализации, либерализации и стирания национальных границ.

Важен еще один существенный для наших рассуждений аспект. Мы имеем дело с процессом возникновения нового явления, а не с его состоянием, характеризующимся зримыми очертаниями, зрелыми формами и устоявшимися институтами. Признание начальности этого процесса не только не отрицает возможность теоретического анализа, наоборот, определяет его настоящую необходимость, тем более что вырисовываются основные контуры нового миропорядка. Необходимо осмысление этого процесса, понимание позиционирования России как реального полюса, уяснение настоящей необходимости участия России в становлении нового миропорядка, принимая во внимание как вытекающие из этого возможности, так и существующие ограничения.

Современное состояние реализации идеи многополярного мира определяет характер осуществляемых исследований в значительной мере как прогностических, направленных на формирование образа будущего отечественной правовой системы, отвечающего стремлению России стать центром силы в многополярном мире. С юридического прогнозирования начинается эффективное «управление будущим» правовой системы.

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/69695> (дата обращения: 04.02.2024).

Результаты

Развитие концепции многополярного мира базируется на активном использовании новых категорий, не получивших пока нормативного закрепления, а именно, «центр силы» и «полюс силы».

Мы можем констатировать существенное разнообразие в их понимании, использование без необходимой конкретизации понятий. Иногда они рассматриваются как синонимы, порой их относят к различным сферам деятельности, что, конечно, не способствует определенности в теоретических построениях [2–4]. На наш взгляд, эти категории взаимосвязаны, но не тождественны, и обладают самостоятельным содержанием.

Обычно под центром силы понимают отдельную страну или союз государств, который способен продвигать свои интересы на международной арене, активно участвовать в управлении глобальными процессами. Центр силы является результатом взаимодействия (аккумуляции) многих ресурсов (военного, политического, экономического и др.) в виде полюсов силы, представляющих его (центра силы) локальные (частные) характеристики.

Полюс силы представляет собой форму существования определенного ресурса, приобретающую свою качественную определенность и позволяющую занимать и удерживать определенные (локальные) статусные позиции в глобальном мире при отстаивании национальных интересов. Каждая страна или объединение стран обладает ресурсами, однако не все они могут выступать в качестве полюса силы.

Обычно выделяют военный, экономический, политический полюса [2]. Общепринято считать, что Россия обладает признаками политического (как минимум, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН), а также военного (являясь ядерной державой) полюсов. Россия достигла определенных результатов в экономическом развитии. Как известно, в 2024 году Международный валютный фонд признал экономику России четвертой в мире по паритету покупательной способности. Конечно, это, на наш взгляд, не означает, что мы обладаем всеми признаками экономического полюса.

В становлении центра силы, наряду с указанными ресурсами, важную роль играет сфера права, которая придает необходимую нормативность их развитию. Право обеспечивает комфортные и безопасные условия функционирования общественного организма. Оно, выступая деперсонализированным регулятором большой совокупности отношений в обществе, в значительной мере является сферой, определяющей облик (имидж) государства. Его качественные характеристики являются одним из важных условий обеспечения деловой привлекательности любой страны.

Таким образом право, опосредуя развивающиеся процессы во всех сферах деятельности, является важной составляющей сложного процесса становления России как центра силы и в значительной мере определяет возможности достижения заявленных страной целей. Следует согласиться со сформулированным В. Д. Зорькиным императивом, что Россия может занять достойное место в новом миропорядке, «преодолеть отставание от ведущих стран мира..., только используя право как серьезный и необходимый ресурс развития» [5, с. 52]. Правовая трансформация является необходимой формой становления российского центра силы. В этом смысле правовая система также является одним из значимых полюсов в становлении центра силы. Все зависит от ее количественных и качественных характеристик.

Развитие любой социальной системы всегда исторически обусловлено. Не является исключением и развитие современной российской правовой системы. Она всегда должна быть адекватной потребностям существующих приоритетов государственной политики как во внутреннем, так и во внешнем ее контурах.

Проблематика развития правовой системы как ресурса российского участия в преобразовании мирового правопорядка наиболее полно раскрывается при ее анализе на широком историческом материале, включающем два этапа глубоких трансформаций, укладываемых в достаточно короткий исторический промежуток – 30 лет.

На первом этапе преобразования осуществлялись в условиях «пикового» развития глобализации и в контексте широкомасштабного процесса вхождения России в «цивилизованную семью европейских народов». Процесс рассматривался как магистральный в поисках ответов на возникающие вызовы развивающейся модели глобализации права, направленных на повышение конкурентоспособности российской правовой системы в рамках этой модели. Решалась задача сформировать национальную правовую систему, похожую на западные образцы. Это предопределило европейский облик отечественной правовой системы, вытекающие из этого преимущества и выявившиеся недостатки, обнаружившие ее ограниченные конкурентные возможности.

Интеграция российской правовой системы в европейское правовое пространство оказала противоречивое влияние на ее конкурентоспособность. С одной стороны, широкомасштабная рецепция иностранных институтов и норм в российскую правовую систему способствовала ее «осовремениванию», большей согласованности с ведущими правовыми системами, развитию экономических, правовых и гуманитарных связей между странами. С другой стороны, развивающиеся в последнее десятилетие процессы со всей наглядностью показывают ограничения для развития национальных правовых систем, заложенные в существующей модели глобализации права.

На российском уровне развиваются противоречия между глобализационными процессами и требованиями национальной безопасности, проявляющиеся в реальном ограничении сферы применения российского права и юрисдикции российских судов в отношении российских юридических лиц. Англосаксонский облик российского юридического бизнеса в высших звеньях, вторичная роль национальных юридических компаний, их крайне незначительная роль в мировом юридическом бизнесе также характеризует отечественную правовую систему прошедшего периода [6].

Хронологические рамки второго этапа современного развития отечественной правовой системы можно определить лишь приблизительно. Важными рубежами являются переворот на Украине и связанные с ним события в Крыму и Донбассе, начало специальной военной операции. В этот период резко изменились внешние условия функционирования отечественной правовой системы. Обострился кризис международного права, снижается его роль при решении конфликтов на международной арене. Произошло разрушение общеевропейского гуманитарного правового пространства. Широкомасштабным ограничительным мером со стороны западных стран придается правовой характер. Осуществлены ограничения российского бизнеса в доступе к юридическим услугам иностранных юридических компаний. В значительной мере подвергся разрушению механизм взаимного признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений и оказания правовой помощи между странами.

Этот период характеризуется осуществлением широкомасштабного «разворота» России на Восток, изменением приоритетов и структуры экономических, политических и социальных связей. Правовая система должна соответствовать изменяющимся приоритетам национального развития. Задача эта имеет множество измерений (ценностное, содержательное, временное). Исходя из этого, в эволюции российской правовой системы следует выделить обусловленные спецификой исторического периода две составляющих – текущую и стратегическую. Каждая из них имеет свое целеполагание, свой исторический контекст и временные параметры, но взаимообусловленные и тесно связанные.

Первая – текущая – нацелена на противодействие широкомасштабным ограничительным мерам со стороны западных стран и проявляется в обретшей вполне конкретные очертания «суверенизации» правовой системы.

Осуществление Россией шагов по противодействию широкомасштабным ограничительным мерам, облакаемым в нормативные формы, можно определить как суверенизацию российской правовой системы. Прежде всего, созданы конституционные основания суверенизации российского права, российского правосудия. Они содержатся в конституционном нововведении, определяющем Конституционный Суд Российской Федерации как последнюю инстанцию в решении спорных вопросов исполнения решений межгосударственных органов, иностранных или международных судов (арбитража). Тем самым создан конституционно-приемлемый способ исполнения таких решений Россией при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции Российской Федерации в российской правовой системе.

Происходит суверенизация юридического сопровождения судебной защиты прав и законных интересов российского бизнеса. Уход с российского юридического рынка международных юридических фирм создает хорошие перспективы для развития российского юридического бизнеса и, что еще более важно, расширяются российские правовые основания хозяйственной деятельности.

Создаются новые инструменты судебной защиты прав и интересов российского бизнеса. В решениях высших судебных органов Российской Федерации получили юридическую квалификацию ограничительные меры со стороны стран Запада и ответные ограничительные меры Российской Федерации. Западные санкции и российские меры противодействия повлекли за собой введение многих нестандартных правовых норм, развитие судебной практики по защите интересов российского бизнеса. В частности, в российском праве появляются новые правовые сущности, а именно, «недружественные» страны, используемые в качестве нового аргумента в судебных спорах российского бизнеса с иностранными фирмами. В российское правовое

пространство введены национальные защитные нормы, распространяющие исключительную компетенцию российских государственных судов на определенные виды споров и стороны, затронутые ограничительными мерами.

Вместе с тем, изменение приоритетов государственного развития, задачи активного участия в формировании многополярного мира показывают содержательную и временную ограниченность «реактивных» мер, направленных на преодоление «давления» со стороны западных стран.

Решение текущих (при всей их важности) задач должно быть согласовано и рассматриваться как составная часть стратегической составляющей трансформации национальной правовой системы, направленная на формирование конкурентных возможностей правовой системы России в новом глобальном правопорядке, призванных обеспечить реализацию заявленной позиции центра силы в многополярном мире. Решение этой стратегической задачи предполагает ее соответствие отечественному видению справедливого мироустройства, своей философии развития, конкурентным преимуществам России в материально-сырьевом, интеллектуальном, образовательном планах, духовно-нравственном развитии. Это решение обусловлено воздействием широкого набора факторов, отражающих меняющуюся конфигурацию современного мирового правопорядка.

Слом существующего миропорядка, формирование многополярного мира сопровождаются обострением конкурентной борьбы как постоянно воспроизводимым вызовом национальной правовой системе. Страны всегда стремятся добиться большей власти и влияния на международной арене, улучшить свои позиции в межгосударственной конкуренции. Формирование нового мира как антитезы глобализации с ее комплексной и крайне агрессивной формой конкурентной борьбы, в которой выигрывали страны Запада как организаторы процесса и основные выгодоприобретатели, нисколько не устраняет проблему конкуренции в мировом развитии. Наоборот, развивается ее многосубъектность, разнонаправленность и многофакторность, усиливается неопределенность в мировом развитии. Это воздействует на логику конкурентной борьбы национальных юрисдикций, заставляет по-новому рассматривать систему конкурентных преимуществ, оценивать факторы конкурентоспособности страны в многополярном мире.

Новый мировой правопорядок, формируемый в условиях глубокого кризиса международного права, характеризуется иным соотношением между его элементами. Развивающаяся регионализация мировой правовой системы проявляется в опоре стран на преимущественное развитие национальных правовых систем и права интеграционных объединений. Динамично развивается новое, транснациональное право, включающее как нормы, создаваемые транснациональными корпорациями самостоятельно, так и в еще большей мере «различные механизмы управления и правового обеспечения», основанные на «как традиционных, вроде договоров, так и инновационных корпоративных и трастовых механизмах, а также неформальных механизмах управления» [7, с. 13]. Последние создаются глобальными цепочками формирования стоимости. Развитие транснационального права является серьезным вызовом национальным правовым системам, ставя перед ними неизвестные ранее задачи нормативного опосредования.

Формирование нового многополярного мира характеризуется изменением формы глобализации. На смену вертикальной глобализации из одного центра приходит горизонтальная глобализация на основе развития новых центров силы и их нарастающего взаимодействия, с акцентом на развитие права интеграционных объединений. Каждый полюс в новом мироустройстве должен и будет опираться на интеграционное объединение, нормы коммуникативного права, совпадающие цивилизационные ценности в виде правовой культуры, правосознания и истории. Отсюда вытекает очевидный императив для российской правовой системы. Участие России в формировании многополярного мира в его правовом измерении предполагает не только развитие национальной правовой системы, ее конкурентоспособности, но также должно быть нацелено на освоение международного правового пространства, в т. ч. в рамках развивающихся интеграционных объединений (Союзное государство, ЕАЭС), других организаций многополярного мира (БРИКС).

Формирование общего евразийского правового пространства следует рассматривать в контексте решения насущных практических задач развития российской правовой системы. Разрушение общего международного, прежде всего европейского правового пространства, проявившееся в введении широкомасштабных юридических санкций, разрушение европейского гуманитарного правового пространства объективно меняют прежние географию, структуру и параметры сотрудничества в правовой сфере.

Проблема общего евразийского правового пространства не нова для политиков и исследователей. Вопрос его создания как перспективной задачи поднимался еще в рамках развития

Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС) как наиболее продвинутого на то время, по общему признанию, интеграционного образования на постсоветском пространстве². Реализация такой перспективы предполагает достаточно большую степень продвинутой в разработке серьезной теоретической основы в понимании содержания и основных направлений формирования этого пространства [8].

Общее правовое пространство интеграционного объединения традиционно рассматривается в формально-правовом аспекте, т. е. как процесс и результат гармонизации нормативных правовых актов и институциональное соответствие (согласованность) двух уровней – национального и наднационального. Однако, на наш взгляд, подобный позитивистский подход излишне узок и нуждается в расширении за счет привлечения к анализу совпадающей ценностной основы и общих интересов, объединяющих все субъекты права. Можно утверждать, что общее правовое пространство – это правовое измерение связанных воедино общих ценностей и интересов. На «единое понимание исторической судьбы, осознание многовековой хозяйственной связанности, сохранение и укрепление культурной и социальной общности народов стран союза» как залог успеха в усилиях по формированию ЕврАзЭС обращает особое внимание Президент России В. В. Путин³.

Формирование общего евразийского правового пространства имеет важные цивилизационные основания, среди них обоснованно указываются русский язык в качестве языка межгосударственного общения, в т. ч. сохранение общего юридического языка, юридической терминологии, общей истории, в т. ч. истории развития права, сохранение общих подходов в развитии правовой системы (имеются, однако, весьма существенные исключения, в частности, развитие в Казахстане органов разрешения экономических споров на основе английского права).

Важно, что правовые системы стран-участников ЕврАзЭС принадлежат к одной, континентальной правовой семье (традиции). Кроме того, законодательства этих стран – наследников СССР, не имеют (во всяком случае, пока) кардинальных, непреодолимых различий между собой. Это способствует более оперативному нормативному закреплению развивающихся интеграционных процессов. Наглядным примером служит деятельность рабочих групп при создании Единого таможенного союза, позволившая в относительно короткий срок создать интеграционное таможенное законодательство.

Формирующаяся новая конфигурация мироустройства создает новые условия взаимодействия участников международных отношений на принципах равноправного сотрудничества и взаимной выгоды, суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела. Преодоление слабой роли и представительства российских государственных структур в ведущих институтах глобального управления, определяющих международное сотрудничество (ООН, Всемирный банк, Международный валютный фонд, ЮНЕСКО, Всемирная торговая организация и др.), развитие правового потенциала России в глобальном управлении способствует решению многих проблем национального развития, в частности, признания неприемлемости односторонних «санкций» и ограничительных мер, разрушающих международное право и мировую экономику.

Актуальной задачей является инициативное участие в формировании альтернативных институтов глобального управления. Речь идет не только о ЕврАзЭС, но и о Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), о межгосударственном объединении (параорганизации) БРИКС как новом независимом формате межгосударственного взаимодействия.

Решение проблемы «соответствия» правовой системы изменяющимся приоритетам государственного развития, заявленному месту России как центра силы в становящемся многополярном мире в значительной мере обусловлены преодолением существующих ограничений. Среди причин, лежащих в основе проблем отечественной правовой системы, часто называют отсутствие опоры на существующие правовые традиции и ценностные ориентиры, реальные национальные интересы⁴. Обращение к национальным ценностям и традициям рассматривается в качестве значимого фактора ее развития. Дополнительную концептуальную и практическую значимость этой проблеме придает выделение в концепции многополярного мира цивилизационной основы, характеризующейся объединяющей духовной, исторической, культурной традицией, на базе которых формируются центры силы [9, с. 46–54; 10, с. 101–125; 11]. Президент

² Заявление глав государств Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан об учреждении Евразийского экономического сообщества // Президент России : [официальный сайт]. URL: archive.kremlin.ru/text/docs/2000/10/128393.shtml (дата обращения: 14.05.2024).

³ Путин: ЕАЭС имеет все возможности, чтобы стать одним из мощных полюсов многополярного мира // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/16858715> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Матвиенко В. И. Правовая система страны должна опираться на национальные традиции и ценности // Парламентская газета. 2016. 12 августа.

Российской Федерации позиционирует Россию как государство-цивилизацию⁵ с присущими ей уникальной культурой, историей, ценностями. В составе последних с необходимостью предполагаются соответствующие правовые ценности и традиции [12]. В качестве базового ориентира рассматривается выработка оптимальной модели государственно-правового развития, аутентичной цивилизационному позиционированию России в многополярном мире.

Реализация заявленного ориентира представляется далеко не однозначной. В рамках дискуссии высказываются различные варианты решения обозначенной проблемы. Самыми радикальными являются призывы вернуться к российским истокам, считая, что «российское право по своей сущности, имеет свой особый путь, который необходимо учитывать при формировании новых правовых актов» [13]. Этому, по мнению ряда авторов, способствует «русская правовая культура, которая выражается в особом правопонимании русского народа» [13], требующем «возвращения к российской правовой ментальности» [14].

Безусловно, российское право как целостная нормативная система всегда было и есть не только формально-юридическим, но и в значительной степени нравственно-духовным, и две эти составляющих неразрывно связаны между собой. Этот симбиоз обусловлен глубокими социально-культурными и государственно-правовыми началами жизни народа в России. На этом стоит своеобразие русской правовой традиции.

Признание этого факта не освобождает нас от поиска ответа на вопрос, каковы на самом деле нативные (врожденные) черты российской правовой системы, которые должны рассматриваться в качестве социально-правового контекста для выбора аутентичной им модели государственно-правового развития России? Их выявление важно также для определения чуждых нашему праву идей и принципов, влияние которых постоянно испытывает правовая система России в ходе трансформационных преобразований.

Следует признать, что, несмотря на длительную историю этих вопросов, российская юридическая наука до сих пор не нашла удовлетворительных ответов на них. С учетом этого призывы вернуться к истокам русского права в значительной мере выглядят риторическими.

Взвешенным и исторически обоснованным представляется определение концептуальных основ развития правовой системы на основе восприятия глубокого мирового опыта выработки общемировых стандартов правомерного поведения и одновременно учета культурно-исторической специфики нашей страны [5]. Следует отметить традиционность подобного подхода в решении проблемы для всех стран [15, р. 256], но особенно он важен для России, всегда использовавшей масштабные заимствования институтов и норм иностранного происхождения в развитии отечественной правовой системы.

При этом важно отметить, что механизмы перевода ценностных сущностей в нормы позитивного права, в систему конкретных правоотношений не определены. Это создает препятствия для общеправового нормативистского подхода к анализу инкорпорации правовой традиции в российскую правовую систему.

Конструктивным шагом представляется конкретизация анализа проблемы применительно к элементам правовой системы страны. С наибольшей определенностью можно констатировать реально осуществляемую ценностную детерминацию в сфере реализации права как важнейшего элемента правовой системы. Ценности, трансформированные в традиции, лежат в основе формирования поведения субъектов права, определяющего правовую культуру общества. Очевидно, что с принятием правового акта процесс его действия только начинается. Он воспринимается действующими индивидами, реализуясь в различных формах посредством трансформации заложенных в юридических нормах требований в правомерное поведение субъектов. При этом выбор варианта поведения субъекта в сфере действия права в значительной мере опосредован существующими в обществе ценностями и формируемыми на их основе традициями, являющимися для субъекта значимыми и некими «готовыми формулами», на которые он ориентируется в социальной жизни.

Проблема учета ценностей и традиций в правовой системе страны имеет, на наш взгляд, практические основания применительно к законотворчеству. Следует согласиться с тем, что «реформаторы, стремящиеся направить процесс реформ в правовое русло, не могут игнорировать те представления о справедливости, которые коренятся в массовом сознании» [5]. Субъекты правотворчества всегда должны стремиться к созданию правовой нормы, сохраняющей правовые традиции как основу стабильности правовой системы и обеспечивающей ее актуальность и эффективность на конкретном историческом этапе государственно-правового

⁵ Послание Федеральному Собранию [12 декабря 2012 года] // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 03.09.2024).

развития. Стандартным вариантом предложений подобного рода является разработка «правовых институтов и норм с учетом менталитета и культурно-исторических ценностей»⁶.

Соглашаясь с необходимостью и значимостью реализации такого подхода, следует отметить, что предложения по учету ценностных сущностей в законодательстве только открывают существующую проблему, но не решают ее. Проблемы сосредоточены в выявлении адекватности предлагаемых нормативных новаций заявленным ценностным ориентирам. Не выявлены механизмы перевода правовых ценностных сущностей в нормы позитивного права. Оценки качества правовой нормы по критериям, основанным на ценностях и по сути являющимся оценочными, трудно поддаются (если вообще поддаются) верификации. Предполагается ведь дать ценностную оценку коррективам правового акта, осуществляемым на основе предлагаемых ценностных установок.

Рассматриваются конкретные варианты решения этого принципиального вопроса. Так, В. И. Матвиенко предлагает «внедрить в нашу законодательную работу экспертизу законов на предмет их соответствия нашим историческим, национальным ценностям»⁷. Подобная экспертиза, безусловно, необходима, и ее возложение на законодателя выглядит логичным. Однако, на наш взгляд, ее действенность в рамках законодательного процесса в силу приведенных выше причин весьма ограничена. Она реально осуществляется на уровне общественного восприятия. Так, в российском обществе сохраняются семейные ценности, что находит отражение в регулировании семейно-брачных отношений. Этим во многом объясняется то, что попытки введения в наше правовое пространство ювенальных технологий и ювенальных судов⁸ натолкнулись на всплеск общественных эмоций. Вопросы развития ювенальной юстиции вышли из сферы профессионального разговора на уровень острых общественных дискуссий⁹. К концу 2013 года в стране начитывалось около 50 сайтов сбора подписей против ювенальной юстиции. Это привело к отзыву законопроектов, направленных на развитие ювенальной юстиции в России.

Ограниченное число таких общественно значимых дискуссий по этому вопросу характеризует степень определенности наших представлений о ценностных сущностях и правовых традициях в стране.

В решении проблем российской правовой системы особая роль принадлежит юридическому научному сообществу. Стоит задача преодолеть определенную роль аутсайдера в развитии правовых идей и конструкций, сформировать способность влиять на глобальные тенденции развития права, привносить в мировую дискуссию свой юридический взгляд на решение проблем.

3 **З**аключение

Правовой системе принадлежит немаловажная роль в позиционировании России как центра силы в формирующемся многополярном мире. Право в значительной мере определяет возможности развития обновленной модели национального развития, достижения заявленных страной целей. Это диктует необходимость внесения корректив в правовую модель развития страны, изменения приоритетов соответствия отечественной правовой системы изменяющемуся целеполаганию государственно-правового развития во внешнем и внутреннем контурах, направленных как на решение текущих проблем по преодолению «давления» со стороны западных стран, так и на реализацию заявленной позиции центра силы в формирующемся миропорядке, преодоление доктринальной и нормативной «вторичности» в интересах повышения конкурентных возможностей правовой системы России.

Трансформация национальной правовой системы обусловлена воздействием широкого набора внешних факторов, отражающих меняющуюся конфигурацию современного мирового правопорядка. Наряду с этим определяющее значение имеет выработка оптимальной модели государственно-правового развития, адекватной цивилизационному позиционированию России в многополярном мире. Это соответствие рассматривается в качестве значимого фактора развития национальной правовой системы и может быть достигнуто на путях обращения

⁶ Российская правовая система в условиях глобализации // Studfiles : [сайт]. URL: <https://studfile.net/preview/6361470/page:43/> (дата обращения: 02.05.2024).

⁷ Матвиенко В. И. Правовая система страны ...

⁸ Законопроект № 232772-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законодотворчество» : [официальный сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232772-8> (дата обращения: 09.09.2023).

⁹ См., например: Голосуем против ювенальной юстиции! // Нижний Новгород on-line : [сайт]. URL: http://www.nn.ru/community/gorod/main/?do=read&thread=2289252&topic_id=51024877 (дата обращения: 09.09.2023) ; Голосуем против ювенальной юстиции! : Сбор голосов против ювенальной юстиции // Golosuite.ru : [сайт]. URL: <http://golosuite.ru/index.php> (дата обращения: 09.06.2024).

к национальным ценностям и традициям. Однако перевод на деятельностный уровень учета ценностных ориентиров и правовых традиций в трансформации правовой системы наталкивается на существенные ограничения.

Правовая трансформация выступает необходимой формой становления российского центра силы, является серьезным ресурсом социально-экономического развития России, обеспечивающим достижение заявленных целей.

Список источников

1. Разуваев Н. В., Шмарко И. К. Роль права в формировании многополярности современного мира: обзор секции юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХИГС в рамках VII Международного Невского форума // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 3 (17). С. 98–104; <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2023-3-98-104>.
2. Леонова О. Г. Расширение БРИКС и его геополитические последствия // Россия и современный мир. 2024. № 2 (123). С. 55–71; <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.02.04>.
3. Арин О. А. (Алиев Р. Ш.) Двадцать первый век: мир без России. Москва : Альянс, 2001. 352 с.
4. Азаркова А. С. Концепция многополярности в зарубежном академическом дискурсе // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11, № 2А. С. 125–131; <https://doi.org/10.34670/AR.2022.11.35.014>
5. Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире : сборник статей / отв. ред.: В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. Москва : Юстицинформ, 2013. 560 с.
6. Очередыко В. П. Российская судебная защита прав хозяйствующих субъектов в условиях обострения кризиса международного права // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 2 (72). С. 118–135; https://doi.org/10.35231/18136230_2023_2_118.
7. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху : Как защитить конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции : монография / под науч. ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 311 с.
8. Очередыко В. П. Общее евразийское правовое пространство: основы теоретического анализа // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. № 14. С. 100–104.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. Москва : АСТ, 2003. 603 с.
10. Дугин А. Г. Теория многополярного мира. Москва : Евразийское движение, 2013. 532 с.
11. Мартынов Б. Ф. Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы. 2009. Т. 7, № 3 (21). С. 60–68.
12. Багдасарян В. Э. Цивилизационный контекст российских правовых трансформаций // Московский юридический журнал. 2019. № 4. С. 100–107; <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2019-4-100-107>.
13. Коваленко К. Е. Проблема сохранения самобытности российского права // Novalinfo : сетевое издание. 2014. № 24. URL: <https://novainfo.ru/article/2166>.
14. Хвалев В. А. Трансформация правовой системы России в условиях глобализации // Философия права. 2008. № 4 (29). С. 103–105.
15. Habermas O. Between facts and norms : contributions to a discourse theory of law and democracy. Second printing. Massachusetts, Cambridge : The MIT Press, 1996. 631 p.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

CIVIL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 368.042
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-67-81>

Перспективы развития обязательного государственного страхования сотрудников органов внутренних дел

Рустам Рагубович Абдуллаев¹

Динара Борисовна Миннигулова², доктор юридических наук, доцент

¹ Северное линейное управление МВД России на транспорте
Ярославль (150049, ул. Ухтомского, д. 3), Российская Федерация

² Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

¹ mr.abdullaev.rustam@mail.ru, ² minnidinara@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-7732-1601>, ² <https://orcid.org/0000-0002-7766-3908>

Аннотация:

Введение. Существующие в России национальная правовая система и социально-экономическая обстановка заложили фундамент отечественной модели обязательного государственного страхования сотрудников органов внутренних дел. Она сочетает в себе государственное финансирование и рыночные механизмы регулирования страхования, что требует рационального подхода к развитию гражданско-правового механизма ее регулирования на основе принципов социальной справедливости и экономической целесообразности, включающих в себя адекватное распределение социальных прав и привилегий, а также материальных благ между обществом и такой социально значимой категорией служащих, как сотрудники органов внутренних дел.

Методы. Исследование обязательного государственного страхования сотрудников органов внутренних дел с учетом их социальных интересов и публичных интересов Российской Федерации осуществлялось посредством герменевтического, дескриптивного, формально-логического, формально-юридического, сравнительно-правового, системно-структурного, диалектического и эвристического методов.

Результаты. Изучение научных взглядов и действующего законодательства об обязательном государственном страховании сотрудников органов внутренних дел в контексте баланса их социальных интересов и публичных интересов государства позволило определить следующие направления развития: расширение перечня объектов обязательного государственного страхования сотрудников органов внутренних дел посредством страхования их имущества и членов их семей от уничто-

Ключевые слова:

обязательное государственное страхование, страхование профессиональной ответственности, страхование имущества, взаимное страхование, ведомственный страховой фонд, социальные интересы, сотрудники органов внутренних дел, система МВД России

Для цитирования:

Абдуллаев Р. Р., Миннигулова Д. Б. Перспективы развития обязательного государственного страхования сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 67–81. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-67-81>.

жения или повреждения в связи со служебной деятельностью полицейских; страхования профессиональной ответственности сотрудников органов внутренних дел и (или) юридических лиц системы МВД России; введение в перечень страховых случаев – получение профессионального заболевания в период прохождения службы в органах внутренних дел; внедрение метода взаимного страхования путем создания ведомственного страхового фонда в системе МВД России в целях обеспечения социальных интересов сотрудников органов внутренних дел и интересов Российской Федерации; применение цифровых технологий в страховании для нужд системы МВД России.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024;
одобрена после рецензирования 28.02.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Prospects for developing compulsory state insurance for internal affairs employees

Rustam R. Abdullaev¹

Dinara B. Minnigulova², Doc. Sci. (Jurid.), Docent

¹ Northern Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Transport 3, Ukhomskogostr., Yaroslavl, 150049, Russian Federation

² Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

¹ mr.abdullaev.rustam@mail.ru, ² minnidinara@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-7732-1601>, ² <https://orcid.org/0000-0002-7766-3908>

Abstract:

Introduction. The existing national legal system and socio-economic environment in Russia provided the basis for the domestic model of compulsory state insurance of internal affairs employees. It combines state financing and market mechanisms of insurance regulation, requiring a rational approach to the development of civil law mechanism of its regulation on the principles of social justice and economic viability, including adequate distribution of social rights and privileges, as well as material benefits between society and such a socially significant category of officials as internal affairs employees.

Methods. The examination of compulsory state insurance of internal affairs employees with regard to their social interests and public interests of the Russian Federation was carried out via hermeneutic, descriptive, formal-logical, formal-legal, comparative-legal, system-structural, dialectical and heuristic methods.

Results. The analysis of scientific views and current legislation on compulsory state insurance of internal affairs employees in the context of balancing their social interests and public interests of the state made it possible to identify the following directions of development: expansion of the list of objects of compulsory state insurance of internal affairs employees through insurance of their property and the property of their family members against destruction or damage resulting from professional service activities of policemen; insurance of professional responsibility of internal affairs employees and (or) legal entities of the Ministry of the Interior of Russia; completion of the list with insured events – getting an occupational disease during the period of service in the internal affairs bodies; introduction of the mutual insurance method by creating a departmental insurance fund in the system of the Ministry of the Interior of Russia in order to ensure the social interests of internal affairs employees and the interests of the state; application of digital technologies in insurance for needs of the Ministry of the Interior of Russia.

Keywords:

compulsory state insurance, professional responsibility insurance, property insurance, mutual insurance, departmental insurance fund, social interests, internal affairs employees, system of the Ministry of the Interior of Russia

For citation:

Abdullaev R. R., Minnigulova D. B. Prospects for developing compulsory state insurance for internal affairs employees // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 67–81. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-67-81>.

The article was submitted November 11, 2024;
approved after reviewing February 28, 2025;
accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Социальные интересы, включая различные гарантии, сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) являются неотъемлемой частью их статуса. В свою очередь, легальный режим данных элементов правового положения напрямую связан с привлекательностью службы в ОВД, мотивацией для поступления на нее. Ведь прохождение такой государственной службы предполагает не просто большое количество запретов и ограничений, но и сопряжено с различными рисками причинения вреда имущественным или неимущественным благам. Например, гибель полицейского или причинение вреда его здоровью; повреждение служебных автотранспортных средств; порча или уничтожение имущества юридических лиц, входящих в систему Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России); неумышленное

причинение вреда третьим лицам; причинение вреда личному имуществу сотрудников ОВД и т. п. Кроме того, в некоторых случаях причинение вреда гражданам, организациям и их имуществу допускается законом.

Полиция предназначена для защиты личности, общества, государства, всех форм собственности, для противодействия преступности, для охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности и т. д.

Для успешного выполнения возложенных на ОВД задач законодательство наделяет правоохранителей дискреционными полномочиями, реализация которых сопряжена с возможностью причинения вреда охраняемым законом интересам. В частности, главой 5 Закона о полиции¹ регламентированы порядок и основания применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, что напрямую может повлечь причинение ими материального и нематериального вреда субъектам права.

По мнению Д. Б. Миннигуловой и А. В. Гирвиц, в данном случае предполагается «правомерное» причинение вреда, но нередки случаи неправомерного причинения вреда сотрудниками ОВД. Оба указанных случая порождают различные правовые последствия [1].

Так, при правомерном причинении вреда сотрудником ОВД, действовавшим в публичных интересах и уполномоченным на осуществление таких действий, причиненный ущерб не возмещается. В то же время неправомерное причинение вреда сотрудником ОВД при исполнении служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Указанное свидетельствует о рисковом характере полицейской деятельности. Поэтому развитие гражданско-правового регулирования обязательного государственного страхования в целях обеспечения социальных интересов сотрудников ОВД и интересов Российской Федерации является приоритетным.

Неоспоримо, что жизнь и здоровье сотрудников ОВД представляют высшую социальную ценность и являются объектами обязательного государственного страхования, посредством которого обеспечивается и реализуется страховая защита социальных интересов сотрудников ОВД. Такое обеспечение происходит за счет страховых выплат застрахованному лицу (сотруднику ОВД) или выгодоприобретателям в установленных Законом об обязательном государственном страховании² случаях.

В научных изысканиях отмечается, что «обязательное государственное страхование призвано не компенсировать потери государственных служащих, что имеет место при юридической ответственности работодателя перед наемным работником, а обеспечить их компенсацию путем организации специальных денежных фондов»³.

И, как верно отметила О. В. Титова, наличие особого правового статуса гражданина Российской Федерации, осуществляющего профессиональную служебную деятельность на должностях в ОВД и выполняющего публичные функции, предопределяет корреспондирующую обязанность государства по законодательному установлению правил личного страхования, объектом которого выступают имущественные интересы, связанные с причинением вреда жизни и здоровью контингента, определенного конститутивным признаком исполнения особого профессионального долга⁴.

При этом отсутствует правовой механизм обеспечения обязательного страхования гражданской ответственности работодателя – нанимателя сотрудников ОВД или профессиональной ответственности сотрудников ОВД, например, в случае причинения вреда правомерно либо в результате служебных ошибок, либо иных неумышленных действий. Кроме того, возникают вопросы о возможности страховать имущество сотрудника ОВД и членов его семьи от уничтожения или повреждения в связи со служебной деятельностью первого. Однако указанный вред возмещается в общем порядке, установленном российским законодательством, что в современных реалиях уже не отвечает уровню развития общественных отношений в области защиты

¹ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2011. № 7. Ст. 900.

² Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации : Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ (ред. от 13.07.2024) // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1474.

³ Бондарь С. В. Гражданско-правовое регулирование обязательного государственного страхования государственных служащих военной и правоохранительной служб : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 13.

⁴ Титова О. В. Гражданско-правовое регулирование государственного личного страхования сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 8–9.

граждан от ошибок в правоохранительной сфере и социальным интересам сотрудников ОВД, а также интересам государства в лице МВД России.

Необходимо отметить, что министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации Владимир Александрович Колокольцев, выступая 2 апреля 2024 г. на расширенном заседании коллегии МВД России, отметил в числе ведомственных приоритетов социальную защищенность и повышение качества жизни сотрудников и пенсионеров МВД России⁵.

По состоянию на 14 мая 2024 г. в среднем по всем регионам России некомплект личного состава в ОВД составляет 152 тысячи человек. Основными причинами острой нехватки сотрудников названы низкие зарплаты и недостаточный уровень социальных гарантий⁶.

Таким образом, совершенствование правового регулирования обязательного государственного страхования сотрудников ОВД жизненно необходимо, иначе это может привести к утрате данным субинститутом страхования функций правовой и социальной защищенности сотрудников ОВД, что в целом причинит государству в лице МВД России определенные репутационные потери.

Методы

Последовательность в использовании герменевтического, дескриптивного, формально-логического, формально-юридического, сравнительно-правового, системно-структурного, диалектического и эвристического методов для научного поиска и обработки необходимой информации позволила сформулировать наиболее рациональные и конструктивные решения по перспективным направлениям развития обязательного государственного страхования в целях обеспечения социальных интересов сотрудников ОВД и публичных интересов государства.

Результаты

В настоящее время содержание правового механизма регламентации общественных отношений в области обязательного государственного страхования сотрудников ОВД составляет совокупность следующих нормативных правовых актов: Конституция Российской Федерации⁷, Гражданский кодекс Российской Федерации⁸ (далее – ГК РФ), Законы о полиции⁹, о службе в ОВД¹⁰, об обязательном государственном страховании, о контрактной системе¹¹, постановления Правительства Российской Федерации от 29 июля 1998 г. № 855¹², от 6 марта 2014 г. № 169¹³,

⁵ Расширенное заседание коллегии МВД // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 28.10.2024).

⁶ Колокольцев: некомплект личного состава МВД в России превышает 150 тысяч человек // Фонтанка.ру : [сетевое издание]. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/05/14/73575668/> (дата обращения: 28.10.2024).

⁷ Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 03.09.2024).

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024); (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023); (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024); (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 1996. № 5. Ст. 410; 2001. № 49. Ст. 4552; 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

⁹ СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

¹⁰ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.

¹¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

¹² О мерах по реализации Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» : постановление Правительства Российской Федерации от 29 июля 1998 г. № 855 (ред. от 08.08.2023) // СЗ РФ. 1998. № 32. Ст. 3900.

¹³ Об утверждении типового договора обязательного государственного страхования, осуществляемого в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» : постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 2014 г. № 169 (ред. от 08.09.2023) // СЗ РФ. 2014. № 11. Ст. 1147.

приказ Минфина России от 30 сентября 2020 г. № 224н¹⁴, приказ МВД России от 27 сентября 2021 г. № 707¹⁵.

Исходя из анализа перечисленных выше юридических актов, можно констатировать, что в настоящее время только жизнь и здоровье сотрудников ОВД выступают объектами обязательного государственного страхования. Логично предположить, что перспективой для развития рассматриваемого вида страхования является расширение перечня его объектов.

Как известно, установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей по поводу обязательного государственного страхования сотрудников ОВД осуществляется на основе государственного контракта (гражданско-правового договора) о таком страховании, который является консенсуальным, возмездным, взаимным, алеаторным и заключается в пользу третьего лица.

В настоящее время действует государственный контракт от 9 января 2024 г. № 106 на оказание в 2024–2025 гг. услуг по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья застрахованных лиц в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ¹⁶.

Данный государственный контракт (гражданско-правовой договор) опосредует соответствующие обязательственные правоотношения, к субъектам которых относятся: страхователь и страховщик (стороны государственного контракта), застрахованное лицо и выгодоприобретатель (третьи лица).

В рассматриваемом вопросе страхователем является специальный субъект – федеральный орган исполнительной власти, т. е. МВД России.

С позиции гражданского права МВД России выступает стороной государственного контракта на оказание услуг по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья сотрудников ОВД как некоммерческая унитарная организация в форме федерального государственного казенного учреждения (ст. 123.21, 123.22 ГК РФ).

Страховщиком выступает коммерческая корпоративная организация, занимающаяся страховой деятельностью и получившая лицензию (разрешение) на осуществление обязательного государственного страхования. В настоящее время АО «СОГАЗ», являясь страховщиком всех сотрудников ОВД, несет ответственность по страховым случаям, произошедшим в период с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2025 г. включительно, и производит страховые выплаты вне зависимости от срока обращения застрахованных лиц (выгодоприобретателей) по страховым случаям, произошедшим в вышеуказанный период¹⁷.

Застрахованное лицо – сотрудник ОВД, жизнь и здоровье которого и в пользу которого застрахованы.

Выгодоприобретателями по обязательному государственному страхованию являются физические лица, имеющие право на получение страховых выплат только в случае гибели (смерти) застрахованного лица. Перечень выгодоприобретателей установлен п. 3 ст. 2 Закона об обязательном государственном страховании¹⁸.

По мнению С. Э. Павлова, в случае гибели (смерти) застрахованного лица и при отсутствии всех указанных в законе лиц, подпадающих под категорию выгодоприобретателей, страховщик освобождается от обязанности осуществить страховую выплату, несмотря на то, что страховая

¹⁴ Об утверждении Порядка определения размера страхового тарифа по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации, в том числе структуры страхового тарифа, порядка его применения при расчете страховой премии, перечня, порядка сбора и хранения статистических данных, применяемых при расчете размера страхового тарифа, порядка обмена такими данными между страхователем и страховщиком, порядка уведомления страховщиком федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере страховой деятельности, о заключении, изменении или расторжении договора обязательного государственного страхования, порядка сбора и хранения страхователем статистических данных о выплате компенсации: приказ Минфина России от 30 сентября 2020 г. № 224н (зарег. в Минюсте России 23.11.2020, № 61074) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202011240014> (дата обращения: 25.10.2024).

¹⁵ Об утверждении Порядка организации работы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 27 сентября 2021 г. № 707 (ред. от 18.10.2022) (зарег. в Минюсте России 29.10.2021, № 65644) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110290042> (дата обращения: 25.10.2024).

¹⁶ Для личного состава МВД России // АО «СОГАЗ»: [сайт]. URL: https://www.sogaz.ru/info/emvd_personal_sostav_rassha/ (дата обращения: 25.10.2024).

¹⁷ Там же.

¹⁸ СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1474.

премия из государственного бюджета была выплачена за каждого сотрудника ОВД. Поэтому он предлагает признать всех наследников сотрудника ОВД выгодоприобретателями в случае его гибели (смерти)¹⁹. С данным предложением, полагаем, необходимо согласиться, т. к. это будет наиболее полно отвечать требованиям социальной защиты сотрудников ОВД и членов их семей.

Помимо этого, в целях обязательного страхования ГК РФ устанавливает возможность страховать такие объекты, как имущество определенных законом лиц; риск гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц или нарушения договоров с другими лицами (ст. 935 ГК РФ).

Указанные положения гражданского законодательства дают основания для расширения перечня объектов обязательного государственного страхования сотрудников ОВД.

Из теории договорного права известно, что «под страхованием понимаются отношения по защите интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков»²⁰.

На современном этапе развития страхового дела в России, с точки зрения гражданского права, актуализируется потребность в соблюдении и обеспечении обязательного государственного страхования сотрудников ОВД в целях баланса их социальных интересов и интересов Российской Федерации, поскольку отсутствуют специальные программы страхования, например, патрульных транспортных средств, служебных животных, административных зданий ОВД, имущества сотрудников ОВД, их профессиональной ответственности и т. п.

Социальные интересы сотрудников ОВД могут быть выражены посредством их социальной защищенности. Так, принимая во внимание п. 3 ст. 3 Закона о государственной защите²¹, обязательное государственное страхование можно рассматривать как осуществление мер социальной защиты, предусматривающих реализацию права на материальную компенсацию в случае гибели (смерти) сотрудников ОВД, причинения телесных повреждений или иного вреда их здоровью, уничтожения или повреждения их имущества в связи с профессиональной деятельностью и т. п.

Таким образом, логично согласиться с мнением В. А. Титова, что «социальная защита сотрудников МВД России представляет собой систему государственных социальных гарантий, льгот и компенсаций и внегосударственного вспомоществования для субъектов воинского и правоохранительного труда, устанавливаемую с учетом их особого конституционно-правового статуса, компенсирующую специфические риски, условия и сложность трудовой деятельности, ограничения в правах и свободах и обеспечивающую их социальную безопасность в собственной сфере труда и за ее пределами как условие поддержания функциональности и конкурентоспособности последней на национальном рынке труда»²².

В то же время С. Э. Павлов пришел к выводу о том, что обязательное государственное страхование является способом государственной защиты особой категории граждан, к числу которых относятся сотрудники ОВД, а регулятором рассмотренных страховых правоотношений выступает МВД России, поскольку несет ответственность по осуществлению компенсационных выплат, равных страховым, при отсутствии надлежащего страховщика²³.

Безусловно, правом на получение страховых выплат по обязательному государственному страхованию, если возникнет страховой случай, обладает российский гражданин, поступивший на службу в ОВД, с даты назначения на должность, указанной в соответствующем приказе уполномоченного руководителя (ст. 20 Закона о службе в ОВД).

Необходимо отметить, что ст. 20 Закона о государственной защите устанавливает обязательное государственное страхование жизни и здоровья должностного лица правоохранительного органа (безусловно, к их числу относятся должностные лица ОВД). Однако в настоящее время данные положения фактически не применяются для рассматриваемых в исследовании правоотношений в целях обязательного страхового обеспечения и социальной защиты

¹⁹ Павлов С. Э. Обязательное государственное страхование жизни и здоровья сотрудников полиции (гражданско-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. С. 134.

²⁰ Договорное право : учебник / Нестерова Т. И., Кочкурова К. С., Родионова О. М., Гинзбург И. В. [и др.] ; под общ. ред. Т. И. Нестеровой и К. С. Кочкуровой. Москва : КНОРУС, 2022. С. 334.

²¹ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.

²² Титов В. А. Формирование и развитие социальной защиты сотрудников МВД России (вопросы теории и методологии) : автореф. дис. ... док. эконом. наук. Санкт-Петербург, 2004. С. 15.

²³ Павлов С. Э. Указ. соч. С. 83.

сотрудников ОВД. Кроме того, сравнительный анализ ст. 20 Закона о государственной защите²⁴ и аналогичных положений Закона об обязательном государственном страховании²⁵ показал противоречия в регулировании обязательного государственного страхования. Так, например, существуют различия в исчислении страховых сумм, в дифференциации страховщиков, в перечне выгодоприобретателей, в пределах действия страховой защиты.

Таким образом, содержание ст. 20 Закона о государственной защите является морально устаревшим и не соответствующим уровню развития общественных отношений в области обязательного государственного страхования сотрудников ОВД. Указанные противоречия могут быть устранены посредством инструментария юридической техники.

С позиции юриспруденции в современных реалиях российского страхового дела только релевантное правовое регулирование обязательного государственного страхования сотрудников ОВД в целях обеспечения их социальных и государственных интересов будет являться приоритетной целью, а также показателем его эффективности.

Существующее федеральное законодательство²⁶ в области обязательного страхования гражданской (профессиональной) ответственности в различных областях жизнедеятельности дает почву для развития страхования профессиональной ответственности сотрудников ОВД.

Необходимо учесть: если будет установлено, что страховой случай наступил вследствие умышленных противоправных действий застрахованного лица, то страховщик освобождается от выплаты страховой суммы (ст. 10 Закона об обязательном государственном страховании).

По мнению М. И. Петрова, данное ограничение является частью механизма защиты интересов страховщика, создающего условия для исключения потенциально возможных злоупотреблений со стороны иных участников отношений по обязательному государственному страхованию²⁷.

Поэтому вред, причиненный физическому или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) сотрудников ОВД, подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации в порядке, предусмотренном законодательством (ст. 33 Закона о полиции, ст. 1068–1070 ГК РФ) и не будет компенсироваться за счет страховых выплат.

Однако остается открытым вопрос о возможности застраховать профессиональную ответственность сотрудников ОВД за причинение вреда в результате служебных ошибок, их правонарушений и (или) неумышленных действий.

Как отмечает Е. М. Гинц, в результате правомерных действий сотрудников ОВД могут быть нарушены законные интересы лиц, чьим имуществом воспользовались сотрудники полиции, действовавшие во благо общественным (государственным) интересам. Обязанность по возмещению такого вреда должно взять на себя государство [2].

Законодательством установлено, что в предусмотренных законом случаях ущерб, причиненный правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации (ст. 16.1 ГК РФ).

Например, в настоящее время «правомерный» вред подлежит возмещению, когда он причинен при пресечении террористического акта (ч. 2 ст. 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ²⁸), в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ), при ограничении прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, правообладателей расположенных на земельных участках объектов недвижимости (п. 1.1 ст. 57 Земельного кодекса Российской Федерации²⁹).

²⁴ СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.

²⁵ СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1474.

²⁶ См., например: Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств : Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (ред. от 08.07.2024) // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720 ; Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4194 ; Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном : Федеральный закон от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3257.

²⁷ Петров М. И. Комментарий к Федеральному закону от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» (постатейный). Москва : Юстицинформ, 2010. С. 198.

²⁸ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

²⁹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

Согласно позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации³⁰ вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть возмещен лицом, причинившим его. Но данный вывод формально противоречит природе правомерных действий, поскольку в содержании их субъективной стороны отсутствует вина причинителя вреда.

В связи с этим, например, И. Д. Шатохин и О. С. Черепанова полагают, что вред, причиненный сотрудником полиции при использовании служебного автомобиля в состоянии крайней необходимости, подлежит возмещению страховщиком в первую очередь. Если же страхового возмещения недостаточно для полного возмещения причиненного вреда, то разница между страховым возмещением и фактическим размером ущерба может быть взыскана с работодателя и владельца источника повышенной опасности в порядке, предусмотренном ст. 1068 ГК РФ³¹.

В то же время законодательство не устанавливает обязательного требования застраховывать вред, причиненный правомерными действиями сотрудников ОВД.

Вместе с тем в зависимости от обстоятельств причинения вреда сотрудниками ОВД его возмещение осуществляется за счет бюджетных средств, что негативно отражается на национальных интересах Российской Федерации³², в частности, на устойчивости роста благосостояния российских граждан, на реализации конституционных прав и гарантий в сфере социального обеспечения, на экономической безопасности и т. д. В связи с этим целесообразно будет переложить риски возникновения «правомерного» вреда на страховые организации, поскольку как минимум страховые премии (взносы) для них изначально будут рассчитаны и заложены в государственный бюджет.

Таким образом, значительно снизятся бюджетные траты на непредвиденные расходы в связи с причинением «правомерного» вреда сотрудниками ОВД.

По мнению М. Н. Илюшиной, в судебной практике наблюдаются сложности применения гражданско-процессуального механизма возмещения имущественного вреда, причиненного при осуществлении действий (бездействия) сотрудниками ОВД. Довольно распространены ситуации, когда работники полиции, осуществляя свою деятельность, наносят вред, и иногда довольно значительный, при проведении обыска, ареста гражданина или в период его содержания под стражей, при аресте транспортного средства с какими-либо скоропортящимися или ценными товарами, во время хранения и учета вещественных доказательств и т. п. Впоследствии выясняется, что арестованный гражданин невиновен, в квартире, где сломана дорогостоящая дверь, проживают совершенно посторонние люди, транспортное средство изъято по ошибке или изъятые товары утеряны и т. д. Следует признать, что имеют место вполне объяснимые издержки указанной профессиональной деятельности. При этом лица, потерпевшие имущественный вред, обращаются за его возмещением, справедливо полагая, что они на это имеют право [3].

И, как верно отмечает А. П. Згонников, по сравнению с западными государствами правовое регулирование страхования профессиональной ответственности в России не характеризуется высоким уровнем разработанности [4, с. 200].

Служебная деятельность сотрудников ОВД тесно взаимосвязана с юриспруденцией, как и многие другие профессии юридической направленности. При этом на протяжении долгого времени в научных кругах, в различных областях юридической деятельности и не только обсуждаются вопросы страхования рисков профессиональной ответственности.

Н. С. Ковалевская и М. З. Шварц полагают: если деятельность возможного причинителя вреда является публично значимой, причем направленной на защиту прав и законных интересов граждан – а именно такой является нотариальная деятельность, то увеличение общественной полезности самого нотариуса отвечает интересам государства и общества. Они рассматривают страхование профессиональной ответственности нотариуса двояко: 1) как средство увеличения общественной полезности возможного причинителя вреда, а также лиц, затрагиваемых его деятельностью – возможных потерпевших; 2) как способ защиты имущественных интересов возможного причинителя вреда и возможных потерпевших³³.

³⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 3.

³¹ Черепанова О. С., Шатохин И. Д. Возмещение вреда, причиненного сотрудником полиции при использовании служебного автомобиля в состоянии крайней необходимости : методические рекомендации. Барнаул : Барнаулский юридический институт МВД России, 2023. С. 20–21.

³² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³³ Ковалевская Н. С., Шварц М. З. Страхование профессиональной ответственности нотариуса : отчет о научно-исследовательской работе / науч. рук. и науч. ред. Н. Ю. Рассказова. Москва : ФРПК, 2010. С. 66–67.

Обосновывая введение обязательного страхования профессиональной ответственности адвокатов, А. С. Михайлова пишет, что это создаст необходимые гарантии платежеспособности для адвокатов в случае привлечения их к гражданско-правовой ответственности за неумышленное нарушение соглашения об оказании юридической помощи, а также обеспечит гарантии их доверителям получить страховое возмещение при наступлении страхового случая и в целом повысит престиж адвокатуры [5, с. 4].

Кроме того, другие исследователи отмечают, что медицинские и фармацевтические работники имеют право на страхование последствий профессиональной ошибки, в результате которой причинен вред здоровью пациента, если ошибка не связана с небрежным или халатным выполнением профессиональных обязанностей. Умышленное же причинение вреда (преступление), не являясь профессиональной ошибкой, не должно считаться страховым случаем. В соответствии с ГК РФ страховым случаем по страхованию профессиональной ответственности медицинских работников является как невиновное, так и виновное, но не умышленное причинение вреда пациенту. Если вина застрахованного лица в причинении вреда жизни или здоровью пациента доказана, страховая компания производит выплату страхового возмещения, но приобретает право требовать от виновного застрахованного лица компенсации произведенных расходов (ст. 965 ГК РФ) [6, с. 91–92].

Поэтому, как верно отмечает Н. Б. Грищенко, правовое сопровождение профессиональной ответственности необходимо на всех этапах квалификационной карьеры и деятельности профессионального лица, начиная с профориентации и приобретения профессии, одновременного получения с квалификационным документом и лицензией страхового полиса, использованием своих прав по нему при возникновении ответственности [7, с. 132–133].

Вышеуказанные научные взгляды по страхованию профессиональной ответственности нотариусов, адвокатов, медицинских работников позволяют провести аналогии в отношении страховой защиты и сотрудников ОВД, поскольку служебная деятельность последних является публичной, социально значимой, направлена на защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц. Внедрение страхования риска профессиональной ответственности сотрудников ОВД повысит уровень их социальной защищенности и предоставит возможным потерпевшим гарантии компенсации вреда вследствие служебных ошибок, правомерных и (или) неумышленных действий сотрудников ОВД. В результате престиж службы в ОВД будет повышаться, а репутационные потери уменьшатся.

Кроме того, специфика обязательного государственного страхования заключается в том, что при отсутствии надлежащего страховщика страховое возмещение будет осуществляться за счет компенсационных выплат, установленных по решению специально созданных комиссий в ОВД [8].

Таким образом, учитывая научные точки зрения и тот факт, что в большинстве случаев правомерное причинение вреда сотрудниками ОВД не влечет обязательств по его возмещению, а в случае компенсации такого вреда – все риски и финансовая нагрузка возлагается на государственную казну, что явно не способствует претворению в жизнь стратегических национальных приоритетов и интересов Российской Федерации, назрела необходимость в разработке правового механизма по реализации обязательного государственного страхования риска профессиональной ответственности сотрудников ОВД за причинение вреда, не связанного с умышленным совершением противоправного деяния.

Другим возможным вариантом развития представляется внедрение обязательного государственного страхования гражданской ответственности территориального ОВД, иных организаций системы МВД России (работодателя) за жизнь, здоровье, имущество сотрудников ОВД и членов их семей, а также за их действия (бездействие).

Данное предложение обосновывается результатами аналогичного анализа обязательного государственного страхования военнослужащих и приравненных к ним лиц в части эффективности обязательных видов страхования в Российской Федерации, поскольку застрахованные лица не имеют возможности повлиять на уровень безопасности соответствующей службы. В свою очередь у страхователей нет экономических стимулов широко и эффективно проводить превентивные мероприятия, повышающие уровень безопасности во вверенных им подразделениях и снижающие риск ущерба жизни и здоровью сотрудников [9, с. 142–145].

Поэтому меры, которые будет предпринимать страхователь для этого, существенным образом повысят эффективность организации социального обеспечения сотрудников ОВД, а следовательно, будут улучшены условия прохождения службы в ОВД и тем самым привлекательность поступления на службу в ОВД также повысится.

На наш взгляд, следующее перспективное направление по совершенствованию правового регулирования обязательного государственного страхования в ОВД тесно связано с интеграцией в него механизма взаимного страхования, предусмотренного п. 4 ст. 968 ГК РФ и Законом о взаимном страховании³⁴.

Взаимное страхование – совокупность урегулированных нормами права экономических и юридических отношений между группой физических или юридических лиц, имеющих схожие имущественные интересы и риски в хозяйственной или повседневной жизни, по поводу объединения в специфической форме обществ взаимного страхования и формирования (аккумуляции) и использования (перераспределения) денежных средств (страховой фонд, сформированный из вступительных, членских и дополнительных взносов) с целью защиты имущества и иных имущественных интересов посредством возмещения друг другу возможных убытков в определенных долях согласно принятым условиям [10].

В ОВД к объектам взаимного страхования будут относиться имущественные интересы членов общества (сотрудников ОВД и (или) юридических лиц системы МВД России), связанные, в частности, с владением, пользованием и распоряжением имуществом (страхование имущества); жизнью и здоровьем сотрудников ОВД (личное страхование); риском наступления ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц (страхование профессиональной ответственности).

Применение механизма взаимного страхования для реализации обязательного государственного страхования в ОВД обосновывается повышением эффективности использования бюджетных средств, выделенных на него.

В настоящее время выплаченные из государственного бюджета средства для организации страховой защиты сотрудников ОВД фактически трансформируются в прибыль коммерческих страховых организаций, которая затем используется по их усмотрению и в сфере страхования, скорее всего, не будет участвовать.

Как отмечают экономисты, при взаимном страховании средства, не израсходованные страховщиком в текущем году на страховые выплаты, остаются у этого страховщика. Они не могут распределяться в виде дивидендов; они могут быть использованы страховой организацией только на достижение уставных целей ее деятельности, т. е. будут расходоваться только на страховые выплаты и на ведение дела. Организация обязательного государственного страхования на основе метода взаимного страхования будет способствовать значительной экономии государственных средств и их эффективному использованию [9, с. 298–300].

Необходимо отметить, что в различных сферах деятельности исследуются вопросы взаимного страхования, поскольку они всегда актуализируются проблемами соотношения между обеспечением имущественных интересов субъектов права, развитием общественных отношений в области страхования имущественных рисков и несовершенством соответствующего законодательства.

Т. Ю. Мазурина и Л. Р. Восканян, анализируя страхование и взаимное страхование как методы управления катастрофическими рисками природного характера, определили следующие объективные преимущества обществ взаимного страхования (далее – ОВС), которые позволяют эффективно применить его для целей страхования, а именно:

- основной целью ОВС является покрытие убытков общества, а не получение прибыли;
- члены ОВС (страхователи) солидарно несут субсидиарную ответственность по обязательствам общества;
- наличие у членов ОВС права на совместное распоряжение и использование финансовых ресурсов общества;
- наличие у членов ОВС заинтересованности в снижении риска наступления страхового события, т. е. в проведении предупредительных мероприятий;
- использование доходов ОВС на увеличение страховых резервов для возмещения убытков в результате наступления страхового события или на снижение стоимости страхования;
- самоуправляемый характер ОВС [11].

Кроме того, применение взаимного страхования актуально, например, в области морских трансграничных перевозок опасных грузов, поскольку консолидация рисков обязательств стимулирует идеи совместного страхового покрытия [12, с. 164], а в космической деятельности – наиболее полно учитывает конкретные страховые потребности своих членов, т. к. условия страхования разрабатываются и утверждаются самими страхователями (членами ОВС), исходя из своих интересов [13, с. 56].

³⁴ О взаимном страховании : Федеральный закон от 29 ноября 2007 г. № 286-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6047.

Другие авторы, сравнивая преимущества и недостатки страхования профессиональной ответственности медицинских работников, медицинских организаций в страховой организации и в ОВС, констатируют, что рынок такого страхования в стране может быть поделен между страховыми организациями и ОВС, как это происходит в настоящее время в целом ряде стран, что способствует конкуренции и повышению качества предлагаемых медицинскому сообществу страховых продуктов [14].

Также отмечается, что страхование гражданской (профессиональной) ответственности нотариусов посредством ОВС, созданное самими нотариусами, гораздо эффективнее будет отстаивать интересы нотариуса и минимизировать все негативные последствия для него, связанные с наступлением страхового случая [15].

В свою очередь предоставление эффективной страховой защиты членам ОВС во многом определяется экономико-организационными принципами формирования страхового портфеля ОВС и расчетов страховых тарифов [16, с. 55].

Деятельность ОВД находится в поле публичного права, поэтому согласимся с мнением И. Л. Логвиновой, что «публично-правовая сфера обуславливает специфику организационно-правовых форм организаций-страховщиков, деятельность которых, как правило, регулируется специальными правовыми актами. Опыт дореволюционной России и зарубежных стран показывает, что использование метода взаимного страхования позволяет создать систему страховых отношений, нацеленных не на получение прибыли каждым страховщиком, а на удовлетворение потребностей страхователей в страховой защите. Взаимное страхование может использоваться организациями, уполномоченными государством на осуществление обязательного страхования определенного вида. Управление такими организациями может осуществляться с участием плательщиков страховых взносов, включая государство, или их представителей. Государство принимает на себя гарантии по обеспечению финансовой устойчивости таких организаций» [17, с. 127–128].

Ученые-экономисты с позиции механизма реализации взаимного страхования считают, что в существующих условиях концентрации страхового рынка в России создание специализированных ОВС, обслуживающих узкую группу участников со специфическими страховыми интересами, является более перспективным, способным получить развитие во взаимодействии (партнерстве), а не в конкуренции с крупными страховщиками [18].

В свою очередь В. М. Бартош, исследуя правовые основы организации взаимного страхования в России, предложил устанавливать пределы ответственности ОВС перед его членами, исходя из принципа взаимопомощи, играющего роль идеологической основы, которая обуславливает правовую и экономическую конструкцию страхования этого вида. Члены ОВС определяют его экономическую и страховую политику, управляют страховыми резервами. Участники страхования на началах взаимности прямо или косвенно формируют финансовый потенциал общества и, следовательно, влияют на его способность выполнить свои обязательства перед ними [19, с. 39–40].

Указанные научные взгляды могут быть экстраполированы на обязательное государственное страхование в системе МВД России, поэтому перспективной представляется его реализация с использованием механизма взаимного страхования путем создания ведомственного страхового фонда для обеспечения страховой защиты сотрудников ОВД и юридических лиц системы МВД России. Членами такого фонда могут стать соответствующие территориальные ОВД и иные организации системы МВД России, а вопросы управления таким фондом будут установлены учредительными документами и ведомственными приказами.

Вопросы создания обязательного государственного страхования сотрудников ОВД с использованием метода взаимного страхования требуют тщательной проработки с разных позиций, но социальная защищенность рассматриваемой категории государственных служащих должна при этом стоять на первом месте. Кроме того, такая организация страховой защиты сотрудников ОВД позволит значительно повысить эффективность использования государственных средств, выделяемых на нее. Эти бюджетные средства будут подконтрольны МВД России, что даст возможность накапливать и расходовать оставшиеся после страховых выплат средства, например, на проведение мероприятий по социальному обеспечению сотрудников ОВД или по снижению риска причинения какого-либо вреда, в т. ч. получения профессионального заболевания, на улучшение условий прохождения службы, увеличение сумм страховых возмещений и т. п.

Кроме того, приоритетной задачей по совершенствованию государственного обязательного страхования будет являться не только страхование профессиональной ответственности сотрудников

ОВД и (или) организаций системы МВД России, но и последующее расширение круга объектов данного вида страхования.

В пункте 1 ст. 969 ГК РФ помимо страхования жизни и здоровья государственных служащих предусмотрено обязательное государственное страхование их имущества в целях обеспечения социальных и государственных интересов. При этом ст. 20 Закона о государственной защите предусматривает материальные компенсации в случае уничтожения или повреждения имущества должностного лица правоохранительного органа (сотрудника ОВД) и членов его семьи в связи со служебной деятельностью первого. Соответствующие правила возмещения установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 27 октября 2005 г. № 647³⁵.

В данном случае финансовое обеспечение осуществляется за счет средств, которые ежегодно должны быть предусмотрены на эти цели в бюджете соответствующего федерального органа государственной власти.

Проведя сравнительный анализ объекта страховой защиты при обязательном государственном страховании с такой разновидностью форм социальной защиты населения, как социальное обеспечение за счет прямых ассигнований из государственного бюджета, осуществляемое в виде единовременных выплат, С. В. Бондарь пришел к выводу о возможности страховать имущество, но лишь в случае причинения вреда имуществу застрахованного лица при осуществлении служебной деятельности. Иными словами, наряду с такими объектами страхования, как жизнь и здоровье, он полагает необходимым включить в перечень и имущество³⁶.

Ярким примером таких случаев является порча одежды, обуви сотрудника полиции в ходе задержания преступника или повреждение иного имущества сотрудника ОВД, используемого в служебной деятельности (принтер, различная мебель, автомобиль и т. п.). Также преступник(-и) с целью воздействия на сотрудника ОВД могут причинить имущественный вред и членам его семьи (поджечь дом супруги, облить ее одежду краской и т. п.).

Поэтому такого рода имущественные риски для сотрудников ОВД и членов их семей, которые могут возникнуть в связи с исполнением служебных обязанностей, целесообразно застраховать в целях обеспечения их социальной защиты.

Кроме того, страхование имущества сотрудников ОВД и членов его семьи от причинения вреда во время служебной деятельности в меньшей степени будет отвлекать их от исполнения должностных обязанностей при оформлении страховых выплат, чем реализация права на возмещение вреда в общем судебном порядке, и в большей степени будет способствовать эффективному обеспечению их социальных интересов.

Также необходимо отметить, что во время прохождения службы сотрудники ОВД, такие как оперуполномоченные, следователи, дознаватели, сотрудники патрульно-постовой службы, дежурных частей, изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых, сотрудники медицинских учреждений системы МВД России, могут непосредственно контактировать с лицами, имеющими серьезные заболевания (ВИЧ, коронавирусная инфекция (COVID-19), туберкулез, гепатит С и т. п.), поэтому для сотрудников ОВД угроза риска получить неизлечимое или тяжелое заболевание с серьезными последствиями для здоровья очень велика.

В связи с этим С. Э. Павлов считает, что при обязательном государственном страховании жизни и здоровья сотрудников полиции заболевание рассматривается как причинная связь наступления страхового случая, а не как его отдельный вид. Он обосновывает необходимость внести в перечень страховых случаев по обязательному государственному страхованию приобретение застрахованным лицом (сотрудником ОВД) профессионального заболевания, поскольку действующий перечень страховых случаев не покрывает все возможные риски, которые могут наступить вследствие осуществления возложенных на сотрудников полиции задач в повседневной деятельности³⁷.

Тем более, что в российском законодательстве имеются примеры правового регулирования обязательного страхования от профессиональных заболеваний³⁸.

На наш взгляд, введение в обязательное государственное страхование сотрудников ОВД такого обособленного страхового случая, как профессиональное заболевание, повысит эффективность обеспечения социальной защиты застрахованных лиц и будет стимулировать экономическую

³⁵ О возмещении судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов или членам их семей ущерба, причиненного уничтожением или повреждением их имущества в связи со служебной деятельностью : постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2005 г. № 647 // СЗ РФ. 2005. № 44. Ст. 4568.

³⁶ Бондарь С. В. Указ. соч. С. 9–10.

³⁷ Павлов С. Э. Указ. соч. С. 129–130.

³⁸ См.: Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.

заинтересованность страхователя в проведении предупредительных мер по снижению риска получения профессионального заболевания.

Помимо этого, ряд исследователей на основе результатов статистики с применением актуарных расчетов считают, что дополнительно для индивидуализации страховых тарифов следует учитывать такие важнейшие признаки, как возраст, национально-религиозные традиции, пол, семейное положение и др. Кроме того, следует учитывать новые риски, несвязанные с обстоятельствами несения службы, такие, как пандемия, вакцинация, последствия перенесения заражения вирусом COVID-19 и которые могут быть источником риска смерти, заболевания, увольнения по причине признания военно-врачебной комиссией не годными к службе [9, с. 309].

Таким образом, многие факторы могут быть учтены при расширении перечня объектов обязательного государственного страхования сотрудников ОВД, в т. ч. при исчислении страховых тарифов, премий и выплат.

Несомненно, для повышения эффективности обязательного государственного страхования сотрудников ОВД следует внедрять информационно-коммуникационный онлайн-сервис и прочие телематические технологии, способствующие оптимизации страховых процедур, например, по фиксации страхового случая, оформлению документов, получению страховых выплат и т. п.

Некоторые исследователи предлагают использовать систему электронного урегулирования убытков в обязательном государственном страховании на основе системы «Госуслуги» или создать Единый центр урегулирования убытков по обязательному государственному страхованию в составе Центрального банка Российской Федерации. При этом прямое взаимодействие с участниками отношений может быть организовано через существующую систему многофункциональных центров [20].

В свою очередь И. В. Азарова отмечает, что одним из оснований отказа в выплате страхового возмещения являются ошибки кадровых подразделений ОВД по оформлению страхового случая, а именно, непредоставление всех необходимых документов для получения страховой выплаты, неправильное заверение копий документов, их неправильное оформление и т. д. [21].

Внедрение цифровых технологий в данный вид страхования является перспективным направлением по его совершенствованию и позволит минимизировать или устранить такого рода ошибки, повысит эффективность оформления страхового возмещения.

3 **Заключение**

Анализ правового регулирования обязательного государственного страхования сотрудников ОВД в секторе российского страхования свидетельствует о его существенной роли в решении целого ряда проблем, среди которых наиболее значимыми являются экономические и социальные.

Профессиональная деятельность сотрудников ОВД и иных организаций системы МВД России характеризуется высоким уровнем подверженности различного рода рискам. Огромное количество факторов в виде причинения «правомерного» вреда охраняемым законам интересам; гибель (смерть) сотрудников ОВД при исполнении служебных обязанностей, причинение вреда их здоровью, получение тяжелых или неизлечимых заболеваний во время прохождения службы; повреждение или уничтожение имущества третьих лиц, а также сотрудников ОВД и членов их семей в связи со служебной деятельностью; недостаточность денежного довольствия сотрудников ОВД естественным образом приводят к изменению отношения к службе в ОВД, трансформации соответствующих общественных отношений в области перераспределения рисков профессиональной ответственности сотрудников ОВД. В связи с этим возрастает необходимость совершенствования системы обязательного государственного страхования по обеспечению социальной защищенности сотрудников ОВД с учетом предсказуемых профессиональных рисков.

Проблемы обязательного государственного страхования сотрудников ОВД находятся на стыке различных направлений (социальных, экономических, юридических и т. д.), по каждому из которых к настоящему времени накоплен значительный теоретический и практический опыт, содержащий многополярные мнения и подходы исследователей.

Тем не менее на развитие исследуемого вида страхования влияет отсутствие фактического внедрения в практическую деятельность уже имеющихся результатов как методических, так и теоретико-прикладных разработок в анализируемой области.

Исследование показало, что в целях совершенствования страхового дела для нужд системы МВД России необходимо развитие гражданско-правового субинститута обязательного государственного страхования сотрудников ОВД. Детерминирующими факторами для этого служат:

массовость сотрудников ОВД; их общественная и государственная значимость; уровень социальной защищенности сотрудников ОВД; возможность определения ущерба и лица, ответственного за него, исходя их объекта обязательного страхования.

Социальная и правовая защищенность показывает состояние обеспеченности основных прав сотрудников ОВД, эффективность и надежность механизма безопасности и правовой комфортности при реализации ими должностных полномочий³⁹. Этому будет способствовать законодательное установление для сотрудников ОВД комплекса разнообразных стимулов материального и нематериального характера, подкрепленных соответствующей правовой базой. Одним из таких стимулов, безусловно, будет являться их максимальная страховая защищенность – адекватная компенсационная защита от различных служебных рисков.

Современное состояние общественных отношений в сфере обязательного государственного страхования сотрудников ОВД требует более активной позиции в нормотворческой деятельности, посредством которой, например, будут внедряться и использоваться цифровые технологии, позволяющие оптимизировать реализацию рассматриваемых страховых правоотношений и соответствующих юридических процедур.

Кроме того, необходимо расширить перечень выгодоприобретателей, которые могут получить страховые выплаты в случае гибели (смерти) застрахованного лица (сотрудника ОВД), в частности, признать таковыми всех его наследников.

Также требуется провести «юридическую ревизию» нормативных правовых актов в области обязательного государственного страхования с целью их пересмотра на соответствие уровню развития общественных отношений в указанной сфере и внесения необходимых изменений.

Помимо этого дальнейшее развитие правового регулирования обязательного государственного страхования сотрудников ОВД неразрывно связано с законодательным расширением перечня объектов такого вида страхования, в первую очередь, за счет страхования имущества сотрудников ОВД и членов их семей от причинения ущерба в связи со служебной деятельностью.

Проблемы социальной защищенности сотрудников ОВД, с учетом существующего правового регулирования страхования гражданской и профессиональной ответственности в различных сферах деятельности, дают основания полагать, что внедрение в законодательство положений, устанавливающих обязательное государственное страхование профессиональной ответственности сотрудников ОВД и (или) организаций системы МВД России является перспективным направлением в развитии данного вида страхования.

Не менее важными будут являться дальнейшие научные изыскания по использованию в системе обязательного государственного страхования сотрудников ОВД механизма взаимного страхования и созданию на его основе ведомственного страхового фонда в системе МВД России, что будет способствовать существенному повышению эффективности использования государственных бюджетных средств, выделенных на такое страхование.

Только системный подход к организации обязательного государственного страхования для нужд системы МВД России, учитывающий все риски и факторы служебной деятельности сотрудников ОВД, позволит повысить эффективность данного направления деятельности, исключить неэффективное расходование бюджетных средств, обеспечит соблюдение социальных интересов сотрудников ОВД и публичных интересов Российской Федерации.

Список источников

1. Миннигулова Д. Б., Гирвиц А. В. Возмещение вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудников органов внутренних дел: условия и особенности ответственности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23, № 3. С. 54–59; <https://doi.org/10.14529/law230309>.

2. Гинц Е. М. Возмещение вреда, причиненного сотрудниками полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6. С. 52–54.

3. Илюшина М. Н. Регрессные требования Министерства финансов Российской Федерации в механизме возмещения имущественного вреда, причиненного незаконными действиями работников полиции // Гражданское право. 2019. № 2. С. 21–25.

4. Згонников А. П. Обязательное страхование гражданской ответственности в системе имущественного страхования по законодательству Российской Федерации : монография. Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2015. 231 с.

5. Михайлова А. С. Страхование профессиональной ответственности адвокатов по законодательству Российской Федерации : монография / под науч. ред. А. В. Баркова. Москва : Юрист, 2012. 184 с.

6. Хальфин Р. А. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников : монография / Хальфин Р. А., Кузнецов П. П., Старченко А. А., Юрьев Д. А. Москва : Издательский дом «Менеджер здравоохранения», 2008. 160 с.

7. Грищенко Н. Б. Страхование профессиональной ответственности в современной экономике: концепция, методология и организация : монография. Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2003. 304 с.

³⁹ Анохина С. В. Социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 19.

8. Хатунцев О. А. Механизм реализации обязательного государственного страхования жизни и здоровья государственных служащих // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 2. С. 53–57.
9. Эффективность обязательного страхования : монография / Кириллова Н. В., Цыганов А. А., Азимов Р. С., Белоусова Т. А. [и др.] ; под ред. Н. В. Кирилловой, А. А. Цыганова. Москва : Прометей, 2022. 452 с.
10. Левушкин А. Н., Згонников А. П. Государственно-властное регулирование взаимного страхования в РФ и управленческие корпоративные отношения в обществе взаимного страхования // Власть. 2015. № 9. С. 90–94.
11. Мазурина Т. Ю., Восканян Л. Р. Страхование и взаимное страхование как методы управления катастрофическими рисками природного характера / Финансовый сектор России: новые вызовы и пути развития : сборник научных трудов кафедры банковского дела и предпринимательства, г. Москва, 23 января 2017 г. Москва : Государственный университет управления, 2017. С. 5–12.
12. Скачков Н. Г. Взаимное страхование ответственности судовладельцев в морских трансграничных перевозках опасных грузов: правовые приоритеты, перспективы, тенденции : монография. Москва : ТОРУС ПРЕСС, 2012. 224 с.
13. Шутов В. С. Взаимное страхование участников космической деятельности : монография. Москва : Анкил, 2011. 144 с.
14. Салыкин А. А., Чесноков Е. В., Курмангулов А. А. Страхование профессиональной ответственности врачей: взаимное страхование или договор со страховой организацией? // Медицинская наука и образование Урала. 2023. Т. 24, № 3 (115). С. 175–181; https://doi.org/10.36361/18148999_2023_24_3_175.
15. Бажайкин А. Л. Страхование гражданской (профессиональной) ответственности нотариусов в сравнительном аспекте с институтом взаимного страхования // Нотариальный вестник. 2012. № 9. С. 23–27.
16. Дмитриева Е. В. Взаимное страхование профессиональной ответственности нотариусов : монография. Москва : Наука и образование, 2011. 118 с.
17. Логвинова И. Л. Взаимное страхование как метод создания страховых продуктов в российской экономике : монография. Москва : Анкил, 2010. – 246 с.
18. Сафуанов Р. М., Чувиллин Д. В., Каширова И. Р. Концепция развития взаимного страхования в Республике Башкортостан: приоритетные направления и механизм реализации (часть 2) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. № 2 (62). URL: <https://eee-region.ru/article/6201/>.
19. Бартош В. М. Правовые основы организации взаимного страхования в России: проблемы теории и практики : монография. Москва : ИНФРА-М, 2019. 247 с.
20. Хакимова Ю. А. К вопросу о проблемах государственного регулирования обязательного государственного страхования / Управленческие науки в современном мире : сборник докладов научной конференции, г. Москва, 13–15 ноября 2019 г. Москва : Издательский дом «Реальная экономика», 2020. С. 206–209.
21. Азарова И. В. Особенности реализации института страхования сотрудников ОВД // Современное общество и право. 2021. № 4 (53). С. 30–35.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-82-89>

«Входы» и «выходы» в механизме доказывания преступной деятельности

Алексей Юрьевич Афанасьев^{1, 2}, кандидат юридических наук

¹ Нижегородская академия МВД России

Нижний Новгород (603950, БОКС-268, Анкудиновское шоссе, д. 3), Российская Федерация

² Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород (603022, пр. Гагарина, д. 23), Российская Федерация

afanasev_alexey@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8319-0107>

Аннотация:

Введение. В статье продолжается исследовательско-рефлексивная работа по вскрытию «черных ящиков», моделируемых в ходе методологического исследования механизма доказывания преступной деятельности. С этой целью автором выдвигаются и проверяются гипотезы о представлении функциональной системы «доказывание преступной деятельности» через ее модели, а их элементов – как «входов» и «выходов» в «черном ящике». Прогнозируется, что установление закономерных связей между структурными элементами моделей механизма доказывания, а равно между «входами» и «выходами» позволит понять исследуемую функциональную систему.

Методы. Программа исследования обусловлена целью и задачами исследования, а также выдвинутыми гипотезами. Процесс их проверки сопровождался обращением к дуалистическому и механистическому методам, системно-деятельностному подходу, методу функциональных систем и «черного ящика», структурно-функциональному подходу, а также анализу и синтезу, абстрагированию и конкретизации, моделированию, прогнозированию и др.

Результаты. Автором установлено, что реальная деятельность по доказыванию является сложной функциональной системой и она недоступна для понимания, а моделирование этой деятельности позволяет представить ее в упрощенном и доступном виде, следовательно, говорить о ее механизме. В ходе исследования доказываемая, что модели благодаря свойству изоморфизма позволяют представить структурное строение механизма доказывания, а равно самой деятельности. Кроме того, подтверждается, что метод «черного ящика» позволяет от непонятой функциональной системы последовательно двигаться сначала к моделям, а дальше – уже к механизму, и что системообразующие элементы функциональной системы выступают в качестве «входов» и «выходов» «черного ящика». Определяется, что именно воздействие на «входы» и наблюдение за изменениями на «выходе» позволяет установить закономерные связи в «черном ящике», а равно делать понятной модель и саму действительность.

Ключевые слова:

механизм доказывания, доказывание преступной деятельности, преступная деятельность, функциональная система, «черный ящик», «входы» и «выходы», моделирование, доказательственная система

Для цитирования:

Афанасьев А. Ю. «Входы» и «выходы» в механизме доказывания преступной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 82–89. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-82-89>.

Статья поступила в редакцию 19.07.2024;
одобрена после рецензирования 11.10.2024;
принята к публикации 27.12.2024.

© Афанасьев А. Ю., 2025

Original article

“Inputs” and “outputs” of the mechanism of proving criminal activity

Alexey Yu. Afanasyev^{1,2}, Cand. Sci. (Jurid.)¹ Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

3, Ankudinovskoe highway, BOX -268, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

² National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

23, Gagarin high., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation

afanasev_alexey@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8319-0107>**Abstract:**

Introduction. The article continues the research on revealing the 'black boxes' that are modelled in the course of the methodological study of the 'mechanism of proving criminal activity'. The author puts forward and tests hypotheses concerning the representation of the functional system 'proving criminal activity' through its models, and their elements – as 'inputs' and 'outputs' in the 'black box'. The author believes that setting regular relations between the structural elements of the models of the mechanism of proving, as well as between 'inputs' and 'outputs' will allow to understand the examined functional system.

Methods. The purpose and tasks of the research, as well as the hypotheses, determined the research programme. The process of their verification was accompanied by the application of dualistic and mechanistic methods, system-activity approach, methods of functional systems and 'black box', structural-functional approach, as well as analysis and synthesis, abstraction and concretisation, modelling, forecasting and others.

Results. The author has established that the actual activity of proving is a complex functional system and it is beyond comprehension. Modelling of this activity makes it possible to present it in a simplified and accessible form, therefore, to talk about its mechanism. The study proved that models help to visualise the structure of the evidence mechanism, as well as reality itself, due to their isomorphism. Furthermore, the study confirmed that the 'black box' method allows ones to move sequentially from an incomprehensible functional system to models and then to the mechanism, and that the system-forming elements of the functional system act as 'inputs' and 'outputs' of the 'black box'. We found it is precisely the influence on the 'inputs' and the observation of changes in the 'outputs' that makes it possible to establish pattern relationships in the 'black box' and to make the model and reality clear.

Keywords:

mechanism of proof, activity of proving, criminal activity, functional system, "black box", "inputs" and "outputs", modeling, evidentiary system

For citation:

Afanasyev A. Yu. "Inputs" and "outputs" of the mechanism of proving criminal activity // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 82–89. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-82-89>.

The article was submitted July 19, 2024;
approved after reviewing October 11, 2024;
accepted for publication December 27, 2024.

Введение

Прошло практически 10 лет с нашей первой попытки представить структуру уголовно-процессуального доказывания [1]. Тогда мы с этой целью обратились к уровневому (по «вертикали») и элементному (по «горизонтали») типам построения. На тот период попытка казалась весьма удачной, ибо она звучала в унисон с имеющимися подходами, в т. ч. «старших товарищей» по научной школе – учителей [2; 3], и удовлетворяла наши исследовательские потребности. Но тогда не было осознания того, для какой большой цели вообще необходимо обращение к подобному рода абстракциям, хотя интуитивно мы понимали, что за этими положениями, может, и не прямо в таком виде, скрывается важный замысел.

С тех пор мы углубились в разработку внешней стороны доказывания – доказательственного права, занимались выявлением, оценкой и снижением ее коррупционных рисков¹. Позднее, благодаря работам Г. П. Щедровицкого [4], Э. Г. Юдина [5], П. К. Анохина [6; 7], А. А. Богданова [8],

¹Афанасьев А. Ю. Коррупционные риски доказательственного права в уголовном процессе (досудебное производство): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 279 с.

У. Р. Эшби [9], Н. М. Амосова [10], В. Я. Колдина [11], М. К. Каминского², А. Ф. Лубина³ и других приблизились к методологии криминалистического исследования, к пониманию доказывания преступной деятельности как функциональной системы, механизма доказывания, как понятой организации доказывания преступной деятельности, приложив к этому всему метод «черного ящика», и не только [12–15].

Все это привело к необходимости реанимирования вопросов функционально-структурного построения деятельности по доказыванию с новой силой и уже с конкретными гипотезами, которые требуется проверить. Такими предположениями выступили: во-первых, структура функциональной системы «деятельность по доказыванию» может быть представлена посредством установления структур моделей механизма доказывания преступной деятельности; во-вторых, структурные элементы моделей механизма доказывания преступной деятельности могут быть представлены как «входы» и «выходы» черных ящиков.

Методы

Методологическая основа исследования определяется представлением двух функциональных систем в качестве дуализма, имеющего изоморфную структуру. Работа с этой сложной дуалистической системой и механизмом доказывания обуславливает обращение к методам функциональных систем, механистическому методу и методу «черного ящика». В числе использованных методов и подходов также следует выделить структурно-функциональный подход, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизацию, моделирование, прогнозирование и др.

Результаты

Деятельность по доказыванию является сложной функциональной системой. Эта сложность проявляется как в структуре, так и в динамике. Недоступность (необъясненность) целого комплекса вопросов функционирования доказывания служит тому подтверждением. Например, непонятно, почему именно такие следственные и иные процессуальные действия содержатся в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации⁴, и пригодны ли они для полноценного формирования системы доказательств; непонятно, почему перечень доказательств именно таков, и позволяют ли они сформировать обстоятельства, подлежащие доказыванию; непонятно, почему именно таковы обстоятельства, подлежащие доказыванию, и достаточно ли их для установления предмета доказывания и т. д.

Можно сколько угодно говорить об устоявшейся практике, исторических предпосылках, традициях, которые лежат в основе имеющихся институтов и процедур, но нельзя отрицать того, что сама действительность диктует новые направления развития. Кардинальное изменение типичных способов преступной деятельности и портрета современных преступников, критически низкая раскрываемость преступлений, многотомные уголовные дела, расследуемые годами, низкие показатели возмещения ущерба, – все это заставляет признать, что требуется «совершенствовать» (менять) деятельность по доказыванию. Очевидно, для начала следует разобраться с ней, понять ее.

Представляется, что в настоящий момент деятельность по доказыванию понята ровно настолько, насколько позволяет это сделать текст уголовно-процессуального закона. Возведение в абсолют нормативной правовой регламентации не позволяет правоприменителям и ученым отбросить предубеждения и отречься от нормативистских установок. В таком случае понимание функциональной системы сводится к пониманию текста закона, а не самой действительности. Пожалуй, с такой позиции устранить огрехи системы уголовного судопроизводства не получится. Не получится и уравновесить две функциональные системы. Требуется иной, методологический подход, о котором мы уже говорили [15].

В этом плане теория моделирования может выступить хорошей основой. Каждый раз, когда требуется объяснить сложную систему, т. е. систему, которая недоступна для нашего понимания, принято строить ее модели. В криминалистике положения теории моделирования

² Каминский М. К. Проектирование и реализация курса криминалистики в специализированном вузе МВД СССР : учебное пособие. Горький : ГВШ МВД СССР, 1982. 160 с.

³ Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 1997. 337 с.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

нашли настолько обширное применение, что ее уже давно именуют криминалистической. Тысячи работ, посвященных различным криминалистическим моделям, безоговорочно «убеждают» в этом⁵. Для того чтобы нас ошибочно не причислили к категории ученых, разделяющих состоятельность такой теории, оговоримся. Перед нами очередная попытка придать криминалистический лад всему тому, что используется в криминалистических исследованиях – будь то теория, учение или метод научного познания. В этом списке и криминалистический анализ, и криминалистическое прогнозирование, и криминалистическая классификация, и многое другое. Общественные методы научного познания, как и самостоятельные учения и теории, не становятся криминалистическими только из-за того, что они применяются в исследованиях криминалистов. Так и с моделированием – его порядок, правила и принципы универсальны для всех областей научного знания. Однако убежденность в существовании «криминалистического моделирования» настолько сильно укоренилось, что любое отрицание этого факта выглядит по сути «экстремистским». Мы только обозначим, что корректнее говорить о моделировании и моделях в криминалистике, нежели о криминалистическом моделировании и криминалистических моделях, и сами будем следовать этому.

Модель может пониматься по-разному: и как структура, воспроизводящая ту или иную часть действительности в упрощенной и наглядной форме [16, с. 8]; и как структура, в которой отражены система со своей структурой и функцией, отражающая структуру и функцию системы-оригинала [17, с. 7]; и как система, исследование которой служит средством для получения информации о другой системе [18, с. 48]; и т. д. При этом ключевыми свойствами моделей выступают не только способность так или иначе отображать действительность [16, с. 22] и непонятное делать понятным (сложное – простым, ненаглядное – наглядным, недоступное – доступным и т. д.) [16, с. 8–9], но и находиться к прототипу в отношении изоморфизма [18, с. 50].

Именно последняя черта моделей наглядно указывает на то, что они повторяют структурное построение отражаемой действительности. В данном случае принцип изоморфизма означает структурное равенство или тождественность моделируемой и моделирующей систем⁶. Но не следует считать, что это простая затея: во-первых, структура модели зависит от вида модели и стороны отражаемой действительности, а они бывают разные; во-вторых, моделирование необходимо начинать с определенного «этажа», т. к. моделирующая установка может охватить ограниченное число элементов и связей [17, с. 60]. Очевидно, что необходимо построить столько моделей, сколько позволило бы наглядно отразить функциональную систему «деятельность по доказыванию» со всех сторон и говорить о механизме доказывания. Следовательно, не только модели, но и структуры могут быть разные – под стать каждой модели.

В. А. Штофф выделял материальные и идеальные (образные (иконические), знаковые (символические)), смешанные (образно-знаковые) модели [16, с. 23, 27, 34], а также парные (противоположные) группы моделей: целостные и частичные, динамические и статические, непрерывные и прерывные, воспроизводящие однозначные системы и вероятностных процессов [16, с. 32–33]; А. И. Уемов говорил про реляционную и нереляционную, атрибутивную и неатрибутивную; свободную и фиксированную модели [18, с. 52], коллектив авторов во главе с Б. А. Глинским – про субстанциональные, структурные, функциональные, смешанные модели [16, с. 35].

В криминалистике создаются главным образом мысленные (идеальные) модели, хотя их и называют информационными⁷, кибернетическими⁸, ситуационными⁹ и т. д. Зачастую к числу

⁵ См., например: Матушкина Н. В. Криминалистическая модель преступной деятельности по уклонению от уплаты налогов и ее использование в целях выявления и раскрытия преступлений этого вида : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1997. 214 с. ; Наймушин В. Г. Криминалистическая модель преступной деятельности в сфере наркобизнеса и ее использование в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998. 215 с. ; Курганова И. В. Криминалистическое моделирование при расследовании преступлений в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 249 с. ; Тимофеева А. В. Криминалистическое моделирование неизвестного преступника по признакам и свойствам, отображаемым в следах преступления : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 184 с.

⁶ См.: Криминалистика : учебник / Ашмарина Е. М., Хилобок М. П., Викторова Е. Н. [и др.] ; под ред. В. А. Образцова. Москва : Юрист, 1997. С. 251 ; Лубин А. Ф. Указ. соч. С. 11.

⁷ Баянов А. И. Информационное моделирование в тактике следственных действий : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1978. 199 с.

⁸ Дробатухин В. С. Кибернетическое моделирование при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1998. 27 с.

⁹ Волчецкая Т. С. Ситуационное моделирование в расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1991. 192 с.

таких моделей относят криминалистическую характеристику¹⁰, версию о преступной деятельности¹¹, механизм преступной деятельности¹², саму преступную деятельность и деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, а также их взаимосвязи¹³, криминалистическую рефлексивную деятельность¹⁴ и др. Не вступая в дискуссию относительно обоснованности выделения таких моделей, укажем лишь, что все методики, характеристики, механизмы не сами являются моделями, а могут быть представлены на основе результатов моделирования либо преступной деятельности, либо деятельности по ее выявлению, раскрытию и расследованию, а равно доказыванию.

На данном этапе нас интересуют модели, которые следует строить, чтобы понять деятельность по доказыванию. Очевидно, если отталкиваться от текста уголовно-процессуального закона, в качестве таких моделей можно представить модель собирания доказательств, модель проверки доказательств, модель оценки доказательств, модель процессуальных действий, модель доказательств, модель процессуальных решений и многие другие модели. В таком случае модели будут являться правовыми, т. е. отражающими нормативное правовое регулирование, а не саму действительность. Они могут позволить понять деятельность по доказыванию, но лишь в пределах закона.

В этом плане могут быть весьма полезны для экстраполяции модели деятельности по выявлению и расследованию преступлений, предложенные научной школой¹⁵. Это становится возможным, с одной стороны, благодаря тому, что деятельность по доказыванию охватывает все формы и виды деятельности, направленные на противоположную функциональную систему (преступную деятельность), с другой – эти модели построены в лучших традициях теорий систем, деятельности, познания, отражения и т. д.

Так, функциональная модель предусматривает такие элементы, как предмет, субъект, средства и результат; логическая – шаги от выявления криминальной ситуации до реализации плана проверки версий; информационно-познавательная – процесс преобразования следовой информации в систему доказательств¹⁶. Они справедливо могут быть отнесены и к деятельности по доказыванию. По сути, это три стороны одной исследуемой нами деятельности. При этом каждая сторона, равно модель, имеют назначением делать понятнее доказывание преступной деятельности. Например, с помощью функциональной модели можно объяснить не только как субъекты доказывания направляют свои средства на преступную деятельность для того, чтобы сформировать систему доказательств, но и определить, достаточно ли этих средств для надлежащего воздействия на преступную деятельность.

Пожалуй, эти элементы (шаги, этапы, стадии) в моделях сами по себе не могут позволить говорить об организации доказывания как о механизме. Здесь и может проявить себя метод «черного ящика», который наиболее эффективен, когда сложная система недоступна для понимания. Криминалисты указывают, что к данному методу обращаются, когда явление или процесс не вполне ясной природы¹⁷, когда внутренний механизм не открыт полностью для наблюдения¹⁸, когда неизвестны ни структура, ни функция¹⁹, когда основные закономерности феномена организованности не исследованы²⁰, когда имеется незнание или неполное знание механизма²¹ и т. д.

¹⁰ Криминалистика : учебник / Волчецкая Т. С., Колдин В. Я., Крылов В. В., Лашко Н. Н. [и др.] ; отв. ред. Н. П. Яблочков. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2005. С. 60.

¹¹ Антонов Ю. В. Способ совершения преступления против личности с использованием огнестрельного оружия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1995. С. 18.

¹² Криминалистика : курс лекций / Афанасьев А. Ю., Грабовский В. Д., Жук И. О. [и др.] ; под ред. А. Ф. Лубина. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 349.

¹³ Зезянов В. П. Роль, место и значение специальных знаний в криминалистической методике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1994. С. 14.

¹⁴ Каминский А. М. Криминалистическое содержание рефлексивного анализа и моделирования в тупиковых ситуациях деятельности по раскрытию и расследованию преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1997. С. 88–112.

¹⁵ Лубин А. Ф. Криминалистические основы деятельности по расследованию преступлений : курс лекций. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2014. С. 8–29.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования ... С. 104 ; Круглов И. В. Уголовный иск и механизм его доказывания : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. С. 102.

¹⁸ Воронин С. Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2001. С. 90.

¹⁹ Воротилина Т. Л. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 21.

²⁰ Каминский А. М. Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования : дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2008. С. 8.

²¹ Цит. по: Шакиров К. Н. Проблемы теории судебной экспертизы: методологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2003. С. 254.

В качестве «черных ящиков» в уголовно-правовой науке называли: содержание уголовно-наказания²², правоохранительную систему²³, механизм действия суда с участием присяжных заседателей²⁴, следственную и оперативно-розыскную деятельность²⁵, личность преступника²⁶, механизм функционирования организованной преступной деятельности²⁷, оперативно-розыскные подразделения²⁸ и многое другое.

Очевидно, не всегда целесообразно обращаться к этому методу. Например, когда действительность и так понятна, доступна, когда вскрытие такого ящика не делает понятнее действительность, когда нельзя применить к этой реальности правила и средства, свойственные черному ящику, и т. д.

Когда мы впервые обратились к этому методу, то обнаружили, что наиболее продуктивное развитие он получил в кибернетике. Среди всех именитых ученых в этой области хотелось бы выделить У. Р. Эшби. Именно он показал, как могут быть связаны «черный ящик» и модель, «черный ящик» и механизм, что в ящике есть «входы» и «выходы» и т. д. Итак, порядок выглядит следующим образом: выявляется непонятая функциональная система → экспериментатор имеет средства воздействия на ящик и средства наблюдения за его поведением → благодаря воздействию на «вход» ящика наблюдаются изменения на «выходе» → образуется мысленная модель → изменения на «выходе» в зависимости от действий на «входе» приводят к последовательности получаемых значений (протоколу) → перекодировка протокола позволяет вскрыть «черный ящик» → процесс перекодировки заключается в поиске повторяемости значений на «выходе» от воздействий на «входе» → нахождение повторяемости значений свидетельствует о наличии закономерностей, а равно связей внутри «черного ящика» → установление закономерных связей позволяет сформировать точное представление о системе и, следовательно, говорить о механизме [9, с. 127–170]. Здесь мы увидели, с одной стороны, наглядное отражение последовательного перехода (читай – методики) сначала от «черного ящика» к моделям, а далее – к механизму, с другой – системообразующий характер «входов» и «выходов» ящика. Тем самым представляется возможным засвидетельствовать: во-первых, не только то, что моделей, как и сторон действительности, может быть несколько, так же, как и «черных ящиков». При этом в каждом таком ящике имеются собственные «входы» и «выходы»; во-вторых, каждый «вход» и «выход» должны обладать следующими свойствами: то, что выдается за «вход» и «выход» в «черном ящике», не может быть явлением одной и той же стороны модели; они между собой должны быть связаны так, чтобы воздействие на «вход» обязательно приводило к изменениям на «выходе»; установление повторяющихся связей позволяет сформировать закономерности; закономерности должны делать систему понятной.

Например, если взять две модели – функциональную и информационно-познавательную, то представляется, что они создаются при вскрытии разных «черных ящиков» (см. схему).

Первый – основной – образован на стыке между двумя противоборствующими системами – преступной деятельностью и деятельностью по доказыванию. В этом «черном ящике» – дуалистической системе преступной деятельности и деятельности по доказыванию – системообразующими «входом» и «выходом» выступают средства преступной деятельности и средства деятельности по доказыванию. Под средствами и той и другой деятельности мы понимаем технологический комплекс, предназначенный для обеспечения функционирования соответствующей деятельности. Технологический комплекс – это все то, что может быть использовано как для подготовки, совершения и сокрытия преступной деятельности, так и для ее доказывания. Это могут быть действия, мероприятия, операции, орудия, а также приемы, способы и методы их выполнения.

²² Никонов В. А. Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания: теоретико-методологическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 1994. С. 93.

²³ Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 40.

²⁴ Корнеева И. В. Функционирование суда с участием присяжных заседателей в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 129.

Примечательно, что чуть позже «черным ящиком» были признаны сами присяжные заседатели (см.: Шатских М. В. Уголовно-процессуальные особенности назначения наказания в суде присяжных (историко-правовой анализ, современные проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. С. 96).

²⁵ Агутин А. В. Мироззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 221.

Позже полностью аналогичная мысль встречается в ряде других работ (Карамышев Д. А. Организационно-правовой механизм обеспечения допустимости доказательств в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. С. 117 ; Селезнев Д. И. Средства уголовно-процессуальной деятельности: понятие и система : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 156).

²⁶ Манахова М. П. Профессиональные запреты в отношении лиц с криминальным прошлым : дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2008. С. 64.

²⁷ Каминский А. М. Теоретические основы ... С. 8.

²⁸ Мелихов А. И. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2023. С. 116.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Схема функциональной и информационно-познавательной моделей

Scheme of functional and information-cognitive models

Именно их сопряжение с целью выявления закономерных связей может позволить построить «концептуальный мост» и понять функциональную систему «деятельность по доказыванию». Также это позволит оценить, насколько средства одной части дуализма не соответствуют (соответствуют) другой – т. е. насколько они неравносильны.

Кроме того, применение средств доказывания в свою очередь приводит к возникновению ряда других «черных ящиков» (см. схему), работа с которыми позволит отследить преобразование: следовой информации в доказательства («вход» – средства доказывания; «выход» – доказательства); доказательств («вход») в обстоятельства, подлежащие доказыванию («выход»); обстоятельств, подлежащих доказыванию («вход») в предмет доказывания («выход»); предмета доказывания («вход») в итоговое процессуальное решение («выход»). Такое представление позволяет выявить закономерные связи между доказательственными системами различного уровня с целью определения их достаточности и соответствия для использования в отношении противоположной функциональной системы – преступной деятельности.

В каждом из этих ящиков могут быть и другие «входы» и «выходы». Так, это могут быть «средства преступной деятельности и следы», «средства доказывания и процессуальные решения», «доказательства и процессуальные решения», «обстоятельства, подлежащие доказыванию, и процессуальные решения», «процессуальные решения и противодействия» и другие. Если представленные на схеме «черные ящики» с указанными «входами» и «выходами» образуют в целом функциональную модель и информационно-познавательную подмодель механизма доказывания, то вероятны и дополнительные, которые могут быть разобраны, главным образом, в рамках функциональной модели уже механизма преступной деятельности²⁹, бифункциональной модели механизма доказывания [19] и др.

Имея сведения о том, что является «входами» и «выходами» в ящиках, нам как экспериментаторам необходимо в моделируемой системе оказывать воздействие на «входы» и наблюдать за изменениями на «выходах». Например, в функциональной модели требуется наблюдать за тем, как в зависимости от изменения средств преступной деятельности меняются средства доказывания; как в зависимости от изменения средств доказывания меняются доказательства; как в зависимости от доказательств меняются обстоятельства, подлежащие доказыванию; как от изменения обстоятельств, подлежащих доказыванию, меняется предмет доказывания; как от изменения предмета доказывания меняется процессуальное решение. Результатом таких наблюдений может стать повторение одних и тех значений, указывающих на наличие закономерных связей в черном ящике, а равно в моделях и отражаемой действительности. Благодаря установлению закономерностей мы можем понять организацию деятельности по доказыванию, а равно говорить о ее механизме. Тогда мы и сможем увидеть слабые места в этой функциональной системе и предложить пути для ее усиления.

²⁹ Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования ...

3 Заключение

Итак, мы проверили выдвинутые гипотезы и пришли к следующим результатам: реальная деятельность по доказыванию является сложной функциональной системой и она недоступна для понимания. Моделирование этой деятельности позволяет представить ее в упрощенном и доступном виде, следовательно, говорить о ее механизме. Для понимания одной системы могут строиться несколько моделей, каждая из которых приводит к объяснению определенной стороны действительности. Модели, благодаря свойству изоморфизма, позволяют представить структурное строение механизма доказывания, а равно самой действительности. Каждый раз, имея дело со сложными функциональными системами, мы обращаемся к методу «черного ящика». Данный метод позволяет от непонятой функциональной системы последовательно двигаться сначала к моделям, а дальше – уже к механизму. «Входы» и «выходы» – системообразующие компоненты в каждом «черном ящике». Именно воздействие на «входы» и наблюдение за изменениями на «выходе» позволяет установить закономерные связи в «черном ящике», а равно делать понятой модель и саму действительность. Тем самым, для понимания деятельности по доказыванию недостаточно определить структурные элементы, требуется установить между ними по аналогии с «входами» и «выходами» закономерные связи. В процессе отражения исследуемой действительности может возникнуть необходимость вскрытия нескольких «черных ящиков», главный из которых представлен дуалистической системой – преступная деятельность и деятельность по ее доказыванию – со «входом» средства преступной деятельности и «выходом» средства деятельности по доказыванию. Именно их сопряжение с целью выявления закономерных связей может позволить построить «концептуальный мост» и понять функциональную систему «деятельность по доказыванию». Также это позволит оценить, насколько средства одной части дуализма не соответствуют (соответствуют) другой – насколько они неравновесны. Дополнительные «черные ящики» позволяют образовать информационно-познавательную модель механизма доказывания, где «входами» и «выходами» предстают «следовая информация и доказательства»; «доказательства и обстоятельства, подлежащие доказыванию»; «обстоятельства, подлежащие доказыванию и предмет доказывания»; «предмет доказывания и итоговое процессуальное решение». Такое представление дает возможность выявить закономерные связи между доказательственными системами различного уровня с целью определения их достаточности и соответствия по силе для использования в отношении противоположной функциональной системы – преступной деятельности.

Список источников

1. Афанасьев А. Ю. Механизм уголовно-процессуального доказывания: особенности функционирования на досудебном производстве // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. Т. 5, № 2. С. 47–52. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24245054_33816659.pdf.
2. Колдин В. Я. Уровни уголовно-процессуального доказывания // Советское государство и право. 1974. № 11. С. 86–91.
3. Круглов И. В., Лубин А. Ф. Источники доказательств и уровни доказывания / Современные проблемы уголовного процесса России : сборник научных статей / под ред. В. Т. Томина, А. Ф. Лубина. Нижний Новгород: Нижегородский юридический институт МВД России, 1999. С. 39–55.
4. Щедровицкий Г. П. Мышление – Понимание – Рефлексия. Москва : Наследие ММК, 2005. 800 с.
5. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. Москва : Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.
6. Принципы системной организации функций : [сборник статей] / отв. ред. акад. П. К. Анохин. Москва : Наука, 1973. С. 5–61.
7. Анохин П. К. Избранные труды : Философские аспекты теории функциональной системы / отв. ред. Ф. В. Константинов, Б. Ф. Ломов, В. Б. Швырков. Москва : Наука, 1978. 399 с.
8. Богданов А. А. Тектология : Всеобщая организационная наука : в 2 кн. / редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) [и др.]. Москва : Экономика, 1989. Кн. 1. 303 с.
9. Эшби У. Р. Введение в кибернетику / пер. с англ. Д. Г. Лахути ; под ред. В. А. Успенского ; с предисл. А. Н. Колмогорова. Москва : Издательство иностранной литературы, 1959. 432 с.
10. Амосов Н. М. Искусственный разум. Киев : Наукова думка, 1969. 155 с.
11. Колдин В. Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2000. № 4. С. 1–19. URL: <http://koldin-msu.ru/wp-content/uploads/2015/03/6Крим-ка-теоретическая-наука-или.pdf>.
12. Афанасьев А. Ю. Восхождение к механизму уголовно-процессуального доказывания // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 72–81.
13. Афанасьев А. Ю. Введение в уголовно-процессуальную науку : монография. Москва : Проспект, 2021. 144 с.
14. Афанасьев А. Ю. Атрибуты криминалистики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 86–93. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-1-86-93>.
15. Афанасьев А. Ю. Методологизм vs нормативизм в юридической науке // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28, № 3 (86). С. 269–274. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2022-386-269-274>.
16. Штофф В. А. Моделирование и философия. Москва : Наука, 1966. 302 с.
17. Амосов Н. М. Моделирование сложных систем. Киев : Наукова думка, 1968. 88 с.
18. Уемов А. И. Логические основы метода моделирования : [монография]. Москва : Мысль, 1971. 313 с.
19. Лубин А. Ф., Гончан Ю. А., Афанасьев А. Ю. Бифункциональность в досудебном производстве уголовного процесса : монография. Москва : Проспект, 2023. 238 с.

Научная статья
УДК 343.36
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-90-96>

Общественная опасность и малозначительность уклонения от административного надзора

Зелимхан Вахитович Бициев

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация
bitsievz@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-4720-3794>

Аннотация:

Введение. Автор поставил перед собой цель проанализировать основные критерии криминализации уклонения от административного надзора, а также характеристики общественной опасности данного деяния с акцентом на определение показателей, позволяющих признать частный случай уклонения от административного надзора непреступным малозначительным деянием.

Методы. Исследование проводилось с использованием общенаучного диалектического метода познания социальных явлений. Также применялись специальные частнонаучные методы, обобщение, анализ, синтез, индукция и дедукция, с учетом рассматриваемой темы.

Результаты. Анализируя критерии общественной опасности и криминализации уклонения от административного надзора, автор выделяет основные объективные и субъективные признаки, свидетельствующие о необходимости уголовно-правовой охраны общественных отношений по соблюдению правового режима административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Рассматривая признаки, предполагающие возможность рассмотрения случаев уклонения лица от административного надзора как малозначительных деяний, автор выделяет целую группу обстоятельств, которые не могут рассматриваться судом как признаки малозначительности. В качестве критерия малозначительности уклонения от административного надзора предлагается рассматривать не один или два показателя, а совокупность факторов, причем автор не предлагает считать систематическое противоправное поведение поднадзорного малозначительным.

Ключевые слова:

малозначительность деяния, административная преюдиция, общественная опасность, уклонение, принуждение

Для цитирования:

Бициев З. В. Общественная опасность и малозначительность уклонения от административного надзора // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 90–96. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-90-96>.

Статья поступила в редакцию 10.12.2024;
одобрена после рецензирования 17.03.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Public danger and insignificance of evasion of administrative supervision

Zelimkhan V. Bitsiev

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
bitsievz@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-4720-3794>

Abstract:

Introduction. The author's objective is to analyse the key criteria of criminalisation of evasion of administrative supervision, as well as the characteristics of public danger of this act. The focus was on identifying indicators that can distinguish between a particular case of evasion of administrative supervision and minor acts.

Methods. The present study was conducted using the scientific dialectical method of cognition of social phenomena. In addition, we used specific private-scientific techniques, including generalisation, analysis, synthesis, induction and deduction, taking into account the subject under consideration.

Keywords:

insignificance of an act, administrative prejudice, public danger, evasion, coercion

© Бициев З. В., 2025

Results. *The author analyses the criteria of public danger and of criminalisation of evasion of administrative supervision, thereby identifying the main objective and subjective features. These features indicate the need for criminal-law protection of public relations regarding compliance with the legal regime of administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty. Considering the features that imply the potential for cases of evasion from administrative supervision to be regarded as insignificant acts, the author identifies a comprehensive set of circumstances. These circumstances cannot be considered by the court as features of insignificance. As a criterion of insignificance of evasion of administrative supervision, it is proposed to consider not one or two indicators, but a set of factors. Furthermore, the author does not propose that systematic unlawful behaviour on the part of the person under supervision should be considered as insignificant.*

For citation:

Bitsiev Z. V. Public danger and insignificance of evasion of administrative supervision // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 90–96. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-90-96>.

The article was submitted December 10, 2024; approved after reviewing March 17, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Постепенитенциарное наблюдение за лицами, совершившими тяжкие и особо тяжкие преступления и отбывавшими наказание в виде лишения свободы, представляется невозможным при отсутствии системного взаимодействия институтов административного надзора, а также закрепленной угрозы административной и уголовной ответственности за нарушение требований данного надзора.

Механизм принуждения лица к правомерному поведению предполагает возможность поэтапной и соразмерной реакции государства на факты несоблюдения поднадзорными установленных для них ограничений, обязательств и запретов. Так, общественная опасность уклонения от административного надзора в условиях современного общества предопределена невозможностью снисходительного отношения к существующим угрозам преступного поведения, как правило, перерастающего в более крупные криминальные формы и криминальный образ жизни в целом [1; 2]. Наличие современных средств коммуникации и электронного контроля за поведением лиц, ранее продемонстрировавших свое антисоциальное общественно опасное поведение, стало неотъемлемым инструментом поддержания общественного порядка. Данная норма с момента ее введения в Уголовный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) в 2011 году не перестает быть объектом научного осмысления и дискуссий правоприменителей [3–6].

Общественная опасность несоблюдения установленных ограничений имеет опосредованный отдаленный характер и заключается не только в формальном неисполнении властных предписаний. Неповиновение требованиям специфического правового режима административного надзора является продолжением вызова устоявшемуся в обществе правопорядку с осознанием принципиальной и неизбежной дальнейшей эскалации «конфликта с законом». Таким образом, лицо, умышленно уклоняющееся от административного надзора, прямо противопоставляет себя общественным нормам, предполагает дальнейшее нарушение закона и соответственно, демонстрирует наличие реальной угрозы повторного преступления с его стороны.

Методы

Исследование проводилось с использованием общенаучного диалектического метода познания социальных явлений. Также применялись специальные частнонаучные методы, обобщение, анализ, синтез, индукция и дедукция, с учетом рассматриваемой темы.

Результаты

Состав преступления, предусмотренный ст. 314¹ УК РФ, сконструирован по типу формального, а соответственно, неблагоприятные изменения в общественных отношениях носят опосредованный (неочевидный) характер. В данном случае критериями общественной опасности выступают различные факторы. Во-первых, неприемлемое увеличение рисков повторного совершения преступления лицом, подвергнутым административному надзору. Во-вторых, демонстративное неисполнение судебного решения в рамках как общей нормы (ст. 314 УК РФ) [7; 8], так и специальной (ст. 314¹ УК РФ), приносит ущерб интересам порядка управления.

К сожалению, данные судебной статистики демонстрируют очень низкие показатели снижения количества новых преступлений среди ранее судимых лиц. На всем протяжении действия института административного надзора и ст. 314¹ УК РФ уровень рецидивной преступности

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

остаётся примерно на одном уровне: удельный вес ранее судимых в общем числе осуждённых на протяжении 13 лет составляет примерно $\frac{1}{3}$ ежегодно, колеблясь от 30,9 % до 39,9 %. При этом самый высокий уровень этого показателя наблюдается именно в последние годы (2019–2023 гг.)².

Обязательным средством нормализации правоприменительной практики привлечения к уголовной ответственности выступает возможность судебного усмотрения при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности. Так, предусмотренный в ч. 2 ст. 14 УК РФ институт малозначительности получил достаточно широкое применение в отношении различных преступных деяний. Нередко признаются малозначительными случаи хищения имущества, причинения вреда личной неприкосновенности или частной жизни и т. п.

Нормы статьи 314¹ УК РФ не содержат каких-либо квалифицирующих признаков, позволяющих дифференцировать деяние по степени общественной опасности. Несмотря на незначительные отличия в содержании санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 314¹ УК РФ, максимальное наказание в обеих частях установлено в размере до 1 года лишения свободы и позволяет говорить о равнозначности степени общественной опасности обеих форм уклонения от административного надзора. С этой позицией законодателя стоит согласиться, однако дальнейшая дифференциация ответственности была бы возможна при наличии соответствующих отягчающих обстоятельств. К ним, например, можно отнести такие факторы, как сопряженность уклонения с совершением нового умышленного преступления либо сопряженность уклонения с совершением тяжкого или особо тяжкого преступления и т. д.

Проведя комплексное рассмотрение признаков криминализации и общественной опасности уклонения от административного надзора, можно прийти к выводу, что эти явления образуют собой единую систему предупредительного воздействия в отношении лиц, отбывавших наказание в виде лишения свободы, позволяющую предотвратить возобновление ими преступной деятельности как минимум в период судимости.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 314¹ УК РФ, обусловлена рядом взаимосвязанных факторов, одновременно обуславливающих и криминализацию данного деяния:

Во-первых, данная норма является обязательным инструментом удержания лиц от нарушений обязательств и запретов, предусмотренных в рамках административного надзора за лицами, совершившими преступления. Отсутствие данной нормы влечёт неработоспособность соответствующей области правоотношений (административного надзора).

Системная взаимосвязь института административного надзора и уголовной ответственности за нарушение предписаний административного надзора позволяет рассматривать его как комплексный институт, схожий по своим свойствам с пробацией. Административно-правовое и уголовно-правовое обеспечение административного надзора призвано обеспечить гарантии нормального осуществления данной меры [9, с. 71].

Во-вторых, распространённость допускаемых нарушений в рамках административного надзора свидетельствует о недостаточности мер административной ответственности для удержания поднадзорных от противоправных деяний. Таким образом, именно привлечение указанных лиц к уголовной ответственности по ст. 314¹ УК РФ позволяет осуществлять профилактическое, предупредительное и исправительное воздействие на осуждённых.

В-третьих, существенность и регулярность допускаемых поднадзорными нарушений свидетельствует об их стойкой антисоциальной установке. Такие нарушения установленного в государстве порядка управления не только подрывают авторитет власти, но и создают условия для внеправового поведения осуждённых.

Составы преступлений, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 314 УК РФ, не соотносятся между собой как основная норма и норма с отягчающими обстоятельствами и являются сопоставимыми по степени общественной опасности деяниями.

Основным критерием общественной опасности рассматриваемых деяний является такое поведение лица, подверженного административному надзору, которое позволяет констатировать исходящую от него угрозу окружающим в части высоких рисков повторного совершения преступления и продолжения преступной деятельности.

Указанные факторы в совокупности свидетельствуют о принципиальной необходимости криминализации уклонения от административного надзора. Кроме того, их учёт при дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания позволит достигать целей уголовно-правового регулирования.

² Судебная статистика // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21.09.2024).

Предусмотренный ч. 2 ст. 14 УК РФ институт малозначительности позволяет признавать не преступными деяния, формально содержащие все признаки преступления, однако не обладающие общественной опасностью. В судебной практике вопросы малозначительности носят достаточно субъективный характер и зачастую зависят от индивидуальных факторов, имеющих место при совершении конкретного преступления. В связи с этим универсальных критериев малозначительности деяния, подходящих ко всем составам, ни судебная практика, ни уголовно-правовая доктрина не содержат. Исходя из характеристики и признаков состава преступления, предусмотренного ст. 314¹ УК РФ, общественная опасность данного преступления определяется во многом систематичностью совершения поднадзорным лицом умышленных нарушений режима административного надзора. Такого рода неоднократность, сочетающая в себе признаки различных деяний [10], как признак объективной стороны данного преступления [11; 12], позволяет рассматривать не просто единичное действие лица, а именно совокупность его поступков как преступное поведение в целом.

В то же время практика привлечения к уголовной ответственности за уклонение от административного надзора [13] не имеет достаточно разработанных критериев признания малозначительными фактов уклонения от административного надзора либо несоблюдения требований административного надзора, если они формально содержат признаки преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 314¹ УК РФ. Немаловажным аспектом выступает и сама личность поднадзорного [14], также отчасти обладающая свойствами, представляющими общественную опасность.

Так, в рамках проводимого исследования нами было проанализировано 300 судебных решений по ст. 314¹ УК РФ³, при этом не было обнаружено ни одного решения суда о признании такого деяния малозначительным, в то время как ходатайства о применении положений ч. 2 ст. 14 УК РФ регулярно фигурировали в значительном количестве материалов уголовных дел. Как правило, данное ходатайство обосновывалось отсутствием каких-либо серьезных материальных или иных последствий, тяжелым материальным положением поднадзорного, формальностью нарушения установленного запрета (незначительностью времени отсутствия по месту жительства, случайным характером допущенного нарушения) и т. д.

Так, Пензенский областной суд в своем решении указывает, что суждение обвиняемой (которая обжаловала решение о назначении административного надзора) о том, что «её деяние не имеет общественной опасности, ошибочно, поскольку уклонение от административного надзора, выразившееся в несоблюдении Т.Е.В. установленных административных ограничений, сопряженном с совершением административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, после совершения ею неоднократно в течение года несоблюдения установленных административных ограничений, не может быть признано малозначительным деянием, не представляющим общественной опасности»⁴.

В другом случае суд, соглашаясь с решением нижестоящей инстанции, указал, что решение суда об установлении в отношении Ж. административного надзора отвечает целям предупреждения совершения Ж. преступлений и других правонарушений, оказания на него индивидуального профилактического воздействия для защиты государственных и общественных интересов⁵. Тем самым обоснование необходимости такого надзора определяется именно исходя из необходимости дальнейшего контроля за поведением лица, совершившего преступление, даже после окончания исполнения наказания. Указанный механизм позволяет минимизировать риски дальнейшей преступной деятельности, а нарушение в его работе обладает соответствующими общественно-опасными последствиями и не позволяет рассматривать их как малозначительные.

В то же время конструкция ч. 2 ст. 314¹ УК РФ, сформулированная по типу административной преюдиции, теоретически позволяет рассматривать вопрос малозначительности деяния, однако только в контексте малозначительности совершенного административного правонарушения. Преюдициальный характер ранее принятого решения не позволяет повторно оценивать

³ В рамках исследования были изучены приговоры и иные судебные решения по ст. 314¹ УК РФ, а также судебная практика, складывающаяся в различных регионах Российской Федерации по данному вопросу. Были использованы возможности дистанционного ознакомления и анализа приговоров, расположенных на следующих информационных ресурсах: Государственная автоматизированная система (ГАС) Российской Федерации «Правосудие» (<https://sudrf.ru>); интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)» (<https://sudact.ru>); специализированный информационный ресурс «Судебные Решения.рф» (<https://судебныерешения.рф>); справочно-правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант».

⁴ Апелляционное постановление Пензенского областного суда № 22-838/2020 от 26 августа 2020 г. по делу № 1-29/2020 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) (далее – СудАкт) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fYv7Yf2d9nNT/> (дата обращения: 25.09.2024).

⁵ Решение Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 18 января 2012 г. // Архив Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга. Документ опубликован не был.

его в ходе судебного разбирательства по уголовному делу о совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314¹ УК РФ [15].

Однако среди практикующих сотрудников правоохранительных органов преобладает мнение о наличии общественной опасности даже в случае менее значительных нарушений, нежели описаны в ст. 314¹ УК РФ. Так, по мнению Е. В. Хромова, А. В. Миронова, И. А. Козлова, «игнорирование лицом, в отношении которого установлен административный надзор, ограничений в совокупности с совершением административных правонарушений обладает высокой степенью общественной опасности и должно быть запрещено уголовным законом» [16, с. 85].

Несмотря на то, что санкция данной нормы предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до 1 года и преступление относится к категории небольшой тяжести, в 95 % проанализированных приговоров судами назначается наказание в виде лишения свободы без применения условного осуждения (ст. 73 УК РФ). Средний размер наказания составляет 7 месяцев лишения свободы. Таким образом, в пропорциональном соотношении размера санкции с реально назначаемым наказанием судебная практика наказания за совершение данного преступления является гораздо более репрессивной, чем практика наказаний за другие преступления (хищения, причинение вреда здоровью и т. д.).

При вынесении обвинительных приговоров по ст. 314¹ УК РФ суды ориентируются на систематичность и умышленность поведения осужденного, подтверждаемые неоднократными предупреждениями о недопустимости нарушений, проведением профилактических бесед, однотипностью допускаемых нарушений. Так, суд отмечает: «Поскольку, будучи предупрежденным об ответственности, предусмотренной по ч. 1 ст. 314¹ УК РФ он намеренно оставил место пребывания, инспектора об этом не уведомил, о своем новом месте пребывания не сообщил, и данное деяние нельзя признать малозначительным, поскольку целью административного надзора является контроль за поведением лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Будучи подконтрольным лицом, независимо от сложившихся жизненных обстоятельств, обязан был соблюдать все условия административного надзора»⁶.

Таким образом, наличие достаточной совокупности (как минимум четырех) фактов совершения административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 19.24, ч. 3 ст. 19.24, и ч. 3 ст. 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁷ (далее – КоАП РФ), сопряженной с иным правонарушением, например, ст. 20.21 КоАП РФ, позволяют говорить об отсутствии малозначительности деяния.

Показательным в данном случае является позиция, изложенная в постановлении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2022 г. № 77-1679/2022. В нем суд указал следующее: «Учитывая особенности диспозиции ч. 2 ст. 314¹ УК РФ, сконструированной по принципу административной преюдиции, наличие нескольких фактов совершения административных правонарушений в своей совокупности уже свидетельствует о наличии общественной опасности поведения лица. Так, минимальное количество правонарушений составляет три по ст. 19.24 и одно за иное правонарушение, совершенные в течении календарного года либо в пределах срока, указанного в ст. 4. 6 КоАП РФ.

Учитывая, что на этапе рассмотрения каждого из данных правонарушений существовала возможность признания их малозначительными (ст. 2.9 КоАП РФ), отсутствие такого решения (о признании малозначительным правонарушением), свидетельствует о невозможности признания их совокупности малозначительными в контексте общественной опасности преступления.

В свою очередь, признание какого-либо из правонарушений (входящих в совокупность) малозначительным, в дальнейшем не позволяет учитывать его ни в качестве признака административного правонарушения (ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ), ни состава преступления (ч. 2 ст. 314¹ УК РФ), ни при принятии решения о продлении (дополнении) срока административного надзора (п. 20. ППВС РФ от 16 мая 2017 г. № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»). Таким образом, решение вопроса о малозначительности преступления, предусмотренного ст. 314¹ УК РФ, не может быть рассмотрено в отрыве от вопроса о малозначительности административных правонарушений, составляющих его.

В данной части, необходимо учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

⁶ Апелляционное постановление Красноярского краевого суда № 22-3832/2020 от 2 июля 2020 г. по делу № 1-262/2020 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NFIOOf7J4xYf/> (дата обращения: 28.09.2024).

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Пункт 21 данного постановления содержит следующее разъяснение: «Необходимо иметь в виду, что с учетом признаков объективной стороны некоторых административных правонарушений они ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными, поскольку существенно нарушают охраняемые общественные отношения. К ним, в частности, относятся административные правонарушения, предусмотренные статьями 12.8, 12.26 КоАП РФ»⁸. Данные правонарушения являются конструктивными для состава ст. 314¹ УК РФ.

3 **З**аключение

В качестве оснований признания деяния малозначительным не должны рассматриваться следующие обстоятельства, не свидетельствующие о принципиальном снижении уровня общественной опасности совершенного деяния либо лица, его совершившего:

- личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица;
- добровольное устранение последствий правонарушения;
- возмещение причиненного ущерба.

Данные обстоятельства должны учитываться в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ при назначении административного наказания.

Принятие решения о малозначительности административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ, должно базироваться на совокупности исключительных обстоятельств, послуживших причиной не только самого допущенного нарушения (срочный выезд, неявка в орган внутренних дел в связи с необходимостью лечения, болезнью близких и т. д.), но и невозможности уведомить ОВД, при наличии действий, направленных на устранение допущенного нарушения. Отсутствие же действий поднадзорного, направленных на уведомление о совершении «вынужденного» нарушения режима административного надзора, должны исключать признание такого поведения малозначительным применительно к составу ст. 19.24 КоАП РФ.

Анализ судебной практики свидетельствует, что суды не усматривают малозначительности и в случаях ходатайства поднадзорного о признании малозначительными «незначительных», по его мнению, нарушений. Например, типичными ситуациями «незначительности», по мнению осужденных, являются: находился недалеко от дома (возле подъезда, в гаражах, в 20 метрах от подъезда и т. д.), не находился дома с незначительным опозданием установленного срока пребывания в ночное время (в 22:10 – 22:30 и т. д.).

При отсутствии уважительных причин, свидетельствующих о вынужденности данных нарушений, суды не рассматривают их как малозначительные по следующим причинам. Учитывая особенности выявления данных нарушений, организационно данные временные промежутки и места являются наиболее приемлемыми для выявления и документирования сотрудниками полиции. Так, посещение лица в ночное время (после 24:00) представляет организационные сложности, может доставлять дискомфорт самому поднадзорному, транспортную недоступность, составлять угрозу при передвижении в ночное время и т. д.

В отношении места нахождения лица в момент совершения административного правонарушения – возле его места жительства, так же является наиболее очевидным для проверки и его установления.

Таким образом, указание на данные места и сроки не является показателем «незначительности», а только лишь свидетельствует о статистически наиболее вероятном совпадении места и времени нарушения поднадзорным режима административного надзора, при котором организационно приемлемо его документирование.

При решении вопроса о малозначительности административных правонарушений, которые в своей совокупности включаются в диспозицию ст. 314¹ УК РФ, необходимо учитывать следующие факторы.

1. Одним из показателей общественной опасности выступает объект преступного посяательства, т. е. охраняемые законом общественные отношения. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, отменяя решение суда нижестоящей инстанции, указала, что «административные правонарушения против порядка управления подрывают основы государственности, нарушают нормальное функционирование государственных институтов»⁹. Данный

⁸ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2022 г. № 77-1679/2022 (УИД 03RS0024-01-2020-001851-53) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=80086#3jPwDfUT99pQLJeQ> (дата обращения: 28.09.2024). Документ опубликован не был.

⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: [consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338859/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338859/) (дата обращения: 28.09.2024).

аргумент был положен в обоснование невозможности рассмотрения оспариваемого нарушения малозначительным.

2. В пункте 18 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»¹⁰ относительно признания деяния малозначительным содержится указание на следующие значимые обстоятельства.

Во-первых, квалификация правонарушения как малозначительного может иметь место только в исключительных случаях.

Во-вторых, применение судом положений о малозначительности должно быть мотивировано.

В заключение необходимо отметить, что при принятии решения о наличии признаков малозначительности в совершенном лицом деянии (ст. 314¹ УК РФ) необходимо исходить из того, что объективная сторона данного состава образуется не единым фактом нарушения установленных поднадзорному обязательств, а его систематичным и неоднократным повторением однотипных правонарушений, посягающих на интересы порядка управления. Соответственно, малозначительность должна характеризовать всю совокупность допущенных нарушений, что представляется крайне редким сочетанием.

Список источников

1. Баркаев Г. Р. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора: необходимость или избыточность уголовно-правовой репрессии? // Академическая мысль : сетевое издание. 2022. № 2 (19). С. 16–19. URL: <http://a.mvd.rf/Nauka/-академическая-мысль->
2. Калинина О. М. Уклонение от административного надзора: вопросы правоприменения // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 4 (33). С. 51–56; <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2016-4-51-56>.
3. Зарина А. М. Отдельные вопросы практики применения части 1 статьи 314.1 УК РФ // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 59–62; <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-2-59-62>.
4. Зябликова М. В., Иващенко В. Б. Применение административной преюдиции и сопряженности при несоблюдении административных ограничений, установленных в рамках административного надзора // Законность. 2017. № 2 (988). С. 41–45.
5. Касницкая И. Ю. Уклонение от административного надзора: вопросы квалификации и правоприменения // Полицейская деятельность : сетевое издание. 2024. № 6. С. 67–82; <https://doi.org/10.7256/2454-0692.2024.6.72220>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72220.
6. Шестак В. А. Отдельные вопросы судебной практики рассмотрения уголовных дел об уклонении от административного надзора и неоднократном несоблюдении установленных судом ограничений // Российский судья. 2017. № 11. С. 42–47.
7. Бавсун М. В. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказания (ст. 314 УК РФ): проблемы правовой регламентации и практики применения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 1 (80). С. 8–16.
8. Ромашова М. В. Уголовная ответственность лиц, уклоняющихся от соблюдения установленных судом административных ограничений // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 2, № 5 (17). С. 71–79.
9. Калинина Т. М. Правила применения административного надзора // Административное право и процесс. 2013. № 9. С. 71–73.
10. Голубов И. И. Межотраслевые проблемы уголовной ответственности за неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений // Российский судья. 2017. № 2. С. 38–43.
11. Эргашева З. Э. Неоднократность и сопряженность как признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ // Криминалист. 2016. № 1 (18). С. 116–119.
12. Астахова А. О. О содержании понятия «уклонение от административного надзора» в контексте объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 314.1 УК РФ // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 4 (25). С. 133–141.
13. Синепольская Е. М. Анализ практики осуществления административного надзора и привлечения к ответственности по ч. 2 ст. 314¹ УК РФ в территориальном органе МВД России (на примере УМВД России по Ангарскому городскому округу) / Вопросы теории и практики в досудебном производстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Иркутск, 17 ноября 2023 г. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2023. С. 76–81.
14. Баркаев Г. Р. Криминологическая характеристика лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 314¹ Уголовного кодекса Российской Федерации / Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (к 100-летию со дня рождения Г. М. Миньковского) : сборник научных трудов по материалам Международной конференции, г. Москва, 29 сентября 2023 г. / редкол. : А. В. Победин, Е. Ю. Титушкина, М. В. Лелетова, Я. Г. Ищук [и др.]. Москва : Академия управления МВД России, 2023. С. 297–303.
15. Бархатова Е. Н. Вопросы законодательной конструкции и особенности применения на практике статьи 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 7 (140). С. 72–81; <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.140.7.072-081>.
16. Хролов Е. В., Миронов А. В., Козлов И. А. Проблемы квалификации преступлений по ч. 2 ст. 314¹ УК РФ // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2 (52). С. 82–89.

¹⁰ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 8.

Научная статья

УДК 343.97

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-97-108>

Влияние миграционной ситуации в России на экстремизм и терроризм

Анатолий Васильевич Богданов¹, кандидат юридических наук, доцент

Игорь Иванович Ильинский², кандидат юридических наук, доцент

Олег Васильевич Кудин³, кандидат юридических наук

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Россия

^{1,2} komandor1981@gmail.com, ³ Kudin.mpf@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0006-2823-5807>, ² <https://orcid.org/0009-0007-0444-7095>,

³ <https://orcid.org/0009-0007-6361-3735>

Аннотация:

Введение. Количество мигрантов в Российской Федерации, в том числе и незаконных, увеличивается с каждым годом. Более 6 млн мигрантов осели в городах России. Под прессом «понаехавших» российская экономика начинает заметно прогибаться. Мигранты привозят с собой жен, детей, родственников. Непосильной становится нагрузка на российские системы здравоохранения и образования, на правоохранительные органы. Заставляет задуматься тот факт, что люди, приехавшие в Россию на заработки, не принимают российских ценностей, не знают языка, создают национальные сообщества, угрожающие безопасности не только отдельных людей, но и общества в целом.

Методы. В статье проанализированы связанные с основной тематикой публикации экономический, образовательный и криминальный аспекты миграции, а также вопросы взаимосвязей между экстремизмом, терроризмом и незаконной миграцией с использованием таких общенаучных методов познания, как анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, описание, сравнение, системно-структурный метод. Были использованы и конкретно-научные методы (статистический, анализ документов).

Результаты. Особое внимание уделено оценке применения современных технологий для привлечения мигрантов к совершению преступлений террористического и экстремистского характера, вовлечения их в этнические организованные преступные группы. Приведены статистические данные о количестве мигрантов, их преступной активности, экстремистской и террористической деятельности, проанализирована информация о причастности Службы безопасности Украины к вербовке мигрантов для совершения террористических актов и участию их в боевых действиях на стороне киевского режима. Выдвинуты предложения по совершенствованию профилактической работы как среди мигрантов, так и среди групп риска – несовершеннолетних и пенсионеров. По мнению авторов, необходимо ужесточить законодательство в отношении мигрантов, ограничить количество выдаваемых разрешений на работу и ввести еще ряд аналогичных мер.

Ключевые слова:

незаконная миграция, терроризм, экстремизм, этнические преступные группы, цифровое пространство, мигранты, специальная военная операция, миграционные процессы, правоохранительные органы

Для цитирования:

Богданов А. В., Ильинский И. И., Кудин О. В. Влияние миграционной ситуации в России на терроризм и экстремизм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 97–108. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-97-108>.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Impact of the migration situation in Russia on extremism and terrorism

Anatoly V. Bogdanov¹, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Igor I. Ilyinsky², Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Oleg V. Kudin³, Cand. Sci. (Jurid.)

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation

^{1,2} komandor1981@gmail.com, ³ Kudin.mpf@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0006-2823-5807>, ² <https://orcid.org/0009-0007-0444-7095>,

³ <https://orcid.org/0009-0007-6361-3735>

© Богданов А. В., Ильинский И. И., Кудин О. В., 2025

Abstract.

Introduction. *The number of migrants in the Russian Federation, including illegal ones, is increasing every year. More than 6 million migrants settled in Russian cities. Under the pressure of the "newcomers" the Russian economy starts noticeably "sagging". Migrants bring their wives, children and relatives with them. The burden on the Russian health care and education systems as well as on law enforcement agencies is becoming excessive. But this is not the main problem. The worst thing is that the newcomers do not accept our values, do not know the language, and create national communities that threaten security not only for individuals, but also for society as a whole.*

Methods. *The article deals with the economic, educational and criminal aspects of migration, closely related to each other, as well as the issues of interrelations between extremism, terrorism and illegal migration on the basis of such general scientific methods as analysis and synthesis, induction and deduction, generalisation, description, comparison, system-structural method. Specific scientific methods (statistical, document analysis) were also used.*

Results. *Particular attention is paid to the assessment of the use of modern technologies to recruit migrants to commit terrorist and extremist crimes and to involve them in ethnic organised criminal groups. Statistical data on the number of migrants, their criminal activity, extremist and terrorist activities are presented. Information on the participation of the Security Service of Ukraine in the recruitment of migrants to commit terrorist acts and their taking part in military operations on the side of the Kiev regime is analysed. Proposals for improving preventive work both among migrants and among risk groups, such as minors and pensioners, are made. In the authors' opinion, it is necessary to toughen legislation on migrants, limit the number of work permits issued and introduce other similar measures.*

Keywords:

illegal migration, terrorism, extremism, ethnic criminal groups, digital space, migrants, special military operation, migration processes, law enforcement agencies

For citation:

Bogdanov A.V., Ilyinsky I.I., Kudin O.V. Impact of the migration situation in Russia on extremism and terrorism // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 97–108. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-97-108>.

The article was submitted December 23, 2024; approved after reviewing February 18, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Количество мигрантов в Российской Федерации, в т. ч. и незаконных, увеличивается с каждым годом. Целые отрасли городского хозяйства постепенно перешли в их ведение: жилищное и дорожное строительство, жилищно-коммунальное хозяйство и торговля, транспортные перевозки и сфера обслуживания. Более 6 млн мигрантов осели в городах России, в основном в крупных¹. Сегодня в Москве около половины ее населения – приезжие (те самые мигранты), а к коренным москвичам, по неофициальным данным (официальных просто не существует) могут отнести себя лишь примерно 10 % проживающих в столице. Для российской экономики мигрантская прослойка населения является значительной и непредусмотренной нагрузкой. Мигранты привозят с собой жен, детей, родственников. Непосильной становится и нагрузка на российскую систему здравоохранения и образования, на правоохранительные органы. При этом нередко люди, приехавшие в Россию на заработки, не принимают российских ценностей, не знают русского языка, создают национальные сообщества, угрожающие безопасности не только отдельных граждан, но и общества в целом.

Методы

В статье рассмотрены экономический, образовательный и криминальный аспекты миграционной политики, а также вопросы взаимосвязей между экстремизмом, терроризмом и незаконной миграцией с использованием таких общенаучных методов познания, как анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, описание, сравнение, системно-структурный метод. Были использованы и конкретно-научные методы – статистический, анализ документов.

Обсуждение и результаты

Прежде чем обратиться непосредственно к заявленной тематике, для адекватного понимания ситуации хотелось бы рассмотреть тесно связанные с миграцией, в т. ч. и нелегальной, иные аспекты проблемы – экономический, образовательный и криминальный.

Экономический аспект

С 1 января 2025 г. срок пребывания иностранных граждан без визы сокращен до 90 суток в течение года. Иностранцами гражданами в пределах Российской Федерации считаются

¹ «ГУВМ МВД России официально информирует, что на 1 сентября текущего года число пребывающих в России иностранных граждан, информация о которых содержится в государственной информационной системе миграционного учета, составляло 6 174 777 лиц», – сообщает МВД России в своем Telegram-канале (См.: Меликов В. МВД впервые озвучило число мигрантов в РФ: сколько их, статистика // News.ru : [сайт]. URL: <https://news.ru/society/mvd-vpervye-ozvuchilo-cifry-skolko-migrantov-zhivet-v-rossii-statistika/> (дата обращения: 30.11.2024).

субъекты, не являющиеся российскими гражданами и имеющие доказательства своей принадлежности к гражданству других государств. На российской территории им гарантируются предусмотренные законом права и свободы.

Сколько же таких граждан находится на территории Российской Федерации?

«С начала 2024 года число нелегальных мигрантов в России выросло примерно на 40 %, по состоянию на 1 октября таких иностранцев было более 740 тысяч», – заявил глава МВД Владимир Колокольцев в ходе заседания коллегии ведомства. Месяцем ранее МВД оценивало количество вставших на миграционный учет иностранцев в 6,2 млн человек².

То есть в общей сложности получаем около 7 млн человек. Судя по всему, количество нелегалов будет расти и в дальнейшем. Как отмечает министр внутренних дел России В. А. Колокольцев: «Стало больше случаев участия полиции в легализации иностранцев. В 2024 году выявлено 373 случая организации нелегальной миграции – это в пять раз больше, чем годом ранее»³.

Ежедневно в СМИ звучат сообщения о преступлениях, совершенных мигрантами, и о том, что мигранты ступили на преступный путь, совершая наиболее тяжкие преступления.

Какие же аргументы приводят защитники мигрантов? Приведем мнение Андрея Кладова, эксперта по миграционной повестке и найму персонала, директора платформы «Мигрант Сервис»: «Одним из ключевых факторов, способных удержать мигрантов, является увеличение заработной платы. Многие иностранные работники надеются на вознаграждение около 1 500 долларов США. Если такие ожидания не будут оправданы, существует вероятность, что часть мигрантов примут решение покинуть страну в поисках более выгодных условий труда в других государствах... Работодателям стоит уделить внимание конкурентоспособности предлагаемых условий и учитывать ожидания трудовых мигрантов, чтобы сохранять их интерес и предотвратить возможные кадровые дефициты в будущем»⁴.

Это очень интересная цитата. Итак, мигрантам, чтобы они у нас остались работать, нужно платить не менее 1 500 долларов США – причем это нижняя планка. А Кладов мягко обходит некоторые неудобные вопросы. Полторы тысячи долларов США – это зарплата за год? Вряд ли, иначе в месяц получится 12 000 рублей. Значит, речь идет о месячной зарплате. Переведем доллары в рубли и получим 145 000 рублей в месяц. Далеко не каждый россиянин может похвастаться таким доходом.

«В 2024 году, по мнению аналитиков Мигрант Сервис, страну покинули около 1 млн мигрантов... В 2025 году... Россию может покинуть приблизительно около 1 млн трудовых мигрантов в поисках более привлекательных условий труда за рубежом»⁵.

Вице-премьер Марат Хуснуллин, курирующий строительную отрасль, предложил концепцию «Агрессивное развитие инфраструктуры»⁶, в которой предлагается собрать 85 % россиян в городские агломерации, а в деревню завезти в 2030 году еще 5 млн мигрантов, «открыв границы для иностранных строителей»⁷. Еще 5 млн к имеющимся 7 млн (легальных и нелегальных) мигрантов. Выстраивая логическую цепочку, можно сделать вывод, что и остальные мигранты должны получать соответствующее содержание – иначе уедут. Хотя, по мнению правозащитника Бахрома Исмаилова, «трудовые мигранты на родину отправляют примерно 30–50 % заработанного. А остальное они тратят в России»⁸, домой они отправляют гораздо больше. «Половину зарплаты отправляет каждый пятый иностранный работник, больше 75% – каждый шестой»⁹. В 2024 году только мигрантами-узбеками из страны было выведено более триллиона рублей, или 12,6 млрд долларов. Эта цифра вполне сравнима с бюджетом богатейшего российского

² Хасаншин В. Сколько мигрантов на самом деле живет в РФ: статистика // Информационно-аналитическое агентство «УРА.РУ» : [сайт]. URL: <https://ura.news/news/1052840088> (дата обращения: 30.11.2024).

³ Там же.

⁴ В 2025 году Россию могут покинуть 1 млн трудовых мигрантов // Audit-it.ru : [сайт]. URL: <https://www.audit-it.ru/news/finance/1113746.html> (дата обращения: 30.11.2024).

⁵ Там же.

⁶ Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2021 г. № 3883-р (ред. от 21.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2022. № 1 (ч. IV). Ст. 364.

⁷ Мальцев В. Власти решили согнать 85 % россиян в агломерации, а деревню отдать гастарбайтерам? // Завтра : [сайт]. URL: https://zavtra.ru/blogs/vlasti_reslili_sognat_85_rossiyan_v_aglomeracii_a_derevnyu_otdat_gastarbajteram (дата обращения: 30.11.2024).

⁸ Афонина Е. Русским не входить – места для мигрантов. Школы в Москве превратились в гетто // ЦАРЬГРАД /TSARGRAD : Первый русский : [сайт]. URL: https://tsargrad.tv/articles/russkim-ne-vhodit-mesta-dlja-migrantov-shkoly-v-moskve-prevratilis-v-getto_411687 (дата обращения: 30.11.2024).

⁹ Алексеевских А., Дуэль А. Мигранты пересылают домой миллиарды долларов в год // Российская газета. 2021. 19 декабря.

региона – Москвы. «По данным Центробанка Узбекистана, за первые 10 месяцев 2024 года из России было переведено 9,8 миллиардов долларов – это на 35 % больше, чем за аналогичный период прошлого года»¹⁰.

И это еще не все бюджетные потери. Как известно, мигранты стараются вывезти из республик свои семьи. Выгода очевидна: российские законы предусматривают различные выплаты многодетным семьям, а среднеазиатские семьи, как правило, многодетны (нередко в семье 4–6 детей). Только в Узбекистане в 2023 году родились 962 тыс. младенцев¹¹. Можно с уверенностью сказать, что многих из них родители-мигранты привезут в Россию. Они прекрасно знакомы с Законом № 81-ФЗ¹², приказом Минтруда России от 29 сентября 2020 г. № 668н «Об утверждении Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей»¹³. Этим законом установлен следующий перечень пособий, которые вправе получить иностранные граждане:

- пособие по беременности и родам;
- единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности;
- единовременное пособие при рождении ребенка;
- единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью;
- ежемесячное пособие по уходу за ребенком¹⁴.

Так, семье с 5 детьми полагаются ежемесячные выплаты в размере 125 тысяч рублей. И это только так называемые «детские» деньги. Всего же в год такая семья может получить от 700 тысяч до 2,5 млн рублей в год. Газета «Комсомольская правда» приводит информацию уполномоченной по правам ребенка в Ульяновской области (а по совместительству члена Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека) Екатерины Сморода: «Мы подсчитали объем затрат на семью мигрантов... В итоге одна семья может дотироваться из бюджета от 700 тысяч до 2,5 миллионов рублей»¹⁵. Речь идет о сумме, которая тратится из бюджета каждый год.

Кроме того, бюджетные деньги расходуются на бесплатное социальное обеспечение в виде завтраков школьников 1–4 классов (95,7 рубля в день, за 247 учебных дней в году – 23 637 рублей). Детям из многодетных семей полагается еще и бесплатный обед (также 95,7 рубля в день), компенсация за покупку школьной формы – 2 000 рублей в год на ребенка, 20 000 рублей в год – компенсация летнего отдыха, другие меры социальной поддержки (например, посещение спортивных и культурных учреждений) – еще 30 000 рублей в год¹⁶.

Заметим, что стоимость пребывания ребенка в детсаду для бюджета – около 130 тыс. руб. в год, обучение школьника – 100 тыс. руб. в год, медицинские расходы – 42 тыс. руб. в год на человека¹⁷.

Следует учитывать также пользование объектами инфраструктуры – дорогами, водопроводом и канализацией, газовым и электрооборудованием. Все это тоже не бесплатно.

Педагогический аспект

Этот аспект можно назвать по-разному – педагогический, образовательный, воспитательный. Суть не изменится: речь пойдет о социализации сотен тысяч детей мигрантов, их интеграции в российское общество.

¹⁰ Узбеки в 2024 году вывели из России больше триллиона рублей, о чем это говорит? // Avia.pro : [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/Z06fJxzKc15-G2Fz> (дата обращения: 30.11.2024).

¹¹ Максудов А. Рождаемость в странах Центральной Азии снижается // Cronos. Central Asia : [сайт]. URL: <https://cronos.asia/obshhestvo/rozhdmost-v-stranah-centralnoj-azii-snizhaetsya> (дата обращения: 30.11.2024).

¹² О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1929.

¹³ Об утверждении Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей : приказ Минтруда России от 29 сентября 2020 г. № 668н (ред. от 04.03.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>) : URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012230060> (дата обращения: 30.11.2024).

¹⁴ О детских пособиях для иностранных граждан на территории России // Государственное юридическое бюро Архангельской области : [сайт]. URL: <https://госюрбюро29.пф/pravovoy-vestnik/semeynye-voprosy-i-zashchita-prav-detey/o-detskikh-posobiyakh-dlya-inostrannykh-grazhdan-na-territorii-rossii/> (дата обращения: 30.11.2024).

¹⁵ Овчинников А. «Семья мигрантов может получать из бюджета России до 2,5 млн дотаций в год»: почему переселенцы из Азии обходятся так дорого и не хотят вливаться в наше общество // Комсомольская правда. 2023. 5 октября.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Северский И. 1,7 трлн рублей потрачено на выплаты детям безработных и мигрантов в 2023 году // Военное обозрение : [сайт]. URL: <https://topwar.ru/238270-17-trln-rublej-potracheno-na-vyplaty-detjam-bezrabotnyh-i-migrantov-v-2023-g.html> (дата обращения: 30.11.2024).

Количество детей мигрантов специалистами оценивается примерно в 800 тысяч, из них детей школьного возраста – 500 тысяч¹⁸. Однако, по данным Министерства просвещения, учатся в школах лишь 140 тысяч¹⁹. Официальные данные о месте пребывания еще 350 тысяч детей от 7 до 17 лет отсутствуют.

Социализация начинается с самого раннего возраста – с детского сада. Педагоги отмечают, что уже здесь возникает противостояние культур. Можно упомянуть о двух случаях в детских садах, в Краснодаре²⁰ и Тюмени²¹, с детьми мигрантов 5 и 6 лет. С последним были вынуждены разбираться глава Следственного комитета России Александр Бастрыкин, уполномоченный по правам ребенка в Тюменской области Андрей Степанов и сотрудники департамента образования региона.

Ситуация в школах также напряженная. В некоторых классах количество детей мигрантов превышает количество детей коренных жителей.

Именно о такой ситуации говорил Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании Совета по межнациональным отношениям, проходившем 30 марта 2021 г.: «В некоторых европейских странах, да и в Штатах тоже, повторяю, когда уровень детей мигрантов в школе достигает определённого процента, местные жители своих детей из этих школ забирают. Сейчас не буду останавливаться на причинах, я думаю, что каждому взрослому человеку они понятны. И там образуются школы, которые чуть ли не на 100 процентов – не чуть ли, а фактически на 100 процентов – укомплектованы только детьми мигрантов, и это большая проблема. У меня сейчас нет готовых рецептов. Но совершенно очевидно, что количество детей мигрантов в наших школах должно быть таким, чтобы это позволяло их не формально, а фактически глубоко адаптировать к российской языковой и культурной среде»²².

Понятие «толерантность», навязанное России в свое время Западом, даже в его изначальном значении – «терпимость к иным взглядам, обычаям, вере»²³ – исказилось, превратившись в сознании некоторых руководителей в боязнь любой критики, отказ от собственного мнения, принятие чуждых, но столь же упорно навязываемых взглядов, обычаев, веры. Думается, если у законодателя хватило решимости отказаться от толерантного отношения к ЛГБТ²⁴, он может проявить такую же решимость и в отношении как самих мигрантов, так и их детей.

Согласно статистике, 41 % детей мигрантов, как правило, либо плохо говорят на русском языке, либо вообще не знают его – но, тем не менее учатся в российских школах. Мигранты и их дети заявляют о своем праве устанавливать порядки («мы не знаем ваших законов, поэтому будем жить по своим»), причем это осознанное их поведение. По данным Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (далее – РАНХиГС), численность детей мигрантов, обучавшихся в российских школах в 2023 году, составила 182 тысячи человек. В настоящее время Государственной Думой Российской Федерации принят закон, запрещающий детям мигрантов, не владеющим русским языком, учиться в российских школах²⁵. Этот вопрос необходимо решать, т. к. эти дети будут проводить время на улицах, деградировать, употреблять и распространять наркотики, создавать уличные банды, что в последнее время наблюдается в странах Евросоюза.

¹⁸ Одоевцева С. Ученые подсчитали: в российских школах 500 тысяч детей мигрантов // Московский Комсомолец. 2024. 25 августа.

¹⁹ URL: https://tsargrad.tv/articles/russkim-ne-vhodit-mesta-dlja-migrantov-shkoly-v-moskve-prevratilis-v-getto_411687 (дата обращения: 30.11.2024).

²⁰ Жаркова З. Полиция начала проверку инцидента в детском саду в Краснодаре // FTimes Digital News : [сайт]. URL: <https://ftimes.ru/233929-policiya-nachala-proverku-incidenta-v-detskom-sadu-v-krasnodare.html> (дата обращения: 30.11.2024).

²¹ Бурнашева В. Сын мигрантов, заинтересовавший Бастрыкина, перестал посещать детский сад // NashGorod : [сетевое издание]. URL: <https://nashgorod.ru/news/2024-09-21/syn-migrantov-zainteresovavshiy-bastrykina-perestal-poseschat-detskiy-sad-5200656> (дата обращения: 30.11.2024).

²² Путин В. В. Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65252> (дата обращения: 30.11.2024).

²³ Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпимость), неагрессивные отношения между людьми, которые придерживаются разных ценностных позиций... включая верования, убеждения, традиции и обычаи. Для толерантности характерно отсутствие у субъекта корректирующего воздействия (критики, дискриминации, преследования) по отношению к взглядам и действиям, которые воспринимаются и оцениваются им сугубо негативно. Толерантность является адекватным способом публичного поведения в ситуации религиозного, этнического, расового, мировоззренческого и культурного многообразия общественного организма (См.: Толерантность // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/tolerantnost-cd2127> (дата обращения: 30.11.2024)).

²⁴ Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации.

²⁵ Госдума одобрила запрет брать в школы не знающих русский язык мигрантов. // РБК : [сетевое издание]. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2024/6756de059a794709f10> (дата обращения: 30.11.2024).

Треть миллиона подростков-мигрантов школу не посещают [1]. Выходит, родители уstraняются от проблем социализации подростка, контроля за его времяпрепровождением, возлагают эти обязанности на плечи государства, а конкретнее, на школьных учителей, многие из которых не выдерживают. Из «мусульманских» классов (а кое-где уже и школ) уходят не только русские ученики, но и учителя. Это опасная тенденция, грозящая разрушением всей системы российского образования.

По данным исследования центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, в лидерах по процентному соотношению детей мигрантов в школе – Московская область (3,2 %), Калужская область (2,8 %), Москва (2,7 %), Санкт-Петербург (2,7 %), Ленинградская область (2,1 %) ²⁶.

Министр просвещения С. С. Кравцов, отвечая на депутатский запрос Михаила Матвеева о причинах того, почему школы Российской Федерации не могут отказать в приеме детям, не говорящим по-русски, привел следующие аргументы: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации и законодательством в сфере образования в Российской Федерации гарантируется право каждого человека на образование. При этом иностранные граждане и лица без гражданства обладают равными с гражданами Российской Федерации правами на получение дошкольного и общего образования на общедоступной и бесплатной основе. ... Введение обязательного вступительного экзамена на знание русского языка ... приведет к ограничению прав несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства на получение общего образования, а также к нарушению принципа равных условий приема для всех поступающих в школы, независимо от их гражданства и национальности» ²⁷.

На наш взгляд, и в данном случае отечественное законодательство не соответствует сложившейся ситуации. Элементарная логика подсказывает, что инофон ²⁸, поступивший хоть в первый, хоть в девятый класс, учиться не сможет, поскольку не будет понимать, что от него требует учитель ²⁹.

Мы согласны с мнением председателя Совета по правам человека Валерия Фадеева: «Не должен числиться в школе ни один ребенок, не знающий русского языка. Нас критиковали, что мы якобы детей не хотим пустить в школу. Мы хотим пустить в школу детей, мы хотим выполнить требования Конституции и других законов. Ведь ребенок, не знающий русского языка, не может учиться. Значит, надо обучить его русскому языку» ³⁰. Он же утверждал, что от 50% до 75% детей с «миграционной историей» плохо знают русский язык или не знают совсем: «Нельзя принимать в школу детей, не знающих русский язык...» ³¹.

В подтверждение нашей позиции следует процитировать руководителя Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзора) Анзора Музаева, который считает, что дети мигрантов, поступающие на обучение в российские школы, должны обладать необходимым для обучения уровнем русского языка: «Я радикален. Если ты приезжаешь сюда с семьей и собираешься стать гражданином или временно жить, если ты хочешь, чтобы твои дети получали в этой стране образование, то они должны обладать определенным уровнем знания языка» ³².

Но по-русски, как оказалось, не говорят и многие взрослые мигранты, хотя для них был установлен экзамен на знание языка. «По данным МВД России, процент мигрантов, не сдавших экзамен по русскому языку, с января по май 2024 года вырос с 3 до 30 %, заявили в Минобрнауки России. С 1 января 2024 г. более 4 тысяч заявителей не смогли получить российское гражданство без знания русского языка», – сообщила официальный представитель МВД России Ирина Волк. Кроме того, по ее словам, «начиная с декабря 2023 года число экзаменационных пунктов из-за выявленных сотрудниками МВД нарушений сократилось в пять раз. В апреле 2024 года права

²⁶ Майер А. Дети мигрантов испытывают проблемы с русским языком в школе // Ведомости. 2024. 14 августа.

²⁷ Подлесный Н. Язык мой – враг мой: как в российских школах обучают детей, не знающих русского языка // Региональное информационное агентство Московской области (РИАМО): [сетевое издание]. URL: https://riamo.ru/articles/aktsenty/jazyk-moj-vrag-moj-kak-v-rossijskih-shkolah-obuchajut-detej-ne-znajuschih-russkogo-jazyka/?from=inf_cards (дата обращения: 30.11.2024).

²⁸ Так называют людей, не говорящих по-русски.

²⁹ Некоторые психологи утверждают, что класс сможет «переварить» именно такое количество «чужаков» – 30 %. Учителя, имеющие дело непосредственно с учениками, утверждают, что три – максимальное количество мигрантских детей, с которыми удастся относительно безболезненно справиться. Некоторые снижают планку еще больше, полагая, что 3 % будет вполне достаточно для класса – если считать в классе 30 человек, то 3 % – это один ученик.

³⁰ Габдулина Э. Язык наш – друг их // Коммерсант: [сетевое издание]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6746185> (дата обращения: 30.11.2024).

³¹ Там же.

³² Химшиашвили П., Грошева М. Глава Рособрнадзора призвал не брать в школу без знания русского языка // РБК: [сетевое издание]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/07/2024/6693ba5a9a79477274e6ff6b> (дата обращения: 30.11.2024).

принимать экзамены на русский язык лишились центры помощи мигрантам. Раньше они могли это делать от имени российских вузов. По требованию Минобрнауки контракты с ними были расторгнуты»³³.

Для выхода из кризиса ученые предлагают организовывать миграционные центры с программами «мягкой» адаптации к культурным особенностям России и русскому языку, а также специальные учреждения дополнительного образования для детей мигрантов, начиная с дошкольного возраста. В числе предложений – запрет на посещение образовательных учреждений детьми, не говорящими по-русски, обязательное тестирование (возможно, и платное), создание «мигрантских классов» и адаптационных центров, курсы подготовки к переезду, организованные прямо в странах, откуда люди собирались в Россию на работу³⁴. И как бы ни возмущались этими предложениями их противники, здоровое зерно здесь, безусловно, имеется.

Криминальный аспект

Мигрантов в России становится все больше. «По итогам девяти месяцев 2024 года иностранным гражданам выдали 120,2 тысячи разрешений на работу – это на 41 % выше по сравнению с таким же периодом прошлого года. В том числе 34,9 тысячи документов оформили высококвалифицированным специалистам (+ 55 % к периоду прошлого года)»³⁵. Вызывает большое сомнение квалификация мигрантов – «высококвалифицированных специалистов», ежемесячно десятками тысяч продолжающих приезжать в Россию. Специалистами такого уровня не разбрасываются, учат их годами и используют для нужд своего государства.

Немного статистики

«Иностранцы в России за восемь месяцев 2024 года совершили более 26 тысяч преступлений», – сообщил Следственный комитет России по итогам совещания с главой ведомства А. Бастрыкиным. «Практически втрое выросло число преступлений, совершенных нелегалами – с 2 880 до 8 059. По данным СКР, за 2024 год число преступлений со стороны трудовых мигрантов возросло с 5 868 до 9 708, а преступлений приезжих, получивших гражданство менее десяти лет назад, – с семи тысяч до 11 тысяч. При этом количество тяжких преступлений возросло на 12 %»³⁶. Как видим, количество преступлений, совершенных мигрантами, растет быстрее, чем их количество в стране.

Изменяется также и тяжесть содеянного. Позволим себе привести еще немного статистических данных, сообщенных А. Бастрыкиным: «За первое полугодие 2024 года число преступлений экстремистского характера, совершенных мигрантами, возросло на 55 %. На 5 % увеличилось число изнасилований, на 25 % – развратных действий в отношении детей. А по итогам 2023 года число тяжких преступлений с участием иностранцев выросло на 32 %, особо тяжких – на 26 %, преступлений экстремистского характера – на 147 %»³⁷.

Эти цифры говорят сами за себя. Преступники же – те самые «пропавшие» подростки-мигранты пубертатного возраста, очень хорошо чувствующие и бесконтрольность, и безнаказанность, и беспомощность властей [2].

Экстремистско-террористический аспект

Особую тревогу вызывает тот факт, что мигранты все чаще совершают преступления террористической и экстремистской направленности, и связь между экстремизмом, терроризмом и незаконной миграцией достаточно тесная. Незаконная миграция – это «преддверие» экстремизма, терроризма, других преступлений [3].

Экстремизм – «деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности Российской Федерации; захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности;

³³ Смирнов Г. Центры помощи мигрантам лишились права принимать экзамены на русский язык // РБК : [сетевое издание]. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/04/2024/662cb8459a7947102c3dc20e> (дата обращения: 30.11.2024).

³⁴ Одоевцева С. Ученые подсчитали: в российских школах 500 тысяч детей мигрантов // Московский комсомолец. 2024. 15 августа.

³⁵ URL: <https://ura.news/news/1052840088> (дата обращения: 30.11.2024).

³⁶ Там же.

³⁷ Овчинникова Ю. Глава СК заявил о росте числа экстремистских преступлений мигрантов // РБК : [сетевое издание]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/07/2024/669676b39a7947d2445bd027>. (дата обращения: 11.10.2024).

возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства ...»³⁸ [4; 5].

Терроризм, экстремизм и незаконная миграция в XXI веке приняли беспрецедентный характер, борьба с ними превратилась в одну из острейших проблем в мировом масштабе, в т. ч. и в России. Первоочередной задачей в сфере обеспечения национальной безопасности нашего государства является противодействие терроризму, экстремизму и незаконной миграции [6].

Среди недавних страшных событий – вооруженные нападения на посетителей концертного зала «Крокус Сити Холл» и его поджог, когда погибли 144 человека, а 551 был ранен³⁹, бандитский налет группы вооруженных людей на церкви и синагоги в дагестанских городах Дербенте и Махачкале, в результате которого погибли 22 человека, в т. ч. 17 полицейских⁴⁰, убийство Дарьи Дугиной⁴¹, Владлена Татарского, Игоря Кириллова [7]. Этот список можно продолжать. Все названные преступления были совершены мигрантами и их пособниками под непосредственным руководством Службы безопасности Украины (далее – СБУ).

Увеличилась вербовочная активность иностранных и украинских спецслужб по вовлечению российских граждан, в первую очередь молодежи и мигрантов, в террористическую и экстремистскую деятельность [8]. Сохраняются угрозы со стороны международных экстремистских и террористических организаций, эмиссары которых пытаются внедрять идеи нетрадиционных для России течений ислама. К сожалению, основная масса тех, кто призывают к дестабилизации в России, делают это удаленно, с расстояния, не подпадающего под юрисдикцию российского правосудия, с территорий недружественных стран. А те, кто идет на эти уловки, совершая диверсии, террористические акты, экстремистские проявления на территории Российской Федерации – это молодые люди, в основном из числа мигрантов, попадающие в сети вербовщиков иногда по глупости, а большей частью в надежде подзаработать. Так, в течение 2024 года было совершено 73 преступления экстремистской направленности, что на 14 больше, чем годом ранее⁴².

Эти люди не задумываются о том, что, совершая преступления, они ломают и свою жизнь, и жизнь других граждан, причиняя им боль и страдания. Вот почему именно сегодня, в условиях проведения специальной военной операции (далее – СВО), приоритетной задачей профилактики террористических и экстремистских угроз, пресечения каналов незаконной миграции являются блокировки деструктивного контента в интернете, а также разъяснение молодежи и мигрантам опасности противоправного поведения [9].

Идеология терроризма и экстремизма формируется в течение продолжительного времени. Терроризм развивается по следующей схеме: радикализм – экстремизм – терроризм. Экстремистская деятельность в последующем трансформируется и становится детерминантой террористической деятельности. Миграционные процессы остаются одним из основных факторов, оказывающих существенное влияние на социально-экономическое, культурно-историческое и духовно-нравственное развитие страны, на демографические и политические процессы, происходящие в государстве.

Мир кардинально изменился с появлением информационно-телекоммуникационных технологий, которые значительно облегчили жизнь граждан, но вместе с тем создали множество проблем. Большое распространение в цифровом пространстве получила пропаганда каналов незаконной миграции, экстремизма и терроризма [10]. Активному распространению подобных течений способствует религиозное сообщество, продвигающее идеи запрещенных радикально настроенных группировок, представляющих исламский терроризм и экстремизм (запрещенная в России организация ИГИЛ⁴³, являющаяся злом для всего мирового сообщества, была создана США). СБУ тесно связана с международными экстремистскими и террористическими организациями, а их наиболее радикально настроенные участники воюют на стороне киевского режима [11]. Религиозные организации целенаправленно вовлекаются во внешнеполитические процессы, проповедуя идеи националистического терроризма и расового экстремизма, ксенофобии, участвуют в транснациональной преступности, в т. ч. путем взаимодействия с иностранными преступными сообществами и разведками, диверсионно-разведывательными подразделениями

³⁸ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

³⁹ Серков Д., Химшишвили П., Хабарова В. Терракт в «Крокус Сити». Хроника событий // РБК : [сетевое издание]. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/03/2024/65feb1cc9a794700bc1389f1> (дата обращения: 30.11.2024).

⁴⁰ Число погибших в результате терактов в Дагестане выросло до 22 человек // Коммерсантъ : [сетевое издание]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6804825> (дата обращения: 30.11.2024).

⁴¹ Убийство журналистки Дарьи Дугиной // РИА Новости : [сетевое издание]. URL: <https://ria.ru/20230820/dugina-1890877323.html> (дата обращения: 30.11.2024).

⁴² Там же.

⁴³ Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

Запада и Украины, участвуют в легализации (отмывании) денежных средств и распространении запрещенных материалов террористического и экстремистского толка. Правоохранительные органы Российской Федерации должны выявлять мигрантов, занимающихся диверсионно-разведывательной деятельностью, шпионажем, совершением актов экстремизма и терроризма, выступая при этом пособниками киевского режима.

Сегодня с помощью информационно-телекоммуникационных технологий с территории стран, которые Российская Федерация признала недружественными, развернута активная пропагандистская деятельность, направленная на разжигание и поддержку в российском обществе и мигрантской среде протестных настроений. Под покровительством недружественных стран продолжают попытки нарушить баланс межнационального согласия, посеять рознь между ранее братскими народами, обвинить во всех бедах действующую власть и вывести людей на улицы с протестными лозунгами. И здесь используются различные поводы, в первую очередь, связанные с социально-экономическими, межнациональными, этноконфессиональными и духовно-нравственными отношениями. Есть специально разработанные методики вовлечения мусульманской части населения, в т. ч. из числа мигрантов, в противостояние с православными христианами и наоборот. Все это направлено на раскол российского многоконфессионального общества. Одновременно с этим повышается интенсивность миграционных потоков и, как следствие, возникают анклав мигрантов, что также чревато рисками межнациональных столкновений.

В. В. Путин заявил: «Те, кто приезжает, должны быть готовы к работе, понимать, куда они приезжают, знать язык той страны, где они предполагают жить и работать»⁴⁴. На заседании Парламентской ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности в Кремле была одобрена Концепция миграционной безопасности и рекомендации по совершенствованию законодательства в сфере борьбы с незаконной миграцией⁴⁵. Что касается мигрантов, то «здесь должна быть позиция принципиальная, они обязаны четко знать, что в России надо соблюдать законы, учитывать наши культурные, духовные и нравственные ценности»⁴⁶.

С помощью современных технологий экстремистские и террористические организации и их руководители получили огромные возможности для распространения радикальной идеологии среди масс людей, при этом не имеющих возрастных ограничений, а организованные преступные группы и организованные преступные сообщества – в сфере незаконной миграции. В настоящее время фиксируется постепенное переформатирование действующих на территории России экстремистских и террористических организаций, пополняющихся за счет мигрантов, в децентрализованные и трудно отслеживаемые сети «спящих» ячеек и террористов-одиночек. При этом участились случаи вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность мигрантов, женщин, несовершеннолетних и пожилых людей.

Выступая на заседании Петербургского международного экономического форума, Президент Российской Федерации В. В. Путин констатировал, что «осмысленная миграционная политика пока в России не выстроена»⁴⁷. Опираясь на данные оперативно-розыскной и судебно-следственной практики о преступности мигрантов, можно выделить ряд обстоятельств:

1) они оказывают существенное влияние на криминальную ситуацию в стране и в отдельно взятом субъекте Российской Федерации;

2) это влияние возрастает в условиях социально-экономических кризисов, военных действий и оказывает заметное влияние на преступность;

3) возникает целый ряд новых социально-экономических, политических, духовно-нравственных проблем, в т. ч. затрагивающих международно-правовые, национальные, межэтнические аспекты, положение мигрантов и их семей на территории России, обеспечение их безопасности и т. п. (например, в Арабских Эмиратах за социализацию, т. е. обеспечение своих семей, отвечают те, кто их привез).

Однако масштабность миграции, влияние ее на криминогенную обстановку, которая привносится в социально-экономическую, политическую, духовно-нравственную жизнь государства и общества, предполагает более углубленные познания сущности этого явления. Можно констатировать, что незаконная миграция представляет собой открытый коридор для активизации деятельности этнических организованных преступных групп (сообществ), международных террористических и экстремистских организаций, создает условия для разжигания межнациональных

⁴⁴ Замахина Т. От миграции до интернета // Российская газета. 2024. 10 декабря.

⁴⁵ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 (ред. от 12.05.2023) // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

⁴⁶ Замахина Т. От миграции до интернета ...

⁴⁷ Замахина Т. Мигранты: новые подходы // Российская газета. 2024. 10 июня.

конфликтов, способствует проявлению коррупции, ухудшает криминогенную обстановку. Вполне вероятно, что коренные признаки незаконной миграции имеют много общего с причинами существования самой незаконной миграции. Именно поэтому, устраняя детерминанты незаконной миграции и усиливая ограничения миграции в целом, возможно в значительной степени упредить ее криминальные проявления, особенно в совершении преступлений экстремистской и террористической направленности. Причины незаконной миграции в современной России носят экономический характер, как это было показано нами выше. Скорее всего, вопросы, связанные с безопасностью государства, коммерсантов не волнуют, главное для них получение прибыли. Устранение фундаментальных причин не может быть обеспечено только правоохранительными органами. Трудовые мигранты требуются в точно обоснованном количестве и лишь там, где это остро необходимо – в экономике, строительстве, жилищно-коммунальной сфере. Мигранты – питательная среда для экстремизма, терроризма и этнической преступности.

Экстремизм и терроризм, несмотря на их многовековую историю, в настоящий момент являются актуальными проблемами, которые все более обостряются по причине высокой динамики информационно-телекоммуникационных технологий. К настоящему времени выявлено множество способов вовлечения мигрантов в экстремистскую и террористическую деятельность. Экстремисты-провокаторы, экстремисты-связники, экстремисты-вербовщики активно используют возможности цифрового пространства, в т. ч. интернет, для оказания воздействия на мигрантов. Цифровая платформа знает своего пользователя и с помощью искусственного интеллекта может воздействовать на него, особенно на молодежную аудиторию и лиц старшего возраста, вовлекая их в антиобщественную деятельность, подстрекая к совершению правонарушений и преступлений. Несмотря на то, что преступления экстремистской и террористической направленности составляют относительно небольшую долю от общего количества зарегистрированных преступлений, не стоит недооценивать высокую социальную опасность данного явления. Следует рассматривать ее как одну из серьезных угроз национальной безопасности.

В современных условиях, в т. ч. в период проведения Российской Федерацией СВО, проявления экстремизма, терроризма и незаконной миграции – серьезная угроза всему миру. Противодействие терроризму, экстремизму и незаконной миграции – одно из важнейших направлений деятельности правоохранительных органов, которые должны жестко реагировать на любые попытки дестабилизации общественно-политической обстановки в стране.

Сегодня сложная геополитическая ситуация может привести к ухудшению миграционной обстановки, всплеску этнической преступности, повысить уровень экстремистских и террористических угроз.

По нашему мнению, особенно заметными будут экстремистские и террористические проявления в новых субъектах Российской Федерации.

Если для организаторов незаконной миграции основная цель – организовать ее и получить от этого выгоду, то для незаконных мигрантов главная задача – оказаться в стране, где есть работа и достойный уровень жизни. В некоторых случаях незаконные мигранты пытаются попасть в чужую страну и для совершения преступлений.

Миграционные процессы тесно связаны с уровнем иностранной преступности в России.

Для оперативных подразделений по борьбе с терроризмом, экстремизмом и незаконной миграцией весьма важным качеством является сочетание оперативного поиска с аналитическим документированием.

Один из эффективных рычагов профилактики преступности иностранных граждан, предотвращения межэтнических конфликтов, выявления каналов незаконной миграции, пропаганды духовного и эстетического воспитания – проведение оперативно-профилактических мероприятий, встреч с представителями и духовными лидерами этнических диаспор, работа в местах концентрации мигрантов, а также взаимодействие с сотрудниками прокуратуры⁴⁸, Следственного комитета, ФСБ России по вопросам противодействия незаконной миграции.

Полагаем, что каждый понимает, насколько актуальна работа по взаимодействию оперативных подразделений в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом с подразделениями в сфере миграции, предотвращению вовлечения мигрантов в экстремистскую и террористическую деятельность.

Пока остаются нерешенными многие организационные проблемы в области взаимодействия, в частности, отсутствует конкретизированная ведомственная нормативная правовая база, нет единых методик ведомственного, межведомственного, международного взаимодействия оперативных подразделений правоохранительных органов по выявлению экстремистской

⁴⁸ Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции : приказ Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 12 апреля 2024г. № 273 // Законность. 2024. № 6.

и террористической деятельности, незаконной миграции, особой системы специальной подготовки кадров для оперативных подразделений. Причины этого кроются в постоянной текучести кадров в подразделениях, осуществляющих антитеррористическую и антиэкстремистскую деятельность, а также в отсутствии четких критериев данных видов взаимодействия.

Резкое усиление отрицательного воздействия экстремистских и террористических проявлений, незаконной миграции на развитие международных отношений и внутригосударственную жизнь многих стран подтверждает, что это проблема глобального масштаба.

Противодействие терроризму, экстремизму и незаконной миграции – одно из важнейших направлений деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел. Правоохранительные органы как субъекты, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, должны жестко реагировать на любые попытки дестабилизации общественно-политической обстановки в стране, принимая во внимание, что криминальная среда использует незаконную миграцию в своих целях и часто в свою пользу.

Эскалация экстремизма, терроризма и незаконной миграции является на современном этапе значимым социально-экономическим вызовом для России, и от того, насколько совершенным и адекватным будет ответ на данный вызов, зависит целостность и безопасность нашего государства.

Существует прямая взаимосвязь между распространением радикальной идеологии и иными формами противоправного поведения, включая экстремизм, терроризм, незаконную миграцию и организованную преступность, в т. ч. наркопреступность. Значительная часть доходов от незаконного оборота наркотиков направляется на финансирование экстремистской и террористической деятельности.

3 **З**аключение

Мигрантскую среду в России не оставляют в покое западные спецслужбы, спецслужбы Украины, лидеры экстремистских и террористических организаций. Рост числа террористических и экстремистских преступлений в России обусловлен также особенностями, связанными с проведением СВО. Глобализация и существенное увеличение скорости перемещения между государствами людей по различным причинам означают новые вызовы и угрозы. Все это приводит к таким явлениям, как терроризм, экстремизм и этническая организованная преступность.

Проблема противодействия данным явлениям многоаспектна и включает вопросы информационно-аналитического обеспечения профилактики [12; 13], совершенствование административно-правового, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, оперативно-розыскного законодательства, особенностей взаимодействия с государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями, гражданами и разработке комплекса мер, сил, средств, методов и методик, направленных на выявление, пресечение и раскрытие преступлений экстремистской, террористической направленности и незаконной миграции [14]. Административная ответственность занимает важное место в системе осуществления контроля как механизм воздействия на терроризм и экстремизм.

Приоритетная задача правоохранительных органов – противодействие терроризму, экстремизму и незаконной миграции, нейтрализация деятельности радикальных структур, предупреждение конфликтов на этнической и религиозной почве [15]. Противодействие преступной деятельности в миграционной сфере, в т. ч. незаконной миграции, пресечение деятельности экстремистских и террористических групп (сообществ), этнических организованных преступных групп и сообществ являются одними из важнейших задач в деятельности правоохранительных и контролирующих органов, требующих комплексного подхода.

Эскалация терроризма, экстремизма, незаконной миграции является серьезным социально-экономическим вызовом для России на современном этапе, и от того насколько своевременным и адекватным будет ответ на данный вызов, зависит целостность и безопасность нашего государства. Мигранты должны приносить пользу, а не представлять угрозу национальной безопасности России.

С другой стороны, это не более чем полумеры. По нашему мнению, необходимо подходить к обозначенным в статье проблемам более жестко, а именно:

- а) ввести визовый режим со всеми иностранными государствами;
- б) запретить пребывание в школах и детских садах детей, не знающих русского языка (или «слабо знающих», что по сути одно и то же);
- в) набирать зарубежных специалистов под конкретную задачу и не более чем на два года;

- г) ввести институт ротации мигрантских кадров;
- д) запретить перемещение на территорию Российской Федерации семей мигрантов;
- е) если мигрантское лобби начнет ссылаться на Конституцию, провести всенародный референдум с четко обозначенными вопросами.

Список источников

1. Антонян Ю. М. Формирование личности в детстве и корыстное преступное поведение подростков / Lex russica (Русский закон). 2017. № 2 (123). С. 115–122; <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.123.2.115-122>.
2. Теоретические и правовые аспекты противодействия терроризму : современные подходы : [монография] // Алешин В. В., Красинский В. В., Петровский Д. Н. [и др.] ; под общ. ред. В. В. Алешин. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2019. 264 с.
3. Васецова Е. С., Маноило А. В. Борьба с международным терроризмом в цифровую эпоху : монография. Москва : Горячая линия-Телеком, 2021. 443 с.
4. Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм : Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика : монография / под ред. Е. И. Галяшиной. – Москва : Проспект, 2019. 239 с.
5. Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве : [монография]. Москва : Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 2017. 80 с.
6. Абдулагатов З. М. Современный экстремизм и терроризм: состояние и проблемы противодействия (на примере Республики Дагестан) : монография. Махачкала : Алеф, 2019. 351 с.
7. Личность участника террористической деятельности : монография / Меркурьев В. В., Соколов Д. А., Васнецова А. С. ; под общ. ред. В. В. Меркурьева. Москва : Проспект, 2022. 366 с.
8. Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование : монография / под ред. А. П. Кузнецова. Москва : Проспект, 2017. 336 с.
9. Нуждин Л. Г. Информационный терроризм. 2-е изд., доп. Москва : Икар, 2017. 292 с.
10. Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Актуальные проблемы противодействия экстремистских проявлениям в условиях развития цифровизации : монография. Владикавказ : ИПЦ ИП Цопанова А. Ю., 2021. 191 с.
11. Чернядьева Н. А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия : монография. Москва : Проспект, 2017. 335 с.
12. Важенина И. В., Ефимова О. И. Профилактика молодежного экстремизма и терроризма // Академическая мысль : сетевое издание. 2022. № 2 (19). С. 112–117.
13. Мазуров В. А., Лунева К. А., Стародубцева М. А. Роль гражданского общества в профилактике молодежного экстремизма : монография. Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2020. 112 с.
14. Кочои С. М. Антитеррористическое уголовное право : монография. Москва : Проспект, 2023. 112 с.
15. Романовский Г. Б., Романовский В. Г. Попытки и борьба с терроризмом : монография. Москва : Проспект, 2021. 127 с.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-109-118>

Риски безопасности как основание криминализации транспортных правонарушений

Владимир Николаевич Бурлаков, доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург (199034, Университетская наб., д. 7/9), Российская Федерация
parus348@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3711-1762>

Аннотация:

Введение. Риски безопасности представляют собой своеобразный эквивалент угрозы причинения вреда охраняемым правом общественным отношениям. На первый взгляд, риски безопасности отражаются только в признаках объективной стороны преступления. Однако о них можно говорить применительно и к другим элементам состава. Если обратиться к преступлениям против безопасности на транспорте, то риски могут относиться к транспортному средству как предмету преступления, к деянию и его последствиям, к субъекту преступления, его личности, и даже к форме вины. Поэтому актуален вопрос реального отражения в составе преступления рисков безопасности [1]. Роль рисков безопасности в криминологическом механизме совершения преступления постепенно начинает интересовать не только уголовно-правовую, но и криминологическую науку [2].

Методы. Важной задачей является классификация рисков, определение их криминогенности. Вопрос о многообразии влияния рисков на общественную опасность нельзя осветить в небольшой статье, поэтому обратимся к их основным концентраторам в составе. К ним нужно отнести транспортные средства как источник повышенной опасности, нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и характеристику личности водителя.

Результаты. Информация о значении рисков безопасности должна быть учтена, когда идет речь о криминализации или декриминализации деяний в транспортной сфере, т. е. уровень безопасности рисков может быть их критерием. Такая информация полезна при дифференциации ответственности за транспортные нарушения в рамках отраслевого регулирования. Для отражения рисков в составе преступления нужна адекватная его конструкция. Поэтому требуется оптимизация конструкции состава в некоторых статьях об ответственности за транспортные преступления, чтобы исключить недооценку рисков безопасности. Такой конструкцией может быть состав создания опасности.

Ключевые слова:

классификация рисков безопасности, стандарт транспортной безопасности, административная преюдиция, состав создания опасности

Для цитирования:

Бурлаков В. Н. Риски безопасности как основание криминализации транспортных правонарушений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 109–118. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-109-118>.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024;
одобрена после рецензирования 30.10.2024;
принята к публикации 27.12.2024.

Original article

Safety risks as the reasons of transport offences' criminalisation

Vladimir N. Burlakov, Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya quay, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation
parus348@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3711-1762>

Abstract:

Introduction. Safety risks represent special equivalent of the threat of harm to public relations maintained by law. At first sight, safety risks are reflected only in signs of objective side of the actus reus. However, they can be spoken about as applied to other elements of corpus delicti. If we consider the crimes against transport safety, then

Keywords:

classification of safety risks, standards of transport safety, administrative pre-judiction, corpus delicti of risk creation

© Бурлаков В. Н., 2025

risks can be referred to the transport means as the object of the crime, to the act and its consequences, to the subject of the crime, his personality and even to a form of guilt. Therefore the issue of the safety risks' reflection in the crime is actual [1]. The role of safety risks in the criminological mechanism of committing the crime gradually starts interesting not only criminal law science but criminological science too [2].

Methods. *The main task is the classification of risks, the determination of their crime rates. It is impossible to cover the issue about the diverse of risks' influence on public safety in a short article; therefore we pay attention to their basic hubs of crimes. They are exactly transport means as a source of the highest danger, traffic violations and the use of vehicles, and personal characteristics of the driver.*

Results. *The information about the meaning of safety risks must be taken into account when the speech is about criminalisation and de-criminalisation of acts in the transport sphere that is the level of safety risks may be their criterion. Such kind of information is useful when differentiating the responsibility for traffic violations in the scope of sectoral regulation. For risks' reflection in the crime it is necessary its appropriate construction. That is why in some articles it is demanded the optimisation of the corpus delicti construction about the responsibility for transport means in order to exclude the undervaluing of safety risks. Such a construction may be corpus delicti of risk creation.*

For citation:

Burlakov V. N. Safety risks as the reasons of transport offences' criminalisation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 109–118. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-109-118>.

The article was submitted June 10, 2024; approved after reviewing October 30, 2024; accepted for publication March 20, 2024.

Введение

Вопрос о рисках безопасности имеет не только уголовно-правовое, но и криминологическое значение. В той или иной степени он отражается в характеристиках массы показателей технической безопасности в транспортной сфере, без учета которых правовое регулирование этой сферы невозможно. Риски прописаны в Правилах дорожного движения, инструкциях, наставлениях, технических условиях и т. д., а также учитываются при отнесении транспортных средств (далее – ТС) к источникам повышенной опасности. И хотя сами по себе ни риски, ни их показатели напрямую не являются признаками состава преступления, но должны быть учтены и в нем, и в стандарте безопасности функционирования разных видов ТС. Иначе говоря, нужен алгоритм эффективной оценки рисков, который бы рассматривался не только как основание криминализации действий в транспортной сфере, но и опосредованно влиял на конструкцию уголовно-правовых норм [3].

В силу того, что ТС относятся к источникам повышенной опасности, риски их безопасности не могут иметь нулевое значение. О сущности общественной опасности рисков можно долго спорить, но очевидно, что если угроза причинения вреда от источника риска выходит за рамки индивидуальных интересов причинителя такого вреда, т. е. потерпевшими могут стать третьи лица либо организации, то такая угроза создает общественно опасные риски. С этой точки зрения, и индивидуальные средства мобильности (электросамокаты и т. д.) имеют риски безопасности и поэтому могут быть приравнены к ТС как источнику повышенной опасности. Есть примеры, когда законотворческая практика отнесения средств передвижения к предмету транспортных преступлений порой запаздывала, что, конечно, множит, так сказать, жертвоприношение транспортной преступности (примером может быть дополнение к предмету преступления, предусмотренному ст. 263 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), сверхлегких воздушных судов). Поэтому необходимо заблаговременно разработать стандарт безопасности и его алгоритм, основанный на оценке рисков транспортной безопасности [4].

Риски транспортной безопасности неоднородны. Самой простой классификацией будет следующее их подразделение на виды: риски от самих транспортных средств как источников повышенной опасности – технические риски; риски от нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств – субстанциональные риски; риски от дорожно-транспортной ситуации, влияющей на техническую возможность предотвращения дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП) – ситуационные риски; риски опасности водителя – субъективные риски.

Степень опасности рисков транспортной безопасности нужно принимать во внимание в т. ч. при решении вопроса о дифференциации ответственности (дисциплинарной, административной, уголовной) за правонарушения в этой сфере. В основе этого утверждения понимание того, что в общественную опасность преступления весомый вклад вносит и опасность

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

рисков [5]. Стандарты безопасности движения и эксплуатации транспорта должны формироваться с учетом таких рисков. От них в свою очередь зависит целесообразность криминализации транспортных правонарушений. Вероятно, чем выше будут стандарты, тем меньше будет криминализации, и наоборот.

Технические и криминологические показатели для оценки степени опасности рисков разнообразны. По сути, они свидетельствуют о масштабе негативных последствий в настоящем и будущем. К ним, например, можно отнести объем причиненного имущественного и физического вреда от транспортных аварий в абсолютных и относительных показателях (средний процент аварий по годам, количество погибших или получивших увечья потерпевших, имущественный ущерб, их темпы роста). Динамика таких последствий вкупе с показателями строгости мер ответственности также поможет избежать избыточного принуждения (криминализации и пенализации). Полезными могут стать коэффициенты неотвратимости: соотношение количества приговоров с количеством транспортных происшествий; соотношение количества административных взысканий с количеством автотранспортных нарушений; оценка рисков, обусловленных личностью водителя; показатели жесткости санкций за транспортные нарушения (уголовные и административные) за ряд лет. В конечном счете можно рассчитать соответствующие коэффициенты, в совокупности образующие алгоритм, полезный для оптимальной криминализации. Однако в таком виде перечисленные показатели опасности рисков вряд ли вписываются в содержание состава преступления. Им нужно придать иную форму, о чем речь пойдет далее.

Методы

Поскольку ответственность за транспортные правонарушения варьируется от дисциплинарной до уголовной, постольку риски безопасности могут стать критерием разграничения этих видов ответственности. Для этого показатели степени опасности рисков должны получить экспертную оценку реального вреда в процентах, т. е. должны опираться на экспертную диагностику. Можно показать измерение опасности рисков (рисунок 1).

Рис. 1. Измерение опасности рисков (результаты без учета экспертной оценки)

Fig. 1. The measurement of risks' danger (results without taking into account the expert assessment)

Коэффициент риска безопасности K рассчитывается по формуле

$$K = R1 + R2 + R3 + R4 : 400, \quad (1)$$

где при K до 0,1 – возможна дисциплинарная ответственность;
при K до 0,5 – возможна административная ответственность;
при K от 0,5 до 1,0 – возможна уголовная ответственность.

Типовая оценка субъективных рисков (так сказать, деликтоспособность водителя) возможна путем матрицы диагностирования на основе совокупности показателей (таблица 1, 2).

Таблица 1

Карта личности водителя

Table 1

Driver's identity card

Показатели субъективных рисков транспортной безопасности	Степень их общественной опасности (код)		
	Минимальная	Средняя	Максимальная
Криминальная активность	Впервые совершил ДТП (001)	Ранее привлекался к административной ответственности за ДТП (002)	Ранее привлекался к уголовной ответственности за ДТП (003)
Роль в ДТП	Стечение обстоятельств; виктимное поведение потерпевшего (004)	Небрежное отношение к соблюдению ПДД (005)	Особо активная роль (опасная езда) (006)
Поведение водителя после ДТП	Положительное – оказал помощь потерпевшему (007)	Обвиняемый не оказывал помощи потерпевшему (008)	Обвиняемый оставил место ДТП (009)
Мотив преступления	Минимальной степени антисоциальности (010)	Средней степени антисоциальности (011)	Максимальной степени антисоциальности (012)
Степень вины	Преступная небрежность (013)	Преступная самонадеянность (014)	Установка на нарушение ПДД (015)
Отношение к содеянному	Чистосердечное раскаяние, порицание преступного способа поведения (016)	Признание вины (частичное признание вины) (017)	Отсутствие раскаяния, оговор потерпевшего (018)
Психофизическое состояние водителя в момент ДТП	Преступление совершено в трезвом состоянии (019)	Преступление совершено в состоянии опьянения (020)	Преступление совершено водителем, ранее задержанным за управление в состоянии опьянения или с диагнозом «Алкоголизм» (021)
Производственная характеристика	Положительная (022)	Удовлетворительная (023)	Отрицательная (024)
Социальная активность	Высокая (активное участие в работе общественных организаций, партий, движений) (025)	Средняя (состоял членом общественных организаций, партий, движений) (026)	Низкая (не принимал участия в общественных организациях, партиях, движениях) (027)
Бытовая характеристика (характеристика с места жительства)	Положительная (028)	Удовлетворительная (029)	Отрицательная (030)
Отношение к семейным обязанностям (в первичной или вторичной семье)	Добросовестное (031)	Удовлетворительное (032)	Недобросовестное (033)
Семейное положение	Имеет двух и более иждивенцев (034)	Имеет одного иждивенца (035)	Не имеет иждивенцев (036)
Заслуги перед государством и обществом	Участник ВОВ, СВО, награжден государственными орденами, медалями, имеет почетные звания (037)	Имеет поощрения за добросовестный труд: грамоты, благодарности и т. д. (038)	Не имеет заслуг (039)
Состояние здоровья	Инвалидность, тяжелое заболевание (040)	Незначительное расстройство здоровья (041)	Практически здоров (042)

Окончание таблицы 1

End of table 1

Показатели субъективных рисков транспортной безопасности	Степень их общественной опасности (код)		
	Минимальная	Средняя	Максимальная
Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание по смыслу ст. 61 и 63 УК РФ			
Несовершеннолетие виновного	Преступление совершено в несовершеннолетнем возрасте (043)	—	—
Психофизическое состояние	Беременность, наличие тяжелого заболевания (044)	—	—
Наличие малолетних детей у виновного	Имеет малолетних детей (ребенка) на иждивении (045)	—	—
Неблагополучная ситуация	Совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств (046)	—	—
Деятельное раскаяние	Явка с повинной, активное способствование раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добровольное возмещение вреда (047)	—	—
Возмещение вреда, причиненного преступлением	Оказание медицинской и иной помощи потерпевшему после совершения преступления (048)	—	—
Рецидив ДТП	Имеет административный рецидив ДТП (049)	Ранее судим за совершение ДТП (050)	Имеет неоднократную судимость за ДТП (051)

Таблица 2

Матрица диагностирования степени опасности субъективных рисков

Table 2

The matrix of evaluating the danger' degree of subjective risks

Минимальная степень	Средняя степень	Высокая степень	Очень высокая степень
001, 004, 007, 010, 013, 016, 019, 022, 025, 028, 031, 034, 037, 040, 041, 043, 044, 045, 046, 047, 048	001, 002, 005, 006, 007, 008, 010, 011, 013, 014, 016, 017, 019, 020, 022, 023, 025, 026, 028, 029, 031, 032, 034, 035, 037, 038, 040, 041, 043, 044, 045, 046, 047, 048, 049	002, 003, 005, 006, 008, 009, 011, 012, 014, 015, 017, 018, 020, 021, 023, 024, 026, 027, 029, 030, 032, 033, 035, 036, 038, 039, 040, 041, 044, 045, 046, 047, 048, 050, 051	003, 006, 009, 012, 015, 018, 021, 024, 027, 030, 033, 036, 039, 040, 041, 044, 045, 046, 047, 048
К до 0,1	К до 0,2	К до 0,5	К до 1,0

Чтобы определить степень опасности субъективных рисков, надо внести в матрицу установленные показатели посредством вписывания их кодов, и затем арифметически определить, в какой ячейке матрицы зачеркнуто их наибольшее количество, т. е. определяем степень опасности по наибольшему числу зачеркнутых кодов в ячейке матрицы или наибольшему удельному весу зачеркнутых кодов.

Результаты

Теперь остановимся на вопросе конструкции состава некоторых транспортных преступлений, а именно на составе с административной преюдицией, на который обратил внимание научный мир [6]. Возникают вопросы: могут ли сходные действия (нарушения) образовывать признаки административных и уголовных деликтов? Является ли такая конструкция панацеей? Способна ли она отразить риски безопасности? В прежнем Уголовном кодексе (РСФСР) конструкция состава с административной преюдицией почти не использовалась. Но с 2011 года число таких составов в разных разделах УК РФ резко увеличилось. Этому способствовало Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 года², в котором говорилось о том, что в уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, т. е. привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения. Среди ученых нет единого мнения о целесообразности ее широкого применения [7]. Против нее высказались известные ученые, например, Н. И. Иванов, А. И. Коробеев, Н. А. Лопашенко. Неоднозначность применения административной преюдиции прослеживается в одном из постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной практике по делам о незаконном обороте оружия³, в котором сказано, что в случае, когда допущенное лицом административное правонарушение (например, нарушение правил хранения или ношения оружия и боеприпасов, их продажа) содержит также признаки уголовно наказуемого деяния, указанное лицо может быть привлечено лишь к административной ответственности (п. 8). Это разъяснение Верховного Суда способствовало легализации в судебной практике так называемой выборочной ответственности, которую профессор В. В. Лунеев однажды назвал следственной декриминализацией преступлений [8].

Есть и другая позиция, которая допускает использование административной преюдиции в уголовном праве. У ее сторонников два подхода. Первый подход констатирует существование преюдиционных норм УК РФ, считая их «нежелательной неизбежностью» в плане *de lege lata*. Второй подход исходит из необходимости минимизации возможных негативных социально-юридических последствий применения таких норм *de lege ferenda*. Авторы отстаивают позицию о несоответствии основных социально-юридических характеристик административной преюдиции в уголовном праве основаниям криминализации, принципу справедливости уголовного законодательства, «гуманизации» уголовного закона как одного из основных направлений государственной политики в области борьбы с преступностью. Однако, учитывая сложившиеся отечественные законодательные реалии и тенденции законотворчества в области уголовного права, они предлагают варианты развития системы преюдиционных норм УК РФ, отражающие требования законодательной техники [9].

Мы полагаем, что с позиции теории общественной опасности использовать административную преюдицию в качестве признака деяния в составе транспортного преступления нежелательно. Во-первых, потому что применительно к транспортным преступлениям это может привести к появлению чрезмерного количества норм с подобной конструкцией, т. к. транспортные преступления неоднородны по своей общественно опасной сущности и могут разделяться на многочисленные группы⁴ [10]. Но и минимальное их количество может повлечь излишнюю дифференциацию в Уголовном кодексе, а именно: «1) преступления, совершенные путем непосредственного использования ТС по их прямому хозяйственному назначению; 2) преступления, при совершении которых ТС не используется по прямому хозяйственному назначению»⁵.

² Послание Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. // Российская газета. 2009. 13 ноября.

³ О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 4.

⁴ Жулев В. И. Транспортные преступления : Комментарии законодательства. Москва : Спарк, 2001. 189 с.

⁵ Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В. Н. Бурлакова, В. В. Векленко, В. Ф. Щепелькова. 3-е изд., перераб. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2021. С. 574.

Во-вторых, количество показателей рисков, которыми можно дифференцировать ответственность за транспортные правонарушения, становится еще больше, и поэтому логично предположить, что использование неверных показателей рисков транспортной безопасности при криминализации транспортных нарушений приведет к ее избыточности. Однако это не мешает использовать фактор административного рецидива в качестве признака субъекта преступления.

С точки зрения юридической техники [10] альтернативой составу с административной преюдицией мог бы стать состав создания опасности, включающий в себя указание на криминальные риски. В связи с этим хотелось бы отметить следующее. Хотя в теории уголовного права насчитывается немного работ, посвященных разработке вопроса о природе, содержании, признаках состава создания опасности⁶, а проблема включения в состав рисков безопасности только начинает обсуждаться, но задумываться об этом ученые стали давно.

Прежде всего рассмотрим понятийный аппарат. Обратившись к тексту уголовного закона, мы увидим, что риск не является легальным признаком состава. Его нужно определять исходя из соотношения понятий «риск – угроза – опасность – вред». Понятие «угроза» используется в уголовно-правовых нормах, и оно соотносимо с понятием «риск». Для этого достаточно проанализировать, например, содержание ст. 119, 238 или 267 УК РФ, а также ст. 41 УК РФ, в которой риск рассматривается как обстоятельство, исключающее преступность деяния, и сказано, что риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия. Таким образом, в ч. 3 ст. 41 УК РФ определение риска привязано к правовому выводу: обоснованный и необоснованный риск. Однако чтобы его использовать в качестве признака состава преступления, этого недостаточно. Здесь значимым является степень вероятности последствий от риска. Ведь угроза соотносима с опасностью самого деяния, а риск выражает степень наступления возможных общественно опасных последствий. Это значит, что риск – это самостоятельный этап в механизме уголовной ответственности, он выражает реализацию угрозы в ситуации определения пути от деяния к результату. Итак, под риском понимается возможность (степень вероятности) наступления негативных последствий. Поэтому очевидно, что угроза, риск и опасность связаны через их потенциал причинения вреда: риск может рассматриваться как актуализация угрозы, когда вероятность вреда переходит в непосредственное намерение его реализации, а далее из риска формируется опасность.

Кроме того, если вред по своей возможной сфере причинения многоаспектен (вред объекту, предмету, потерпевшему), то риск используется в нормах УК РФ только как угроза конкретным объектам уголовно-правовой охраны.

С точки зрения этапов механизма причинения и семантического отличия, нужно отметить, что хотя каждое из названных понятий сохраняет свою уникальность, в контексте вредоносности «риск опасности» и «угроза опасности» совпадают. В общем континууме использование понятий «риск», «угроза» и «опасность» означает просто разную степень вероятности наступления вреда, например, «действие субъекта представляет риск» и «действие субъекта представляет опасность». В то же время, можно утверждать, что «риск» и «опасность» в уголовном праве представляют разные стадии реализации потенциальной и актуальной угрозы и поэтому разграничиваются по степени вероятности наступления вреда. Риск оценивается как потенциальная возможность возникновения вреда, который не только не наступил, но и его наступление не является неизбежным. Опасность же подразумевает, что вред имеет высокую вероятность наступления без дополнительного вмешательства.

3 Заключение

Итак, для целей уголовного законодательства было бы полезным закрепить в стандартах транспортной безопасности следующие понятия. *Угроза* – категория, описывающая потенциальную возможность причинения вреда объектам правовой охраны вследствие совершения преступления. *Риск* – это фактор или ситуация, возникающие на этапе реализации угрозы, связанные со многими причинами, например, с субъективным отношением субъекта к деянию, потенциалом опасности предмета преступления и даже особенностями личности человека. *Опасность* – это реальная способность причинить вред объекту уголовно-правовой охраны.

⁶ Попуан Г. Ю. Уголовная ответственность за создание опасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 21 с.

Она существует независимо от восприятия конкретного лица. Это условие или обстоятельство, способное причинить вред, не требующие их осознания адресатом. Опасность в уголовном праве оценивается как потенциал для причинения вреда. Вред можно определить как результат полной реализации рисков.

В плане квалификации преступления встает важный вопрос: К какому виду можно отнести состав создания опасности? Является ли такая конструкция разновидностью уже разработанных в доктрине уголовного права и применяемых в законодательстве конструкций формального, материального или усеченного состава?

Рассмотрение факта создания опасности в качестве общественно опасных последствий наводит на мысль, что этот состав можно отнести к числу материальных составов преступлений. Такой подход находит поддержку не только в теории уголовного права [11], но и сам законодатель использует его при редактировании диспозиций статей УК РФ, в которых происходит замена одной конструкции на другую. Например, в 2018 году в ч. 1 ст. 2153 УК РФ и ст. 217 УК РФ, в которых после исключения формулировки, описывающей объективную сторону деяния как «если это могло повлечь», по сути, они стали материальными составами. Отметим, что аналогичные изменения юридической техники произошли и в ст. 340, 341 УК РФ в феврале 2020 года. Однако есть примеры, как будто отрицающие связь состава создания опасности с материальным составом. Так, в 2020 году уголовный закон за счет изменения редакции ч. 1 ст. 236 УК РФ и ч. 1 ст. 267 УК РФ, наоборот, исключил данные составы из числа классически материальных за счет указания на возможность создания угрозы.

Можно привести и другой пример неоднозначной трактовки конструкции состава создания опасности, если обратиться к ст. 150 УК РФ, а именно, к моменту окончания этого преступления. В прежнем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»⁷ это преступление считалось с формальным составом и признавалось оконченным с момента совершения действий, направленных на вовлечение в совершение преступления (п. 9). В действующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»⁸ преступление считается оконченным с момента, когда несовершеннолетний совершил оконченное преступление, покушение на преступление или приготовление к нему, а в случае ненаступления таких последствий по не зависящим от вовлекателя обстоятельствам его действия предлагается квалифицировать по ч. 3 ст. 30, ст. 150 УК РФ (п. 42).

Поэтому конструкция состава имеет значение не только для адекватного отражения степени опасности преступления, но и для его квалификации.

Для материального состава преступление признается оконченным при наступлении общественно опасных последствий, т. е. в цепочке «риск – угроза – опасность – вред» окончание преступления отложено до реального причинения вреда. Для конструкции состава создания опасности достаточно лишь создание условий, способных привести к подобным последствиям, без их фактического наступления. Поэтому с момента начала дискуссии по этому вопросу ученые считали составы создания опасности неоконченным материальным составом. Б. С. Никифоров отмечал, что «в ряде случаев последствием действия является создание объективной возможности его причинения, чем обосновывается привлечение к уголовной ответственности за приготовление и покушение» [12].

Полагаем, что вывод о том, что состав создания опасности является разновидностью неоконченного материального состава, дезавуирует не только способность этого состава адекватно отражать общественную опасность совершенного деяния, но и не учитывает некоторые существенные отличия. Во-первых, ключевым отличием неоконченного преступления с материальным составом от состава создания опасности является намерение субъекта завершить преступление с причинением конкретного вреда при осознании факта его отсутствия, а не только желание создать условия для его возможного причинения. Во-вторых, неоконченные материальные составы

⁷ О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 (ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 4.

⁸ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

характеризуются тем, что действие преступника прерывается на какой-то стадии до достижения конечного вредного результата, что в свою очередь означает, что преступление не достигло стадии полного состава преступления, тогда как для признания преступления с составом создания опасности оконченным не требуется наступление каких-либо конкретных последствий, т. к. эти последствия в нем выражаются в самом факте создания опасности. В-третьих, приготовление и покушение возможны лишь при совершении умышленного преступления. В составах же создания опасности деяния могут быть как умышленными, так неосторожными [13].

Необходимо также провести разграничение между усеченными составами и составами создания опасности. Распространена точка зрения, согласно которой к усеченным составам относятся составы, где юридический момент окончания преступления перенесен де-факто на стадию приготовления⁹, или утверждается, что смысл усеченного состава не в «меньших» по сравнению с реально наступившими последствиями, а в перенесении момента окончания состава преступления на стадию приготовления или покушения¹⁰. Нередко в случае, если признак усеченности состава связывают не со стадией преступной деятельности, а с наличием и реализацией общественно опасных последствий, усеченные составы трактуются в качестве составов угрозы причинения вреда [14]. Таким образом, криминализация деяний в составе создания опасности означает совершение деяния с допущением вреда, тогда как в усеченных составах уголовная ответственность наступает за совершение неоконченного деяния, общественно опасные последствия которого в нем отсутствуют и поэтому требуют дополнительной квалификации. Если исходить из вышеизложенного, конструкцию состава создания опасности можно отнести к разновидности материального состава с неконкретизированным последствием. Заметим, что законодатель нередко использует даже конструкцию материального состава с неконкретизированным последствием, например, в ст. 235, 163, 179, 285 УК РФ.

Таким образом, теоретическая конструкция состава создания опасности вполне пригодна, чтобы заменить конструкцию состава в транспортных преступлениях с административной преюдицей.

Выводы

1. Риски транспортной безопасности могут быть одним из критериев криминализации преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств.

2. В уголовно-правовых нормах, предусматривающих ответственность за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, административная преюдица не должна быть признаком общественной опасности деяния, но может быть признаком субъекта преступления.

3. В составе преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств эквивалентом понятия «риски безопасности» сейчас является понятие «угроза причинения вреда». Степень вероятности угрозы (реальная, абстрактная) может быть объективирована через степень опасности рисков.

4. Конструкция состава создания опасности может быть альтернативой составу с административной преюдицей при формулировании признаков преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств.

Список источников

1. Ищенко И. В. Общественная опасность как интегративное свойство преступления: понятие, характеристика : монография / отв. ред. В. П. Бодаевский. Москва : Проспект, 2023. 144 с.

2. Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф., Дивеева Н. И. Криминологическая безопасность в сфере профилактической медицины: риски и их предупреждение / Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 5. С. 647–659. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(5\).647-659](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(5).647-659).

3. Риски в праве: пути решения : монография / Барамидзе Д. Д., Зинагуллин З. З., Кузнецова Н. В. [и др.] ; под ред. Л. Г. Татьяниной. Москва : Юрлитинформ, 2020. 160 с.

4. Бурлаков В. Н. Криминологическая безопасность в сфере эксплуатации транспортных средств и совершенствование уголовной ответственности за посягательства на нее // КриминалистЪ. 2023. № 2 (43). С. 24–29.

5. Мирошниченко Д. В. Критика уголовно-правовой онтологии : монография / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Москва : Юрлитинформ, 2023. 396 с.

⁹ Решетникова Д. В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 232 с.

¹⁰ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. 2-е изд., стереотип. Москва : Статут, 2014. 279 с.

6. Мирошниченко Д. В. Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. 205 с.
7. Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России : монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 166 с.
8. Лунеев В. В. Преступность XX века : Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва : Норма, 2005. 504 с.
9. Кибальник А. Г., Мамхатов З. З. Административная преюдиция в уголовном праве: вопросы de lege lata и de lege ferenda : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 160 с.
10. Бурлаков В. Н. Стандарт безопасности в сфере функционирования транспорта и проблемы криминализация транспортных нарушений в контексте межотраслевого подхода / Уголовное право в системе межотраслевых связей: вопросы теории и правоприменения : сборник материалов XIII Российского конгресса уголовного права, г. Москва, 26–27 мая 2022 г. Москва : Юрлитинформ, 2022. С. 166–172.
11. Пронина М. П. Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование: монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 351 с.
12. Комягин Р. А. Состав преступления : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. Москва : Юрлитинформ, 2023. 181 с.
13. Никифоров Б. С. Об объекте преступления по советскому уголовному праву // Советское государство и право. 1956. № 6. С. 56–67.
14. Янина И. Ю. Составы поставления в опасность // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 124–132. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.77.4.124-132>.
15. Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве : Вопросы теории и правотворчества. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1997. 200 с.

Научная статья
УДК 343.132
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-119-129>

Эксгумация в российском уголовном судопроизводстве: религиозный, исторический и нормативный аспекты

Алла Васильевна Верещагина, кандидат юридических наук, доцент

Владивостокский государственный университет
Владивосток (690014, ул. Гоголя, д. 41), Российская Федерация
vereschagina_alla@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2243-0007>

Аннотация:

Введение. Наряду с нововведениями действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации сохранил некоторую статичность в регламентации следственных действий, включая эксгумацию, и не устранил проблемные аспекты. Необходимость совершенствования нормативной модели эксгумации обусловлена потребностями следственной практики. В посвященных вопросам эксгумации работах затрагиваются различные моменты, преимущественно нормативного свойства. Однако комплексных исследований, в которых бы отражались религиозные, исторические и нормативные аспекты с привлечением судебной практики и опыта регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых государств постсоветского пространства, до настоящего времени не опубликовано.

Методы. Исследование проведено с соблюдением принципов – всесторонности, объективности, историзма, плюрализма и с использованием историко-генетического, хронодискретного и формально-логического методов, а также анализа документов.

Результаты. Изучение религиозных и исторических аспектов эксгумации, а также ее нормативной модели позволило сформулировать ряд выводов: 1) сакральное отношение к смерти и обрядам погребения затрудняет проведение эксгумации; 2) единственным приемлемым способом решения этой проблемы является общая культура и надлежащая профессиональная подготовка правоприменителей, позволяющие верно оценить необходимость (или отсутствие необходимости) проведения эксгумации и грамотно выстроить коммуникации с родственниками погребенного; 3) регламентация эксгумации в целом подобна имевшейся в Судебных уставах; 4) лаконичность регламентации эксгумации затрудняет правоприменение и обуславливает необходимость совершенствования имеющейся нормативной модели; 5) наряду с прочими желательны упорядочение юридических оснований проведения эксгумации; уточнение круга субъектов, принимающих участие в эксгумации, и конкретизация их процессуальных статусов; более развернутое закрепление процедуры, включая ее оформление.

Ключевые слова:

российское уголовное судопроизводство, государства постсоветского пространства, следственное действие, эксгумация, судебно-медицинская экспертиза трупа

Для цитирования:

Верещагина А. В. Эксгумация в российском уголовном судопроизводстве: религиозный, исторический и нормативный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 119-129. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-119-129>.

Статья поступила в редакцию 31.07.2024;
одобрена после рецензирования 09.01.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Exhumation in Russian criminal proceedings: religious, historical and normative aspects

Alla V. Vereshchagina, Cand. Sci (Jurid.), Docent

Vladivostok State University
41, Gogol str., Vladivostok, 690014, Russian Federation
vereschagina_alla@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2243-0007>

Abstract:

Introduction. Along with innovations, the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation keeps some static in the regulation of investigative actions, including exhumation, and does not resolve problematic aspects. The need to improve the normative model of exhumation is determined by investigative practice demands.

Keywords:

Russian criminal proceedings, post-Soviet states, investigative action, exhumation, forensic medical examination of a corpse

© Верещагина А. В., 2025

The scientific publications on the issues of exhumation touch upon various matters, mostly of a normative nature. However, no comprehensive studies reflecting religious, historical and normative aspects based on judicial practice and the experience of regulation in the criminal procedural legislation of some post-Soviet states have been published to date.

Methods. The research was carried out in accordance with the principles of comprehensiveness, objectivity, historicism, pluralism and with the use of historical-genetic, chronodiscrete and formal-logical methods, as well as document analysis.

Results. The analysis of religious and historical aspects of exhumation, as well as its normative model, made it possible to formulate a number of conclusions: 1) the sacral attitude to death and burial rites makes it difficult to carry out exhumation; 2) the only acceptable way to solve this problem is the general culture and proper professional training of law enforcers, enabling them to correctly assess the need (or lack of such) to carry out exhumation and competently build communications with relatives of a buried person; 3) the regulation of exhumation is generally similar to that in the Judicial Statutes; 4) the brevity of exhumation regulation makes it difficult to implement the law and requires improvement of the existing normative model; 5) among other things, it is necessary to streamline the legal grounds for exhumation; clarify the range of subjects involved in exhumation and specify their procedural statuses; and provide a more detailed description of the procedure, including its documentation.

For citation:

Vereshchagina A. V. Exhumation in Russian criminal proceedings: religious, historical and normative aspects // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 1 (105). P. 119-129. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-119-129>.

The article was submitted July 31, 2024;
approved after reviewing January 9, 2025;
accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Основным способом подлежащих установлению обстоятельств по уголовному делу в российском уголовном судопроизводстве является производство следственных действий. Однако действующий уголовно-процессуальный закон содержит ряд дефектов регламентации института следственных действий вообще и отдельных следственных действий в частности, в т. ч. эксгумации. Как и в советском Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (далее – УПК РСФСР) 1960 года¹, в действующем уголовно-процессуальном законе отсутствуют легальные понятие и система следственных действий, очень сжато регламентируется процедура производства некоторых следственных действий, к коим относится и эксгумация. Указанное влияет на качество правоприменения и обсуждение различных аспектов нормативной регламентации как феномена следственных действий, так и их отдельных видов. Применительно к эксгумации в публикациях обсуждается сама возможность (или невозможность) ее отнесения к следственным действиям; религиозные составляющие этой процедуры; различные моменты регламентации – фактические и юридические основания проведения, круг задействованных участников, процессуальное оформление и пр. [1–6]. Особенностью проведенного исследования является его комплексность – изложение религиозных, исторических, нормативных аспектов, а также правоприменения и имеющегося опыта регламентации в государствах постсоветского пространства. Этот подход позволил сформулировать ряд предложений по корректировке регламентации эксгумации в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Методы

Комплексный характер исследования обусловил систему использованных в процессе его проведения методов. Изучение заявленной проблемы проводилось с соблюдением общепризнанных принципов познания – всесторонности, объективности, историзма, плюрализма. Сочетание историко-генетического и хронодискретного методов позволило изучить эволюцию легализации эксгумации в российском уголовно-процессуальном законодательстве и выявить отдельные автономные этапы его развития, между которыми имелись хронодискретные паузы. Для уяснения действительного содержания нормативных предписаний применялся формально-логический метод. Посредством анализа документов установлены критерии, которыми пытаются руководствоваться суды при принятии решений о производстве эксгумации и практики при отнесении эксгумации к следственным действиям.

В исследовании автор с учетом допускаемого объема публикации сосредоточился только на некоторых, по его мнению, наиболее значимых моментах регламентации эксгумации: фактических и юридических основаниях проведения эксгумации; круге участников; некоторых аспектах процедуры.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

Результаты

Отношение мировых и некоторых национальных религий к эксгумации

Уход человека из жизни и сопряженные с этим попытки осмысления смерти, ритуалы захоронения находили отражение в религиозных верованиях, придавая обряду погребения и местам захоронения сакральность, которые следует учитывать при проведении эксгумации.

Условно подходы к этим вопросам мировых и некоторых национальных религий по критерию содержания религиозных догм о посмертной жизни человека и возможности извлечения трупа из места захоронения можно разделить на три группы: 1) минимизирующие нарушение целостности захоронения и допускающие такую процедуру преимущественно по религиозным мотивам (иудаизм). Иудаизм расценивает нарушение целостности могил как акт, оскверняющий покойного, поэтому, хотя эта процедура не исключается, но только после консультаций с раввином в строго ограниченных чрезвычайных случаях, например, когда это поможет спасти жизнь другого человека или поймать преступника, и т. п.²; 2) не содержащие строгих правил относительно погребения и извлечения трупа из места захоронения (индуизм) и 3) допускающие эксгумацию при наличии предусмотренных законом оснований (ислам и христианство). Ислам запрещает нарушать целостность могил мусульман без законной причины. К таким причинам относят сохранение прав усопшего или принесение пользы живым (установление причин смерти, виновности (невиновности) подозреваемого, проведение судебно-медицинских исследований)³. В Библии нет конкретных запретов на возможность проведения эксгумации. Представители Русской православной церкви, отвечая на вопросы верующих о допустимости эксгумации и перезахоронения, подчеркивают, что имеют значение только личные и церковные молитвы об усопших. Нарушение мест захоронения возможно на законных основаниях⁴. Общим в процитированных положениях является минимизация эксгумации, допускаемая с учетом особенностей верований и при наличии законных оснований. Подобной позиции придерживается Конституционный Суд Российской Федерации, считая, что государство должно гарантировать достойное отношение к памяти человека, охрану его личных прав после смерти, в т. ч. «...свободу убеждений, касающихся обрядов погребения», незаконного воздействия на человека в физическом смысле, в т. ч. после смерти⁵.

Несмотря на признаваемую религиозными нормами эксгумацию, исследователи отмечают, что более 70 % следователей сталкиваются с трудно разрешаемым «яростным» противодействием компактно проживающих в сельской местности этнических общин, вплоть до исчезновения трупа с места обнаружения [7, с. 55–56]. Подтверждением этого является ситуация, сложившаяся при расследовании уголовного дела по факту причинения тяжких телесных повреждений, повлекших смерть, когда против эксгумации была не только потерпевшая, но и местное сообщество, считавшее это кощунством, запрещенным «религиозными канонами» и противоречащим «нормам традиционной морали»⁶.

Решение этой проблемы затруднено, поскольку Россия – светское государство с многоконфессиональным населением, что исключает (или делает практически невозможным) учет религиозных особенностей различных конфессиональных групп. Большее значение имеют общая

² Как относиться к вскрытию тела (трупа)? : Отвечает раввин Яков Шуб // Иудаизм и евреи : [сайт]. URL: https://toldot.com/urava/ask/urava_6984.html?ysclid=ly7tbmvmvmp79440372 (дата обращения: 05.07.2024) ; Каков статус святости еврейских кладбищ? // Иудаизм и евреи : [сайт]. URL: <https://toldot.com/evrejskieKladbishcha.html?ysclid=ly7u46fr98328527013> (дата обращения: 05.07.2024).

³ Аляутдинов Ш. Уважительное отношение к мертвому телу // Достоверно об исламе : [сайт]. URL: <https://umma.ru/uvazhitelnoe-otnoshenie-k-mertvomu-telu?ysclid=lz1edsc9kw202657305> (дата обращения: 25.07.2024).

⁴ Что церковь говорит об эксгумации? : Отвечает протоиерей Андрей Ефанов // Фома : [сайт]. URL: <https://foma.ru/chto-cerkov-govorit-ob-jeksgumacii.html?ysclid=lxwbgah269649094442> (дата обращения: 27.06.2024).

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Тукаевой Амиры Ишбулдовны на нарушение ее конституционных прав частями первой, третьей и четвертой статьи 178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2023 г. № 1791-О // Юридическая информационная система «Легалакт - законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (далее – ЮИС «Легалакт») : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20072023-n-1791-o/?ysclid=lz6p7gg6z5940475425> (дата обращения: 29.07.2024).

⁶ См.: Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики № 22к-986/2017 от 19 января 2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ (далее – СудАкт) : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/С1р3jYsnJwH1/?regular-txt=эксгумация&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения: 28.07.2024) ; Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан № 22-1697-2018 от 30 октября 2018 г. // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cN5SQB4RHnmr/?regular-txt=эксгумация&regular-case_doc (дата обращения: 28.07.2024).

культура, эрудиция и профессиональная подготовка российских правоприменителей, способствующие пониманию этнических и религиозных особенностей участников уголовного судопроизводства; умение наладить контакт с родственниками погребенного и тактически грамотно провести процедуру эксгумации, на что обращают внимание некоторые авторы [6, с. 115]. Иными словами, решение этой проблемы лежит в плоскости подготовки юристов, в разрешении дилеммы, каким должно быть образование – прикладным, учитывающим сиюминутные тенденции, или фундаментальным, формирующим мировоззрение и ценностные ориентиры [8, с. 3–8].

История легализации эксгумации в российском уголовно-процессуальном законодательстве

Впервые процедура извлечения трупа из места захоронения закреплена в Уставе уголовного судопроизводства (далее – УУС) 20 ноября 1864 г.⁷ Термин «эксгумация» не использовался, однако исходя из содержания предписаний ст. 346 и 347 УУС очевидно, что речь идет именно об этой процедуре. Несмотря на то, что собственно эксгумации посвящены только означенные выше достаточно лаконичные ст. 346 и 347 УУС, следует отметить более тщательную, в сравнении с современным российским уголовно-процессуальным законодательством, регламентацию этой процедуры. Данный вывод вытекает из содержания норм ст. 315–352 УУС Отделения первого «Осмотр и освидетельствование», в которых содержатся общие правила производства осмотров и освидетельствований, особенности участия в осмотрах и освидетельствованиях сведущих лиц (специалистов) вообще и врачей («через врачей»), в частности. В соответствии с нормами указанных выше статей при переосвидетельствовании трупа могли присутствовать участвующие в деле лица (ст. 316); судебный следователь обязан был обращать внимание не только на явные признаки преступления, но и на объекты, «окружающие» следы преступлений, – местность, предметы и т. п. (ст. 318); при эксгумации и осмотре трупа присутствовали не менее двух понятых, соответствующих цензам 1) оседлости – проживают рядом с производством осмотра («ближайшие жители») и 2) имущественного и (или) благонадежности – собственники какого-либо имущества (недвижимости, торговых и промышленных «заведений»), либо занимающие определенные должности (управляющие, поверенные, волостные и сельские должностные лица, церковные старосты), либо в случаях, не терпящих отлагательства, лица, пользующиеся общественным доверием (ст. 320); осмотр трупа производился с участием судебного врача (уездные, городские или полицейские врачи), в крайних случаях вместо судебного врача к осмотру привлекался любой другой врач (военный, гражданский, вольнопрактикующий) (ст. 336, 337); при осмотре судебный врач руководствовался правилами Устава судебной медицины (ст. 342); при повторном осмотре трупа (переосвидетельствовании) судебный следователь сообщал цель процедуры, предоставлял акт и протокол первоначального осмотра трупа и информировал о длительности захоронения («пребывании тела в земле») и «по возможности» приглашался врач, производивший первоначальный осмотр (ст. 346, 347); для удостоверения «в тождестве» личности захороненного приглашались священник и присутствовавшие при погребении лица (ст. 347).

Нормы УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. не затрагивали вопросов эксгумации⁸.

В УПК РСФСР 1960 года⁹ регламентация эксгумации (ст. 180) в целом совпадает с имевшейся в УУС 1864 года. Таким образом, своеобразие дореволюционной нормативной модели проявляется в 1) праве судебного следователя пригласить врача, производившего первоначальный осмотр, для участия в повторном осмотре извлеченного из места захоронения трупа; 2) допущении к эксгумации участников уголовного дела; 3) легализации некоторых тактических моментов эксгумации – сообщение цели эксгумации, обращение внимания на сопутствующие обстоятельства, уточнение давности захоронения и 4) присутствии при эксгумации священнослужителя. Последнее из означенных положений – следствие роли церкви в жизни общества дореволюционной России, которая не ограничивалась объединением приверженцев той или иной

⁷ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864. № 41476. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии. 1867; Сборник законов, правил, наставлений и распоряжений Правительства для врачей фармацевтов, ветеринаров и прочих медицинских чинов. Составил врач И.К. Войно. Киев: Типография Е.Я. Федорова, 1871. С. 444 – 446.

⁸ См.: Статьи 192–198 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (утв. Постановлением Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета РСФСР (далее – ВЦИК РСФСР) от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе») // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (далее – СУ РСФСР). 1922. № 20. Ст. 21; Статья 230 и статьи 189–195 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (утв. Постановлением ВЦИК РСФСР от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР») // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

⁹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

религии. На церковные организации возлагалась также обязанность заниматься регистрацией актов гражданского состояния [9, с. 90].

В действующем УПК РФ 2001 года¹⁰ сохранена преемственность регламентации, хотя есть ряд особенностей: 1) впервые используется термин «эксгумация», который вынесен в название ст. 178, озаглавленной «Осмотр трупа. Эксгумация»; 2) нормы об эксгумации и осмотре трупа рассредоточены по нескольким главам, разделам и частям уголовно-процессуального закона (ст. 57, 58 гл. 8 и ст. 60, 61, 70, 71 гл. 9 разд. II ч. 1; ст. 164–166, 168, 170 гл. 22 разд. VIII ч. 2 и т. д., что является следствием особенностей компоновки нормативного материала в УПК РФ; 3) зафиксирована новелла – получение согласия родственников захороненного на проведение эксгумации, а в случае отсутствия оно – судебного решения.

Является ли эксгумация следственным действием?

В исследованиях нет единого, устоявшегося подхода к понятию и системе следственных действий. Одна из основных детерминант этой дискуссии – отсутствие в российском уголовно-процессуальном законе четкой регламентации: в УПК РФ используется термин «следственное действие», однако его содержание не раскрывается и сведено к указанию на то, что следственное действие – один из видов процессуальных действий (п. 32 ст. 5). Сказанное справедливо и в отношении системы следственных действий, о которой можно судить весьма условно: опираясь на структуру УПК РФ, предположить, что законодатель относит к следственным действиям процедуры, закрепленные в гл. 24–27. Как результат, авторы формулируют критерии отнесения той или иной процедуры к следственным действиям, сообразно которым определяют их систему [1, с. 125–129, 131; 4, с. 89–90; 5, с. 73–75]¹¹. Не вдаваясь в тонкости дискуссии, попытаемся определить, следует ли относить к следственным действиям эксгумацию. Противники отнесения эксгумации к следственным действиям аргументируют свою позицию тем, что в ходе ее производства не могут быть получены доказательства, и в судебной практике «...нет случаев ссылок в приговорах на фактические данные, содержащиеся в протоколах...», фиксирующих процедуру эксгумации. Доказательственное значение имеют результаты осмотра извлеченного из места захоронения трупа¹². Сторонники диаметральной точки зрения убеждены, что в ходе производства эксгумации существенно ограничиваются права и свободы личности, поэтому надо «поднять» статус процедуры и именовать ее следственным действием, тщательно прописав в законе регламентацию [10, с. 73]¹³. Есть и промежуточное суждение об эксгумации как о вспомогательном следственном действии, обладающем всеми его признаками, результаты которого используются не непосредственно в доказывании, «а для производства других следственных действий» [11, с. 162].

Вопрос о том, является ли эксгумация самостоятельным следственным действием, не праздный. Если это просто вспомогательная процедура, то мы признаем допустимость эксгумации во время судебного следствия. Как отмечают В. Арсентьев и В. Китаева, для суда это хлопотно, но позволяет отказаться от возвращения дела в органы предварительного расследования, экономит время и деньги [12, с. 95] и, добавим, в большей степени соответствует непосредственности судебного разбирательства и формированию внутреннего убеждения судьи, необходимого для разрешения уголовного дела. Если же эксгумация – самостоятельное следственное действие, то ее производство в судебном разбирательстве исключено, поскольку в гл. 37 УПК РФ «Судебное следствие» такой способ собирания и проверки доказательств не указан.

Эксгумация не единственная процедура, которая предполагает «продолжение», дальнейшее исследование полученных фактических данных. Это имеет место по результатам многих следственных действий, но особенно осмотра места происшествия, обыска, выемки и др. Например, в ходе осмотра места происшествия или обыска обнаружен предмет, который, вероятно, мог быть орудием совершения преступления. Чтобы признать или не признать его таковым и приобщить в качестве вещественного доказательства к материалам уголовного дела, следует провести судебно-медицинскую экспертизу вещественных доказательств и медико-криминалистическую экспертизу, в необходимых случаях допросы, следственный эксперимент и др.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

¹¹ Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Следственные действия : учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2015. С. 16–23, 37.

¹² Там же. С. 19.

¹³ Там же. С. 20 ; С. 24.

Кроме того, сам факт эксгумации может иметь доказательственное значение: если при вскрытии могилы труп или его останки не обнаружены, либо обнаружено два и более трупа, либо имеет место подмена трупа и т. п. Поэтому отнесение той или иной процедуры к следственным действиям по критерию самостоятельности полученных фактических данных для установления обстоятельств дела, на наш взгляд, не вполне состоятельно, как и аргумент отсутствия в приговорах судов ссылок на протоколы эксгумации. В приговорах в обоснование виновности лица есть ссылки судов на протоколы эксгумации как доказательств. Так, по мнению Верховного Суда Республики Крым, несмотря на непризнание вины подсудимым, его виновность доказана в том числе «протоколом эксгумации и осмотра трупа от 21.06.2023 и фототаблицей к нему»¹⁴.

Формально-юридически эксгумацию также можно отнести к следственным действиям: 1) в качестве такового она поименована в ч. 1 ст. 164 УПК РФ, посвященной общим правилам производства следственных действий; 2) нормы об эксгумации размещены в гл. 24, содержащей положения о производстве следственных действий; 3) эксгумация вынесена в название ст. 178 УПК РФ, чем, на наш взгляд, подчеркивается самостоятельность этой процедуры; 4) закреплен судебный порядок принятия решения о производстве эксгумации при отсутствии согласия родственников погребенного, предусмотренный для следственных действий, существенно ограничивающих права и свободы личности (ст. 165 УПК РФ); 5) о самостоятельности эксгумации как следственного действия свидетельствует также норма ч. 3 ст. 178 УПК РФ, в соответствии с которой решение следователя и суда о производстве эксгумации обязательно для администрации места захоронения. Это положение указывает на то, что эксгумация в соответствии с предусмотренной ст. 178 УПК РФ процедурой осуществляется только в специально отведенных для погребения местах¹⁵ в рамках уголовного судопроизводства и не должна применяться к случаям захоронений различного генеза на непредусмотренных и предусмотренных законом территориях не в связи с расследованием и рассмотрением уголовных дел¹⁶.

Иными словами, следователю не нужно выносить постановление о производстве эксгумации или получать соответствующее судебное решение, если извлечение трупа происходит не в предусмотренном законом месте захоронения (гараж, огород, лес и т. п.) в рамках производства осмотра места происшествия, местности, помещения и т. п. Если при проведении проверки показаний на месте допрашиваемый указывает место захоронения, то затем производится осмотр, в ходе которого извлекается труп¹⁷. Иное, например, извлечение трупа после указания места его захоронения в ходе проверки показаний на месте, недопустимо в силу разной природы следственных действий проверки показаний на месте и осмотра [13, с. 56; 14, с. 200–207; 15, с. 52].

¹⁴ См.: Приговор Верховного Суда Республики Крым от 28 ноября 2023 г. по делу № 1-51/2023 // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qDOVUnuroLrj/?regular-txt=эксгумация+убийство&regular-case_doc (дата обращения: 14.07.2024); Приговор Казачинско-Ленского районного суда Иркутской области от 30 июля 2021 г. по делу № 1-52/2020 // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Vb3Ntldcr6J4/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc (дата обращения: 14.07.2024); Приговор Кировского районного суда Приморского края от 9 ноября 2020 г. по делу № 1-38/2020 // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/yjpF8GITRYQv/?page=3&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc (дата обращения: 14.07.2024); Приговор Курганского городского суда Курганской области от 5 ноября 2020 г. по делу № 1-712/20 // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/P8FVK7bPBvgo/?page=3&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc (дата обращения: 14.07.2024); Приговор Ремонтненского районного суда Ростовской области от 6 октября 2020 г. по делу № 1-91/2020 // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/lvWrErevOHIQ/?page=4&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc (дата обращения: 14.07.2024) и др.

¹⁵ В уголовно-процессуальном законе трактовки понятия «место погребения» («место захоронения») нет. Его содержание раскрывается в других нормативных правовых актах, где под местом захоронения (погребения) понимается «часть пространства объекта похоронного назначения (кладбища, колумбария и т. п.), предназначенная для захоронения останков или праха умерших или погибших» (Пункт 2.11.2 ГОСТ 32609-2014. Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения. Москва : Стандартинформ, 2014. 27 с. (Межгосударственный стандарт)). Аналогичное, но более детализированное определение места погребения дано в ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» (О погребении и похоронном деле : Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 146).

¹⁶ Например, мероприятия по эксгумации останков погибших защитников Отечества производятся при наличии перечисленных в законе оснований уполномоченными органами государственной власти и местного самоуправления с соблюдением сроков и процедур, предусмотренных Законом Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (ст. 6, 61, 11) (См.: Об увековечении памяти погибших при защите Отечества : Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 (ред. от 13.06.2023) // Российская газета. 1993. 17 февраля).

¹⁷ Постановление об освобождении от уголовной ответственности и о применении принудительной меры медицинского характера Тулунского городского суда Иркутской области от 28 сентября 2018 г. по делу № 1-356/2017 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7a9nrl1Tajba/?ysclid=m43уерауvk177093438> (дата обращения: 25.11.2024); Приговор Суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 16 октября 2023 г. по делу № 2-9/2023 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uFV4qAwkeigT/?ysclid=m43zanbtw167897875> (дата обращения: 25.11.2024).

Некоторые дискуссионные аспекты эксгумации

1. Отсутствие легализации фактических оснований проведения эксгумации. Однозначного отношения к этому вопросу у нас нет. С одной стороны, конкретность регламентации способствует ограничению усмотрения и необоснованного принятия решений. Исследователи конкретизируют основания, когда эксгумацию следует проводить: захоронение трупа без осмотра, вскрытия, проведения судебно-медицинской экспертизы, судебно-медицинская экспертиза признана недопустимым доказательством и т. п.¹⁸ [3, с. 143]. В некоторых государствах постсоветского пространства ряд перечисленных оснований проведения эксгумации легализован и дополнен указанием на установление «иных обстоятельств, имеющих существенное значение для уголовного дела» (в УПК Грузии это единственное основание – ч. 1 ст. 132), чем подчеркивается самостоятельность этой процедуры как способа собирания и проверки доказательств, уравнивание ее со следственными действиями¹⁹. Однако даже при наличии означенных выше оснований на результаты исследования оказывают влияние давность захоронения, состояние трупа перед захоронением и условия его нахождения в земле (характер почвы, климат, особенности материала одежды и гроба, сезон захоронения, причины смерти, предшествующее состояние организма, возраст умершего и др.) [16, с. 48]. При длительном нахождении трупа в земле с наибольшей степенью вероятности могут быть установлены механические повреждения костей и их характер; некоторые виды заболеваний (туберкулез легких, крупозная пневмония, склероз, перитонит, хронические изменения почек, язва желудка и др.), давность наступления смерти, в т. ч. по энтомофауне трупа [16, с. 47–49]. Поэтому, по нашему мнению, при принятии решения о проведении (непроведении) эксгумации должны учитываться: 1) возможность получения искомой доказательственной информации с учетом давности погребения трупа, что не было учтено, к примеру, при принятии решения об эксгумации по делу об обвинении патологоанатома ФИО 1 в халатности (часть 2 статьи 292 УК РФ), которая не в полном объеме провела исследование трупа, «забыв вскрыть полость черепа К.» и внесла «заведомо ложные сведения в протокол патологоанатомического исследования». Проведенные по истечении более трех лет эксгумация и комиссия судебно-медицинская экспертиза не позволили установить фактическую причину смерти, поскольку «произошли резко выраженные гнилостные изменения органов и тканей умершего»²⁰; 2) невозможность иным образом получить доказательственную информацию. Так, по делу № 1-39/2017 эксгумация не проводилась, поскольку, по мнению суда, причина смерти установлена заключением комиссии судебно-медицинской экспертизы и эксгумации трупа не требовалось²¹; и 3) четкое обоснование такой невозможности. Иллюстрацией может служить решение Верховного Суда Чеченской Республики, который отмену решения о проведении эксгумации обосновал отсутствием в материалах конкретных данных, подтверждающих «необходимость установления определенных фактов» только посредством эксгумации²². Надо отдать должное российским судам, преимущественно принимающим решения об эксгумации с учетом сформулированных выше критериев²³. Нелишне было бы также воспользоваться имевшимся в Уставе уголовного судопроизводства приемом – ссылкой на специальный

¹⁸ Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Указ. соч. С. 70 ; Кригер А. Е. Эксгумация в системе следственных действий : учебное пособие. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. С. 15.

¹⁹ Часть 1 статьи 176 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129 // Юрист : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 30.11.2024) ; Часть 1 статьи 225 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК // Юрист : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=9226;156#pos=9226;156 (дата обращения: 30.11.2024).

²⁰ Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 29 января 2020 г. по делу № 1-1033/2019-1-22/2020 // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/WPCKSQ00btIT/?regular-txt=гнилостно+эксгумация&regular-case_doc (дата обращения: 25.07.2024).

²¹ Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 27 января 2017 г. по делу № 1-39/2017 // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/I7svFD0stBV1/?regular-txt=ничтожный&regular-case_doc (дата обращения: 25.07.2024).

²² Апелляционное постановление Верховного Суда Чеченской Республики от 21 марта 2018 г. по делу № 22-к-110/18 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jvHCib78ThVO/?regular-txt> (20.07.2024).

²³ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 28 марта 2018 г. по делу № 22-411 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4V76jtyudqZ1/?regular-txt> (дата обращения: 20.07.2024) ; Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 14 мая 2019 г. по делу № 22к – 812/2019 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pNQRZAMFbrO/?regular-txt> (дата обращения: 20.07.2024) ; Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 22 ноября 2023 г. по делу № 22к – 1099/2023 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ihyn0TWU3XN4/?ysclid=lyubpiurgl795632694> (дата обращения: 20.07.2024) ; Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 1 сентября 2018 г. по делу № 22-3049 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QaTSAHKdJH6X/?regular-txt> (дата обращения: 20.07.2024) и др.

акт (Устав судебной медицины), определявший правила судебно-медицинских исследований (статья 342). Закрепление в УПК РФ ссылки на ведомственный акт, посвященный проведению судебно-медицинских исследований²⁴, нацеливало бы правоприменителя оценивать возможности судебно-медицинских исследований и качество заключений судебно-медицинских экспертиз с учетом содержащихся в нем предписаний.

2. Непоследовательность регламентации юридических оснований производства эксгумации. Действующий уголовно-процессуальный закон содержит два юридических основания проведения эксгумации: 1) постановление следователя при отсутствии возражений родственников погребенного по поводу эксгумации и 2) судебное решение при наличии возражений родственников погребенного. Российские ученые указывают на недостатки такой регламентации, поскольку неясно, в какой форме следователь (и только ли следователь, может быть и дознаватель тоже – часть 1 статьи 223 УПК РФ) должен уведомлять родственников захороненного; следует ли убедиться в отсутствии возражений у всех родственников или только некоторых (близких; тех, кто проживал совместно с покойным; с кем наиболее тесно общался покойный и т. п.). Встречаются ситуации, когда позиции родственников по поводу эксгумации диаметрально противоположны – один из родственников не возражает и даже ходатайствует об эксгумации, а другой категорически против проведения процедуры²⁵. Некоторые авторы, опираясь на буквальное толкование нормы ч. 3 ст. 178 УПК РФ, считают необходимым уведомление всех родственников в «иерархичном» порядке с получением от них письменного согласия [17, с. 27]. Это задача, требующая времени и серьезных усилий со стороны следователя. Кроме того, принятие следователем решения об эксгумации в отсутствие возражений родственников снижает стандарт защиты прав личности, предоставляя такую возможность лицу, осуществляющему уголовное преследование. Оптимально как с точки зрения процессуальной экономии, так и с точки зрения защищенности прав личности было бы сохранить в УПК РФ только процедуру получения судебного решения для производства эксгумации. В некоторых государствах постсоветского пространства именно таким образом решается этот вопрос (ч. 237.1 ст. 237 УПК Азербайджанской Республики; статья 132 УПК Грузии; ст. 226 УПК Республика Казахстан; ч. 1 ст. 121 УПК Республика Молдова; ст. 148 УПК Республика Узбекистан²⁶). Узаконивая исключительно судебный порядок принятия решения об эксгумации, необходимо устранить имеющуюся в УПК РФ пробельность регламентации: дополнить перечень принимаемых судом в порядке предварительного судебного контроля решений (ч. 2 ст. 29 УПК РФ) и перечень следственных действий, производимых на основании судебного решения (ст. 164 УПК РФ), эксгумацией. Пока российские суды принимают решения об эксгумации в порядке ст. 165 УПК РФ фактически по аналогии закона. Такой подход подкреплен правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации²⁷.

3. Иные проблемные вопросы эксгумации. Помимо отмеченных выше дефектов регламентации исследователи обращают внимание на легальную ограниченность круга субъектов, могущих принимать участие в процедуре эксгумации, и отсутствие указаний в законе на процессуальное оформление эксгумации. Мы бы дополнили этот перечень легальных недостатков также неопределенностью статуса лиц, которые технически осуществляют эксгумацию, отсутствием

²⁴ Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25 сентября 2023 г. № 491н (зарег. в Минюсте России 24.10.2023, № 75708) // Справочно-правовая система «Гарант» (далее – СПС «Гарант»). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407773441/> (дата обращения: 08.05.2024).

²⁵ Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 11 сентября 2018 г. по делу № 22-3049 // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QaTSAHKdJH6X/?regular-txt=эксгумация&regular-case_doc (дата обращения: 28.07.2024).

²⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ // Информационная система «Континент» (далее – ИС «Континент»). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280&ysclid=m5xqjs6rew118259149 (дата обращения: 30.11.2024); Уголовно-процессуальный кодекс Грузии 9 октября 2009 г. № 1772-Пс // ИС «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=37807676&ysclid=m5xqmxm5g3138104092 (дата обращения: 30.11.2024); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК // ИС «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575852&ysclid=m5xqnmv3q844019006 (дата обращения: 30.11.2024); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV // ИС «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729&ysclid=m5xqprgihog82199947 (дата обращения: 30.11.2024); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII) // ИС «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421101&ysclid=m5xqqrwu678294600 (дата обращения: 30.11.2024).

²⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Тукаевой Амиры Ишбулдовны на нарушение ее конституционных прав частями первой, третьей и четвертой статьи 178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2023 г. № 1791-О // СудАкт : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20072023-n-1791-o/?ysclid=lp6p7gg6z5940475425> (дата обращения: 29.07.2024).

в законе положений об обеспечении санитарно-эпидемиологического благополучия и игнорирование законодателем регламентации самой процедуры. Если говорить об отсутствии положений о процессуальном оформлении эксгумации [2, с. 40–41], то нам не совсем ясен генезис этих суждений. В частях 3–5 ст. 178 УПК РФ действительно нет указания на составление протокола, что было бы желательно. Этот дефект компенсируется положениями о необходимости составления протокола эксгумации в ст. 164, 166 УПК РФ, и по этому пути идет следственно-судебная практика. Что касается лиц, могущих участвовать в производстве эксгумации, то нормы ст. 178 УПК РФ содержат их закрытый перечень. Такая регламентация не соответствует практике извлечения трупа из места захоронения. Помимо обозначенных в законе лиц – следователь, судебно-медицинский эксперт либо врач, другие специалисты и по усмотрению следователя понятые, в эксгумации де-факто принимают участие администрация места захоронения, для которой решение об этой процедуре обязательно; лица, которые собственно извлекают и повторно хоронят тело, при необходимости доставляют его к месту исследования и обратно на кладбище и т. д. Кроме того, в литературе высказываются суждения о возможности участия в эксгумации родственников, иногда своими силами извлекающих труп из места захоронения²⁸; священнослужителей; лиц, обеспечивающих безопасность участников процедуры, в частности, таковыми могут, а иногда и должны быть представители санитарно-эпидемиологических служб, которые бы осуществляли контроль за соблюдением гигиенических требований при эксгумации и повторном захоронении трупа²⁹, и т. п. [18]. В отношении родственников эксгумируемого с уголовно-процессуальным статусом определить несложно – они могут быть потерпевшими или законными представителями, система прав, обязанностей и ответственности которых в законе очерчена. Что касается статуса представителей администрации места захоронения, других служб, лиц, собственно извлекающих, захоранивающих, доставляющих тело эксгумированного к месту исследования и на кладбище, то в законе на этот счет никакой конкретики нет, несмотря на необходимость в некоторых случаях оплатить трудозатраты, обеспечить безопасность и конфиденциальность процедуры, и др. В УПК Республики Молдова лица, оказывающие содействие в производстве некоторых процессуальных действий, именуются процессуальными ассистентами и обладают процессуальным статусом, который содержит предъявляемые к ним требования (к примеру, незаинтересованность в уголовном деле), обязанности (в т. ч. не разглашать ставшие известными при производстве процессуального действия обстоятельства) и права, включающие возмещение расходов, понесенных в связи с участием в соответствующем процессуальном действии (ст. 82, 227, 228)³⁰. Подобные положения можно было бы привнести в российское уголовно-процессуальное законодательство. Нормы статьи 131 УПК РФ закрепляют выплату вознаграждения только эксперту, переводчику и специалисту. Расходы в связи с эксгумацией в ст. 131 УПК РФ, не указаны, но в соответствии с предписаниями п. 9 ч. 2 ст. 131 и ч. 5 ст. 178 УПК РФ подлежат возмещению. К этим расходам можно отнести оплату труда лиц, занимающихся извлечением трупа из места захоронения, его перевозку, повторное захоронение и т. п. Но, представляется, что в силу технической сложности эксгумации и чувствительности этой процедуры для родственников покойного желательно отразить с некоторой долей детализации эти затраты в качестве процессуальных издержек в ст. 131 УПК РФ. Важным также является положение молдавского уголовно-процессуального закона о необходимости предварительного извещения санитарно-эпидемиологических служб об эксгумации (ч. 2 ст. 121)³¹. Такое уведомление санитарно-эпидемиологических служб позволяет присутствовать при эксгумации их представителям для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Помимо указанных выше желательности упорядочения юридических оснований проведения эксгумации, уточнения статуса некоторых субъектов, информирования санитарно-эпидемиологических служб, конкретизации процессуальных издержек закон можно было бы дополнить еще несколькими моментами. Определить обязанности по перевозке и захоронению

²⁸ Приговор Чернышевского районного суда Забайкальского края от 24 ноября 2017 г. делу № 1-181/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/RTNACzhveWK/?regular-txt=эксгумация&regular-case_doc (дата обращения: 28.07.2024).

²⁹ Об утверждении СанПиН 2.1.2882-11 «Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения : постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 84 (зарег. в Минюсте России 31.08.2011, № 21720) // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12089475/?ysclid=m44pz61v97609136751> (дата обращения: 29.11.2024).

³⁰ URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729&ysclid=m5xqpgihog82199947 (дата обращения: 30.11.2024).

³¹ Подобная норма есть также в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан (ч. 1 ст. 227).

эксгумированного трупа и его фрагментов, как это имеет место в Казахстане и Туркменистане, где таким субъектом в законе недвусмысленно обозначены администрация места захоронения и «ответственное лицо места захоронения» (соответственно ст. 228 и ч. 8 ст. 264 УПК Туркменистана³²). Российский уголовно-процессуальный закон лишь фиксирует обязательность постановления об эксгумации для администрации места захоронения. Из буквального толкования такой формулировки не вытекает обязанность администрации места захоронения осуществлять извлечение и повторное захоронение трупа. Как результат, иногда захоронением эксгумированного трупа занимаются родственники покойного, что может быть сложно для них, в частности, в силу неустойчивости финансового положения. Процессуальные издержки компенсируются не сразу, а по вступлении приговора в законную силу. Есть и еще одна проблема технического (кто будет захоранивать) и финансового свойства (как будут компенсироваться процессуальные издержки – видимо в порядке гражданского судопроизводства) по захоронению фрагментов тела покойного, изъятых после эксгумации для проведения судебно-медицинских исследований, которые признаются вещественными доказательствами и возвращаются потерпевшим после вступления приговора в законную силу [19, с. 87]³³. В части процессуального оформления эксгумации следовало бы конкретизировать содержание протокола, который должен отражать алгоритм эксгумации и повторного захоронения. Так, в УПК Азербайджанской Республики требования к содержанию протокола эксгумации включают «традиционную» для любого протокола информацию о дате, месте, времени, участниках процедуры; применении технических средств фиксации; «обнаруженное при эксгумации в той последовательности как это наблюдалось»; ознакомление с документом, внесение замечаний и подписание каждой страницы протокола и оформление приложений (фототаблицы, пленки и пр.) (ч. 237.4–237.6 ст. 237). В УПК Республики Казахстан эти требования дополнены указанием учреждения, в которое направлены «... после эксгумации труп человека либо иные предметы, имеющие значение для дела, обнаруженные при производстве данного следственного действия» и составлением самостоятельного протокола о факте захоронения (п. 9 ч. 5 ст. 227, ст. 228).

3 Заключение

1. Эксгумация, будучи процедурой, существенно ограничивающей права и свободы личности, затрагивающей вопросы веры, во избежание конфликтов в процессе расследования уголовного дела предполагает серьезные требования к правоприменителю, касающиеся общей культуры, эрудиции и профессиональной подготовки.

2. Легализация процедуры эксгумации в российском уголовном судопроизводстве имеет непродолжительную историю и насчитывает примерно 160 лет, причем в регламентации эксгумации была достаточно продолжительная хронодискретная пауза (с 1917 по 1960 гг.).

3. Наиболее тщательно процедура эксгумации регламентировалась в Уставе уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г.

4. Особенности нормативной модели эксгумации в действующем УПК РФ являются расфокусированность норм по различным структурным элементам закона, нечеткость отнесения эксгумации к следственным действиям, некорректность закрепления юридических оснований извлечения трупа и отсутствие ясного и последовательного закрепления процедуры эксгумации и ее процессуального оформления.

5. Некоторые пробельные моменты регламентации восполняются эмпирическим путем: выработка критериев законности и обоснованности решений о проведении эксгумации; опосредованное признание эксгумации следственным действием через признание протоколов эксгумации доказательствами.

6. В уголовно-процессуальном законодательстве государств постсоветского пространства есть нормы, которые могут улучшить регламентацию эксгумации, к коим можно отнести унификацию юридического основания проведения эксгумации – только судебное решение; закрепление статуса субъектов, обеспечивающих технические вопросы извлечения, перевозки,

³² Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 г. // ИС «Континент». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31344376 (дата обращения: 30.11.2024).

³³ Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 22 октября 2020 г. по делу № 1-2/2020 1-231/2019 // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Up2WEKWm5vU4/?page=3&regular-court=&regular-date_#top (дата обращения: 28.07.2024).

повторного захоронения трупа, наподобие имеющегося в уголовно-процессуальном законодательстве Молдовы статуса процессуальных ассистентов; замена формулировки об обязательности решения об эксгумации трупа для администрации места захоронения на обязанность администрации места захоронения провести эксгумацию и повторно захоронить труп; детализация требований к протоколу эксгумации, как это имеет место в Азербайджане и Казахстане; обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения при эксгумации направлением в соответствующие службы уведомления.

Список источников

1. Быков В. М., Жмурова Е. С. Следственные действия по Уголовно-процессуальному кодексу РФ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 125–135.
2. Гутникова О. И. Уголовно-процессуальные аспекты эксгумации трупа / Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий : сборник научных трудов / под ред. М. М. Горшкова, А. Б. Соколова, А. Р. Сысенко. Омск : Образование информ, 2022. Вып. 1. С. 39–42.
3. Елфимов П. В. К вопросу о фактических и юридических основаниях производства эксгумации: проблемы законодательного регулирования и пути их преодоления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 142–152.
4. Осодоева Н. В. К вопросу о возможности отнесения некоторых процессуальных действий к следственным в уголовном судопроизводстве // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 1. С. 87–94. [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2022.23\(1\)](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2022.23(1)).
5. Семенцов В. А. Система следственных действий России: история и современность // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 3-1 (41). С. 72–76.
6. Силакова М. Н. Особенности отношения к эксгумации у представителей разных народов // Союз криминалистов и кримиологов. 2022. № 4. С. 112–116. <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2022-4-216-112-116>.
7. Кулешов Р. В., Фойгель Е. И. Некоторые морально-этические проблемы производства исследовательских следственных действий с участием этнических участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 3. С. 51–59; <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2021.3.51-59>.
8. Верещагина А. В. Размышления по поводу реформы юридического образования в России // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2006. № 1. С. 3–8.
9. Денисов Д. Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОмДС государственных полномочий в XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (266). С. 90–94.
10. Быков В. Правовые основания производства следственных действий по УПК РФ // Уголовное право. 2007. № 1. С. 72–76.
11. Стельмах В. Ю. Система следственных действий в российском уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 161–166.
12. Арсентьев В. А., Китаева В. Н. Производство эксгумации в ходе судебного разбирательства // Уголовное право. 2011. № 6. С. 94–99.
13. Скоморохов О. Н., Чернышев С. А. Организация первоначальных следственных действий при раскрытии убийств в случаях, когда труп потерпевшего еще не обнаружен // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 2. С. 52–57.
14. Стельмах В. Ю. Проверка показаний на месте и ее значение для доказывания // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 200–207. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-200-207>.
15. Центров Е. Е. О сути следственного действия «Проверка показаний на месте» // Законность. 2013. № 10 (948). С. 50–55.
16. Искиндирова А. К. Особенности гистологического исследования трупа / Естественные науки и медицина: теория и практика : сборник статей по материалам V международной научно-практической конференции. Новосибирск : Издательство Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2018. Т. 5 (3). С. 45–49.
17. Ивенский А. И. О проблемах регламентации эксгумации // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 5 (51). С. 24–32. <https://doi.org/10.37523/SUI.2022.51.5.004>.
18. Кудрявцев В. Л. Производство эксгумации: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Международная ассоциация содействия правосудию : [сайт]. URL: <https://www.iauaj.net/node/615?ysclid=1z7jy6l4u6872178987> (дата опубликования: 25.12.2010).
19. Кригер А. Е. Некоторые процессуальные вопросы, возникающие в ходе проведения эксгумации трупа // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2003. № 3. С. 86–87.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-130-138>

Характеристика личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (статьей 317 Уголовного кодекса Республики Беларусь)

Дарья Викторовна Иванькович, адъюнкт

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
dr.solovv@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0007-9180-3632>

Аннотация:

Введение. Статья посвящена исследованию социально-демографических и уголовно-правовых особенностей личности преступника, совершающего преступление, предусмотренное ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 317 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Актуальность исследования продиктована стремительным развитием транспортной инфраструктуры в современном мире (модернизация существующих и появление новых видов транспортных средств, уровень автомобилизации населения страны), изменением ценностей в нравственно-духовной сфере современного человека, которые неизбежно влияют на изменение криминологической характеристики личности преступника, совершающего дорожно-транспортное преступление.

Методы. В работе применяются как общенаучные методы познания (анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, описание, сравнение, системно-структурный метод), так и конкретно-научные (анализ документов, статистический метод). Эмпирическую базу исследования составили отдельные формы статистической отчетности и правоприменительная практика Российской Федерации и Республики Беларусь.

Результаты. В результате проведенного исследования составлен типичный портрет личности преступника, совершающего дорожно-транспортное преступление, а также установлены отдельные морально-психологические свойства лиц, совершающих рассматриваемое преступное деяние. Указанные признаки являются основой для исследования детерминант и разработки и внедрения комплекса мер по предупреждению дорожно-транспортных преступлений.

Ключевые слова:

личность преступника, криминологическая характеристика, дорожно-транспортное преступление, неосторожность

Для цитирования:

Иванькович Д. В. Характеристика личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (статьей 317 Уголовного кодекса Республики Беларусь) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 130–138. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-130-138>.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024;
одобрена после рецензирования 25.11.2024;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Personality characteristic of the offender committed crime under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation (Article 317 of the Criminal Code of the Republic of Belarus)

Darya V. Ivankovich, Postgraduate

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
dr.solovv@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0007-9180-3632>

© Иванькович Д. В., 2025

Abstract:

Introduction. The article is devoted to the research of socio-demographic and criminal-lawful features of the offender committing the crime defined by Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation (Article 317 of the Criminal Code of the Republic of Belarus). The relevance of the study is due to the rapid development of transport infrastructure in present-day world (modernisation of existing and the emergence of new transport types, vehicle-to-the population ratio), changes in values in moral and spiritual sphere of the modern man, which inevitably influence the change in criminological personal characteristics of the offender committing the traffic crime.

Methods. General cognition methods (analysis and synthesis, induction and deduction, generalisation, description, comparison, systemic-structural method) as well as specifically scientific methods (document analysis, statistical method) were used in the research. Selected forms of statistical reporting and law enforcement practice of the Russian Federation and the Republic of Belarus formed empirical basis of the studies.

Results. The study produced a typical personal profile of the offender, committing the traffic crime, and established individual moral-psychological characteristics of persons, committing the defined offence, too. The indicated features are the basis for determinants' research and development and implementation of traffic crime prevention package.

Keywords:

criminal personality, criminological characteristics, traffic crime, negligence

For citation:

Ivankovich D. V. Personality characteristic of the offender committed a crime under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation (Article 317 of the Criminal Code of the Republic of Belarus) // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 130–138. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-130-138>.

The article was submitted July 5, 2024;
approved after reviewing November 25, 2024;
accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Исследование криминологической характеристики личности преступника имеет как научный, так и практический интерес, обусловленный необходимостью разработки и внедрения наиболее эффективных мер по профилактике отдельных преступных деяний, а также соблюдения принципа индивидуализации наказания. Любое криминологическое исследование личности преступника проводится для выявления и анализа ее основных свойств, которые лежат в основе преступного поведения, в целях его профилактики. Анализ социально-демографических и уголовно-правовых особенностей позволяет составить типичный портрет личности преступника, который является базисом как для выделения основных морально-психологических свойств лица, так и для установления отдельных детерминант совершения преступного деяния.

Интерес к исследованию личности преступника, совершающего дорожно-транспортное преступление, под которым мы понимаем преступное деяние, предусмотренное ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) и ст. 317 Уголовного кодекса Республики Беларусь² (далее – УК РБ), в первую очередь обусловлен тем, что рассматриваемый вид преступления характеризуется неосторожной формой вины. В то же время, несмотря на небрежное или легкомысленное отношение субъекта преступления к последствиям, рассматриваемое преступное деяние отличается высокой общественной опасностью, что обусловлено предусмотренным в рассматриваемом составе обязательным дополнительным объектом: жизнь и здоровье людей. Степень общественной опасности дорожно-транспортных преступлений подтверждается также решением законодателя об отнесении отдельных частей ст. 264 УК РФ к категории тяжких³. Стоит отметить, что ранее к категории тяжких относились только умышленные преступления.

Исследованием уголовно-правовой или криминологической характеристики личности преступника, совершающего дорожно-транспортное преступление, занимались К. Б. Аруев⁴,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (ред. от 09.03.2023) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь «Pravo.by»: [официальный сайт]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 24.06.2024).

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 25. Ст. 3166.

⁴ Аруев К. Б. Криминологическая характеристика личности граждан, совершивших автотранспортные преступления, и вопросы профилактики данного вида преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2007. 21 с.

О. Н. Бондарчик⁵, Е. В. Гвоздева⁶, Л. В. Гридасова⁷, И. А. Гумеров⁸, Е. О. Ефимова⁹, В. И. Неверов¹⁰, Д. В. Смирнов¹¹, О. Н. Ходасевич¹² и др.

Однако несмотря на значительное количество исследований, посвященных личности преступника, совершающего рассматриваемое преступление, и складывающуюся тенденцию по снижению абсолютных показателей дорожно-транспортных преступлений в период 2013–2022 гг., количество рассматриваемых преступлений остается достаточно высоким. Вместе с тем стоит отметить, что стремительное развитие транспортной инфраструктуры, заключающееся как в модернизации и появлении новых видов транспортных средств, так и в уровне автомобилизации населения страны и изменения в криминологической характеристике лица, совершающего дорожно-транспортное преступление, обуславливают актуальность проводимого исследования, что также подтверждается ростом числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, в 2023 году (+1,51 % к аналогичному показателю за 2022 год), число которых составило 17865¹³, в Беларуси аналогичный показатель остался таким же и составил 762 преступления¹⁴.

Методы

Методологическая основа исследования представлена как общенаучными методами познания (анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, описание, сравнение, системно-структурный метод), так и конкретно-научными методами (анализ документов, статистический метод). В частности, в основе исследования личности преступника, совершающего дорожно-транспортное преступление, лежит системно-структурный анализ.

Эмпирическую базу исследования составили отдельные формы статистического наблюдения ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, статистические формы отчетности Информационного центра МВД Республики Беларусь, 159 приговоров, вынесенных судами России, материалы 151 уголовного дела Беларуси.

Результаты

Традиционно при рассмотрении структуры личности преступника выделяют социально-демографический, уголовно-правовой и морально-психологический блоки¹⁵ [1, с. 321; 2, с. 309]. В силу сложности рассматриваемого вопроса в рамках настоящей статьи мы остановимся на социально-демографическом и уголовно-правовом блоках.

⁵ Бондарчик О. Н. Преступные нарушения правил, дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и их предупреждение (криминологический и уголовно-правовой аспекты) : дис. ... канд. юрид. Санкт-Петербург, 2005. 226 с.

⁶ Гвоздева Е. В. Предупреждение уголовно наказуемых нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: по материалам Приволжского федерального округа : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 239 с.

⁷ Гридасова Л. В. Криминологическое исследование дорожно-транспортных преступлений, связанных с нарушением Правил дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2005. 210 с.

⁸ Гумеров И. А. Криминологическая характеристика преступного нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и его предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 201 с.

⁹ Ефимова Е. О. Личность водителя и ситуация в механизме совершения дорожно-транспортных преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 205 с.

¹⁰ Неверов В. И. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 243 с.

¹¹ Смирнов Д. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 196 с.

¹² Ходасевич О. Н. Криминологическая характеристика и предупреждение автотранспортных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 24 с.

¹³ Статистический отчет по форме № 491 (1-ЕГС) «Единый отчет о преступности» // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 24.05.2024).

¹⁴ Показатели статистики о преступности Республики Беларусь, полученные на основании запроса от 07.08.2023 г. № 2/36/4133овд в информационный центр МВД Республики Беларусь о предоставлении статистических сведений. Документ не публиковался.

¹⁵ Криминология : учебное пособие / сост. И. А. Паршина, Е. В. Грибанов, В. С. Соловьев [и др.]. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021. 132 с.

Социально-демографический блок включает в себя такие показатели, как пол, возраст, образование, семейное положение, социальное положение, гражданство и др. Выявление особенностей социально-демографической характеристики позволяет выделить наиболее криминогенную часть населения с целью оказания усиленного профилактического воздействия. Кроме того, именно социально-демографические признаки личности преступника являются наиболее объективными и легко устанавливаемыми [3, с. 82].

Анализ статистических показателей в отношении лиц, осужденных за совершение дорожно-транспортного преступления, показал, что криминогенная активность лиц мужского пола в значительной степени превалирует над криминогенной активностью лиц женского пола: удельный вес мужчин среди лиц, совершивших рассматриваемое преступное деяние, в период с 2013 по 2023 гг. составлял в среднем 92,02 % в России¹⁶ (за период с 2018 по 2023 гг. в Беларуси – 88,32 %¹⁷).

Однако, несмотря на относительно незначительное количество лиц женского пола, совершивших дорожно-транспортное преступление, стоит отметить тенденцию к увеличению удельного веса последних в обоих государствах. В России в 2013 году доля женщин, совершивших рассматриваемое преступное деяние, составляла 6,78 % от общего количества зарегистрированных дорожно-транспортных преступлений, в 2023 году данный показатель составил 9,37 %. Статистические данные Беларуси позволяют рассмотреть изменение социально-демографических показателей в отношении лиц, осужденных за совершение дорожно-транспортного преступления, только за период 2018–2023 гг. Так, в 2018 году удельный вес лиц женского пола среди лиц, совершивших рассматриваемое преступление, составил 9,7 %, в 2023 году – 13,74 %.

Подавляющее большинство лиц мужского пола среди виновных в совершении дорожно-транспортного преступления может быть обусловлено следующими факторами: повышенный интерес к техническим средствам, в т. ч. к транспортным; склонность к лихачеству и управлению транспортным средством в состоянии опьянения и т. д. [4, с. 353]. Кроме того, ряд профессий, связанных с управлением транспортным средством, характерен для лиц мужского пола. Так, результаты исследования правоприменительной практики свидетельствуют о том, что профессиональная деятельность почти каждого десятого осужденного связана с управлением транспортным средством (в России – 12,58 %¹⁸, в Беларуси – 8,61 %¹⁹), что вместе с тем позволяет сделать вывод, что квалификация лица не является гарантией безопасного управления транспортным средством.

Исследование правоприменительной практики продемонстрировало, что чаще всего женщины совершают дорожно-транспортные преступления при внезапном возникновении экстренной ситуации, например, при неожиданном появлении животного на проезжей части дороги [5, с. 12]. Данный факт обусловлен более низкой эмоциональной устойчивостью лиц женского пола, а также неумением принимать верное решение при быстро меняющейся дорожной обстановке. В правоприменительной практике нередко отмечается состояние ступора у женщин при возникновении непредвиденной ситуации на дороге.

К примеру, приговором суда Минского района Минской области виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 317 УК РБ, признана Д., которая, управляя технически исправным транспортным средством, вследствие внезапного сильного бокового порыва ветра и заноса автомобиля не справилась с управлением транспортным средством и допустила его съезд в кювет, в результате чего погибла пассажир Г. При допросе Д. вину не признала и пояснила, что убрала ноги с педалей при заносе транспортного средства²⁰.

В рамках криминологической характеристики личности преступника возрастной показатель представляет интерес не столько с точки зрения биологического развития человека, сколько свидетельствует о свойственных ему жизненных интересах, ценностях, социальной роли, мотивации, жизненном опыте [6, с. 52]. В то же время происходящие с течением возраста биологические процессы в организме человека, связанные со скоростью реагирования, имеют значение при совершении лицом дорожно-транспортного преступления. Так, пожилой возраст лица, виновного в совершении рассматриваемого преступного деяния, выступает в качестве обстоятельства,

¹⁶ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 14.02.2024).

¹⁷ Показатели статистики о преступности Республики Беларусь ...

¹⁸ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 14.02.2024).

¹⁹ Показатели статистики о преступности Республики Беларусь ...

²⁰ Уголовное дело № 20126140450 // Архив Минского городского суда.

смягчающего наказание, поскольку для лиц преклонного возраста характерно снижение скорости реакции на изменяющуюся дорожную обстановку.

Наибольшая криминогенная активность в России за 2013–2023 гг. наблюдается у лиц возрастной категории от 30 до 49 лет (около 50 %), на втором месте – возрастная категория 50 лет и старше (около 20 %), на третьем – 18–24 лет (около 16 %), на четвертом – 20–29 лет (около 14 %), на пятом – 16–17 лет (менее 1 %) ²¹. При этом исследование возрастной характеристики лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления, в динамике продемонстрировало некоторые изменения за рассматриваемый период: удельный вес возрастной категории лиц 18–24 лет и 25–29 лет имеет тенденцию к снижению (–9 % и –10 % соответственно), удельный вес лиц в возрасте 30–49 лет и 50 лет и старше имеет тенденцию к увеличению (+ 8 % + 9 % соответственно). Полагаем, что происходящие изменения обусловлены тем, что при проведении профилактических мероприятий особо пристальное внимание субъекты профилактики уделяют лицам более молодого возраста.

Исследование имеющихся статистических данных Беларуси позволяет сделать вывод, что наиболее криминогенно активными являются лица в возрасте 30 лет и старше (около 69 %), на втором месте – лица в возрасте 18–29 лет (около 29,5 %), на третьем – 16–17 лет (менее 1 %), при этом удельный вес названных возрастных категорий сохраняет относительную устойчивость ²².

Возраст лица, совершившего рассматриваемое преступное деяние, в значительной степени коррелирует с опытом его вождения. Интересным представляется факт, что связь между совершением лицом дорожно-транспортного преступления и его опытом вождения является весьма неоднозначной. С одной стороны, значительный опыт в управлении транспортным средством выражается в автоматизации необходимых навыков и умений по безопасному вождению [7, с. 59], что, без сомнений, является положительным фактором, позволяющим избежать общественно опасных последствий при возникновении аварийной ситуации. В то же время достаточный опыт водителя влечет за собой излишнюю самоуверенность, снижение бдительности, мнимую возможность отвлекаться на посторонние вещи, что зачастую приводит к неблагоприятным последствиям [8, с. 80].

Кроме того, большое значение имеет «качество» опыта водителя в управлении транспортным средством. В случаях, когда он неоднократно пренебрегал требованиями законодательства, регулирующего сферу дорожного движения, или решал «вопросы» с сотрудниками правоохранительных органов при помощи дачи взятки и оставался безнаказанным, тот жизненный опыт, который должен был оказаться негативным и оказать превентивное воздействие, формирует установку о возможности дальнейшего безнаказанного нарушения законодательства. Вместе с тем не только негативный опыт в управлении транспортным средством может сформировать определенные паттерны, способные оказать влияние на совершение лицом дорожно-транспортного преступления. Так, если водитель при управлении транспортным средством не сталкивался с объективными факторами, оказывающими заметное влияние на процесс дорожного движения, то значение и роль объективных факторов утрачивают свою значимость в его сознании.

Говоря о молодых водителях, в первую очередь необходимо отметить, что для них зачастую характерны особая внимательность, педантичность, однако вместе с тем они не обладают достаточным опытом, автоматизмом навыков по управлению транспортным средством, недооценивают роль объективных факторов, которые нередко оказывают значительное влияние на механизм совершения преступления.

Поскольку за последние годы криминогенная активность лиц от 30 лет и старше имеет тенденцию к увеличению, можно сделать вывод, что опыт вождения лица не свидетельствует о соблюдении им требований безопасного вождения транспортного средства. Кроме того, исследование правоприменительной практики продемонстрировало, что нередко дорожно-транспортное преступление совершается лицом, не имеющим права на управление транспортным средством (в России – 11,32 %, в Беларуси – 7,28 % ²³).

Уровень образования в криминологической характеристике личности преступника позволяет определить его интересы, ценности, установки, а также уровень правовой культуры. Исследование образовательного уровня лиц, совершивших рассматриваемое преступное деяние, позволяет сделать вывод о преобладании среди них лиц, имеющих средний образовательный

²¹ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 14.02.2024).

²² Показатели статистики о преступности Республики Беларусь ...

²³ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 14.02.2024) ; Показатели статистики о преступности Республики Беларусь ...

уровень. Так, высшее образование в России имеют 19,18 % осужденных за совершение дорожно-транспортного преступления, среднее профессиональное – 38,70 %, среднее общее – 33,14 %, основное общее или не имеют образования – 8,96 %; в Беларуси высшее образование имеют 24,50 % осужденных, среднее профессиональное образование – 45,70 % осужденных, среднее общее – 27,15 %, основное общее – 2,65 %²⁴. Полученные результаты свидетельствуют о том, что нарушение требований законодательства, регулирующего сферу дорожного движения, рассматриваемой категорией лиц в большинстве случаев вызвано не отсутствием знаний правовых норм, а нежеланием их соблюдать, что обусловлено излишней самоуверенностью либо отсутствием осознания целесообразности отдельных правовых предписаний.

В обеих странах при анализе социального положения осужденных за совершение дорожно-транспортного преступления статистические данные продемонстрировали следующее: около 48 % составили рабочие, около 37 % – лица без постоянного источника дохода и безработные, около 3 % – учащиеся, около 2 % – служащие²⁵. В то же время исследование правоприменительной практики позволяет получить, на наш взгляд, более достоверные результаты, поскольку виновные в совершении преступления лица зачастую склонны утаивать информацию о себе при первоначальном допросе в целях недопущения огласки своего преступного поведения, в т. ч. по месту работы. Так, по результатам изучения правоприменительной практики около 70 % осужденных за рассматриваемое преступное деяние относятся к категории рабочих, около 20 % – неучащихся и неработающих.

Таким образом, в большинстве случаев дорожно-транспортные преступления совершаются экономически активной частью населения, что обусловлено тем, что, во-первых, управлять транспортным средством разрешено только по достижении лицом 18-летнего возраста (за некоторым исключением в отношении отдельных видов транспортных средств), во-вторых, предметом совершения рассматриваемого преступного деяния является транспортное средство, приобретение и использование которого требуют определенных материальных затрат.

Как в России, так и в Беларуси чуть более половины рассматриваемых преступных деяний были совершены лицами, не состоящими в официальном браке (около 54 %), что, на наш взгляд, свидетельствует о низкой социальной ответственности последних. Вместе с тем стоит отметить, что система ценностей у современного человека претерпевает ряд существенных изменений, которые заключаются в нивелировании духовных ценностей и возрастании материальных притязаний, что в целом ставит под сомнение взаимосвязь наличия у лица семьи и более высокой социальной ответственности.

За редким исключением осужденные за дорожно-транспортное преступление совершают рассматриваемое преступное деяние на территории своего гражданства (почти 96 %), что обусловлено как незначительной долей граждан иностранных государств среди водителей, так и фактором «чужого государства». Вместе с тем стоит отметить, что в последние годы наблюдается тенденция увеличения удельного веса иностранных граждан и лиц без гражданства среди виновных в совершении рассматриваемого преступного деяния²⁶, что, на наш взгляд, обусловлено увеличивающимся миграционным потоком.

Уголовно-правовые особенности личности преступника (наличие судимости, состояние в момент совершения преступного деяния, сопряженность с оставлением места совершения преступления и т. п.) позволяют говорить об общественной опасности лица и в некоторой степени характеризуют его нравственно-психологические свойства [9, с. 94].

При исследовании уголовно-правовой характеристики личности преступника, совершающего дорожно-транспортное преступление, в первую очередь интерес представляет наличие судимости. Так, удельный вес лиц, ранее судимых, составлял в России за рассматриваемый период от 6,81 % до 10,18 %²⁷, в Беларуси – от 3,44 % до 6,56 %²⁸, при этом статистические данные России демонстрируют, что среди ранее судимых на момент совершения дорожно-транспортного преступления:

- почти каждое шестое лицо имело две судимости, а каждое десятое – три;
- почти каждое восьмое лицо ранее совершило особо тяжкое преступление, почти каждое четвертое – тяжкое либо средней тяжести преступление²⁹.

Изложенное позволяет сделать вывод о правовом нигилизме и антисоциальной направленности указанной категории лиц, совершающих дорожно-транспортные преступления.

²⁴ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 14.02.2024) ; Показатели статистики о преступности Республики Беларусь ...

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 14.02.2024).

²⁸ Показатели статистики о преступности Республики Беларусь ...

²⁹ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 14.02.2024).

Кроме того, в абсолютном большинстве случаев предкриминальное поведение осужденных за дорожно-транспортное преступление является правонарушающим. Результаты исследования правоприменительной практики позволяют сделать вывод, что 70,86 % лиц, совершивших рассматриваемое преступное деяние, привлекались к административной ответственности за несоблюдение требований законодательства, регулирующего сферу дорожного движения, при этом в большинстве случаев неоднократно.

Стоит отметить, что среди лиц, совершивших дорожно-транспортное преступление, не имея водительского удостоверения на право управления транспортным средством, в России были лишены указанного права 3,14 % осужденных, в Беларуси – 7,28 %. Установленные результаты свидетельствуют о том, что лица, систематически нарушающие законодательство, регулирующее сферу дорожного движения, уже стоят на пороге преступного поведения [10, с. 119], и вместе с тем о высокой корреляционной взаимосвязи между совершаемыми административными правонарушениями и преступлениями в сфере безопасности дорожного движения.

В то же время лишь 14,29 % лиц женского пола привлекались к административной ответственности за несоблюдение требований законодательства, регулирующего сферу дорожного движения, до совершения дорожно-транспортного преступления.

В настоящее время серьезной проблемой в современном обществе стало управление транспортным средством в состоянии опьянения. Совершение рассматриваемого преступления в состоянии опьянения влечет повышенную уголовную ответственность как в России, так и в Беларуси, однако удельный вес дорожно-транспортных преступлений, совершенных лицом, находящимся в состоянии опьянения, имеет достаточное высокое значение. Так, в период 2013–2023 гг. в среднем 29,22 % рассматриваемых преступных деяний в России были совершены лицами, находящимся в состоянии опьянения³⁰. В Беларуси данный показатель имеет менее критичное значение и составлял в рассматриваемый период в среднем 14,98 %, при этом наблюдается устойчивая тенденция к снижению³¹.

Управление транспортным средством в состоянии опьянения без наступления общественно опасных последствий, предусмотренных уголовным законодательством, влечет наступление административной ответственности, при этом повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения влечет уголовную ответственность, что обусловлено общественной опасностью рассматриваемого деяния по причине происходящих психических и физиологических изменений в организме человека в данном состоянии. Так, состоянию опьянения свойственны торможение нервно-психических процессов, нарушение координации движений, эмоциональная неустойчивость, увеличение длительности слуховых и зрительных реакций, изменение глубины зрения и цветоощущения [11, с. 20; 12, с. 22; 13, с. 32].

Состояние опьянения становится причиной агрессивного вождения, излишней самоуверенности, не критичности мышления, неправильной оценки объективной реальности и т. д. Так, абсолютное большинство преступников, совершивших дорожно-транспортное преступление, не имея водительского удостоверения на право управления транспортным средством, находились в состоянии опьянения (в России – 90,90 %, в Беларуси – 66,67 %).

Об общественной опасности лиц, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения, говорит следующий пример: приговором Армавирского городского суда Краснодарского края виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «в» ч. 6 ст. 264 УК РФ, признан С., который, управляя технически исправным транспортным средством, находясь в состоянии опьянения и не имея водительского удостоверения на право управления транспортным средством, нарушил ряд требований ПДД и допустил наезд на остановившееся перед регулируемым перекрестком транспортное средство, в результате чего погибли два человека³².

Можно сделать вывод, что личность преступника, совершающего дорожно-транспортное преступление в состоянии опьянения, характеризуется антисоциальной направленностью [14, с. 65], безразличием к собственной безопасности, социальной безответственностью и правовым нигилизмом. Вместе с тем изложенное позволяет опровергнуть положение о «большей степени общественной опасности лиц, совершающих умышленные преступления, по сравнению с лицами, допустившими преступления по неосторожности» [15, с. 62].

Наряду с состоянием опьянения в рамках проводимого исследования необходимо отдельно остановиться на еще одном психофизиологическом состоянии – утомлении, которое нередко

³⁰ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 14.02.2024).

³¹ Показатели статистики о преступности Республики Беларусь ...

³² Приговор Армавирского городского суда Краснодарского края от 6 октября 2023 г. по делу № 1-355/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bMug7JHsUC68/> (дата обращения: 08.06.2024).

характеризует лицо, совершающее дорожно-транспортное преступление. Так, в России 8,81 % лиц, совершивших дорожно-транспортное преступление, находились в состоянии утомления, в Беларуси – 7,28 %. В значительном большинстве случаев, данное состояние характерно для лиц, чья профессиональная деятельность связана с длительным управлением транспортным средством, и выражается в снижении концентрации внимания, потере бдительности и засыпании за рулем [16, с. 110].

Так, приговором Нанайского районного суда Хабаровского края виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, признан В., который, управляя технически исправным транспортным средством, находясь в утомленном состоянии, двигался с превышением установленного скоростного ограничения, потерял контроль за движением транспортного средства и выехал на полосу встречного движения, где допустил столкновение с двигавшемся во встречном направлении транспортным средством под управлением Р., в результате которого погиб пассажир, находившийся в транспортном средстве под управлением Р.³³

Управление транспортным средством в состоянии усталости позволяет сделать вывод о свойственных рассматриваемой категории лиц не критичности мышления, безразличии к собственной безопасности и излишней самоуверенности.

Одним из важных показателей уголовно-правовой характеристики личности преступника, который позволяет судить о степени антисоциальной направленности лица, является оставление места совершения преступления. Так, в России 6,28 % осужденных оставили место совершения дорожно-транспортного преступления, в Беларуси – 3,31 %. Полагаем, что специфика совершения рассматриваемого преступного деяния (интенсивность дорожного движения, большое количество свидетелей, камеры видеонаблюдения на проезжей части) является причиной относительно небольшого удельного веса совершения дорожно-транспортного преступления, сопряженного с оставлением места преступления. Однако по причине того, что рассматриваемое преступное деяние характеризуется неосторожной формой вины и принимая во внимание специфику совершения преступления, можно подтвердить вывод об антисоциальной направленности личности преступника, совершающего дорожно-транспортное преступление.

В литературе нередко встречается мнение о том, что «значительная часть автотранспортных преступников существенно не отличается от законопослушных граждан» [17, с. 263], однако установленные социально-демографические и уголовно-правовые особенности личности преступника, совершающего рассматриваемое преступление, позволяют опровергнуть данное положение и обуславливают необходимость детального исследования морально-психологических особенностей рассматриваемой категории лиц для выработки и реализации комплекса как общесоциальных, так и специально-криминологических мер по предупреждению дорожно-транспортных преступлений. Вместе с тем стоит отметить, что большое значение в рамках исследуемого преступного деяния имеют индивидуальные меры предупреждения в отношении лиц, которые привлекаются к ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, а также систематически нарушающих требования законодательства, регулирующего сферу дорожного движения.

3 заключение

Проведенное исследование позволило выявить следующие особенности социально-демографической и уголовно-правовой характеристик личности преступника, совершающего дорожно-транспортное преступление. Это мужчина (90 %), относящийся к возрастной категории от 30 лет и старше (70 %), холостой (54 %), имеющий средний уровень образования (среднее профессиональное либо среднее общее образование) (72 %), рабочий (70 %), не имеющий судимостей (94 %), привлекавшийся к административной ответственности за нарушение требований законодательства, регулирующих сферу дорожного движения (71 %). Кроме того, установленные особенности позволили выявить отдельные морально-психологические особенности: антисоциальная направленность, безразличие к собственной безопасности, социальная безответственность, излишняя самоуверенность, не критичность мышления и правовой нигилизм.

Установленные социально-демографические, уголовно-правовые и морально-психологические признаки личности лица, совершающего дорожно-транспортное преступление,

³³ Приговор Нанайского районного суда Хабаровского края от 22 ноября 2023 г. по делу № 1-119/2023 // СудАкт.Ру : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nJ2w2W8mxCUT/> (дата обращения: 08.06.2024).

являются основой для определения отдельных субъективных факторов детерминации исследуемого вида преступления, а также для выработки и реализации мер по предупреждению дорожно-транспортных преступлений.

Список источников

1. *Игнатов А. Н.* Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71), № 1. С. 319–326.
2. *Цеева С. К.* Личности преступника: понятие, структура и типология // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. Вып. 2 (158). С. 308–311.
3. *Шерпеева А. З.* Некоторые социально-демографические характеристики преступников, совершающих дорожно-транспортные преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 81–85. <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.19.52.013>.
4. *Шапкин А. А.* Криминологические особенности и предупреждение автотранспортных преступлений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 10 (114). С. 351–355.
5. *Юрталова Д. Н.* Характеристика ситуации совершения женщинами преступлений в сфере безопасности дорожного движения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 1 (47). С. 12–16.
6. *Ремпель В. В.* Криминологическая характеристика личности преступника // Вестник магистратуры. 2021. № 5-1 (116). С. 52–55.
7. *Байбарин А. А., Ефимова Е. О.* Роль личности и ситуации при совершении дорожно-транспортных преступлений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2013. № 4. С. 54–61.
8. *Ефимова Е. О.* Социально-демографические особенности личности неосторожного преступника, виновного в дорожно-транспортном преступлении // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2013. № 1. С. 78–83.
9. *Игнатов А. Н.* Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 93–98.
10. *Антонян Ю. М.* Личность преступника и исправление осужденных // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 117–127. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2019-2-117-127>.
11. *Петров В. М.* Влияние алкоголя на нервную, сердечно-сосудистую систему, обменные процессы, гемокоагуляцию, электролитный обмен // Медицина Кыргызстана. 2012. № 1. С. 20–25.
12. *Дунаева О. Н., Полякова С. В., Стиридонова И. А.* Общественная опасность управления транспортными средствами в состоянии опьянения // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 21–26.
13. *Готчина Л. В., Семенова В. В.* Криминологическая характеристика лиц, совершающих транспортные преступления в состоянии опьянения // Криминалистика. 2023. № 2 (43). С. 30–34.
14. *Красенкова С. А., Щелкушкина Е. А.* Некоторые криминологические и индивидуально-психологические характеристики лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления в состоянии алкогольного опьянения // Прикладная юридическая психология. 2015. № 3. С. 57–66.
15. *Дагель П. С.* Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. Москва : Юридическая литература, 1977. 143 с.
16. *Фесенко М. А., Глухов Д. В., Калинина С. А., Меркулова А. Г., Вуйцик П. А.* Особенности психофизиологического состояния водителей легкового автотранспорта в динамике рабочей смены // Медицина труда и промышленная экология. 2022. Т. 62, № 2. С. 109–114; <https://doi.org/10.31089/1026-9428-2022-62-2-109-114>.
17. *Крацов А. Ю.* Мотивация поведения водителей в процессе детерминации дорожно-транспортного преступления // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 6 (89). С. 262–266.

Научная статья
УДК 343.2
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-139-145>

Конституционно-правовой смысл или изменение буквы уголовного закона?

Евгений Сергеевич Квасников, кандидат юридических наук

Омская академия МВД России
Омск, (644092, пр. Комарова, д.7), Российская Федерация
evgen1219@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>

Аннотация:

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена влиянием Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) на развитие уголовного права. Нормы, в т. ч. уголовного права, не просто регулируют отношения в обществе, но и адаптируются к современным реалиям, трансформируются под воздействием правоприменительной практики и судебных решений. Одним из инициаторов этого процесса является Конституционный Суд, чья роль в интерпретации и корректировке правовых норм значительно возросла. В уголовном законе закреплено, что преступность и наказуемость определяется только Уголовным кодексом Российской Федерации. Тем не менее позиции Конституционного Суда по конкретным уголовным делам оказывают огромное влияние на правоприменение и формируют новую правовую реальность. В последние годы наблюдается тенденция изменения смысла уголовно-правовых норм через призму их интерпретации Конституционным Судом. Однако в связи с противоречием правовой позиции Конституционного Суда и буквой уголовного закона, в определенных ситуациях возникают сложности квалификации. Корректировка отдельных положений сферы уголовной ответственности затрагивает важнейшие права и свободы человека, а, следовательно, влияет на трансформацию уголовно-правовой системы в целом. Вместе с тем, насколько можно судить о формировании этой новой правовой реальности в сторону справедливости баланса между интересами государства и правами граждан, и реализации принципа разделения властей?

Методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический, системный, сравнительного исследования, и ряд других.

Результаты. Исследована проблема отнесения правовой позиции Конституционного Суда к источникам уголовного права. Проанализированы мнения ученых-правоведов по данному вопросу, а также судебная практика. Автором обосновывается проблема тенденции фактического восполнения пробелов в уголовном законе не законодателем, а посредством правовой позиции Конституционного Суда, а также приводится видение ее решения.

Ключевые слова:

конституционно-правовой смысл, уголовный закон, источники, преступления, квалификация, правоприменитель

Для цитирования:

Квасников Е. С. Конституционно-правовой смысл или изменение буквы уголовного закона? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 139–145. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-139-145>.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024;
одобрена после рецензирования 12.02.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Is it constitutional and legal concept or change of interpretation of criminal law?

Evgeny S. Kvasnikov, Cand. Sci. (Jurid.)

Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarov str., Omsk, 644092, Russian Federation
evgen1219@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>

© Квасников Е. С., 2025

Abstract:

Introduction. The relevance of the topic we study is due to the influence of the Constitutional Court of the Russian Federation (hereinafter the Constitutional Court) on the development of criminal law. It is asserted that legal norms, including those that fall under the purview of criminal law, both regulate relations in society and also are adapted to the contemporary realities and changed under the influence of law enforcement practice and judicial decisions. The Constitutional Court plays a pivotal role in this process. Its ability to interpret and adjust legal norms significantly has been greatly enhanced. It is a fundamental principle of criminal law that the determination of criminality and punishment are only based on the provisions outlined in Criminal Code of the Russian Federation. Nevertheless, the positions of the Constitutional Court on particular criminal cases have a huge impact on law enforcement and form a new legal reality. In recent years, there has been a tendency to change the concept of criminal law norms through the prism of their interpretation by the Constitutional Court. However, there is the contradiction between the legal position of the Constitutional Court and interpretation of criminal law. This makes it harder to determine the appropriate legal classification for specific situations. The modification of specific provisions in the framework of criminal liability has the potential to impact fundamental human rights and freedoms, thereby influencing the transformation of the entire criminal legal system. At the same time, to what extent can we judge the formation of this new legal reality in terms of fair balance between the interests of the state and the rights of citizens, and the implementation of the principle of separation of powers.

Methods. The study was conducted using a variety of methodological approaches, encompassing general scientific and private scientific methods of cognition: dialectical, formal logic (analysis, synthesis, induction, and deduction), historical, systemic, and comparative study and others.

Results. This study examines the issues of how the legal position of the Constitutional Court should be considered part of the sources of criminal law. The analysis encompasses the opinions of legal scholars on this issue, as well as judicial practice. The author substantiates the problem of the tendency of filling gaps in the criminal law not by the legislator, but by means of the legal position of the Constitutional Court and also puts forward a vision of its solution.

Keywords:

constitutional and legal concept, criminal law, sources, offence, qualification, law enforcement office

For citation:

Kvasnikov E. S. Is it constitutional and legal concept or change of interpretation of criminal law? // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 139–145. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-139-145>.

The article was submitted October 28, 2024; approved after reviewing February 12, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Конституционно-правовой смысл в правоприменении – это правовая интерпретация нормативных актов (законодательных норм), которая дается в контексте и на основе Конституции Российской Федерации [1]; специфический способ толкования законов [2], при котором они приводятся в соответствие с основными конституционными принципами и нормами. Любое решение Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) имеет важное значение для материального права, обогащает его предписания [3, с. 13].

Конституционный Суд, выявляя конституционно-правовой смысл, формулирует правовые позиции, которые ограничивают или изменяют направление правоприменения таким образом, чтобы не было допущено нарушение конституционных прав и свобод [4]. В своих решениях он правомочен указывать, что конкретная норма закона допустима только в рамках определенного конституционно-правового смысла, исключая все иные, неконституционные варианты толкования. Для правоприменения это означает, что любая норма права должна применяться с учетом ее соответствия Конституции Российской Федерации. Если норма может быть истолкована так, что она противоречит конституционным гарантиям реализации прав человека или принципам правового государства, правоприменитель обязан выбирать такое толкование, которое соответствует Конституции Российской Федерации.

Но вправе ли правовая позиция Конституционного Суда восполнять пробелы в уголовном законодательстве? Этот вопрос является одной из ключевых проблем правоприменительной практики, т. к. возникает проблема допустимости и границ вмешательства судебной власти в сферу уголовного права, которая традиционно находится в компетенции законодателя. Насколько подобное явление соответствует принципу разделения властей, защитным механизмам правового государства и справедливому правосудию?

Методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический, системный, сравнительного исследования, и ряд других.

Результаты

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, важно вспомнить ключевые аспекты сущности пробелов в праве, функций Конституционного Суда, а также принципов уголовного права.

Пробел в праве возникает тогда, когда определенный вопрос не урегулирован законом, несмотря на то, что такая правовая норма должна существовать в силу объективной необходимости [5]. Данная ситуация может возникнуть из-за недостаточной конкретности положений законодательных актов или произошедших изменений в общественных отношениях, на которые законодатель не успел вовремя отреагировать. В уголовном праве пробелы особенно опасны, поскольку речь идет о самой жесткой форме государственного принуждения – уголовной ответственности.

Конституционный Суд наделен полномочиями проверять соответствие федеральных законов основному закону страны – Конституции Российской Федерации. Его основная функция – судебный конституционный контроль [6, с. 68] и обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации. Это не означает, что Конституционный Суд может заменять собой законодателя и фактически изменять нормы права. Его задачами являются толкование конституционных норм и, при необходимости, признание неконституционными тех или иных положений законодательства.

Уголовное право России основано на строгих принципах законности и определенности. Принцип законности предполагает, что наказание возможно только за деяния, предусмотренные законом [7]. Принцип определенности означает, что все нормы должны быть сформулированы четко и недвусмысленно, чтобы граждане могли точно знать, какие действия являются преступными и какие санкции им грозят за их совершение [8].

Вопрос о том, может ли правовая позиция Конституционного Суда восполнять пробелы в уголовном праве, представляет собой дилемму. С одной стороны, пробелы в уголовном законодательстве могут нарушать права граждан, т. к. создают правовую неопределенность. Конституционный Суд, выявляя эти пробелы в процессе рассмотрения дел, сталкивается с необходимостью защиты прав человека и может призвать законодателя исправить правовую норму. С другой стороны, восполнение пробелов – это функция законодателя, а не суда. Конституционный Суд не имеет права напрямую изменять содержание уголовных норм или формулировать новые положения. Его задача заключается в том, чтобы указывать на неконституционные положения, если они нарушают права граждан, и обязывать законодателя устранить эти нарушения. Однако есть случаи, когда суд, формулируя правовые позиции, фактически создает новые правила правоприменения, восполняя пробелы, что вызывает правовые споры о превышении его полномочий.

Ярким примером этого может являться определение Конституционного Суда от 19 июля 2016 г. № 1640-О, в соответствии с которым было отказано в принятии к рассмотрению жалобы гр. С. на нарушение его конституционных прав ст. 300 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ). Согласно данной статье, уголовно наказуемым является незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, прокурором, следователем или лицом, производящим дознание. Суть данного определения заключается в том, что Конституционный Суд фактически расширил диспозицию ст. 300 УК РФ – «...необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование (то есть изобличенное в совершении преступления на стадии предварительной проверки лица, а не только подозреваемое или обвиняемое лицо)»².

Возникает вопрос, как правоприменителю квалифицировать данные преступления? Руководствоваться положениями уголовного закона или определением Конституционного Суда? Как известно, УК РФ является единственным источником уголовного права, и также небыл известно, что правоприменение отличается гибкостью, о чем свидетельствует изобилие судебной практики, не отличающейся единообразием. Можно привести в пример определение Конституционного Суда от 8 декабря 2011 года № 1623-О-О «По запросу Лабытнангского городского

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ставцева Александра Дмитриевича на нарушение его конституционных прав статьей 300 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2016 г. № 1640-О // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (далее – СПС «КонсультантПлюс»). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=474137#XxxPacUuKU6ZosR51> (дата обращения: 18.10.2024). Документ опубликован не был.

суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации³. Данный пункт до вступления в силу Федерального закона от 13 июня 2023 г. № 210-ФЗ⁴ предусматривал обстоятельство, отягчающее наказание – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел (далее – ОВД). Указанное определение послужило началом для вынесения последующих (от 17 июля 2012 г. № 1330-О, от 24 января 2013 г. № 129-О, от 21 марта 2013 г. № 420-О, от 29 мая 2014 г. № 1064-О, и др.), суть которых была аналогична первоначальному определению.

При рассмотрении уголовного дела Лабитнангским городским судом Ямало-Ненецкого автономного округа возник вопрос о противоречии данного пункта конституционному принципу равенства всех перед законом и судом, т. к., по мнению заявителя, усматривается дискриминация по профессиональному признаку сотрудников ОВД при привлечении их к уголовной ответственности за совершение умышленного преступления.

Конституционный Суд разъяснил, что закрепление пункта «о» в ст. 63 УК РФ не может рассматриваться как противоречащее конституционному принципу равенства всех перед законом, поскольку «...совершение сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру – даже в сравнении с сотрудниками иных правоохранительных органов – ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об их осознанном, вопреки профессиональному долгу и принятой присяге, противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимости его безусловного соблюдения и, как следствие, предполагает допустимость поиска законодателем наиболее адекватных мер уголовно-правового реагирования на подобный рода преступные деяния, в том числе при определении общих начал назначения уголовного наказания»⁵.

Однако указанным выше Федеральным законом данный пункт все же был исключен из ст. 63 УК РФ. В пояснительной записке к проекту федерального закона отмечено, что основанием для исключения такого пункта является «... фактическая дискриминация сотрудников органов внутренних дел по сравнению с работниками других государственных структур, отнесенных к категории правоохранительных органов»⁶.

Какой для правоприменителя из этого можно сделать вывод, когда Конституционный Суд говорит о том, что указанный пункт соответствует Конституции Российской Федерации, а законодатель полагает, что не соответствует?

Вернемся к ст. 300 УК РФ. Как поступать правоприменителю при квалификации незаконного освобождения от уголовной ответственности, например, в случае незаконного вынесения постановления об отказе в возбуждении дела? В диспозиции данной нормы прямо указаны признаки элементов состава преступления. Соответственно, ошибки в квалификации вследствие заблуждения быть не может. Поэтому в данном случае квалификация незаконного отказа в возбуждении уголовного дела (когда на стадии предварительной проверки лица не наделены статусом подозреваемого или обвиняемого) по ст. 300 УК РФ будет прямо противоречить букве уголовного закона. Если так, то возбуждение уголовного дела по ст. 300 УК РФ в отношении лица, незаконно отказавшего возбуждать уголовное дело, для правоприменителя чревато ответственностью, предусмотренной ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела».

Также представляет интерес интерпретация Конституционным Судом ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности». Исходя из ранее сложившейся судебной практики, «... фальсификация по смыслу закона заключается

³ По запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 1623-О-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123761/ (дата обращения: 18.10.2024). Документ опубликован не был.

⁴ О признании утратившим силу пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 210-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4399.

⁵ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123761/ (дата обращения: 18.10.2024).

⁶ Пояснительная записка к законопроекту «О признании утратившим силу пункта „о“ части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» (об исключении из числа отягчающих наказание обстоятельств совершение преступления сотрудником органа внутренних дел) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (дата обращения: 18.10.2024).

в сознательном искажении представленных в уголовное дело доказательств, на основе которых органами предварительного расследования или судом принимается решение»⁷. Такое понимание содержательной части фальсификации существует и в научной сфере [9; 10].

Тем не менее из позиции Конституционного Суда по жалобе гр. П. на нарушение ее конституционных прав ст. 303 УК РФ следует: «...изготовление протокола следственного действия без фактического его проведения в целях приобщения такого документа к материалам уголовного дела не только является процессуальным нарушением, но и подрывает само существо уголовного судопроизводства, а потому достигает того уровня общественной опасности, который в правовой системе России легитимирует уголовное преследование»⁸.

Из факты уголовного дела: гр. П., являясь следователем, на основе аудиозаписи телефонного разговора со свидетелем составила протокол допроса. Подписи от имени свидетеля по просьбе П. выполнены иным лицом. При этом по делу установлено, что разговор со свидетелем действительно был, в бланк протокола П. внесла реальные показания, в связи с чем последняя настаивала на том, что нарушение лишь процедуры следственного действия, а не искажение его результатов, не констатирует причинение вреда интересам правосудия, а, следовательно, не является фальсификацией доказательства.

Таким образом, из определения Конституционного Суда по ст. 303 УК РФ следует, что данная норма должна применяться и в случае сознательного искажения представленных в уголовное дело доказательств, и в случае нарушения процедуры следственного действия, несмотря на то, что закрепленные в процессуальных документах сведения являются действительными (т. е. когда фактически содержательная сторона доказательств не искажена). Отметим, что ранее Конституционный Суд обосновывал общественную опасность фальсификации доказательств именно через их содержательную сторону – искажение, которое может привести к незаконным и ошибочным судебным решениям⁹.

В рамках темы исследования нельзя не затронуть интерпретацию понятия хищения в краже. Сложность квалификации хищений появляются, в т. ч. когда критерии отграничения уголовно-наказуемых хищений от гражданских правонарушений не выработаны. Возникают ситуации противоречия интерпретации данного понятия в теории и в практике.

А. В. Бриллиантов, анализируя состав кражи, указывает, что при совершении тайного хищения чужого имущества титульный владелец обладает предметом хищения, соответственно, нельзя похитить то, чего у собственника или иного законного владельца в обладании нет [11, с. 9]. Д. М. Молчанов, Е. Н. Шевченко в качестве признака кражи отмечают противозаконное изъятие чужого имущества из чужого владения, а обращение такого имущества рассматривают в качестве обстоятельства, свидетельствующего об окончании кражи [12]. Аналогичной позиции придерживается О. В. Трофимов¹⁰.

Постановлением Конституционного Суда от 12 января 2023 года № 2-П примечание к ст. 158 УК РФ интерпретировано в том смысле, что признаками кражи могут являться действия лица, обнаружившего найденную вещь, направленные на ее присвоение: сокрытие вещи; уничтожение или повреждение индивидуализирующих признаков, т. е. такие противоправные и активные действия обуславливают недостаточность гражданско-правовых мер по защите прав его законного владельца и обладают признаком общественной опасности¹¹. Данные разъяснения даются через призму действия, альтернативного изъятию – противоправному обращению найденного имущества в пользу нашедшего или других лиц.

⁷ Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам от 18 апреля 2007 г. № 20-О07-8 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://base.garant.ru/55718190/> (дата обращения: 18.10.2024). Документ опубликован не был.

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Покараевой Полины Михайловны на нарушение ее конституционных прав статьей 303 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. № 3256-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=793037#Zs4jacU820oVkc4O1> (дата обращения: 18.10.2024). Документ опубликован не был.

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 947-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=669654#Kk4lacU2vZtYwleM1> (дата обращения: 18.10.2024). Документ опубликован не был.

¹⁰ Трофимов О. В. Изъятие и (или) обращение чужого имущества как критерий разграничения мошенничества от кражи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (72). С. 107–109.

¹¹ По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 января 2023 г. № 2-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437511/ (дата обращения: 18.10.2024). Документ опубликован не был.

Однако, учитывая вышеуказанные мнения ученых и углубляясь в историю регламентации рассматриваемого уголовно-правового запрета, можно сделать вывод, что действия по обращению чужого имущества без его противоправного изъятия не могут быть квалифицированы как кража.

Так, в примечании к ст. 144 УК РСФСР 1960 г.¹² под хищением так же, как и в примечании к ст. 158 УК РФ, понимались противоправные действия – изъятие и (или) обращение чужого имущества. Уголовная ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества была регламентирована отдельной уголовно-правовой нормой – ст. 148⁴ УК РСФСР. «С принятием УК РФ, деяния, связанные с присвоением найденного или случайно оказавшегося у виновного ценного имущества, заведомо принадлежащего другому собственнику, были декриминализованы. В настоящее время совершение указанных действий влечет только гражданско-правовую ответственность. При этом гражданско-правовую ответственность могут повлечь только противоправные действия, связанные с присвоением найденного имущества, в том числе совершенные тайно, из корыстных побуждений и с целью незаконного обогащения. Если лицо, обнаружившее находку, выполнило все требования, предусмотренные ст. 227 Гражданского кодекса Российской Федерации¹³ (далее – ГК РФ) (уведомило лицо, потерявшее вещь или ее собственника, передало имущество владельцу транспортного средства или помещения, в которых была обнаружена данная вещь и т. п.), оно вообще не подлежит никакой ответственности, т. к. его действия являются правомерными»¹⁴.

Статья 227 ГК РФ регламентирует правило поведения при находке чужого имущества, суть которого сводится к уведомлению об этом собственника, возврату вещи, ее сдаче соответствующим лицам. Однако нельзя утверждать, что невыполнение указанных обязанностей тождественно противоправному изъятию чужого имущества [13; 14].

Полагаем, что логика уголовно-наказуемого изъятия и (или) обращения чужого имущества состоит в том, что данные действия были произведены против воли титульного владельца имущества, в ведении которого оно находится. Иными словами, кражей будут являться действия, в результате которых имущество «изымается» из обладания. Вопрос об обращении чужого имущества в свою пользу связан с присвоением или растратой имущества, а не с его кражей. Вместе с тем условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 160 УК РФ, как правило, является факт передачи имущества и надлежащее оформление правомочий по пользованию, хранению, распоряжению вверенным имуществом. Нет факта передачи – нет присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ) [15]. Если же имущество вышло из владения титульного владельца по его воле, состав уголовно наказуемого хищения отсутствует. Так, например, в соответствии со ст. 226 ГК РФ «Движимые вещи, от которых собственник отказался», определенные движимые вещи, брошенные собственником или иным образом оставленные им с целью отказа от права собственности на них (брошенные вещи), могут быть обращены другими лицами в свою собственность.

Из сказанного следует, что термин «обращение» должен толковаться как способ присвоения / растраты, в то время как кража немыслима без изъятия, предшествующего обращению. В момент изъятия чужого имущества преступление находится на стадии покушения, в момент его обращения – когда виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению, преступление окончено. В связи с этим термин «обращение», указанный в ст. 158 УК РФ, предполагает реальную возможность виновного реализовать чужое имущество в свою пользу или пользу других лиц, а следовательно, свидетельствует скорее об окончании совершения кражи, нежели о присвоении найденного.

Таким образом, в юридической сущности кражи и присвоения найденного есть различия. Думается, что по этой причине в УК РСФСР 1960 г. и была предусмотрена отдельная норма, регламентирующая ответственность за присвоение найденного имущества.

Однако, исходя из конституционно-правового смысла рассматриваемого примечания к ст. 158 УК РФ, допустимо квалифицировать деяние как кражу, например, в том случае, когда собственник вещи сначала отказался от нее, нашедший вещь присвоил ее себе, однако в последующем собственник вещи передумал и решил ее забрать во владение обратно. В связи с этим возникает вопрос о наличии в действиях нашедшего признака противоправности, ведь изначально

¹² Уголовный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. Документ утратил силу.

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁴ Апелляционное постановление Томского областного суда от 12 мая 2016 г. по уголовному делу № 22-823/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/58ABEdMraCH1/> (дата обращения: 21.10.2024).

имущество выбыло из владения собственника по его воле. Пример грубый, однако при недоказанности первоначального выбытия имущества по воле собственника данная ситуация гипотетически возможна, а следовательно, и соответствующая квалификация, исходя из правовой позиции Конституционного Суда. Кроме того, может возникнуть необоснованная конкуренция уголовно-правовых норм. В частности, ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» и ст. 158 «Кража» в случаях, когда, например, работая в ломбарде, субъект каким-то образом узнает, что имущество похищенное, т. е. для него является чужим, и обращает его в свою пользу или пользу других лиц. Сбыт и «обращение» в конституционно-правовом смысле по объективной стороне преступления в данном случае аналогичны.

3 заключение

Уголовно-правовая сфера должна характеризоваться ясностью и определенностью. Оказание на нее влияния извне может спровоцировать ситуацию правовой нестабильности и нарушить баланс между ветвями власти. Конституционный Суд, осуществляя судебный конституционный контроль и обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации через интерпретацию конституционно-правового смысла уголовно-правовых норм, толкует и создает правовые позиции, которые должны являться ориентиром для законодателя, а не фактическим восполнением пробелов в праве. Важно, чтобы это было исключением, а не правилом, и сопровождалось четкими требованиями к законодателю устранить пробелы.

В настоящее время наблюдается тенденция прямо противоположная. В некоторых ситуациях проблема правоприменения остается сложно разрешаемой. В статье были приведены примеры, когда конституционно-правовой смысл изменяет буквальное толкование норм уголовного закона. В целом такую тенденцию составляет, во-первых, изменение смысла содержания норм, во-вторых, изменение смысла формы норм. Если в первом случае квалификация соответствующих преступлений для правоприменителя имеет более «широкие пределы», то во втором случае правоприменитель попадает в сложную ситуацию, как например со ст. 300 УК РФ, когда, исходя из конституционно-правового смысла, в некоторых ситуациях он обязан действовать вопреки требованиям УК РФ. Данная проблема разрешится только тогда, когда правовая позиция Конституционного Суда не будет противоречить букве закона.

Список источников

1. Мосин С. А. К вопросу о неотъемлемых составляющих основ правового государства в Российской Федерации // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 45–50.
2. Эбзеев Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5–12.
3. Жалинский А. Э. Обратная сила уголовного закона: правовые позиции Конституционного Суда РФ // Уголовное право. 2006. № 4. С. 13–18.
4. Мурашко Л. О. Конституционное правоприменение и его ценностная составляющая // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3 (28). С. 4–8. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-3-04-08>.
5. Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75–78.
6. Сайбулаева С. А. Функции Конституционного Суда Российской Федерации: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 1, № 2. С. 67–75.
7. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и уголовного законодательства: система, содержание и нормативное выражение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 1 (246). С. 110–127.
8. Иванов Н. Г. Принцип правовой определенности в уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 161–166. <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10426>.
9. Метельский П. С. Уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16, № 3. С. 146–156. [https://doi.org/10.25513/1990-5173.2019.16\(3\).146-156](https://doi.org/10.25513/1990-5173.2019.16(3).146-156)
10. Борков В. Н. Конституционно-правовой смысл нормы о фальсификации доказательств по уголовному делу // Законность. 2024. № 4. С. 35–38.
11. Бриллиантов А. В. Хищение или неосновательное обогащение? // Уголовное право. 2016. № 4. С. 9–13.
12. Молчанов Д. М., Шевченко Е. Н. Проблемы определения момента окончания кражи и грабежа в судебной практике // Lex Russica (Русский закон). 2008. Т. 67, № 2. С. 347–364.
13. Хилюта В. В. Присвоение потерянных и забытых вещей // Уголовное право. 2010. № 1. С. 45–48.
14. Хилюта В. В., Бильдейко А. А. Находка или кража? // Уголовное право. 2014. № 3. С. 93–97.
15. Хилюта В. В. Идентификация признаков мошенничества, присвоения и растраты в судебной практике // Уголовное право. 2015. № 5. С. 127–130

Научная статья

УДК 344.653

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-146-151>

Нужно ли дознание в сокращенной форме как отдельная форма расследования?

Юлия Сергеевна Озерова¹, кандидат юридических наук

Марина Владимировна Кирикова²

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Муринское городское поселение (188662, Ленинградская область, Всеволожский муниципальный район, производственная зона «Мурино», ул. Лесная, д. 18А), Российская Федерация

¹ rubtsova.juli@mail.ru, ² kmv1201@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0002-1135-2821>, ² <https://orcid.org/0000-0002-3657-7923>

Аннотация:

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что в статье приводятся разные позиции авторов на наличие в уголовном процессе дознания в сокращенной форме как отдельной формы предварительного расследования, рассматриваются особенности указанной формы предварительного расследования, ее достоинства и проблемные вопросы, возникающие в процессе расследования. Проведено сопоставление дознания в сокращенной форме и зарубежного полицейского дознания, а также протокольной формы и сокращенного дознания, изложена авторская позиция по рассматриваемому вопросу.

Методы. Методологическую основу исследования составляют общие научные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частные научные методы юридического исследования (историко-правовой, системный, социологический, сравнительно-правовой, статистический, формально-логический).

Результаты. Проведенное исследование показывает, что дознание в сокращенной форме справляется со своей функцией, оправдывая свою целесообразность как формы предварительного расследования, но нуждается в дальнейшем совершенствовании. Направления совершенствования связаны с возможностью применения дознания в сокращенной форме к неочевидным преступлениям, когда лицо, совершившее преступление, установлено в разумный срок, а также с ограничением прав потерпевшего и подозреваемого на изменение своего решения при производстве указанного вида предварительного расследования. Предложена авторская дефиниция дознания в сокращенной форме.

Ключевые слова:

дознание, предварительное расследование, сокращенная форма, упразднение, упрощенный порядок

Для цитирования:

Озерова Ю. С., Кирикова М. В. Нужно ли дознание в сокращенной форме как отдельная форма расследования? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 146–151. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-146-151>.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024;
одобрена после рецензирования 30.01.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Is a shortened form of inquiry necessary as a separate form of investigation?

Yulia S. Ozerova¹, Cand. Sci. (Jurid.)

Marina V. Kirikova²

Leningrad Regional Branch of St. Petersburg University of the MIA of Russia
18A, Lesnaya str., "Murino" industrial zone, Murino urban settlement, Vsevolozhsk municipal district,
Leningrad region, 188662, Russian Federation

¹ rubtsova.juli@mail.ru, ² kmv1201@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0002-1135-2821>, ² <https://orcid.org/0000-0002-3657-7923>

© Озерова Ю. С., Кирикова М. В., 2025

Abstract:

Introduction. *The relevance of the study is due to the fact that the article presents different authors' positions on the presence of the inquiry in a shortened form as a separate form of preliminary investigation in the criminal process, considers the features of this form of preliminary investigation, its advantages and problematic issues arising in the process of investigation. The comparison is made between the inquiry in a shortened form and foreign police inquiry, as well as the protocol form of inquiry and the inquiry in a shortened form, the author's position on the issue under consideration is presented.*

Methods. *The methodological basis of the research consists of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific methods of legal research (historical-legal, systemic, sociological, comparative-legal, statistical, formal-logical).*

Results. *The conducted research shows that inquiry in a shortened form copes with its function, and justifies its expediency as a form of preliminary investigation, but needs further improvement. The directions of improvement are related to the possibility of the application of the inquiry in a shortened form to non-obvious crimes, when a person who committed a crime is established within a reasonable period of time, as well as with the restriction of the rights of the victim and the suspect to change their decision in conducting this type of preliminary investigation. The author's definition of the inquiry in a shortened form is submitted.*

Keywords:

inquiry, preliminary investigation, a shortened form, abolition, simplified procedure

For citation:

Ozerova Yu. S., Kirikova M. V. Is a shortened form of inquiry necessary as a separate form of investigation? // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 146–151. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-146-151>.

The article was submitted July 5, 2024;
approved after reviewing November 25, 2024;
accepted for publication March 20, 2025.

Введение

В 2013 году в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) вносились изменения, касающиеся производства дознания в сокращенной форме. Подразумевалось, что новая форма предварительного расследования оптимизирует уголовное судопроизводство, исключит нецелесообразное расходование сил и средств органов дознания и необоснованное затягивание процессуальных сроков².

Исследование нормативных правовых актов, а также научной литературы и правоприменительной практики касаясь производства дознания в целом и дознания в сокращенной форме в частности показало отсутствие единых позиций в толковании ключевых понятий в рассматриваемой сфере [1, с. 345]. Ученые, занимавшиеся исследованием дознания в сокращенной форме, неоднозначно оценивают его существование. К примеру, А. В. Боярская считает, что дознание в сокращенной форме недопустимо сужает предмет доказывания [2, с. 40], А. М. Панокин приходит к выводу, что и без применения упрощенного процессуального порядка дознания, расследуя дело в общем порядке, можно окончить его в срок до 30 суток [3, с. 915]. Противоположной позиции придерживаются А. В. Руновский [4, с. 124] и Н. А. Власова, которые считают упрощенное дознание разумным и оправдывающим свое предназначение [5, с. 201]. Так нужно ли дознание в сокращенной форме как отдельная форма предварительного расследования?

Методы

Общие научные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также системный и формально-логический метод юридического исследования использовались при рассмотрении особенностей дознания в сокращенной форме как отдельной формы предварительного расследования, приведении его положительных и отрицательных аспектов. Историко-правовой метод применялся при описании протокольной формы досудебного производства, прежде существовавшей в российском уголовном процессе. Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении дознания в сокращенной форме и зарубежного полицейского дознания, а также протокольной формы и сокращенного дознания. Статистический метод использовался для сбора сведений о количестве и видах дел, расследуемых и направляемых в суд по сокращенной форме дознания, и их интерпретации. Обобщение и анализ статистики, действующих нормативно-правовых актов и научных источников позволили сделать выводы о необходимости существования дознания в сокращенной форме как отдельной формы предварительного расследования. Результаты опроса посредством интервьюирования и анкетирования (социологический метод) подтвердили их правильность.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона № 33012-6 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Справочно-правовая система «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/58024063/#friends> (дата обращения: 02.02.2024).

Результаты

Прежде чем ответить на вопрос о необходимости существования дознания в сокращенной форме как отдельной формы предварительного расследования, обратимся к рассмотрению его особенностей. Данная форма предварительного расследования отличается от дознания в общем порядке сроками его производства (15 суток с возможностью продления до 20 суток); категорией уголовных дел (только по «светлым» или очевидным делам с лицом, возбужденным по статьям, перечисленным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ), кругом лиц, на которых может распространяться производство дознания (совершеннолетние, говорящие на русском языке, признавшие вину, характер и размер причиненного вреда и не оспаривающие уголовно-правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении дела, в отношении которых нет оснований для применения принудительных мер медицинского характера, а также особого порядка уголовного судопроизводства, заявившие соответствующее ходатайство), количеством проводимых следственных и иных процессуальных действий, необходимых для привлечения лица к уголовной ответственности³. При этом потерпевший не должен возражать против проведения дознания в сокращенной форме.

Положения УПК РФ в целом соответствуют мировой тенденции ускоренных процессуальных производств, процедурам полицейского расследования, принятым и результативным действующим в иностранных государствах. К примеру, «очевидность преступления, признание подозреваемого вины, согласие виновного на досудебное производство в формате ускоренной процедуры являются определяющими при принятии решения об упрощенном судопроизводстве по конкретному факту в странах как континентальной, так и англосаксонской систем права» [6, с. 280].

Несомненным плюсом дознания в сокращенной форме для дознавателя, прокурора, судьи (государства) является упрощение сбора доказательств, сокращение процессуальных издержек, экономия процессуальных средств. Судебное решение по делу выносится посредством исследования и оценки доказательств, освещенных в обвинительном постановлении, и данных о личности подозреваемого, представляемым по ходатайству защиты. Для обвиняемого в свою очередь предусмотрена так называемая «скидка» при назначении наказания – сокращение наполовину максимально допустимого срока или размера более строгого наказания, предусмотренного конкретной статьей УК РФ. Дознание в сокращенной форме является своего рода компромиссом и основано на концепции взаимных уступок участвующих сторон [7, с. 143].

Несмотря на то, что сокращенное дознание нацелено на предоставление быстрого доступа граждан к осуществлению правосудия, минимизацию сроков расследования, сбережение людских ресурсов и финансовых средств, следует сделать акцент и на появляющихся при его производстве проблемах.

Например, небызвестно, что потерпевший и подозреваемый могут в любой момент до удаления суда в совещательную комнату поменять свое решение и отказаться от сокращенного дознания. Если это произойдет в суде, проведение дознания и сбор всех необходимых материалов потребует начинать снова, поскольку переход из сокращенной формы в общий порядок без возвращения дела на дополнительное расследование не предусмотрен. А это в свою очередь влечет за собой нецелесообразную трату времени и процессуальные издержки. Иными словами, если подозреваемый и потерпевший сначала не возражали против производства дознания в сокращенной форме, затем просто передумали, государственные органы обязаны выполнить их волю. При этом, как отмечают С. Г. Загорьян и О. А. Котельникова, «на всё это тратятся впустую государственные средства, силы государственных служащих, и никто из указанных лиц не несет никакой ответственности» [8, с. 93].

К похожим выводам в своем диссертационном исследовании приходит Н. М. Журавлева, отмечающая, что «уголовные дела, производство по которым осуществлялось в порядке, предусмотренном гл. 32 УПК РФ, возвращаются судом реже, чем расследованные с применением дознания в сокращенной форме», что в свою очередь способствует сокращению уголовных дел, направленных в суд с обвинительным постановлением, поскольку дознаватели опасаются возможного возвращения дел на дополнительное расследование⁴.

Сложности также возникают, когда потерпевший высказывает возражения против прекращения производства дознания в сокращенной форме и в процессе расследования. А. А. Сумин

³ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁴ Журавлева Н. М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования, теории и правоприменения : дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. С. 44.

приводит такой пример: «Срок сокращенного дознания продлевался на основании ч. 2 ст. 226.6 УПК РФ до 20 суток, трое суток ушло на ознакомление обвиняемого, его защитника и потерпевшего с материалами уголовного дела (ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ), после чего потерпевший заявил возражение против производства дознания в сокращенной форме, и, исходя из ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ, дознаватель вынес постановление о производстве дознания в общем порядке». Фактически «сокращенное дознание имеет все шансы превратиться в дознание в общем порядке и к тому же с превышением начального процессуального срока» [9, с. 8].

Это находит отражение в официальной статистике: количество дел, направленных в суд с обвинительным постановлением по сокращенной форме дознания, сравнительно невелико. Так, за 11 месяцев 2023 года удельный вес дел, направленных в суд с обвинительным постановлением, составил 11,3 % от общего количества дел, направленных прокурором в суд по делам подследственным подразделениям дознания. В 2022 году этот показатель составлял 13,8 %, в 2021 – 18,1 % от общего количества уголовных дел⁵. Данные последних лет показывают тенденцию к явному снижению количества дел, расследуемых и соответственно направляемых органами дознания в суд в сокращенной форме.

Интервьюирование начальников подразделений дознания показало, что причинами низкого использования сокращенного порядка дознания являются малое число дел, по которым возможно применить ускоренное дознание, рост количества дел, возвращенных из суда для производства дознания в общем порядке. Дознаватели, боясь возвращения дел на производство дополнительного расследования, перестраховываются и проводят все следственные действия в полном объеме. Получается, что в этом случае положения ст. 226.5 УПК РФ не реализуются [10, с. 64]. В некоторых регионах нашей страны, в частности, в Тверской области, даже существует негласное указание прокуратуры направлять в суд дела в сокращенной форме с обвинительным постановлением только по трезвым обвиняемым (что позволяет минимизировать переход на общий порядок производства дознания). Согласно статистическим данным, в 2023 году в Тверской области число дел, направленных в суд дознавателями органов внутренних дел в сокращенной форме, составило 230 из 2 164 (9,4 % от общего количества дел, направленных в суд по делам, подследственным подразделениям дознания), в 2022 году – 18,2 %, в 2021 году – 33,1 %, хотя еще в 2020 году этот показатель составлял 57 % от общего числа дел, подследственных дознанию⁶. Опрос дознавателей также показал, что чаще всего сокращенная форма дознания применяется по уголовным делам, предусмотренным ст. 222, 228, 322³, 327 УК РФ, реже по ст. 158, 161, 314 УК РФ, и почти не применяется по угрозам убийством и причинению телесных повреждений.

Анализ вышеперечисленных данных говорит о снижении количества дел, расследуемых и соответственно направляемых органами дознания в суд в сокращенной форме, и недостаточно эффективном использовании данной формы предварительного расследования.

Обсуждение

Для минимизации количества дел, возвращаемых судом на производство дополнительного расследования, многие авторы предлагают внести изменения, связанные с невозможностью изменения своего решения потерпевшим и подозреваемым в процессе производства дознания в сокращенной форме [11, с. 168]. Наиболее близкой нам представляется позиция Н. М. Журавлевой, которая предлагает оставить право ходатайствовать о переходе с сокращенного на общий порядок производства дознания, но ограничить его определенными условиями (несвоевременное уведомление потерпевшего, неразъясненность порядка и последствий ускоренного дознания; отсутствие сведений о согласии потерпевшего на дознание в сокращенной форме; допущение существенных нарушений уголовно-процессуального закона, необходимость установления дополнительных, имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств; самооговор подозреваемого, обвиняемого)⁷. При отсутствии указанных выше условий считаем необходимым предупредить потерпевшего в письменной форме об отсутствии права на отказ от производства дознания в сокращенной форме в дальнейшем.

⁵ Статистические данные ГИАЦ МВД России // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen?ysclid=ml7xnlfqvs605404132 (дата обращения: 02.02.2024).

⁶ Статистические данные ИЦ Тверской области // Управление МВД России по Тверской области: [официальный сайт]. URL: <https://69.мвд.рф/gumvd/%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0-%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D1%8B/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80> (дата обращения: 15.02.2024).

⁷ Журавлева Н. М. Указ. соч. С. 75.

Действующий УПК РФ, как отмечалось нами ранее, не допускает возможности проведения дознания в сокращенной форме по «темным» уголовным делам. Ряд авторов, занимавшихся исследованием дознания в сокращенной форме, в частности, И. М. Алексеев, полагают, что данное условие является законодательно закрепленным препятствием применения указанной формы предварительного расследования⁸. Разделяем позицию указанных авторов и в целях более широкого применения указанной формы расследования считаем, что в УПК РФ необходимо внести изменения, касающиеся возможности ее применения к неочевидным преступлениям, когда лицо, совершившее преступление, установлено, в разумный трехдневный срок.

Еще одной проблемой применения ускоренного дознания, по мнению многих ученых, является самооговор. Так И. Г. Хисматуллин полагает, что не исключено появление обстоятельств, при которых подозреваемый станет намеренно давать ложные показания в органах предварительного расследования и ходатайствовать о производстве сокращенного дознания, «выгораживая» других лиц по каким-либо причинам [12, с. 60]. Ряд исследователей считают, что при сокращенной форме дознания показаниям подозреваемого придается излишнее доказательственное значение и обеспокоены, тем, что сокращенной формой дознания будут скрывать отсутствие доказательственной базы [13, с. 165; 14, с. 148; 15, с. 201]. Изучение материалов уголовных дел позволило сделать вывод, что опасения теоретиков безосновательны: в сокращенной форме дознания наличествует почти тот же объем процессуальных действий, что и при производстве общего дознания, за исключением допроса свидетелей (учитываются их показания, данные в ходе проведения доследственной проверки).

Хотелось бы отметить, что ранее в Уголовно-процессуальном кодексе нашей страны⁹ (далее – УПК РСФСР) существовала протокольная форма подготовки материалов, схожая с дознанием в сокращенной форме. Обстоятельства преступления устанавливались в продолжение 10 суток с момента поступления сообщения без производства следственных действий (кроме осмотра места происшествия) и применения мер пресечения. Закон запрещал ее применение в отношении преступлений, не предусмотренных ст. 414 УПК РСФСР, в случаях несовершеннолетия подозреваемого, а также отсутствия у последнего возможности осуществлять право на защиту в силу физических или психических недостатков. Материалы предъявлялись для ознакомления подозреваемому, протокол утверждался начальником органа дознания и визирировался прокурором. В суде дело рассматривалось в общем порядке и включало в себя судебное следствие, прения сторон и последнее слово подсудимого. При наличии уважительных причин судья мог огласить объяснения, собранные в ходе протокольной формы подготовки материалов. В случае невозможности проведения следственных действий в судебном заседании суд, возбуждив уголовное дело, направлял его для производства дознания или предварительного следствия. Рассмотрение материала в суде осуществлялось в течение 14 суток с момента поступления материалов в суд¹⁰.

Таким образом, упрощенная процедура предварительного расследования восполнялась полным исследованием доказательств в суде, что в свою очередь способствовало принятию законного и обоснованного решения. На наш взгляд, сокращенная форма применения дознания вобрала в себя опыт применения протокольной формы, а также в полной мере обеспечивает соблюдение прав и свобод участников процесса.

3 **З**аключение

Подводя итог, резюмируем: дознание в сокращенной форме как автономная форма предварительного расследования имеет право на существование, однако нуждается в дальнейшем совершенствовании. Для более широкого применения дознания в сокращенной форме и минимизации количества дел, возвращаемых судом на производство дополнительного расследования, предлагаем внести в УПК РФ изменения, связанные с возможностью применения указанной формы предварительного расследования к неочевидным преступлениям, когда лицо, совершившее преступление, установлено в разумный срок, а также касательно смены решения потерпевшим и подозреваемым о производстве дознания по сокращенной форме.

На основании перечисленных нами особенностей, а также для единообразного толкования указанного термина предлагается авторская дефиниция дознания в сокращенной форме:

⁸ Алексеев И. М. Актуальные проблемы правовой регламентации сокращенной формы дознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2013. - № 4 (60). - С. 89.

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592. Документ утратил силу.

¹⁰ Там же.

«Форма предварительного расследования, проводимая дознавателем с согласия потерпевшего на основании ходатайства подозреваемого по делам особой категории в отношении определенного круга лиц в возможно короткий срок с проведением следственных и иных процессуальных действий в объеме, достаточном для привлечения лица к уголовной ответственности, осуществляемая под строгим надзором прокурора».

Список источников

1. Кирикова М. В., Озерова Ю. С. Институт дознания: за и против / Сборник научных трудов, посвященный деятельности научных школ Санкт-Петербургского университета МВД России и приуроченный к 25-летию со дня его образования / сост.: О. И. Городовая, О. С. Кравченко, А. А. Жаворонкова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 343–348.
2. Боярская А. В. Проблемы юридической конструкции предмета доказывания в рамках сокращенного дознания // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 38–42.
3. Панюкин А. М. Дознание в сокращенной форме // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5 (42). С. 914–918.
4. Руновский А. В. К вопросу о создании сокращенного дознания // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 123–126.
5. Власова Н. А. Дознание в форме полного расследования // Инновации в науке: пути развития : материалы IX Международной научно-практической конференции / гл. ред. М. П. Нечаев. Чебоксары : Экспертно-методический центр, 2018. С. 198–202.
6. Гирько С. И., Харченко С. В., Долгополов А. А., Камбаров А. М. Российское ускоренное дознание: современные метаморфозы процессуальной формы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 274–284. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.59.3.005>.
7. Четик М. М. Сокращенное дознание как вид компромисса в современном уголовном процессе / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы XIX Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 29–30 мая 2014 г. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2014. С. 142–144.
8. Загорьян С. Г., Котельникова О. А. Сокращенное дознание: некоторые проблемы и пути их решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 85–94. <https://doi.org/10.24412/2312-3184-2021-2-85-94>.
9. Сулин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10. С. 5–8.
10. Журавлева Н. М. Особенности рассмотрения судом уголовного дела, расследованного в порядке гл. 32¹ УПК РФ // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сборник научных статей, г. Могилев, 30 апреля 2021 г. Могилев : Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2021. С. 62–66.
11. Матинян Э. А. Дознание в сокращенной форме: сущность и проблемы // Молодой ученый. 2019. № 46 (284). С. 167–169.
12. Хисматуллин И. Г. Проблемные вопросы сокращенной формы дознания // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 59–61.
13. Пешков М. А. Новый вид предварительного расследования – дознание в сокращенной форме // Новый юридический журнал. 2013. № 2. С. 164–166.
14. Якимович Ю. К. Прокурор и следователь: процессуальное положение в досудебном производстве // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 148–150.
15. Харзинова В. М. Актуальные проблемы производства дознания в сокращенной форме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 199–202.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 341.4, 343.1
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-152-160>

Классификация источников и формул закрепления международного обязательства «или выдавать, или осуществлять судебное преследование» (aut dedere aut judicare)

Надежда Юрьевна Сливинская, аспирант

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
Москва (119454, проспект Вернадского, д. 76), Российская Федерация
kathrineelizabeth@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9918-5003>

Аннотация:

Введение. Международное обязательство «или выдавать, или осуществлять судебное преследование» (лат. "aut dedere aut judicare") обладает сложной и комплексной правовой природой: в части борьбы с безнаказанностью в отношении международных преступлений обязательство де-факто является действительным квалифицированным обязательством "erga omnes", в отношении борьбы с преступлениями международного характера обладает договорной природой. Одна из главных задач обязательства «или выдавать, или осуществлять судебное преследование» – борьба с безнаказанностью. Правовой основой обязательства служат международные договоры глобального и регионального характера.

Методы. Методологическую основу исследования составляют системный подход, сравнительный, структурно-функциональный и другие методы исследования.

Результаты. В проведенном исследовании осуществлен краткий анализ в отношении правовой природы международного обязательства, освещены основные вопросы, которые возникают в рамках реализации механизма обязательства "aut dedere aut judicare". Особое внимание уделено классификации международных договоров глобального и регионального уровней, которые: а) предусматривают исключительно обязательство «или выдай, или суди»; б) устанавливают приоритет реализации одной из частей обязательства или посвящены одной из частей обязательства «или выдавать, или осуществлять судебное преследование»; в) регулируют отдельные направления сотрудничества, которые можно рассматривать в качестве альтернатив данному обязательству.

Ключевые слова:

международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, обязательство или выдавать, или осуществлять уголовное преследование, передача уголовного судопроизводства (уголовного преследования), выдача лиц для уголовного преследования

Для цитирования:

Сливинская Н. Ю. Классификация источников и формул закрепления международного обязательства «или выдавать, или осуществлять судебное преследование» (aut dedere aut judicare) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 152–160. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-152-160>.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Classification of sources and formulae of strengthening international obligation to extradite or prosecute

Nadezhda Yu. Slivinskaya, Postgraduate

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
76, Vernadskogo ave., Moscow, 119454 Russian Federation
kathrineelizabeth@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9918-5003>

© Сливинская Н. Ю., 2025

Abstract:

Introduction. *The international obligation to extradite or prosecute (Latin "aut dedere aut judicare") has a complex and integrated legal nature: in relation to the fight against impunity for international crimes, the obligation de facto is a valid qualified obligation of "erga omnes"; it has a treaty nature in relation to the fight against international crimes. One of the main objectives of the obligation to either extradite or prosecute is to combat impunity. International treaties of a global and regional nature underpin the obligation.*

Methods. *The study is based on the system approach, comparative, structural-functional and other research methods.*

Results. *The study analysed the legal character of the international obligation and highlighted the key issues that arised within the implementation of the obligation mechanism "aut dedere aut judicare". The study puts emphasis on classification of international treaties at international and regional levels, which a) strictly require the obligation to either extradite or prosecute, b) prioritise the implementation of a part of the obligation or deal with a part of the obligation to either extradite or prosecute, c) regulate certain areas of cooperation that can be considered as alternatives to this obligation.*

Keywords:

international cooperation in criminal proceedings, obligation to either extradite or prosecute, transfer of criminal justice (criminal prosecution), extradition of a person for a criminal prosecution

For citation:

Slivinskaya N. Yu. Classification of sources and formulae of strengthening international obligation to extradite or prosecute // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 152–160. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-152-160>.

The article was submitted September 27, 2024; approved after reviewing February 10, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Борьба с безнаказанностью является краеугольным камнем в обеспечении порядка и безопасности всего международного сообщества, а разработка гибких механизмов и эффективных мер, направленных на борьбу с отдельными видами преступлений, служит опорой для организации конструктивного сотрудничества между государствами. Согласно докладу рабочей группы Комиссии международного права ООН 2013 года¹, борьба с безнаказанностью должна осуществляться с опорой на принцип верховенства права как на один из фундаментальных принципов международного права, который заключается в «незыблемости» нормативных положений как на внутригосударственном, так и на международном уровнях [1]. Соответствующий тезис нашел отражение в Резолюции № 2840 Генеральной Ассамблеи ООН «Вопрос о наказании военных преступников и лиц, совершивших преступления против человечества» от 18 декабря 1971 г. и в Резолюции № 3074 Генеральной Ассамблеи ООН о «Принципах международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечности» от 3 декабря 1973 г. Непримириное отношение государств к безнаказанности за тяжкие преступления по международному праву также отражено в Декларации совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях от 24 сентября 2012 г.

Международное сотрудничество представляет собой масштабную, совместную и разнообразную по формам и направлениям деятельность компетентных правоохранительных органов, главной целью которых служит борьба с безнаказанностью, в основе которой лежат правоприменительный и правообязывающий механизмы [2]. Следует отметить, что во второй половине XX века сложился комплекс тенденций, направленный в первую очередь на развитие правовой основы сотрудничества между государствами. Среди основных тенденций считаем нужным особо отметить: а) совершенствование уже сложившихся институтов сотрудничества на внутригосударственном и международном уровнях; б) формирование новых или альтернативных направлений сотрудничества и их нормативное урегулирование; в) создание новых или совершенствование уже существующих региональных механизмов и др. [3]. Обязательство государств сотрудничать друг с другом в борьбе с безнаказанностью установлено положениями большинства международных договоров глобального и регионального уровней. Одним из фундаментальных, основополагающих механизмов в данном случае служит

¹ Доклад Рабочей группы по обязательству выдавать или осуществлять судебное преследование ("aut dedere aut judicare") A/CN.4/L.829. от 22 июля 2013 г. // ООН : [официальный сайт]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/754181?ln=es&v=pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

международное обязательство «или выдавать, или осуществлять судебное преследование» (лат. “*aut dedere aut judicare*”)² [4; 5], которое заключается в предоставлении государствам выбора между выдачей лица, либо при наличии оснований, препятствующих выдаче, передачей такого лица своим компетентным органам для осуществления судебного преследования с целью соблюдения принципа неотвратимости наказания [6, р. 542]. Другими словами, государство может либо освободить себя от осуществления судебного преследования путем выдачи лица государству, обладающему первичной юрисдикцией на осуществление судебного преследования (например, государство гражданства лица), либо взять на себя обязательство по привлечению лица к ответственности в случае его невыдачи [7, р. 131–132]. Аналогичной позиции в отношении этого международного обязательства придерживается Р. Женнингс. По его мнению, обязательство обладает бинарной правовой природой: с одной стороны, оно является обязательством по международному обычному праву и механизм его реализации направлен на борьбу с международными преступлениями, с другой стороны – договорным обязательством, направленным на борьбу с преступлениями международного характера. В первом случае обязательство пересекается с универсальной юрисдикцией, но не умаляет ее прямого правового значения, с другой стороны – обязательство обладает характером квазиуниверсальности. Объясняется данный тезис тем, что правовая природа обязательства тесно связана с концепцией универсальной юрисдикции, но лишь в части тяжких преступлений по международному праву. Иные категории преступлений вне зависимости от степени их тяжести изъяты из сферы применения универсальной юрисдикции [8, с. 97–98]. В итоговом Докладе рабочей группы Комиссии международного права ООН 2014 года в отношении обязательства “*aut dedere aut judicare*” также было отмечено, что, если преступление совершено на территории государства, отличного от территории государства суда, применение этого обязательства будет отражать характер универсальной юрисдикции (в отличие от прецедентов, при которых иницируются другие юрисдикционные принципы) [9].

Несмотря на то, что основная концепция обязательства заключается либо в выдаче, либо в передаче лица, совершившего преступление, компетентным органам для привлечения к ответственности в зависимости от правовой природы и формы закрепления обязательства в тексте международного договора, одна из его частей может иметь больший приоритет при реализации [10].

Отметим, что международные договоры также можно классифицировать следующим образом:

- а) договоры, которые предусматривают обязательство “*aut dedere aut judicare*”;
- б) договоры, которые предусматривают только одну из частей обязательства или устанавливают приоритет одной из частей обязательства;
- в) договоры, которые регулируют отдельные направления сотрудничества.

С учетом представленных выше отличительных характеристик следует отметить, что при анализе содержания обязательства «или выдавать, или осуществлять судебное преследование» необходимо отталкиваться от принципов юрисдикции, а также правил, касающихся криминализации преступлений, правовых оснований международного сотрудничества.

Методы

Методологическая база существующей потребности в исследовании правовой природы и охвата международного правового обязательства “*aut dedere aut judicare*”, классификации источников и формул его закрепления включает в себя различные методы – системный подход, сравнительный, структурно-функциональный и другие методы исследования.

² В доктрине обращается внимание на важность правильного перевода указанной латинской формулировки на русский язык именно как «или выдавать, или осуществлять судебное преследование» либо «или выдай, или суди», но не «выдай или суди», поскольку «здесь смысловая нагрузка совершенно иная».

Результаты

Один из первых вопросов, который возникает при реализации обязательства *“aut dedere aut judicare”*, связан с дилеммой взаимосвязи выдачи и судебного преследования: альтернатива обязательства раскрывается только при наличии запроса от иностранной юрисдикции или требует от государства принятия мер по обеспечению своевременной передачи лиц своим компетентным органам для привлечения к ответственности, как только государству стало известно о нахождении такого лица на его территории. В данном отношении необходимо отметить, что в рамках международных договоров, направленных на борьбу с тяжкими преступлениями по международному праву, сложился следующий подход к реализации механизма этого обязательства: выдача выступает альтернативой к императивному обязательству государств привлекать к ответственности лиц, совершивших международные преступления, другими словами, установлен принцип *“primo prosequi”*. Следуя концепции приоритетности обязательства в части осуществления судебного преследования, можно прийти к выводу, что в отношении тяжких преступлений по международному праву, нарушающих императивные нормы *“jus cogens”*, обязательство *“aut dedere aut judicare”* приобретает характер действительного квалифицированного обязательства *“erga omnes”*; соответственно, для положений международных договоров, направленных на борьбу с международными преступлениями, классическая формула латинской максимы *“aut dedere aut judicare”* переqualифицируется в *“prosequi vel dedere”* [11]. В данном контексте представляется интересным мнение Р. Ван Стенберга, который эксплицировал идею о том, что обязательство, обладая обычно-правовой природой, с опорой на судебную практику государств, применяется лишь в отношении ограниченного круга международных преступлений, а именно: геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности [12, р. 1095]. Так, путем телеологического толкования положений Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него 1948 года, можно утверждать, что международный договор де-юре не регулирует обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование, однако устанавливает обязательство договаривающихся государств своевременно передавать лицо компетентным органам для привлечения к ответственности за совершенное преступление³. Аналогичный подход обозначен в Женевских конвенциях и дополнительном протоколе № 1 к ним: государство, независимо от гражданства лица, совершившего тяжкое преступление по международному праву, и того, имел ли место факт прямого причинения ущерба такому государству, обязано передать лицо своим компетентным органам для привлечения к ответственности, либо в качестве альтернативы передать его на территорию государства, обладающего должной юрисдикцией для осуществления судебного преследования [13, р. 353–354]. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года закрепляет подход, согласно которому государство, на территории которого находится лицо, совершившее международное преступление, обязано передать его своим компетентным органам для осуществления судебного преследования согласно обычной процедуре, установленной национальным законодательством такого государства, как если бы такое преступление было совершено на его собственной территории⁴. Более того, в подтверждение данного и ранее высказанного тезисов укажем, что в известном деле «Бельгия против Сенегала» Международный суд ООН пришел к выводу, что для реализации механизма обязательства *“aut dedere aut judicare”* в отношении преступления пытки, государство вне зависимости от наличия предварительного запроса о выдаче со стороны

³ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Заключена 09.12.1948) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12. Ст. 244.

⁴ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Заключена 10.12.1984) (с изм. от 08.09.1992) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.

запрашивающей юрисдикции обязано передать дело в свои компетентные органы для целей судебного преследования подозреваемого лица [14].

Приоритет “*primo prosequi*” можно также наблюдать в положениях некоторых международных «антитеррористических» договоров. Значительная их часть содержит стандартную «гаагскую» формулу обязательства “*aut dedere aut judicare*”⁵, главной отличительной особенностью является закрепление обязательства государств устанавливать свою юрисдикцию по отношению к совершенному преступлению даже при условии отсутствия прямой причинно-следственной связи между государством и таким преступлением [15].

Например, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года⁶ в ст. 8 (п. 1) устанавливает обязательство государств без неоправданных задержек и без каких-либо исключений осуществлять судебное преследование в отношении предполагаемого преступника, который был обнаружен на их территории, в случае невыдачи такого лица. В свою очередь в ст. 6 (п. 1, 2) закреплено обязательство государств принимать все необходимые меры для установления юрисдикции. Аналогичные положения предусмотрены в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 года⁷.

Приоритет альтернативы судебного преследования над выдачей также закреплен в ст. 10 Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 года⁸, которая устанавливает, что государство – участник конвенции, если лицо, которое совершило преступление, находится на его территории, обязано взять такое лицо под стражу, возбудить уголовное дело и в соответствии с национальным законодательством обеспечить соблюдение порядка и процедуры привлечения лица к ответственности. Более того, согласно ст. 12 этой Конвенции, если лицо обнаружено на территории государства-участника, вне зависимости от наличия запроса иностранной юрисдикции о выдаче лица, такое государство обязано своевременно передать такое лицо своим компетентным органам для целей уголовного преследования.

Второй подход к реализации механизма обязательства “*aut dedere aut judicare*” заключается в приоритете выдачи над осуществлением судебного преследования, а обязательство в части “*aut judicare*” ставится в прямую зависимость от предшествующего удовлетворения или отказа в удовлетворении запроса о выдаче лица, который в свою очередь служит катализатором инициирования судебного процесса. Концепция подхода заключается в обеспечении неотвратимости наказания за счет того, что государство места задержания лица (анг. “*Custody State*”) принимает решение об освобождении себя от осуществления юрисдикции, выдавая лицо на территорию запрашивающего государства, обладающего должной юрисдикцией на осуществление судебного преследования. В данном случае альтернатива в отношении “*aut judicare*” реализуется лишь при наличии оснований, препятствующих выдаче. Например, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года устанавливает обязательство своевременно передать лицо, совершившее преступление, своим компетентным органам для осуществления судебного преследования в случае, если существуют основания,

⁵ Понятие «гаагская» формула обязательства «или выдавать, или осуществлять судебное преследование» получила такое условное наименование потому, что в современном виде оно впервые было закреплено в ст. 7 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, которая гласит: «Договаривающееся государство, на территории которого оказывается предполагаемый преступник, если оно не выдает его, обязано, без каких-либо исключений и независимо от того, совершено ли преступление на его территории, передать дело своим компетентным органам для целей уголовного преследования ...» (Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Заклучена в г. Гааге 16.12.1970) (с изм. от 10.09.2010) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Москва, 1974. Вып. XXVII. С. 292).

⁶ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Заклучена в г. Нью-Йорк, 15.12.1997) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 35. Ст. 3513.

⁷ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Заклучена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 5.

⁸ Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (Заклучена 04.12.1989) // Действующее международное право : в 3 т. Москва : Московский независимый институт международного права, 1997. Т. 2. С. 812–819.

препятствующие его выдаче. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года⁹ и Конвенция о психотропных веществах 1971 года¹⁰ устанавливают обязательство, в соответствии с которым государство, на территории которого произошло преступление, или государство местонахождения лица под стражей, обязаны передать лицо для целей судебного преследования сразу после того, как компетентными органами таких государств было принято решение об отказе в выдаче лица.

Аналогичный подход к приоритетности реализации обязательства «выдавать или осуществлять судебное преследование» установлен в международных договорах регионального уровня. Более того, следует отметить, что обязательство “*aut dedere aut judicare*” установлено в положениях договоров, в названиях которых уже установлена одна из частей обязательства, либо в договорах, которые направлены на борьбу с отдельными видами преступлений, где соответствующее обязательство или его часть регулируется статьей с аналогичным названием. Например, Межамериканская конвенция о выдаче 1933 года устанавливала обязательство государств-участников выдавать лицо, совершившее преступление, любому государству-участнику, которое направило такой запрос. Более того, положения договора регулируют дискреционное право государства гражданства принимать решение о выдаче собственного гражданина на территорию запрашивающего государства. При наличии оснований, препятствующих выдаче, государство, на территории которого находится лицо, совершившее преступление, обязано передать его своим компетентным органам для целей судебного преследования¹¹. Аналогичное положение установлено в Межамериканской конвенции о выдаче 1981 года с той лишь разницей, что выдача может быть удовлетворена, если преступление было совершено на территории запрашивающего государства и такое государство обладает должной юрисдикцией на осуществление судебного преследования¹². Европейская конвенция о выдаче 1957 года¹³ в ст. 1 устанавливает, что государства-участники обязуются выдавать друг другу лиц, в отношении которых компетентными органами одного из государств возбуждено уголовное дело или в отношении которых ведется розыск для приведения в исполнение приговора суда или постановления о задержании. Часть “*aut judicare*” в договоре регулируется следующим образом: если существуют основания, препятствующие выдаче лиц, то государство обязано принять все необходимые меры и своевременно передать лицо своим компетентным органам для целей судебного преследования. Идентичный правовой подход закреплен в положениях Конвенции о выдаче Экономического сообщества западноафриканских государств 1994 года¹⁴. Здесь же следует упомянуть Конвенцию Организации африканского союза о пресечении и борьбе с актами терроризма 2002 года¹⁵, которая в ч. 4 (Выдача) устанавливает обязательство в отношении государств-участников о том, что если одно из государств направляет запрос о выдаче лица, которые совершило любое из перечисленных в договоре преступлений,

⁹ Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (Заклучена в г. Нью-Йорке 30.03.1961) // СЗ РФ. 2000. № 22. Ст. 2269.

¹⁰ Конвенция о психотропных веществах (заклучена в г. Вене 21.02.1971) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Москва, 1981. Вып. XXXV. С. 416–434.

¹¹ Convention on Extradition 26.12.1933. General Information of the treaty // OAS : Department of International Law : [Electronic resource]. URL: <http://www.oas.org/juridico/spanish/tratados/a-35.html> (дата обращения: 06.07.2024).

¹² Inter-American Convention on Extradition. General Information of the treaty // OAS : Department of International Law : [Electronic resource]. URL: <https://www.whatconvention.org/en/convention/298> (дата обращения: 06.07.2024).

¹³ Европейская конвенция о выдаче (заклучена в г. Париже 13.12.1957) (с изм. от 20.09.2012) // СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2348.

¹⁴ Convention A/P.1/8/94 on extradition 6 August 1994. General Information of the treaty // ECOWAS : Committee on Legal Affairs and Human Rights : [Electronic resource]. URL: https://www.wacapnet.com/sites/www.wacapnet.com/files/general/convention_on_extradition.pdf (дата обращения: 07.07.2024).

¹⁵ Convention on the prevention and combating of terrorism 2002. General Information of the treaty // OAU : Department of International Law : [Electronic resource]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/37289-treaty-0020_-_oau_convention_on_the_prevention_and_combating_of_terrorism_e.pdf (дата обращения: 07.07.2024).

запрашиваемое государство обязано выдать такое лицо. Однако если существуют основания, препятствующие выдаче, то государство местонахождения лица под стражей обязано передать его без неоправданных задержек своим компетентным органам для целей судебного преследования.

Интересным с точки зрения анализа реализации обязательства “*aut dedere aut judicare*” является разделение положений о международном сотрудничестве в Арабской конвенции о борьбе с терроризмом 1998 года¹⁶ на материальную и процессуальную части, где часть «выдачи» установлена в материальной части, а «судебное преследование» – в процессуальной. Данный тезис обоснован тем, что если лицо не подлежит выдаче, находится под следствием или уже осуждено по другим основаниям, оно может быть «временно» выдано по запросу государства при наличии правовых гарантий для проведения следственных и иных оперативных действий на территории запрашивающего государства. Каждое государство – участник договора может направить запрос о проведении «судебных процедур», что в большей степени относится к реализации второй части обязательства «осуществлять судебное преследование». Подобный подход де-факто носит характер «передачи судебного производства», однако не обладает той же правовой природой, что и институт передачи производства по уголовному делу. Следовательно, производство по уголовному делу согласно положениям договора ведется в обычном порядке, как если бы преступление было совершено на территории запрашиваемого государства.

Следует также отметить, что часть международных договоров глобального и регионального уровней, которые посвящены отдельным направлениям международного сотрудничества в борьбе с преступностью, могут наряду с “*aut dedere aut judicare*” устанавливать иные формы сотрудничества, которые при определенных обстоятельствах являются альтернативой этому обязательству. Например, Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 2006 года¹⁷ впервые закрепила альтернативу обязательству в части «выдачи»: если государство не выдает лицо по запросу, но в то же время не желает или не в состоянии осуществлять судебное преследование лица, для того, чтобы не нарушить свои международные обязательства, оно может передать такое лицо в органы международной уголовной юстиции, например, в Международный уголовный суд или другой аналогичный уголовный трибунал. Сотрудничество с органами международной уголовной юстиции многогранно. В частности, судебное сотрудничество в рамках Международного уголовного суда предполагает собой полное признание его юрисдикции и отказ от начала и продолжения внутренних судебных процедур [16, р. 173]. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года¹⁸ и Конвенция Совета Европы о передаче производства по уголовным делам 1972 года¹⁹ дополняют положения друг друга в части обеспечения альтернативы обязательству в части “*aut dedere*”, поскольку при наличии оснований, препятствующих выдаче, государство, которое обладает должной юрисдикцией и намерением осуществления судебного преследования, может направить запрос о передаче уголовного судопроизводства (уголовного преследования). Иными словами, попросить государство «уступить» юрисдикцию [17]. Конвенция Содружества Независимых Государств о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 года²⁰ помимо обязательства «или выдавать, или осуществлять

¹⁶ Arab Convention on the Suppression of Terrorism 22 April 1998. General Information of the treaty // LAS : [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/publisher/LAS/MULTILATERALTREATY,,3de5e4984,0.html> (дата обращения: 08.07.2024).

¹⁷ Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (Заклучена в г. Нью-Йорке 20.12.2006) // ООН : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disappearance.shtml (дата обращения: 08.07.2024).

¹⁸ Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Заклучена в г. Страсбурге 20.04.1959) (с изм. от 08.11.2001) // СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2349.

¹⁹ Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам (ETS N 73) (Вместе со «Списком преступлений иных, нежели предусмотренных уголовным законодательством») (Заклучена в г. Страсбурге 15.05.1972) // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 724.

²⁰ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заклучена в г. Кишиневе 07.10.2002) // СЗ РФ. 2023. № 30. Ст. 5501.

судебное преследование», закрепляет институт передачи уголовного судопроизводства (уголовного преследования), что, безусловно, позволяет избежать прецедентов параллельного или множественного производства по уголовному делу, нарушения принципа “*ne bis in idem*”.

3 заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно прийти к выводу о том, что международное обязательство “*aut dedere aut judicare*” является правовым инструментом, механизм действия которого направлен на искоренение безнаказанности путем обеспечения привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления, подрывающие международный правопорядок и безопасность. С учетом сложной правовой природы обязательство должно безукоризненно исполняться не только государствами – участниками международных договоров, но и по возможности иными странами в части, когда речь идет о тяжких преступлениях, нарушающих императивные нормы “*jus cogens*”. Правовой основой для обязательства «или выдавать, или осуществлять судебное преследование» служат положения международных договоров глобального и регионального уровней, которые в зависимости от приоритетности реализации частей обязательства и формул его закрепления можно разделить: а) на договоры, предусматривающие исключительно обязательство «или выдай, или суди», которое может быть установлено в отдельной части договора или статье; б) договоры, положения которых устанавливают только одну из частей обязательства или приоритет реализации одной из частей обязательства; в) договоры, регулирующие отдельные направления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, которые могут рассматривать в качестве альтернатив этому обязательству. Реализация международного обязательства «или выдавать, или осуществлять судебное преследование» позитивно влияет на порядок взаимодействия между государствами в борьбе с преступностью.

Список источников

1. Баршова О. А., Муромцева К. А. Верховенство права в международных отношениях // Аллея наук : сетевое издание. 2018. № 4 (20). С. 361–364. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_34975094_27684914.pdf (дата обращения: 02.07.2024).
2. Захаренкова В. В. Основные понятия международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2 (8). С. 162–165.
3. Волеводз А. Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – уроки истории и некоторые проблемы реформирования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6 (17). С. 281–288.
4. Ляхов Е. Г. Экстрадиция и принцип «*aut dedere aut judicare*»: становление и современные проблемы // Публичное и частное право. 2012. № 2 (14). С. 165–172.
5. Скуратова А. Ю. Обязательство «*aut dedere aut judicare*»: современные проблемы международно-правового регулирования // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 2. С. 3–7.
6. Guillaume G. Terrorism and International Law // The International and Comparative Law Quarterly. 2004. Vol. 53. № 53. P. 537–548; <https://doi.org/10.1093/iclq/53.3.537>.
7. Phuoc H. N. The obligation to cooperate in extradition, judicial assistance in criminal matters, universal jurisdiction under United Nations convention against torture 1984 and Vietnam's implementation // Kutafin University Law Review. 2019. Vol. 6. № 1 (11). P. 128–149. <https://doi.org/10.17803/2313-5395.2019.11.128-149>.
8. Королёв Г. А., Семенова Ю. А. Установление универсальной юрисдикции над преступлениями, нарушающими нормы *jus cogens* (на примере пиратства) // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 96–105.
9. Липкина Н. Н. Универсальная юрисдикция: международно-правовые основания и проблемы установления в отношении преступлений террористической направленности // Lex Russica. 2018. № 6 (139). С. 92–105. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.139.6.092-105>.

10. *Highet K.* Oppenheim's International Law Vol. 1, Peace (2 vols.) (9th edition). Ed. by Sir Robert Jennings and Sir Arthur Watts. Burnt Mill : Longman, 1992. Pp. lxxxvi // *American Journal of International Law*. 1994. № 88 (2). P. 383–386. <https://doi.org/10.2307/2204109>.

11. *Moyo M. P.* Final Report on the Obligation to Extradite or Prosecute (Aut Dedere Aut Judicare) (Int'l L. Comm'n) // *International Legal Materials*. 2015. № 54 (4). P. 758–779. <https://doi.org/10.5305/intelegamate.54.4.0758>.

12. *Van Steenberghe R.* The obligation to Extradite or Prosecute: Clarifying its Nature // *Journal of International Criminal Justice*. 2011. Vol. 9. Is. 5. P. 1089–1116. <https://doi.org/10.1093/jicj/mqr049>.

13. *Meron T.* The Geneva Conventions as Customary Law // *The American Journal of International Law*. 1987. Vol. 81. № 2. P. 353–354. URL: https://www.jstor.org/stable/2202407?searchText=&searchUri=&ab_segments=&searchKey=&refreqid=fastly-default%3A0592a5224508d21170406ebe9d8d0080&seq=1 (дата обращения: 02.07.2024).

14. *Andenas M., Weatherall T.* International court of justice: questions relating to the obligation to extradite or prosecute (Belgium v Senegal) Judgement of 20 July 2012. // *The International and Comparative Law Quarterly*. 2013. Vol. 62. Is. 3. P. 753–769. <https://doi.org/10.1017/S0020589313000250>.

15. *Волеводз А. Г.* О некоторых проблемах реализации обязательства «aut dedere aut judicare» в международном антитеррористическом сотрудничестве // *Международное уголовное право и международное сотрудничество*. 2020. № 3. С. 3–9.

16. *Hillebrecht C., Straus S.* Who Pursue the Perpetrators? State cooperation with the ICC // *Human Rights Quarterly*. 2017. Vol. 39. № 1. P. 162–188. <https://doi.org/10.1353/hrq.2017.0006>.

17. *Клевцов К. К.* Основные формы, виды и направления международного сотрудничества в досудебном производстве по уголовным делам. // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2022. № 1 (35). С. 91–98. <https://doi.org/10.54217/2411-1627.2022.35.1.012>.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-161-171>

Проблемы изъятия предметов, документов, материалов органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий

Сергей Владимирович Супрун, кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

Омск (644092, пр. Комарова, д. 7), Российская Федерация

s.suprun65@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7789-8988>

Аннотация:

Введение. Оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельность взаимосвязаны между собой и ориентированы на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании по уголовным делам, если они не противоречат требованиям, предъявляемым к доказательствам (ст. 89 УПК РФ). Часть 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» отсылает орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, при изъятии предметов, документов, материалов к уголовно-процессуальному законодательству, регламентирующему составление протокола без указания его вида и предъявляемых к нему требований, что порождает проблемы применения уголовно-процессуального законодательства в ходе проведения гласных оперативно-розыскных мероприятий.

Методы. В работе применялись методы научного познания: сравнительно-правовой, комплексного анализа, обобщения.

Результаты:

1. Часть 1 ст. 15 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» отсылает орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, к уголовно-процессуальному законодательству, регламентирующему порядок составления протокола следственного действия в соответствии с требованиями ст. 166 и 167 УПК РФ, совокупность которых образует доказательство, предусмотренное п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ – протокол следственного действия.

2. Составление при проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия протокола изъятия предметов, документов, материалов в порядке, предусмотренном для иного уголовно-процессуального действия или для производства следственного действия, указанного в названиях глав 24–27 УПК РФ, не соответствует ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и действующему уголовно-процессуальному законодательству.

3. В протоколе изъятия предметов, документов, материалов, составленном органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, при проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия в соответствии с требованиями ст. 166, 167 УПК РФ, подлежат отражению сведения о специалисте, переводчике и понятых.

4. Протокол изъятия предметов, документов, материалов, составленный органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, при проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия, является частью оперативно-розыскного мероприятия. Название протокола может соответствовать названию оперативно-розыскного мероприятия либо иметь самостоятельное название, например:

- а) «Протокол изъятия предметов»;
- б) «Протокол изъятия документов»;
- в) «Протокол изъятия материалов».

Ключевые слова:

оперативно-розыскное законодательство, протокол изъятия предметов, документов и материалов, гласные оперативно-розыскные мероприятия, уголовно-процессуальное законодательство, протокол следственного действия

Для цитирования:

Супрун С. В. Проблемы изъятия предметов, документов, материалов органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 161–171. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-161-171>.

Статья поступила в редакцию 15.09.2024;
одобрена после рецензирования 04.02.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Problems of seizing objects, documents and materials in carrying out open operative-search activities

Sergey V. Suprun, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russian Federation
s.suprun65@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7789-8988>

Abstract:

Introduction. Operative-search and criminal procedural activities are interconnected and focused on crime prevention, suppression and detection. The results of operational-search activity can be used in proving criminal cases, if they do not contradict the requirements concerning evidence (Article 89 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). Part 1 of Article 15 of the Federal Law "On Operative-Search Activities" states that the body carrying out operative-search activities when seizing objects, documents and materials should be guided by criminal procedural legislation, which regulates making a protocol without specifying its type and requirements. This causes problems in the application of criminal procedural legislation in carrying out open operative-search activities.

Methods. The methods of scientific cognition were applied: comparative-legal one, complex analysis, generalisation.

Results:

1. Part 1 of Article 15 of the Federal Law "On Operative-Search Activities" states that the body carrying out operative-search activities should be guided by criminal procedural legislation regulating the procedure for making a protocol of the investigative action according to the requirements of Articles 166 and 167 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. These articles constitute the evidence specified in Paragraph 5, Part 2, Article 74 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation – the protocol of the investigative action.

2. Making a protocol of seizing objects, documents, materials in carrying out open operative-search activities in accordance with the procedure provided for another criminal procedural or investigative action specified in the titles of Chapters 24-27 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation does not comply with Part 1 of Article 15 of the Federal Law "On Operative-Search Activities" and the current criminal procedural legislation.

3. The protocol of seizure of objects, documents, materials made by the body carrying out open operative-search activities in accordance with the requirements of Articles 166, 167 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, should include information about the specialist, interpreter and witnesses.

4. Such a protocol of seizure of objects, documents, materials is a part of the operative-search activity. The title of the protocol may correspond to the name of the operative-search activity or have its own title, for example: a) "Protocol of seizure of objects", b) "Protocol of seizure of documents", c) "Protocol of seizure of materials".

Keywords:

operative-search legislation, protocol of seizure of objects, documents and materials, open operative-search activities, criminal procedural legislation, protocol of investigative action

For citation:

Suprun S. V. Problems of seizing objects, documents and materials in carrying out open operative-search activities // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 161–171. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-161-171>.

The article was submitted September 15, 2024; approved after reviewing February 4, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

В соответствии с частью 1 ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – ФЗ «Об ОРД») задачами оперативно-розыскной деятельности являются «выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших» органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД).

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1995. № 33. Ст. 3349.

При решении задач оперативно-розыскной деятельности органы, осуществляющие ОРД, вправе проводить гласно и негласно оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) и использовать в ходе проведения ОРМ информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемку, а также другие технические и иные средства с привлечением «должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями» (ст. 6 ФЗ «Об ОРД»).

Законодатель разрешает органу, осуществляющему ОРД, на основании ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД» прерывать услуги связи в ходе осуществления ОРД при условии возникновения «непосредственной угрозы жизни или здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации». При этом законодатель не раскрывает содержание термина «непосредственная угроза» и предоставляет органу, осуществляющему ОРД, право определять ее возникновение в ходе проведения ОРМ по субъективному усмотрению.

Деятельность органов, осуществляющих ОРД, направленная на пресечение преступлений в сферах экономики [1, с. 50–53], незаконного оборота наркотических средств, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, коррупции, общественной безопасности (терроризм), в отдельных случаях предшествует уголовно-процессуальной деятельности и завершается, как правило, пресечением выявленного преступления, фактическим задержанием (захватом) лица, его совершившего, изъятием у него из одежды, находящегося при нем имущества, принадлежащего ему транспортного средства, предметов, документов, материалов.

В ходе проведения гласных ОРМ должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, наделено правом изымать предметы, документы, материалы в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД» и удостоверить факт изъятия протоколом, порядок составления которого регламентирован нормами уголовно-процессуального права. Применение норм уголовно-процессуального права органом, осуществляющим ОРД, при проведении гласных ОРМ не урегулировано нормами оперативно-розыскного законодательства и ведомственными нормативными правовыми актами, что на практике порождает проблемы², связанные с фиксацией и закреплением результатов ОРД при изъятии предметов, документов, материалов.

Методы

Для изучения проблем изъятия предметов, документов, материалов при проведении гласных ОРМ в работе применялись методы научного познания: сравнительно-правовой, комплексного анализа, обобщения. Сравнительно-правовой метод использовался для выявления сходства и различий процессуального закрепления результатов изъятия предметов, документов, материалов в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Метод комплексного анализа применялся для вовлечения в работу выводов иных наук. Метод обобщения научных знаний позволил сформулировать выводы и предложения по окончании проведенного исследования.

Результаты

Часть статьи 15 ФЗ «Об ОРД» является бланкетной нормой и отсылает правоприменителя к уголовно-процессуальному законодательству, содержащему требования к составлению протокола без привязки его к виду и названию процессуального действия, завершающегося составлением протокола, из достаточно большого количества которых ученые выделяют протоколы следственных действий.

В теории уголовного процесса к следственным действиям [2, с. 161] ученые относят процессуальные действия, содержащиеся в названиях глав 24–27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее – УПК РФ). Некоторые ученые к числу следственных

² См.: Голубев В. Изъятие документов и его обжалование // Юридический справочник руководителя. 2022. № 9. С. 76–86. URL: <https://ftp.delo-press.ru/journals/law/v-fokuse/61260-izyatie-dokumentov-i-ego-obzhalovanie/> (дата обращения: 22.08.2024).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

действий относят иные процессуальные действия, закрепленные в названиях норм, размещенных в содержании этих глав⁴, что порождает научный спор о количестве следственных действий⁵ [3, с. 30–31; 4, с. 99; 5, с. 162; 6, с. 57] и, соответственно, о количестве протоколов, имеющих статус уголовно-процессуальных доказательств (п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Чтобы внести ясность в вопрос о количестве следственных действий, отделить протоколы следственных действий от протоколов иных процессуальных действий, представляется целесообразным закрепить перечень следственных действий в отдельной норме УПК РФ, как это сделал законодатель в ст. 6 ФЗ «Об ОРД», где перечислил ОРМ и через их перечень отделил ОРМ от иных оперативно-розыскных действий.

Все следственные действия, в отличие от ОРМ, имеют установленный уголовно-процессуальным законом порядок производства и направлены на собирание и проверку доказательств. Законодатель не запрещает следователю и дознавателю изымать предметы, документы, материалы при проведении любого следственного действия. Каждое следственное действие завершается составлением протокола, за исключением следственного действия «назначение и производство судебной экспертизы», проведение которого осуществляется экспертом по поручению органа дознания, дознавателя или следователя. Поскольку исследование предметов, документов, материалов проводит не должностное лицо органа расследования, а эксперт, выводы которого облекаются в форму заключения, то данное следственное действие завершается не составлением протокола, а заключением эксперта.

В науке высказывается мнение о том, что ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД» отсылает правоприменителя не к протоколу следственного действия, а к его производству, предназначенному для отыскания и изъятия предметов, документов, материалов при проведении гласных ОРМ. Так, Е. А. Ануфриева и М. В. Куценко утверждают, что в случае принудительного изъятия предметов, документов, материалов у лица, совершившего преступление, оно «проводится оперативным сотрудником в рамках ФЗ „Об ОРД“ (ст. 15) с соблюдением требований, предъявляемых уголовно-процессуальным законодательством к производству личного обыска (ч. 3 ст. 184 УПК РФ)» [7, с. 10–14]. Фиксацию результатов оперативно-розыскной деятельности с помощью производства следственных действий допускает В. Ф. Луговик. По его мнению, «оперуполномоченный, осуществлявший ОРМ, имеет право проводить следственные действия для фиксации его результатов» [8, с. 164].

О возможности проведения личного обыска, а также производства выемки или обыска до возбуждения уголовного дела высказывается А. С. Лукинов, прокурор отдела прокуратуры Липецкой области, советник юстиции. По его мнению, производство обыска или выемки до возбуждения уголовного дела имеет нормативную основу – Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ⁶, дополнивший ч. 1 ст. 144 УПК РФ полномочием следователя, дознавателя изымать предметы, документы, материалы «в порядке, установленном УПК» [9, с. 50]. По этому пути идет судебная практика. В постановлении судьи Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 16-УД17-16 «Об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции»⁷ судья С. Н. Абрамов признал протокол выемки флеш-карты, составленный до возбуждения уголовного дела, допустимым доказательством по уголовному делу. Опираясь на данное постановление Верховного Суда Российской Федерации, А. С. Лукинов делает вывод, что УПК РФ не запрещает «производство обыска и выемки до возбуждения уголовного дела» [9, с. 50].

⁴ Кальницкий В. В. Следственные действия : учебное пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2003. С. 7.

⁵ Алиев М. А. Система следственных действий в уголовном процессе / Актуальные проблемы права и управления глазами молодежи : материалы международной научной студенческой конференции, г. Тула, 28–29 марта 2014 г. / под общ. ред. И. Б. Богородицкого. Тула : Институт законовещения и управления ВПА, 2014. С. 13–16.

⁶ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

⁷ См. Об отказе в передаче кассационных жалоб на судебные акты по уголовному делу в части привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 159 УК РФ за мошенничество по двум эпизодам, по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 291.1 УК РФ за покушение на посредничество во взяточничестве, по ч. 3 ст. 30, п. "б" ч. 3 ст. 291.1 УК РФ за покушение на посредничество во взяточничестве, по ч. 3 ст. 159 УК РФ за мошенничество для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции : постановление Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 16-УД17-16 // Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт)». URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25082017-n-16-ud17-16/> (дата обращения: 16.06.2024).

Е. А. Бравилова не разделяет научную позицию ученых и практических работников о распространении ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД» на уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее производство конкретного следственного действия. В обоснование своей авторской позиции она предлагает обратить внимание на особенности правовой регламентации ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД». Поскольку в ходе ОРМ «изымаются предметы и документы, впоследствии приобретающие статус доказательств», пишет Е. А. Бравилова, то в ФЗ «Об ОРД» речь идет, видимо, «о требованиях, предъявляемых к протоколу следственного действия» [10, с. 43], а не к порядку его производства, продолжим научную мысль автора.

Порядок составления протокола следственного действия регулируют нормы ст. 166 УПК РФ «Протокол следственного действия» и ст. 167 УПК РФ «Удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия». В соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок составления протокола следственного действия, протокол изъятия предметов, документов, материалов при проведении гласных ОРМ должен быть составлен должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, с учетом положений, содержащихся в ст. 166, 167 УПК РФ.

Проецируя содержание ст. 166, 167 УПК РФ на сферу ОРД, можно обоснованно предположить, что протокол изъятия предметов, документов, материалов может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств⁸ [11]. В протоколе изъятия должно быть указано (ч. 2 ст. 166 УПК РФ):

- 1) место и дата производства изъятия предметов, документов, материалов, время его начала и окончания с точностью до минуты;
- 2) должность, фамилия и инициалы должностного лица органа, осуществляющего ОРД, составившего протокол;
- 3) фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в изъятии предметов, документов, материалов, его адрес и другие данные о личности;
- 4) действия должностного лица органа, осуществляющего ОРД, по изъятию предметов, документов, материалов в порядке, в каком они производились;
- 5) технические средства, применявшиеся при изъятии, условия и порядок их применения, предметы, документы, материалы, к которым применялись технические средства, полученные при их применении результаты;
- 6) заявления лиц, присутствовавших при изъятии предметов, документов, материалов.

В протоколе изъятия также должны быть указаны сведения о специалисте (ст. 168 УПК РФ), переводчике (ст. 169 УПК РФ) и понятых (ст. 170 УПК РФ), если они принимали участие в изъятии предметов, документов, материалов. При изъятии электронных носителей информации и (или) документов допускается участие специалиста. В соответствии с ч. 2 ст. 164¹ УПК РФ участие специалиста является обязательным.

Участие специалиста обязательно при изъятии и изготовлении копий электронных документов, копировании информации «на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изъятых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации» (ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД»).

Если лицо не владеет языком уголовного судопроизводства, то при изъятии предметов, документов, материалов обязательно участие переводчика (ч. 2 ст. 18 УПК РФ). Переводчик привлекается должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, в соответствии с требованиями ст. 169 УПК РФ, о чем в протоколе изъятия делается соответствующая отметка.

Изъятие предметов, документов, материалов в соответствии с ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД» и ч. 1 ст. 170 УПК РФ может проводиться должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, с участием понятых⁹. При проведении гласных ОРМ в условиях отсутствия средств связи,

⁸ ФЗ «Об ОРД» не содержит «различий между бумажными документами и документами в электронной форме» (См.: Артемова И. В. Изъятие документов в 2018 году // Советник бухгалтера бюджетной сферы. 2018. № 10. С. 38–49).

⁹ См.: Решение Мещанского районного суда г. Москвы от 24 марта 2016 г. // Архив Мещанского районного суда г. Москвы. Дело № 2а-1587/2016.

опасности для жизни и здоровья людей, в труднодоступной местности изъятие предметов, документов, материалов должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, возможно без участия понятых.

В случае изъятия предметов, документов, материалов без участия понятых в протоколе изъятия должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, указываются технические средства, применявшиеся для фиксации его хода и результатов. Если в ходе изъятия предметов, документов, материалов применение технических средств было невозможным, то в протоколе изъятия об этом делается соответствующая запись (ч. 3 ст. 170 УПК РФ).

При составлении протокола изъятия предметов, документов, материалов «не все требования, предъявляемые к протоколу следственного действия, могут быть выполнены в ходе проведения ОРМ», поскольку в оперативно-розыскной деятельности отсутствуют участники уголовного судопроизводства. В этой связи остается непонятным, пишет Е. А. Бравилова, какие права, обязанности и ответственность должны разъясняться должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, участникам гласного ОРМ при изъятии предметов, документов, материалов [10, с. 44].

Проблема отсутствия в нормах ФЗ «Об ОРД» правового положения лиц, вовлеченных в производство гласного ОРМ, на наш взгляд, представляется актуальной. С позиции науки ее можно решить на основе анализа межотраслевого законодательства, содержащего нормы Конституции Российской Федерации, оперативно-розыскного и уголовно-процессуального права.

Так, часть 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД» отсылает правоприменителя к уголовно-процессуальному законодательству, регулиющему порядок составления протокола следственного действия. Статьи 168–170 УПК РФ отсылают правоприменителя к нормам, регламентирующим правовое положение иных участников уголовного судопроизводства, перечень которых исчерпывающе изложен в главе 8 УПК РФ. Нормы данной главы устанавливают правовое положение специалиста (ст. 58 УПК РФ), переводчика (ст. 69 УПК РФ) и понятого (ст. 60 УПК РФ).

Правовое положение фактически задержанного лица, у которого изымаются предметы, документы, материалы нормами УПК РФ и ФЗ «Об ОРД» не урегулировано. Фактически задержанное лицо не имеет процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого и не наделяется предоставленными им правами, предусмотренными ч. 4 ст. 46 и ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Вместе с тем у фактически задержанного лица есть неотчуждаемые от него права, содержащиеся в главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина»¹⁰.

В соответствии с главой 2 Конституции Российской Федерации фактически задержанное лицо при изъятии у него предметов, документов, материалов вправе пользоваться правом на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции Российской Федерации) и правом на обжалование в суд действий (бездействий) (ст. 45 и 46 Конституции Российской Федерации) органа, осуществляющего ОРД [12]. Об этом Конституционный Суд Российской Федерации высказался в части 2 определения от 12 мая 2005 г. № 244-О: «Право на судебную защиту выступает как гарантия в отношении всех конституционных прав и свобод, а закрепляющая его статья 46 Конституции находится в неразрывном системном единстве с ее статьей 21, согласно которой государство обязано охранять достоинство личности во всех сферах, чем утверждается приоритет личности и ее прав (статья 17, часть 2, и статья 18 Конституции)»¹¹. В протоколе изъятия о разъяснении конституционных прав должна быть сделана соответствующая запись, удостоверенная подписями фактически задержанного и должностного лица органа, осуществляющего ОРД, составившего протокол.

¹⁰ См.: О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 1.

¹¹ По жалобе граждан Вихровой Любови Александровны, Каревой Екатерины Ивановны и Масловой Валентины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 134, статьями 220 и 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2005 г. № 244-О // СЗ РФ. 2005. № 32. Ст. 3396.

По окончании составления протокола изъятия предметов, документов, материалов он должен быть предъявлен всем участникам гласного ОРМ для ознакомления. Каждому участнику должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, должно быть разъяснено право делать заявления о его дополнении и уточнении. Заявления о дополнении и уточнении протокола подлежат удостоверению подписями лиц, их внесшими.

Протокол изъятия подписывается должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, и лицами, принимавшими участие в проведении гласного ОРМ. В случае отказа участника гласного ОРМ подписать протокол изъятия предметов, документов, материалов, должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, вносит в него соответствующую запись, которую удостоверяет своей подписью.

В случае отказа фактически задержанного лица подписать протокол изъятия, должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, в протоколе об этом делается соответствующая запись, которая удостоверяется подписями понятых (ч. 1 ст. 167 УПК РФ), если они принимали участие в изъятии предметов, документов, материалов, и должностного лица, составившего протокол.

Участнику гласного ОРМ, отказавшемуся подписать протокол изъятия предметов, документов, материалов, должна быть предоставлена возможность дать объяснение причин своего отказа. Объяснения лица, отказавшегося подписать протокол изъятия, подлежат обязательному занесению в протокол. К протоколу изъятия могут прилагаться фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, изготовленные при проведении гласных ОРМ. Также к протоколу изъятия должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, могут прилагаться электронные носители информации, скопированной с других электронных носителей информации.

На ведомственном уровне в системе МВД России требования к составлению протокола изъятия предметов, документов, материалов в сфере оперативно-розыскной деятельности изложены в Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечне должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»¹² (далее – Инструкция).

Согласно части 25 Инструкции протокол изъятия предметов, документов может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. В протоколе изъятия должно быть указано:

«25.1. Место и дата проведения обследования, в ходе которого проводилось изъятие, время его начала и окончания с точностью до минуты.

25.2. Должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол.

25.3. Фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в обследовании, а в необходимых случаях его адрес и другие данные о его личности.

25.4. Перечень изъятых предметов и документов, а также обнаруженных документов, имеющих признаки подделки, вещей, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, находящихся у лиц без специального разрешения, с указанием их количества и индивидуальных признаков.

25.5. Сведения о технических средствах, использованных при проведении обследования, объекты, к которым эти средства были применены, общее время аудио-, видеозаписи»¹³ [13].

¹² Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 (ред. от 13.10.2023) (зарег. в Минюсте России 21.05.2014, № 32369) // Российская газета. 2014. № 118.

¹³ Российская газета. 2014. № 118.

При обнаружении наркотических средств¹⁴ органом, осуществляющим ОРД, при проведении гласных ОРМ, в соответствии с ч. 4 Инструкции о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения составляется протокол досмотра¹⁵ (основание: ст. 243 КоАП РСФСР¹⁶, ст. 11 Закона Российской Федерации «О милиции»¹⁷, статья 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁸).

Данная Инструкция не отменена, она действует по настоящее время. Применение части 4 данной Инструкции, на наш взгляд, представляется спорным, т. к. ст. 243 КоАП РСФСР и ст. 11 Закона Российской Федерации «О милиции» утратили юридическую силу¹⁹, поэтому составление протокола досмотра при изъятии наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров представляется спорным.

В статье «Доказательственное значение в уголовном деле предметов и документов, изъятых в ходе осуществления оперативно-розыскной, административной и иных видов деятельности» Е. А. Бравилова обозначает проблему названия протокола изъятия. Из содержания ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД», пишет Е. А. Бравилова, остается неясным, должен ли протокол изъятия составляться должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, «отдельно от проведенного ОРМ (например, проверочной закупки), или он является его частью» [10, с. 43, 44].

Присоединяясь к дискуссии о названии протокола изъятия, составленного при проведении гласного ОРМ, выскажемся по этому вопросу. По нашему мнению, протокол изъятия является частью ОРМ, поэтому его название может совпадать с названием ОРМ. Как следствие составляет протокол следственного действия, название которого совпадает с его названием, так и орган, осуществляющий ОРД, вправе составить протокол изъятия, название которого совпадает с названием гласного ОРМ. Этот вывод вытекает из буквального толкования ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД»: «В случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации»²⁰.

В уголовно-процессуальном законодательстве название протокола не всегда совпадает с названием следственного действия. Речь идет, в частности, о следственном действии «Контроль и запись переговоров». Его нормативная основа: ст. 13, 29, 164–170, 186, п. 8 ч. 2 ст. 213, п. 2 ч. 3 ст. 239 УПК РФ. Аналогом этого следственного действия в ОРД является ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» (п. 10 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД»).

Сущность контроля и записи переговоров в уголовном судопроизводстве «состоит в принятии следователем мотивированного решения об обращении в суд с целью получения судебного решения о проведении контроля и записи телефонных и иных переговоров, а также

¹⁴ О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

¹⁵ Об утверждении Инструкции о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения : приказ МВД России № 840, Минюста России № 320, Минздрава России № 388, Минэкономки России № 472, ГТК России № 726, ФСБ России № 530, ФСП России от 9 ноября 1999 г. № 585 // Новая Аптека. 2000. № 8.

¹⁶ Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. Верховным Советом РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909. Документ утратил силу.

¹⁷ О милиции : Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 (ред. от 27.07.2010) // Ведомости Совета Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503. Документ утратил силу.

¹⁸ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

¹⁹ Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 10.

²⁰ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

в его последующих действиях, направленных на истребование и использование полученных сведений в доказывании»²¹.

Техническое осуществление контроля и записи телефонных и иных переговоров по ходатайству следователя судом поручается уполномоченному органу в соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 186 УПК РФ, которым на практике является оперативное подразделение органа, осуществляющего ОРД. В течение всего срока производства данного следственного действия следователь в любое время вправе истребовать от органа, осуществляющего контроль и запись телефонных и иных переговоров, фонограмму для ее осмотра и прослушивания. Здесь возникает два вопроса:

1. В рамках какой разновидности осмотра следователь должен осмотреть и прослушать фонограмму?

2. Каким будет название протокола, который по окончании прослушивания должен составить следователь?

Название следственного действия «Контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ) позволяет предположить, что протокол будет называться «Протокол контроля и записи переговоров». Однако часть 7 ст. 186 УПК РФ, закрепляющая порядок осмотра и прослушивания фонограммы, позволяет усомниться в высказанном нами предположении о названии протокола следственного действия. Исходя из содержания ч. 7 ст. 186 УПК РФ, название протокола следственного действия может отличаться от его названия и звучать, например, так: «Протокол осмотра и прослушивания фонограммы» [14, с. 72].

Аналогичная ситуация с названием протокола возникает при производстве следственного действия «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка», предусмотренного ст. 185 УПК РФ, аналогом которого в ОРД является ОРМ «Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» (п. 9 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД»). В ходе производства этого следственного действия или после его окончания следователем составляется «Протокол осмотра почтово-телеграфных отправлений» либо «Протокол осмотра и выемки почтово-телеграфных отправлений». Протокол с названием «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка» в деятельности органов предварительного расследования не составляется [15, с. 190–193].

При проецировании изложенных выше рассуждений о названии протокола следственного действия на сферу ОРД становится очевидным, что название протокола изъятия предметов, документов, материалов может не соответствовать названию гласного ОРМ.

Кроме протокола следственного действия, при расследовании уголовного дела следователь вправе составить протокол иного процессуального действия. В качестве примера протокола иного процессуального действия можно привести протокол уничтожения вещественных доказательств, составление которого предусмотрено ч. 2 ст. 82 УПК РФ. Протокол уничтожения вещественных доказательств составляется по решению суда в порядке, установленном Правительством Российской Федерации²², когда по уголовному делу возникает необходимость в уничтожении (ч. 2 ст. 82 УПК РФ):

а) скоропортящихся товаров и продукции, которые пришли в негодность;

б) изъятых из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также предметов, длительное хранение которых опасно для жизни и здоровья людей или для окружающей среды;

²¹ Кальницкий В. В. Указ. соч. С. 35.

²² О порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения (вместе с «Положением о порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения»): постановление Правительства Российской Федерации от 23 августа 2012 г. № 848 (ред. от 23.04.2024) // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4900.

в) изъятых из незаконного оборота товаров легкой промышленности, перечень которых устанавливается Правительством Российской Федерации;

г) изъятых из незаконного оборота табачных изделий, табачной продукции, сырья, никотинсодержащей продукции, никотинового сырья, полуфабрикатов, производственной, транспортной, потребительской тары (упаковки), этикеток, используемых для производства табачных изделий, табачной продукции, сырья, никотинсодержащей продукции и никотинового сырья, а также основного технологического оборудования для производства табачных изделий, табачной продукции, сырья, никотинсодержащей продукции и (или) никотинового сырья, перечень видов которого устанавливается Правительством Российской Федерации;

д) изъятого игрового оборудования, которое использовалось при проведении азартных игр.

Протокол иного процессуального действия составляется при принятии устного заявления о преступлении (ст. 141 УПК РФ); явке с повинной (ст. 142 УПК РФ); наложении ареста на имущество (ч. 8 ст. 115 УПК РФ); ознакомлении с постановлением о назначении судебной экспертизы (ч. 3 ст. 195 УПК РФ); ознакомлении участников уголовного процесса с материалами оконченного производством уголовного дела (ч. 1 ст. 215 УПК РФ) и т. д.

Протокол иного процессуального действия не предназначен для изъятия предметов, документов, материалов в уголовном досудебном производстве, поэтому он не относится к протоколам следственных действий. В этой части уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее составление протокола иного процессуального действия, не распространяется на сферу оперативно-розыскной деятельности и не может использоваться должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, при изъятии предметов, документов, материалов в ходе проведения гласных (для согласованности с названием статьи) ОРМ.

3 **З**аключение

Завершая исследование проблем изъятия предметов, документов, материалов органом, осуществляющим ОРД, в ходе проведения гласных ОРМ, можно сформулировать следующие выводы.

1. Часть 1 статьи 15 ФЗ «Об ОРД» отсылает правоприменителя к порядку составления протокола следственного действия, а не к порядку производства отдельных следственных действий – выемки, обыска, личного обыска, проведение которых образует содержание предварительного расследования. Орган, осуществляющий ОРД, не вправе вместо ОРМ проводить следственные действия [16] в отношении лица, застигнутого на месте или после совершения преступления, и начинать в отношении него уголовное преследование путем производства отдельных следственных действий, направленных на его изобличение.

2. Часть 1 статьи 15 ФЗ «Об ОРД», предоставляющая органу, осуществляющему ОРД, право изъятия предметов, документов, материалов при проведении гласных ОРМ, отсылает правоприменителя к уголовно-процессуальному законодательству, регламентирующему порядок составления протокола следственного, а не иного процессуального действия. Порядок составления протокола следственного действия урегулирован ст. 166 УПК РФ «Протокол следственного действия» и ст. 167 УПК РФ «Удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия».

3. Протокол изъятия предметов, документов, материалов, составленный органом, осуществляющим ОРД, в соответствии с требованиями ст. 166, 167 УПК РФ не противоречит уголовно-процессуальному и оперативно-розыскному законодательству. Протоколы иных процессуальных действий не относятся к протоколам следственных действий, поэтому не могут применяться в сфере ОРД в части изъятия предметов, документов, материалов должностными лицами органов, осуществляющих ОРД, при проведении гласных ОРМ, т. к. не соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам (ст. 89 УПК РФ).

4. В протоколе изъятия предметов, документов, материалов, составленном в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства на основании ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД», подлежат отражению сведения о специалисте, переводчике и понятых. Правовое положение данных участников ОРМ урегулировано ст. 58 (специалист), 69 (переводчик) и 60 (понятой) УПК РФ, нормы которых распространяются на производство ОРД.

5. Протокол изъятия предметов, документов, материалов, составленный должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, является частью ОРМ. Название протокола может соответствовать его названию и быть, например, следующим: а) «Протокол изъятия предметов ОРМ проверочная закупка»; б) «Протокол изъятия документов ОРМ оперативный эксперимент»; в) «Протокол изъятия материалов ОРМ контролируемая поставка».

6. Название протокола может не соответствовать названию гласного ОРМ и содержать в названии только вид изымаемого объекта. В этом случае название протокола изъятия может быть следующим, например: а) «Протокол изъятия предметов», б) «Протокол изъятия документов», в) «Протокол изъятия материалов».

Список источников

1. Петров С. П. О проблеме проведения гласных оперативно-разыскных мероприятий при выявлении и раскрытии преступлений в сфере экономики // Российский следователь. 2022. № 3. С. 50–53.
2. Стельмах В. Ю. Система следственных действий в российском уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 161–166.
3. Полуянова Е. В. Система следственных действий: проблема определения перечня // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 2 (3). С. 30–32.
4. Супрун С. В. Понятие и система неотложных следственных действий // Уголовное право. 2007. № 4. С. 98–102.
5. Киян Ю. В. Следственное действие: понятие и система // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3 (92). С. 158–164.
6. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма : [монография]. Москва : Юрлитинформ, 2001. 208 с.
7. Ануфриева Е. А., Куценко М. В. Проблемы проведения тактической операции «задержание с поличным» по делам о коррупционных преступлениях // Российский следователь. 2016. № 23. С. 10–14.
8. Луговик В. Ф. Фиксация результатов оперативно-розыскной деятельности с помощью следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 1. С. 161–169.
9. Лукинов А. С. Законность обыска и выемки до возбуждения уголовного дела // Законность. 2020. № 7 (1029). С. 50.
10. Бравилова Е. А. Доказательственное значение в уголовном деле предметов и документов, изъятых в ходе осуществления оперативно-разыскной, административной и иных видов деятельности // Вестник Уральского института МВД России. 2017. № 4. С. 41–47.
11. Артемова И. В. Изъятие документов в 2018 году // Советник бухгалтера бюджетной сферы. 2018. № 10. С. 38–49.
12. Себелева Т. А. Конституционные основы права на обжалование. Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 2 (54). С. 66–69.
13. Стельмах В. Ю. Процессуальные аспекты оперативно-розыскного мероприятия «обследование жилища» // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 40–42.
14. Шаталов А. С. Осмотр и прослушивание фонограммы, полученной при производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров: проблемы правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 3. С. 57–74.
15. Ковтун Ю. А., Шевцов Р. М. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления: сущность, основания, процессуальный порядок и проблемные аспекты его производства // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 190–194.
16. Зенкин А. Н. Подмена уголовно-процессуальных действий оперативно-розыскными мероприятиями // Законность. 2017. № 1. С. 61–63.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-172-182>

Вопросы противодействия незаконному обороту янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней

Ольга Александровна Цирит¹, кандидат юридических наук, доцент

Инга Юрьевна Панькина², кандидат юридических наук, доцент

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Калининград (236016, ул. Александра Невского, д. 14), Российская Федерация

¹ olga-39@list.ru, ² iupanjkina@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-5160-2891>, ² <https://orcid.org/0000-0001-8785-2991>

Аннотация:

Введение. Самовольная добыча янтаря на территории Калининградской области довольно частое и распространенное явление, борьба с которым входит в число экономических задач на федеральном уровне. В статье выявлены некоторые особенности лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 191 и 255 УК РФ. Предложены методические рекомендации с использованием ситуационного моделирования при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней в виде сформированной структурированной таблицы.

Методы. В работе использовался всеобщий метод познания – диалектика. Кроме того, в процессе исследования также применялся метод системного анализа, сравнительно-правовой метод, статистический метод, метод исследования документов при изучении правоприменительной практики.

Результаты. Исходя из проанализированной судебной практики были сформированы портреты личности преступников, занимающихся незаконной добычей янтаря и незаконным оборотом золота, что позволило проследить выбор судов в части назначения наказания. Установлено, что по-прежнему остается открытой проблема невосполнимости экологического ущерба от совершаемых преступлений ввиду невозможности назначения штрафных санкций из-за низкого благосостояния преступника. Кроме того, была построена типовая информационная модель, включающая в себя три основных информационных блока: «предкриминальная ситуация», «собственно криминальная ситуация», «посткриминальная ситуация», т. к. к изучению различных стадий совершения незаконного оборота и добычи янтаря, нефрита или иных полудрагоценных ресурсов следует подходить с учетом ситуационного подхода, позволяющего выявить недостающую информацию при расследовании преступлений.

Ключевые слова:

незаконный оборот, янтарь, личность преступника, ситуационный подход

Для цитирования:

Цирит О. А., Панькина И. Ю. Вопросы противодействия незаконному обороту янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 172–182. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-172-182>.

Статья поступила в редакцию 16.07.2024;
одобрена после рецензирования 27.12.2024;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Issues of countering the illegal trafficking of amber, jade and other semiprecious stones

Olga A. Tsirit¹, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Inga U. Pankina², Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Immanuel Kant Baltic Federal University

14A, Aleksandra Nevskogo str., Kaliningrad, 236016, Russian Federation

¹ olga-39@list.ru, ² iupanjkina@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-5160-2891>, ² <https://orcid.org/0000-0001-8785-2991>

© Цирит О. А., Панькина И. Ю., 2025

Abstract:

Introduction. *Unauthorised extraction of amber in the Kaliningrad region is a fairly common and widespread phenomenon, the fight against that is one of the economic tasks at the federal level. The article identifies some features of persons who have committed crimes under Articles 191 and 255 of the Criminal Code of the Russian Federation. Methodological recommendations are proposed using situational modeling in the investigation of crimes related to the illicit trafficking of amber, jade or other semiprecious stones in a formalised structured table.*

Methods. *The universal method of cognition, dialectics was used in the work. In addition the method of system analysis, the comparative legal method, the statistical method and the method of document research in the study of law enforcement practice were also used in the research process.*

Results. *Based on the analysed judicial practice, personality portraits of criminals involved in illegal amber mining and gold trafficking were formed, which made it possible to trace the choice of courts in terms of sentencing. It has been established that the problem of the irreplaceability of environmental damage from crimes remains open due to the impossibility of imposing penalties due to the low welfare of the offender. In addition a standard information model was built that includes three main information blocks: "pre-criminal situation", "actual criminal situation" and "post-criminal situation", since the study of various stages of illicit trafficking and extraction of amber, jade or other semiprecious resources should be approached taking into account a situational approach that allows identifying missing information in the investigation of crimes.*

Keywords:

illicit trafficking, amber, criminal's identity, situational approach

For citation:

Tsirit O. A., Pankina I. U. Issues of countering the illegal trafficking of amber, jade and other semiprecious stones // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 172–182. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-172-182>.

The article was submitted July 16, 2024; approved after reviewing December 27, 2024; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

В основу структуры экономического развития и безопасности любого государства входят обеспечение и сохранность стратегических ресурсов, включая полудрагоценные и драгоценные металлы и камни. В условиях политического и экономического кризиса именно материальным ресурсам отводится роль гаранта стабильности. На территории Российской Федерации выявлены месторождения практически всех известных на Земле видов полезных ископаемых. По запасам и добыче золота, серебра, платиноидов, алмазов, апатитовых руд, калийных солей и некоторых других видов полезных ископаемых Россия входит в число мировых лидеров. В настоящее время на федеральном уровне Правительством Российской Федерации утверждена Стратегия развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года¹. Особое внимание обращено на необходимость консолидации усилий законодательных и исполнительных органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, научного, научно-образовательного и предпринимательского сообществ (включая малый и средний бизнес) по формированию благоприятного правового, инвестиционного и делового климата, обеспечению необходимого технологического и кадрового потенциалов. В свою очередь на региональном уровне также ведется работа по обеспечению экономического потенциала. В Калининградской области разработана Стратегия развития янтарной отрасли Российской Федерации на период до 2025 года². При исчерпании запасов янтарного камня за счет активной легальной и нелегальной добычи и его реализации на рынке, повышенного спроса со стороны иностранных граждан, ценность янтаря возросла, и вновь появилась необходимость его повышенной защиты. Так, например, для представителей Китая янтарь имеет особую ценность, 30 % всех транзакций приходится на покупку окаменевшей смолы³. В действующих социально-экономических реалиях обусловлена повышенная необходимость уголовно-правовой защиты янтарной отрасли и иных подобных отраслей, связанных с запасами минерально-сырьевой базы и легальными способами их реализации, учитывая, что научное сообщество активно поддерживает вопросы разработки превентивных мер и внесение изменений в законодательство [1, с. 122].

В конце 2019 года в Уголовный кодекс Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ) были внесены изменения, предусматривающие ответственность за самовольную добычу янтаря,

¹ Об утверждении Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2018 г. № 2914-р // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2018. № 53 (ч. II). Ст. 8762. Документ утратил силу.

² Об утверждении Стратегии развития янтарной отрасли Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2017 г. № 1966-р // СЗ РФ. 2017. № 39. Ст. 5715.

³ Янтарь оказался самым востребованным товаром у китайских туристов // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/business/07/10/2019/5d974c589a794795ea5afdd5> (дата обращения: 12.07.2024).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

нефрита или иных полудрагоценных камней (ч. 2 и ч. 3 ст. 255 УК РФ) и незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней (ст. 191 УК РФ). Однако конструирование норм по преюдициальному признаку породило ряд недочетов в области юридической техники, в последующем влияющих на правоприменительную практику. Сторонники административной преюдиции считают ее малоизученной и концептуально неразработанной, что, естественно, вызывает серьезные сложности при применении на практике таких составов преступлений [2, с. 59]. Большинство исследователей не отрицают существования данного института, но видят необходимость его усовершенствования [3, с. 11]. Вместе с тем, несомненно, для единообразного толкования требуются и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, позволяющие соблюдать единый подход при применении соответствующих уголовно-правовых норм [4, с. 91].

Методы

Исследование опиралось на всеобщий метод познания – диалектику. Кроме того, в процессе исследования также применялись метод системного анализа, сравнительно-правовой метод, статистический метод, метод исследования документов при изучении правоприменительной практики.

Результаты

С момента внесенных изменений в 2019 году до настоящего времени сформировалась определенная судебная практика. Авторами было проанализировано более 160 судебных актов, принятых судами в пяти субъектах Российской Федерации: Калининградская область, Свердловская область, Иркутская область, Забайкальский край, Республика Бурятия на предмет наличия приговоров по ст. 191 и 255 УК РФ. Выбор регионов связан непосредственно с географической характеристикой основных месторождений янтаря, нефрита или иных полудрагоценных или драгоценных камней и металлов. В результате сформирована таблица, демонстрирующая количество обвинительных приговоров за период с 2020 по 2023 год.

Таблица 1

Количественный анализ обвинительных приговоров за 2020–2023 гг.

Table 1

Quantitative analysis of convictions for 2020–2023

Обвинительный приговор	Статьи Уголовного кодекса Российской Федерации						
	Статья 255		Статья 191				
	ч. 2	ч. 3	ч. 1	ч. 2	ч. 3	ч. 4	ч. 5
Количество	13	–	1	5	–	25	4

Проанализировав все имеющиеся на данный момент 13 приговоров по ч. 2 ст. 255 УК РФ на территории Калининградской области, можно отметить сложившуюся позицию судов в части назначения наказания. В каждом из изученных приговоров назначено наказание в виде обязательных работ. Максимальный объем обязательных работ составляет 480 часов, исходя из санкции статьи, нижний предел в рассмотренных приговорах составил 200 часов, в остальных случаях назначалось преимущественно 400, 460 или 480 часов обязательных работ.

В первом случае суд при назначении обязательных работ на срок 200 часов в отношении В. и аналогично в отношении П. руководствовался положительной характеристикой подсудимых и наличием смягчающих обстоятельств⁵. Подсудимые П. и В. ранее не судимы, на учетах у врачей нарколога и психиатра не состоят, по месту жительства характеризуются положительно,

⁵ Приговор Светлогорского городского суда Калининградской области от 15 декабря 2020 г. по делу № 1-140/2020 // Светлогорский городской суд Калининградской области : [официальный сайт]. URL: <http://svetlogorsky.kln.sudrf.ru/> (дата обращения: 11.07.2024).

иждивенцев не имеют и неженаты. Учтено смягчающее обстоятельство, а именно, способствование расследованию преступления. Отягчающим наказанием подсудимых обстоятельством, в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ, суд признает совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору. Учитывая всю совокупность обстоятельств, по сравнению с остальными приговорами по аналогичным делам конкретно в данном случае судом назначено довольно мягкое наказание.

Во втором примере подсудимому Г. назначены обязательные работы на срок 460 часов, а подсудимому М. – 400 часов⁶. Как и в предыдущем судебном решении, подсудимые положительно характеризуются, имеют идентичное социальное положение, а также способствовали активному раскрытию преступления. Единственным отличием выступает наличие на иждивении малолетнего ребенка у подсудимого М. К числу отягчающих обстоятельств аналогично отнесен факт совершения преступления в составе группы лиц по предварительному сговору.

В приведенных примерах с учетом практически одинаковых наборов данных мы столкнулись с разной оценкой судьями обстоятельств, что повлияло на выбор пределов назначенного наказания, однако четко прослеживается позиция судов в части выбора вида наказания – обязательные работы.

Поднимая проблему неизбежного экологического ущерба при незаконной добыче (размер причиненного материального ущерба составляет довольно крупные суммы: в 2021 году – 6,5 млрд руб., в 2020 – 3,2 млрд руб., в 2019 – 3,6 млрд руб. [5, с. 108]), очевидно должна быть возможность его частичного восполнения за счет штрафных санкций, однако на практике это неприменимо. Одной из причин, на наш взгляд, является определенным образом сложившаяся характеристика личности преступника в янтарной отрасли, сформированная на основе имеющихся приговоров в настоящий момент. Среди социально-демографических признаков выделяются следующие: 100 % – мужчины выступают в качестве субъекта незаконной добычи янтаря; во всех случаях субъекты не ведут трудовую деятельность за исключением одного случая; образование получено в объеме 7 классов, 9 классов, 11 классов или специальное. Заметим, что нет ни одного случая, свидетельствующего о наличии высшего образования. В 8 из 15 случаев у субъектов имеются на иждивении несовершеннолетние дети. Среди уголовно-правовых признаков замечено, что основная доля лиц ранее не судима, однако привлекалась к административной ответственности по ст. 7.5 КоАП РФ, поскольку уголовно-правовые нормы построены по преюдициальному признаку. Лишь в одном случае на момент совершения инкриминированного преступного деяния субъект преступления имел непогашенную ранее судимость за совершение аналогичного преступления по ч. 2 ст. 255 УК РФ. В трех из 12 случаев установлен групповой характер совершения преступления. Оценивая нравственно-психологические признаки, к которым можно отнести вину, в 14 из 15 случаев субъектами была признана вина в совершении преступления и подано ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в соответствии с положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁷.

Таким образом, мы можем определить черты личности преступника в сфере незаконной добычи янтаря, которые свидетельствуют о неблагоприятном социально-экономическом положении лиц, в связи с чем применение штрафных санкций в указанных случаях не будет иметь смысла в силу невозможности их выплаты. Суды исходят из того, что другие меры наказания не могут быть применены, т. к. они не достигнут цели восстановления социальной справедливости и исправления осужденного, а также предупреждения совершения новых преступлений. Только в одном случае, когда субъектом повторно совершено аналогичное преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 255 УК РФ, судом было назначено лишение свободы

⁶ Приговор Зеленоградского районного суда Калининградской области от 4 февраля 2021 г. по делу № 1- 14/2021 // Зеленоградский районный суд Калининградской области : [официальный сайт]. URL: <http://zelenogradsky.kln.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

условно с испытательным сроком 3 года⁸.

Совершенно иначе можно охарактеризовать личность преступника в сфере незаконного оборота драгоценных металлов, а именно, золота, которое чаще всего выступает предметом преступления. Устойчивым социально-демографическим признаком является совершение данного преступления преимущественно мужчинами: из 37 случаев только 1 пришелся на личность преступника женского пола. Около 43 % преступников трудоустроены и имеют официальный доход. Семейное положение – 32 % состоят в браке, однако допускается и наличие неполных семей, поскольку в 62 % случаев установлено наличие иждивенцев, среди которых чаще всего малолетние и несовершеннолетние дети, гораздо реже – престарелые родители. Оценить общий уровень образования данной категории преступников довольно сложно, поскольку имеется широкий разброс, начиная от среднего общего образования и заканчивая высшим, либо же в приговорах судов не указывается эта информация. Переходя к оценке уголовно-правовых признаков, можно отметить, что уровень рецидива преступления невысок, лишь в двух из 37 случаев наличествовала непогашенная судимость: в одном случае за незаконный оборот наркотических средств по ст. 228¹ УК РФ, в другом – за управление транспортным средством в состоянии опьянения по ст. 264¹ УК РФ. Также установлено, что вместе с совершением незаконного оборота золота в совокупности совершались такие преступления, как незаконное хранение или сбыт оружия (ст. 222 УК РФ) или кража (ст. 158 УК РФ). С позиции субъективных признаков следует отметить, что в 100 % случаев была признана вина с последующим раскаянием в содеянном преступлении. Оценивая нравственно-психологическое состояние, в целом можно утверждать, что данная категория преступников имеет устойчивую здоровую психику, что подтверждается отсутствием учета в психоневрологических и наркологических диспансерах, адекватным поведением в судебном процессе.

Исходя из вышеизложенного, личность преступника, осуществляющего незаконный оборот золота, имеет более устойчивые социальные признаки, связанные с осуществлением трудовой деятельности, наличием образования различных уровней, включая высшее, наличием иждивенцев, тем самым отличаясь от социального положения личности преступника в янтарной отрасли, для которого чаще характерно отсутствие трудовой деятельности и низкий уровень образования. Принимая во внимание совокупность данных, характеризующих личность преступника, судами в первом случае назначается более строгое наказание. Например, Березовским городским судом Свердловской области за совершение незаконной сделки с золотом в крупном размере по ч. 4 ст. 191 УК РФ М. было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 8 месяцев. В соответствии со ст. 53¹ УК РФ наказание в виде лишения свободы заменено принудительными работами на срок 8 месяцев с удержанием 5 % заработка в доход государства. При назначении наказания судом учитывались данные о личности М.: подсудимый женат, проживает с супругой, несовершеннолетних детей не имеет, участковым уполномоченным полиции характеризуется удовлетворительно, жалоб на него не поступало, в быту зарекомендовал себя положительно, не судим⁹.

Во втором примере Бодайбинским городским судом Иркутской области за незаконное хранение золота и серебра в крупном размере с целью дальнейшей передачи неустановленному лицу, квалифицируемое по ч. 4 ст. 191 УК РФ, Т. было назначено наказание в виде двух лет лишения свободы со штрафом в размере 100 000 рублей. В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное наказание в виде лишения свободы считать условным с испытательным сроком два года. Поскольку дополнительное наказание в виде штрафа в санкции ст. 191 УК РФ не является обязательным, то суд в приговоре должен привести основания его назначения. Мотивированное обоснование назначения штрафа заключалось в возможности получения

⁸ Приговор Зеленоградского районного суда Калининградской области от 27 октября 2022 г. по делу № 1-95/2022 // Зеленоградский районный суд Калининградской области : [официальный сайт]. URL: <http://zelenogradsky.kln.sudrf.ru> (дата обращения: 10.07.2024).

⁹ Приговор Березовского городского суда Свердловской области от 4 июля 2022 г. по делу № 1-70/2022 // Березовский городской суд Свердловской области : [официальный сайт]. URL: <http://berezovsky.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 12.07.2024).

подсудимым заработной платы или иного дохода. В частности, судом указано, что Т. не признан инвалидом какой-либо группы вследствие травм или общих заболеваний, в связи с чем является трудоспособным гражданином. Наряду с этими обстоятельствами наличие у подсудимого образования и значительного опыта трудовой деятельности, дает ему возможность трудиться и получать доход, необходимый для оплаты штрафа. Приговором суд обязал осужденного Т. в определенный срок до конкретной даты трудоустроиться. Из сведений о личности Т. следует, что он длительное время проживает в одном месте, не женат, имеет малолетнего ребенка – дочь, не работает, ранее не судим¹⁰.

В третьем примере Северобайкальским городским судом Республики Бурятия за аналогичное преступление П. назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы со штрафом в размере 200 000 рублей. На основании ст. 73 УК РФ наказание в виде лишения свободы считать условным, с испытательным сроком 2 года. Описывая личность подсудимого, суд учитывает, что П. характеризуется по месту жительства положительно, имеет семью, двух несовершеннолетних детей, его супруга беременна, он работает, на учете у врачей психиатра и нарколога не состоит¹¹.

Исходя из проанализированной судебной практики, были сформированы портреты личности преступников, занимающихся незаконной добычей янтаря и незаконным оборотом золота, что позволило проследить выбор судов в части назначения наказания. Так, по-прежнему остается открытой проблема невосполнимости экологического ущерба от совершаемых преступлений (образование «лунных пейзажей», заболачивание почвы), ввиду невозможности назначения штрафных санкций из-за плохого материального положения преступника. При этом уровень экологического благосостояния и правового регулирования оборота природных ресурсов, а также социального развития общества являются взаимозависимыми категориями, о чем утверждают ученые, специализирующиеся на изучении экологических проблем с позиции уголовно-правового регулирования [6, с. 158; 7, с. 19]. Обращаясь к социальным факторам, надо отметить, что, янтарь по-прежнему является единственным источником дохода для «черных копателей» [8, с. 108], что приводит к негативным экологическим последствиям.

Помимо рассмотренной судебной стадии, особую роль играет стадия расследования преступлений, предусмотренных ст. 191, 255 УК РФ. Как известно, цепочка незаконного оборота янтаря, нефрита, полудрагоценных, драгоценных камней и металлов чаще всего начинается с добычи как первоначального этапа оборота. Однако анализ криминального рынка нефрита на территории Иркутской области и Республики Бурятия показывает, что виновные осуществляют весь цикл действий, связанных с добычей, оборотом и контрабандой указанных предметов в КНР [9, с. 9]. На этом этапе наблюдается проблема существования высокоорганизованной преступности, поскольку для реализации рассматриваемых преступлений требуется консолидация усилий [10, с. 139]. В связи с этим рядом авторов ранее уже было предложено выделить отдельный квалифицирующий признак – самовольная добыча янтаря организованной группой [11, с. 63; 12, с. 67].

Поскольку статьи 191 и 255 УК РФ являются довольно новым инструментом в борьбе с рассматриваемой категорией преступлений, методические рекомендации при расследовании данных видов преступлений отсутствуют. Учитывая актуальность исследования как для Калининградской области, так и для других субъектов Российской Федерации, следует обратиться к научной школе Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта «Криминалистическая ситуалогия» под руководством профессора Т. С. Волчецкой¹². Ситуационный подход предполагает ситуационное мышление, т. е. необходимо осознать и проанализировать

¹⁰ Приговор Бодайбинского городского суда Иркутской области от 24 мая 2022 г. по делу № 1-56/2022 // Бодайбинский городской суд Иркутской области : [официальный сайт]. URL: <http://bodaybinsky.irk.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).

¹¹ Приговор Северобайкальского городского суда Республики Бурятия от 28 апреля 2022 г. по делу № 1-81/2022 // Северобайкальский городской суд Республики Бурятия : [официальный сайт]. URL: <http://severobaikalsky.bur.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).

¹² Научная школа криминалистической ситуалогии // Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта : [сайт]. URL: <https://kantiana.ru/science/nauchnye-podrazdeleniya/nauchnaya-shkola-kriminalisticheskoy-situaologii/> (дата обращения: 12.07.2024).

ситуацию – бытовую, производственную, криминальную, юридически значимую. В теории суть ситуационного подхода состоит в том, чтобы выделить типовые производственные ситуации и разработать для них наилучшие типовые решения¹³ [13, с. 17; 14, с. 115].

Особенности использования ситуационного моделирования при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, целесообразно рассмотреть комплексно и поэтапно путем формирования структурированной таблицы.

Модель криминальной ситуации преступной добычи и оборота янтаря содержит свой набор элементов, характеризующих структуру конкретно двух составов преступлений, предусмотренных ст. 191, 255 УК РФ. При выборе элементов рассматриваемой модели криминальной ситуации важно учитывать такие параметры, как:

– специфика вида преступления (экологическое и экономическое одновременно по своей природе);

– наличие существенно важных элементов именно для данных видов преступлений, хотя они вовсе могут отсутствовать в структуре иных видов преступлений.

Исходя из этого, сформированы следующие типовые блоки модели преступлений, связанных с незаконным оборотом и добычей янтаря:

- 1) информация о месте совершения преступления;
- 2) информация о личности преступника (преступной группе);
- 3) информация о времени преступления;
- 4) информация о способе совершения преступления;
- 5) информация об обстановке преступления;
- 6) информация о предмете посягательства;
- 7) информация о мотиве и цели.

Учитывая данные блоки, была построена типовая информационная модель, включающая в себя три основных информационных блока: «предкриминальная ситуация» (таблица 2), собственно «криминальная ситуация» (таблица 3), «посткриминальная ситуация» (таблица 4).

Таблица 2

Предкриминальная ситуация

Table 2

Pre-criminal situation

Информация о месте	<p>1. Информация о территории, на которой осуществляется подготовка к добыче янтаря:</p> <ul style="list-style-type: none"> – вид территории: суша или акватория Балтийского моря; – естественное месторождение или место промышленной разработки; – площадь этой территории и географические координаты (например: в районе поселков Надеждино и Синявино, Зеленоградский, Светлогорский и Светловский районы). <p>2. Информация о наличии или отсутствии лицензии, позволяющей осуществлять добычу, в которой обозначаются границы территории для добычи.</p>
Информация о личности преступника	<p>Информация об анкетных данных и совокупности криминологических признаков:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, семейное положение, профессиональная и трудовая деятельность); 2) нравственно-психологические признаки* (мотивация преступного поведения, отношение к нормам морали, интересы и т. д.); 3) уголовно-правовые признаки** (информация о привлечении к административной или уголовной ответственности).

¹³ Волчецкая Т. С., Осипова, Е. В. Криминологическое моделирование в уголовном судопроизводстве : учебное пособие. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020. С. 11.

Окончание таблицы 2

End of table 2

Информация о соучастниках	Учет криминологической классификации при организованной преступности в янтарной отрасли: – «копатели-любители» (2–6 человек, непостоянство группы, добыча янтаря – не основной источник доходов, выступает в качестве хобби, наиболее редко встречаемая группа); – «копатели-профессионалы» (2–7 человек, профессиональное техническое оснащение или специально переоборудованные средства, добыча янтаря – один из основных видов деятельности и источников доходов); – «преступный янтарный синдикат» (высоко организованное преступное сообщество, деятельность связана не только с добычей янтаря, но и его реализацией на международном рынке, что может попадать под признаки контрабанды); – «дайверы-любители» (используют как профессиональные, так и переоборудованные средства добычи); – «водолазы-профессионалы» (используют профессиональное водолазное оборудование, добыча осуществляется на наиболее сложных участках) [15, с. 38].
Информация о мотиве и цели	1. Информация об умысле на осуществление самовольной добычи янтаря: – конкретизированный (планирование сделки на конкретную сумму); – неконкретизированный (планирование добычи янтаря в неопределенном количестве). 2. Информация о мотиве (резкая популярность янтаря и рост цен на сделки, что спровоцировало желание получить денежные средства).
Информация о времени	1. Информация о времени совершения действий, направленных на подготовку к совершению преступления (дневное, вечернее, ночное). Информация о временной продолжительности подготовки: – в течение нескольких часов (например, не менее 1 часа занимает установка оборудования на морском дне); – в течение нескольких суток (например, сооружение котлована занимает не менее двух суток). 2. Информация о днях недели (выходные, праздничные дни, будние дни).
Информация о способе подготовки	1. Информация о переоборудовании или изготовлении средств добычи: самодельные мотопомпы, встроенные в автомобили или в моторные лодки, выполняющие роль насоса, присоединение водометных улиток к подвесному двигателю моторной лодки, сооружение конструкций, подающих воду из пожарных рукавов, металлических штанг (труб) и шлангов. 2. Информация о наличии или отсутствии дополнительных средств добычи: водолазное оборудование для погружения под воду, подводный буксировщик, позволяющий аквалангисту преодолевать большие расстояния, сачки, лопаты, сетки. 3. Информация о подготовке к перевозке и хранению: изготовление тайников, поиск мест временного хранения после добычи и перевозки (багажник, бардачок, шины, топливные баки), подготовка фиктивных контрактов, недостоверных таможенных документов с целью пересечения границ. 4. Информация о потенциальных рынках сбыта янтаря: интернет-площадки по покупке и продаже янтаря, конкретные юридические лица, использующие фиктивную документацию.
Информация об обстановке до совершения преступления	1. Информация о гидрометеорологических условиях (колебания уровня Балтийского моря, направление течения, направление и скорость ветра). 2. Информация о туристическом сезоне (количество иностранных туристов в регионе, национальный состав туристических групп).

Окончание таблицы 3

End of table 3

Информация о предмете посягательства	Масса, цвет, форма, наличие или отсутствие органических включений, прозрачность и т. д.
Примечания:	* Например, профессия водолаза относится к числу профессий с особо вредными и особо тяжелыми условиями труда и всегда связана с риском, в связи с чем поведение, основанное на риске, в целом характерно для преступника в янтарной отрасли.
	** В данном случае важно учитывать ранее привлечение к административной ответственности по ст. 7.5 КоАП РФ, поскольку ч. 1 ст. 191 и ч. 2. ст. 255 УК РФ построены по преюдициальному признаку.

Таблица 3

Криминальная ситуация

Table 3

Criminal situation

Информация о месте	1. Информация о территории, на которой добывается янтарь: – вид территории: суша или акватория Балтийского моря; – естественное месторождение или место промышленной разработки; – площадь этой территории и географические координаты (например: в районе поселков Надеждино и Синявино, Зеленоградский, Светлогорский и Светловский районы). 2. Информация о наличии или отсутствии лицензии, позволяющей осуществлять добычу, в которой обозначаются границы территории для добычи.
Информация о личности преступника	Информация об анкетных данных и совокупности криминологических признаков: 1) социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, семейное положение, профессиональная и трудовая деятельность); 2) нравственно-психологические признаки (мотивация преступного поведения, отношение к нормам морали, интересы и т. д.); 3) уголовно-правовые признаки (информация о привлечении к административной или уголовной ответственности).
Информация о соучастниках	1. Информация об анкетных данных и совокупности криминологических признаков каждого отдельно взятого соучастника. 2. Количество соучастников, роль каждого в процессе и характер действий.
Информация о времени	1. Информация о времени совершения действий по добыче и обороту янтаря: дневное, вечернее, ночное (например, добыча в акватории Балтийского моря преимущественно в ночное время). 2. Информация о временной продолжительности по добыче в течение: – нескольких часов; – нескольких суток; – месяцев. 3. Информация о днях недели (выходные, праздничные дни, будние дни).
Информация о способе совершения	1. Информация о способах добычи янтаря: – сооружение котлованов (при помощи лопаты, экскаватором или иными средствами); – размывание почвы; – вылов янтаря на дне Балтийского моря при помощи водолазного оборудования.

Окончание таблицы 4

End of table 4

	2. Информация о способах совершения незаконного оборота: – совершение сделок в устной и письменной форме; – перевозка (при пересечении таможенных границ используются нательные тайники, спрятанные в одежде); – хранение; – пересылка (посредством почтового отправления, посылки, отправки багажа с использованием средств почтовой связи, воздушного или другого вида транспорта).
Информация об обстановке во время совершения преступления	1. Информация о гидрометеорологических условиях. 2. Информация о психологической обстановке (например, выполнение или же отсутствие специальных оперативно-профилактических мероприятий во время незаконной добычи, продолжительность и качество проверки на таможенных границах, что повлияет на возможность или отсутствие сокрытия следов преступления).
Информация о предмете посягательства	Масса, цвет, форма, наличие или отсутствие органических включений, прозрачность и т. д.

Таблица 4

Посткриминальная ситуация

Table 4

Post-criminalsituation

Информация о личности	Информация об анкетных данных и совокупности криминологических признаков: 1) социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, семейное положение, профессиональная и трудовая деятельность); 2) нравственно-психологические признаки (мотивация преступного поведения, отношение к нормам морали, интересы и т. д.); 3) уголовно-правовые признаки (информация о привлечении к административной или уголовной ответственности).
Информация о соучастниках	1. Информация об анкетных данных и совокупности криминологических признаков каждого отдельно взятого соучастника. 2. Количество соучастников, роль каждого в процессе и характер действий.
Информация о следовой картине	Информация о последствиях от совершения преступления: – след в экосистеме (например: появление метровых углублений в почве); – информационный цифровой след (например: факт обсуждения условий сделки в мессенджерах в виде переписки между сбытчиком янтаря и его покупателем, перевод денежных средств на счета); – документальный след (например: внесенные изменения в локальные документы предприятия).
Информация о последствиях	1. Характер изменений в экосистеме (заболачивание почвы, образование «лунного пейзажа». 2. Размер причиненного ущерба.
Информация о предмете	Масса, цвет, форма, наличие или отсутствие органических включений, прозрачность и т. д.*
Примечание -	* Это поможет определить категорию янтаря, а также его ценность и стоимость, что важно для квалификации. Например, уникальные янтарные образования будут являться уже не полудрагоценными камнями, а драгоценным камнем исходя из своих характеристик. Соответственно, квалификация существенно изменится с ч. 1 ст. 191 УК РФ на ч. 4 ст. 191 УК РФ.

3 заключение

В ходе исследования, исходя из проанализированной судебной практики, были сформированы портреты личности преступников, занимающихся незаконной добычей янтаря и незаконным оборотом золота, что позволило проследить выбор судов в части назначения наказания. Установлено, что по-прежнему остается открытой проблема невосполнимости экологического ущерба от совершаемых преступлений ввиду невозможности назначения штрафных санкций из-за низкой благосостояния преступников. Кроме того, была построена типовая информационная модель, включающая в себя три основных информационных блока: «предкриминальная ситуация», «собственно криминальная ситуация», «посткриминальная ситуация», т. к. к изучению различных стадий совершения незаконного оборота и добычи янтаря, нефрита или иных полудрагоценных ресурсов следует подходить с учетом ситуационного подхода, позволяющего выявить недостающую информацию при расследовании преступлений.

Список источников

1. Волчецкая Т. С., Малевски Г. М., Ренер Н. А. Проблемы развития янтарной отрасли и противодействие незаконному обороту янтаря в балтийском регионе // Балтийский регион. 2017. Т.9, № 4. С. 114–128. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-6>.
2. Малков В. П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 58–64.
3. Вишнякова Н. В. Преступления с административной преюдицией: проблемы законодательного и правоприменительного характера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 5–12.
4. Котова А. А. К вопросу об уголовной ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней // Евразийская адвокатура. 2021. № 3 (52). С. 88–92. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2021_52_3_88.
5. Капинус О. С. Экологические преступления: проблемы уголовной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 107–112. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-107-112>.
6. Забавко Р. А. Уголовная политика в области охраны окружающей природной среды: правовое регулирование и реализация / Актуальные вопросы прокурорской деятельности: 300 лет на страже российской государственности : материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Иркутск, 30 октября 2021 г. / отв. ред. О. В. Горбач. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. С. 158–161.
7. Редникова Т. В. Противодействие экологическим преступлениям в Российской Федерации: новеллы правового регулирования // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 3. С. 18–25.
8. Колесников С. И. Оперативно-розыскная характеристика незаконного оборота янтаря: от нелегальной добычи до сбыта // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 103–109. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2022-262-103-109>.
9. Забавко Р. А., Рогова Е. В. Особенности ответственности за незаконные добычу и оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней // Мировой судья. 2021. № 3. С. 8–13.
10. Забавко Р. А. Уголовная ответственность за незаконные добычу и оборот янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 8А. С. 131–142. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.33.76.018>.
11. Миненок М. Г., Миненок М. М., Подгорный Н. А. Янтарное производство в России: криминологические и уголовно-правовые аспекты // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4 (31). С. 56–67.
12. Демчук С. Д., Кокошин И. М. Совершенствование правового регулирования уголовной ответственности за незаконный оборот полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней и жемчуга // Законодательство. 2021. № 6. С. 63–70.
13. Волчецкая Т. С. Криминологическая ситуалогия : монография / под ред. Н. П. Яблокова. Калининград : Калининградский государственный университет, 1997. 248 с.
14. Осипова Е. В. Ситуационный подход в расследовании экологических преступлений // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 112 – 121. <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2019-2-222-112-121>.
15. Зиберова О. С. Отдельные вопросы противодействия незаконной добыче янтаря // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (51). С. 36–40.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 343.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-183-193>

Методологические проблемы аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны в контексте содержания традиционных духовно-нравственных ценностей

Филипп Викторович Чирков, кандидат юридических наук, доцент

Адыгейский государственный университет
Майкоп (385000, ул. Первомайская, д. 208), Российская Федерация
Fil-chirkov@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-1229-0741>

Аннотация:

Введение. Реализация уголовной политики в области охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей требует совершенствования методологических оснований аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны, в том числе ответа на вопросы: «Почему тот или иной объект должен охраняться?», «В чем именно состоит охраняемый интерес или благо?», «В чем заключается его ценностное для общества содержание?». Такая интерпретация призвана раскрыть подлинную составляющую защищенных правовых благ на основе учета культурно-цивилизационных особенностей российского общества и государства.

Методы. В работе применялись методы научного познания: сравнительно-правовой, комплексного анализа, обобщения.

Результаты. Смысл аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны состоит в том, чтобы на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей выявить такое содержание прав и свобод человека (сами по себе признаются высшей конституционной ценностью), которое способствовало бы раскрытию человеческого потенциала в обществе в интересах гармоничного и безопасного общежития всех людей, избегая при этом крайностей, заданных универсализмом и релятивизмом, индивидуализмом и этатизмом, демонстрируя справедливый баланс интересов отдельной личности и государства, свободы и безопасности, возможностей и ответственности. Если та или иная возможность человеческого поведения идет вразрез с традиционными ценностями, она не может восприниматься в качестве компонента содержания прав и свобод, следовательно, и не может претендовать на статус правоохраняемого блага.

Ключевые слова:

методология уголовного права, аксиология уголовного права, традиционные духовно-нравственные ценности, права человека, безопасность, этатизм, либерализм

Для цитирования:

Чирков Ф. В. Методологические проблемы аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны в контексте содержания традиционных духовно-нравственных ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 183–193. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-183-193>.

Статья поступила в редакцию 12.10.2024;
одобрена после рецензирования 09.03.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Methodological problems of axiological interpretation of objects of criminal law protection in the context of the content of traditional spiritual and moral values

Philip V. Chirkov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Adyghe State University
208, Pervomayskaya str., Maykop, 385000, Russian Federation
Fil-chirkov@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-1229-0741>

© Чирков Ф. В., 2025

Abstract:

Introduction. *The implementation of criminal policy in the field of protection of traditional Russian spiritual and moral values requires improvement of methodological foundations of axiological interpretation of objects of criminal law protection, including the answer to the questions: "Why should this or that object be protected?", "What exactly is the protected interest or benefit?", "What is its content of value for society?". This interpretation is designed to reveal the true component of protected legal benefits on the basis of considering the cultural and civilisational features of Russian society and the state.*

Methods. *The methods of scientific cognition were applied: comparative-legal one, complex analysis, generalisation.*

Results. *The meaning of axiological interpretation of the objects of criminal law protection is to identify, on the basis of traditional Russian spiritual and moral values, the content of human rights and freedoms (themselves being recognised as the highest constitutional value), which would contribute to the development of human potential in society in the interests of harmonious and safe living of all people, while avoiding extremes set by universalism and relativism, individualism and etatism, demonstrating a fair balance of interests of an individual and the state, freedom and security, opportunity and responsibility. If this or that possibility of human behaviour is contrary to traditional values, it cannot be perceived as a component of the content of rights and freedoms, therefore, it cannot claim the status of a legally protected good.*

Keywords:

methodology of criminal law, axiology of criminal law, traditional spiritual and moral values, human rights, security, etatism, liberalism

For citation:

Chirkov F. V. Methodological problems of axiological interpretation of objects of criminal law protection in the context of the content of traditional spiritual and moral values // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 183–193. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-183-193>.

**The article was submitted October 12, 2024;
approved after reviewing March 9, 2025;
accepted for publication March 20, 2025.**

Введение

Аксиологическая интерпретация объектов уголовно-правовой охраны выступает, пожалуй, одним из наиболее значимых направлений научно-исследовательской деятельности, направленной на приведение российской уголовной политики и уголовного права в соответствие с основными направлениями политики в области защиты традиционных духовно-нравственных ценностей.

Помимо собственно интерпретационных, содержательных проблем, эта деятельность сложна еще и тем, что соответствующая интеллектуальная рефлексия должна быть лишена эмоций, политических и идеологических пристрастий, опираться на надежный методологический фундамент и приводить к получению верифицируемых результатов, которые могли бы быть положены в основу принятия конкретных правотворческих и правоприменительных решений.

В таких условиях вопросы научной методологии аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны приобретают первостепенное значение, в связи с чем аксиологический метод уголовно-правовых исследований закономерно выходит на передний край отраслевой науки.

Методы

Сущность аксиологического метода исследования и толкования права в самом общем представлении заключается в изучении связи правовых объектов (норм и практик) с определенными системами ценностей самого разного характера, что предполагает среди прочего отбор самих ценностей.

Результаты

Такое исследование, предполагающее выбор, истолкование ценностей как значений и смыслов, по мнению некоторых скептиков, не может стать строго научной истиной. Действительно, любой результат здесь сложно проверить, верифицировать, подтвердить или опровергнуть. Он может способствовать пониманию и ценностей, и права, но не гарантирует знания о них. «Однако это вовсе не означает, – пишет В. О. Андригатева, – что в контекст понимания как гносеологической процедуры, так и способа интерпретации социального бытия не могут входить научно-практические компоненты. Интерпретация ценностей глубоко познавательна в практическом и теоретическом аспектах» [1, с. 48].

Аксиология в праве, как известно, развивалась во многом в качестве реакции на «чистое учение о праве» (Г. Кельзен¹), призванное ответить на вопрос, чем является право, но исключающее ответ на вопрос, каким оно должно быть. Поиск содержательных критериев права, критериев легитимности нормативно-правовых предписаний и правовых практик с неизбежностью приводил юристов к неким метаправовым категориям, прежде всего к взаимосвязанным понятиям ценностей, принципов, моральных норм и т. п.

Идея сущностной и содержательной связи права с системой моральных норм общества не является сама по себе новой. В российском правовом пространстве она была наиболее полно воплощена в работах представителей консервативной философии. Специальные исследования доказывают, что идеалы общества, государства и права обосновывались консерваторами с помощью ценностных суждений, поэтому правовая доктрина консерватизма имеет аксиологический характер, что отличает ее от рационального и естественно-исторического обоснования права в либеральных и радикальных течениях общественной мысли². Право здесь теснейшим образом связано с религиозными и моральными ценностями, собственно, вне морали и религии право превращается в фикцию. Причем ценности права, религии, морали образуют систему, гармоничную систему, в рамках которой только и возможно комфортное общежитие людей [2]. Именно социокультурная общность (народ, государство, религиозное сообщество) выступала фундаментальной ценностью-объектом русского консерватизма, который цель государства видел не в защите совместных интересов, а в защите общих ценностей³. Основная идея классического русского консерватизма была связана с поиском возможностей консолидации общества на основе этических, а не юридических, начал. Поскольку же социальная этика насыщена ценностными составляющими своих предписаний, постольку же трансформация такой этики в программу социального права имеет свои особенности. Эту трансформацию нельзя осуществить обычной формализацией этики в право, скорее, само право должно быть существенно экзистенциализировано и одухотворено⁴.

Одухотворение права, выявление его ценностного содержания – процедура, требующая принятий в качестве исходной платформы самих ценностей. Они же, в свою очередь, уходят корнями в глубь общественной жизни, в историю, психологию народа, в ментальные основания цивилизации. Поэтому ценностный подход – это подход в т. ч. культурно-цивилизационный.

Не углубляясь в детали, в самом общем виде можно согласиться с дуалистическим представлением цивилизационных различий в праве. «Право техногенно-потребительской цивилизации, – пишет И. В. Тимошина, – по преимуществу „выстроено” от витально-материальных потребностей человека, оно парциально, антропоцентрично, конфликтогенно для общества и природы; в нем сущее практически не соответствует должному (субстанциальному праву). В духовно-экологической цивилизации, напротив, право, в силу своей ценностной наполненности „от Мира Системы”, может основываться на концептуальной схеме аксиологии права и все более органично сочетать сущее с должным»⁵.

Россия – особая страна-цивилизация. Она обладает особым типом духовности, ценностно измеряя социальную реальность; имеет своеобразный тип социальности, со стратегической ролью государства в ее истории и сближением его культурных и политических функций в процессе эволюции; живет в длительной самостоятельной государственной / геополитической

¹ Кельзен Г. Чистого учения о праве / перевод с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. 2-е изд. Санкт-Петербург : АЛЕФ-Пресс, 2023. 542 с.

² Шестопапов С. В. Аксиология права в философии российского консерватизма (Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2009. С. 7–8.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Тимошкина И. В. Социально-философский аспект аксиологии права : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2004. С. 9–10.

традиции; основана на «базисной» популяции, что транспонирует свою духовно-социальную «особость» в глобальную состоятельность⁶.

Подключение цивилизационных аспектов к пониманию права является одним из исходных компонентов в аксиологической интерпретации его содержания. В прикладном отношении это означает, что раскрытие любого компонента права, любого правового понятия должно учитывать культурно-цивилизационный код общества и государства, в котором это право создано и функционирует. Трактовка содержания объектов уголовно-правовой охраны в данном случае не является исключением.

В уголовно-правовой литературе, однако, это обстоятельство зачастую недооценивается либо вовсе игнорируется. Анализ научных источников свидетельствует, что описание объектов, охраняемых уголовным законом, осуществляется во многом формально, без погружения в раскрытие их ценностного содержания.

Так, например, при описании объекта половых преступлений традиционно указывается, что таковым выступает половая свобода и половая неприкосновенность личности⁷ либо «половые интересы и половые блага личности»⁸. Непосредственными объектами преступлений против прав и свобод граждан рассматриваются общественные отношения в сфере реализации прав и свобод человека, провозглашенных Конституцией Российской Федерации⁹. Объектом преступлений против семьи и несовершеннолетних, как правило, признаются права и интересы членов семьи либо интересы несовершеннолетних¹⁰. Объект экстремистских преступлений трактуется как конституционный запрет на разжигание расовой, национальной и религиозной розни, составляющий одну из основ конституционного строя [3]. Объектом преступлений против нравственности в некоторых случаях предлагается считать духовно-нравственное здоровье человека как разновидность социального здоровья¹¹.

Не оспаривая изложенных позиций по существу, заметим, что основной критический вектор в их оценке должен быть направлен именно в сторону того, что предложенные описания не дают ответа на вопросы о том, почему тот или иной объект должен охраняться, в чем именно состоит охраняемый интерес или благо, в чем заключается его ценностное для общества содержание. Иными словами, объект зачастую называется, но не раскрывается. Между тем именно раскрытие содержания объекта уголовно-правовой охраны, в т. ч. с акцентированным описанием его социальной ценности, должно составлять неотъемлемую часть как криминализации деяния, так и его уголовно-правовой оценки в аспекте квалификации и практической пенализации.

Такая методическая операция должна опираться на надежный методологический и правовой фундамент. Нормативная концепция традиционных ценностей и прав человека, учитывающая аксиологическую матрицу российской цивилизации и культуры, на наш взгляд, вполне отвечает этому требованию.

Общепризнано, что аксиологический подход к праву базируется на приоритете гуманистических начал в развитии цивилизационной культуры и противостоит негативным составляющим глобализации, т. е. нивелированию самобытных ценностных начал национальных правовых систем¹². Этот тезис заставляет вспомнить давнюю и хорошо известную дискуссию по поводу универсализма или релятивизма концепции прав человека.

⁶ Алиев Д. Ф., Евреева О. А., Хазин А. Л. Традиционные ценности: основа российского общества : учебное пособие. Москва : Российский государственный социальный университет, 2023. С. 12.

⁷ Байбарин А. А., Гребеньков А. А. Половые преступления : учебное пособие. Курск : ИП Горохов А. А., 2013. С. 22–23.

⁸ Тихоненко С. В. Мотивация половых преступлений и организация их предупреждения органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1993. С. 12.

⁹ Курманов А. С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 12–13.

¹⁰ Палий В. В., Ашин А. А., Чучаев А. И. Преступления против семьи и несовершеннолетних : учебное пособие. Владимир : Издательство Владимирского государственного университета, 2009. С. 15–16.

¹¹ Иксатова С. Т. Теоретические проблемы борьбы с преступлениями против нравственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 2015. С. 6–7.

¹² Мурашко Л. Л. Аксиологическое измерение процесса правообразования: история и современность : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. С. 14.

Сторонники универсальной концепции прав человека, как известно, исходят из того, что выраженные в международных документах права и свободы человека имеют всеобщий характер, вытекающий из признания единого достоинства человека, и предполагают единое содержание и единые гарантии во всех странах мира, вне зависимости от их цивилизационной принадлежности и особенностей культуры [4]. Они убеждены, что если соблюдение международных стандартов будет регламентироваться исключительно культурной традицией, то широкомасштабные неуважение, попрание и нарушения прав человека будут освящены местными законами, а местные сообщества будут ставить свои культурные нормы выше норм международного права, в то время как универсальный стандарт прав человека представляет широкий консенсус в отношении человеческого достоинства, чем любая отдельная культура или традиция [5].

Приверженцы культурного релятивизма (относительности прав человека), напротив, отрицают универсальный характер прав человека, исходя из очевидных различий, присущих отдельным локальным культурам, допускают и оправдывают применительно к последним все возможные отступления или ограничения, введение различных оговорок в отношении общепризнанных стандартов по правам человека [6, с. 63]. По их мнению, «нет и не может быть универсальной практической формулы и адаптационной модели прав человека, которую можно было бы навязать любому народу без неизбежного столкновения и конфликта культурных ценностей (модельных и реальных), ценностных оснований общественной и государственной жизни, без смены стереотипов и штампов политической и правовой ментальности власти и общества и, в целом, без трансформации старой политической и правовой системы» [7, с. 6].

Основные претензии универсалистов и релятивистов друг к другу также давно известны. Если первые говорят о релятивистских попытках обойти международные стандарты прав человека, об использовании риторики культурных различий для оправдания внутригосударственного политического диктата, подавления инакомыслия, порабощения женщин, оправдания семейного насилия и в целом ограничения свободы человека, то вторые видят в универсализме исключительно западноцентричный, индивидуалистический стандарт, внедрение которого (в т. ч. посредством гуманитарных интервенций) способно разрушить вековой уклад общественных отношений и привести в традиционные общества характерные для западных стран рост числа разводов, неполных семей и однополых союзов, проституцию, употребление наркотиков и систематические правонарушения [8, с. 117].

Острота полемики между универсалистами и релятивистами достигает такого уровня, что, по мнению некоторых исследователей, сегодня можно констатировать системный кризис между традиционными цивилизационными ценностями и ценностями неолиберального глобализирующегося мира, в основе которого лежит противоречие между двумя типами цивилизационного развития – секулярно-гуманистическим и религиозно-традиционалистским [9, с. 54].

В науке была высказана мысль о том, что российская социально-правовая доктрина придерживается универсалистского подхода к правовым ценностям в связи с ратификацией подавляющего числа международных актов в области защиты прав человека [10]. Однако с этим выводом сложно согласиться в полной мере прежде всего потому, что ратификация международных актов не перечеркивает первостепенной значимости ценностей и норм, закрепленных в российской Конституции и задающих, в силу ее приоритетного места в системе правовых актов, своего рода аксиологическую рамку для толкования прав и свобод человека и установления их содержания в российской гуманитарной сфере. Однако едва ли будет верен и противоположный вывод о том, что официальный дискурс прав человека в России изменился от либерального к патерналистскому [11], что закрепление в российской Конституции человека с его правами высшей ценностью подрывает правовой суверенитет государства [12].

В целом рассуждения о предпочтительности или исключительности развития гуманитарной концепции в логике противопоставления универсализма и релятивизма, глобализма и антиглобализма представляются нам недостаточно корректными, ибо со всей очевидностью страдают односторонностью, неоправданно стимулируя развитие права либо в сторону игнорирования национальных интересов, либо в сторону правового изоляционизма.

Как верно отмечается в некоторых источниках, «как универсализм, так и культурный релятивизм являются полезными перспективами, которые необходимо не разводить, а применять в сочетании. Универсализм позволяет проводить сравнение, а релятивизм пробуждает чуткость к разнообразию и указывает на прецеденты непосредственных контекстов. Полярность этих подходов, воспринимаемая как оппозиция, ограничивает интеллектуальные попытки тех исследователей, которые пытаются понять социальные стороны жизни законов, их культурные смыслы и повседневные практики их использования» [5, с. 31–41].

Логика сочетания универсального и относительного в понимании прав человека (при всей ее сложности и порой конфронтационности) получила признание и на самом высоком международном уровне. Резолюция, принятая 24 марта 2011 г. Советом по правам человека ООН «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества»¹³ провозгласила:

– на традиции нельзя ссылаться в оправдание вредных видов практики, нарушающих универсальные нормы и стандарты прав человека;

– все культуры и цивилизации в своих традициях, обычаях, религиях и верованиях имеют общий набор ценностей, принадлежащих всему человечеству, и эти ценности вносят важный вклад в развитие норм и стандартов в области прав человека;

– достоинство, свобода и ответственность являются традиционными ценностями, которые разделяет все человечество и которые закреплены в универсальных договорах по правам человека;

– ко всем правам человека необходимо относиться на справедливой и равной основе с одинаковым подходом и вниманием, при этом необходимо иметь в виду важность национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей;

– более глубокое понимание традиционных ценностей человечества, лежащих в основе международных норм и стандартов в области прав человека, может способствовать поощрению и защите прав человека и основных свобод.

Идея синтеза универсального и культурно-цивилизационного в гуманитарной концепции прав человека имеет в продолжение и решение еще одного принципиального и связанного с этой дихотомией вопроса, а именно: вопроса о соотношении индивидуальных и коллективных прав и интересов, индивидуализма и этатизма.

Этатистский подход в большей степени соответствует культурному релятивизму, индивидуалистский – универсализму¹⁴. Считается, что уникальность, индивидуальность и различие людей как модель поведения в западной культуре противостоят коллективности, чувству принадлежности к социальной группе и, соответственно, одинаковому обязательному исполнению групповых обязанностей. Ценности и традиции независимости, конкуренции, равенства полов, и как основа этого – политические и индивидуальные права человека, провозглашаемые Западом, находятся в противоречии с обычаями других культур, такими как взаимозависимость в группе, обязательное сотрудничество и ответственность перед коллективом или этносом [13, с. 427].

¹³ Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества : резолюция Совета по правам человека Организации Объединенных Наций 16/3 (принята 24.03.2011) // UNHCR (Агентство ООН по правам беженцев) : [сайт]. URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/resolution/unhrc/2011/ru/78953> (дата обращения: 07.10.2024).

Показательно заметить, что эта Резолюция была принята 24 голосами против 14 при 7 воздержавшихся.

¹⁴ Меркушев В. Н. Права человека в контексте культурных различий: сравнительный анализ современных политологических концепций : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2004. С. 22.

При этом оценки этих социально-философских и политико-правовых доктрин также различны.

Некоторые исследователи прямо пишут о том, что в отечественной правовой культуре достоинство личности и права человека в большей степени воспринимаются не как абсолютные ценности, а как средства служения ближнему, обществу, Отечеству; что в православии нет тенденции преувеличения прав человека, свободы и достоинства по отношению к обязанностям и долгу перед обществом и государством, что права человека должны иметь четко очерченные границы, в противном случае они начинают служить оправданию порока [14, с. 59]. С гиперболизацией идеи индивидуализма исследователи связывают тот факт, что права человека сегодня служат оправданием идей трансгуманизма, заключению однополых браков, прав гендера, ЛГБТ¹⁵, которые усиленно пропагандируются на Западе и используются для оправдания греховных пороков, что ранее для христиан являлось неприемлемым и что в конечном итоге превратилось в очевидное зло и отрицание прав человека как таковых [15, с. 822].

Другие столь же убеждены в том, что патернализм ориентирует человека на безусловное подчинение государству и представляет опасность для полноценной реализации прав и свобод человека, поскольку со временем превращает человека не в гражданина, а в подданного, способствует возникновению в общественном сознании устойчивого представления об оправданности подчиненного положения личности¹⁶; что он предоставляет широкие прерогативы государству в ущерб индивиду, отводит главную роль политике, а не праву, проявляет склонность к силовым методам установления отношений между властью и человеком¹⁷.

Конфликт индивидуализма и патернализма, прав человека и интересов государства проявляется и в обсуждении проблемы содержания традиционных духовно-нравственных ценностей, а отсюда – и содержания объекта уголовно-правовой охраны.

Некоторые ученые придерживаются мнения, что под традиционными ценностями следует понимать лишь те нравственные ориентиры, которые прямо или смысловым образом закреплены в рамках правовой нормы. Это ценности общественные или государственные, а значит, регулируемые правом. «Все, что правом не регулируется, не позволяет говорить о себе как о традиционной ценности», – подчеркивают Е. В. Михайлова и И. И. Бутрим. Традиционные нравственно-духовные российские ценности имеют статус государственных интересов и закреплены в правовых нормах как объект защиты от посягательств. Соответственно, нарушение ценностей, как и совершение уголовно наказуемого деяния, есть нарушение государственного, общественного интереса [16, с. 46–48].

Такой подход, на наш взгляд, отражает откровенно этатистское понимание традиционных ценностей в качестве объекта уголовно-правовой охраны, а его применение подчиняет ценностную интерпретацию объектов исключительно государственным интересам: все, что не представляет государственного интереса, по сути, лишается здесь ценностного содержания. В связке с пониманием прав человека логика такого подхода проста: только то в содержании прав человека, что представляет государственный или общественный интерес, ставится под правовую (в т. ч. и уголовно-правовую) охрану, и только этот защищенный правом государственный интерес в содержании прав человека признается традиционной ценностью. Представляется, что это крайне односторонний и в силу этого неверный, а в определенной мере и опасный вариант истолкования связи прав человека, ценностей и объекта охраны. По сути, он выхолащивает содержание прав человека, низводя его до государственного интереса.

Противоположной позиции придерживаются исследователи, которые полагают (на наш взгляд, вполне обоснованно), что в правовой аксиологии на первом месте традиционно находится личность, ее права. Личность есть главная ценность правовой науки, а потому

¹⁵ Организация, признанная в России экстремистской.

¹⁶ Корниенко Г. П. Этатистская доктрина прав человека как пример максимизации патерналистских притязаний государства // *Legea și Viața*. 2018. № 10/2 (322). С. 48–51.

¹⁷ Глухарева Л. И. Права человека : Гуманитарный курс : учебное пособие. Москва : Логос, 2002. С. 35–40.

в любом аспекте размышлений о ценностях речь идет о человеческих ценностях. Иначе говоря, то, что называется ценностями, имеет отношение к человеку и его деятельности. Именно в ней ценности возникают, конституируются, функционируют, именно они отличают человека от животного, делая его социальным существом, обеспечивают человека жизненными ориентирами, определяют жизненно важные цели деятельности и в конечном итоге придают человеческой жизни определенный смысл [1, с. 43]. Традиционные духовно-нравственные ценности признаются «своеобразным наивысшим стандартом прав человека». «Любые попытки исправить, отменить, скорректировать традиционные духовно-нравственные ценности неизбежно окажут негативное воздействие на права человека» [17, с. 9].

Эти полярные позиции в известной степени коррелируют с широкой дискуссией относительно понимания содержания объекта уголовно-правовой охраны (преступления) как такового: выступают в качестве него общественные (или правовые) отношения либо человек.

Однако и в этом случае противопоставление концепций представляет лишь теоретический интерес в плане углубленного изучения специфического содержания и последствий применения каждой из них в отдельности. В прикладном отношении большую ценность представляет синтез подходов.

Еще в советские времена, в период господства теории общественных отношений как объекта преступления, Ю. А. Демидов писал: «Советское уголовное право охраняет человека в его сущности как совокупность всех общественных отношений и в то же время как явление в его физическом существовании и в социальной жизни. Иными словами, констатация того факта, что советское уголовное право охраняет социалистические общественные отношения означает, что речь идет о человеке в его сущности» [18, с. 42].

В наши дни эта мысль поддержана иными специалистами. «Сущность преступления, как деяния, причиняющего вред, – пишет И. П. Семченков, – заключается в том, что оно в конечном итоге всегда причиняет вред человеку, а не общественным отношениям. ... Общественные отношения, наряду с правами и свободами, а также иными значимыми для людей социальными ценностями, необходимо относить к тем охраняемым уголовным законом благам, посягая на которые (причиняя вред которым), преступление в конечном итоге причиняет вред человеку»¹⁸. Подключая ценностное измерение объекта, С. А. Бочкарев отмечает, что вне человека ценности быть не может. Ценность может «выступать» только в конкретной личности. Обеспечивая защиту личности (гл. 16–18 Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁹, далее – УК РФ), уголовное право охраняет, «краеугольный камень всего общественного здания», ибо от способности личности воспроизводить, к примеру, жизнь зависит жизнеспособность как общества, так и государства. Охраняя общественный и нравственный порядок (гл. 24, 25 УК РФ) и основы конституционного строя (гл. 29 УК РФ), уголовное право признает и реализует предназначение общества для личности – обеспечивать условия взаимодействия людей и порядок их общежития, социальную судьбу каждого индивида; государства для личности и общества – «ограждать и организовывать жизнь людей, принадлежащих к определенному политическому союзу» [19, с. 77].

Таким образом, ни релятивистское, этатистское восприятие прав человека в совокупности с признанием объектом охраны обезличенных общественных отношений, ни универсальная, индивидуалистическая трактовка прав человека с ее ставкой на признание объектом охраны исключительно свободы отдельного лица не соответствуют концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей, российской гуманитарной концепции прав человека и концепции объекта уголовно-правовой охраны.

¹⁸ Семченков И. П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 8–9.

¹⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Смысл аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны состоит как раз в том, чтобы на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей выявить такое содержание прав и свобод человека (которые сами по себе признаются высшей конституционной ценностью), которое способствовало бы раскрытию человеческого потенциала в обществе в интересах гармоничного и безопасного общежития всех людей.

Такой подход, на наш взгляд, вносит свои коррективы в методику анализа интересов отдельной личности и интересов государства в качестве системно связанных интересов, поставленных под охрану уголовного закона.

Традиционный прием состоит в том, что содержание прав и свобод человека определяется по преимуществу в негативной логике, следуя концепции негативных обязательств государства. В этом случае собственно содержание прав и свободы остается неопределенным. Априорно предполагается, что человек абсолютно свободен. И эта свобода признается охраняемой ценностью. Обсуждению же подлежит вопрос о том, насколько оправданно ограничение этой свободы со стороны государства. В итоге уголовно-правовая норма предстает перед нами не как предписание, защищающее содержательно конкретизированное, ценностно наполненное благо, а как предписание, защищающее неограниченную свободу человека от вмешательства государства, критерии правомерности которого остаются столько же содержательно неопределенными и формальными (на первое место среди них выходят предусмотренность законом, обоснованность и соразмерность).

Подключение категории традиционных российских духовно-нравственных ценностей к определению охраняемого блага в контексте культурно-цивилизационных и политико-правовых особенностей России меняет логику анализа. Содержание прав и свобод человека должно раскрываться через призму традиционных ценностей. Лишь то может считаться содержанием прав и свобод (следовательно, и подлежать охране), что этим ценностям соответствует. Прежде чем устанавливать уголовно-правовой запрет или брать нечто под уголовно-правовую охрану, государство должно выяснить, насколько это «нечто» укладывается в нравственные границы традиционных ценностей. Если та или иная возможность человеческого поведения идет вразрез с этими ценностями, она не может восприниматься в качестве компонента содержания прав и свобод, а следовательно, и не может претендовать на статус правоохраняемого блага. Критерии обоснованности государственного вмешательства в данном случае дополняются важным содержательным компонентом: государство вмешивается постольку и настолько, поскольку и насколько реализация человеком его прав и свобод осуществляется в соответствии с традиционными российскими ценностями. Учитывая, что ценности в политико-правовом пространстве представлены не столько как идеологический концепт, сколько как концепт безопасности, гарантирующий комфортное и перспективное сосуществование личности, общества и государства, соответствие содержания прав и свобод человека, с одной стороны, и правоохранительной деятельности государства – с другой, традиционные ценности становятся залогом социальной гармонии.

3 **З**аключение

Подводя итоги исследованию проблем аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны, представляется возможным сформулировать несколько ключевых тезисов:

Во-первых, подключение возможностей аксиологической методологии является обязательным условием познания и раскрытия подлинного содержания и предназначения права; в уголовном праве применение аксиометода имеет решающее значение при установлении и раскрытии объектов уголовно-правовой охраны, выявляя их ценностное

содержание и демонстрируя тем самым как обоснованность, так и достаточность имеющихся средств уголовно-правовой охраны; раскрытие содержания объекта уголовно-правовой охраны с акцентированным описанием его социальной ценности должно составлять неотъемлемую часть уголовно-правовой квалификации и пенализации опасных деяний.

Во-вторых, аксиологическая интерпретация содержания объектов уголовно-правовой охраны с необходимостью предполагает учет культурно-цивилизационных особенностей общества и государства, в котором создано и функционирует уголовное право; такая методическая операция должна опираться на надежный методологический и правовой фундамент, в качестве которого выступает нормативная концепция традиционных ценностей и прав человека.

В-третьих, ценностная трактовка российской концепции прав человека в системе теоретических координат, заданных универсализмом и релятивизмом, индивидуализмом и этатизмом, демонстрирует ее особое содержание, сущность и смысл которого состоят в том, чтобы игнорируя крайности каждого из этих теоретических подходов, обеспечить справедливый баланс интересов отдельной личности и государства, свободы и безопасности, возможностей и ответственности.

В-четвертых, смысл аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны состоит в том, чтобы на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей выявить такое содержание прав и свобод человека (сами по себе признаются высшей конституционной ценностью), которое способствовало бы раскрытию человеческого потенциала в обществе в интересах гармоничного и безопасного общежития всех людей.

Список источников

1. Андригатева О. В. Феномен права в контексте аксиологической методологии // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6, № 12А. С. 41–51.
2. Яценко А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / вступ. ст., коммент. и сост.: А. П. Альбов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999. 252 с.
3. Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. Москва : Норма, 1999. 307 с.
4. Hoang V. N. Human Dignity and Fundamental Freedoms - Global Values of Human Rights: A Response to Cultural Relativism. SSRN Electronic Journal. 2008. 54 p; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1314288>.
5. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Антропология прав человека: универсализм и релятивизм / Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире : материалы Международного научно-практического симпозиума, г. Санкт-Петербург, 8–9 июля 2005 г. / под ред. О. Ю. Малиновой, А. Ю. Сунгурова. Санкт-Петербург : Норма, 2005. С. 31–41.
6. Мингазов Л. Х. Универсализм прав человека и культурное многообразие мира // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, № 5. С. 61–72.
7. Глушкова С. И. К вопросу о современных концепциях прав человека / Право в современном мире : материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 7 декабря 2012 г. : в 2 ч. Екатеринбург : Уральский институт – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2012. С. 5–13.
8. Якушев Л. В. Идея прав человека на пересечении культурных традиций (спор об азиатских ценностях) // Философия и общество. 2019. № 4. С. 111–122; <https://doi.org/10.30884/jfio/2019.04.07>.
9. Карпович О. Г., Смагина Л. А. Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход // Международная жизнь. 2023. № 1. С. 54–65.
10. Погорлецкая И. И. Актуальные проблемы соотношения универсальных и национальных правовых ценностей в условиях современных обществ // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 307–319; <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.2.27>.
11. Захарова О. В. Официальный дискурс прав человека в посткоммунистической России: от либерализма к патернализму // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 82–93.
12. Фархутдинов И. З., Ермолина М. А. П. И. Смирнов: об изменении ценностных основ международного права: необходимость и возможность интервью с доктором философских наук, профессором Смирновым Петром Ивановичем // Евразийский юридический журнал. 2018. № 8 (123). С. 12–18.
13. Меркушев В. Н. Права человека в международном праве в контексте культурных различий // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2002. № 3. С. 422–439.

14. Осипов А. И. Богословские аспекты прав человека // Журнал Московской патриархии. 1984. № 5. С. 56–60.
15. Фоминская М. Д. Достоинство личности и права человека как традиционные российские духовно-нравственные ценности // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2022. Т 47, № 4. С. 819–829; <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-4-819-829>.
16. Михайлова Е. В., Бутрим И. И. Теоретико-правовые подходы к определению способов и процессуальных форм защиты традиционных ценностей в Российском государстве // Государство и право. 2023. № 9. С. 44–52; <https://doi.org/10.31857/S102694520027733-7>.
17. Далгалы Т. А., Гостькова Д. Ж. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа национальной безопасности России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23, № 3. С. 7–10; <https://doi.org/10.14529/law230301>.
18. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. Москва : Юридическая литература, 1975. 182 с.
19. Бочкарев С. А. Аксиология уголовного права: введение в тему и проблемы ее становления // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 73–80.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-194-201>

О способе преодоления противоречий, связанных с исчислением срока задержания подозреваемого

Даниил Александрович Шайденко, адъюнкт

Омская академия МВД России

Омск (644092, пр. Комарова, д. 7), Российская Федерация

daniil-shaydenko@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-1622-0269>

Аннотация:

Введение. Заложенная в УПК РФ на основе Конституции РФ идея, согласно которой срок уголовно-процессуального задержания должен исчисляться с момента фактического ограничения свободы передвижения, на практике не реализуется. Поскольку существует противоречие между законом и его применением, через анализ практики предполагается найти путь решения данной проблемы.

Методы. В работе использовались следующие методы: формально-юридический, анализ, индукция, обобщение.

Результаты. Действующее правовое регулирование, наука и практика допускают как минимум три варианта толкования момента фактического задержания и начала исчисления срока задержания подозреваемого: момент фактического захвата, момент доставления к следователю (в орган дознания), момент составления протокола задержания. Последние два являются самыми распространенными на практике, но они не согласуются с действительным замыслом законодателя об исчислении срока задержания с момента фактического ограничения свободы. Вместе с тем связывание начала срока задержания с моментом доставления или составления протокола отвечает потребностям практики ввиду объективной недостаточности 48-часового срока, если исчислять его согласно заложенной в закон идее, т. е. с момента фактического захвата. Обобщив результаты анализа судебной практики, автор делает вывод, что способ учесть время фактического ограничения свободы и одновременно не отнимать у органов расследования и без того малый, но очень важный 48-часовой срок задержания – это зачет времени фактического задержания в общий срок содержания под стражей при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу либо при рассмотрении дела по существу.

Ключевые слова:

неприкосновенность личности, задержание, фактическое задержание, срок задержания, доставление, момент задержания

Для цитирования:

Шайденко Д. А. О способе преодоления противоречий, связанных с исчислением срока задержания подозреваемого // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 194–201. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-194-201>.

Статья поступила в редакцию 01.08.2024; одобрена после рецензирования 27.12.2024; принята к публикации 20.03.2025.

Original article

The way to overcome contradictions concerning the calculation of the suspect's detention period

Daniil A. Shaidenko, Postgraduate

Omsk Academy of the MIA of Russia

7, Komarova str., Omsk, 644092, Russian Federation

daniil-shaydenko@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-1622-0269>,

Abstract:

Introduction. The idea laid down in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the basis of the Constitution of the Russian Federation, according to which the period of criminal procedural detention should be calculated from the moment of actual restriction of freedom of movement, is not implemented in practice. Since there is a contradiction between the law and its application, it is supposed that the way to solve given problem will be found through the analysis of practice.

Keywords:

personal integrity, detention, actual detention, term of detention, delivery, moment of detention

© Шайденко Д. А., 2025

Methods. *The following methods were employed in the work: formal-legal, methods of analysis, induction and generalisation.*

Results. *The current legal regulation, science and practice allow for at least three options to interpret the moment of actual detention and the beginning of calculating the period of the suspect's detention: the moment of actual capture, the moment of delivery to the investigator (to the body of inquiry) and the moment of drawing up the detention protocol. The last two are the most common in practice, but they do not coincide with the actual intention of the legislator to calculate the period of detention from the moment of actual restriction of freedom. At the same time, linking the beginning of the period of detention to the moment of delivery or the drawing up of the protocol meets the needs of practice due to the objective insufficiency of the 48-hour period, if calculated according to the idea laid down in the law, i.e. from the moment of actual capture. Summarising the results of the analysis of judicial practice, the author concludes that the way to take into account the time of actual restriction of freedom and at the same time not to take away from the investigating authorities the small but very important 48-hour period of detention is to include the time of actual detention in the total period of detention when considering a petition for detention or when considering the case essentially.*

For citation:

Shaidenko D. A. The way to overcome contradictions concerning the calculation of the suspect's detention period // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 194–201. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-194-201>.

The article was submitted August 1, 2024;
approved after reviewing December 27, 2024;
accepted for publication March 20, 2025.

Введение

В статье 22 Конституции Российской Федерации¹ срок досудебного лишения свободы ограничен 48 часами. Открытыми для дискуссий остаются вопросы о причинах указания именно такого срока, и в целом о необходимости регулирования данных отношений именно в Конституции. Сейчас – это данность, с которой нужно считаться, тем более эта норма содержится в не подлежащей изменению второй главе. Между тем разработчикам Конституции этот шаг показался прогрессивным: срок задержания теперь указан в Основном законе и составляет 48 часов по сравнению с 72-часовым сроком, который был допустим в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР². Сделано это, как представляется, с целью проявления большего внимания к обеспечению и защите прав граждан. Законодатель, развивая идею сокращения срока внесудебного лишения свободы, установил в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации³ (далее – УПК РФ) правило, согласно которому срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения.

Реализуется ли эта идея на практике? Анализ 97 протоколов задержания, составленных следователями и дознавателями Республики Бурятия, Красноярского края, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Тюменской областей показал, что в среднем разница между временем задержания и временем составления протокола составляет от 5 до 15 минут, в отдельных протоколах этой разницы вовсе нет, указано одно и то же время. Очевидно, что ни о каком учете времени с момента фактического ограничения свободы здесь речи не идет. Срок задержания исчисляется с момента доставления к следователю, а иногда даже с момента составления протокола.

Исследование, проведенное Г. Б. Петровой, показало, что в 95 % изученных уголовных дел дата и время составления протокола совпадали с точностью до минуты с датой и временем фактического задержания лица [1, с. 140]. Свою актуальность эти данные на настоящий момент не утратили. Не секрет, что если органы расследования поступают тем или иным образом, это означает, что подобная практика поддерживается (во всяком случае, не отрицается) прокуратурой и судом. В данной статье нас будут интересовать позиции судов по отношению к исчислению срока задержания лица по подозрению в совершении преступления. Через анализ судебных решений, принятых по результатам рассмотрения апелляционных жалоб, оспаривающих избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, продление срока содержания под стражей, а также решения, принятые по результатам рассмотрения исков о взыскании морального вреда, предполагается выявить путь разрешения существующих противоречий между законом и правоприменительной практикой.

¹ Конституция Российской Федерации (прин. всенар. голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (Pravo.gov). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007040001> (дата обращения: 20.05.2024).

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Методы

В исследовании использовались: формально-юридический метод при исследовании норм УПК РФ, касающихся исчисления срока задержания; анализ решений судов с целью выявления их позиций по отношению к моменту начала исчисления срока задержания; методы индукции и обобщения результатов, полученных путем анализа судебной практики для вывода общего правила на основе конкретных случаев.

Результаты

Жалобы стороны защиты по поводу задержания, как правило, связаны с несоответствием времени фактического задержания времени, указанному в протоколе задержания. В целом суды при рассмотрении ходатайств о заключении под стражу, в т. ч. при продлении срока задержания, ориентируются на время задержания, указанное в протоколе. Существуют решения, в которых начало исчисления срока задержания прямо связывается с доставлением к следователю⁴: «В соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ протокол задержания должен быть составлен в срок не более трех часов с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Оснований для исчисления указанного срока с момента фактического задержания ФИО, т. е. с 21 часа 20 июня 2023 г., не имеется, поскольку в соответствии с уголовно-процессуальным законом срок составления протокола задержания связан со сроком доставления подозреваемого к следователю»⁵.

«Вопреки доводам стороны защиты, срок задержания подозреваемого в соответствии с положениями ст. 92 УПК РФ исчисляется с момента его доставления в орган дознания или к следователю, которыми составляется протокол о задержании...

Доводы защиты о том, что ФИО фактически задержан ранее срока, указанного в протоколе его задержания, подлежат проверке и доказыванию в ходе рассмотрения уголовного дела по существу и могут быть учтены в случае их доказанности при принятии судом окончательного решения по делу»⁶.

Последний абзац принципиально важен для рассматриваемой в статье проблемы. Такая формулировка является в какой-то степени типовой и часто используется судами⁷. Время фактического ограничения свободы, которое имело место до доставления к следователю, если оно будет установлено при рассмотрении дела по существу, включается в срок содержания под стражей или наказания. Есть и примеры, когда срок «допроцессуального» задержания учитывается при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, Ленинский районный суд г. Омска в своем постановлении, вынесенном в апреле 2024 года, в последнем абзаце описательно-мотивировочной части отметил: «Суд полагает возможным избрать ФИО меру пресечения в виде заключения под стражу сроком на 2 месяца с учетом даты его фактического задержания, так как из представленных материалов следует, что ФИО был лишен возможности свободно передвигаться уже 23 апреля 2024 г., несмотря на то, что протокол задержания составлен 24 апреля 2024 г.»⁸.

⁴ Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22К-5932/2023 от 26 октября 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ (далее – СудАкт) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WdJhMPm4Y8xj/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁵ Апелляционное постановление Липецкого областного суда № 22К-949/2023 от 6 июля 2023 г. по делу № 3/1-17/2023 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W5L2tsmBG2UJ/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁶ Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22К-1655/2019 от 10 июля 2019 г. по делу № 22К-1655/2019 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IEwvfQEIMFmX/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-26446/2023 от 21 декабря 2023 г. // Информационная компания «Кодекс» : Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции (далее – ИК «Кодекс») : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304539207> (дата обращения: 20.05.2024) ; Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-16154/2023 от 1 августа 2023 г. // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1302663766> (дата обращения: 20.05.2024) ; Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Крым № 22К-423/2021 от 3 февраля 2021 г. // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/573644619> (дата обращения: 20.05.2024) ; Апелляционное постановление Брянского областного суда № 22К-1822/2020 от 20 ноября 2020 г. // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/573430153> (дата обращения: 20.05.2024).

⁸ Уголовное дело № 1-498/2024 // Архив Ленинского районного суда г. Омска. 2024.

Однако распространена и практика, когда суды при рассмотрении апелляционных жалоб исчисляют лишение свободы с момента фактического задержания (момента ограничения свободы передвижения). Так, «согласно представленным материалам ФИО, как и указано в постановлении о возбуждении уголовного дела, фактически был задержан 16 сентября 2019 г. около 15 часов 10 минут, после чего с 16 часов 30 минут до 17 часов был произведен его личный досмотр, а затем другие следственные действия с его участием, и только 17 сентября 2019 г., в 4 часа 15 минут был составлен протокол его задержания, согласно которому в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ в 3 часа 44 минуты ФИО был задержан. Никаких данных, свидетельствующих об освобождении ФИО после 23 часа 16 сентября 2019 г. до момента составления протокола задержания, когда он мог свободно передвигаться, не имеется. ... Согласно ст. 5 и ч. 3 ст. 128 УПК РФ задержание подозреваемого применяется на срок не более 48 часов с момента фактического задержания по подозрению в совершении преступления и исчисляется срок с данного момента. ... При таких обстоятельствах срок содержания под стражей ФИО должен исчисляться с момента его фактического задержания, а не с момента составления протокола задержания, и продлен на 29 суток, то есть по 15 декабря 2019 г., включительно»⁹. Суды, как и в этом примере, изменяют срок содержания под стражей, если устанавливают, что фактическое задержание имело место ранее составления протокола в порядке ст. 92 УПК РФ¹⁰.

Встречается и третий подход к исчислению срока задержания: «Утверждения защитника о том, что ФИО фактически был задержан (дата удалена), и ему неправильно исчислен срок задержания, являются несостоятельными, поскольку в процессуальном смысле моментом фактического задержания считается момент составления протокола о задержании»¹¹. Таким образом, в судебной практике существует три подхода к началу исчисления срока задержания.

Важным является вопрос, касающийся истечения срока задержания до начала или во время рассмотрения ходатайства о заключении под стражу. Так, «ФИО фактически был задержан в 11 часов 55 минут, протокол задержания составлен в 17 часов 55 минут 22 мая 2023 г. Указывает о том, что на момент рассмотрения ходатайства следователя ФИО не являлся задержанным, так как установленный законом срок задержания ФИО по подозрению в совершении преступления истек в 11 часов 30 минут, после чего он должен был быть освобожден из-под стражи, а на момент оглашения постановления суда и срок указанный в протоколе о задержании также истек. ... Вопреки доводам жалобы, как видно из протокола судебного заседания, к началу судебного разбирательства по ходатайству следователя, а именно в 16 часов 47 минут, срок задержания обвиняемого в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ, не истек»¹². В данном случае срок задержания истек в ходе судебного заседания. Однако суд указывает, что значение имеет время начала судебного разбирательства, а не время оглашения постановления. Об этом свидетельствуют и другие решения: «Истечение срока задержания, предусмотренного ч. 2 ст. 94 УПК РФ, к моменту принятия судьей решения в порядке ст. 108 УПК РФ, не является препятствием для избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу»¹³. Кроме того, обстоятельство, когда лицо фактически задержано ранее срока, указанного в протоколе задержания, не влияет на законность и обоснованность принимаемого судом решения¹⁴. Не влечет безусловного освобождения обвиняемого и «запоздалое» обращение в суд: «Несвоевременное представление дознавателем в суд ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемому не освобождало суд от обязанности рассмотреть данное ходатайство»¹⁵. Необходимо помнить о положениях ч. 3 ст. 108 УПК РФ, согласно которым постановление о возбуждении ходатайства о заключении под стражу и материалы, его обосновывающие, должны быть представлены в суд за 8 часов до истечения срока задержания, что как бы подразумевает принятие решения об избрании меры пресечения в пределах срока задержания. Также на это указывает ч. 2 ст. 92

⁹ Апелляционное постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа № 22К-2071/2019 от 29 ноября 2019 г. по делу № 3/2-189/2019 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IKxsT9VsygHH/> (дата обращения: 20.05.2024).

¹⁰ Апелляционное постановление Псковского областного суда от 28 декабря 2021 г. по делу № 22к-854/2021 // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/727885651> (дата обращения: 07.06.2024).

¹¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 ноября 2023 г. по делу № 10-23100/2023 // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304411690> дата обращения: 04.11.2024).

¹² Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 июня 2023 г. по делу № 10-13149/2023 // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1301964301> (дата обращения: 07.06.2024).

¹³ Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 9 декабря 2021 г. по делу № 22К-4397/2021 // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/727745582> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁴ Апелляционное постановление Московского городского суда от 22 ноября 2022 г. по делу № 10-24423/2022 // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1300328320> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁵ Апелляционное постановление Московского городского суда от 8 июня 2017 г. по делу № 10-9848/2017 // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/542068431> (дата обращения: 07.06.2024).

УПК РФ, согласно которой подозреваемый немедленно освобождается, если в течение 48 часов не поступит постановление судьи о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако вышеприведенные решения демонстрируют, что это происходит не всегда. Из указанных примеров следует, что главное для судов – начать судебное заседание до истечения 48-часового срока задержания.

Интерес представляют решения, принимаемые судами по результатам рассмотрения исков о взыскании моральной компенсации в связи с задержанием. Так, решением Ленинского районного суда г. Орска от 23 июля 2021 г. по делу № 2-797/2021 были частично удовлетворены исковые требования истца и взыскана компенсация морального вреда в размере 5 000 рублей. В данном случае также имело место несоответствие времени фактического задержания сведениям, указанным в протоколе задержания по ст. 92 УПК РФ. Кроме того, протокол был составлен по истечении трех часов с момента доставления к следователю. Лицо было доставлено в отдел полиции в 18 часов, провело там всю ночь, и только в 5 часов 30 минут следующего дня было помещено в изолятор временного содержания органов внутренних дел (далее – ИВС). Но причина удовлетворения исковых требований обосновывается не тем, что задержание было незаконным, а непредоставлением возможности в ночное время места для отдыха, непредоставлением места для сна и постельных принадлежностей, нарушением права истца на обращение, уважающее человеческое достоинство. Также необходимо обратить внимание, что как в этом, так и в подобных решениях, принимаемых в порядке гражданского судопроизводства, суды ссылаются на положения Федерального закона «О полиции»¹⁶: «согласно ч. 4 ст. 14 Федерального закона «О полиции» срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. Исходя из материалов дела, истец ФИО ограничен в передвижении с момента его доставления в помещение ОП № 1 МУ МВД России «Орское» 23 февраля 2016 г. в 20 часов 10 минут, а согласно рапорту сотрудника полиции – с 18 часов 23 февраля 2016 г.»¹⁷. Для постановлений по результатам рассмотрения апелляционных жалоб это не характерно, такие решения, как правило, ограничиваются ссылками на УПК РФ.

Требования о взыскании моральной компенсации удовлетворяются из-за неприемлемых условий содержания. Обращается внимание не на сам факт несвоевременного составления протокола задержания, а на нахождение лица в связи с подозрением в совершении преступления продолжительное время вне ИВС, т. е. при отсутствии надлежащих условий содержания под стражей. Исковые требования, связанные лишь с нарушением порядка задержания, не удовлетворяются, когда судом установлено, что время фактического задержания засчитано в срок отбывания наказания¹⁸. Так, «суд принимает во внимание, что виновность ФИО по подозрению в преступлении, по которому он был фактически задержан 7 апреля 2014 года, подтверждена вступившим в законную силу приговором Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 5 февраля 2016 г., срок фактического задержания с 7 апреля 2014 г. года засчитан в срок отбывания наказания»¹⁹.

Обсуждение

Судебная практика не единообразна, можно выделить три подхода к началу исчисления срока задержания: с момента фактического задержания, с момента доставления к следователю и с момента составления протокола. В качестве одной из причин можно выделить саму законодательную конструкцию задержания. Законодатель, формулируя понятие момента фактического задержания, допустил возможность неоднозначного толкования данной нормы. Фраза «момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом (курсив автора), фактического лишения свободы передвижения» (п. 15 ст. 5 УПК РФ) позволила ряду ученых небезосновательно трактовать эти положения как момент составления протокола задержания [2; 3]. Такой подход, как было указано ранее, встречается и на практике. Соглашаясь, что данные позиции

¹⁶ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2011. № 7. Ст. 900.

¹⁷ Решение Ленинского районного суда г. Орска от 23 июля 2021 г. по делу № 2-797/2021 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/16sJVY9na15N/> (дата обращения: 08.06.2024).

¹⁸ Решение Кировского районного суда г. Омска от 29 ноября 2019 г. по делу № 2-4929/2019 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xuSwoZXtDeVn/> (дата обращения: 08.06.2024) ; Решение Фроловского городского суда (Волгоградская область) от 6 августа 2019 г. по делу № 2-732/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/24Hi4hq6U16j/> (дата обращения: 08.06.2024).

¹⁹ Решение Октябрьского районного суда г. Самары от 23 января 2020 г. по делу № 2-187/2020 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SsdJfTQQq8Zd/> (дата обращения: 08.06.2024).

соответствуют букве закона, тем не менее, отметим, что здесь предполагалась необходимость учета времени именно с момента фактического ограничения свободы (фактического захвата). Об этом свидетельствуют позиции Конституционного Суда Российской Федерации²⁰, международные стандарты, на которых они основаны, а также указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации²¹. Многие авторы придерживаются аналогичной позиции [4–7]. Стоит отметить, что в некоторых регионах срок задержания исчисляется как задумано, с момента фактического ограничения свободы, поэтому исследуемая проблема не является всеобщей. Тем не менее противоречия существуют и нуждаются в разрешении.

Можно согласиться с А. В. Победкиным и В. Н. Яшиным, что «буквальное толкование указанных норм УПК дает основание полагать, что моментом фактического задержания является момент доставления (первое упоминание в УПК о порядке действий с лицом, лишенным свободы передвижения). Именно так на практике длительное время и толковали момент фактического задержания, что явно не соответствовало действительному замыслу законодателя» [8, с. 19]. Однако, как видно из анализа судебной практики, толковать норму подобным образом не перестали. Вместе с тем позиция, согласно которой срок задержания исчисляется с момента доставления, является достаточно распространенной и убедительно аргументированной в доктрине [9–12]. Хотя этот вариант и теоретически обоснован, он не отражает заложенной законодателем идеи учета времени фактического ограничения свободы передвижения. Кроме того, специфика работы подразделений органов внутренних дел, например, на железнодорожном транспорте, обуславливает неоднозначность момента доставления к следователю. Далее приведем пример, который стал известен автору в ходе личного общения со следователями одного из линейных подразделений МВД России. Представим ситуацию, когда от пассажиров поезда поступило сообщение о преступлении. Следователь с оперативниками вошли в состав для осуществления деятельности следственно-оперативной группы. Однако когда было обнаружено лицо, заподозренное в совершении преступления, поезд согласно расписанию уже начал движение. Теперь до момента прибытия в необходимое подразделение пройдет достаточно много времени. Закономерен вопрос: считается ли лицо доставленным к следователю, если они вместе следуют на поезде в другой город? Думается, что нет, т. к. ставится под сомнение возможность полноценного осуществления следователем процессуальной деятельности. Выходит, что момент доставления не всегда возможно корректно отследить и установить, чего нельзя сказать о времени составления протокола.

Новый срок задержания и момент начала его исчисления «не прижились» на практике. Во-первых, он не имеет под собой исторического фундамента, возник в Конституции Российской Федерации без явных предпосылок²². Соответственно, 48-часовой срок не воспринимается правосознанием большинства правоприменителей. Можно предположить, что практика продолжила апробированную, доказавшую свою эффективность советскую традицию исчисления срока задержания с момента доставления²³, тем более что действующий закон формально не исключает подобной трактовки. Во-вторых, данный срок объективно не соответствует географическим условиям России, где на доставление может уйти значительная часть 48-часового срока с момента фактического ограничения свободы. Кроме того, даже не учитывая время доставления, за 48 часов следователю или дознавателю нужно произвести необходимые следственные и иные процессуальные действия в целях обоснования ходатайства

²⁰ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дядченко Сергея Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5 и статьей 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 1579-О-О // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (далее – СПС «КонсультантПлюс»). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=241171#zS K93aU2FQr1ZqTD2> (дата обращения: 08.06.2024). Документ опубликован не был ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алексеевой Гелены Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5, статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 1902-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=302223#OccA3aUeFQWVf6lC> (дата обращения: 08.06.2024). Документ опубликован не был.

²¹ В целях выявления и пресечения нарушений прав граждан устанавливать соответствие указанного в протоколе времени задержания с фактическим, изучая необходимые материалы, в т. ч. рапорты сотрудников правоохранительных органов, производивших задержание (См.: Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей : указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 9 ноября 2011 г. № 392/49 (ред. от 22.02.2023) // Законность. 2012. № 2.

²² Вопрос о непригодности для практики 48-часового срока задержания и о причинах установления именно такого срока поднимает С. Б. Россинский.

²³ Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 29. Ст. 426.

о заключении под стражу. С учетом 8-часового временного запаса для суда в распоряжении следователя остается 40 часов, а если исчислять срок задержания согласно замыслу закона, с момента фактического ограничения свободы, то и того меньше. А когда подозреваемый не один, то вообще ставится под сомнение физическая возможность успеть произвести все необходимые действия. Собственно, эта норма и не реализуется в первоначальной задумке. Из-за неоднозначности положений п. 15 ст. 5 УПК РФ сторона защиты толкует эту норму в свою пользу, указывая на момент фактического ограничения свободы передвижения. Такая позиция, надо сказать, небезосновательна в контексте решений Конституционного Суда Российской Федерации. Органы расследования, напротив, с учетом непригодности 48-часового срока для потребностей практики, связывают начало исчисления срока задержания с моментом доставления к следователю.

Такая ситуация кажется безвыходной, так как 48-часовой срок задержания установлен в главе 2 Конституции Российской Федерации. Очень важный вывод в этой части делает С. Б. Россинский, говоря, что «гораздо разумнее сосредоточиться на поисках более прагматичных путей выхода из сложившейся ситуации посредством внесения ряда коррективов в федеральное, в первую очередь уголовно-процессуальное, законодательство» [13, с. 104]. В подобном направлении мыслит и В. Н. Григорьев: «Выстраивая логику эволюции института задержания подозреваемого, можно предполагать, что дальнейшее его развитие пойдет по пути выработки нормативного механизма обхода конституционного ограничения срока содержания лица под стражей без судебного решения» [14, с. 1413].

Парадоксальна ситуация, когда одновременно в судебной практике существуют три подхода к исчислению срока задержания. Как представляется, разночтения в понимании норм, связанных с ограничением конституционных прав, недопустимы. Трудно судить о причинах подобного отношения к исчислению срока задержания. Непонимание, правовой нигилизм или намеренное толкование нормы стороной обвинения в свою пользу? Так или иначе, суды всегда исходят из конкретной ситуации, но выделяют главное – зачет времени фактического ограничения свободы в срок наказания. Думается, это оптимальный способ достижения баланса частных и публичных интересов в данных отношениях.

Учет времени фактического задержания при заключении под стражу или назначении наказания – тот путь выхода из сложившейся ситуации, который предлагает практика. Как представляется, доктрина и правовое регулирование должны развиваться именно в данном направлении. В науке между тем подобные предложения уже прозвучали. Так, И. В. Соболев предлагает исчислять срок задержания с момента составления протокола, а «в последующем суд, избирая меру пресечения в виде заключения под стражу, должен включить в срок задержания и срок фактического лишения свободы передвижения (фактического задержания)» [15, с. 81–82]. Б. Б. Булатов и В. В. Кальницкий говорят о необходимости «включения обстоятельств фактического ограничения свободы лица (начало, окончание, продолжительность, возможность причинения вреда здоровью и др.) в предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ, что обеспечит полное их исследование средствами уголовно-процессуального доказывания и учет при назначении наказания или реабилитации» [16, с. 10; 17, с. 155]. Оба предложения вполне могут рассматриваться как варианты разрешения существующих противоречий. Также авторы делают фундаментальный вывод о том, что «в пересмотре нуждается отношение к 48-часовому сроку задержания: это не элемент репрессии, который следует минимизировать за счет вычета из него времени фактического ограничения свободы передвижения лица, а общественно полезный обеспечительный этап законного и обоснованного судебного разрешения ходатайства о заключении лица под стражу» [16, с. 11]. Как показывает практика, срок задержания исчисляют с момента доставления к следователю, а тот факт, что до этого момента имело место фактическое задержание, не является препятствием к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу или продлению срока задержания. Поэтому целесообразно «оставить» органам расследования конституционные 48 часов, а время, затраченное сотрудниками полиции на захват и доставление (иные действия и мероприятия), подлежит зачету в срок отбытия наказания. Разумеется, данные размышления не касаются ситуации, когда задержание производится по поручению следователя, дознавателя: в таком случае срок задержания должен исчисляться с момента ограничения свободы передвижения.

3 заключение

Исчисление срока задержания с момента доставления к следователю либо с момента составления протокола, как это сейчас принято на практике, а также позиции ученых, легитимизирующие такое правоприменение, указывая на буквальное толкование положений п. 15 ст. 5 и ст. 92 УПК РФ – варианты действия «здесь и сейчас», окончательным решением проблемы их назвать трудно. Необходим радикальный шаг, влекущий изменение подхода к сроку досудебного лишения лица свободы. Чтобы не отнимать и без того малый 48-часовой срок

у органов расследования, время так называемого фактического задержания нужно засчитывать в срок содержания под стражей при избрании меры пресечения либо учитывать при назначении наказания (причем данные варианты не являются взаимоисключающими).

Между тем лица, привлекаемые к уголовной ответственности, вынуждены добиваться зачета вышеуказанного времени в срок наказания путем подачи апелляционных жалоб либо доказывать обстоятельства фактического «доследственного» ограничения свободы в судебном заседании при рассмотрении дела по существу. В связи с этим необходимо закрепить в законе механизм учета времени фактического ограничения свободы передвижения, которое имело место до процессуального задержания. Как представляется, данные обстоятельства могут и должны быть установлены в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу либо при рассмотрении дела по существу и зачтены в общий срок содержания под стражей. Разумеется, время и обстоятельства фактического задержания должны быть учтены и при реабилитации. В то же время представляется необходимым, чтобы в закон были внесены изменения, предусматривающие однозначную формулировку момента начала исчисления срока задержания. Предпочтительным в этой части можно считать момент составления протокола задержания. Сложившаяся практика, как и конституционный 48-часовой срок задержания – реальность, с которой нужно считаться и реализовать ее в законе. Таким путем можно обеспечить право граждан на свободу и личную неприкосновенность, не урезая публично важный для органов расследования временной промежуток, призванный обеспечить законное и обоснованное разрешение ходатайства о заключении под стражу.

Список источников

1. Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности : монография. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2006. 182 с.
2. Григорьев В. Н. Реперные точки в понятиях о фактическом задержании подозреваемого // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 4 (56). С. 50–57.
3. Супрун С. В. Разграничение физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Уголовное право. 2007. № 1. С. 92–96.
4. Стародубова Г. В. Задержание подозреваемого: проблема исчисления срока // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 1. С. 20–24. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-20-24>.
5. Овчинникова Н. О. Пробелы правового регулирования порядка и сроков задержания лица по подозрению в совершении преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5 (154). С. 241–247. <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-5-241-247>.
6. Десятова О. В. Природа правоотношений, возникающих при фактическом задержании // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (61). С. 73–80.
7. Шадрин В. С. Обеспечение права на свободу передвижения при задержании лица по подозрению в совершении преступления (сравнительно-правовой анализ) // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 151–160. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.19>.
8. Победкин А. В., Яшин В. Н. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 1-2. С. 16–24.
9. Барабаш А. С., Ретюньских И. А. О некоторых проблемах исчисления срока задержания лица по подозрению в совершении преступления // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12 (228). С. 404–406. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_12_404.
10. Азаренок Н. В., Давлетов А. А. С какого момента следует исчислять срок задержания подозреваемого? // Российский следователь. 2018. № 5. С. 8–11.
11. Гапонова В. Н. К вопросу о задержании в уголовном судопроизводстве России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 132–141. <https://doi.org/10.55001/2312-3184.2022.10.25.011>.
12. Гриценко Т. В. Проблемные вопросы исчисления срока задержания подозреваемого // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 37–38.
13. Россинский С. Б. Неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве: о «призовом» месте России в «конкурсе» на самый короткий срок ограничения свободы без решения суда // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 97–105. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.12>.
14. Григорьев В. Н. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Как источник изначального смысла современных уголовно-процессуальных категорий // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1409–1414.
15. Соболев И. В. Проблемы исчисления сроков задержания и содержания под стражей по уголовному делу // Закон и право. 2008. № 3. С. 81–82.
16. Булатов Б. Б., Кальницкий В. В. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1 (88). С. 5–11. <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2023-188-5-11>.
17. Кальницкий В. В. О наименовании и так называемом неотложном характере задержания подозреваемого // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова, г. Омск, 16 февраля 2024 г. Омск : Омская академия МВД России, 2024. С. 155–160.

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Научная статья

УДК 378.048.2

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-202-212>

Модульная технология обучения адъюнктов иноязычной лексике научного стиля

Евгения Владимировна Гнездилова, кандидат педагогических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России
Барнаул (656038, ул. Чкалова, д. 49), Российская Федерация
koro_evgenia@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-8564-4713>

Аннотация:

Введение. Выбор эффективной технологии обучения иностранного языка в адъюнктуре является ключевым фактором для его успешного освоения. Инновационные методы и инструменты не только повышают вовлеченность обучающихся в процесс обучения, но и делают его гибким, комбинированным, активным и творческим. Данным характеристикам соответствует модульная технология, наиболее полно определяющая стратегию иноязычного профессионально ориентированного обучения в адъюнктуре. Обзорный анализ исследования выявил низкую теоретическую и практическую разработанность применения модульной технологии в процессе обучения адъюнктов иноязычной лексике научного стиля. Эта проблема, однако, актуальна для данной категории обучающихся, т. к. они углубленно занимаются научными исследованиями и активно используют зарубежные базы данных.

Методы. В данном исследовании применялся комплекс методов: анализ педагогической и лингвистической литературы, сравнительный анализ (сопоставление способов выражения лексических единиц в английском и русском языках), опросно-диагностический метод, включенное наблюдение.

Результаты. В исследовании конкретизирована и обоснована актуальность применения модульной технологии в адъюнктурах образовательных организаций системы МВД России, выявлены особенности модульной технологии в процессе обучения использования иноязычной лексики научного стиля, обозначены критерии отбора учебного материала в блоки. На основании этого разработана программа модульного обучения иноязычной лексике научного стиля и сформулированы рекомендации для преподавателей по организации модульного обучения адъюнктов. Выявлено, что модульная технология в адъюнктуре позволяет изучать иностранный язык в более структурированной и организованной формах. Каждый модуль, являясь отдельной единицей обучения, имеет четкие рекомендации по выполнению и изучается самостоятельно в рамках аудиторной и внеаудиторной работы. Важно, что в работе традиционная система обучения не исключается полностью, а комбинируется с модульной технологией, что в целом улучшает результативность процесса обучения адъюнктов иноязычной лексике научного стиля.

Ключевые слова:

обучающий модуль, модульная технология обучения, модульный блок, адъюнктура, иностранный язык, научный стиль, нормативные правовые акты, законодательство об образовании

Для цитирования:

Гнездилова Е. В. Модульная технология обучения адъюнктов иноязычной лексике научного стиля // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 202–212. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-202-212>.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 28.02.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

© Гнездилова Е. В., 2025

Original article

Modular technology of teaching foreign language vocabulary of scientific style to postgraduates

Evgenia V. Gnezdilova, Cand. Sci. (Ped.), Docent

Barnaul Law Institute of the MIA of Russia
49, Chkalova str., Barnaul, 656038, Russian Federation
korol_evgenia@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-8564-4713>

Abstract:

Introduction. *The choice of effective technology for teaching a foreign language at the level of postgraduate education is a key factor for its successful mastering. Innovative methods and tools not only increase trainees' involvement in the learning process, but also make it flexible, combined, active and creative. These characteristics correspond to the modular technology, the best defining the strategy of foreign language professionally oriented learning in postgraduate education. The researches review and analytical examination revealed low theoretical and practical development of the application of modular technology in the process of teaching foreign language vocabulary of scientific style to postgraduates. This issue, however, is relevant for such a category of trainees, as they are deeply involved in scientific research and actively use foreign databases.*

Methods. *The research is based on a set of methods: analysis of pedagogical and linguistic literature, comparative analysis (comparison of expressing lexical concepts in English and Russian), questionnaire-diagnostic method, and observation.*

Results. *The author specifies and substantiates the relevance of modular technology application in postgraduate programs of educational organisations of the Ministry of the Interior of Russia, reveals the features of modular technology in teaching how to use foreign language vocabulary of scientific style, outlines the criteria for selecting teaching material into blocks. Accordingly, the programme of modular teaching of foreign language vocabulary of scientific style is developed and recommendations on organising modular teaching of postgraduates are formulated. The author revealed that modular technology in postgraduate education makes it possible to study a foreign language in a more structured and organised form. Each module, being a separate unit of training, has clear recommendations for implementation and is studied independently within the framework of auditorium and extracurricular activities. It is important that the traditional teaching system is not totally eliminated, but combined with modular technology. This generally improves the effectiveness of the process of teaching foreign language vocabulary of scientific style to postgraduates.*

Keywords:

training module, modular teaching technology, modular block, postgraduate education, foreign language, scientific style, normative legal acts, legislation on education

For citation:

Gnezdilova E. V. Modular technology of teaching foreign language vocabulary of scientific style to postgraduates // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P.202–212. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-202-212>.

The article was submitted September 9, 2024; approved after reviewing February 28, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Современные условия и модернизация отечественной системы образования вынуждают искать новые подходы к обучению иностранному языку в образовательных организациях системы МВД России. Преподаватели выполняют непростую задачу пересмотра образовательных программ, поиска новых технологий и методов, обеспечивающих предоставление качественных услуг, в целом повышающих конкурентоспособность учебного заведения. Непрерывность высшего образования является одной из важных педагогических задач. Адьонктура, представляющая собой высшую ступень многоуровневой системы, осуществляет подготовку кадров научной квалификации юридического профиля. Целью обучения в рамках дисциплины «Иностранный язык» является достижение высокого профессионального уровня владения языком, что открывает возможность иметь доступ к международным научным ресурсам в исследовательской деятельности. Однако уровень языковой подготовки обучающихся, как правило, не соответствует образовательным требованиям. К тому же в методической системе преподавания иностранного языка в образовательных организациях не существует четких

рекомендаций по обучению адъюнктов конкретным видам речевой деятельности и аспектам языка. Для достижения поставленной цели исключительно важна технология, способствующая гибкости, четкости и качеству образовательного процесса. Данным требованиям соответствует модульная технология, основанная на системе поэтапного введения модульных блоков в обучение.

Исходя из этого, проблему исследования мы видим в потребности разработки программы обучения иноязычному лексическому материалу научного стиля на основе модульной технологии. Данная проблема определила тему нашей работы.

Цель исследования – разработка программы обучения иноязычному лексическому материалу научного стиля на основе модульной технологии. Для достижения данной цели решались следующие задачи:

- 1) проанализировать лингвометодическую и психолого-педагогическую научную и учебную литературу с целью определения современного состояния проблемы исследования;
- 2) выявить особенности модульной технологии обучения иноязычной лексике научного стиля в адъюнктуре;
- 3) определить критерии отбора лексического материала научного стиля в блоки;
- 4) сформулировать рекомендации по организации обучения адъюнктов иноязычной лексике научного стиля на основе модульной технологии для преподавателей образовательных организаций.

Понятие «модульная технология» и «модульное обучение» не являются тождественными. Модульная технология – более широкое понятие, включающее разнообразные подходы к организации процесса обучения и предполагающее разделение материала на модули. Модульное обучение ориентируется главным образом на процесс обучения, его структуру. Оно может использоваться и без инновационных технологий. Модульная же технология предполагает наличие платформ для организации более эффективного обучения. Эти два понятия, несомненно, взаимосвязаны, но являются разными аспектами образовательного процесса [1].

Методологической основой данного исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых. С. Постлуайта считают разработчиком «модульных единиц» [2, с. 14]. Он предложил любую единицу учебного материала считать независимой и включать ее в учебный план. Эти единицы он назвал «микро-самы», их объем и содержание определялись задачами курса. Впервые «микро-самы» были внедрены в 1969 году и получили широкое распространение в вузах США. Со временем эти курсы стали называться модулями. Активная же разработка модульной технологии началась с 1974 года после проведения конференции ЮНЕСКО в Париже. Целью этой конференции стал поиск гибкой и открытой образовательной структуры, соответствующей потребностям времени. Наилучшим образом этому соответствовала модульная технология, сочетающая различные формы обучения и позволяющая строить содержание обучения по блокам. В отечественную педагогику эта технология пришла позже и применялась в основном на высшей ступени обучения.

На современном этапе реализации множества образовательных программ, направленных на развитие разнообразных компетенций обучающихся, модульная технология стала одной из перспективных форм преподавания иностранного языка в образовательных организациях [3; 4; 5, с. 39–42].

В. А. Буркина рассматривает приоритеты модульной технологии в образовании и выделяет его высокую технологичность, которая определяется «структуризацией содержания обучения; четкой последовательностью предъявления всех элементов дидактической системы (целей, содержания, способов управления учебным процессом) в форме модульной программы; вариативностью структурных организационно-методических единиц» [6, с. 927]. В. С. Гудкова занимается вопросами определения преимуществ и недостатков модульно-рейтинговой системы. На основе подробного исследования системы она выявляет следующие ее недостатки: высокая трудоемкость при создании модулей, недостаточная педагогическая

квалификация преподавателя и слабое методическое обеспечение [7, с. 912]. Н. Т. Мамирова на конкретных примерах описывает опыт использования блочно-модульной технологии в системе профессиональной подготовки студентов [8]. А. Д. Кубегенова рассматривает модульные технологии как средство повышения эффективности подготовки специалистов Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Она подчеркивает: «В структуре модульной технологии имеет место и программированное обучение. Четкость и логичность действий, активность и самостоятельность студента, индивидуализированный темп работы, регулярная сверка результатов (промежуточных и итоговых), самоконтроль и взаимоконтроль – эти черты программированного подхода присущи предлагаемой технологии обучения» [9, с. 136]. А. А. Романкова занимается вопросами проектирования модульной структуры в образовательных организациях [10] и т. д.

Исходя из анализа научно-методической литературы и собственного опыта преподавания, мы определяем модульную технологию обучения иноязычной лексике как педагогическую технологию, основанную на использовании обучающих модулей, которые адъюнкты усваивают самостоятельно или с помощью преподавателя и достигают конкретных целей обучения иностранному языку.

Для получения целостной картины о системе модульной технологии нам необходимо уточнить понятие «обучающий модуль». В рамках изучения дисциплины «Иностранный язык» В. А. Яшманова рассматривает обучающий модуль «1) как тему, которую предлагается изучить за определенное количество часов; 2) как учебные блоки (говорение, аудирование, чтение и письмо); 3) как аспекты языка (лексика, грамматика); 4) как уровни владения иностранным языком; 5) как учебный материал, предлагаемый разным группам обучающихся (продвинутые, академические и группы выравнивания)» [11, с. 10]. Она вводит понятие «содержательного модуля» как «автономного законченного мини-курса с какой-либо формой отчетности по завершении» [11, с. 11], а также различает тематический и целевой модули. Тематический модуль предполагает комплексное развитие речевых навыков и умений внутри одной темы, а целевой – развитие навыков в пределах одного-двух видов речевой деятельности на материале разнообразной тематики.

Мы остановились на определении О. А. Какуриной, которая считает, что обучающий модуль по иностранному языку – это «логически завершенная, автономная единица содержания учебной дисциплины, включающая в себя информационный и деятельностный аспекты, усвоение которых должно завершаться соответствующей формой контроля знаний, умений, навыков, сформированных в результате овладения обучаемыми данным модулем» [12, с. 49].

Перечисленные исследования, находящиеся на стадии активной разработки, развивают теоретические и практические аспекты применения модульной технологии в образовательном процессе и способствуют систематизации опыта по обозначенной проблеме. Однако приведенные исследования не затрагивают вопроса применения данной технологии при подготовке научных кадров в адъюнктуре.

Методы

В исследовании использовались следующие методы:

- 1) анализ психолого-методической и лингвистической литературы с целью определения современного состояния проблемы исследования и разработки стратегии последующей работы;
- 2) сравнительный анализ (сопоставление способов выражения лексических единиц в английском и русском языках);
- 3) опросно-диагностический метод (проведение анкетирования, опросов и анализ результатов);
- 4) включенное наблюдение (наблюдение за обучающимися «изнутри», в заданных жизненных ситуациях и условиях).

Результаты и обсуждение

Исходя из тщательного изучения вопроса применения модульных технологий в системе высшего образования, мы организовали процесс обучения иностранному языку в адъюнктуре Барнаульского юридического института МВД России с применением обучающих модулей как цельных учебных разделов. Они представляют собой систему, объединяющую содержание учебного материала и способы овладения им, имеют четкую логику и последовательность, а изучение каждого из них заканчивается контролем и коррекцией результатов. Возможность повторения изученного ранее материала в каждом модуле – одно из важных требований.

При организации обучения мы опирались на основополагающее условие, что любой модуль должен иметь четкое методическое обеспечение, которое включает в себя следующие компоненты:

- 1) рабочую программу, определяющую цели обучения, содержание модулей и критерии оценки;
- 2) учебные материалы – учебники, методические разработки, аудио-, видеоматериалы и т. д.;
- 3) тесты и задания различной степени трудности для проверки усвоения учебного материала;
- 4) интерактивные ресурсы – онлайн приложения, веб-сайты, гипертексты и т. д.;
- 5) руководство по организации самостоятельной работы обучающихся.

Особенность модульной технологии в адъюнктуре такова, что совмещая плотный график обучения, научных исследований, преподавательской деятельности и личных обстоятельств, адъюнкт имеет возможность работать в удобное время и в индивидуальном темпе, выполняя задания, разработанные с учетом уровня его знаний. Это важно, поскольку имея лишь базовые знания, необходимо углубленно и эффективно изучать научную лексику и терминологию. Модули разрабатываются с учетом развития определенных навыков, таких как чтение и анализ иноязычных научных текстов, написание текстов, подготовка презентаций и т. д. Несомненным плюсом модульных технологий является включение в модули интерактивных технологий, онлайн-платформ, мобильных приложений – видеолекций, лексико-грамматических заданий, коммуникативных упражнений и других разнообразных заданий, адаптированных к потребностям обучающихся.

Следующей особенностью модульных технологий в адъюнктуре является то, что обучающиеся работают с разными функциональными стилями – научным, официально-деловым, публицистическим. Чаще всего им приходится сталкиваться с научным стилем. Этот стиль характерен для точного формального языка – языка научной литературы. Хорошее знание иноязычного лексического материала научного стиля открывает перед молодыми учеными перспективы: широкий доступ к исследованиям в области их научных интересов по всему миру; международное сотрудничество и обмен опытом; публикации в иноязычных научных журналах. Такие возможности профессионального роста способствуют распространению результатов молодых исследователей. Таким образом иностранный язык повышает конкурентоспособность ученого-юриста и его шансы на успешную карьеру существенно возрастают.

При поступлении в адъюнктуру обучающиеся имеют достаточную базу – лексическую и грамматическую – для более глубокого профессионально ориентированного обучения. Их словарный запас должен составлять около 4 500 лексических единиц и 700 терминов по специальности. Как правило, не все обучающиеся достигают такого результата, и на лексический аспект приходится уделять большее внимание как в рамках аудиторной, так и внеаудиторной самостоятельной работы. Овладение научной лексикой становится важным звеном в системе языковой подготовки, поскольку лексика – это строительный материал, являющийся непосредственным средством общения и передачи социального опыта.

Мы считаем, что овладение лексикой должно происходить во взаимосвязи с грамматической стороной, т. к. грамматика – это вид речевой деятельности, вызывающий всегда значительные сложности в усвоении. Поэтому системное «овладение грамматическим материалом должно

идти взаимосвязано с процессом овладения лексикой и развитием речевых навыков и умений. Наиболее целесообразным является применение лексико-грамматических модулей» [13, с. 376].

В процессе разработки заданий по обучению лексической стороне научных текстов в рамках модульной технологии мы определили следующие критерии:

- 1) аутентичность и профессиональная ориентированность лексического материала;
- 2) частотность употребления;
- 3) научная новизна, проблемность;
- 4) словообразовательная ценность;
- 5) жанровое разнообразие (научный, официально-деловой, публицистический стиль).

Учитывая перечисленные особенности и критерии, нами была разработана программа по обучению адъюнктов иноязычному лексическому материалу научного стиля в рамках модульной технологии. Программа состоит из пяти основных модулей и внутри модулей подразделяется на модульные блоки. Содержательная сторона блоков – научные профессионально ориентированные учебные материалы: научные тексты, газетные статьи, публицистическая информация, интерактивные материалы – аудио-, видеоматериалы, краткие грамматические видеокурсы, лексико-грамматические упражнения и т. д.

В конце модуля обучающимся предлагается список новой лексики, необходимой для овладения ею, и упражнения по ранее изученному материалу. С целью самоконтроля каждый модуль наделен промежуточными и итоговыми лексико-грамматическими тестами, интерактивными упражнениями. Кроме того при разработке модулей мы отталкивались от положения, что лексические навыки лучше развиваются с помощью разнообразных упражнений, структурированных в строго определенной последовательности¹.

Рассмотрим подробнее разработанную нами программу обучения адъюнктов иноязычной лексике научного стиля на основе модульной технологии.

Каждый из пяти модулей предполагает ознакомление с новой научной лексикой и ее введение в долговременную память путем употребления лексических единиц в самостоятельной речи. В каждом модуле мы выделили следующие блоки:

- 1) ознакомление с научной лексикой, раскрытие ее значения, формы и особенностей применения;
- 2) употребление лексики в упражнениях с целью запоминания;
- 3) контроль адекватности понимания научной лексики и восприятия ее формы. Для этого этапа характерны описательные упражнения, упражнения на нахождение соответствий и т. д. Эффективным является использование аудио- и видеоматериалов и ответы на вопросы по их содержанию.

Отметим, что выделенные блоки имеют также свои черты. Так, первый компонент – предъявление научной лексики – имеет практическое значение. Адъюнкты не просто усваивают новые слова, а тренируют произвольные механизмы запоминания путем наиболее рациональных способов работы с лексикой. К рациональным способам мы отнесли:

– вербальная демонстрация (дефиниция на русском и иностранном языке, введение их грамматических форм, иллюстрирующие ситуации, описание, семантико-синтаксический анализ и т. д.);

– невербальное представление (применение принципов визуализации и контекстуализации – понимание через контекст, языковая догадка).

На этапе предъявления лексики нужно понимать, что научная терминология подчиняется принципу системности, значит, и работать с ней нужно также в системе, не выделяя отдельно каждую единицу [14]. Мы отбирали лексику во взаимосвязи терминов, относящихся к той или иной юридической направленности согласно тематическому плану. Отметим, что хорошим

¹ Bersin J. The Disruption of Digital Learning: Ten Things We Have Learned: URL: <https://joshbersin.com/2017/03/the-disruption-of-digital-learning-tenthings-we-have-learned/2017> (дата обращения: 20.10.2024).

средством в процессе восприятия научной лексики является применение разнообразных контекстов, которые «предусматривают многократную рецепцию активизируемых специальных лексических единиц в составе текстов. Объектом таких заданий могут являться лексические операции по восприятию и пониманию ключевых терминов, отражающих основные понятия текста и составляющих его смысловую целостность» [15]. В качестве примера приведем следующие задания:

1. Lesen Sie den Text und erraten Sie die Bedeutung neuer Begriffe (ähnliche Begriffe werden im Text mit Ton oder Grafik mit Russisch unterstrichen). Überprüfen Sie Ihre Vermutung im Wörterbuch.

2. Lesen Sie den Text und sagen Sie, welches Vokabular unter dem Text das Hauptthema des Textes offenbart.

3. Lesen Sie den Text und wählen Sie Leitbegriffe für jeden Absatz aus, gruppieren Sie sie in Unterthemen und ordnen Sie sie der logisch-semanticen Struktur des Themas zu.

4. Lesen Sie den Text und finden Sie drei bis vier Mal eine Gruppe von Schlüsselbegriffen, die im Text vorkommen.

5. Lesen Sie den Text und finden Sie alle wichtigen speziellen lexikalischen Einheiten, die in der Definition der lokalen thematischen Gruppe enthalten sind.

Кроме предложенных вариантов заданий мы предлагаем адъюнктам упражнения на словообразование. Они способствуют эффективному пониманию системных связей научной лексики по теме и обучающиеся учатся выстраивать словообразовательные ряды [16]. Рассмотрим некоторые из заданий:

- Bilden Sie neue Substantive (Adjektive, Verben, Adverbien) mit bestimmten Suffixen (Präfixen);
- Bilden Sie komplexe Substantive und übersetzen Sie sie;
- Bilden Sie Antonyme Begriffe unter Verwendung geeigneter Suffixe und Präfixe.
- Gruppieren Sie Begriffe nach einem vorgegebenen Wortbildungsmodell.

Распознавание научной лексики в контекстах (юридические научные и публицистические тексты и словообразовательные ряды) способствует развитию контроля и самоконтроля понимания лексических единиц.

Следующий блок – закрепление научной лексики – направлен на автоматизацию операций по ее извлечению из памяти и развитие навыков применения этой лексики на практике. Задания носят в основном тренировочный характер и выполняются по реконструктивно-вариативному типу учебной деятельности. Важными в этом процессе являются упражнения на восприятие и воспроизведение научной лексики в ситуациях, приближенных к реальным речевым условиям. Основным средством при этом становится неадаптированный или частично адаптированный текст [17]. В процессе работы с текстом у адъюнктов формируются разнообразные навыки: интерпретация, анализ, языковая догадка, предвосхищение результатов и т. д. Причем запоминание научной терминологии осуществляется как произвольно, так и непроизвольно. На этом этапе мы используем следующие задания:

- Lesen Sie den Text (Absatz, Satz) und unterstreichen Sie die Rechtsgebiete; Bestimmen Sie unter Berücksichtigung dessen die Bedeutung der hervorgehobenen Wörter.

- Lesen Sie den gesamten Text und stellen Sie fest, worum es geht. Dies wird Ihnen helfen, die Bedeutung der hervorgehobenen unbekanntenen Wörter herauszufinden.

- Lies den Text. Wenn Sie ihre Funktionen in einem Satz bestimmen, können Sie die Bedeutung der hervorgehobenen unbekanntenen Wörter herausfinden.

- Wählen Sie eine stabile Kombination aus dem Text aus und übersetzen Sie sie wörtlich. Dies wird Ihnen helfen, eine Übereinstimmung dafür in Ihrer Muttersprache zu finden.

Дальнейший этап модуля по овладению научной лексикой адъюнктами направлен на закрепление навыков работы со специальной лексикой в самостоятельных высказываниях [18]. В качестве средств мы использовали научные тексты, схемы, электронные материалы и т. д. В процессе работы с источниками отрабатывались навыки выбора научной лексики и понимания

для выражения инварианта синтагмы, предложения, абзаца и всего текста. Рассмотрим некоторые формулировки заданий:

1. Lesen Sie den Text anhand dieser lexikalischen Mittel, suchen Sie den entsprechenden Absatz und formulieren Sie seine Invariante mithilfe lexikalischer Einheiten auf Russisch.

2. Lesen Sie den Text und wählen Sie die erforderlichen fremdsprachigen lexikalischen Mittel für den invarianten Absatz aus.

3. Lesen Sie den Text und finden Sie den Absatz, dessen Invariante diese These ist. Formulieren Sie verschiedene Versionen von Thesen mit den notwendigen lexikalischen Mitteln.

С целью формирования научно-исследовательских умений и навыков мы использовали следующие формулировки заданий:

1. Konzentrieren Sie sich auf den Titel des Textes und wählen Sie aus den vorgeschlagenen Grafiken und Diagrammen grafisches Material dafür aus.

2. Wählen Sie eine Anmerkungsoption (aus mehreren Vorschlägen) für den entsprechenden Text aus.

3. Machen Sie eine Aussage zur These (Plan, Diagramm).

4. Lösen Sie ein Kreuzworträtsel zum vorgeschlagenen Thema.

Наиболее сложными упражнениями на данном этапе стали научно-творческие задания, направленные на развитие мотивационно-побудительной речевой деятельности. Рассмотрим примеры этих заданий.

1. Wählen Sie Materialien aus den vorgeschlagenen Quellen aus, um die folgenden Probleme zu lösen:

– Ausarbeitung einer Erfindungsanmeldung;

– Erstellung eines Berichts über neue Errungenschaften im Forschungsbereich;

– Durchführung von Patentrecherchen usw.

2. Bereiten Sie einen Bericht (eine Nachricht) zum vorgeschlagenen aktuellen Thema vor.

Заключительным блоком модуля стало проведение научной конференции в группе адъюнктов. Нами была смоделирована научная встреча как форма взаимодействия в научной среде. Целью встречи стало расширение научной и официально-деловой лексики и формирование умения организовать эффективное речевое взаимодействие, соответствующее нормам научного сообщества. Для этого использовались следующие клише:

Präsentation eines Papiers.

1. Einführungspapier zu Sprachmustern

Herr Vorsitzender, meine Damen und Herren,

Es ist mir eine große Ehre, zu dieser Konferenz eingeladen zu werden.

In diesem Artikel möchte ich über das Konzept von ... sprechen.

Das Subjekt / Ziel / Zweck / Vorgabe / Ziel / Objekt besteht darin, sich damit zu befassen / zu bedecken / zu zeigen ...

Stellen wir uns zunächst vor, dass ... / Ich möchte meine Präsentation mit ... beginnen.

In der Einleitung zu meiner Arbeit möchte ich hervorheben ... .

2. Sprachmuster für den Hauptteil der Arbeit

Nach dieser Theorie/danach bleibt nur zu sagen, dass ...]

Ich möchte noch einmal betonen, dass ... / Es sollte betont werden, dass ... . Es sollte darauf hingewiesen werden, dass...

Lassen Sie mich Ihnen meine Erklärung von ... geben. / Lassen Sie mich nun zu ... kommen.

Überlegen wir, was passiert, wenn ... .

Stellen wir uns vor / schauen wir es uns genauer an ... / nehme an, dass ...

Dies gilt insbesondere für ... .

3. Sprachmuster zum Abschluss des Papiers

Da mir die Zeit davonläuft ... / Da meine Zeit davonläuft ... Bevor ich schliesse, möchte ich die Wichtigkeit von ... betonen.

Abschließend möchte ich noch ein paar Worte zu ... sagen.

Ich beende/schliesse dieses Papier mit einer Beschreibung von ... . Die Beurteilung überlasse ich Ihnen ...

Abschließend möchte ich noch ganz kurz erwähnen ... / Abschließend möchte ich sagen / wiederholen ...

Zusammenfassend möchte ich ... / Ich möchte hinzufügen ... / Lassen Sie mich Folgendes hinzufügen.

На наш взгляд, рассмотренные блоки: предъявление – закрепление – практика и упражнения в составе модуля играют важную роль в комплексном усвоении иноязычного лексического материала научного стиля. Их последовательное применение также способствует расширению грамматических навыков, критического мышления и анализа информации, что влияет на активное использование иностранного языка в практических целях и развивает коммуникативные навыки.

Кроме того, репродуктивные и творческие методы способствуют формированию единой образовательной траектории, на которой каждый новый этап совершенствует знания и навыки, полученные на предыдущем этапе. Происходит не только усвоение и применение лексики в самостоятельном высказывании, но и достижение коммуникативной цели обучения иностранному языку – улучшение устно-речевого общения в научно-профессиональной среде, развитие иноязычных умений на мотивационно-побудительном уровне речевой деятельности, совершенствование общеобразовательных и учебных умений работы с научным текстом, правовой литературой, формирование навыков аннотирования и реферирования текстов. К тому же работа по модулям на любом этапе может осуществляться как в рамках самостоятельной аудиторной, так и внеаудиторной работы.

Таким образом, модульная технология в процессе обучения адъюнктов иноязычной лексике научного стиля способствует не только эффективному овладению научной лексикой, но и повышает результативность обучения в целом.

На основании проведенной работы нами были разработаны рекомендации для преподавателей по организации обучения адъюнктов иноязычной лексике научного стиля на основе модульной технологии. Основные положения включают в себя работу по следующему алгоритму:

1. Четкая постановка цели на начальном этапе.
2. Подбор и разделение учебного материала на модули и блоки внутри модулей.
3. Разработка конкретных заданий и их структурирование с учетом логики формирования лексических навыков работы с научной литературой и возможностью организации индивидуальной траектории обучения.
4. Внедрение в образовательный процесс разнообразных видов и форм обучения с целью активизации аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы адъюнктов.
5. Организация целостной системы оценки качества обучения адъюнктов иноязычной лексике научного стиля.

Общие рекомендации касаются следующих положений: на начальном этапе следует познакомить адъюнктов с содержанием, профессиональной значимостью, актуальностью учебных материалов, предполагаемыми результатами и критериями оценки усвоения материала. На заключительном занятии рекомендуется подвести итоги, обобщить изученный материал, выделить важные содержательные части модуля и связи с другими модулями. Только в этом случае обучение может считаться завершенным по своему содержанию и процессу, и это будет подтверждением целостности процесса обучения в целом.

Аудиторная и внеаудиторная самостоятельная работа является значимой особенностью модульной технологии [19]. В связи с этим на преподавателя возлагается задача подбора качественного учебного материала. Данный учебный материал может использоваться адъюнктом индивидуально или в малых группах и сопровождаться подробными рекомендациями по выполнению заданий, критериями оценки, временными рамками. Преподаватель заранее обдумывает принцип распределения обучающихся в мини группы, распределение ролей между участниками и т. д.

Оценка результатов в системе модульной технологии научному лексическому материалу адъюнктов осуществляется поэтапно на протяжении модуля и включает в себя:

1. Текущий контроль и оценку достижений по каждому блоку модуля. Сюда относятся лексические диктанты, тестовые задания; лексико-грамматические контрольные работы, устные опросы, доклады по разделам тематического плана, рефераты.

2. Итоговый контроль, результатом которого являются достижения по всем модулям обучения.

Важно отметить, что система оценки должна включать итоговые задания, которые содержат самое важное и значимое по содержанию модуля [16]. Для обучающихся мы предложили следующие вопросы: *“Fassen Sie das unabhängige Studium des neuen Materials zusammen: Ziehen Sie eine Schlussfolgerung: In welcher Beziehung steht das untersuchte Material zu den geplanten Lernergebnissen? Welche Ergebnisse habe ich erzielt? Was habe ich gut gemacht? Warum hat nicht alles so geklappt, wie wir es wollten? Wie können neue Fähigkeiten und Kenntnisse in Zukunft genutzt werden?”* Ответы на эти вопросы выявляют слабые и сильные стороны подготовки адъюнкта, и помогают педагогу в последующей организации занятий.

3 **з**аключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Обучающий модуль по иностранному языку – это логически завершенная, автономная единица содержания учебной дисциплины, включающая в себя информационный и деятельностный аспекты, усвоение которых должно завершаться соответствующей формой контроля знаний, умений, навыков, сформированных в результате овладения обучаемыми данным модулем.

2. Методическими компонентами модуля являются: рабочая программа, перечень оптимальных инновационных методов и организационных форм, учебные материалы, тесты и задания для проверки усвоения учебного материала, интерактивные ресурсы, руководство по организации самостоятельной работы.

3. Особенность модульной технологии в адъюнктуре заключается в возможности работать в удобное время и в индивидуальном темпе, выполняя задания с учетом развития иноязычных навыков, во включении в модули интерактивных технологий и в преимущественном использовании научного стиля учебных материалов внутри модуля, соответствующих целям методов обучения и организационных форм самостоятельной работы.

4. Критериями отбора лексического материала в блоки служат: аутентичность и профессиональная ориентированность лексического материала, его частотность и словообразовательная ценность, научная новизна, проблемность, жанровое разнообразие.

5. Программа обучения адъюнктов иноязычной лексике научного стиля на основе модульной технологии состоит из пяти модулей, включающих блоки: предъявление научной лексики, раскрытие ее значения, формы и особенностей применения; употребление научной лексики в упражнениях с целью запоминания; контроль адекватности понимания научной лексики и восприятия ее формы.

6. Научная терминология модулей отбирается по принципу системности, во взаимосвязи терминов, относящихся к той или иной юридической направленности

7. На основании проведенного исследования были разработаны рекомендации для преподавателей по организации обучения адъюнктов иноязычной лексике научного стиля на основе модульной технологии.

Данная работа позволила сформулировать направления дальнейших исследований по вопросам повышения уровня результативности обучения иностранному языку в адъюнктуре: обучение аудированию в рамках модульной технологии, организация модульно-рейтингового

контроля качества подготовки адъюнктов по иностранному языку, модульное обучение в адъюнктуре средствами информационных технологий, интерактивная модульная технология обучения иностранному языку. С исследованием этих и подобных задач мы связываем нашу дальнейшую научную работу.

Список источников

1. Геворкян Е. Н., Савенков А. И., Львова А. С. Проектирование модульного построения процесса обучения будущих учителей в магистратуре // Современные проблемы профессионального и высшего образования: состояние и оценка : коллективная монография / авт.-сост. : С. Н. Чистякова, Н. Д. Подуфалов, Е. Н. Геворкян. Москва : Экон-Информ, 2019. С. 147–155.
2. Юцявичене П. А., Пасвянскене В. Р. Модульный подход к обучению иностранным языкам в системе вуз – последипломное обучение / Планирование и управление повышением квалификации руководящих работников и специалистов : тезисы докладов Республиканской научно-методической конференции, г. Вильнюс, 28–29 января 1987 г. Вильнюс : ИПКСНХ ЛатвССР, 1987. С. 105–109.
3. Мартынова О. В. Инновационные технологии в ракурсе модульного обучения иностранному языку / Современные тенденции развития системы подготовки обучающихся: региональная практика : материалы международной научной конференции, г. Красноярск, 12 декабря 2023 г. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2024. С. 265–267.
4. Поникаровская В. В. Модульное обучение иностранному языку: применение технологии для языковой подготовки студентов неязыковых специальностей вуза / Лингводидактические особенности обучения иностранным языкам в неязыковых вузах : сборник статей III научно-практической конференции с международным участием, г. Москва, 20 мая 2020 г. Москва : Канцлер, 2020. С. 217–223.
5. Социо-кросс-культурный подход в современном образовательном пространстве школы и университета : коллективная монография / Андреев Ю. К., Антропова Р. М., Волкова А. А. [и др.] ; под ред.: Г. А. Ферапонтова, О. В. Мишутиной. Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2022. 161 с.
6. Буркина В. А. О некоторых приоритетах модульного обучения в вузе // Молодой ученый. 2014. № 4 (63). С. 925–927.
7. Гудкова В. С. Модульно-рейтинговая система как средство повышения качества обучения // Молодой ученый. 2015. № 8 (88). С. 910–912.
8. Маширова Н. Т. Применение блочно-модульной технологии в развитии профессиональной деятельности студентов колледжа // Молодой ученый. 2013. № 9 (56). С. 385–387.
9. Кубегенова А. Д., Тажжуран А. Е., Имангалиева А. Н. Модульная технология обучения как средство повышения эффективности подготовки специалистов ИКТ / Педагогическое мастерство : материалы X Международной научной конференции, г. Москва, 20–23 июня 2017 г. Москва : Буки-Веди, 2017. С. 135–137.
10. Романкова А. А., Титова Е. И. Проектирование модульной структуры курса высшей математики в вузе // Молодой ученый. 2014. № 7 (66). С. 556–557.
11. Ямшанова В. А. Переход на модульное обучение иностранным языкам как реализация идей Болонской декларации / Иностранные языки в экономических вузах России : Всероссийский научно-информационный альманах. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2006. № 5. С. 6–22.
12. Кажурина О. А. О модульной технологии обучения иностранным языкам // Труды Псковского политехнического института. 2007. № 11-1. С. 48–52.
13. Курпешко Н. Н. Система обучения научной лексике // Вопросы методики преподавания в вузе. 2015. № 4 (18). С. 374–378.
14. Потапова Н. В., Сергеева Н. Н. Развитие иноязычных лексических умений, обучающихся среднего профессионального образования на основе приемов нейролингвистического программирования // Язык и культура. 2022. № 22. С. 230–249; <https://doi.org/10.17223/19996195/60/13>.
15. Наследова А. О. Обучение в сотрудничестве как эффективная форма модульного обучения деловому английскому языку // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3-7. С. 38–41.
16. Ладонина Е. Ю. Система упражнений для самостоятельной работы студентов неязыковых факультетов по овладению иноязычной лексикой на основе специального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18), ч. 2. С. 99–101.
17. Ковалева Ю. Ю. Модульное обучение иностранному языку студентов технического вуза // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 180–182.
18. Абитов Р. Н. О результатах реализации модульной программы как средства интенсификации обучения иностранному языку в строительном вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 57-12. С. 3–10.
19. Петровский А. М. Моделирование профессиональной подготовки специалиста химического производства в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-4. С. 196–198.

Научная статья

УДК 37.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-213-222>

Развитие личности в образовании как педагогическая стратегия противодействия ментальной агрессии

Наталья Владимировна Ходякова¹, доктор педагогических наук, доцент
Наталья Владимировна Сердюк², доктор педагогических наук, профессор
Наталья Федоровна Виноградова³, доктор педагогических наук, профессор

^{1,2} Академия управления МВД России

Москва (125993, ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8), Российская Федерация

³ Институт стратегии развития образования

Москва (101000, ул. Жуковского, д. 16), Российская Федерация

¹ hodyakova@yandex.ru, ² natalyaserduk@inbox.ru, ³ nfv@bk.ru

¹ <http://orcid.org/0000-0003-4340-0744>, ² <http://orcid.org/0000-0001-5538-3406>, ³ <http://orcid.org/0009-0007-8093-6237>

Аннотация:

Введение. В статье представлены педагогические стратегии противодействия ментальной агрессии в контексте ресурсов современного образования в условиях проводимой коллективным Западом гибридной войны против Российской Федерации. В этой связи современная система образования должна оперативно реагировать на современные вызовы и угрозы и предлагать в педагогическом процессе актуальные практики, методики, технологии и стратегии противодействия не только негативному информационно-психологическому воздействию на личность, но и ментальной агрессии в целом.

Цель исследования: выявить ресурсы развития личности в образовании для противодействия ментальной агрессии манипуляторов сознанием.

Методы: сопоставление (методологических подходов и концепций: личностно ориентированного подхода, концепции личностной свободы человека, гуманитарно-антропологического подхода, герменевтического подхода, аксиологического подхода, ситуационно-средового подхода, концепции педагогической поддержки).

Результаты. Представлены актуальные педагогические подходы как педагогические ресурсы сохранения целостности личности и традиционных духовных ценностей общества.

Ключевые слова:

личность, развитие, ментальная агрессия, манипуляция сознанием, гибридная война, педагогические подходы, педагогические стратегии, противодействие, образование, воспитание, обучение

Для цитирования:

Ходякова Н. В., Сердюк Н. В., Виноградова Н. Ф. Развитие личности в образовании как педагогическая стратегия противодействия ментальной агрессии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 213–222. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-213-222>.

Статья поступила в редакцию 15.12.2024;
одобрена после рецензирования 23.01.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Personality development as a pedagogical strategy in counteracting mental aggression

Natalia V. Khodyakova¹, Dr. Sci. (Ped.), Docent
Natalya V. Serdyuk², Dr. Sci. (Ped.), Professor
Natalya F. Vinogradova³, Dr. Sci. (Ped.), Professor

^{1,2} Academy of Management of the MIA of Russia

8, Z. and A. Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russian Federation

³ Institute for Strategy of Education Development

16, Zhukovskogo str., Moscow, 101000, Russian Federation

¹ hodyakova@yandex.ru, ² natalyaserduk@inbox.ru, ³ nfv@bk.ru

¹ <http://orcid.org/0000-0003-4340-0744>, ² <http://orcid.org/0000-0001-5538-3406>, ³ <http://orcid.org/0009-0007-8093-6237>

© Ходякова Н. В., Сердюк Н. В., Виноградова Н. Ф., 2025

Abstract:

Introduction. *The article deals with the pedagogical strategies in counteracting mental aggression within the modern education resources in the context of hybrid warfare waged by the collective West against the Russian Federation. In this regard, the modern education system should promptly respond to modern challenges and threats and introduce actual practices, methods, technologies and strategies in the pedagogical process to counteract not only the negative information-psychological pressure on the personality, but also mental aggression in general.*

The aim of the research is to identify educational resources that should be used for the personality development in counteracting the mental aggression of manipulators of consciousness.

The main method is the comparison of methodological approaches and concepts: personality-oriented approach, concept of personal freedom of a person, humanitarian-anthropological approach, hermeneutic approach, axiological approach, situational and environment approach, concept of pedagogical support.

Results. *Actual pedagogical approaches as pedagogical resources for preserving the integrity of the personality as well as traditional spiritual values of the society are presented.*

Keywords:

personality, development, mental aggression, mental manipulation, hybrid warfare, pedagogical approaches, pedagogical strategies, counteraction, education, upbringing, training

For citation:

Khodyakova N. V., Serdyuk N. V., Vinogradova N. F. Personality development as a pedagogical strategy in counteracting mental aggression // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 213–222. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-213-222>.

The article was submitted December 15, 2024; approved after reviewing January 23, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Изменения в общественной жизни, связанные с научно-техническим прогрессом, стремительным развитием информационных технологий, средств коммуникации, масс-медиа и, как следствие, широким распространением массовой культуры, индустрии моды и развлечений, рекламного бизнеса, PR-кампаний, привнесли в жизнь россиян новые риски и угрозы. Все чаще истинно культурные потребности людей, базовые общечеловеческие идеалы и ценности, гуманистические смыслы дискредитируются и подменяются прагматическими потребностями, ценностями личного успеха, потребительскими целями, сиюминутными интересами.

За годы, последовавшие за распадом СССР, выросло несколько поколений россиян, которые перестали воспринимать жизнь как процесс преодоления внешних и внутренних трудностей, неперемное условие для внутреннего роста и развития, а лишь как череду нескончаемых удовольствий, смелых экспериментов с собственной и чужой жизнью, за которые не придется расплачиваться ни ментально, ни материально, ни политически. На постсоветском пространстве к началу «нулевых» в светской этике, образовании и культуре возобладали западная традиция позитивистской философии, направленная на культ индивидуальной выгоды и пользы («правильно то, что выгодно и полезно лично для меня, а не для других»), гедонизма, ревизии, а порой и критике государственного устройства и традиционных духовных ценностей, в т. ч. и традиционных религиозных, тогда как русская философско-религиозная и педагогическая традиция всегда тяготела к общественным (общинным) ценностям, превалировании духовного начала над материальным, симфонии церкви и государства.

Кроме того, негативное интеллектуально-психологическое воздействие на личность наших соотечественников, манипулирование их сознанием стали следствием осложнившейся внешнеполитической обстановки и развязывания гибридной войны против России, а также экспоненциально нарастающего количества мошеннических преступлений. Оказываемое во всех этих случаях влияние на разум, чувства и волю человека нацелено на изменение его восприятия окружающей действительности, на внешнее управление его поведением с целью деструкции не только личности, ее духовных и социальных связей, но и попыток дискредитации государственной власти, якобы не способной защитить своих граждан от новых вызовов и угроз. В связи с этим возникает проблема использования всех имеющихся в распоряжении общества ресурсов для противодействия ментальной агрессии, для обеспечения ментальной и информационно-психологической безопасности личности.

В обсуждаемом контексте определенную роль может и должна сыграть система отечественного образования как неисчерпаемый ресурс человекообразования и гуманизма.

Образование, понимаемое как единый и целенаправленный процесс обучения и воспитания человека, должно и может быть ориентировано на освоение им определенных компетенций и их применение в повседневной жизни, защиту интересов и всестороннее личностное развитие, создание условий для самоопределения на основе традиционных духовно-нравственных ценностей.

Методы

Утвердившаяся в России личностно-ориентированная образовательная парадигма фокусирует внимание педагогов и организаторов образовательного процесса на становлении, формировании и развитии таких личностных свойств, как мотивация и целеполагание, ценностные ориентации и смыслопоиск, критическое мышление, самостоятельность и автономность, свобода выбора и нравственная ответственность, воля и самоконтроль (В. В. Сериков, С. В. Белова [1; 2] и др.).

Как следует из проведенных в последние десятилетия педагогических исследований [3–10 и др.], основными подходами и концепциями, направленными на развитие личности в образовании, а, значит, и на противодействие ментальной агрессии выступают:

– личностно-ориентированный подход, утверждающий главной ценностью и целью образования личность обучающегося (воспитанника), развитие таких его субъектных свойств, как внутренняя мотивация собственной активности, критичность восприятия происходящего, ценностно-смысловая рефлексия и самоконтроль деятельности и поступков, нравственный выбор и др., представляющий образовательный процесс как сотворчество педагога и обучающегося (воспитанника);

– концепция личностной свободы человека, направленная на создание условий, обеспечивающих свободу выбора личности в образовательном процессе, предполагающая обязательное участие обучающегося (воспитанника) в целеполагании своей деятельности или самостоятельную постановку целей, обеспечение в образовательном процессе педагогически обоснованного сочетания его автономности и совместности, свободы и ответственности;

– гуманитарно-антропологический подход, предусматривающий развитие субъективной реальности (эмоций и чувств, мыслей и установок) и самосознания личности, ее ценностных отношений к окружающему миру и себе, поиск смыслов и становление авторской позиции в образовании и своей жизни;

– герменевтический подход, обеспечивающий диалогическое, «понимающее» общение педагога с другими субъектами образовательного процесса, развитие у личности опыта самопознания, приобщения к гуманитарной культуре, осмысления, понимания и интерпретации текстов;

– аксиологический подход, фокусирующий внимание на развитии индивидуальности и субъектного потенциала человека, не столько на передаче информации от педагога к обучающемуся (воспитаннику), сколько на ее ценности для личности, не столько на исполнении педагогом профессионально-нормативных предписаний, сколько на взаимоотношениях с другими участниками образования;

– ситуационно-средовой подход, нацеленный на специальное создание условий образовательной среды, ситуационно взаимодействуя с которой, субъект образовательного процесса проявляет себя как личность, адекватно воспринимает информацию, проверяет в образовательном или жизненном контексте свой когнитивный и практический опыт, обнаруживает возможности для самостоятельно мотивированной избирательной деятельности и рефлексивно-творческой активности;

– концепция педагогической поддержки, предполагающая оказание педагогической помощи личности в ситуациях образовательных затруднений, которая направлена не только на предоставление достаточных степеней свободы обучающемуся (воспитаннику) для его личностного развития и саморазвития, но и на выявление и предупреждение рисков, связанных с педагогически неуправляемыми факторами среды.

Подчеркнем, что применение названных подходов и концепций в практике личностно-развивающего обучения и воспитания изначально оказывается несовместимым с какими бы то ни было деструктивными психолого-педагогическими манипуляциями в образовательном процессе, например, с речевой агрессией педагога, пренебрежением мыслями и чувствами обучающихся (воспитанников), несправедливыми санкциями в отношении личности и субъективной оценкой [7].

Нетрудно также заметить, что у названных подходов и концепций есть общее смысловое ядро, состоящее в становлении и развитии у личности субъектных свойств, ее способности полноценно и критически воспринимать поступающую извне информацию, самостоятельно мотивировать свою деятельность и поведение, определять цели и задачи своей активности, ответственно принимать решения, осознавать и оценивать их значение и последствия как для себя, так и для других. Это говорит о возможности и необходимости использовать полученное в рамках обсуждаемых методологических подходов и концепций научно-педагогического знания в интересах обеспечения ментальной безопасности человека, а разработанные педагогические методики и технологии поставить на службу педагогического противодействия ментальной агрессии.

Обсуждение

В личностно-развивающих образовательных системах, проектируемых на основе личностного подхода, человек рассматривается не столько как объект внешних на него воздействий, в т. ч. педагогических, сколько в роли полноценного субъекта образования – субъекта рационального и эмоционально-чувственного восприятия информации, индивидуального определения образовательной траектории, ценностно-смысловых ориентаций, креативной деятельности и жизнотворчества.

Последовательно реализуемое личностно-развивающее образование и правовое просвещение, направленное на профилактику виктимного поведения, позволяет человеку быть независимым от внешних негативно-психологических влияний и манипулятивного управления, устойчивым в части своих базовых мировоззренческих установок и принципов, помогает ему целенаправленно и осознанно действовать, проявлять свою волю, контролировать эмоции и чувства, рефлексивно и ответственно оценивать последствия своих действий и поступков. Непрерывно развивающаяся и просвещенная личность приобретает своеобразный «иммунитет» против возможной в отношении нее ментальной агрессии.

Ментальная агрессия – это «высокоинтеллектуальный философско-мировоззренческий конфликт, в котором сознание индивида ... является предметом замены» [11, с. 524]. Ментальная агрессия включает когнитивно-информационный и эмоционально-психологический компоненты. Когнитивно-информационный компонент отвечает за изменение и искажение имеющихся знаний, фактов, данных и их интерпретаций (индивидуальной системы знаний, историко-архивных сведений, научных сведений, новостных сообщений и т. п.). Эмоционально-психологический компонент переформатирует эмоции и переживания человека, его оценки и настроения.

Ментальная агрессия содержательно и операционно тесно связана с манипуляцией, под которой исследователями в области социальной философии и социальной психологии понимается воздействие на сознание, психику, эмоции личности с целью управления ценностными ориентациями, формирования искусственных потребностей, мотивов, эмоционального настроения для изменения поведения в интересах инициатора манипулятивного воздействия. В центре манипулятивного воздействия, по мнению политолога О. В. Ланге, находится особая комбинация факторов внешней информационной среды и психологических особенностей человека, а результатом манипуляции является восприятие моделируемой манипулятором ситуации как оптимальной. Причем к средовым факторам манипуляции, в первую очередь, относят виртуализацию как способ конструирования подходящей псевдореальности и создание

различных симулякров, а к психологическим – фрагментарность восприятия и стереотипность сознания человека. Хотя, по мнению Пьера Тейяра де Шардена, «эволюция есть возрастание сознания. Возрастание сознания – действие к единению» [12].

Если обычная агрессия всегда заметна, ее субъект очевиден, то ментальная агрессия, как правило, имеет скрытый характер и часто соотносится с групповым субъектом. Попадая в сферу ментальной агрессии, человек зачастую не распознает ее, теряет свою идентичность и личные границы, демонстрирует нехарактерное для него ранее мировосприятие, инерционность сознания. Последствиями ментальной агрессии являются нарушения адаптации, эмоциональная нестабильность, неэффективность в решении жизненных задач и проблем [13].

Обращение к образованию как традиционно интерпретируемой в обществе сфере обеспечения информационно-психологической безопасности личности, созидания культурного образа человека, к сожалению, не гарантирует исключения в отношении него ментальной агрессии и манипулятивных воздействий. В профессиональной деятельности педагогических субъектов еще нередки такие деструктивные проявления, как мотивация власти и стремление подчинить своей воле другого, демонстрация собственного превосходства и самоутверждение, отношение к обучающемуся и воспитаннику исключительно как объекту педагогических воздействий.

Этой тенденции противостоит все более находящая отклик у исследователей и практических педагогов личностно-развивающая парадигма образования и педагогика понимания, центрированные на всестороннем поиске ценностно-целевых и содержательно-процессуальных характеристик обучения и воспитания, способствующих личностному росту «образующегося» человека, а также обоснованию и реализации соответствующих принципов, условий и средств организации педагогического процесса¹.

Федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного, школьного и профессионального образования нацеливают педагогов на уважение личности, обеспечение ее активности в учебно-воспитательном процессе, проявление инициативы, самоопределения и самореализации обучающегося, личностно-развивающий и гуманистический характер педагогической деятельности и коммуникации. Однако только констатация этих тезисов в нормативных документах не гарантирует перестройку образовательного процесса на личностно-развивающих началах, т. к. они не объясняют природу и психолого-педагогические механизмы развития человека как личности, не всегда осознаются педагогами как наиболее значимые регуляторы их профессионального поведения и межличностных отношений.

Сегодня в процессе получения образования школьники и студенты изучают различные учебные курсы, связанные с комплексной безопасностью человека. В их числе «Основы безопасности жизнедеятельности», «Финансовая грамотность», «Информационная безопасность» и др. Однако количество жертв ментальной агрессии среди детей и молодежи только увеличивается.

Вероятно, в контексте борьбы с ментальной агрессией речь должна идти не о формальном упоминании требований к педагогическому процессу, его субъектам и организаторам, не о новых учебных дисциплинах и модулях, появляющихся в учебных планах, а о новой педагогической стратегии, с личностно-развивающих позиций трансформирующей цели, содержание и отбор методов обучения и воспитания детей и юношества. И без обращения к достижениям и результатам научных исследований в области педагогики здесь не обойтись.

Рассмотрим некоторые педагогические тактики, конкретизирующие личностно-развивающую педагогическую стратегию и обеспечивающие противодействие ментальной агрессии средствами образования, учитывая постепенное усложнение задействованных в них психологических механизмов и логику образовательного процесса [8].

Адекватное восприятие и структурирование информации. Личность, сталкиваясь в образовательной среде с новой для себя информацией, пытается ее освоить, встроить в уже имеющуюся у нее систему представлений, задействует психологические механизмы чувственного восприятия и приспособления (адаптации) к новому. Для этого педагог должен

¹ Сенько Ю. В., Фроловская М. Н. Педагогика понимания : учебное пособие. Москва : Дрофа, 2007. 189 с.

обеспечить для обучающегося (воспитанника) преемственную связь уже накопленного и нового знания, расставить смысловые акценты, помочь развивающейся личности выделить главное в информационном массиве, задать образец восприятия и упорядочивания информации. С этой точки зрения, результативными являются инструкции и примеры эффективной работы с полимодальной информацией (текстовой, аудиальной, визуальной) самого педагога, своевременное обнаружение и коррекция допускаемых обучающимся (воспитанником) рецептивных, логических и технических ошибок, подходящий пространственно-временной режим информационно-интеллектуальной активности, положительное подкрепление достигаемого успеха.

Такая педагогическая деятельность формирует у личности привычку выделять в информационном потоке самое существенное, достраивать изначально фрагментарную или разрозненную информацию до полноценного образа осваиваемой реальности, осуществлять самопроверку точности восприятия и логической связности нового материала. Надо ли говорить, что личность со сформированным умением распознавать главное, логическими навыками, опытом контроля своих умозаключений менее подвержена ментальной агрессии, нацеленной на расфокусировку субъекта в постижении и понимании нового сообщения, формирование в сознании неструктурированной и искаженной псевдореальности.

Мотивированность, избирательность, самостоятельность деятельности. Данная педагогическая тактика предполагает оформленность концептуально-логического аппарата мышления обучающегося (воспитанника) и рассчитана на развитие опыта «самости» в любых видах образовательной активности. Деятельность педагога состоит в предоставлении личности возможности для апробации разнообразных видов и средств деятельности, самостоятельного определения обучающимся (воспитанником) партнеров по взаимодействию и обоснования внутренних мотивов этих действий, ревизии и осознании им своих способностей. Ведущие психологические механизмы, используемые в данной тактике – свободный выбор, мотивация, соревновательность.

Самостоятельное осуществление личностью той или иной образовательной деятельности, генерализуемое данной педагогической тактикой, предполагает проявление в этой деятельности ее субъектных функций: мотивационной обоснованности, целеполагания, личностной свободы, позитивного сотрудничества с другими, самоанализа производимых действий и их результатов, поиска направлений дальнейшего самодвижения. Это исключает зависимость человека от внешнего управления его действиями и поведением, насилие над психикой, а следовательно, и ментальную агрессию.

Избирательность контактов, их сокращение. В образовании человека необходимо научить цивилизованно организовывать круг своего общения, отбирая в него не столько «нужных» в бытовом отношении людей, но людей, значимых лично для себя, для личностного роста и развития, могущих чему-то научить, передать, например, секреты профессионального мастерства, подлинных наставников и учителей жизни.

Уклонение от ментального захвата, его прерывание. Средствами образования возможно подготовить человека к противодействию ментальной агрессии посредством несложных техник прерывания контакта с манипулятором, постановки множественных вопросов, могущих «выбить из колеи» даже опытного манипулятора сознанием, сбить с определенного ритма реализации манипулятивной технологии, переформатировать информационную повестку.

Изменение темпа общения. Научить подобной технологии возможно в рамках любой дополнительной профессиональной программы, в которой предусмотрено обучение полемическим приемам и технологиям ведения дискуссии и споров. Манипулятивные техники чрезвычайно зависимы от темпа реализации, поэтому нередко манипуляторы, например,

телефонные мошенники «торопят» потенциальную жертву принять решение (перевести денежные средства, взять потребительский кредит, переписать собственность на третьих лиц и пр.). Ментальная агрессия тогда достигает цели, когда ее воздействие опережает процесс мобилизации психологических защит личности.

Игнорирование «информационного шума». Наше время – время апогея «информационного шума», в котором продвигаемые идеи сопровождают факультативные, часто пустые и ничтожные. В ходе обучения безопасности жизнедеятельности возможно научение тактике и методам «отсеивания шума», которое является помехой для критического восприятия информации.

Нетривиальность коммуникативных реакций. В процессе образования личности раскрываются ее коммуникативные способности, которые опосредованы эмоциональными реакциями на типичные и нетипичные обстоятельства. Некоторые реакции вполне предсказуемы: если нас, запугивают, мы испытываем тревогу, страх и даже панику, что искажает объективность восприятия действительности (например, в ситуации все того же телефонного мошенничества). В качестве дополнительной стратегии противодействия ментальной агрессии современное образование могло бы и предлагает не только все вышесказанное, но и формирование нетривиальных коммуникативных реакций (поведения) на экстремальные ситуации. Этой стратегии обучают не только в театральных вузах, но и в образовательных организациях «силовых» ведомств, таких, например, как образовательные организации МВД России.

Контроль эмоциональной сферы. В сердцевине процесса воспитания лежит осознанное управление собственными эмоциями, волевая саморегуляция, управление процессом общения (для профессионалов речи). Ментальная агрессия зиждется на различного рода сильных эмоциях, которые провоцируются у адресата. Это может быть гнев, отвращение, генерируемые по отношению к конкретным лицам либо представителям того или иного этноса, некоей религиозной общности и пр., которые манипуляторы стремятся вызвать в общественном сознании. В связи с этим действенной педагогической тактикой, которой необходимо обучать граждан на всех уровнях социализации, является контроль своей эмоциональной сферы, умение хотя бы временно абстрагироваться от злободневности обсуждаемой тематики, посмотреть на нее взглядом стороннего наблюдателя, выдержать паузу до принятия окончательных решений и вынесения финальных оценок и суждений.

Диалогичность мышления. Со времен античной педагогики, еще в сократовской беседе, присутствовал диалог как действенный метод познания действительности и развития критичности ее восприятия. Этот метод не устарел и по сей день, и современная система образования во многом опирается на диалоговые формы обучения и воспитания. Однако «внутренний диалог», или диалог с самим собой в процессе оценки неочевидной ситуации, поступающей разноречивой, зачастую непроверенной информации, является эффективным механизмом, способным распознать ложь и обман, дезавуировать недостоверную информацию и ментальную агрессию как таковую.

Создание контекстов. Любая образовательная практика рождается и существует в определенном общественно-политическом контексте. Советская система образования была нацелена на формирование гражданина и патриота своей страны, ценящего общественные идеалы выше личных. Либерально-демократическая система образования, так в полной мере, к счастью, не реализованная в постсоветской России, планировала воспитать «ответственного потребителя», индивидуализированную личность, сформировать «средний класс». Современный военно-политический контекст в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на Украине выдвигает новые требования к общественной жизни и образованию: сплочение российского общества, сохранение и укрепление традиционных духовных ценностей, формирование гражданско-патриотического сознания населения. В подобном контексте призывы манипуляторов к свободе самовыражения в крайних, нелегитимных ее проявлениях, адресуемые сознанию масс, не могут быть восприняты иначе, как ничтожные, и это обстоятельство тоже может и должно быть учтено в процессе воспитания.

Создание альтернатив. В ходе обучения и в современной школе, и в современной высшей школе нередко используется эта педагогическая тактика, направленная на развитие воображения, творчества, критичности мышления. Действительно, при ментальной агрессии манипулятором (манипуляторами) сознательно блокируются любые альтернативы с целью формирования «туннельного видения» реципиентов. Возможность представить, предложить и обосновать иной сценарий выбивает манипулятора из колеи, ломает привычную схему достижения искомой цели: формирования «образа врага», шельмования оппонентов, преступного отъема денежных средств и т. п. [14].

Рефлексия, общение, формирование личностной позиции. Понимая и структурируя изучаемые процессы и явления, самостоятельно действуя в образовательной среде и осознавая степень своей объективной успешности, личность испытывает потребность в более глубоком самопознании, определении своих наиболее значимых ценностей и смыслов, регулирующих отношения с ближайшим окружением и отношение к самому себе. От педагога в этой ситуации требуется обеспечить содержательные условия для размышлений и педагогического диалога (включение в ткань коммуникации проблемно-жизненного контекста, собственного опыта формирования мировоззрения, «вопросов на смысл»), а также гуманистические условия для предъявления своей позиции, обмена своими представлениями и оценками с референтной группой (соблюдение этических правил дискуссионного общения). Эта тактика опирается на психологические механизмы рефлексии и равноправного диалога.

Субъект, у которого сформирована устойчивая личностная позиция, уже не может выступать в роли пассивного и некритичного исполнителя чужих указаний, в коммуникации он максимально активен, при расхождении взглядов с другими последовательно отстаивает свое мнение [15]. Рефлексивная, диалогичная, убежденная личность менее подвержена внешнему внушению и манипуляциям и, как результат, способна эффективно противостоять ментальной агрессии.

Реализация личностной позиции. Личностная позиция, представляющая собой систему отношений к миру и самому себе, не является только феноменом сознания и требует своего практического воплощения в реальных деятельности, общении, поведении, поступках. Реализуя личностную позицию, индивид проверяет истинность и значимость принятых им в качестве регуляторов активности ценностей и смыслов, утверждает в своей правоте или, напротив, приходит к выводу о необходимости коррекции своих ценностно-смысловых конструктов. Продуктивная педагогическая тактика в данном случае состоит в педагогической поддержке обучающегося (воспитанника), уменьшении педагогического контроля и руководства его действиями, в обеспечении условий для его конструктивной самооценки и при необходимости самоизменения. Главный психологический механизм личностного развития в описанной ситуации – персонализация, т. е. приведение условий образовательного окружения в соответствие с личностной позицией.

Прошедшая проверку в реальной действительности личностная позиция укрепляется, делает человека менее уязвимым перед лицом любых внешних угроз. Такой субъект точно знает, для чего и как ему необходимо действовать, он самостоятельно ставит перед собой цели саморазвития и добивается поставленных целей. В подобной ситуации для личности немислимо неосознанное подчинение чужой воле и инструкциям, не проверенным на собственном опыте указаниям.

Сохранение исторической памяти и проекция в будущее. Ментальная агрессия и агрессоры, как правило, действуют в настоящем времени, «здесь и сейчас». Им важно оторвать человека от корней, от его исторической памяти и в идеале лишить будущего, поскольку у потенциальной жертвы будущего быть не может. В связи с этим у современного образования есть колоссальный воспитательный ресурс – работа с хронотопом, причем как с прошлым, так и с настоящим и будущим. Знание исторических основ прошлого своего народа, умение оценивать настоящее и проектировать будущее – вот залог формирования социально зрелой и ответственной личности.

Результаты

1. Нарастающая ментальная агрессия в отношении россиян, состоящая в подмене традиционных российских духовно-нравственных ценностей прагматическими ценностями, манипулировании общественным и индивидуальным сознанием, негативном информационно-психологическом воздействии на поведение людей, требует для противодействия ей мобилизации всех имеющихся в обществе ресурсов и средств, в т. ч. актуализации личностно-развивающего потенциала образования, раскрытия и реализации его человекоформирующих, гуманистических возможностей.

2. Ценностно-целевые установки личностно-развивающего образования выводят в обучении и воспитании молодого поколения на первый план развитие субъектного опыта обучающегося (воспитанника) – его мотивации и целеполагания, ценностных ориентаций и смыслоопределения, критического мышления, самостоятельности и автономности, свободы выбора и нравственной ответственности, воли и самоконтроля, т. е. всех тех свойств, которые обеспечивают психологическую безопасность личности и ее защиту от ментальной агрессии.

3. Ментальная агрессия и манипуляция как ее разновидность чаще всего представляют собой латентное воздействие на когнитивную и эмоционально-чувственную сферы личности, за которым следует новое, не характерное для личности поведение, ее изменившееся взаимодействие с окружающей социокультурной средой. Разработка педагогической стратегии, состоящей в создании особых условий образовательной среды, взаимодействуя с которыми личность «тренирует» и наращивает свои субъектные качества, представляется продуктивным в части противодействия ментальной агрессии.

4. Построение педагогической стратегии обеспечения защиты личности от ментальной агрессии требует концептуальной ревизии и применения научных подходов к развитию личности в образовании, среди которых наиболее значимыми выступают личностно-ориентированный, гуманитарно-антропологический, герменевтический, аксиологический, ситуационно-средовой подходы, а также концепции личностной свободы и педагогической поддержки обучающегося (воспитанника).

5. Педагогическая стратегия подготовки личности к противодействию ментальной агрессии состоит в поэтапном (в соответствии с постепенно усложняющимися психологическими механизмами и логикой учебно-воспитательного процесса) освоении и накоплении обучающимся (воспитанником) таких видов опыта, как: адекватное восприятие и структурирование информации; мотивированность, избирательность, самостоятельность деятельности; рефлексия, общение, формирование личностной позиции; реализация личностной позиции, причем каждому виду личностного опыта соответствует своя тактика педагогической деятельности, конкретизирующая общую педагогическую стратегию.

Заключение

Рассмотренные в работе подходы и концепции, педагогическая стратегия и сопряженные с ней тактики педагогической деятельности позволяют преодолеть также имеющие место в современной системе образования психолого-педагогические манипуляции, поскольку главными и определяющими в педагогическом процессе становятся следующие ориентиры: обучающийся (воспитанник) – не столько объект педагогических воздействий, сколько равный в своих личностных правах субъект образования, который в меру своего опыта и предыдущей подготовки участвует и в постановке образовательных целей, и в выборе осваиваемого содержания, и в изменении условий образовательной среды.

В этой связи всем субъектам образовательного процесса (и преподающим и обучающимся), необходимо владение как традиционными, так и инновационными методологическими подходами не только для эффективного осуществления профессиональной деятельности, но и в целом для противодействия ментальной агрессии в отношении личности, выработки самосохранения и совладающего поведения [16, с. 111].

Обоснованным представляется включение в базовую часть учебных планов образовательных организаций учебных дисциплин, развивающих аналитическое, критическое, рефлексивное и диалогическое мышление, (таких как «Аналитика»: «Основы аналитики», «Управленческая аналитика», «Деловая риторика», «Тренинг профессионально ориентированных риторике и дискуссий», «Научная риторика» и пр.), культуру не только внешнего диалога в социальных коммуникациях и образовательном процессе, но и не менее ценного и продуктивного, в т. ч. для противодействия ментальной агрессии, внутреннего диалога человека с самим собой как самосознающей и саморазвивающейся, социально ответственной личностью.

Список источников

1. Сериков В. В. Развитие личности в образовательном процессе : монография. Москва : Логос, 2012. 447 с.
2. Гуманитарный принцип в построении профессионального образования: теория и практика : монография. / под ред. С. В. Беловой. Чебоксары : Среда, 2022. 176 с.
3. Образование и развитие личности в историко-педагогической традиции : монография / Андруник А. П., Боде Л. Н., Гарник С. В., Грищенко Л. Л. [и др.] ; под ред. Л. Н. Боде. Москва : Русайнс, 2023. 162 с.
4. Педагогические подходы к развитию личности сотрудника органов внутренних дел : монография / Ходякова Н. В., Сердюк Н. В., Скляренко И. С. ; под ред. Н. В. Ходяковой. Москва : Проспект, 2021. 192 с.
5. Сердюк Н. В. Педагогическая герменевтика в деятельности руководителя органа внутренних дел : монография. Москва : Академия управления МВД России, 2008. 119 с.
6. Скляренко И. С. Роль аксиологического подхода в становлении сотрудника правоохранительных органов / Философские исследования и современность : сборник научных трудов : к 10-летию семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции». Москва : Издательский дом Академии имени Н. Е. Жуковского, 2016. Вып. 5. С. 276–283.
7. Милькевич О. А. Реализация аксиологического подхода во взаимодействии учреждений образования и семьи в профилактике детского неблагополучия // Успехи гуманитарных наук. 2019. № 9. С. 134–138.
8. Вербицкая К. А. Исследование признаков манипуляции в сфере образования // KANT. 2022. № 2 (43). <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2022-43.40>.
9. Ходякова Н. В. Ситуационно-средовой подход к проектированию личностно-развивающего образования: методологические предпосылки и концепция : монография. Волгоград : Перемена, 2012. 169 с.
10. Кунавцев Т. С. Концепция педагогической поддержки саморазвития личности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации в непрерывном образовании : монография. Москва : Академия управления МВД России, 2022. 168 с.
11. Ксенофонтов В. А. Ментальная война: методологические аспекты / Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник : XXII Национальная научная конференция с международным участием, г. Москва, 14–16 февраля 2023 г. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. Вып. 18, ч. 1. С. 522–530.
12. Тейяр де Шарден П. Феномен человека : Божественная среда / [пер. с фр.]. Москва : АСТ, 2022. 446 с.
13. Мещерякова Е. И. Педагогические аспекты военно-политической работы в условиях ментального противоборства // Военно-космические силы. Теория и практика. 2023. № 25. С. 109–118.
14. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Москва : Эксмо, 2008. 862 с.
15. Курносов Ю. В. Алгебра аналитики : секреты мастерства в аналитической работе. Москва : Русаки, 2015. 288 с.
16. Провокационное воздействие на человека в информационном пространстве : монография / Бережнова Л. Н., Белоус О. И., Воронов С. А., Гнездилов В. А. [и др.] ; под общ. ред. Л. Н. Бережновой. – Санкт-Петербург : Издательство СПВИ войск национальной гвардии, 2019. 180 с.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Научная статья
УДК 331.101.3
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-223-230>

Опыт применения теории мотивации Портера – Лоулера в создании условий для повышения результативности научной деятельности курсантов военных учебных заведений

Сергей Владимирович Бобаров

Краснодарское высшее военное орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменное училище имени генерала армии С. М. Штеменко
Краснодар (350063, ул. Красина, д. 4), Российская Федерация
bobarov_s@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-4059-7313>

Аннотация:

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что во время проведения специальной военной операции меняются требования к качеству подготовки военных специалистов. Время, отводимое как на аудиторную, так и на самостоятельную работу, должно использоваться курсантами максимально эффективно. По нашему мнению, этого можно достичь благодаря внедрению в образовательный процесс теории мотивации Портера – Лоулера. В работе также рассматривается вопрос о вариантах вознаграждения военнослужащих за приложенные усилия и достигнутые результаты (успехи).

Методы. Педагогический эксперимент, анализ, синтез.

Результаты. На основе анализа результатов эксперимента автор проводит оценку влияния вознаграждения, полученного по итогам выполнения научных задач, на мотивацию военнослужащих-курсантов и выявляет взаимосвязь между мотивацией, удовлетворенностью и эффективностью дальнейшего обучения. В статье приводятся результаты эксперимента, которые иллюстрируют эффективность применения теории на практике и имеют большое значение для разработки систем мотивации и поощрения курсантов, повышающих интерес к учебе.

Ключевые слова:

теория, Портер, Лоулер, мотивация, курсант, условия, усилия, результат, награда, вознаграждение, удовлетворенность, эффективность

Для цитирования:

Бобаров С. В. Опыт применения теории мотивации Портера – Лоулера в создании условий для повышения результативности научной деятельности курсантов военных учебных заведений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 223–230. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-223-230>.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024;
одобрена после рецензирования 04.03.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

The experience of application of Porter-Lawler motivation theory in creation of conditions for increasing the results of scientific activity of cadets of military educational institutions

Sergey V. Bobarov

Krasnodar Higher Military awarded by the Order of Zhukov and by the Orders of October Revolution and the Red Banner School named after the general of the Army S. M. Shtemenko
4, Krasina str., Krasnodar, 350063, Russian Federation
bobarov_s@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-4059-7313>

Abstract:

Introduction. The relevance of the research is due to the fact that during special military operation the requirements to the quality of military specialists training change. The time allocated for both classroom and independent work should be used by cadets as effectively as possible. In our opinion, this can be achieved by introducing the Porter and Lawler theory of motivation into the educational process. The paper also considers the issue of options for rewarding military personnel for their efforts and achievements (successes).

Methods. Pedagogical experiment, analysis, synthesis.

Results. Based on the analysis of the experiment results, the author evaluates the impact of rewards received after completing scientific tasks on the motivation of military cadets and identifies the relationship between motivation, satisfaction and the effectiveness of further training. The article presents the results of the experiment illustrating the effectiveness of applying the theory in practice and its importance for the development of motivation and reward systems in cadets that will increase their interest in learning.

Keywords:

theory, Porter, Lawler, motivation, cadet, conditions, effort, result, reward, rewarding, satisfaction, effectiveness

For citation:

Bobarov S. V. The experience of application of Porter-Lawler motivation theory in creation of conditions for increasing the results of scientific activity of cadets of military educational institutions // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 223–230. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-223-230>.

The article was submitted October 11, 2024;
approved after reviewing March 4, 2025;
accepted for publication March 20, 2025.

Введение

В современных условиях военного образования и профессиональной деятельности военнослужащих вопросы мотивации и эффективности обучения играют важную роль. Нужды Вооруженных Сил диктуют все новые условия для подготовки офицеров как специалистов и руководителей. Текущие требования по сокращению сроков их подготовки без ущерба качеству образования еще больше усложняют задачу офицеру-педагогу.

Изучая проблему мотивации курсантов военной образовательной организации высшего образования, необходимо отметить, что военнослужащие находятся на полном государственном обеспечении: обучаются на безвозмездной основе, получают трехразовое питание, обмундирование (одежду, обувь, необходимую экипировку), денежное довольствие, медицинские услуги. Большая часть курсантов младших курсов обеспечена бесплатными жилыми помещениями [1; 2].

В указанных условиях основной их обязанностью является обучение (получение знаний). При этом даже низкая успеваемость является гарантией дальнейшего обучения. Исключение составляют академические задолженности (неудовлетворительная успеваемость), за которыми следует отчисление.

В данной статье мы рассмотрим, как теория Портера – Лоулера может быть применена для мотивации военнослужащих и курсантов высшего образования в системе самостоятельной работы, а также какие факторы влияют на мотивацию и эффективность в контексте военной службы.

Теория Портера – Лоулера, описывающая процесс мотивации с позиции взаимосвязи множества факторов, представляется одним из наиболее эффективных инструментов для понимания мотивации персонала и повышения его эффективности в достижении поставленных целей [3; 4].

Таким образом, в результате исследования:

- 1) определим степень актуальности проблемы мотивации курсантов военной образовательной организации высшего образования;
- 2) на практике оценим возможность мотивации обучающихся путем использования теории мотивации Портера – Лоулера;
- 3) разработаем предложения по наиболее эффективной мотивации военнослужащих, проходящих обучение.

Методы

Изучение текущей успеваемости и внеаудиторной работы обучающихся показало наличие возможностей, которые курсанты не хотят или не могут использовать на практике. Опрос преподавателей показал, что более 40 % личного состава не проявляет никакой активности ни в ходе плановых занятий, ни во время самостоятельной подготовки, довольствуясь имеющимися результатами.

Оставшиеся 60 % курсантов, выполняя необходимый минимум заданий согласно учебной программе, также не проявляют заинтересованности в получении знаний и во время самостоятельной работы проводят время праздно.

Налицо отсутствие мотивации: нет повода беспокоиться ни о еде, ни о денежном довольствии, ни о жилье.

Так к чему же стремиться? Зачем учиться лучше, прикладывать дополнительные усилия? Каков мотив к этому [5]?

В ходе изучения данного вопроса было выявлено, что курсантам не хватает свободного времени для саморазвития и увлечений [6–8].

Учитывая такое положение дел, в Краснодарском высшем военном орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменном училище имени генерала армии С. М. Штеменко (далее – КВВУ), разработаны новые формы и методы воздействия на мотивацию военнослужащих и проведен эксперимент, в ходе которого курсантам дали возможность заниматься индивидуально, выделив им дополнительное свободное время в качестве мотива для выполнения ими индивидуальных (дополнительных) заданий [9; 10].

Задачи эксперимента: выявление возможных источников мотивации обучающихся с целью повышения эффективности расходования времени, выделенного на самостоятельную работу; оценка способности обучающихся к самоопределению при самостоятельной отработке сложных задач, а также разработка предложений по наиболее эффективному использованию ресурса времени, выделенного на самостоятельную работу.

Результаты

Заинтересованный и увлеченный курсант, получив возможность развиваться, полностью погружается в работу, выполнив в итоге задание (по отдельным направлениям – не без сложностей). Незаинтересованным же курсантам, не имеющим внутренних мотивов к самосовершенствованию, дополнительный мотив для развития оказался не нужен. Однозначно установлено: свободное время высоко ценится курсантами всех категорий и является действенным мотивом для курсанта высшего военного учебного заведения.

Вместе с тем немногие обучаемые оказались способны распорядиться полученным благом результативно. Предоставление свободного времени как внешнего мотива эффективно использовала лишь часть обучающихся.

В ходе дальнейшего исследования вопросов повышения результативности курсантской учебы для применения в педагогической практике, итоги эксперимента были рассмотрены с позиции теории мотивации Портера – Лоулера [3; 4; 11].

Указанная модель мотивации представлена в 1968 году двумя американскими учеными – Лайманом Портером и Эдвардом Лоулером. Теория является комплексной и включает в себя элементы двух других теорий – теории справедливости Дж. С. Адамса и теории ожиданий В. Врума. Она также вобрала в себя выводы по итогам множества исследований в этой области [12–14].

Классические модели мотивации предполагают наличие связи между удовлетворенностью работника условиями своего труда и его результатами. Изучив особенности множества теорий, взвесив их сильные и слабые стороны, Портер и Лоулер предположили, что соблюдение таких условий не является в полной мере истинным [15].

На основании вышеизложенного ученые вывели прямую взаимосвязь между интенсивностью усилий, вознаграждением сотрудника и его удовлетворенностью. По мнению исследователей, работник прикладывает к выполнению задачи усилия в соответствии с планируемой наградой. Награда рождает чувство удовлетворения, которое влечет за собой чувство личной значимости, гордости за проделанную работу. Налицо зависимость между усилиями и удовлетворением [3; 4].

Таким образом, теория объясняет удовлетворение, полученное сотрудником от результатов своего труда, которое находится в прямой зависимости от величины вознаграждения (оценки по достоинству) в соответствии с его (работника) ожиданиями.

Взаимодействие элементов можно изобразить схематически (рисунок 1).

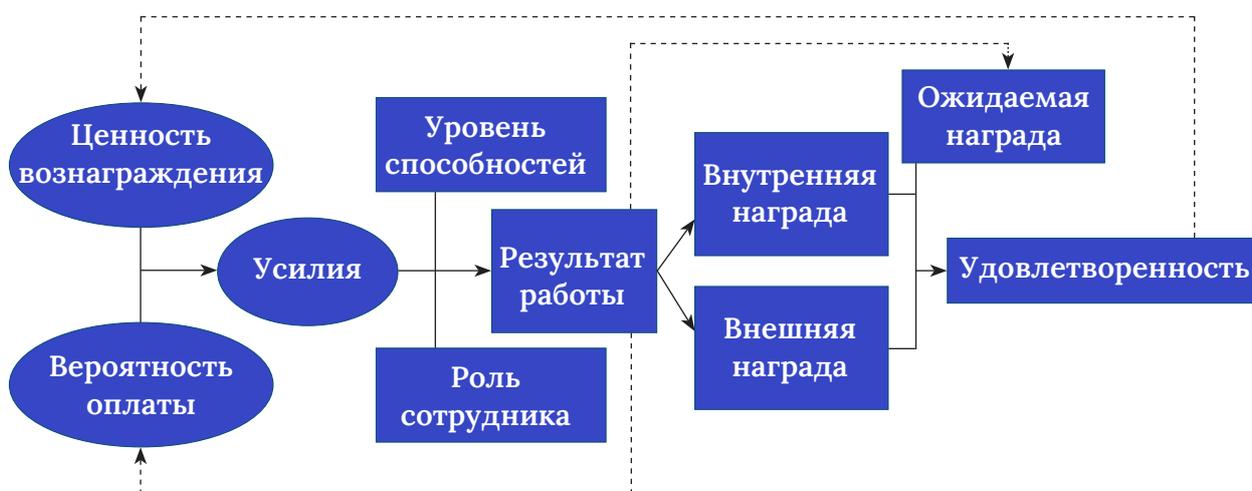

Рис. 1. Схема теории мотивации Портера – Лоулера

Fig. 1. Scheme the Porter and Lawler theory of motivation

Полагая, что теория может быть распространена на любую сферу деятельности, в КВВУ была предпринята попытка применить ее выводы для мотивации курсантов и оценки результатов описанного выше эксперимента [11].

Классическая модель, перенесенная на курсантскую деятельность, включает в себя следующие элементы:

- ценность вознаграждения – личностная оценка полученного поощрения для отдельно взятого курсанта;
- вероятность оплаты – мнение обучаемого о гарантиях вознаграждения приложенных им усилий (было гарантировано руководством КВВУ)
- усилия – эффективность курсанта по выполнению полученных дополнительных заданий;

– роль сотрудника – место обучаемого в итоговом результате выполнения дополнительного задания, степень ответственности и уровень влияния на вероятность успеха;

– уровень способностей – комплекс навыков и умений, уровень подготовки военнослужащего;

– результат – степень выполнения индивидуального задания, полученного курсантом;

– внутренняя награда – степень внутренней удовлетворенности от достигнутых результатов, ощущение собственной значимости;

– внешняя награда – вознаграждение по итогам достигнутых результатов. В данном контексте – выделенное курсанту свободное время, награды, полученные по итогам участия в конкурсах, а также именные стипендии для особо отличившихся курсантов;

– ожидаемая награда – степень удовлетворенности курсанта полученными вознаграждениями (привилегиями);

– удовлетворенность – соотношение фактического вознаграждения к ожидаемому, по итогам оценки результатов деятельности курсанта со стороны руководителя практики.

По результатам эксперимента отмечается, что полученные на условии добровольности дополнительные задания смогли выполнить лишь 67 человек (8 % от общей численности факультета). В целом можно считать этот результат показателем способности личного состава к самоорганизации (самоопределению). Вместе с тем, нельзя оставить без внимания прирост качественных показателей заслуг и результатов деятельности остальных курсантов.

По результатам эксперимента всего за год (в период с мая 2022 года по апрель 2023 года) силами целевой группы получены следующие результаты:

– разработана 1 полезная модель (в 2021/22 учебном году данная работа не выполнялась);

– разработано 19 программ для ЭВМ (на 35 % больше чем в 2021/22 учебном году);

– разработано 7 изделий (на 350 % больше, чем в 2021/22 учебном году);

– четыре курсанта номинированы на премию Президента Российской Федерации (на 33 % больше, чем в 2021/22 учебном году);

– семь курсантов номинированы на премию Правительства Российской Федерации (на 40 % больше, чем в 2021/22 учебном году);

– обеспечены участие и победы в более чем в 20 конкурсах и в соревнованиях.

В целевой группе в ходе проведения эксперимента не фиксировалось дисциплинарных проступков и злоупотребления доверием.

Напротив, имеющаяся возможность работать на кафедре (в отрыве от учебной группы) приобрела для участников эксперимента очевидную ценность, что стало в руках руководителей определенным инструментом [16].

Результаты исследования в разрезе модели мотивации Портера – Лоулера позволяют утверждать [17]:

1. Усилия, которые курсанты приложили к работе, стали следствием получения вознаграждения (свободного времени), ценность которого была выявлена и оценена в ходе эксперимента.

2. Ценность результата для курсанта явилась важнейшим фактором эффективности его труда (усилий). За результат, в достижение которого военнослужащий вложил усилия, ожидалась и соответствующая плата, как материальная (внешняя), так и нематериальная (внутренняя). Результаты деятельности были доведены на общих собраниях и стали причиной гордости курсантов, что положительно сказалось на дальнейших результатах их деятельности. Неоцененные (неудовлетворительные) результаты неизбежно привели к резкому снижению показателей результативности и остановке участия курсанта в исследовании.

3. Для получения результата, мало одного желания. Требуется определенный уровень квалификации (способностей). Из результатов исследования очевидно, что отдельным

военнослужащим необходимые усилия оказались не под силу, не смотря на желание получить вознаграждение. Соответственно, ими не получено и моральное удовлетворение (внутренняя награда).

4. Достижение цели не представляется возможным, если задачи обучаемым распределены неверно; инструменты, механизмы и их применение осуществляли не по предназначению или они не использовались вовсе. Целая группа военнослужащих, не получив от преподавателя четких инструкций, а также средств для реализации задачи, не смогла выполнить задание и уклонились от дальнейшей работы. Напротив, курсанты Владимир Р, Илья Ш. и Артем Я. получив четкое задание, смогли успешно его выполнить. За изготовленный опытный образец средства защиты информации курсанты получили премию на международном форуме «Армия-2022», которую отдали на приобретение расходных материалов и электронных компонентов для дальнейших разработок.

5. Любая несогласованность между элементами теории неизбежно приводила к снижению показателей. Напротив, увеличение показателей в каком-либо элементе схемы сопровождалось повышением показателей в других элементах. В противном случае цикл ожиданий не замкнется с должной эффективностью. Усилия будут приложены напрасно.

Применяя теорию Портера – Лоулера, следует постоянно контролировать работу участников исследования. Если член команды чувствует, что за повышением активности не последует увеличения вознаграждений, он потеряет мотивацию [4; 11].

Применение теории в практике военного образования подтвердило, что сущность мотивации состоит в совокупном взаимодействии переменных: усилие – ожидания – результат – вознаграждение – удовлетворение.

Система Портера – Лоулера помогла объяснить мотивы курсантов, добившихся успеха в выполнении сложных, но интересных им самим заданий. Модель на практике показала: упорный труд приносит результат и, как следствие, – чувство радости, за которым следует удовлетворение и желание достигать большего [15].

Стоит отметить, что цели мотивации не могут достигаться бесконечно. У каждого человека есть тот уровень усилий, который он может прилагать длительное время, и это должен быть не максимум его возможностей, а необходимо возможный оптимум, который не приведет к моральному выгоранию и накоплению физической усталости. При этом выполнение задач, которые приносят удовлетворение, приводит к результатам много более эффективным, чем отработка задач неинтересных, навязанных обстоятельствами или руководством и, к тому же, – на грани возможностей работника. Данное утверждение подтвердила деятельность курсантов Артема С. и Андрея П., которые имели наиболее низкие показатели успеваемости в целевой группе. Задание, полученное ими, оказалось для них сложным. Уже через 2 месяца работа по его выполнению была практически остановлена ввиду отсутствия положительной динамики.

Как выявить уровень возможностей курсанта и мотивировать его на достижение показателей собственной работоспособности? Есть только один путь – создать условия, когда увлекшись интересным именно ему занятием, обучающийся раскроет свои таланты, «загорится» делом.

Обсуждение

Примененная в ходе эксперимента теория Портера – Лоулера на практике подтвердила несколько особенностей в использовании модели [4]:

1. Определение навыков и склонностей членов команды всегда субъективно, поэтому может не быть неверным (см. пример курсантов Артема С. и Андрея П.).

2. Не всегда есть реальная возможность дать ожидаемое вознаграждение эффективному военнослужащему, что становится причиной его разочарования и снижением показателей

эффективности. Многие курсанты просили больше времени и ресурсов, но не получали их по объективным причинам. Как следствие – отдельные курсанты «охладели» к достижению результата.

3. В паре педагог – ученик бывает нелегко сформулировать равновесное представление об ожиданиях участников, часто имеющиеся несоответствия в готовности «платить» первого и ожиданиями большего со стороны второго становятся причиной разногласий и невозможности дальнейшего наращивания усилий.

Все эти замечания являются доказательством того, что мотивация должна рассматриваться в качестве вероятного процесса. То, что будет мотивировать одного человека в определенной ситуации, может не оказать никакого воздействия на него в другой ситуации или на другого человека в аналогичной ситуации [1; 2; 6].

3 заключение

Самым существенным выводом теории мотивации Портера – Лоулера можно назвать то, что результат, оцененный положительно самим исполнителем, ведет к удовлетворению. Этот вывод можно противопоставить мнению многих руководителей и общества в целом, которые полагают, что, напротив, только удовлетворенный работник даст результат. Указанный постулат не учитывает обратную связь между этими двумя составляющими.

Проведенный в КВВУ эксперимент подтвердил позицию Лаймана Портера и Эдварда Лоулера, т. к. показал, что причиной, а не следствием наибольшего удовлетворения служит высокая результативность. Итогом же стало то, что теория Портера – Лоулера внесла значительный вклад в понимание мотивации вообще. Теория показала, что мотивация – это не просто элемент в цепочке причинно-следственных связей, но еще и показатель важности объединения в систему единой теории таких взаимосвязанных понятий как удовлетворение, вознаграждение, результаты, способности, усилия и личное восприятие.

Несмотря на указанные выше особенности применения, теория мотивации Портера – Лоулера нашла свое подтверждение и оказалась применима в военных учебных организациях высшего образования Министерства обороны Российской Федерации. Мотивировать курсантов помогает основополагающий принцип модели: деятельность, направленная на искомый результат, ведет к удовлетворению, а она в свою очередь стимулирует саму деятельность.

Список источников

1. Измайлова Н. В., Борисова Н. Л., Михель А. В., Измайлова И. С. Статистический анализ мотивации курсантов военных вузов // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2021. № 2 (62). С. 100–111.
2. Лымарев В. Н., Куряев Р. Х. Сущность и структурно-содержательное наполнение профессиональной мотивации курсантов военных вузов // Вопросы педагогики. 2020. № 10-2. С. 133–136.
3. Iancu D., Badea D. Perspectives On Using Theory Porter-Lawler Student Motivation Military / International conference "Knowledge-based organization". 2015. Vol. XXI. № 1. P. 208–213; <https://doi.org/10.1515/kbo-2015-0034>.
4. Пантелеев С. Л. Адаптация теории мотивации Портера – Лоулера к современным условиям // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 17. С. 60–61.
5. Порядина В. Л., Лихачева Т. Г., Борисова А. А. Процессуальные теории мотивации // Цифровая и отраслевая экономика. 2022. № 2 (27). С. 15–21.
6. Донец С. А. Формирование и развитие учебной мотивации у курсантов военных вузов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 71-4. С. 112–115; <https://doi.org/10.18411/lj-03-2021-147>.
7. Пашкин С. Б., Турчин А. С. Особенности динамики учебной мотивации курсантов военной образовательной организации высшего образования в процессе получения высшего образования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2019. № 3 (8). С. 99–107.
8. Седелников Г. Д., Афанасьева Т. М. Способ оценки уровня мотивации курсантов к обучению в военном вузе // Специальная техника и технологии транспорта. 2020. № 5 (43). С. 202–205.
9. Банникова Е. Ю., Дмитриева О. В. Процессуальные теории мотивации и особенности их применения на практике / Актуальные проблемы экономики и управления в XXI веке : сборник научных статей Международной научно-практической

конференции, посвященной 85-летию СибГИУ, г. Новокузнецк, 7–8 апреля 2015 г. Новокузнецк : Сибирский государственный индустриальный университет, 2015. Ч. 1. С. 111–115.

10. Бондаревская Е. В., Рзаева Л. Т. Психологические закономерности формирования эффективной системы мотивации студентов к проектной деятельности / Дни науки : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов, г. Великий Новгород, 18–19 апреля 2017 г. / под ред.: А. В. Костюковой. Великий Новгород : Новгородский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2017. С. 198–201.

11. Ткачев Р. В. Теоретические аспекты мотивации военно-профессиональной деятельности офицеров // Военный академический журнал. 2015. № 1 (5). С. 104–110.

12. Кнышов А. В., Моряк И. А. Анализ основных положений теории справедливости Джона Стейси Адамса // NovaUm.Ru. 2017. № 7. С. 105–108; <https://doi.org/10.17513/vaael.2724>.

13. Лункин А. Проблема в профессиональном образовании развития физической составляющей компетентности для повышения мотивированности в служебной деятельности по теории ожиданий Врума в обучении курсантов и слушателей в образовательных организациях высшего образования силовых структур России // International Independent Scientific Journal. 2021. № 28. С. 61–65.

14. Ериков А. П. Теория ожиданий Врума применительно к курсантам военных образовательных организаций высшего образования / Приоритетные направления развития системы военного образования : сборник научных трудов / под общ. ред. В. Ф. Купавского. Пермь : Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. С. 231–235.

15. Бурук А. Ф. Мотивация в образовательном процессе // Актуальные вопросы образования. 2019. Т. 3. С. 126–130.

16. Чуднова О. В. Управление стимулированием труда преподавателей современной высшей школы на основе модели мотивации Портера – Лоулера // Социодинамика. 2019. № 3. С. 13–17; <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.3.28826>.

17. Лычагина С. В. Динамика профессиональной мотивации курсантов в процессе обучения // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 4 (21). С. 35–42.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-231-240>

Информационно-пропагандистская работа в органах внутренних дел: направления и методы совершенствования

Наталья Федоровна Гейжан¹, доктор педагогических наук, профессор
Игорь Андреевич Кравцун², адъюнкт

Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация

¹ naftus@yandex.ru, ² kravia52@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0002-1272-8766>, ² <https://orcid.org/0009-0007-1818-7888>

Аннотация:

Введение. В статье обосновывается возрастание роли пропагандистской работы с сотрудниками органов внутренних дел (далее – ОВД). Обсуждаются особенности современного периода пропагандистской работы, такие как разнообразие источников информации, разнообразие мнений и оценок общественно-политических событий, целенаправленное распространение недостоверной и враждебной информации. Повышение квалификации будущих и действующих сотрудников пропагандистов рассматривается как важная форма повышения эффективности пропаганды при работе с личным составом в ОВД.

Методы исследования. Анализ научной литературы, нормативных правовых актов, регламентирующих информационно-пропагандистскую работу (далее – ИПР) с личным составом ОВД.

Результаты. Исследование показало необходимость повышения квалификации пропагандистов в условиях современного информационного общества. Предлагается пять направлений совершенствования курсов повышения квалификации сотрудников, ответственных за ИПР в ОВД: уточнение содержания понятий информации и пропаганды, выявление социально-психологических условий эффективности пропаганды, исследование психологических условий восприятия пропагандистских материалов, формы и методы ИПР, педагогическое сопровождение контрпропаганды и борьбы с фейками.

Заключение. Анализ направлений совершенствования курсов повышения квалификации сотрудников подразделений по работе с личным составом, осуществляющих ИПР в ОВД, показал существенные изменения условий, в которых осуществляется пропагандистская работа. Существует объективная необходимость подготовки, переподготовки и повышения квалификации пропагандистов. Рассмотренные направления совершенствования пропагандистской работы в подразделениях ОВД могут стать материалом для методических рекомендаций и самостоятельной работы сотрудников, осуществляющих ИПР.

Ключевые слова:

информационно-пропагандистская работа, личный состав ОВД, пропаганда, направления повышения курсов повышение квалификации

Для цитирования:

Гейжан Н. Ф., Кравцун И. А. Информационно-пропагандистская работа в органах внутренних дел: направления и методы совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 231–240. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-231-240>.

Статья поступила в редакцию 31.10.2024;
одобрена после рецензирования 10.01.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Information and propaganda work in internal affairs bodies: directions and methods of improvement

Natalya F. Geyzhan¹, Dr. Sci. (Ped.), Professor

Igor' A. Kravtsun², Postgraduate

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

¹ naftus@yandex.ru, ² kravia52@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0002-1272-8766>, ² <https://orcid.org/0009-0007-1818-7888>

© Гейжан Н. Ф., Кравцун И. А., 2025

Abstract:

Introduction. The authors substantiate the increasing role of propaganda work with employees of internal affairs bodies (hereinafter - IAB). The peculiarities of the modern period of propaganda work, such as diversity of information sources, diversity of opinions and assessments of social and political events, purposeful dissemination of unreliable and hostile information are discussed. Professional development of future and current propagandists is considered as an important form of increasing the effectiveness of propaganda in working with personnel in IABs.

Methods of research. Analysis of scientific literature, normative legal acts regulating outreach work (hereinafter - IPR) with IAB personnel.

Results. The study has shown the need to improve the qualifications of propagandists in the conditions of modern information society. The authors propose five directions for improving the professional development courses for employees responsible for IPR in IAB. These are clarification of the content of the concepts of information and propaganda, identification of socio-psychological conditions of propaganda effectiveness, research of psychological conditions of perception of propaganda materials, forms and methods of IPR, pedagogical support of counterpropaganda and the fight against fakes.

Conclusion. The analysis of the areas for improving the professional development courses for the staff of personnel relations units that carry out IPR at internal affairs bodies has shown significant changes in the conditions in which propaganda work is carried out. There is an objective need for training, retraining and professional development of propagandists. The discussed areas of improving propaganda work in IAB units can become a material for methodological recommendations and independent work of the staff carrying out IPR.

Keywords:

outreach work, IAB personnel, propaganda, directions for professional development courses

For citation:

Geyzhan N. F., Kravtsun I. A. Information and propaganda work in internal affairs bodies: directions and methods of improvement // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 231–240. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-231-240>.

The article was submitted October 31, 2024; approved after reviewing January 10, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Для органов внутренних дел (далее – ОВД) пропагандистская работа всегда занимала важное место, играя ключевую роль в формировании и поддержании профессиональной и идеологической устойчивости личного состава. В различные исторические периоды данное направление деятельности ОВД имело разные названия и акценты, что отражало изменения в политической и социальной среде. В советское время особое внимание уделялось политическому просвещению сотрудников. Это направление работы включало в себя изучение марксистско-ленинской теории в целях формирования идеологической направленности и нравственной устойчивости личного состава. Поощрялось активное участие в общественно-политической жизни страны. Это способствовало формированию единого общественного мнения в коллективе подразделения, высокого уровня дисциплины, что повышало эффективность работы ОВД в целом.

В перестроечный период политпросвет заменялся преимущественно информированием о нормативных правовых актах и организации деятельности подразделений в соответствии с ними.

Быстрое развитие информационного общества выдвинуло новые требования к содержанию и методам пропаганды в подразделении ОВД. Резко возросло значение пропагандистской работы с сотрудниками. Особенностью данного периода является разнообразие источников информации, разнообразие мнений и оценок общественно-политических событий, целенаправленное распространение недостоверной и враждебной информации со стороны недружественных стран. В условиях специальной военной операции эти тенденции резко обострились, возросла неопределенность, противоречивость сведений в средствах массовой информации. Распространилась деятельность блогеров, имеющих разнообразную, часто недостоверную, субъективно интерпретированную информацию. При этом практически все сотрудники правоохранительных органов обладают личными гаджетами и имеют доступ к информационным ресурсам.

В этих условиях к сотрудникам ОВД, ведущим пропагандистскую работу, предъявляются повышенные требования в аспекте их способности ориентироваться в информации и доводить до личного состава материалы, формирующие гражданскую и патриотическую позицию. Существующие в настоящее время программы подготовки и повышения квалификации

сотрудников по работе с личным составом ОВД, включают в себя значительное количество функций, среди которых умение пропагандистской работы формируется недостаточно.

Приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500¹ по направлению информационно-пропагандистской работы (далее – ИПР) ставит задачи, направленные на формирование у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения и обеспечение их морально-психологической готовности к выполнению служебных обязанностей. В частности, требуется разъяснение политики государства, формирование активной гражданской позиции и укрепление доверия к институтам государства. Важным аспектом ИПР является защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической правды, а также рассмотрение актуальных вопросов обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка.

Кроме того, приказ предусматривает противодействие деструктивной идеологии, распространяемой в информационном пространстве, и формирование у сотрудников устойчивости к информационно-психологическим атакам. Пропаганда примеров мужества и героизма сотрудников, их смелых и решительных действий при выполнении служебного и гражданского долга также является важной составляющей данного положения.

Для достижения этих задач предлагается проводить ИПР в различных формах, включая еженедельное и оперативное информирование по общественно-политической тематике, информационно-пропагандистские акции, наглядно-художественное оформление актуальной информации, анализ публикаций и контента в средствах массовой информации, подготовку комментируемых обзоров информационных материалов, создание мультимедийных продуктов и документальных фильмов, а также проведение единых дней государственно-правового информирования.

Вместе с тем к решению столь разнообразных и сложных задач будущих и действующих пропагандистов слабо готовят. Тем же приказом определяется проведение обучающих семинаров для пропагандистов, однако содержание и методическое обеспечение этих семинаров фактически не разработано, поэтому актуальным становится научное обоснование и методическое обеспечение материалов как для проведения обучающих семинаров, так и для повышения квалификации сотрудников, осуществляющих пропагандистскую работу. Теоретическое обоснование и разработка такого рода программ является задачей специального исследования, частично отраженного в данной статье.

Методы

Анализ научной литературы, нормативных правовых актов, регламентирующих информационно-пропагандистскую работу с личным составом ОВД.

Основная часть

Важным условием для успешного выполнения задач, поставленных приказом МВД России от 27 августа 2024 г. № 500, является систематическое и качественное повышение квалификации будущих и действующих пропагандистов. В условиях современного информационного общества, где сотрудники ОВД сталкиваются с разнообразием источников информации и часто недостоверными данными, необходимо обеспечить высокий уровень профессиональной подготовки специалистов, занимающихся ИПР. Важно также формировать у пропагандистов

¹ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024> (дата обращения: 18.09.2024).

способности эффективного взаимодействия с личным составом, умение доносить до сотрудников важные идеи и ценности, способствующие укреплению их гражданской и патриотической позиции.

Совершенствование содержания обучающих семинаров и курсов повышения квалификации сотрудников подразделений по работе с личным составом, осуществляющих ИПР, требует исследования в нескольких направлениях:

во-первых, уточнение содержания понятий «информация» и «пропаганда» в политико-воспитательной работе в подразделениях ОВД;

во-вторых, выявление социально-психологических условий, повышающих эффективность пропаганды;

в-третьих, исследование психологических условий восприятия сотрудниками ОВД пропагандистских материалов;

в-четвертых, формы и методы ИПР в ОВД;

в-пятых, педагогическое сопровождение контрпропаганды и борьбы с фейками.

Рассмотрим последовательно каждую из названных позиций.

Содержание понятия «информация» является общенаучным термином и в силу этого имеется множество определений и подходов к его пониманию. В условиях ИПР в ОВД структура и содержание информации в большой мере определяются нормативными правовыми актами, в т. ч. ведомственными приказами и инструкциями. Для будущего и действующего пропагандиста важно умение выделять в нормативно обусловленной информации такие ключевые положения, которые в наибольшей мере способствуют обучающим, воспитательным и социализирующим целям ИПР.

Понятие «пропаганда» используется не одно тысячелетие. Первоначально (лат. *propaganda*) оно обозначало «подлежащее распространению», т. е. важное для человека и общества. Современные словари предлагают различные определения данного термина. Чаще всего предлагается следующие определения пропаганды:

- 1) распространение каких-либо идей, учений, воззрений, взглядов, знаний в обществе²;
- 2) политическое или идеологическое воздействие на широкие массы³;
- 3) распространение в обществе каких-либо идей, воззрений, знаний путем постоянного глубокого и детального их разъяснения⁴;
- 4) распространение взглядов, идей и теорий с целью формирования у масс определённого мировоззрения, представлений, отражающих интересы субъекта пропаганды, и стимулирования соответствующих им практических действий⁵.

Из приведенных определений видно, что большинство авторов понимают пропаганду как распространение информации, цели которой зависят от особенностей их исследования и деятельности. В целом можно заключить, что пропаганда понимается как вид информации, несущей идеологическое содержание и призванной влиять на массовое сознание, общественное мнение людей в определенном направлении.

Пропаганда как явление представляет собой объект исследования для различных наук, что подчеркивает ее междисциплинарность, многогранность и сложность. В научных исследованиях пропаганда рассматривается философами, юристами, социологами, политологами, психологами, журналистами и педагогами. Каждая научная область рассматривает свои аспекты, что позволяет получить комплексное понимание данного феномена.

В педагогике пропаганда рассматривается как фактор, влияющий на образовательные процессы и формирование мировоззрения обучающихся [1]. Педагоги анализируют, как

² Васюкова И. А. Словарь иностранных слов : С грамматическими формами, синонимами, примерами употребления / под ред. И. К. Сазоновой. Москва : АСТ-пресс, 1998. С. 499.

³ Большой толковый словарь русского языка : А-Я / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 1018 с.

⁴ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : Свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц : [в 2 т.]. Москва : Русский язык, 2000. Т. 2: П-Я. 1084 с.

⁵ Коммунистическая Партия Российской Федерации : Ростовская Область : [сайт]. URL: <https://kprf-don.ru/index.php/index.php/news/analitics/3873-2015-01-19-12-54-44.html> (дата обращения: 18.09.2024).

пропаганда может быть использована в образовательных программах и учебных материалах, а также как она может влиять на воспитание и социализацию молодежи [2]. Они исследуют методы и способы, направленные на развитие критического мышления и медиаграмотности у обучающихся, что позволяет им противостоять влиянию различной информации.

Пропаганда как специфическая форма распространения информации имеет долгую историю и множество проявлений. Она может быть использована как для достижения благородных целей, таких как просвещение и мобилизация общества, патриотизма и гражданственности, так и для манипуляции и контроля [3]. При этом деструктивная, манипулятивная пропаганда почти всегда представляет себя как конструктивную, улучшающую жизнь людей, несущую счастье, свет и благополучие. Также возможны откровенная провокация, искажения или ложная информация, сознательно вводящая в заблуждение. Такого рода материалы имеют целью отвлечение внимания от важных событий или идей. Пропаганда, основанная на критике существующего положения дел, также представляет свои цели как конструктивные, совершенствующие окружающую действительность. В этом ее действенность и сложность для противодействия.

В связи со сказанным важно уточнить соотношение понятий «пропаганда» и «агитация». Эти термины часто используются как аналогичные, взаимозаменяемые. Однако они имеют существенные различия в своих целях, методах и аудитории. По сути, агитация и является видом пропаганды, но касается не столько идеи, сколько конкретных событий и осуществляется для побуждения аудитории к конкретным действиям. Примером, различающим пропаганду и агитацию, могут служить материалы в процессе выборной компании, пропаганда идеи определенной партии или кандидата, агитация призывает голосовать за этого кандидата, т. е. конкретно действовать. Точно так же пропаганда отношения к специальной военной операции разъясняет идейные основы, сущность, причины, цели, задачи и др. Агитация призывает стать на защиту, быть добровольцем, оказать поддержку, быть волонтером и т. д. Таким образом, пропаганда рассматривается как важное средство политического воспитания, направленное на формирование общественного мнения и мобилизацию населения для достижения определенных целей, а агитация – на конкретное отношение и действие.

Исходя из сказанного следует, что традиционно при проведении пропагандистской и агитационной работы подчеркивается социальная значимость информации, соответствие общественному запросу. В значительно меньшей степени исследована эффективность пропаганды с позиции удовлетворения запросов слушателей, на которых направлена пропаганда. В большей степени индивидуальные запросы учитывает манипулятивная пропаганда, в частности, так нередко строится реклама, призывы покупать какой-либо товар, продукцию, агитация вербовщиков совершать противоправные действия среди гражданского населения или участвовать в террористических акциях. Соответствие пропаганды и агитации запросам и социума, и личности, фактически соответствие социально-психологическим обстоятельствам и психологическим условиям восприятия информации, определяет эффективность деятельности пропагандистов, в т. ч. и в ОВД.

На основании анализа различных научных источников, можно предложить следующую схему, ориентирующую будущих пропагандистов в понятийном аппарате ИПР (схема 1).

Изучение отношения к пропаганде как к манипуляции общественным мнением характерно для социологических, политологических, психологических, маркетинговых исследований [3–7]. Педагогические работы больше сосредоточены на исследовании воспитывающих, конструктивных возможностей пропагандистской работы [1; 2; 8–10]. С точки зрения подготовки и повышения квалификации пропагандистов в подразделениях ОВД именно воспитывающая, конструктивная направленность пропагандистской работы становится наиболее актуальной.

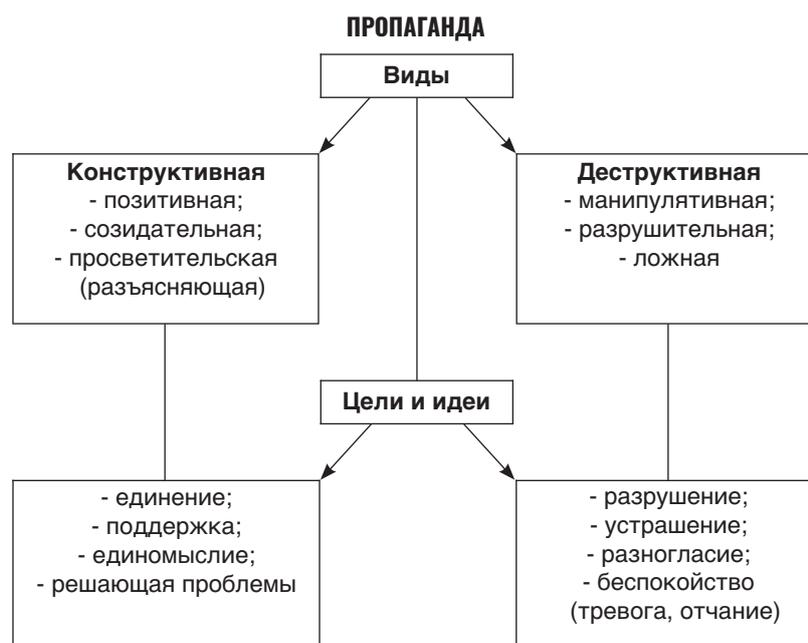

Схема 1. Понятийный аппарат в информационно-пропагандистской работе

Scheme 1. Conceptual apparatus in outreach work

Дидактические приемы, которые целесообразно использовать на занятиях по первому направлению, – это разъяснение, упрощение, выделение главного, установление связей между ее видами и целями. Чаще всего используются интегративный метод, при котором лекция, семинар и практическое занятие, а также обмен опытом является единым типом информирования. Апробация этих методов проведена в исследовании О. Н. Миронкиной [11].

Второе направление совершенствования содержания курсов повышения квалификации сотрудников подразделений по работе с личным составом, осуществляющих ИПР, связано с учетом социально-психологических особенностей аудитории, с которой работает пропагандист. В педагогической литературе практически не исследованы социально-психологические условия эффективного проведения ИПР. Однако общественное мнение не является однородным, большинство взрослых людей (сотрудников ОВД в т. ч.) имеет явно сформированные убеждения, ценностные установки, отношения к тем или иным явлениям, событиям и идеям, представляющим собой предмет пропагандистской работы.

Все явления, включая мнения и убеждения, распределяются согласно кривой «нормального распределения» [12]. Это означает, что существует спектр мнений по любому вопросу, который варьируется от сугубо положительных до крайне отрицательных оценок и отношений. Большинство людей находятся в середине этого спектра, причем часть из них склонна скорее воспринимать отрицательные или положительные оценки, а часть не имеет своего мнения и присоединяется к большинству под влиянием обстоятельств и убедительности пропагандистской работы.

Будущих и действующих пропагандистов важно научить различать позиции слушателей, владеть методом убеждения, проведения дискуссии, спора. Важно показать способы – подбирать единомышленников в группе, нейтрализовать агрессивных оппонентов, использовать юмор, гротеск.

Третье направление совершенствования подготовки действующих и будущих пропагандистов. На эффективность ИПР влияют и психологические особенности восприятия

пропагандистских материалов. Доверие и недоверие, критичность, конструктивная и отрицающая позиции, логическая или этическая направленность мышления (по К. Юнгу), тип визуалов, аудиалов, кинестетиков⁶, мыслительный или художественный тип мышления, тип нервной системы (по И. П. Павлову) – все это играет важную роль в восприятии пропагандистских сообщений. Пропаганда может быть особенно эффективной для колеблющейся группы людей, которые склоняются к определенной позиции, но еще не уверены в своих убеждениях и не имеют достаточных аргументов или смелости для выражения собственной позиции. Когда пропагандист находит подходящие утверждения, колеблющаяся группа склонна принимать эту информацию и соглашаться с позицией пропагандиста. Поддерживающие позицию пропагандиста утверждаются в своих мнениях, могут служить опорой и, как правило, испытывают положительные эмоции [13].

Субъекты, имеющие сформированные критические мнения, убеждения, часто вступают в спор и, как показывает опыт различных ток-шоу, демонстрируемых по каналам телевидения, ни переубедить их, ни доказать иную точку зрения не удастся. К этой особенности информационной работы будущие и действующие пропагандисты должны быть готовы.

Пропагандисту важно учитывать также особенности аудитории, в которой ведется пропаганда, особенно в контексте взаимопонимания с группой сомневающихся. Поиск единомышленников в этой группе имеет чрезвычайное значение, т. к. наличие даже одного единомышленника может значительно повлиять на убеждения человека. Это объясняется тем, что люди склонны искать подтверждение своих взглядов и убеждений в окружающей среде. Наличие единомышленников предоставляет чувство принадлежности и поддержки, что особенно важно для тех, кто находится в состоянии неопределенности. Это объясняет, почему религия имеет такое большое значение для многих людей. Она предоставляет не только духовное руководство, но и социальную поддержку, укрепляя чувство общности и принадлежности к группе.

То же самое можно сказать и о пропаганде, которая может служить источником поддержки и утверждения для тех, кто находится в состоянии неопределенности. Пропаганда, как и религиозная проповедь, может предоставлять людям чувство принадлежности к определенной группе, укрепляя их убеждения и снижая уровень сомнений, тревожности.

В этом направлении важно учить пропагандистов дифференцировать аудиторию по лексике, по методу изложения, использовать разнообразные примеры, наглядность, образность, логику, критику.

Четвертое направление совершенствования подготовки сотрудников подразделений по работе с личным составом, осуществляющих ИПР – это формы и методы ИПР в ОВД. С одной стороны, именно это направление в высокой степени определено нормативными правовыми документами, действующими в подразделениях. С другой – методическая разработка этих форм, учитывающая рассмотренные выше требования, была осуществлена в советское время. В условиях динамично изменяющегося информационного пространства традиционные методы ИПР требуют адаптации. Важно учитывать, что современные сотрудники ОВД имеют доступ к разнообразным источникам информации, включая социальные сети и мессенджеры, что требует от пропагандиста использования новых каналов коммуникации и форм взаимодействия. Например, освещение важного социально-политического события можно организовать через канал, доступный только сотрудникам конкретного подразделения. Чтобы он имел пропагандистскую силу, важно насытить его эмоциональным содержанием, соотнести с государственным, общественным, личным интересом сотрудников.

Одним из традиционных методов ИПР в подразделениях по работе с личным составом являются наглядные материалы, которые рассчитаны на визуальное, быстрое, эмоциональное

⁶ Гуленко В. В. Юнг в школе. Соционика – межвозрастной педагогике : учебно-методическое пособие. 2 изд., стереотип. Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1998. 268 с.

восприятие информации. К ним относятся видеоматериалы на экранах, презентации, буклеты, брошюры, тематические газеты, плакаты и другие формы представления информации. Это очень важные средства ИПР именно в силу их образного воздействия и эмоционального влияния. Использование социальных сетей и мессенджеров повысит скорость передачи и распространения среди сотрудников необходимой информации. Мультимедийные ресурсы, такие как видеоролики, инфографика и интерактивные презентации, способствуют лучшему усвоению материала у личного состава, особенно среди молодых сотрудников, которые привыкли к цифровому формату информации.

Эмоциональная агитационная составляющая такого рода материалов повышается, если они подаются в форме сатирических изображений, комиксов, плакатов. Такого рода материалы были широко распространены в период Великой Отечественной войны и пользуются популярностью в современных условиях. Примером такой подачи пропагандистской информации может служить телеграм-канал «Блокнот Пропагандиста»⁷.

В условиях широкого распространения разнообразных электронных средств массовой информации к их разработке и представлению предъявляются определенные требования. Исследования показывают, что наиболее действенные наглядные материалы обладают следующими характеристиками. Они актуальны, сменяемы, поданы в то же время в узнаваемой форме. Для освещения событий, важных для страны и государства, наиболее эффективными являются плакат, листовка (информационный бюллетень). События конкретного подразделения эффективно подавать на экранах, однако важно учитывать, что информация с экрана считывается на ходу, поэтому плохо воспринимается мелкотекстовый материал. Информация служебного характера о приказах, правовых актах, нововведениях, отчетности лучше воспринимается в форме традиционного государственно-правового информирования [14].

Пятое направление совершенствования подготовки сотрудников подразделений по работе с личным составом, осуществляющих ИПР – это проведение контрпропаганды и борьбы с фейками.

Контрпропаганда представляет собой единую, динамичную систему мер, включающую в себя совокупность средств, приемов и методов, направленных на нейтрализацию и разоблачение пропаганды оппонентов органов внутренних дел. Основная цель контрпропаганды заключается в предупреждении возможного негативного воздействия на имидж сотрудников органов внутренних дел, а также на личный состав в целом и на систему МВД России. Сущность контрпропаганды заключается в активных действиях, направленных на раскрытие лживости пропаганды субъектов, распространяющих негативно критическую информацию о деятельности органов внутренних дел, а также в ведении аргументированной критики пропаганды.

Адаптируя методические рекомендации для подготовки журналистов, можно предложить для контрпропагандистской работы в ОВД, следующие приемы.

1. Правило упрощения: все факты сводить к простому противопоставлению *Хорошего* и *Плохого*, *Друга* и *Врага*. Контрастность, дуалистичность, двумерность послания. Например, сотрудники ОВД могут быть представлены как защитники порядка и безопасности, а их противники – как угроза обществу. Это позволяет создать четкое и понятное восприятие ситуации у аудитории.

2. Правило искажения: дискредитировать оппонента сатирой и пародией. При этом информация передается в искаженном виде. Большая часть послания – правда, и только меньшая часть послания содержит необходимый отправителю смысл. Например, если критики обвиняют ОВД в коррупции, пропаганда может представить эти обвинения как попытку дискредитировать добросовестных сотрудников, которые ежедневно рискуют жизнью для защиты общества.

3. Правило смешения: соединять общепринятые ценности аудитории ради достижения пропагандистских целей. Например, пропаганда может использовать патриотические чувства граждан, подчеркивая, что сотрудники ОВД защищают национальные интересы и безопасность страны. Это позволяет создать эмоциональную связь с аудиторией и вызвать поддержку пропагандируемых идей.

⁷ Блокнот Пропагандиста : [телеграм-канал]. URL: <https://t.me/designersmil> (дата обращения: 18.09.2024).

4. Правило единодушия: представлять важные воззрения как мнение всех правильно мыслящих людей; привлекать на свою сторону сомневающихся участием «лидеров мнений» и «психологическим заражением». Например, пропаганда может использовать известных общественных деятелей или актеров популярных сериалов, которые поддерживают работу ОВД, для того чтобы повысить имидж правоохранительных органов.

5. Правило инструментовки: повторять важное положение в разных вариациях и комбинациях. Рефрен, или постоянно повторяемая вложенная информация, воздействует на сознание и эффективней воспринимается. Например, пропаганда может постоянно подчеркивать, что сотрудники ОВД работают на благо общества, защищают права и свободы граждан, что их действия направлены на обеспечение безопасности и правопорядка⁸.

Не менее важно в условиях информационной войны и распространения дезинформации, чтобы будущие и действующие пропагандисты ОВД были подготовлены к анализу информации и умению распознавать фейки [15].

Нужно учитывать, что информационное многообразие не только расширяет возможности пропагандиста, но и существенно ее усложняет. Это связано с разнообразием каналов в мессенджерах, групп в социальных сетях, многообразием суждений, мнений, целенаправленное искажение сути событий, их недостоверной, поверхностной интерпретации.

Как отмечает О. Н. Иванищева, «фейковая информация влияет на формирование общественного мнения, потому что нет времени ее перепроверять, но она привлекательна по своему содержанию. ... В результате приходим к некому парадоксу. С одной стороны, нам важна информация, информация должна быть доступна, коммуникация будет эффективна тогда, когда есть реакция на информацию, массовая коммуникация должна позитивно влиять на общество. Но, с другой стороны, какая же может быть реакция на информацию, если мы не знаем, насколько она истинна, не знаем, манипулируют ли нами или нет, и каково может быть влияние СМИ на общество, если развитие новых информационных технологий усиливает дисперсность публики? Разделенную (дисперсную) аудиторию легче использовать как объект фейковых новостей» [16, с. 70; 17].

Из вышеописанного следует: во-первых, то, что пропагандист должен быть широко информированным человеком, не ограниченным только знанием нормативных правовых документов; во-вторых, обладать умением анализировать, оценивать достоверность источников и доносить свое мнение до личного состава. Это также является содержанием подготовки и повышением квалификации сотрудников, ответственных за проведение ИПР в подразделениях ОВД.

3 заключение

Анализ направлений совершенствования курсов повышения квалификации сотрудников подразделений по работе с личным составом, осуществляющих ИПР в ОВД, показал существенные изменения условий, в которых осуществляется пропагандистская работа. Существует объективная необходимость подготовки, переподготовки и повышения квалификации пропагандистов. Анализ опыта затруднений показал недостаток владения действующими пропагандистами основными понятиями – информация, пропаганда, агитация, их различиями и спецификой, недостаточное владение современными платформами подачи информации. Особо отстает знание психологических основ восприятия информации и методы противодействия контрпропаганды и фейкам.

Анализ опыта работы и литературы позволил выделить пять направлений и возможности их совершенствования при организации курсов повышения квалификации сотрудников подразделений по работе с личным составом, осуществляющих ИПР в ОВД. Рассмотренные направления совершенствования пропагандистской работы в подразделениях ОВД,

⁸ Сетевые коммуникации в цифровом обществе: агитация и пропаганда : учебное пособие / Бреслер М. Г., Галиуллина С. Д., Сулейманов А. Р., Асташкин А. Г. [и др.]. Уфа : Издательство УГНТУ, 2020. 118 с.

безусловно, не могут быть реализованы на протяжении короткого времени обучения, но могут стать материалом для методических рекомендаций и самостоятельной работы сотрудников, осуществляющих ИПР.

Важно, чтобы разрабатываемые программы для курсов повышения квалификации учитывали принципы обучения взрослых (андрагогики), позволяющие опираться на опыт взрослых, их суждения, убеждения. При этом отдельные рекомендации должны вписываться в общую методологию личностно-развивающего и аксиологического подходов, определяющих опору на ценности и смыслы деятельности человека. Кроме того, необходимо соответствовать требованиям дифференцированного и индивидуального подхода, определяющего эффективность деятельности пропагандиста как в группе, так и в индивидуальной работе с учетом подготовленности и позиции сотрудников, включенных в информационно-пропагандистскую деятельность. Для реализации предлагаемых требований необходима модернизация программы повышения квалификации, которая является предметом и задачей дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Гребенюк А. И., Данакин Н. С. Пропаганда и идеология в высшем образовании как социальный аспект обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 2. С. 208–219.
2. Михайлов С. Г. Воспитание молодежи и новое качество педагогических работников // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 1. С. 53–64. https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_53.
3. Карпова С. Г., Некрасов С. В., Пинчук А. Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. С. 212–229. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2020-4-212-229>.
4. Мельникова Т. С. Пропаганда как технология политического манипулирования // Власть. – 2010. – № 8. – С. 47–51.
5. Черников М. В., Авдеенко Е. В. Манипуляция как инструмент пропаганды // KANT. 2023. № 2 (47). С. 245–251. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2023-47.44>.
6. Барабанов Р. Е. Психологические способы воздействия: обзор проблемы // Бюллетень науки и практики. 2017. № 5 (18). С. 262–270.
7. Антонова О. Г. Манипуляция как феномен информационного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 3. С. 289–293. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-289-293>.
8. Радченко Л. Е. Влияние информации на нравственное, психическое здоровье и воспитание подрастающего поколения // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. № 1 (14). С. 215–223.
9. Лазутина Г. В. Социальная роль журналистики в контексте современных дискуссий // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 6. С. 178–191.
10. Тулупов В. В. Профессиональные стандарты, роли и деструктуризация в журналистике // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 7. С. 214–219.
11. Миронкина О. Н. Методика освоения норм антикоррупционного законодательства в системе повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2019. № 3 (169). С. 210–216.
12. Малахова С. И. Кривая нормального распределения и общество массовой демократии // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 222–231.
13. Куделькина Н. С. Восприятие многозначной информации как предмет психологического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 4. С. 268–276.
14. Кравцун И. А. Наглядные средства информации как форма информационно-пропагандистской работы с личным составом в органах внутренних дел / Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы II всероссийского конгресса, г. Санкт-Петербург, 11 июня 2024 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 84–88.
15. Манойло А. В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2. С. 37–45.
16. Иваннищева О. Н. Фейки как разновидность социальной информации // Человек. Культура. Образование. 2020. № 1 (35). С. 63–73. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2020-1-63-73>.
17. Нежкина Л. Ю., Душкин А. С. Распространение фейков как способ манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве // Российский девиантологический журнал. 2024. № 4 (2). С. 237–249. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-2-237-249>.

Научная статья
УДК 796.015.43
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-241-247>

Приемы обучения сотрудников полиции правомерному применению физической силы

Юрий Александрович Ермилов

Краснодарский университет МВД России
Краснодар (350005, ул. Ярославская, д. 128), Российская Федерация
ermilov1991@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6932-2655>

Аннотация:

Введение. Сотрудники полиции в процессе задержания правонарушителей вынуждены применять физическую силу. Закон обязывает учитывать характер и степень опасности действий правонарушителя. Тем не менее в настоящее время в литературе незначительно рассмотрен вопрос допустимого физического воздействия, в то время как сотрудники полиции в зависимости от тяжести последствий привлекаются к дисциплинарной или уголовной ответственности. Возникает вопрос: как в условиях первоначальной подготовки в вузах МВД России обучать сотрудников полиции правомерному применению физической силы.

Методы. В качестве основных методов исследования для решения поставленного вопроса применялся анализ и синтез, которые позволили на основе норм права разработать методические рекомендации и упражнения для отработки правомерного применения физической силы и болевых приемов.

Результаты. На основе модели правомерного применения физической силы, разработанной С. В. Кузнецовым и А. Н. Волковым, нами предлагаются упражнения для обучения процессу задержания. Данный процесс разделен на стадии взаимодействия сотрудника полиции с правонарушителем: стадия выявления признаков правонарушения (преступления), стадия словесного общения, стадия принуждения, стадия вынужденного применения физической силы и болевых приемов, стадия ограничения подвижности. Стадия вынужденного применения физической силы и болевых приемов предусматривает разную силу сопротивления правонарушителя: «Игнор», «Ленивый правонарушитель», «Энергичный правонарушитель», «Наступательный правонарушитель», «Агрессивный правонарушитель», «Опасный правонарушитель». В зависимости от силы сопротивления сотрудник применяет допустимую физическую силу или физическую силу с болевыми приемами.

Ключевые слова:

физическая сила, болевые приемы, правомерное применение

Для цитирования:

Ермилов Ю. А. Приемы обучения сотрудников полиции правомерному применению физической силы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 241–247. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-241-247>.

Статья поступила в редакцию 19.07.2024;
одобрена после рецензирования 15.10.2024;
принята к публикации 27.12.2024.

Original article

Techniques for training police officers in the lawful use of physical force

Yuri A. Ermilov

Krasnodar University of the MIA of Russia
128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, 350005, Russian Federation
ermilov1991@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6932-2655>

Abstract:

Introduction. Police officers in the process of apprehending offenders have to use physical force. The law obliges to take into account the nature and degree of danger of the offender's actions. Nevertheless, at present, the issue of permissible physical impact is insignificantly considered in the literature, while police officers are subject to disciplinary or criminal liability depending on the severity of the consequences. The question arises: how to teach police officers the lawful use of physical force in the conditions of initial training at universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords:

physical force, painful techniques, lawful application

© Ермилов Ю. А., 2025

Methods. Analysis and synthesis were used as the main methods of research for solving the set question, which allowed, on the basis of legal norms, to develop methodological recommendations and exercises for working out the lawful use of physical force and pain techniques.

Results. Based on the model of lawful use of physical force developed by S.V. Kuznetsov and A.N. Volkov, we propose exercises to teach the process of detention. This process is divided into stages of interaction between the police officer and the offender: the stage of identification of signs of an offence (crime), the stage of verbal communication, the stage of coercion, the stage of forced use of physical force and pain techniques, the stage of restriction of mobility. The stage of forced use of physical force and pain techniques provides for different strength of resistance of the offender: 'Ignore', 'Lazy offender', 'Energetic offender', 'Offensive offender', 'Aggressive offender', 'Dangerous offender'. Depending on the strength of the resistance, the officer uses permissible physical force or physical force with painful techniques.

For citation:

Ermilov Yu. A. Techniques for training police officers in the lawful use of physical force // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 241–247. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-241-247>.

The article was submitted July 19, 2024;
approved after reviewing October 15, 2024;
accepted for publication December 27, 2024.

Введение

Для обеспечения общественного порядка сотрудники полиции в соответствии с законодательством Российской Федерации в случаях, когда не силовые способы не обеспечивают общественной безопасности, обязаны прекратить противоправные действия посредством силового воздействия, т. е. применить физическую силу и т. п. [1; 2]. Несмотря на это право, существуют нормы ограничения, удерживающие сотрудника полиции от вседозволенности, т. е. не позволяющие ему применять чрезмерную физическую силу, что расценивается как жестокое либо унижающее человеческое достоинство отношение к людям. При необоснованном применении физической силы сотрудники полиции в зависимости от степени тяжести причиненного вреда привлекаются к дисциплинарной или уголовной ответственности [3]. Между правомерным и неправомерным применением физической силы проходит тонкая грань. Трудность заключается в том, что в экстремальных ситуациях, когда жизни и здоровью сотрудника полиции угрожает опасность, необходимо быстро оценить действия правонарушителя и с учетом характера и степени опасности его действий применить физическую силу, допустимую в данном случае [4–6]. При этом необходимо стремиться к минимизации любого ущерба.

В подобных условиях не исключены ошибки со стороны сотрудников полиции, когда применение физической силы расценивается уже как превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 114 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ)) [7]. С января по июнь 2023 года были осуждены четыре государственных и муниципальных служащих по ст. 113, 114, 118 УК РФ², в связи с чем возникает потребность в обучении сотрудников полиции правомерному применению физической силы.

В ходе изучения доступной нам литературы мы не обнаружили методических разработок, связанных с отработкой допустимого физического воздействия на практических занятиях в вузах системы МВД России. В основном применение физической силы рассматривается с точки зрения тактических действий сотрудника полиции.

Таким образом, между потребностью в обучении сотрудников полиции (курсантов, лиц, впервые принятых на службу в органах внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ)) правомерному применению физической силы и наличием методических разработок есть противоречие, которое можно разрешить средствами науки. Проблема нашего исследования заключается в следующем вопросе: как в условиях первоначальной подготовки обучать сотрудников полиции правомерному применению физической силы.

Методы

В качестве основных методов исследования для решения поставленного вопроса применялись анализ и синтез, позволившие на основе норм права разработать методические рекомендации и упражнения для отработки правомерного применения физической силы и болевых приемов.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

² Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 06.12.2023).

Результаты

Чтобы говорить о правомерном применении физической силы, прежде всего необходимо определить, а что такое «физическая сила»? В настоящее время отсутствует общепринятое определение этого термина [3]. Далее по тексту в авторской интерпретации под физической силой понимаются действия, направленные на преодоление сопротивления правонарушителя посредством физического контакта с разной силой воздействия. Болевой прием – это «специальные приемы воздействия на суставы рук и ног противника, вызывающие у него болевые ощущения...»³. Для правомерного применения физической силы сотрудникам полиции необходимо руководствоваться «разумной достаточностью пропорционального применения» [8]. Это значит, что необходимо противодействовать с не меньшим усилием и развивать большее усилие, пересилив которое, продолжать воздействие с учетом сопротивления, оказываемого сотруднику полиции.

В отечественной литературе на данный момент наиболее разработанная модель правомерного применения физической силы представлена специалистами Нижегородской академии МВД России [9]. Данная модель рекомендована ГУРЛС МВД России (2016). Согласно ей, в зависимости от степени опасности действия правонарушителя классифицируются как: 1) игнорирование, 2) пассивное неповиновение, 3) активное сопротивление, 4) противодействие защищаясь, 5) активное противодействие, 6) вооруженное и (или) групповое нападение⁴.

Авторы модели (С. В. Кузнецов, А. Н. Волков) провели четкую грань между правомерным применением физической силы и правомерным применением физической силы с болевыми приемами [9].

Применение физической силы возможно при «игнорировании» и «пассивном неповиновении». Со стороны сотрудников полиции физическая сила в данном случае проявляется в слабом «физическом понуждении» (прикосновение, несильные толчки, вынуждающие двигаться (остановиться), контроль определенного положения) и в сильном «физическом понуждении».

Применение физической силы и болевых приемов возможно при «противодействии защищаясь», «активном противоборстве» и «вооруженном и (или) групповом нападении». В данных случаях сотрудник полиции прибегает к «специальным приемам физического воздействия», «физическому воздействию с применением специальных средств», а также применяет «силу, оружие, способные причинить смерть».

При «активном противодействии» допускается применение физической силы с некоторыми болевыми приемами (умеренное болевое воздействие, загиб руки за спину, удержание). Поэтому «активное сопротивление» можно считать рубежом между применением физической силы и применением физической силы с болевыми приемами. Данные средства физического воздействия сотрудник полиции применяет только в зависимости от силы сопротивления правонарушителя. С точки зрения правомерного применения физической силы имеют значение не только основания и порядок применения, но и то, применялась ли физическая сила пропорционально силе сопротивления [10].

Опираясь на модель, мы предлагаем упражнения для обучения сотрудников полиции действиям в условиях, связанных с применением физической силы [11–14]. Поскольку задержанию сопутствуют различные взаимодействия сотрудника полиции с правонарушителем, то этот процесс мы разделили на стадии (рисунок 1).

На стадии «выявления признаков административного правонарушения» сотрудник полиции дает правовую оценку действиям правонарушителя согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях⁵, т. е. есть состав правонарушения или его нет.

Если имеет место правонарушение, то сотрудник полиции принимает решительные меры к пресечению (стадия словесного общения), сокращает дистанцию, обращается к гражданину, представляется, предъявляет требование, проверяет документы, устанавливает свидетелей, составляет административный протокол на месте или доставляет в служебное помещение.

³ Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту : в 3 т. / гл. ред. Г. И. Кукушкин. Москва : Физкультура и спорт, 1961. Т. 1: Абсолютный рекорд – Клинок. 368 с.

⁴ Теоретические и методические основы организации физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : учебник / С. В. Кузнецов, А. И. Волков, А. И. Воронов ; под ред. С. В. Кузнецова. Москва : ДГСМ МВД России, 2016. 328 с.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

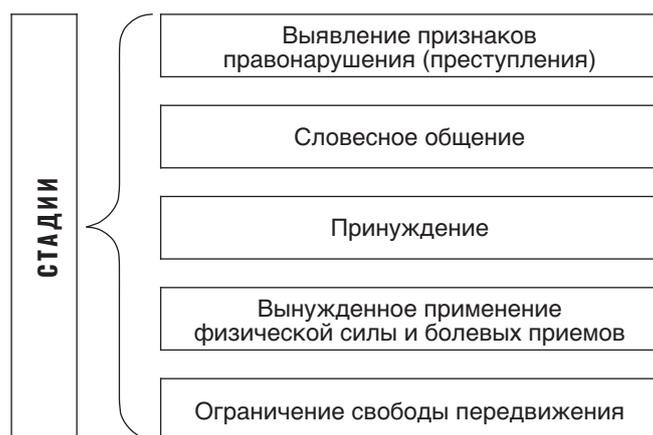

Рис. 1. Стадии взаимодействия с правонарушителем

Fig. 1. Stages of interaction with the offender

При невыполнении требований (стадия принуждения) сотрудник полиции дублирует их и в случае невыполнения предупреждает о намерении применить физическую силу предоставляя возможность и время для выполнения требований.

При невыполнении требований наступает стадия «вынужденного применения физической силы и болевых приемов», сотрудник полиции применяет физическую силу в зависимости от силы сопротивления.

Далее следует стадия «ограничения подвижности» здесь могут применяться наручники, разъясняются права, проводится наружный досмотр, оказывается при необходимости первая помощь, правонарушитель доставляется в служебное помещение и составляется рапорт.

В процессе обучения отрабатываются каждая стадия как самостоятельный элемент, а затем как взаимосвязанные элементы процесса задержания. При отработке должен быть вариант, при котором правонарушитель не оказывает сопротивления, и вариант с оказанием сопротивления, предусматривающий разную степень воздействия физической силы. Перед тем как приступить к отработке стадии «вынужденного применения физической силы и болевых приемов», необходимо разъяснить и показать обучающимся сотрудникам полиции, при какой силе сопротивления они могут применить только физическую силу, а когда физическую силу с болевыми приемами. Упражнения представляют собой конкретные ответные действия сотрудника полиции на определенную силу сопротивления (таблица 1, 2).

Таблица 1

Применение физической силы

Table 1

Use of physical force

Задание ассистенту	Задание сотруднику полиции	
	Оценка силы сопротивления	Пропорциональное физическое воздействие
– подчинение; – беспрекословное выполнение требований	Повиновение	Пассивная позиция
Упражнение «Игнор» – пренебрежение; – не выполняет требований, команд, указаний (не предъявляет документов, не выполняет требований при досмотре, не двигается по указанию); – отсутствует внимание	Игнорирование	– прикосновение; – несильные толчки, вынуждающие двигаться; – контроль определенного положения; – вынуждение двигаться в определенном направлении; – хват за плечо

Окончание таблицы 1

End of table 1

Задание ассистенту	Задание сотруднику полиции	
	Оценка силы сопротивления	Пропорциональное физическое воздействие
Упражнение «Ленивый правонарушитель» – не выполняет требований, команд, указаний (не предъявляет документов, не выполняет требований при досмотре, не двигается по указанию); – попытки сохранить положение (позу) мышечным напряжением; – сопротивление собственным весом; – сопротивление мышечным напряжением	Пассивное неповиновение	– толчки, вынуждающие двигаться; – контроль определенного положения; – вынуждение двигаться в определенном направлении; – хват за плечо
Упражнение «Энергичный правонарушитель» – приседает, падает, группируется в положении лежа; – не дает установить контакт, перемещаясь; – оказывает силовое сопротивление, не контратакуя; – активное сопротивление (захвату), вырывается из рук; – убегает	Активное сопротивление	– захваты и сковывание в определенном положении; – умеренное болевое воздействие; – ограничение подвижности (загиб руки за спину); – удержание

На стадии «вынужденного применения физической силы и болевых приемов» необходимо обращать внимание на силу сопротивления и на допустимое физическое воздействие со стороны сотрудника полиции. При этом акцентируется внимание на том, в каком случае применяется физическая сила, а в каком физическая сила с болевыми приемами (таблица 2). Например, при обращении сотрудника полиции правонарушитель делает вид, что не замечает его, не выполняет устных требований. Сотрудник полиции оценивает поведение правонарушителя как «игнорирование» и после выполнения порядка, предусмотренного ст. 19 Федерального закона «О полиции»⁶, может прибегнуть только к слабому физическому понуждению.

Таблица 2

Применение физической силы и болевых приемов

Table 2

Use of physical force and pain techniques

Задание ассистенту	Задание сотруднику полиции	
	Оценка силы сопротивления	Пропорциональное физическое воздействие
Упражнение «Наступательный правонарушитель» – оказывает силовое сопротивление, не контратакуя; – активное сопротивление (захвату); – сковывание действий сотрудника полиции хватами и обхватами	Противодействие защищаясь	– болевые приемы; – наручники; – газовые средства; – палка специальная; – электрошоковые устройства и т. д.
Упражнение «Агрессивный правонарушитель» – неожиданно атакует на поражение одиночным ударом, приемом борьбы; – ведет рукопашный бой на поражение; – борьба в обоюдном захвате	Активное противодействие	– болевые приемы – наручники – газовые средства – палка специальная – электрошоковые устройства; – огнестрельное оружие

⁶ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

Окончание таблицы 2

End of table 2

Задание ассистенту	Задание сотруднику полиции	
	Оценка силы сопротивления	Пропорциональное физическое воздействие
Упражнение «Опасный правонарушитель» – неожиданно атакует с целью завладеть оружием сотрудника; – неожиданно атакует холодным оружием или подручным средством; – угрожает в упор (пистолет, нож, любой подручный предмет); – групповое нападение; – атакует с применением подручных средств	Вооруженное и (или) групповое нападение	– болевые приемы; – наручники; – газовые средства; – палка специальная; – электрошоковые устройства; – огнестрельное оружие

Упражнения в методической форме могут быть представлены в следующем виде.

Упражнение «Игнор»

Условия: один ассистент, два сотрудника полиции.

Ситуация: правонарушитель не выполнил требование в первый раз, не выполнил его во второй раз, был предупрежден о намерении применения физической силы, и ему была предоставлена возможность, время для выполнения законных требований. Несмотря на предупреждение о применении физической силы, правонарушитель не обращает внимания на сотрудника полиции и не выполняет его устных требований (команд, указаний).

Решение: сотрудник полиции оценивает поведение правонарушителя как «игнорирование». После чего прибегает к «физическому понуждению», т. е. берет под руку и принуждает (несильные толчки) правонарушителя к движению в служебное помещение или служебный автомобиль. Второй сотрудник, сопровождает правонарушителя, находясь позади него.

Следующий этап обучения – отработка всех стадий взаимодействия с правонарушителем как целостного процесса. Варианты обязательно необходимы для стадии «выявления признаков правонарушения (преступления)» и на стадии «вынужденного применения физической силы и болевых приемов».

Стадия «вынужденного применения физической силы и болевых приемов» усложняется переходом ассистента с одной силы сопротивления на другую, тем самым вынуждая сотрудника полиции «противодействовать с не меньшим усилием и развивать большее усилие, пересилив которое, продолжать оказывать воздействие с учетом оказываемого сопротивления сотруднику полиции».

Желательно, чтобы действия правонарушителя, связанные с силой сопротивления, позволяли сотрудникам полиции закреплять ранее изученный материал. Например, при активном противодействии ассистент атакует сотрудника полиции прямым ударом в голову, сотрудник полиции уходит с линии атаки, выполняет захват и проводит прием «рычаг наружу или внутрь».

3 **Заключение**

Отработку правомерного применения физической силы и болевых приемов можно назвать заключительным этапом физической подготовки сотрудников полиции, т. к. выполнение подобных упражнений возможно только после изучения материала, предусмотренного учебной программой не только по физической подготовке, но и по другим предметам. При подготовке сотрудников полиции необходимо рассматривать процесс задержания не только с позиции применения физической силы, но и с правовой, огневой и тактической стороны, ведь в условиях задержания эти виды подготовки обеспечивают безопасность сотрудника полиции [15]. В предлагаемом выше подходе обучения сотрудников полиции правомерному применению физической силы стадии взаимодействия с правонарушителем объединяют в себе все виды подготовки сотрудника полиции. Подход, изложенный нами в сжатой концептуальной форме, тем не менее дает

профессорско-преподавательскому составу опору для проведения подобных занятий с курсантами и лицами, впервые принятыми на службу в ОВД РФ, а также толчок для дальнейшего совершенствования этого направления подготовки сотрудников полиции.

Список литературы

1. Волков А. Н., Кузнецов С. В. Практика применения сотрудниками полиции силы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 133–140. <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10319>.
2. Курсаев А. В. Грани правомерного и уголовно-наказуемого применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (по материалам судебной практики) // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 3. С. 349–361. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-349-361>.
3. Казначеев В. А. Практико-правовые особенности применения сотрудниками силовых структур физической силы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23, № 80. С. 23–28. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-80-23-28>.
4. Воронов А. И., Чигорьев Е. А., Крестьянинов В. А. Принятие решения сотрудником полиции по применению средств принуждения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 4 (79). С. 410–416. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-14009>.
5. Гаврилов Д. А., Патрушева А. Ю., Баясгалан Б. Э. Некоторые аспекты правомерного применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия / Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств : материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Иркутск, 16–17 июня 2016 : в 2 т. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2016. Т. 1. С. 59–65.
6. Шатилович С. Н., Морозов В. И. Вопросы правовой регламентации применения сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны в случае причинения нападавшему лицу вреда здоровью либо смерти // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1 (55). С. 60–70.
7. Басистов Д. Г., Ишбулатова А. Р. Правомерное применение физической силы сотрудниками полиции / Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов : сборник статей. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. С. 52–55.
8. Баркалов С. Н. Некоторые особенности моделирования ситуаций ограничения свободы передвижения ассистента в ходе занятий по физической подготовке с сотрудниками полиции России // Наука-2020. 2020. № 5 (41). С. 77–83.
9. Кузнецов С. В., Волков А. Н. Модель правомерного применения физической силы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 72–78. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-2-72-78>.
10. Цекунов С. О., Крысин М. В., Знаменский И. Ю. Правовые аспекты применения физической силы и боевых приемов борьбы сотрудниками полиции / Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел : материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 30 ноября 2020 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России. С. 431–434.
11. Волосников И. В. Использование деловой игры для обучения сотрудников полиции правомерному применению физической силы // Новая наука: от идеи к результату. 2017. Т. 1, № 2-1. С. 12–14.
12. Иоголевич Н. И., Иоголевич В. А., Иванова С. И. Развитие системы оценки профессиональных компетенций сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1 (72). С. 60–67.
13. Пастухов Е. В. Обучение правомерному применению боевых приемов борьбы // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2014. № 31. С. 144–147.
14. Пряхин А. С. Специфика обучения боевым приемам борьбы сотрудников ОВД, проходящих первоначальную подготовку // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5. С. 83–86.
15. Куцев П. М., Находкин Е. Н., Головинский И. В., Черноусов М. В. Готовность к силовому задержанию правонарушителя: исторический опыт и современные требования к подготовке сотрудника полиции // Юристь-Правоведь. 2015. № 6. С. 103–108.

Научная статья
УДК 378; 37.015.31
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-248-255>

Формирование готовности сотрудников силовых ведомств к принятию решений с использованием метода ментальных репрезентаций

Геннадий Васильевич Зибров¹, доктор педагогических наук, профессор
Александр Владимирович Белошицкий², доктор педагогических наук, профессор
Елена Ивановна Мещерякова³, доктор педагогических наук, профессор

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»
Воронеж (394064, ул. Старых Большевиков, д. 54А), Российская Федерация
¹ vva@mil.ru, ² alexandr_beloshitskiy@mail.ru, ³ elenamsol@yandex.ru

Аннотация:

Введение. Исследование многоаспектной проблемы формирования готовности будущих офицеров силовых ведомств к эффективному принятию решений в самых разных, в т. ч. и в экстремальных, динамично изменяющихся условиях профессиональной деятельности характеризуется в настоящей статье в качестве актуального и своевременного. Целью статьи стало представление результатов исследования одного из аспектов обозначенной проблемы, а именно – использование метода ментальных репрезентаций в обучении и воспитании курсантов для формирования готовности сотрудников силовых ведомств к принятию решений на примере подготовки будущих офицеров Российской армии в образовательном процессе военных вузов.

Методы исследования. Используются методы абстрагирования и конкретизации, логических обобщений; теоретического и системно-структурного анализа; изучения и обобщения научных источников и педагогического опыта.

Результаты. В контексте методологии профессионального образования установлены возможности использования метода ментальных репрезентаций в обучении и в воспитании на различных этапах профессиональной подготовки будущих военных специалистов; обосновано значение сформированности ментальных репрезентаций для эффективного принятия решений в условиях военно-профессиональной деятельности.

Ключевые слова:

ментальные репрезентации, готовность к принятию решений, наглядно-действенное мышление, обучение и воспитание курсантов, метод ментальных репрезентаций

Для цитирования:

Зибров Г. В., Белошицкий А. В., Мещерякова Е. И. Формирование готовности сотрудников силовых ведомств к принятию решений с использованием метода ментальных репрезентаций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 248–255. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-248-255>.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024;
одобрена после рецензирования 16.01.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Formation of decision-making readiness of law enforcement officers using the method of mental representation

Gennady V. Zibrov¹, Dr. Sci. (Ped.), Professor
Alexander V. Beloshitskiy², Dr. Sci. (Ped.), Professor
Elena I. Mesheryakova³, Dr. Sci. (Ped.), Professor

Military Educational and Scientific Centre of the Air Force
«Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy»
54A, Starykh Bol'shevikov str., Voronezh, 394064, Russian Federation
¹ vva@mil.ru, ² alexandr_beloshitskiy@mail.ru, ³ elenamsol@yandex.ru

© Зибров Г. В., Белошицкий А. В., Мещерякова Е. И., 2025

Abstract:

Introduction. This research examines the multidimensional issue of formation of the readiness of future officers of law enforcement agencies to effective decision-making in various conditions of professional activity, including extreme and dynamically changing circumstances. The study is characterised as relevant and timely. The purpose of this article is to present the findings of the study that focuses on a specific aspect of the aforementioned issue – the method of mental representation in the training and education of cadets as a tool to assess the readiness of law enforcement officers to make effective decisions. This method is used in the training of future officers of the Russian Army in the educational process in military universities.

Research methods. The following methods are used: methods of abstraction and concretisation, logical generalisations, theoretical and system-structural analysis, study and generalisation of scientific sources, and pedagogical experience.

Results. In the context of the methodology of professional education, the potential of using the method of mental representation in training and teaching at different stages of professional training of future military specialists are established. Additionally, the importance of the formation of mental representation for effective decision-making in the conditions of military-professional activity is substantiated.

Keywords:

mental representation, readiness for decision-making, visual-active thinking, training and education of cadets, method of mental representation

For citation:

Zibrov G. V., Beloshitsky A. V., Mesheryakova E. I. Formation of decision-making readiness of law enforcement officers using the method of mental representation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 248–255. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-248-255>.

The article was submitted December 9, 2024; approved after reviewing January 16, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Профессиональная деятельность сотрудников силовых ведомств требует от них сформированной готовности к принятию профессионально выверенных и обоснованных решений не только в стандартных ситуациях, но и в динамически изменяющихся, а порой и экстремальных условиях. Достижение курсантами определенного уровня готовности к принятию решений становится результатом деятельности командного и профессорско-преподавательского состава ведомственных вузов, а также самообразования будущих офицеров в период профессиональной подготовки.

Особое значение отмеченное требование к принятию решений приобретает применительно к действиям офицеров Российской армии: ведь от того, насколько быстро и правильно они принимают решения, зависит достижение целей и решение задач военных операций. Для развития способностей будущих офицеров принимать взвешенные и эффективные решения в экстремальных ситуациях, в т. ч. и связанных с ведением боевых действий, могут использоваться различные методы. Проведенные нами исследования показали, что высокую эффективность демонстрирует метод ментальных репрезентаций, включенный в систему методов обучения и воспитания для формирования готовности будущих офицеров к принятию решений в ходе военно-профессиональной деятельности. Следует отметить, что метод ментальных репрезентаций ранее не определялся и не использовался при проведении педагогических исследований, связанных с разработкой проблем повышения качества военно-профессиональной подготовки будущих офицеров к действиям в сложных ситуациях, в т. ч. и в условиях ведения боевых действий. Возможности повышения эффективности военно-профессиональной подготовки будущих офицеров Российской армии в образовательном процессе военных вузов, открывающиеся в связи с использованием в обучении и в воспитании курсантов метода ментальных репрезентаций, придают исследованиям, опирающимся на формирование и последующую актуализацию ментальных репрезентаций, особую актуальность и своевременность.

При проведении исследования в обозначенном недостаточно разработанном направлении на стыке военной педагогики и психологии важно опираться на методологию профессионального образования, представляющую собой «качество методов», позволяющее, согласно утверждению Г. Ч. Синченко и С. В. Векленко, «не только узнать ту или иную сторону изучаемого явления, но и познать сущность объекта» [1, с. 53]. Именно методология, уверен Р. М. Нуреев, и с ним нельзя не согласиться, представляет тот «способ, которым устанавливается соотношение между теорией и реальностью» [2, с. 4].

Развивая методологию профессионального образования, в настоящей статье для установления «соотношения между теорией и реальностью» мы предлагаем включение метода ментальных репрезентаций в систему методов воинского обучения и воспитания. Понимая, что методология – это не только методы, но и особая система «общих, основополагающих идей, принципов, установок, из которых обязан исходить ... каждый исследователь» [3, с. 228], при проведении исследования в обозначенном направлении «исходной мыслью, положенной

в основу решения научно-практической проблемы», т. е. его идеей, как определяет ее В. В. Сериков, стало установление связи между «новой педагогической целью – опытом ... содержанием образования, усвоение которого ведет к обретению данного опыта, и методом усвоения содержания, деятельностно-процессуальным механизмом обретения этого опыта» [4, с. 31]. В контексте утверждения одного из ведущих современных отечественных ученых-педагогов в нашем исследовании новой педагогической целью, трактуемой как «ожидаемый конечный результат, на который направлено исследование»¹, становится достижение курсантами уровня сформированности готовности к принятию эффективных решений в сложных ситуациях, в т. ч. и в условиях ведения боевых действий, а важной составляющей деятельностно-процессуального механизма обретения этого опыта и вместе с тем – педагогических технологий, разрабатываемых и реализуемых в процессе обучения и воспитания будущих офицеров, – метод ментальных репрезентаций.

Результаты исследований в указанном направлении могут быть не только интересными, но и полезными для тех, кто изучает проблемы формирования готовности сотрудников силовых ведомств к действиям в сложных и экстремальных ситуациях профессиональной деятельности, а также участвует в процессе их профессиональной подготовки.

Методы

Методы исследования включали абстрагирование и конкретизацию, логические обобщения; теоретический и системно-структурный анализ; изучение и обобщение информации, содержащейся в научных источниках, и педагогического опыта.

Результаты

Приступая к исследованию возможностей совершенствования обучения и воспитания курсантов в направлении формирования их готовности к эффективному принятию решений с использованием метода ментальных репрезентаций, необходимо конкретизировать ключевые понятия, которые используются нами, в т. ч. и для представления его результатов. Прежде всего это понятие ментальных репрезентаций. Конкретизируя понятия в контексте проведения исследования, мы учитывали неразрывную связь научных областей педагогики и психологии, которую исследователи отмечают следующим утверждением: «Педагогика органично связана с психологией. Воспитание, образование, обучение человека есть не что иное, как целенаправленное развитие психики, мышления, деятельности» [5, с. 6]. В психологии ментальные репрезентации характеризуются как «ментальные конструкции, порожденные самим человеком, формирующиеся на основе внешнего и внутреннего контекста с помощью механизмов реорганизации опыта», как «результат отображения внешнего в виде системы сложившихся представлений (образа), входящих в индивидуальный опыт субъекта» [6, с. 14]. Исходя из такого представления феномена, можно утверждать, что ментальные репрезентации формируются у человека на основе получаемых им знаний, приобретаемого индивидуального опыта. Кроме того, с их помощью можно охарактеризовать, во-первых, содержание психического отображения личностью окружающей действительности и, во-вторых, формат, в котором такое отображение происходит.

Тем самым ментальные репрезентации становятся внутренними структурами, формирующимися в сознании человека и включающими: 1) сложившиеся (складывающиеся) картины внешнего мира и самого себя; 2) сформировавшиеся (формирующиеся) когнитивные схемы и конфигурации форм хранения информации, получаемой извне; 3) способы переработки получаемой информации; 4) воспроизведение образов в процессе и по результатам восприятия событий внешнего мира посредством активизации внутренних психических процессов.

При этом, по мнению исследователей, образы и символика психических состояний «осознаются субъектом и включены в его модель психического в качестве представлений о переживаниях собственных состояний» и, несомненно, будут различаться у лиц разных профессий, культур, возраста и др. [7], что особенно важно для их изучения в связи с профессиональной подготовкой курсантов.

¹ Применение критериев доказательности диссертационных исследований в области наук об образовании : методические рекомендации / под науч. ред. В. М. Филиппова. Москва : РАО, 2023. С. 9.

Исходя из приведенных характеристик феномена, можно утверждать, что с использованием ментальных репрезентаций, которые порождаются самим человеком, но «формируются на основе внешнего и внутреннего контекста с помощью механизмов реорганизации опыта» [8], можно ускорять процесс принятия решений в различных ситуациях, что имеет для профессиональной подготовки и последующей военно-профессиональной деятельности будущих офицеров важное значение. Кроме того, ментальные репрезентации осознаваемы, и это означает, что «человек может представить себе на внутреннем „экране” любые объекты, ситуации и состояния, „прокручивая” или анализируя их» [9, с. 15]. Однако такие объекты, ситуации и состояния должны определенным образом «закрепиться» в сознании человека, чтобы в возникающих условиях быть представленными на внутреннем «экране». Исходя из этого, задачей военно-профессиональной подготовки становится формирование ментальных репрезентаций курсантов в обучении и в воспитании как внутренних структур сознания личности, которые обеспечивают быстрое и эффективное принятие решений не только в стандартных, но и в динамично изменяющихся условиях военно-профессиональной деятельности.

Важнейшую роль в формировании ментальных репрезентаций играет использование потенциала мышления. К пониманию необходимости использования потенциала мышления как одного из основных познавательных процессов личности приводит поиск возможностей повышения эффективности военно-профессиональной подготовки будущих офицеров Российской армии в образовательном процессе военных вузов с опорой на формирование и последующую актуализацию ментальных репрезентаций. При этом возможность рассматривается как категория модальности [10], как все то, что может возникнуть и существовать, т. е. стать действительностью.

Возможности повышения эффективности военно-профессиональной подготовки будущих офицеров в образовательном процессе военных вузов представляют собой целостную систему, в которую объединяются относительно обособленные, но при этом непротиворечиво взаимосвязанные и взаимодействующие подсистемы направлений, выявляемых для достижения целей повышения эффективности образовательной деятельности в сложившихся (складывающихся, прогнозируемых и т. п.) условиях. В качестве подсистемы в системе указанных возможностей выделяются те, которые опираются на актуализацию с использованием метода ментальных репрезентаций мышления курсантов как субъектов образовательной деятельности.

Как известно, в зависимости от формы выделяют три вида мышления: наглядно-действенное (практическое), наглядно-образное и абстрактно-логическое. Представляется, что для исследования возможностей использования метода ментальных репрезентаций в обучении и воспитании будущих офицеров принципиально важное значение имеет опора на доминанту развития наглядно-действенного мышления [11]. Такое мышление, по мнению психологов, наблюдается при осуществлении многих видов профессиональной деятельности, в т. ч. и военно-профессиональной [12]. Его средства (главным образом – практические действия, осуществляемые методом проб) позволяют решать достаточно сложные проблемные задачи, возникающие в самых разных ситуациях и требующие совершения определенных действий в условиях их зрительного восприятия, наблюдения за развитием ситуаций.

Обычно наглядно-действенное мышление характеризуется как наиболее простой вид мышления, опирающийся на непосредственное восприятие объектов окружающей среды, но в то же время являющийся основой для развития более сложных видов мышления – наглядно-образного и абстрактно-логического. Однако наглядно – действенное мышление можно рассматривать не только как основу, но и как результат актуализации личностью указанных более сложных видов мышления. Тогда ментальные репрезентации, которые, по мнению исследователей, «учитывают всю совокупность элементов ситуации или задачи», «имеют переходный характер: когда задача выполнена, они заменяются другими репрезентациями, связанными уже с другими задачами» [13, с. 6]. В связи с этим ментальные репрезентации можно определить в качестве своеобразного отражения (результата) наглядно-образного и абстрактно-логического мышления применительно к той ситуации, в которой необходимо в течение минимального времени принять максимально выверенные и обоснованные решения, требующие совершения эффективных действий.

Именно такое представление о наглядно-действенном мышлении позволяет выявить и представить возможности повышения эффективности военно-профессиональной подготовки будущих офицеров с использованием метода ментальных репрезентаций, целенаправленного на формирование и последующую актуализацию ментальных репрезентаций в связи с принятием решений в различных ситуациях военно-профессиональной деятельности, в т. ч. и в экстремальных ситуациях, связанных с ведением боевых действий.

Важно подчеркнуть, что на учебных занятиях именно преподаватель транслирует знания, т. е. объективирует, презентует общественно-культурный опыт в перцептивной или вербальной форме, а курсант в последующем субъективирует, репрезентирует его (опыт) и знания. Таким образом, курсант распродумывает разнообразные объекты действительности, интериоризирует их в виде понятий, формируя индивидуализированную систему значений и смыслов, в которых фиксируются существенные свойства и функции явлений, объектов, процессов. В результате взаимодействия в образовательной среде курсант выступает субъектом, личностью, индивидуальностью, обладающей своим представлением ценностей, интересов и т. д. При этом возникают доминирующие ментальные репрезентации, которые при определенных обстоятельствах могут выступать ведущими мотивами.

Понимая неразрывную связь обучения, воспитания, развития личности будущего офицера в процессе профессиональной подготовки в военном вузе, выделим возможности формирования готовности курсантов к принятию эффективных решений с использованием метода ментальных репрезентаций в обучении и в воспитании на различных этапах профессиональной подготовки будущих военных специалистов. При этом под готовностью офицера к принятию решений при осуществлении военно-профессиональной деятельности мы понимаем «установку личности, заключающуюся в определенном отношении к стоящим перед ней целям и задачам и выражающуюся в избирательной мобилизованности и готовности к деятельности»², которая приводит к совершению определенных военно-профессиональных действий, связанных с принятием решений и контролем за их исполнением.

Для процесса обучения в качестве этапов формирования готовности мы определяем следующие: *первый этап* (преимущественно 1–2 курсы обучения) – этап формирования установленных компетенций в процессе изучения дисциплин, включенных в гуманитарный и социально-экономический, а также математический и естественнонаучный циклы учебного плана; *второй этап* (преимущественно 3–4 курсы обучения) – этап формирования установленных компетенций в процессе изучения дисциплин, включенных в профессиональный цикл; *третий этап* (преимущественно 4–5 курсы обучения) – этап формирования установленных компетенций в процессе изучения дисциплин специализации и прохождения практики.

На *первом этапе* возможности использования метода ментальных репрезентаций для формирования готовности к принятию решений при осуществлении военно-профессиональной деятельности на учебных занятиях связаны с движением к наглядно-действенному мышлению от наглядно-образного и абстрактно-логического мышления. Так, изучение военной истории России, культурологии, других гуманитарных дисциплин должно привести к становлению в сознании курсантов устойчивых внутренних структур для воспроизведения образов внешнего мира, восприятия его объектов, характеристик, особенностей с помощью активизации внутренних психических процессов, сопряженных с абстрактным мышлением. Кроме того, возможности использования метода ментальных репрезентаций в рамках реализуемой педагогической технологии на учебных занятиях на этом этапе определяются и тем, что начинает проявляться связь между мышлением и другими познавательными процессами, обусловленными профессиональной подготовкой будущих офицеров – ощущением, восприятием, представлением, воображением, памятью и вниманием. Такая связь будет укрепляться на следующих этапах использования метода ментальных репрезентаций. Безусловно, доминирование познавательных процессов на первом этапе принадлежит воображению, памяти, вниманию, а затем – представлению. Однако опора на ощущение и восприятие может стать той базой, на которой познавательные процессы будут гораздо более результативными.

На *втором этапе* доминанта в использовании метода ментальных репрезентаций перемещается к актуализации наглядно-образного, а от него и через него – наглядно-действенного мышления. В профессиональный цикл обычно включаются общепрофессиональные и специальные профессиональные дисциплины, изучая которые, курсанты получают знания в области служебной и военно-профессиональной деятельности, а также приобретают умения и навыки в использовании накопленного знаниевого потенциала, который, безусловно, «является динамической характеристикой личности» и его «следует рассматривать как взаимодействие между тремя основными группами качеств: мотивация, общие и / или специальные способности и креативность» [14, с. 123]. Дисциплинами специализации для будущих офицеров становятся, например, инженерная графика, теоретическая механика, авиационное материаловедение, динамика полета, теория авиационных двигателей и др. На этом этапе складывающаяся картина внешнего мира дополняется осознанными реалиями несения воинской службы и представлениями своего места в ней, наполнением формирующихся когнитивных схем

² Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии : [учебник]. Санкт-Петербург : Питер, 2002. С. 217.

и конфигурации форм хранения информации, получаемой извне, совершенствованием способов переработки и сохранения получаемой информации. Все это способствует активизации внутренних психических процессов, обеспечивающих воспроизведение образов в процессе и по результатам восприятия событий внешнего мира, формирует ментальные репрезентации будущих офицеров, которые затем будут задействованы для принятия решений в реальных условиях военно-профессиональной деятельности.

Формирование готовности к принятию решений в образовательном процессе военных вузов завершается на **третьем этапе**, когда приоритетным становится изучение дисциплин специализации, и доминанта смещается в сторону наглядно-действенного мышления. Результативность смещения доминанты и в целом успех использования метода ментальных репрезентаций как составляющей педагогических технологий изучения дисциплин на заключительном этапе во многом зависят от того, насколько эффективным оказалось использование метода ментальных репрезентаций на первом и втором этапах, насколько сформирована у будущих офицеров готовность к принятию эффективных обоснованных решений. Изучение дисциплин специализации ориентировано главным образом на приобретение умений и навыков военно-профессиональной деятельности в соответствии со специальностью, по которой осуществляется профессиональная подготовка в военном вузе. При этом приобретение умений и навыков базируется на полученных (получаемых) знаниях. Смещение акцента в использовании метода ментальных репрезентаций в направлении актуализации умений и навыков военно-профессиональной деятельности в соответствии со специальностью, получаемой в военном вузе, позволяет подготовить будущих офицеров к быстрому, осознанному, обоснованному принятию решений не только в стандартных, типичных, но и в быстро меняющихся условиях внешней среды, в т. ч. и в экстремальных ситуациях ведения боевых действий. Сформированная способность к быстрому (лучше – мгновенному) воспроизведению образов по результатам восприятия событий внешнего мира посредством активизации внутренних психических процессов способствует сокращению продолжительности процесса принятия решений и их высокой эффективности.

Исследователи единодушны в том, что если «принятие решений происходит в условиях риска, определяемого возможными альтернативами, гипотезами и исходами», то «для того, чтобы сделать максимально успешный выбор, субъекту выбора необходимо сократить количество альтернатив, придав тем самым ситуации определенность» [15, с. 396]. К сокращению таких альтернатив и выбору оптимального для конкретной ситуации решения приводит активизация внутренних психических процессов принимающего решение военнослужащего, происходящая (активизация) на основе сформированных ментальных репрезентаций и сопровождающаяся одновременным задействованием когнитивной, эмоциональной и волевой сфер познавательной активности личности. Кроме того, к сокращению альтернатив приводит использование на учебных занятиях метода ментальных репрезентаций в сочетании с методом конкретных ситуаций (*case-study*), который определяется педагогами-исследователями и практиками как «метод активного проблемно-ситуационного анализа, основанный на обучении путем решения конкретных задач-ситуаций» [16], подтвердивший свою высокую эффективность.

Для *процесса воспитания* в качестве этапов формирования ментальных репрезентаций будущих офицеров выделим и кратко определим следующие: *первый этап* (преимущественно 1-й курс обучения) – этап адаптации к несению воинской службы в условиях профессиональной подготовки в соответствии с избранной специальностью; *второй этап* (преимущественно 2–4-й курсы обучения) – этап формирования личностно-профессиональных качеств будущего офицера – военнослужащего Российской армии; *третий этап* (преимущественно 4–5-й курсы обучения) – этап развития формирующихся личностно-профессиональных качеств будущих офицеров посредством целенаправленной подготовки к адаптации в воинских коллективах, а также адаптации к военно-профессиональной деятельности в соответствии с полученной специальностью. Если в процессе обучения использование метода ментальных репрезентаций опирается на доминирование когнитивной сферы познавательной активности курсантов над эмоциональной и волевой, то в процессе воспитания доминирующей становится эмоциональная сфера, активизирующая когнитивную и волевую сферы, что требует внесения изменений в характер использования метода. Однако на всех этапах использование метода ментальных репрезентаций должно осуществляться в рамках смыслового воспитания, раскрывающего не только содержание, характер, форму принимаемых решений, но и их смысловое наполнение. Ведь именно смысловое воспитание способно направить «образовательный процесс по пути актуализации и поддержки развития ценностно-смысловой сферы личности» [17, с. 190], что особенно важно для военно-профессиональной подготовки будущих офицеров Российской армии.

3 заключение

Подводя итоги представлению в настоящей статье результатов проведенного исследования, сформулируем следующие выводы.

Первое. Использование метода ментальных репрезентаций в обучении и в воспитании будущих офицеров способствует формированию у них готовности к принятию эффективных и обоснованных решений в предстоящей им военно-профессиональной деятельности не только в стандартных ситуациях, но и в нестандартных динамично меняющихся условиях, в т. ч. и в условиях ведения боевых действий.

Второе. Высокий уровень сформированности ментальных репрезентаций, достигаемый будущими офицерами в процессе обучения и воспитания, существенно сокращает время принятия решений, т. к. позволяет задействовать сформировавшиеся когнитивные схемы и конфигурации форм хранения информации, получаемой извне, использовать практически мгновенное воспроизведение в сознании образов и событий внешнего мира посредством активизации внутренних психических процессов.

Третье. Высокой методической направленности ментальных репрезентаций, направленные на использование развития способностей к быстрому принятию эффективных решений, обеспечивающих успех не только в стандартных ситуациях, но и в динамично изменяющихся условиях военно-профессиональной деятельности, свойственной боевой обстановке, в образовательном процессе военных вузов неодинаковы на разных этапах обучения и воспитания курсантов. Существенную роль на каждом из выделенных этапов играет учет особенностей мышления и познавательной активности субъектов, рациональное сочетание наглядно-действенного, наглядно-образного и абстрактно-логического мышления, а также распределение акцентов субъект-субъектного взаимодействия и доминант в системе когнитивной, эмоциональной и волевой сфер познавательной активности личности.

В целом исследование проблемы формирования готовности будущих офицеров к эффективному принятию обоснованных решений в самых разных, в т. ч. и в экстремальных, динамично изменяющихся условиях военно-профессиональной деятельности в аспекте использования метода ментальных репрезентаций в обучении и в воспитании курсантов представляется недостаточно разработанным, но при этом актуальным и перспективным направлением научного поиска. Результаты исследования, представленные в настоящей статье, могут быть полезными для обоснования возможностей повышения эффективности профессиональной подготовки будущих специалистов силовых ведомств в профильных вузах. В связи с этим перспективными могут стать следующие направления проведения исследований: изучение особенностей влияния факторов (внешних, объективных и внутренних, субъективных) на процесс формирования ментальных репрезентаций, а также на субъективное восприятие курсантами влияния таких факторов; выявление и обоснование наиболее эффективных методов и средств развития способностей курсантов к принятию решений, которые в сочетании с методом ментальных репрезентаций в обучении и в воспитании будут способствовать успешной деятельности сотрудников силовых ведомств в стандартных (шаблонных) и нестандартных (динамически изменяющихся) ситуациях служебной профессиональной деятельности и др.

Список литературы

1. Синченко Г. Ч., Векленко С. В. Методология диссертационного исследования (семь соображений для соискателей) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2006. № 2 (24). С. 53–57.
2. Нуреев Р. М. Вечная проблема – совершенствование методологии // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2, № 3. С. 4.
3. Ельчанинов В. А., Федюкин В. П. Негативная методология в морали // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 2, № 2. С. 227–231. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)2.2-44](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)2.2-44).
4. Сериков В. В. Идея, замысел и гипотеза в педагогическом исследовании // Образование и наука. Известия Уральского научно-образовательного центра РАО. 2010. № 10 (78). С. 30–42.
5. Педагогика и психология: актуальные проблемы и перспективы исследований на современном этапе : монография / Байбародских И. Н., Беляк Е. Л., Давыдова Н. Н. [и др.]; под ред. Ю. Д. Овчинникова, Р. К. Серёжниковой. Самара : Офорт, 2016. 196 с.

6. Прохоров А. О. Ментальные репрезентации психических состояний : монография. Москва : Издательство «Институт психологии РАН», 2021. 186 с.
7. Сергиенко Е. А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И. Модель психического : Структура и динамика. Москва : Издательство «Институт психологии РАН», 2020. 503 с.
8. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2. изд., доп. и перераб. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 264 с.
9. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (13). С. 8–16.
10. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. Москва : Академический проект, 2020. 567 с.
11. Титов А. А. Мышление как процесс и как деятельность: анализ философско-психологических исследований мышления // Педагогика и психология образования. 2020. № 1. С. 180–197. <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2020-1-180-197>.
12. Клопов С. А., Мамчур А. М. Формирование управленческого мышления будущих офицеров: теоретический анализ и технологические решения // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2007. Т. 1, № 1 (21). С. 234–238.
13. Лаенко Л. В. Категория ментальной репрезентации: результаты теоретического и методологического поиска // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 5–12.
14. Романова М. А. Потенциал как общенаучное понятие // Инновации в образовании. 2011. № 2. С. 113–125.
15. Сунцова Я. С., Мешков И. Ю. Феномены выбора и принятия решения в психологической науке // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2022. Т. 32, вып. 4. С. 395–404. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-4-395-404>.
16. Вертаев А. В. Метод конкретных ситуаций как современная информационная технология в образовательной деятельности вузов внутренних войск МВД России // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. № 34. С. 119–123.
17. Дмитриева Т. В. Ценностно-смысловое воспитание студентов как педагогическая проблема // Вологодские чтения. 2010. № 78. С. 185–192.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-256-270>

Индивидуально-психологические и нейропсихологические особенности уволившихся сотрудников органов внутренних дел с учетом категории профессиональной пригодности

Елена Викторовна Костина¹,

Вера Геннадьевна Булыгина², доктор психологических наук, профессор

Александр Александрович Дубинский³, кандидат психологических наук

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117997, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация

^{2,3} Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
имени В. П. Сербского Минздрава России

Москва (119034, Кропоткинский пер., д. 23), Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет
Москва (127051, ул. Сретенка, д. 29), Российская Федерация

¹ kasatka1317@mail.ru, ² ver210@yandex.ru, ³ aleksandr-dubinskij@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, ² <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>,

³ <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>

Аннотация:

Введение. Несмотря на большое число работ, посвященных исследованию стресса у сотрудников силовых структур как фактора снижения адаптивных ресурсов, недостаточно изучены индивидуально-психологические и когнитивные характеристики, лежащие в основе низкой профессиональной пригодности для службы в Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) и формирования доклинического уровня психических расстройств и, как следствие, высокого риска психической дезадаптации, позволяющих спрогнозировать решение об увольнении из МВД России в силу невозможности продолжать профессиональную деятельность.

Материал и методы. Исследованы 158 уволившихся сотрудников МВД России со второй и третьей категорией профессиональной пригодности. Диагностический комплекс включал блоки, направленные на исследование индивидуально-психологических и нейропсихологических особенностей.

Ключевые слова:

индивидуально-психологические особенности, нейропсихология, сотрудники МВД, увольняемость, профессиональная пригодность

© Костина Е. В., Булыгина В. Г., Дубинский А. А., 2025

Результаты. Выявлена большая стабильность сложной зрительно-моторной реакции и меньшее количество ошибок при выполнении пробы Мюнстерберга и корректурной пробы у сотрудников со второй категорией профессиональной пригодности. Кроме того, эти сотрудники продемонстрировали более высокие показатели развития вербальных и аналитико-интеллектуальных способностей, потребности в поддержании стабильных взаимоотношений, способности ставить цели и достигать их, волевого самоконтроля, эмоциональной устойчивости и самостоятельности. Выделены нейропсихологические и индивидуально-психологические предикторы, позволяющие отнести сотрудников МВД России к группе с учетом категории их профессиональной пригодности. В результате наиболее информативными переменными для отнесения к группе с третьей категорией пригодности являлись показатели, отражающие: трудности концентрации внимания; сложности в восприятии зрительных сигналов с выделением значимых деталей; проблемы с запоминанием, удержанием и воспроизведением больших объемов информации; недостаточное развитие аналитических способностей и пространственного мышления; склонность к избеганию ответственности; отсутствие потребности в поддержании и развитии социальных связей; экстернальность локуса контроля; низкое стремление к достижению поставленных целей и профессиональному развитию.

Для цитирования:

Костина Е. В., Булыгина В. Г., Дубинский А. А. Индивидуально-психологические и нейропсихологические особенности уволившихся сотрудников органов внутренних дел с учетом категории профессиональной пригодности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 256–270. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-256-270>.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024;
одобрена после рецензирования 26.02.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Individual psychological and neuropsychological characteristics of the dismissed employees of the internal affairs bodies with consideration to their professional suitability category

Elena V. Kostina¹,

Vera G. Bulygina², Dr. Sci (Psy.), Professor

Alexander A. Dubinsky³, Cand. Sci. (Psy.)

¹ Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology & Education
29, Sretenka str., Moscow, 127051, Russian Federation

^{2,3} Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health
of the Russian Federation named after V. P. Serbsky
23, Kropotkinsky Lane, Moscow, 119034, Russian Federation

¹ kasatka1317@mail.ru, ² ver210@yandex.ru, ³ aleksandr-dubinskij@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, ² <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>,

³ <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>

Abstract:

Introduction. Despite the large number of studies devoted to studying of stress with employees of security structures as a factor of reduction of adaptive resources, the individual-psychological and cognitive characteristics, rationale for low occupational suitability for service in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (hereinafter - MIA of Russia) and formation of pre-clinical level of mental disorders and, as a consequence, high risk of mental dislocation, allowing to predict the decision of dismissal from the MOI due to the impossibility of professional activities continuation, are not sufficiently studied.

Material and methods. 158 retired employees of the MIA of Russia with second and third professional suitability category were researched. The diagnostic complex included blocks aimed at investigating individual-psychological and neuropsychological features.

Results. A greater stability of the complex visual-motor reaction and fewer errors when performing the Munsterberg test and the correction test for employees with the second category of professional suitability was revealed. Besides, these staff members demonstrated higher levels of verbal and analytical development, the needs to maintain stable relationships, ability to set goals and achieve them, self-control, emotional resilience and independence. Neuropsychological and individual-

Keywords:

individual-psychological features, neuropsychology, employees of the MIA, ejection, professional suitability

For citation:

Kostina E. V., Bulygina V. G., Dubinsky A. A. Individual psychological and neuropsychological characteristics of the dismissed employees of the internal affairs bodies with consideration to their professional suitability category // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 256–270. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-256-270>.

psychological predictors, allowing to assign the employees of the MIA of Russia to a group considering their category of professional suitability, have been identified. As a result, the most informative variables for classification into the third category of suitability were ones reflecting: difficulty in focusing; difficulty in perceiving visual signals with significant details; problems with memory retention, keeping in mind and reproducing of large amounts of information; insufficient development of analytical abilities and spatial intelligence; tendency to avoid responsibility; lack of need for social relations maintenance and development; externality of the control locus; low ambition and professional development.

The article was submitted December 25, 2024;
approved after reviewing February 26, 2025;
accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Профессиональная деятельность сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) осуществляется в условиях повышенной опасности и необходимости быстрой реакции на чрезвычайные ситуации, сопряжена с высокими рисками и стрессовыми ситуациями, что существенно влияет на возникновение и обострение разнообразных дисфункций, приводя к ограничению функциональных возможностей и снижению профессиональной надежности [1–3]. Высокая эмоциональная и физическая нагрузка профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) способствует возникновению проблем со здоровьем, которые, в свою очередь, могут привести к их уходу из силовой структуры [4].

Большую актуальность представляет проблема высокой увольняемости и текучести кадров сотрудников ОВД. За последнее десятилетие отмечается рост текучести молодых кадров в возрасте до 30 лет в МВД России (на 2,8 %). При этом 28,4 % сотрудников прослужили не более трех лет. Около 13 % выпускников учебных заведений МВД России увольняются на первом году службы. В связи с высоким уровнем текучести кадров возникает необходимость решения задач по закреплению молодых сотрудников на службе, включая тех, кто обучался в ведомственных образовательных организациях [4]. Одной из значимых причин увольнения из ОВД являются высокие физические и волевые затраты, связанные с развитием декомпенсации психического состояния и явлениями психической дезадаптации [4].

Каждый десятый сотрудник ОВД со стажем работы до 5 лет проявляет признаки психической дезадаптации в виде высокой тревожности, нарушений сна, низкой толерантности к неблагоприятным факторам профессиональной деятельности, снижения мотивации к выполнению служебных обязанностей [2; 5; 6]. Наиболее распространены среди сотрудников ОВД невротические, связанные со стрессом, и соматоформные расстройства (41,5 %) [7; 8]. Также в спектре заболеваний распространены субклинические симптомы острого (12,6 %) и посттравматического (22 %) стрессового расстройства [9]. Уровень заболеваемости психическими расстройствами среди сотрудников ОВД в 1,3 раза выше, чем в среднем по стране [7].

Кроме того, среди сотрудников ОВД высок процент донозологических (доклинических) состояний – состояний «переходной зоны» от нормы к патологии, проявляемых в отдельных и наиболее легких нарушениях невротического уровня в виде повышенной чувствительности к обычным раздражителям, невнимательности, беспокойства, тревожной напряженности, бессонницы, агрессивности, конфликтности или замкнутости, элементов заторможенности или суетливости в поведении, неуверенности в себе и в своих возможностях как профессионала, снижения стрессоустойчивости и др. [10–12]. Однако данные признаки явного психического неблагополучия могут быть успешно компенсированы [13; 14].

Наличие невротических и соматоформных нарушений, донозологических и стрессовых состояний у сотрудников ОВД, осложняемых условиями критических нагрузок, увеличивает вероятность принятия рискованных решений, ослабления осознанного контроля собственных действий, снижает точность прогноза последствий осуществляемого выбора. Кроме того,

недостаточная изученность всех составляющих саморегуляции ограничивает возможности донозологической квалификации и прогноза актуализации моделей и паттернов поведения в стрессогенных и жизнеугрожающих ситуациях, когда обстоятельства предъявляют повышенные требования к адаптационным возможностям [15; 16]. В этой связи проблема повышения уровня адаптации и профессиональной надежности специалистов силовых ведомств приобретает особую важность. Для повышения эффективности превентивных и профилактических мер при связанных со стрессом расстройствах, важным является определение того спектра психологических факторов, которые включены в стрессовую реакцию. Персонализированный подход в медицине предполагает учет индивидуальных различий на всех уровнях регуляции активности и деятельности человека.

Эффективность и надежность деятельности специалистов силовых структур детерминирована совокупностью психологических характеристик, среди которых ключевая роль отводится индивидуально-психологическим и когнитивным показателям. Подчеркивается значимость сенсомоторных реакций, когнитивного функционирования, поведенческих копинг-стратегий и др. [17; 18]. Индивидуально-психологические и нейропсихологические особенности сотрудников ОВД определяют категорию их профессиональной психологической пригодности к службе.

Когнитивные нарушения являются результатом не только органических поражений мозга (травм, сосудистых заболеваний), но и функциональными нарушениями, которые возникают вследствие затяжного эмоционального стресса и эмоциональных расстройств, причем когнитивные нарушения психогенной природы характерны главным образом для лиц молодого и среднего возраста. Существенную роль в развитии нарушений памяти, нейродинамических функций у лиц среднего возраста играет воздействие хронического психосоциального стресса [19; 20]. Тяжелый стресс, тревожные, аффективные расстройства в наибольшей степени влияют на темп деятельности, регуляторные функции, память и внимание. Каждый третий сотрудник с эмоциональной дисрегуляцией не возвращается к прежней работе [21]. В связи с этим особо актуальным представляется определение когнитивных нарушений у специалистов высокорисковых профессий, специфичных для функциональных когнитивных расстройств (включая реакцию на затяжной стресс) с оценкой нейропсихологических факторов, влияющих на регресс когнитивных нарушений при формировании стрессовых и невротических расстройств.

Таким образом, обзор состояния проблемы показывает, что несмотря на значительное число работ, посвященных исследованию стресса у сотрудников силовых ОВД как фактора снижения адаптивных ресурсов, недостаточно изучены индивидуально-психологические и когнитивные характеристики, лежащие в основе низкой профессиональной пригодности для службы в МВД России и формирования доклинического уровня психических расстройств и, как следствие, высокого риска психической дезадаптации, которые являются прогностически значимыми для принятия решения об увольнении из ОВД в силу невозможности продолжать профессиональную деятельность.

Целью исследования явилось выявление индивидуально-психологических и нейропсихологических особенностей у уволившихся сотрудников ОВД с учетом категории их профессиональной пригодности.

Эмпирическая база исследования

В исследовании приняли участие 158 уволившихся сотрудников ОВД (средний возраст $17,85 \pm 0,95$ года), которые в зависимости от степени их профессиональной пригодности разделялись на две группы: 1) сотрудники со второй категорией профессиональной пригодности (127 чел., средний возраст $17,82 \pm 0,94$ года), рекомендованные к службе в ОВД, но имеющие средний уровень развития личных и деловых качеств; 2) сотрудники с третьей категорией профессиональной пригодности (31 чел., средний возраст $17,87 \pm 0,96$ года),

условно рекомендованные к службе в ОВД с уровнем развития личных и деловых качеств ниже среднего. Средняя длительность службы в ОВД от поступления до увольнения в группе со второй категорией профессиональной пригодности составляла – 20,79 0 ± 14,18 мес., с третьей категорией профессиональной пригодности – 18,13 ± 18,13 мес.

Методы

Диагностический комплекс включал блок, направленный на исследование индивидуально-психологических особенностей: индивидуальную карту обследуемого; многомерный метод изучения личности (Ф. Б. Березин); мотивационный профиль Ш. Ричи и П. Мартина (1988); локус контроля Д. Роттера (модификация Е. Г. Ксенофонтовой, 1994); опросник правосознания Л. А. Ясюковой (2000); опросник волевого самоконтроля (А. Г. Зверьков, Е. В. Эйдман, 1990), а также когнитивных функций: Матрицы Равена (1977), субтест Д. Векслера «Словарь» (1981), субтест Амтхауэра «Аналогии» (1970); краткий ориентировочный тест (КОТ) В. Н. Бузина, Э. Ф. Вандерлика (1992).

Кроме того, проводился диагностический блок, направленный на исследование нейропсихологических особенностей, включающий тесты для оценки сенсомоторных реакций и внимания (простая зрительно-моторная реакция, сложная зрительно-моторная реакция: время и стабильность реакции, фальстарты, количество ошибок), реакции на движущийся предмет с фиксацией (объем опережений и опаздываний), методику «Память на числа» (коэффициент точности и объем информации), корректурную пробу (время с поправкой на ошибку, количество ошибок) и пробу Мюнстерберга (время выполнения, количество ошибок).

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета IBM Statistics SPSS v. 20 и Microsoft Excel-2019 посредством описательных статистик, анализа таблиц сопряженности (критерий χ^2), непараметрического метода сравнения групп с помощью U-критерия Манна-Уитни, процедур множественного регрессионного и дискриминантного анализа.

Результаты и обсуждение

При описательном анализе значимых различий процентной встречаемости социально-демографических и индивидуально-психологических характеристик между группой уволившихся сотрудников МВД со второй и третьей категорией профессиональной пригодности было выявлено следующее (таблицы сопряженности, критерий χ^2).

Так, у лиц со второй категорией профессиональной пригодности по сравнению с лицами с третьей категорией профессиональной пригодности значимо чаще (при $p < 0,05$) отмечались: средний уровень адаптации и стрессоустойчивости (92,1 % / 16,1 %); в когнитивной сфере – высокий (21,3 % / 0,0 %) и средний (75,6 % / 41,9 %) уровень интеллектуального развития; последовательное, логически правильное мышление с высокой способностью к изложению информации (71,7 % / 16,1 %); в коммуникативной сфере – развитые коммуникативные навыки, коммуникабельность (67,7 % / 41,9 %); способность к конструктивному взаимодействию с другими (37,0 % / 9,7 %); отзывчивость, развитость эмпатических способностей (59,1 % / 22,6 %); уравновешенность (80,3 % / 19,4 %); вдумчивость, обстоятельность (59,1 % / 29,0 %); при достижении целей – умение определять приоритеты и последовательность в решении проблем (44,1 % / 9,7 %); активность, настойчивость в достижении целей (66,9 % / 25,8 %); уверенность в своих силах (70,9 % / 45,2 %); доведение дел до конца (52,0 % / 22,6 %); достаточный уровень самокритичности с адекватной оценкой своих возможностей (29,9 % / 9,7 %); средняя устойчивая самооценка (22,0 % / 3,2 %); мотивация достижения успеха (71,7 % / 45,2 %); в профессиональных качествах – дисциплинированность, исполнительность (41,7 % / 16,1 %); организованность, аккуратность, ответственность (54,3 % / 12,9 %); стремление действовать в соответствии с инструкциями и правилами (63,8 % / 29,0 %); сформированность правосознания

и нравственных убеждений (72,4 % / 32,3 %); соблюдение общественных норм и правил поведения (80,3 % / 51,6 %). Причиной увольнения значимо чаще являлись ограничивающие личность условия работы (22,0 % / 6,5 %).

У лиц с третьей категорией профессиональной пригодности по сравнению с лицами со второй категорией профессиональной пригодности значимо чаще (при $p < 0,05$) отмечались: низкий уровень адаптации и стрессоустойчивости (83,9 % / 5,5 %); в когнитивной сфере – низкий уровень интеллектуального развития (54,8 % / 3,1 %); средняя способность к обнаружению связей между предметами и явлениями, логические противоречия (64,5 % / 25,2 %); непоследовательное мышление с низкой способностью к изложению информации (9,7 % / 0,0 %); обыденность мышления (48,4 % / 16,5 %); в эмоционально-волевой сфере – сниженный контроль эмоций и поведения, эмоциональная неустойчивость (74,2 % / 18,9 %); снижение волевой регуляции поведения (22,6 % / 8,7 %); эгоцентризм (22,6 % / 7,9 %); раздражительность, прямолинейность (45,2 % / 10,2 %); подозрительность, недоверчивость (16,1 % / 4,7 %); тревожность, мнительность (41,9 % / 25,2 %); личностная незрелость (16,1 % / 3,9 %); в коммуникативной сфере – низкий уровень развития коммуникативных навыков (9,7 % / 1,6 %); в профессиональных качествах – неконформизм и противопоставление общим правилам (9,7 % / 0,0 %); снижение способности к овладению новыми профессиональными навыками (6,5 % / 0,8 %); медлительность (19,4 % / 3,1 %); зависимость работоспособности от уровня заинтересованности (19,4 % / 6,3 %); сформированность правосознания и нравственных убеждений не в полной мере (48,4 % / 13,4 %); мотивация избегания неудач (48,4 % / 15,0 %); избегание конфликтных ситуаций (32,3 % / 15,7 %); неустойчивость и ситуативность самооценки с ее зависимостью от мнения окружающих (54,8 % / 26,0 %). Причиной увольнения значимо чаще являлась неудовлетворенность организацией учебного процесса (45,2 % / 27,6 %).

На следующем этапе был проведен сравнительный анализ нейропсихологических показателей между группами со второй и третьей категорией профессиональной пригодности (U-критерий Манна-Уитни) (таблица 1).

Таблица 1

Значимые различия нейропсихологических показателей между группами со второй и третьей категорией профессиональной пригодности (U-критерий Манна-Уитни)

Table 1

Significant differences in neuropsychological indicators between groups of the second and the third categories of occupational suitability (U-criterion of Mann-Witney)

Методика	Нейропсихологический показатель	Вторая категория профпригодности «Рекомендован» (127 чел.)		Третья категория профпригодности «Рекомендован условно» (31 чел.)		Статистика U-критерия Манна-Уитни	p
		Среднее	Стд. отклонение	Среднее	Стд. отклонение		
Сложная зрительно-моторная реакция	Стабильность реакции, балл	3,99	1,72	3,30	1,88	1392,5	0,058
Проба Мюнстерберга	Количество ошибок	4,14	2,49	5,25	2,55	1163,5	0,028
	Количество ошибок, балл	4,44	1,55	3,57	1,57	1102,0	0,008
Корректирующая проба	Количество ошибок	7,66	26,04	9,21	13,72	1092,5	0,014

В результате были выявлены следующие статистически значимые различия показателей между группами профессиональной пригодности (при $p < 0,05$).

Сотрудники ОВД со второй категорией профессиональной пригодности продемонстрировали бóльшую стабильность сложной зрительно-моторной реакции и меньшее количество ошибок при выполнении пробы Мюнстерберга и корректурной пробы по сравнению с сотрудниками с третьей категорией профессиональной пригодности. Это означает, что они обладают более развитыми навыками концентрации внимания, устойчивости к монотонной работе, а также более высокой скоростью и точностью реакций при выполнении задач, связанных с восприятием и обработкой информации. В условиях, требующих быстрого реагирования и высокой сосредоточенности, сотрудники со второй категорией профессиональной пригодности работают более эффективно.

Затем был проведен дискриминантный анализ для выделения нейропсихологических предикторов, вносящих наибольший вклад в отнесение в группу со второй и третьей категорией профессиональной пригодности (таблица 2).

Таблица 2

Предикторы, вносящие значимый вклад в отнесение в группу со второй и третьей категорией профессиональной пригодности (нейропсихологические показатели) (дискриминантный анализ)

Table 2

Predictors making significant contribution to the classification in groups with the second and the third occupational suitability categories (neuropsychological indicators) (discriminatory analysis)

Методика	Нейропсихологический показатель	Функция
Простая зрительно-моторная реакция	Стабильность реакции, балл	1,222
	Время реакции	0,423
	Стабильность реакции	0,376
Сложная зрительно-моторная реакция	Стабильность реакции	0,979
	Фальстарты	- 0,335
Реакция на движущийся объект с фиксацией	Объем опаздываний, балл	0,437
	Объем опережений	0,314
Память на числа	Коэффициент точности	1,546
	Коэффициент точности, балл	- 1,259
	Объем информации, балл	0,241
Проба Мюнстерберга	Количество ошибок, балл	1,076
	Количество ошибок	0,790

В результате наиболее прогностически ценными нейропсихологическими характеристиками для отнесения сотрудников к группе с третьей категорией профессиональной пригодности, относительно второй, являются по мере убывания вклада следующие показатели: низкий коэффициент точности при выполнении пробы «Память на числа» ($df = 1,546$); низкий коэффициент точности в баллах в пробе «Память на числа» ($df = - 1,259$); низкая стабильность в баллах простой зрительно-моторной реакции ($df = 1,222$); большее количество ошибок в пробе Мюнстерберга ($df = 1,076$); низкая стабильность в баллах сложной зрительно-моторной реакции ($df = 0,979$); больший объем опаздываний в баллах в пробе «Реакция на движущийся объект с фиксацией» ($df = 0,437$); большее время реакции в пробе «Простая зрительно-моторная реакция» ($df = 0,423$); низкая стабильность в баллах простой зрительно-моторной реакции ($df = 0,376$); большее количество фальстартов в пробе на сложную зрительно-моторную реакцию

($df = -0,335$); меньший объем опережений в пробе «Реакция на движущийся объект с фиксацией» ($df = 0,314$); меньший объем информации в баллах в пробе «Память на числа» ($df = 0,241$).

В результате дискриминантного анализа был выявлен ряд нейропсихологических показателей, на основе которых сотрудники ОВД могут быть отнесены к категории лиц со сниженной профессиональной пригодностью. Их характеризуют: трудности концентрации внимания, сложности в восприятии зрительных сигналов с выделением значимых деталей, проблемы с запоминанием, удержанием и воспроизведением больших объемов информации. Кроме того, вносят значимый вклад в показатели, свидетельствующие о замедленности скорости реакций и трудностях контроля движений. Эти особенности негативно влияют на способность сотрудников ОВД оперативно реагировать и принимать решения в сложных ситуациях, условиях неопределенности и ограниченного времени.

На основе полученной дискриминантной модели для нейропсихологических показателей были составлены линейные дискриминантные функции (далее – ЛДФ) для лиц со второй (ЛДФ1) и третьей (ЛДФ2) категорией профессиональной пригодности. Коэффициенты и показатели ЛДФ приведены в таблице 3. Классифицирующая способность модели удовлетворительная – 73,4 %.

Таблица 3

Линейные дискриминантные функции для отнесения сотрудников ОВД
к группам со второй и третьей категорией профессиональной пригодности
(нейропсихологические показатели)
(дискриминантный анализ)

Table 3

Linear discriminant functions for assigning MIA staff to the groups
with the second and the third occupational suitability categories
(neuro-psychological indicators)
(discriminant analysis)

Методика	Нейропсихологический показатель	Категория профессиональной психологической пригодности	
		ЛДФ ₁ – вторая категория «Рекомендован»	ЛДФ ₂ – третья категория «Рекомендован условно»
Простая зрительно-моторная реакция	Стабильность реакции	13,873	13,558
	Стабильность реакции, балл	35,519	34,501
	Время реакции	1,428	1,404
Сложная зрительно-моторная реакция	Стабильность реакции	2,391	2,334
	Фальстарты	- 33,755	- 31,797
Реакция на движущийся объект с фиксацией	Объем опаздываний, балл	37,321	36,296
	Объем опережений	1,387	1,360
Память на числа	Коэффициент точности, балл	- 129,106	- 127,830
	Коэффициент точности	64,412	63,720
	Объем информации, балл	13,625	13,389
Проба Мюнстерберга	Количество ошибок, балл	31,316	30,307
	Количество ошибок	21,558	21,107
Константа		- 3 426,332	- 3 337,491

На следующем этапе был проведен сравнительный анализ психометрических показателей между группами со второй и третьей категорией профессиональной пригодности (U-критерий Манна-Уитни). В результате были выявлены следующие статистически достоверные различия параметров между группами профессиональной пригодности (при $p < 0,05$) (рисунки 1а–1в).

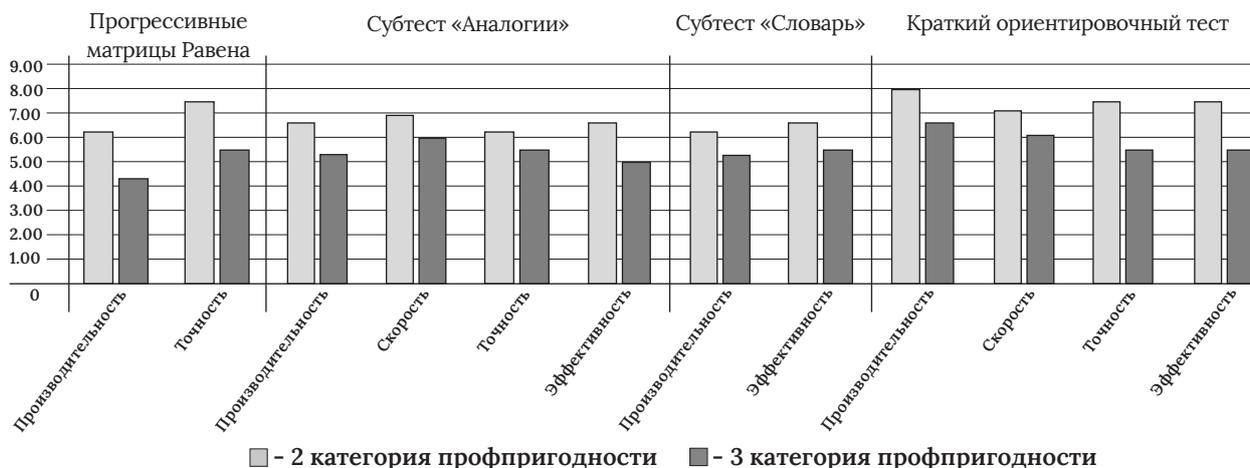

Рис. 1а. График значимых различий психометрических показателей между группами со второй и третьей категорией профессиональной пригодности (U-критерий Манна-Уитни)

Fig. 1a. Graph of significant differences in psychometric indicators between groups with the second and the third occupational suitability categories (U-criterion of Mann-Witney)

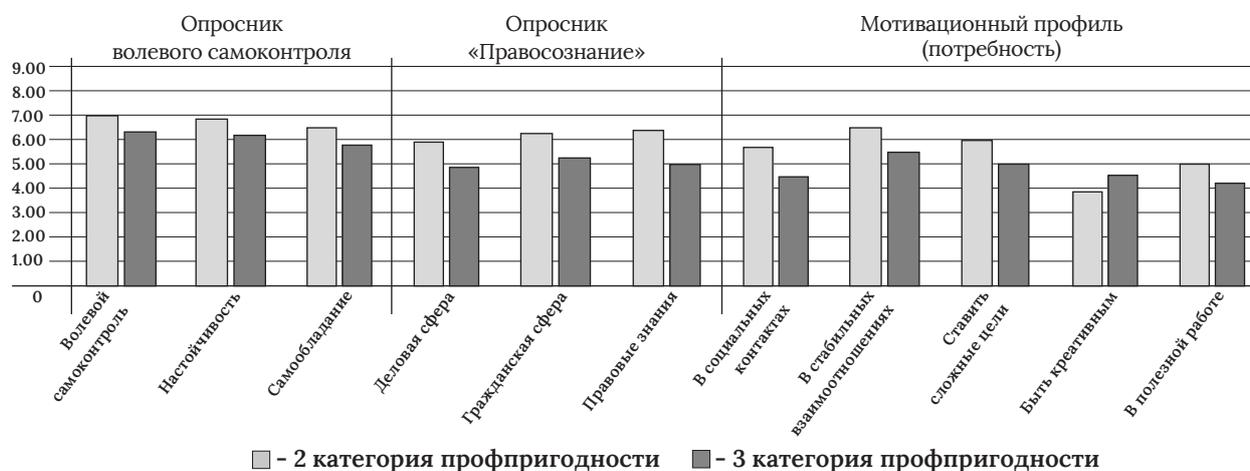

Рис. 1б. График значимых различий психометрических показателей между группами со второй и третьей категорией профессиональной пригодности (U-критерий Манна-Уитни) (продолжение)

Fig. 1b. Graph of significant differences in psychometric indicators between groups with the second and the third occupational suitability categories (U-criterion of Mann-Witney) (continued)

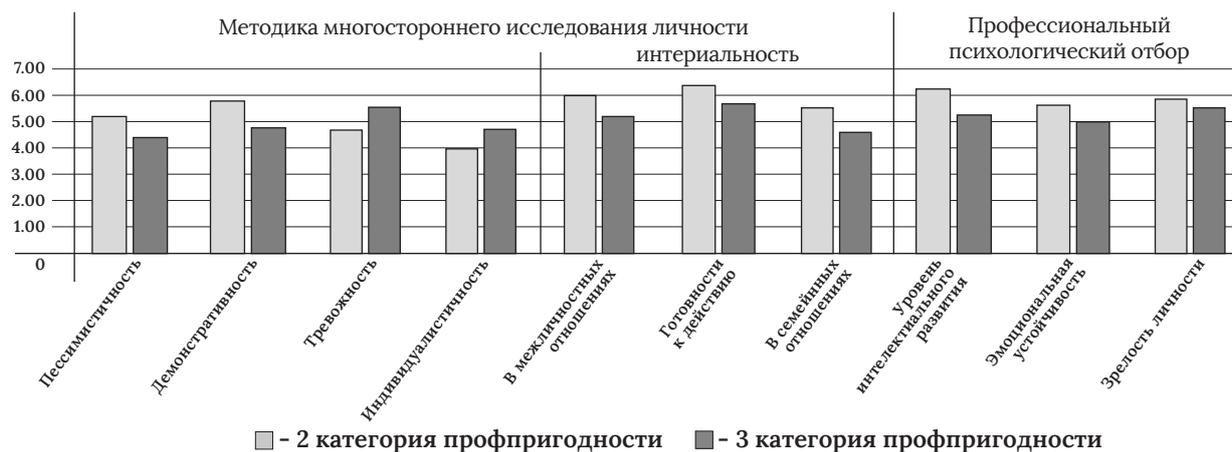

Рис. 1в. График значимых различий психометрических показателей между группами со второй и третьей категорией профессиональной пригодности (U-критерий Манна-Уитни) (окончание)

Fig. 1v. Graph of significant differences in psychometric indicators between groups with the second and the third occupational suitability categories (U-criterion of Mann-Witney) (finale)

Так, группа со второй категорией профессиональной пригодности по сравнению с группой с третьей категорией профессиональной пригодности отличается более высокими показателями когнитивных способностей. Сотрудников ОВД со второй категорией профессиональной пригодности характеризует высокая производительность и точность выполнения матриц Равена; производительность и эффективность выполнения субтеста Амтхауэра «Аналогии»; высокая производительность, темп, точность и эффективность выполнения субтеста Векслера «Аналогии» и краткого ориентировочного теста, свидетельствуя о более развитых вербальных, аналитико-интеллектуальных способностях, скорости реакции, гибкости мышления и точности восприятия.

Мотивационный профиль в группе со второй категорией профессиональной пригодности свидетельствует о преобладании потребностей в социальных контактах, поддержании стабильных взаимоотношений, постановке целей и их достижении, ощущении востребованности и интересной общественно полезной работе. Более высокие показатели волевого самоконтроля и настойчивости в данной группе говорят о способности сотрудников ОВД концентрироваться на задачах и достигать поставленных целей. Низкие показатели потребности в креативности могут свидетельствовать о повышенном внимании к соблюдению процедур и четкому следованию правил.

Локус контроля специалистов данной группы отличался высокими показателями интернальности в межличностных отношениях, готовности к действию, свидетельствуя о готовности принимать на себя ответственность за результаты своей деятельности и способности активно влиять на ситуацию. Высокие оценки правовых знаний и сформированности правосознания в деловой и гражданской сферах указывают на достаточную ориентацию в нормах и правилах общества и на готовность следованию им.

Специалистов со второй категорией профессиональной пригодности отличали такие индивидуальные характеристики личности, как высокая пессимистичность (2-я шкала методики многостороннего исследования личности (далее – ММИЛ)) и демонстративность (3-я шкала ММИЛ), что свидетельствует о большей осторожности и внимательности к деталям и о желании производить впечатление на окружающих и добиваться их одобрения. Низкие показатели тревожности (7-я шкала ММИЛ) и индивидуалистичности (8-я шкала ММИЛ) указывают на способность сохранять спокойствие и стремление действовать коллективно.

Сравнительный анализ балльной оценки блоков профессионального психологического отбора показал, что вторую группу профессиональной пригодности отличал высокий уровень интеллектуального развития, высокий уровень эмоциональной устойчивости, контроля поведения, а также высокие показатели зрелости личности и самостоятельности.

Далее был проведен дискриминантный анализ для выделения психометрических предикторов, вносящих наибольший вклад в отнесение в группу со второй и третьей категорией профессиональной пригодности (таблица 4).

Таблица 4

Предикторы, вносящие значимый вклад в отнесение в группу со второй и третьей категорией профессиональной пригодности (психометрические показатели) (дискриминантный анализ)

Table 4

Predictors making a significant contribution to classification in groups with the second and the third occupational suitability categories (psychometric indicators) (discriminatory analysis)

Методика	Психологический показатель	Функция
Прогрессивные матрицы Равена	Производительность	0,451
Краткий ориентировочный тест	Точность	0,427
Правосознание	Правовые знания	0,350
Мотивационный профиль	Потребность формировать и поддерживать долгосрочные стабильные взаимоотношения	0,395
	Потребность в ощущении востребованности в интересной общественно полезной работе	0,387
Локус контроля	Интернальность в семейных отношениях	0,416
	Интернальность достижений	- 0,386

В результате в дискриминантную модель для отнесения в группу лиц с третьей категорией профессиональной пригодности по мере убывания вклада вошли следующие показатели: низкая производительность выполнения матриц Равена ($df = 0,451$); низкая точность выполнения краткого ориентировочного теста ($df = 0,427$); низкая интернальность в семейных отношениях (локус контроля) ($df = 0,416$); низкая потребность формировать и поддерживать долгосрочные стабильные взаимоотношения (мотивационный профиль) ($df = 0,395$); низкая потребность в ощущении востребованности в интересной общественно полезной работе (мотивационный профиль) ($df = 0,387$); низкая интернальность достижений (локус контроля) ($df = - 0,386$); низкая сформированность правовых знаний (методика «Правосознание») ($df = 0,350$).

Анализ показателей, вошедших в прогностическую модель, позволил определить, что наиболее значимо влияют на отнесение лиц в группу с третьей категорией профессиональной пригодности: недостаточное развитие аналитических способностей и пространственного мышления, что значительно затрудняет выполнение сложных задач, требующих анализа информации и принятия решений; склонность к перекалыванию ответственности, что может проявляться в нежелании принимать участие в разрешении проблем и конфликтов и создает дополнительные сложности при совместной работе; отсутствие потребности в поддержании и развитии социальных связей, что выражается в низком стремлении к созданию деловых отношений и к сотрудничеству, приводя к выбору менее значимых задач и снижению эффективности труда; низкая интернальность достижений, говорящая о том, что эти специалисты, как правило, не считают свои успехи результатом собственных усилий и умений и определяющая отсутствие стремления достигать поставленных целей и развиваться профессионально; пробелы в знаниях законодательства и отсутствие понимания и следования правовым нормам.

На основе полученной дискриминантной модели для психометрических показателей были составлены ЛДФ для лиц со второй (ЛДФ1) и третьей (ЛДФ2) категорией профессиональной пригодности. Коэффициенты и показатели ЛДФ приведены в таблице 5. Классифицирующая способность модели достаточная – 83,5 %.

Таблица 5

Линейные дискриминантные функции для отнесения сотрудников ОВД
к группам со второй и третьей категорией профессиональной пригодности
(психометрические показатели)
(дискриминантный анализ)

Table 5

Linear discriminant functions for assigning MIA staff to the second and the third groups
of professional suitability categories (psychometric indicators)
(discriminant analysis)

Методика	Психологический показатель	Категория профессиональной пригодности	
		ЛДФ ₁ – вторая категория «Рекомендован»	ЛДФ ₂ – третья категория «Рекомендован условно»
Прогрессивные матрицы Равена	Производительность	1,448	0,979
Краткий ориентировочный тест	Точность	1,847	1,372
Правосознание	Правовые знания	2,192	1,766
Мотивационный профиль	Потребность формировать и поддерживать долгосрочные стабильные взаимоотношения	2,004	1,655
	Потребность в ощущении востребованности в интересной общественно полезной работе	1,882	1,501
Локус контроля	Интернальность в семейных отношениях	1,165	0,725
	Интернальность достижений	1,236	1,692
Константа		- 36,894	- 25,585

Как было указано ранее, сотрудников ОВД со второй категорией профессиональной пригодности по сравнению с лицами с третьей категорией профессиональной пригодности отличала большая средняя продолжительность службы в МВД России от момента поступления до увольнения ($20,79 \pm 14,18$ месяцев против $18,13 \pm 18,13$ месяцев). Как видно из рисунка 2, увольняемость сотрудников со второй категорией профессиональной пригодности наиболее высока в первые три месяца службы, а также на 8, 13, 14, 24, 25 и 31-м месяцах службы. Вместе с тем увольняемость сотрудников с третьей категорией профессиональной пригодности по сравнению со второй в первые три месяца службы значительно выше. Кроме того, также высока частота увольняемости сотрудников этой группы на 6, 7, 9, 10, 33, 34, 38 и 48-м месяцах службы. Таким образом, обращает на себя внимание значительно более высокая увольняемость в начале и в конце обучения в образовательных организациях системы МВД России сотрудников с третьей категорией профпригодности.

Далее посредством множественного регрессионного анализа были выявлены предикторы, вносящие значимый вклад в отнесение к группам со второй и третьей категорией профессиональной пригодности с учетом длительности службы в ОВД от поступления до увольнения (в месяцах) (таблица 6). В результате было выявлено, что в длительность службы сотрудников МВД со второй категорией профессиональной пригодности вносит положительный вклад показатель потребности в социальных контактах (мотивационный профиль) ($\beta = 0,184$). В группу с третьей категорией профессиональной пригодности вносит положительный вклад показатель невротического сверхконтроля (1-я шкала ММИЛ) ($\beta = 0,401$).

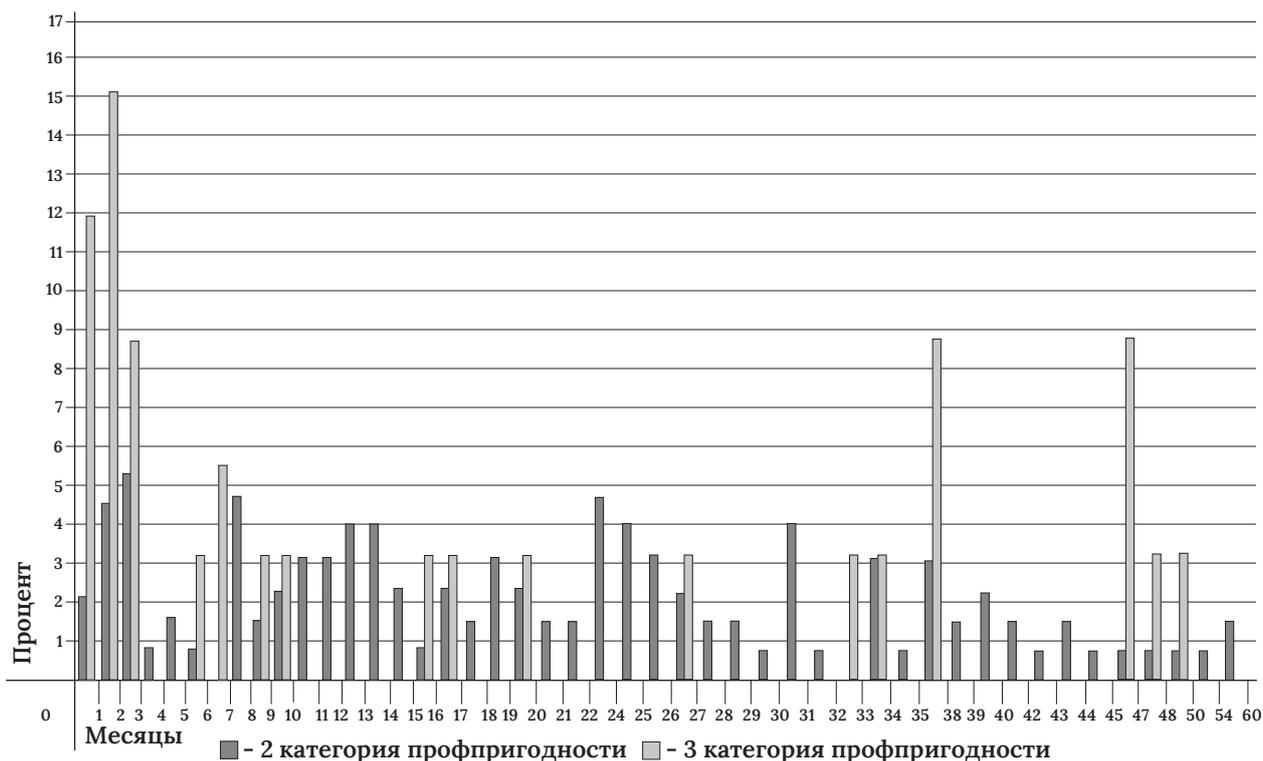

Рис. 2. Процентное распределение увольняемости сотрудников МВД (в месяцах) в группах со второй и третьей категорией профессиональной пригодности (частотный анализ)

Fig. 2. Percentage distribution of ejection of the MIA employees (in months) in the groups of the second and the third categories of occupational suitability (frequency analysis)

Таблица 6

Предикторы, вносящие значимый вклад в отнесение к группам со второй и третьей категорией профессиональной пригодности с учетом длительности службы в ОВД от поступления до увольнения (в месяцах) (множественный регрессионный анализ)

Table 6

Predictors making a significant contribution to the classification in groups of the second and the third occupational suitability categories considering the length of service in the MIA from start to ejection (monthly) (multiple regression analysis)

Методика	Показатель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованный коэффициент, β	t	p
		B	Стд. ошибка			
2-я категория профессиональной пригодности						
Мотивационный профиль	Потребность в социальных контактах	1,296	0,620	0,184	2,088	0,039
3-я категория профессиональной пригодности						
Методика многостороннего исследования личности	Невротический сверхконтроль (ММИЛ шкала 1)	3,938	1,671	0,401	2,356	0,025

3 заключение

Таким образом, в проведенном исследовании были выявлены значимые различия в социально-демографических, нейропсихологических и индивидуально-психологических характеристиках между группами уволившихся сотрудников ОВД со второй и третьей категориями профессиональной пригодности. Так, сотрудники со второй категорией профессиональной пригодности по сравнению с третьей категорией продемонстрировали более высокие нейропсихологические показатели концентрации внимания, устойчивости к монотонной работе, высокой скорости и точности реакций при выполнении задач, направленных на восприятие и обработку информации. Их в целом отличала более высокая развитость аналитико-интеллектуальных способностей и таких индивидуально-психологических характеристик, как уравновешенность, отзывчивость, уверенность в своих силах, коммуникабельность и дисциплинированность.

Кроме того, сравнительный анализ психометрических показателей позволил выявить значимые особенности, влияющие на профессиональную пригодность сотрудников ОВД в мотивационном профиле, волевом самоконтроле, локусе контроля, индивидуальных характеристиках личности и правовом самосознании. Результаты дискриминантного анализа позволили определить наиболее существенные нейропсихологические и индивидуально-психологические предикторы, влияющие на отнесение лиц к группе с третьей категорией профессиональной пригодности. К ним относятся: трудности концентрации внимания, проблемы с запоминанием, удержанием и воспроизведением больших объемов информации, недостаточное развитие аналитических способностей, склонность к перекладыванию ответственности, отсутствие потребности в поддержании социальных связей.

Результаты исследования указывают на необходимость дальнейшего изучения взаимосвязи между профессиональной пригодностью и успешностью выполнения служебных обязанностей. Перспективные исследования в этой области могут способствовать созданию более точных и объективных методов оценки профессиональной пригодности сотрудников ОВД, разработке рекомендаций по развитию их профессиональных качеств, а также повышению эффективности профессионального отбора и психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов.

Список источников

1. Корехова М. В., Новикова И. А., Соловьев А. Г. Особенности проявлений психической дезадаптации у сотрудников правоохранительных органов с разным стажем работы // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 2. С. 67–72.
2. Иванов Н. М., Ичитовкина Е. Г., Евдокимов В. И., Лихолетов А. Г. Анализ показателей заболеваемости личного состава МВД России // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2024. № 2. С. 14–38; <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2024-0-2-14-38>.
3. Сидоренко В. А., Рыбников В. Ю., Нестеренко Н. В. Основные показатели состояния здоровья и структура заболеваемости сотрудников органов внутренних дел, Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России и военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации // Медицина катастроф. 2021. № 2 (114). С. 11–15; <https://doi.org/10.33266/2070-1004-2021-2-11-15>.
4. Костина Е. В., Дубинский А. А., Булыгина В. Г. Индивидуально-психологические характеристики курсантов учебных заведений МВД с мотивацией к увольнению в связи с высокими физическими и волевыми затратами // Психология и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 2–15; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120401>.
5. Корехова М. В., Новикова И. А., Соловьев А. Г. Профилактика организационного стресса у сотрудников правоохранительных органов // Экология человека. 2015. № 8. С. 3–9.
6. Кабанова Т. Н., Дубинский А. А., Московская М. С. Стаж профессиональной деятельности как фактор, детерминирующий различия в восприятии стресса у сотрудников следственных органов // Прикладная юридическая психология. 2019. № 1 (46). С. 59–68; [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.1\(46\).059-068](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.1(46).059-068).

7. Соловьев А. Г., Богдасаров Ю. В., Ичитовкина Е. Г. Структура и уровни заболеваемости психическими расстройствами сотрудников органов внутренних дел // Практическая медицина. 2019. Т. 17, № 3. С. 73–78; <https://doi.org/10.32000/2072-1757-2019-3-73-78>.
8. Шамрей В. К., Евдокимов В. И., Григорьев С. Г., Сиващенко П. П., Лобачев А. В. Обобщенные показатели психических расстройств у личного состава Вооруженных сил России (2003–2016 гг.) // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 2. С. 50–65; <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2017-0-2-50-65>.
9. Стрельникова Ю. Ю., Емельянова С. В. Личностные предикторы адаптации обучающихся к учебной деятельности в образовательной организации МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 113–115; <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10123>.
10. Александровский Ю. А. Предболезненные и начальные проявления психических расстройств невротического уровня // Российский психиатрический журнал. 2011. № 6. С. 4–7.
11. Булыгина В. Г., Дубинский А. А., Белякова М. Ю. Прогноз адаптивности сотрудников силовых структур в условиях моделирования стресса // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13, № 4. С. 77–86; <https://doi.org/10.14529/jpps200409>.
12. Михайлов С. Г., Половинкин В. А., Дворжицкая М. А. Психическая дезадаптация как фактор, препятствующий развитию профессионального потенциала сотрудников органов внутренних дел // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. С. 24–28.
13. Тихомирова Н. Н. Комплексный подход к организации системы сохранения и восстановления профессионального здоровья лиц опасных профессий // Медицинский альманах. 2013. № 2 (26). С. 130–133.
14. Булыгина В. Г., Дубинский А. А., Кабанова Т. Н. Динамика индивидуально-психологических характеристик у сотрудников полиции в ситуации повышенной готовности к чрезвычайной ситуации // Прикладная юридическая психология. 2021. № 3 (56). С. 101–108; [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2021.3\(56\).101-108](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2021.3(56).101-108).
15. Савина О. Ф., Макушкин Е. В., Морозова М. В. Алгоритм экспертного исследования дизрегуляции деятельности в криминальной ситуации у лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2018. № 1. С. 31–42.
16. Сафуанов Ф. С., Макушкин Е. В. Экспертная психолого-психиатрическая диагностика способности к саморегуляции обвиняемых и потерпевших по делам о психическом воздействии // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3. С. 6–16.
17. Гемешлиев Ф. К., Лызь Н. А. Модель психологической готовности студентов к освоению программ профессиональной подготовки // Известия ЮФУ. Технические науки. 2011. № 10 (123). С. 162–168.
18. Горячева Е. В. Предпосылки формирования «синдрома эмоционального выгорания» у спасателей МЧС России в условиях Арктического региона // Вестник психотерапии. 2021. № 1 (77). С. 7–26.
19. Демьяновская Е. Г., Васильев А. С., Шмырев В. И. Когнитивные нарушения у пациентов молодого и среднего возраста // Лечащий Врач. 2023. № 5 (26). С. 48–54; <https://doi.org/10.51793/OS.2023.26.5.008>.
20. Смирнов А. А., Густов А. В., Антонова В. А. Преддементные состояния и деменция у лиц молодого возраста // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2014. № 2. С. 41–43.
21. Шипкова К. М., Довженко Т. В. Нейрокогнитивные корреляты биполярного аффективного расстройства // Российский психиатрический журнал. 2022. № 5. С. 30–38.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-271-283>

Структурно-функциональная динамическая модель формирования метаресурса жизненной успешности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

Наталья Александровна Семенова, кандидат психологических наук, доцент

Краснодарский университет МВД России

Краснодар (350005, ул. Ярославская, д. 128), Российская Федерация

natalya_deeva@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0687-0472>

Аннотация:

Введение. Статья содержит обоснование модели формирования метаресурса жизненной успешности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Актуальность научной проблемы заключается в построении модели формирования метаресурса жизненной успешности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Новизна исследования заключается в разработке и обосновании структурно-функциональной динамической модели метаресурса жизненной успешности на основании принципов концептуальности, нормативной регламентированности, эмпирической обоснованности, технологичности и системности. Методологическим основанием разработки данной модели явилась метаресурсная концепция жизненной успешности, базирующаяся на принципах регулятивного, субъектно-деятельностного и ресурсного подходов. Цель исследования: разработать и частично апробировать структурно-функциональную динамическую модель формирования метаресурса жизненной успешности как психологического фактора повышения показателей профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Методы. Исследовательская выборка составила 1 339 сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Был применен ряд исследовательских методов: теоретические методы (логоико-исторический анализ, формально-логический анализ исследуемой проблемы, логоико-дедуктивный метод, методы абстрагирования, обобщения, систематизации, теоретическое моделирование); эмпирические методы: (письменный опрос, анкетирование, тестирование, квазиэкспериментальный план, экспертная оценка); практические методы (тренинг профессионально-личностного роста, моделирование). Обработка эмпирических данных, которые были учтены при разработке и обосновании модели, осуществлялась с использованием методов многомерной статистической обработки результатов.

Результаты. Методологические принципы и подходы позволили обосновать и частично реализовать структурно-функциональную динамическую модель формирования метаресурса жизненной успешности у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и доказать ее значимость для повышения показателей их профессиональной успешности. Предложенные принципы позволили обосновать адекватность и целесообразность реализации модели в таких направлениях, как морально-психологическая подготовка, психологическая работа и образовательная деятельность. Выделенные направления во взаимосвязи представляют целостную стратегию, оптимально выстраивающуюся в действующую нормативную базу, регулирующую профессиональную служебную деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова:

жизненная успешность, метаресурсы, личностные ресурсы, структурно-функциональная модель

Для цитирования:

Семенова Н. А. Структурно-функциональная динамическая модель формирования метаресурса жизненной успешности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 271–283. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-271-283>.

Статья поступила в редакцию 24.06.2024;
одобрена после рецензирования 04.11.2024;
принята к публикации 27.12.2024.

Original article

Structural-functional dynamic model of formation of meta-resource of life success of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation

Natalya A. Semenova, Cand. Sci. (Psy.), Docent

Krasnodar University of the MIA of Russia
128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, 350005, Russian Federation
natalya_deeva@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0687-0472>

Abstract:

Introduction. The article gives substantiation of the model of formation of meta-resource of life success of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation. The relevance of the scientific problem lies in the construction of the model of formation of meta-resource of life success of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation. The novelty of the research consists in developing and substantiating the structural-functional dynamic model of life success meta-resource based on the principles of conceptuality, normative regulation, empirical validity, technologicity and systematicity. The methodological basis for the development of the model is the meta-resource concept of life success based on the principles of regulatory, subject-activity and resource approaches. Purpose of the research is to develop and partially test the structural-functional dynamic model of formation of meta-resource of life success as a psychological factor in increasing the indicators of professional success of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation.

Methods. The research sample consisted of 1,339 employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The author applied a number of research methods: theoretical methods (logical-historical analysis, formal-logical analysis of the problem under consideration, logical-deductive method, methods of abstraction, generalisation, systematisation, theoretical modelling); empirical methods (written survey, questionnaire, testing, quasi-experimental plan, expert evaluation); practical methods (training on personal and professional growth, modelling). The processing of the empirical data, which were taken into account in developing and substantiating the model, was carried out using the methods of multivariate statistical processing of the results.

Results. Methodological principles and approaches made it possible to substantiate and partially implement the structural-functional dynamic model of formation of meta-resource of life success of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation and prove its significance for increasing the indicators of their professional success. The proposed principles enabled to substantiate the adequacy and expediency of the model implementation in moral and psychological training, psychological work and educational activities. The identified areas in their integrity represent a holistic strategy optimally integrated into the current legislative framework regulating the professional service activities of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation.

Keywords:

life success, meta-resources, personal resources, structural-functional model

For citation:

Semenova N. A. Structural-functional dynamic model of formation of meta-resource of life success of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 1 (105). P. 271–283. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-271-283>.

The article was submitted June 24, 2024;
approved after reviewing November 4, 2024;
accepted for publication December 27, 2024.

Введение

Основное назначение полиции обуславливает сложность профессиональной служебной деятельности в совокупности ярко выраженного социономического характера и жесткой регламентированности, экстремальности и напряженности [1], где должны выполняться законодательно установленные принципы. Это непростое сочетание еще более ярко проявляется в связи с современными вызовами, когда с новой силой осознается важная роль сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – сотрудников ОВД) во всех основных направлениях жизни страны. Актуализируются духовные и экзистенциальные основания деятельности полиции, которые высвечивают истинные смыслы и ценности профессиональной служебной деятельности, связанные с защитой жизни и сохранением безопасности, готовностью к изменениям и чрезвычайным ситуациям, важностью человеческого

подхода к гражданам, участием в сбережении отечественной культуры, перманентной напряженностью работы. По словам Президента Российской Федерации, в настоящее время сотрудники «... должны обеспечить нормальную жизнь для рядового гражданина России, но сами должны работать в условиях, близких к условиям военного времени»¹. При этом важной является постоянная готовность сотрудников ОВД сохранять стабильность общества, быстро и четко ориентироваться в нестандартных ситуациях, решительно и жестко противодействовать преступности².

Все это требует хорошо сформированных личностных ресурсов, зрелости, целостности, умений личностной саморегуляции на уровне ценностно-смысловой сферы и целевой иерархии, т. к. «успешная профессиональная и социальная реализация возможна только в том случае, если она обеспечена определенными индивидуально-психологическими и личностными ресурсами» [2, с. 18]. В психологии труда ресурсы связываются с позитивными эффектами психологической регуляции [3–7]. Ресурсы представляют собой весьма широкий спектр психологических явлений, имеющих системные взаимосвязи и включающих экзистенциальное основание, ценностно-смысловую сферу, личностные свойства, механизмы и процессы, посредством которых человек решает разнообразные задачи, выстраивает свою жизнь.

В связи с этим существует проблема структурно-функциональной организации психологических ресурсов: выделение элементов, уровней, функциональных связей, механизмов и процессов, а также определения метасистемных характеристик, которые бы задавали векторы функционирования всей системы ресурсов в целом [8; 9], иными словами, насколько человеку удастся быть успешным посредством сформированных внутренних регулятивов. Метаресурсы занимают наивысший уровень в иерархии личностных ресурсов и представляют собой интегративные психологические образования, обеспечивающие наиболее эффективное разрешение противоречий, возникающих у личности как субъекта социальных отношений за счет рефлексивной трансформации и преобразования ценностно-смысловой сферы личности в процессе саморегуляции посредством рефлексивных механизмов, определенных свойств и состояний. Одним из таких метаресурсов является жизненная успешность личности. Отметим, что жизненная успешность, как метаресурс, раскрывается в системном триадическом строении и функционировании: механизм, свойство и состояние [10; 11]. Именно такой подход к строению метаресурсов помогает раскрыть их важную регулятивную роль по отношению ко всей системе ресурсов личности, когда регуляция осуществляется посредством специфических психологических механизмов, функционирование которых связано с наличием определенных свойств (например, качеств личности) и состояний (например, эмоциональных переживаний). При этом основной содержательной функцией метаресурса жизненной успешности, которая возможна за счет комплексного взаимодействия перечисленных составляющих, является акцепторная – как функция предвидения и оценки результатов деятельности [11].

В связи с этим можно обозначить два важных момента: во-первых, жизненная успешность находится во взаимосвязи с показателями профессиональной успешности сотрудников ОВД [12]; во-вторых, на данный метаресурс возможно целенаправленно воздействовать, активизировать и формировать его компоненты, тем самым оказывая влияние на изменение показателей профессиональной успешности [13]. Это с психологической стороны будет способствовать решению проблем, связанных профессиональной успешностью сотрудников ОВД [14; 15].

Жизненная успешность как метаресурс и профессиональная успешность как оценка и результативность деятельности, обеспечивают наиболее эффективную адаптацию и профессиональное развитие сотрудников в условиях неопределенности, складывающихся в социуме с учетом происходящих процессов реформирования системы МВД России, изменения государственных и ведомственных подходов к качественным характеристикам кадрового состава, которые направлены на создание высокопрофессиональной, авторитетной и пользующейся доверием населения службы органов внутренних дел. Адекватное понимание личностью собственного метаресурса жизненной успешности и возможность осознанно

¹ Расширенное заседание коллегии МВД. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России (2 апреля 2024 года) // Президент Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 01.06.2024).

² Расширенное заседание коллегии МВД. Президент принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России. С докладом также выступил руководитель ведомства Владимир Колокольцев (20 марта 2023 года) // Президент Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 01.06.2024).

им управлять, а также понимание основных показателей собственной профессиональной успешности и осознание того, что метаресурс жизненной успешности может способствовать повышению этих показателей, является чрезвычайно важной и сложной способностью современного профессионала. Данная способность обеспечивает выбор конструктивной стратегии профессионального развития, с учетом своих слабых и сильных сторон, осознание проблемных зон успешности и возможности корректировать их, соответствуя при этом морально-нравственным требованиям профессии.

Проблема данного исследования заключается в системной реализации процесса формирования метаресурса жизненной успешности как психологического фактора повышения показателей профессиональной успешности сотрудников ОВД.

Решение данной проблемы позволит определить основные направления и задачи процесса формирования, встроить его в существующую систему морально-психологического обеспечения и усовершенствовать воспитательную и психологическую работу в плане профессионально-личностного развития сотрудников, а также обогатить содержание определенных программ дополнительного профессионального образования в плане наиболее осмысленного и мотивированного освоения новых компетенций.

Цель исследования: разработать и частично апробировать структурно-функциональную динамическую модель формирования метаресурса жизненной успешности как психологического фактора повышения показателей профессиональной успешности сотрудников ОВД.

Методы

Исследовательская выборка для эмпирического обоснования модели составила 1 339 сотрудников ОВД: 956 курсантов и слушателей Краснодарского университета МВД России, Сибирского юридического института МВД России, Восточно-Сибирского института МВД России, 44 обучающихся в адъюнктуре Краснодарского университета МВД России, 181 преподаватель образовательных организаций системы МВД России из различных регионов, 72 психолога из подразделений по работе с личным составом и 86 сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних из различных регионов, проходивших повышение квалификации в Краснодарском университете МВД России.

С целью обоснования модели был применен ряд исследовательских методов: теоретические методы (логико-исторический анализ, формально-логический анализ исследуемой проблемы, логико-дедуктивный метод, методы абстрагирования, обобщения, систематизации, теоретическое моделирование); эмпирические методы (письменный опрос, анкетирование, тестирование, квазиэкспериментальный план, экспертная оценка); практические методы (тренинг профессионально-личностного роста, моделирование).

Целесообразность выбора исследовательских методик определялась поставленной проблемой, удобством в применении, надежностью и валидностью. Основной явилась авторская методика «Жизненная успешность», направленная на измерение показателей компонентов жизненной успешности: механизмов, качеств и переживаний, а также обобщенную оценку собственной жизненной успешности [10].

Обработка эмпирических данных, которые были учтены при разработке и обосновании модели, осуществлялась с использованием методов многомерной статистической обработки результатов, включающих в себя подсчет данных описательной статистики, корреляционный анализ (по Пирсону), критерий Краскала-Уоллиса, U-критерий Манна-Уитни, факторный анализ, кластерный анализ, линейный регрессионный анализ. Обработка данных, полученных в результате исследования, проводилась с помощью Microsoft® Excel 2016, IBM SPSS Statistics 26. Данные опубликованы в ряде статей [10; 16; 11–14].

Результаты

В результате проделанной работы предложена структурно-функциональная модель, которая относится к динамической непрерывной модели достижения цели повышения показателей профессиональной успешности за счет решения задач по формированию метаресурса жизненной успешности у сотрудников ОВД в процессе реализации форм и методов в определенных направлениях деятельности (рисунок 1).

Обсуждение

В основу создания модели были положены следующие принципы: концептуальности, нормативно-правовой регламентированности, эмпирической обоснованности, технологичности, системности.

Данные принципы позволяют обосновать адекватность и целесообразность предложенной модели.

Концептуальность заключается в построении модели в рамках метаресурсной концепции жизненной успешности, основанной на принципах системного, субъектно-деятельностного и ресурсного подходов, а также осознанной саморегуляции и метаресурсности. По результатам проведенного анализа и эмпирических исследований определим жизненную успешность как метаресурс личности, выполняющий акцепторную функцию (предвидения и оценки результатов действия) за счет рефлексивного соотношения жизненных целей с результатами субъектной активности в пространстве «цель – ценность – смысл», включающий в себя во взаимосвязи рефлексивные механизмы, интегративные качества личности и эмоциональные переживания:

1) как совокупность особых рефлексивных механизмов, функционирующих в ценностно-смысловом пространстве личности и направленных на понимание соотношения цели и результата деятельности с учетом их социальной значимости и бытийной осмысленности;

2) как интегральное свойство личности, состоящее из комплексов личностных качеств, характеризующихся способом достижения целей, направленностью и жизненной диспозицией личности;

3) как эмоциональное переживание, возникающее в процессе достижения цели и оценивания результата, сопровождающего процессы осмысления и оценивания собственных достижений.

При целенаправленном воздействии у личности как субъекта деятельности формируется возможность осознанной саморегуляции функционирования компонентов метаресурса жизненной успешности и использования их ресурсного потенциала в повышении конструктивности собственной жизни и профессиональной деятельности как ее составляющей.

Нормативно-правовая регламентированность доказывает актуальность и необходимость внедрения данной модели и определяет основные направления ее реализации с опорой на имеющуюся нормативно-правовую базу МВД России³, в частности, в области организации морально-психологического обеспечения и образовательной деятельности.

Так, в приказе МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»⁴ сказано, что морально-психологическое обеспечение как вид управленческой деятельности направлено на формирование и поддержание морально-психологического состояния личного состава на уровне, позволяющем эффективно выполнять служебные задачи в повседневных и особых условиях.

В данном случае крайне важным является формирование метаресурсов личности, которые как психологические факторы будут влиять на успешность служебной профессиональной деятельности, создавая условия для эффективного выполнения служебных задач. Наиболее продуктивными направлениями формирования метаресурса жизненной успешности будут являться воспитательная работа, в частности, морально-психологическая подготовка, и психологическая работа. В свою очередь сформированность данного метаресурса будет способствовать решению ряда важных задач этих направлений.

Формирование метаресурса жизненной успешности будет способствовать решению таких важнейших задач, как воспитание качеств, определяющих готовность к успешному осуществлению оперативно-служебной деятельности, формирование профессиональной

³ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2011. № 7. Ст. 900 ; О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.

⁴ Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 // Справочно-правовая система «Гарант» (далее – СПС «Гарант»). URL: <https://base.garant.ru/400791288/> (дата обращения: 01.06.2024). Документ опубликован не был.

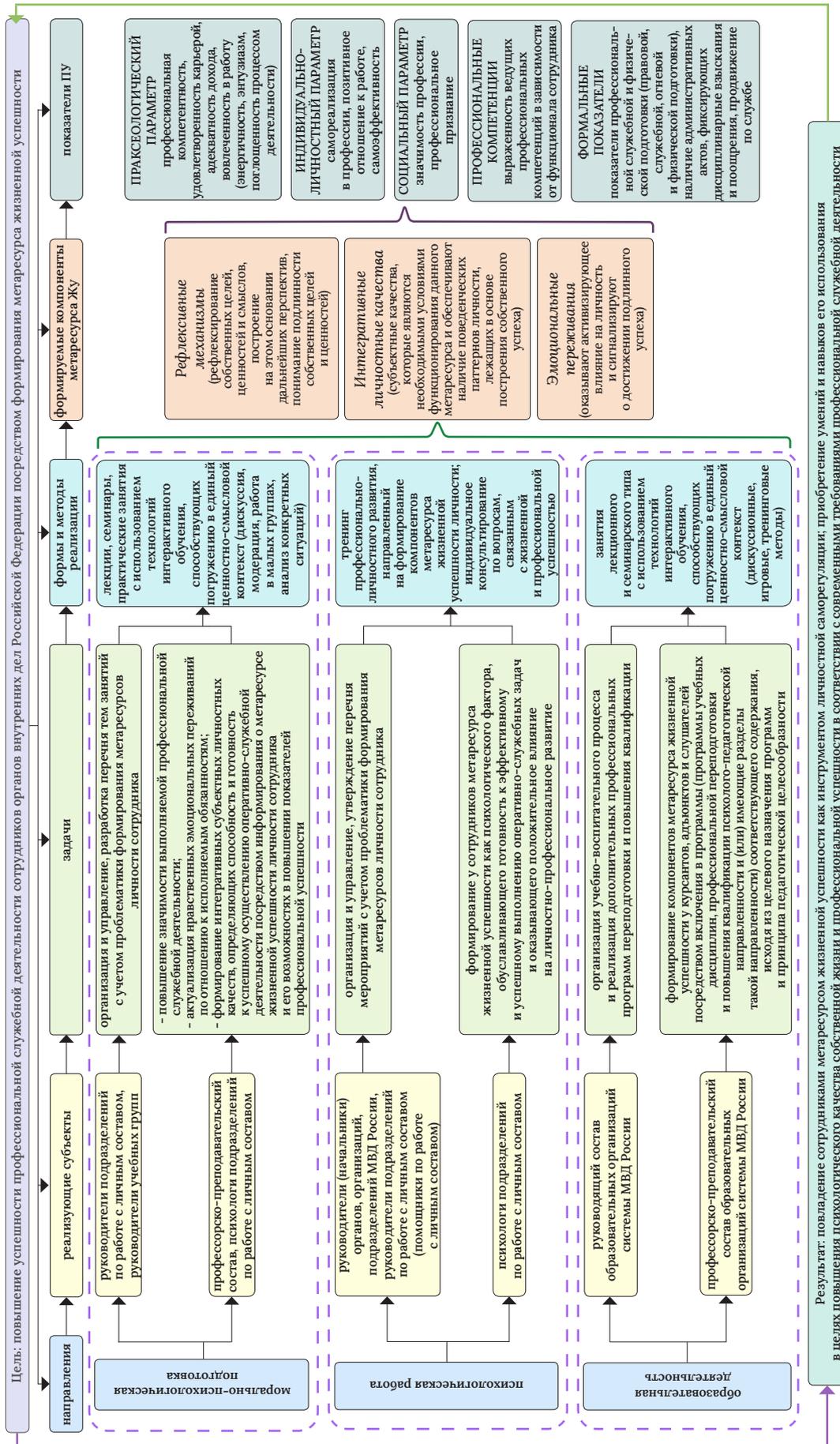

Рис. 1. Структурно-функциональная модель формирования метаресурса жизненной успешности как психологического фактора повышения показателей профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

Fig. 1. Structural-functional model of formation of meta-resource of life success as a psychological factor in increasing the indicators of professional success of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation

культуры, авторитета и престижа профессии, воспитание чувства гордости за принадлежность к профессии, развитие у сотрудников устойчивой нравственной мотивации к добросовестному труду, повышению образовательного уровня и совершенствованию профессионального мастерства.

В рамках психологической работы осуществляется формирование и развитие у сотрудников профессионально значимых личностных качеств, морально-психологической устойчивости и готовности к эффективному выполнению оперативно-служебных задач в любых условиях обстановки⁵, оказывается содействие личностно-профессиональному развитию сотрудников в целом. В данном случае формирование метаресурса жизненной успешности как комплексного феномена будет способствовать наиболее целостному решению задач психологической работы.

Еще одним важным направлением формирования метаресурса жизненной успешности является образовательная деятельность образовательных организаций МВД России⁶. Образовательная деятельность – деятельность по реализации образовательных программ⁷ посредством обучения и воспитания. Это процесс целенаправленного последовательного взаимодействия субъектов образования, в ходе которого решаются задачи обучения и воспитания личности. Формирование компонентов метаресурса жизненной успешности у курсантов, адъюнктов и слушателей возможно осуществлять посредством включения в программы (программы учебных дисциплин, программы профессиональной переподготовки и программы повышения квалификации психолого-педагогической направленности и (или) имеющие разделы такой направленности) соответствующего содержания, исходя из целевого назначения программ и принципа педагогической целесообразности.

Эмпирическая обоснованность модели заключается в том, что при проведении эмпирических исследований были обнаружены особенности выраженности и взаимосвязи компонентов метаресурса жизненной успешности, доказано их влияние на повышение показателей профессиональной успешности, а также возможность их формирования в процессе целенаправленного воздействия в рамках тренинговой технологии у различных категорий сотрудников ОВД. При разработке модели учтены следующие особенности метаресурса жизненной успешности: предикторная роль компонентов жизненной успешности по отношению к показателям внешней и внутренней сторон профессиональной успешности [12]; взаимосвязь метаресурса жизненной успешности с личностными ресурсами конструктивной жизни [10]; наибольшая выраженность традиционных ценностных оснований жизненной успешности, наличие направленности на других [16]; различия компонентов метаресурса жизненной успешности и особенностей их взаимосвязи в выборочных совокупностях сотрудников ОВД по признаку должностных обязанностей; наличие классификационных характеристик метаресурса жизненной успешности, свойственных сотрудникам ОВД [17]; выраженная тенденция «иметь»; индивидуалистическая и эгоистическая направленность жизненной успешности; односторонность представлений; типично наиболее низкие показатели эмоциональных переживаний и наименьшее число их значимых корреляций с другими компонентами метаресурса.

Технологичность заключается в четкой направленности на результат, управляемости, воспроизводимости, эффективности и оптимальности модели.

⁵ Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660 (ред. от 16.12.2022) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70675376/> (дата обращения: 01.06.2024). Документ опубликован не был.

⁶ Об утверждении Особенности организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, дополнительным профессиональным программам и основным программам профессионального обучения, Особенности организации и осуществления методической и научной (научно-исследовательской) деятельности в области подготовки кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка, а также деятельности федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 19 сентября 2022 г. № 691 (зарег. в Минюсте России 25.10.2022, рег. № 70689) // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405453111/> (дата обращения: 01.06.2024) ; Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам : приказ Минобрнауки России от 1 июля 2013 г. № 499 (ред. от 15.11.2013) // Российская газета. – 2013. – 28 августа. ; Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) : постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2122 // СЗ РФ. 2021. № 49 (ч. II). Ст. 8308.

⁷ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

Процесс формирования компонентов метаресурса жизненной успешности возможен при четкой формулировке и прозрачности целей и задач, этапов, методов и форм их достижения и тех показателей, которые помогут определить степень достижения поставленных целей и задач. В данном случае итоговыми показателями будут такие, как выраженность и положительная динамика компонентов метаресурса жизненной успешности и показателей профессиональной успешности.

При этом предлагаемая модель является управляемой, т. е. существует постоянная возможность целеполагания, планирования, проектирования процесса, поэтапной диагностики, варьирования средствами и методами с целью коррекции результатов.

Воспроизводимость модели представляет собой возможность применения (повторения, воспроизведения) в различных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации на основании единой нормативной правовой базы с использованием универсальных форм и методов.

Эффективность и оптимальность модели заключается в достижении результатов при оптимальных временных, материальных, личностных затратах, что вполне реализуемо при гармоничной встроенности модели в существующие задачи и направления морально-психологического обеспечения и образовательной деятельности.

Системность – целенаправленное формирование компонентов метаресурса жизненной успешности – происходит с учетом их системных взаимосвязей и понимания того, что воздействие на какой-либо один компонент приводит в динамику весь метаресурс сотрудника ОВД как субъекта труда. Системность также проявляется и в том, что деятельность по формированию метаресурса жизненной успешности как психологического фактора повышения показателей профессиональной успешности сотрудников ОВД реализуется во взаимосвязанных направлениях морально-психологического обеспечения и образовательной деятельности посредством организационных и содержательных задач, решаемых при реализации мероприятий сходной тематической направленности.

Модель, построенная с опорой на взаимосвязь данных принципов, позволяет реализовать цель, направленную на повышение успешности профессиональной служебной деятельности сотрудников ОВД посредством формирования метаресурса жизненной успешности.

Поставленная цель достигается в трех основных направлениях: морально-психологическая подготовка, психологическая работа и образовательная деятельность.

Каждое направление реализуется двумя категориями субъектов: руководящий состав, отвечающий за организацию и управление работой направления; субъекты, непосредственно реализующие содержательную часть мероприятий в рамках направления.

Соответственно, в каждом направлении решаются две разновидности задач по формированию компонентов метаресурса жизненной успешности сотрудников:

1) организация и управление работой данного направления, в данном случае учитывается специфика содержательной направленности планируемой работы в перечне и тематике мероприятий;

2) реализация мероприятий, целевая направленность которых прямо или косвенно решает задачи формирования компонентов метаресурса жизненной успешности и повышения показателей профессиональной успешности сотрудников ОВД.

В каждом направлении исходя из задач определяются конкретные формы и методы формирования метаресурса жизненной успешности. Отметим, что предлагаемые формы и методы по большей части должны быть интерактивными, т. е. подразумевающими обязательное взаимодействие участников процесса. Интерактивность позволяет активизировать познавательные и эмоциональные процессы, создавать единое смысловое пространство для формирования метаресурса.

Посредством определенных форм и методов в каждом направлении происходит формирование метаресурса жизненной успешности как сложного системного образования, представляющего собой сложноорганизованный метаресурс, состоящий из рефлексивных механизмов, интегративных качеств и эмоциональных переживаний, которые разворачиваются в контекстах ценностно-смысловой сферы на уровне целей, ценностей и смыслов. Здесь в наиболее яркой форме проявляется принцип системности. Так, например, воздействие на любой из компонентов в целевом контексте, а именно, на инструментальные личностные

качества (формулирование целей, прогнозирование хода событий, видение происходящего со стороны, гибкость мышления, критичность, развитое воображение, гибкость поведения, сила воли, настойчивость, дисциплинированность, инициативность, целеустремленность), рефлексивно-технологический механизм (связанный с умением анализировать и прогнозировать оптимальные пути достижения цели, сопоставлять цели и результаты, проявлять гибкость в выборе способов и средств достижения целей), а также практические переживания (удовлетворенность и увлеченность процессом, удовлетворенность результатом, восторг, радость, бодрость и т. п.), приводят в динамику их все. При этом активизация целевого контекста обуславливает определенную динамику ценностного и смыслового контекстов данного метаресурса, которые комплексно оказывают влияние на показатели профессиональной успешности.

Показатели профессиональной успешности находятся под влиянием компонентов метаресурса жизненной успешности, причем наиболее ярко выраженная предикторная функция присуща таким компонентам, как рефлексивно-технологический и рефлексивно-онтологический механизмы, инструментальные качества и жизненная диспозиция, а также нравственные переживания.

Таким образом, выделенные направления работы, дополняя друг друга в системной взаимосвязи, реализуют цель формирования компонентов метаресурса жизненной успешности как предиктора профессиональной успешности сотрудников ОВД. При этом центральным направлением, берущим на себя большую часть прямого воздействия, является психологическая работа. Морально-психологическая подготовка и образовательная деятельность вносят вклад в формирование метаресурса жизненной успешности и повышения показателей профессиональной успешности посредством решения задач, встроенных в их основные цели.

Опишем реализацию каждого направления.

Морально-психологическая подготовка как система мероприятий в рамках воспитательной работы по формированию у сотрудников, в т. ч. профессиональной культуры и морально-психологической готовности к выполнению оперативно-служебных задач в любых условиях обстановки может эффективно оказывать влияние на формирование компонентов метаресурса жизненной успешности посредством информирования о нем и его возможностях в повышении показателей профессиональной успешности. В процессе реализации морально-психологической подготовки могут решаться такие задачи, как повышение значимости выполняемой профессиональной служебной деятельности; актуализация нравственных эмоциональных переживаний по отношению к исполняемым обязанностям; осознание интегративных субъектных личностных качеств, определяющих способность и готовность к успешному осуществлению оперативно-служебной деятельности.

В этом случае руководители подразделений по работе с личным составом, руководители учебных групп осуществляют организацию и управление, включают в содержание тем занятий проблематику, связанную с формированием метаресурса жизненной успешности.

Профессорско-преподавательский состав образовательных организаций системы МВД России (возможно и других образовательных организаций) и психологи подразделений по работе с личным составом реализуют обозначенные задачи в рамках лекций, семинаров, практических занятий с использованием технологий интерактивного обучения, способствующих погружению в единый ценностно-смысловой контекст (дискуссия, модерация, работа в малых группах, анализ конкретных ситуаций).

В процессе проведения такого рода занятий в той или иной степени активизируются компоненты метаресурса жизненной успешности: усиливается рефлексия собственных целей, ценностей и смыслов, осознается значимость выполняемой профессиональной деятельности применительно к контексту собственной жизни и в целом к культурному контексту; сотрудник продвигается в осознании важности и необходимости выполняемых им задач; активизируется осознание собственных личностных качеств и их ресурсного значения для успешной деятельности, осмысливаются пути их формирования и развития; анализ и осознание практических, нравственных и бытийных эмоциональных переживаний, способствующих повышению успешности профессиональной служебной деятельности.

Психологическая работа как направление реализации морально-психологического обеспечения: осуществляет формирование и развитие у сотрудников профессионально значимых личностных качеств, морально-психологической устойчивости и готовности к эффективному

выполнению оперативно-служебных задач в любых условиях обстановки, способствует личностно-профессиональному развитию сотрудников в целом. В этот контекст логично вписываются задачи по формированию метаресурса жизненной успешности как психологического фактора повышения показателей профессиональной успешности сотрудников.

Руководители (начальники) органов (организаций, подразделений) МВД России, руководители подразделений по работе с личным составом (помощники руководителей по работе с личным составом) осуществляют организацию и управление, утверждают перечень мероприятий с учетом проблематики формирования метаресурсов личности сотрудника. Психологи подразделений по работе с личным составом реализуют групповые и индивидуальные формы работы с личным составом.

В данном случае наиболее эффективной формой, направленной на формирование компонентов метаресурса жизненной успешности, является тренинг профессионально-личностного развития [13]. Тренинг может реализовываться на различных категориях сотрудников с учетом специфики их профессиональной деятельности в конкретных заданиях. В частности, он был апробирован на выборках курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей.

В рамках тренинга осуществляется целенаправленное воздействие на компоненты жизненной успешности, что способствует повышению показателей внешней и внутренней сторон профессиональной успешности сотрудников. Тренинговая технология позволяет включить субъекты во взаимодействие и единое смысловое поле, когда активизируются процессы осознания, осмысления, рефлексии имеющихся проблем и перспектив развития.

Основные задачи тренинга заключаются в создании условий для: актуализации значимости и осмысления целей, ценностей и смыслов с учетом контекста профессиональной деятельности; осознания и формирования интегративных качеств, способствующих жизненной и профессиональной успешности; для проработки практических, нравственных и бытовых переживаний в контексте профессиональной и жизненной успешности; формировании механизмов жизненной и профессиональной успешности (рефлексивно-технологический, рефлексивно-аксиологический и рефлексивно-онтологический). Итогом проведения тренинга является построение модели успешного профессионала и ее частичная апробация участниками тренинга.

В эмпирическом исследовании выявлено, что осознание собственной жизненной диспозиции, целей, ценностей, соответствующих эмоциональных переживаний в наибольшей степени влияет на повышение таких показателей, как вовлеченность в работу, самоэффективность, адекватность профессиональной самооценки, а также прямых объективных показателей эффективности профессиональной служебной деятельности и качества жизни в целом.

В индивидуальном консультировании по вопросам, связанным с жизненной и профессиональной успешностью, целесообразно применять когнитивно-поведенческий, ресурсный и субъектно-деятельностные подходы. Упражнения, отобранные для наполнения тренинговых занятий, могут эффективно использоваться в индивидуальной работе.

Образовательная деятельность как целенаправленный процесс взаимодействия субъектов образования, решения задач обучения и воспитания личности в ходе реализации образовательных программ позволяет выполнять задачи по формированию метаресурса жизненной успешности, исходя из ключевого принципа педагогической целесообразности, а также имеющейся нормативной базы (например, Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО)). Это возможно посредством включения необходимого содержания в тематику программ учебных дисциплин, программ профессиональной переподготовки и программ повышения квалификации психолого-педагогической направленности и (или) имеющих разделы такой направленности.

В данном случае руководящий состав образовательных организаций системы МВД России организует учебно-воспитательный процесс и реализацию дополнительных профессиональных программ переподготовки и повышения квалификации. Научно-педагогические коллективы образовательных организаций системы МВД России осуществляет содержательное наполнение программ и проведение занятий лекционного и семинарского типа с использованием технологий интерактивного обучения, способствующих и погружению в единый ценностно-смысловой контекст (дискуссионные, игровые, тренинговые методы).

Практически во всех действующих ФГОС ВО, реализуемых в образовательных организациях системы МВД России, есть универсальные компетенции, заключающиеся в способностях: определять и реализовывать приоритеты собственной деятельности и способы ее совершенствования на основе самооценки и образования в течение всей жизни; использовать приемы психологической саморегуляции, профилактики негативных последствий профессионального стресса и т. п.

Данные компетенции формируются при реализации учебных дисциплин психологической направленности («Психология», «Основы психологии служебной деятельности») посредством тематики, связанной с психологией профессионального развития. Это дает возможность обогатить содержание тем в рамках установленного учебного и тематического плана для более эффективного формирования соответствующих компетенций. В частности, уделить внимание: информации о метаресурсе жизненной успешности как психологическом факторе, влияющем на показатели профессиональной успешности будущего сотрудника; формированию умений, связанных с функционированием метаресурса жизненной успешности, а именно, умений ставить и достигать цели, понимать значимость выполняемой деятельности, осмысливать ее результаты, развивать необходимые личностные качества и т. п.

В рамках реализации программ повышения квалификации психолого-педагогической направленности также уместно включать в содержание информацию о метаресурсе жизненной успешности.

Вариантом реализации задачи формирования метаресурса жизненной успешности является дополнительная профессиональная программа повышения квалификации профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России по теме «Современные требования к профессиональной компетентности преподавателя высшей школы», реализуемая в Краснодарском университете МВД России. В качестве заключительной темы данной программы логично выступает тема «Профессиональная успешность и эффективность современного преподавателя высшей школы». Содержание темы раскрывает взаимосвязь понятий: жизненная и профессиональная успешность; противоречивость представлений о профессиональной успешности преподавателя высшей школы; качества личности преподавателя, необходимые для успешной профессиональной деятельности; внешняя и внутренняя составляющие профессиональной успешности; формы профессиональной успешности; успешность личности в профессиональной деятельности как показатель психологического здоровья и психологический ресурс личности; жизненная успешность как совокупность успеха личности и успеха профессионала; представления о профессиональной успешности личности преподавателя высшей школы; особенности представлений о профессиональной успешности у преподавателей образовательных организаций системы МВД России; пути достижения профессиональной успешности преподавателями образовательных организаций системы МВД России в современных условиях.

Еще одним вариантом реализации задач формирования метаресурса жизненной успешности является дополнительная профессиональная программа повышения квалификации психологов образовательных организаций и территориальных органов МВД России по теме «Психотехнологии профилактики суицидального поведения сотрудников органов внутренних дел», реализуемая в Краснодарском университете МВД России. На занятиях по теме «Психотехнологии актуализации личностных ресурсов в рамках профилактических мероприятий общей и специальной направленности суицидальных происшествий среди сотрудников органов внутренних дел» представлены способы конструктивной саморегуляции посредством метаресурса жизненной успешности, а также подходы к его формированию как инструмента профилактики деструкций личности. Более конкретно содержание темы выглядит таким образом:

- психотехнологии актуализации личностных ресурсов в рамках профилактических мероприятий общей и специальной направленности суицидальных происшествий среди сотрудников ОВД;
- ресурсный подход в суицидологии: проблемы и перспективы;
- ориентация на сильные стороны личности при профилактике суицидального риска;
- метаресурсы личности: виды, функции, система;
- адаптационная и регуляционная функции личностных метаресурсов;
- признаки ресурсного истощения; жизненная успешность как метаресурс в системе саморегуляции личности;

- виды ресурсоактуализирующих психотехнологий: просветительские и формирующие, индивидуальные и групповые;
- ресурсоактуализирующие психотехнологии в рамках психологической тематики морально-психологической подготовки сотрудников (проблемные, интерактивные и рефлексивные технологии);
- индивидуальный подход в реализации ресурсоактуализирующих технологий (индивидуальное психологическое консультирование, сопровождение);
- приемы актуализации личностных ресурсов в индивидуальной работе;
- майндфулнесс (*mindfulness*), построение целевой иерархии, выявление и осознание собственных ресурсов и т. п.

В рамках дополнительной профессиональной программы профессиональной переподготовки сотрудников, замещающих должности профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования, реализуемой в Краснодарском университете МВД России, также уделено внимание проблеме формирования метаресурса жизненной успешности как фактора повышения показателей профессиональной успешности. Данная проблема затрагивается в модуле «Психологическое сопровождение формирования готовности к педагогической деятельности» при реализации тренинговых занятий по формированию внутренней мотивации профессиональной деятельности и навыков саморегуляции преподавателя.

Охарактеризованные направления во взаимосвязи представляют целостную стратегию по формированию метаресурса жизненной успешности как психологического фактора повышения показателей профессиональной успешности сотрудников ОВД, в результате чего сотрудники овладевают метаресурсом жизненной успешности как инструментом личностной саморегуляции, приобретают умения и навыки его использования в целях повышения психологического качества собственной жизни и профессиональной успешности в соответствии с современными требованиями профессиональной служебной деятельности. Данная стратегия может быть реализована посредством научно-практических проектов и программ сопровождения профессионально-личностного развития сотрудников ОВД.

3 **З**аключение

В рамках метаресурсной концепции разработана структурно-функциональная модель, которая относится к динамической непрерывной модели достижения цели повышения показателей профессиональной успешности за счет решения задач по формированию метаресурса жизненной успешности у сотрудников ОВД. В основу создания модели положены инструментальные принципы концептуальности, нормативно-правовой регламентированности, эмпирической обоснованности, технологичности, системности. Предложенные принципы позволили обосновать адекватность и целесообразность реализации модели в таких направлениях, как морально-психологическая подготовка, психологическая работа и образовательная деятельность. В каждом направлении соответствующими субъектами решаются специфичные задачи при помощи конкретных форм и методов формирования компонентов метаресурса жизненной успешности, которые в свою очередь оказывают влияние на формирование определенных показателей профессиональной успешности. Выделенные и обоснованные направления во взаимосвязи представляют целостную стратегию, оптимально выстраивающуюся в действующую нормативную базу, регулирующую профессиональную служебную деятельность сотрудников ОВД. Реализация данной модели позволяет формировать метаресурс жизненной успешности как психологический фактор повышения показателей профессиональной успешности сотрудников ОВД, в результате чего сотрудники овладевают метаресурсом жизненной успешности как инструментом личностной саморегуляции.

Список источников

1. Ульянина О. А. Личностная компетентность специалистов правоохранительной сферы: психотехнологии формирования в образовательных организациях высшего образования : монография. Москва : Инфра-М, 2022. 220 с.
2. Дикая Л. Г., Журавлев А. Л., Занковский А. Н. Современное состояние и перспективы исследований адаптации и реализации профессионала в условиях непрерывных социально-экономических изменений // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1, № 1. С. 7-48.
3. Водопьянова Н. Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2015. Вып. 1. С. 45-54.
4. Дикая Л. Г. Проблемы психологии саморегуляции психических состояний субъекта профессиональной деятельности: в контексте метасистемного подхода / Психология психических состояний : сборник статей / науч. ред.: А. О. Прохоров. Казань : Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2009. Вып. 7. С. 292-314.
5. Дикая Л. Г. Субъектная активность и развитие личности / Методология комплексного человекознания и современная психология : сборник статей / под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой. Москва : Институт психологии РАН, 2008. С. 176-182.
6. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7, № 4. С. 62-78.
7. Толочек В. А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т.6, № 3. С. 27-61.
8. Калашишкова С. А. Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности // Молодой ученый. 2011. Т. 2, № 8 (31). С. 84-87. URL: <https://moluch.ru/archive/31/3534>.
9. Марков В. Н. Ресурсный подход к психологической диагностике: основные принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2010. № 4. С. 5-10.
10. Деева Н. А. Методика «Жизненная успешность»: структура и валидизация // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19, № 3. С. 494-520. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-3-494-520>.
11. Семенова Н. А. Жизненная успешность личности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: концептуальное обоснование и структурно-функциональная организация // Прикладная психология и педагогика. 2024. Т. 9, № 2. С. 64-81. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-2-64-81>.
12. Семенова Н. А. Метаресурс жизненной успешности как психологический предиктор профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 1 (96). С. 21-27. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-21-27>.
13. Семенова Н. А. Формирование компонентов метаресурса жизненной успешности сотрудников ОВД с помощью тренинга профессионально-личностного роста // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19, № 1. С. 130-143. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0109>.
14. Бовин Б. Г., Казберов П. Н., Кокурин А. В., Красов Д. А. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний России // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 72-85.
15. Федотов С. Н., Еременко Т. Е. Влияние психологических факторов на успешность служебной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1 (64). С. 3-8.
16. Деева Н. А. Субъективные представления россиян о жизненной успешности // Национальный психологический журнал. 2022. № 2 (46). С. 14-24. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0202>.
17. Семенова Н. А. Классификационные характеристики жизненной успешности как личностного метаресурса сотрудников органов внутренних дел в сравнении с представителями других социэкономических профессий // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 133-151. <https://doi.org/10.18384/2949-5105-2023-3-133-151>.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-284-293>

Влияние руководителя служебного коллектива на морально-психологическое состояние подчиненных сотрудников

Кирилл Витальевич Злоказов¹, кандидат психологических наук, доцент
Игорь Вячеславович Гайдамашко², доктор психологических наук, доцент
Леонид Трофимович Бородавко³, доктор педагогических наук, доцент

^{1,3} Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

² Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований
Москва (125009, ул. Моховая, д. 9, стр. 4), Российская Федерация

¹ zkirvit@yandex.ru, ² gajdamashko@mirea.ru, ³ borodavkoleonid27@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>; ² <https://orcid.org/0000-0001-5146-0064>,

³ <https://orcid.org/0000-0002-3017-7507>

Аннотация:

Введение. В статье рассматриваются психологические аспекты влияния руководителя служебного коллектива на морально-психологическое состояние его членов. Актуальность обусловлена значением руководителя в поддержании морально-психологического состояния членов коллектива и отсутствием исследований, показывающим значение руководителя в формировании взаимодействия и взаимоотношений служебного коллектива, функционирующего в субординационном типе управления. Отсутствие теоретических обобщений функций руководителя актуализирует необходимость изучения влияния руководителя на морально-психологическое состояние членов служебного коллектива через призму их взаимодействия и взаимоотношений.

Методы. Методами исследования выступают общенаучные методы обработки, анализа и обобщения информации, используемые для упорядочивания знаний об организационно-психологических и социально-психологических аспектах влияния руководителя служебного коллектива на подчиненных ему сотрудников. Метод моделирования применяется для систематизации теоретических знаний о влиянии руководителя служебного коллектива в виде модели, включающей направления взаимодействия и взаимоотношений, раскрывающих три аспекта организационного воздействия – определение (регламентацию), формирование и регуляцию.

Результаты. Результатом исследования выступают: типология функций руководителя служебного коллектива (руководитель-организатор и руководитель-лидер), раскрывающая особенности взаимодействия и взаимоотношений с подчиненными ему

Ключевые слова:

руководитель, служебный коллектив, морально-психологическое состояние, социально-психологический климат, взаимоотношения сотрудников

Для цитирования:

Злоказов К. В., Гайдамашко И. В., Бородавко Л. Т. Влияние руководителя служебного коллектива на морально-психологическое состояние подчиненных сотрудников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 284–293. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-284-293>.

© Злоказов К. В., Гайдамашко И. В., Бородавко Л. Т., 2025

сотрудниками; теоретическая модель влияния руководителя служебного коллектива на взаимодействие и взаимоотношения подчиненных ему сотрудников, применимая в качестве методического основания для оценки состояния данной работы сотрудником подразделения по работе с личным составом (психологом подразделения) и разработки рекомендаций по совершенствованию данной деятельности. Полученные результаты применимы для дальнейшего изучения деятельности руководителя служебного коллектива в организациях субординационного типа управления, подготовки кандидатов на замещение должности руководителя служебного коллектива, оценки деятельности сотрудников, замещающих должности руководителей, по морально-психологическому обеспечению подчиненных им сотрудников.

Статья поступила в редакцию 04.12.2024;
одобрена после рецензирования 20.02.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

The influence of the head of the service team on the moral and psychological state of subordinate employees

Kirill V. Zlokazov¹, Cand. Sci. (Psy.), Docent
Igor V. Gaidamashko², Doc. Sci. (Psy.), Docent
Leonid T. Borodavko³, Doc. Sci. (Ped.), Docent

^{1,3} Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

² Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Researches
Moscow (125009, Mokhovaya str., 9, build. 4), Russian Federation

¹ zkirvit@yandex.ru, ² gajdamashko@mirea.ru, ³ borodavkoleonid27@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>; ² <https://orcid.org/0000-0001-5146-0064>,

³ <https://orcid.org/0000-0002-3017-7507>

Abstract:

Introduction. The article deals with psychological aspects of the influence of the head of the service team on the moral and psychological state of its members. The relevance is due to the value of the head in maintaining team members' moral and psychological state, and the absence of studies showing the importance of the head in the formation of interactions and relationships in the service team while functioning in the subordination type of management. The lack of theoretical generalisations of the functions of the head actualises the need to study his influence on the moral and psychological state of the service team members through the prism of their interactions and relationships.

Methods. The research methods are general scientific methods of processing, analysis and generalisation of information, used for prioritisation knowledge about organisational-psychological and socio-psychological aspects of the influence of the head of the service team on his subordinate employees. The modelling method is used to systematise theoretical knowledge about the influence of the head of the service team in the form of a model, including directions of interactions and relationships, revealing three aspects of organisational influence – determination (regulation), formation and adjustment.

Results. The results of the study are: functions typology of the head of the service team (an organiser and a leader), revealing the features of interactions and relationships with subordinate employees; theoretical model of the head of the service team influence on the interactions and relationships of subordinate employees, applicable as methodological basis for assessing the state of this work by the employee of personnel department (psychologist of the unit) and developing recommendations to improve these activities. The obtained results are applicable for further study of the activity of the head of the service team in organisations of subordinate type of management, training of candidates for the position of the head of the service team, evaluation of the activity of the employees filling the positions of the head on moral and psychological support of subordinate employees.

Keywords:

head, service team, moral and psychological state, socio-psychological climate, employee relations

For citation:

Zlokazov K. V., Gaidamashko I. V., Borodavko L. T. The influence of the head of the service team on the moral and psychological state of subordinate employees // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 284–293. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-284-293>.

The article was submitted December 4, 2024;
approved after reviewing February 20, 2025;
accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Актуальность исследования обусловлена существенным значением руководителя служебного коллектива в морально-психологическом обеспечении деятельности подчиненных ему сотрудников. Функция морально-психологического обеспечения деятельности традиционна для организаций субординационного типа управления, однако ее реализация не всегда рассматривается в контексте влияния руководителя на служебный коллектив. Как следствие,

отсутствуют комплексные исследования влияния руководителя служебного коллектива на различные характеристики морально-психологического состояния подчиненных сотрудников. Для раскрытия этих возможностей необходимо изучение специфики служебного коллектива субординационного типа управления, где ключевым признаком выступает подчинение сотрудников подразделения руководителю, обязывающее выполнять его указания (приказы, распоряжения) неукоснительно и полностью [1].

Принцип субординации в целом свойственен всем институтам государственной службы Российской Федерации, но наиболее ярко представлен в военной и правоохранительной сферах [2]. Субординация является одним из условий управления органов внутренних дел Российской Федерации, что выражается в высокой степени централизации, распределении прав, обязанностей и ответственности в структуре иерархичной подчиненности подразделений. При этом в отличие от ординационного управления, субординационный тип управления налагает на руководителя совместно с функцией управления подчиненными ему сотрудниками задачу морально-психологического обеспечения их деятельности. Данное обстоятельство изменяет представление о содержании деятельности руководителя служебного коллектива. Оно, в преломлении к служебному коллективу, предполагает не только организацию, координацию и контроль их служебной деятельности, но и воздействие на их морально-психологическое состояние. Как следствие, подготовка руководящего состава требует, во-первых, наличия у сотрудника, готовящегося к замещению должности руководителя знаний о морально-психологическом обеспечении, а также умений и навыков его осуществления, во-вторых, возлагает на руководителя ответственность за морально-психологическое состояние подчиненных ему сотрудников и, очевидно, служит показателем оценки его состоятельности как руководителя. Таким образом, считая морально-психологическое состояние сотрудников зависимым от влияния руководителя, можно отметить исключительную значимость соответствующей подготовки руководителей. Учитывая, что в Положении о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации¹ роль руководителя служебного коллектива связывается с успешным выполнением вверенными ему сотрудниками оперативно-служебных задач в любых условиях обстановки, представляется актуальным проанализировать содержание данной деятельности руководителя. Поскольку ее осуществление не будет эффективным без понимания психологических закономерностей влияния руководителя на состояние подчиненных сотрудников, предметом рассмотрения должны выступить характеристики морально-психологического состояния сотрудников, связанные с взаимодействием и взаимоотношениями в служебном коллективе. Их раскрытию и посвящена данная статья.

Целью статьи выступает анализ психологических особенностей взаимодействия и взаимоотношений, характеризующих влияние руководителя на морально-психологическое состояние членов служебного коллектива.

Гипотезой представленного в статье исследования является предположение о том, что достижение и поддержание морально-психологического состояния, обеспечивающего решение оперативно-служебных задач подчиненным руководителю служебным коллективом, может осуществляться посредством влияния руководителя на организационно-психологические и социально-психологические аспекты взаимодействия и взаимоотношений членов служебного коллектива.

Методы

Методами исследования выступают общенаучные методы обработки, анализа и обобщения информации, используемые для упорядочивания знаний об организационно-психологических и социально-психологических аспектах влияния руководителя служебного коллектива на подчиненных ему сотрудников. Метод моделирования применяется для систематизации теоретических знаний о влиянии руководителя служебного коллектива в виде теоретической модели.

Предметное поле исследования ограничено психологическими особенностями руководителей подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, а также других

¹ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024> (дата обращения: 17.12.2024).

правоохранительных органов. Как следствие оно ориентировано на научно-методическое восполнение недостатка методики оценки влияния руководителей на морально-психологическое состояние подчиненных им сотрудников, а также контроля качества подготовки кандидатов на замещение соответствующих должностей в органах внутренних дел. Теоретическим результатом исследования выступает модель влияния руководителя служебного коллектива на взаимодействие и взаимоотношения подчиненных ему сотрудников, применимая в качестве методического основания для оценки состояния данной работы сотрудником подразделения по работе с личным составом (психологом подразделения) и разработки рекомендаций по совершенствованию данной деятельности.

Результаты

Результаты исследования в статье сгруппированы в три блока. Вначале рассматриваются теоретические представления о руководителе служебного коллектива, затем о его влиянии на морально-психологическое состояние подчиненных сотрудников, в завершении синтезируется модель влияния руководителя и приводятся рекомендации по ее применению.

Теоретические представления о руководителе служебного коллектива

Раскрывая значение руководителя служебного коллектива, следует отметить, что специфика его рассмотрения различается в социально-психологических и организационно-психологических подходах к исследованию коллективов [3]. Соответственно, их психологическая специфика будет рассматриваться нами применительно к двум условно выделенным типам руководителей – руководитель-лидер и руководитель-организатор.

В социально-психологических теориях значение руководителя служебного коллектива отождествляется с влиянием лидера малой группы и характеризуется через призму групповых процессов. В их числе наиболее значимыми выступают: организация/дезорганизация деятельности группы; развитие/распад внутригрупповых отношений; формирование социально-психологических свойств членов группы.

Руководитель-лидер культивирует социально-психологические процессы в служебном коллективе, выстраивая отношения участников группы к деятельности, служебному коллективу и себе, обеспечивая тем самым решение задач оперативно-служебной деятельности. Он не только определяет цели деятельности, распределяет роли (функции) между участниками, контролирует результат, сам вовлекается в его достижение. Руководитель-лидер служебного коллектива выступает своеобразным центром координации жизни группы, поскольку замыкает на себе взаимодействие ее членов, обладает наибольшей полнотой информации обо всем происходящем с ними. Наконец, поскольку лидер-руководитель устанавливает ценностные основания взаимодействия членов группы, контролирует их соблюдение и вводит санкции за их несоблюдение, он является координатором групповой структуры и групповой динамики. При этом возможности его влияния на членов группы рассматриваются на основе групповой структуры коллектива и групповой динамики. Иначе говоря, эффективность руководителя-лидера зависит:

- а) от распределения статусов членов группы (например, наличия/отсутствия членов группы со статусом, конкурирующим с лидером);
- б) влияния на взаимодействие и взаимоотношения членов группы, позволяющего руководителю управлять ими.

В контексте организационно-психологического подхода позиция руководителя служебного коллектива рассматривается в качестве функции организатора деятельности подчиненных сотрудников.

Руководитель-организатор опирается на общеорганизационные процессы, которые выражают потребность организации в существовании служебного коллектива, формируют цель его деятельности, соответствующую функционально-ролевую структуру, определяют задачи служебного коллектива, устанавливают ценности и нормы взаимодействия его членов. Соответственно, потенциал влияния руководителя-организатора определяется принципами единоначалия и субординации и основывается на реализации служебным коллективом задач организации. Важно подчеркнуть, что руководитель не только вовлечен в группу подчиненных ему сотрудников, но при этом является членом группы, подчиненной вышестоящему руководителю. Таким образом, руководитель служебного коллектива регулирует деятельность и отношения

ее участников на основе норм, правил и ценностей, определенных не только им самим, но и вышестоящими по статусу субъектами управления. Ими отчасти устанавливаются цели и условия их достижения, координация взаимодействия группы с другими служебными коллективами внутри организации и вне ее. Влияние руководителя определяется не только позицией внутри служебного коллектива, но и в группе вышестоящих по статусу руководителей, способностями к внутриорганизационному взаимодействию. С организационно-психологической точки зрения возможности руководителя характеризуются способностью к привлечению ресурсов вышестоящих руководителей и других структурных подразделений организации для решения задач служебного коллектива.

Различие в социально-психологических и организационно-психологических интерпретациях роли руководителя прослеживается на примере взаимодействия с членами группы. В частности, в том, что руководитель-лидер может быть заменен решением группы, члены группы могут выполнять отдельные функции руководителя, а также конкурировать с ним, имея более высокий неформальный статус. При этом в организационно-психологической перспективе утверждается, что руководитель-организатор лишь назначается, а не выбирается членами группы, конкуренция такого типа руководителя с подчиненными не допускается и подавляется, а основаниями смещения руководителя выступают дезорганизация деятельности группы, приводящая к снижению продуктивности, нарушениям дисциплины и законности.

Значение руководителя в морально-психологическом обеспечении деятельности группы в общем виде разработано как в социально-психологическом, так и организационно-психологическом контекстах. Социально-психологические концепции лидерства утверждают, что руководитель-лидер может влиять на группу через поддержку ценностей и утверждение норм, которые бы мотивировали членов группы к деятельности, снижали негативное влияние различных внутренних и внешних факторов. При этом большее внимание уделяется внутригрупповым механизмам формирования моральных оснований деятельности и раскрытию психологического воздействия на членов группы. Для этого используются, например, представление о ценностно-ориентационном единстве членов группы, сплоченности и мобилизации. Возможности морально-психологического обеспечения служебного коллектива рассматриваются через призму группового взаимодействия его членов и прорабатываются с точки зрения самопомощи. Считая коллектив высшим уровнем развития отношений в группе, социально-психологический подход предполагает, что его члены не только не уступают руководителю, но наравне с ним способны отвечать за состояние и результаты совместных действий. Поэтому, члены группы способны проявляют заботу друг о друге, поддерживая, а при необходимости и корректируя действия и отношения конкретного участника.

Организационно-психологическое представление о роли руководителя строится на принципе должностования, предполагающем, что руководитель обязан организовать и осуществлять морально-психологическое обеспечение деятельности вверенных ему сотрудников. Вместе с тем оно в большей мере сводится к поддержанию ценностей и норм, на которых основывалась служебная деятельность членов коллектива. Введение новых ценностей и норм предписывается в ситуациях адаптации коллектива к особым условиям деятельности, отличающимся от типовых и требующих перестройки работы служебного коллектива. При этом руководитель-организатор обладает монополией на осуществление морально-психологического обеспечения, модель которого, как методы, формы и приемы, должны быть известны ему ранее. Таким образом, тип руководителя-организатора служебного коллектива характеризуется более высоким уровнем развития личных и деловых, нравственных и психологических качеств, чем его подчиненные, поэтому он осуществляет функции фактически обучения и наставничества над вверенными ему сотрудниками.

Подводя итоги, отметим, что сравнение представлений о руководителе служебного коллектива и его значении для осуществления морально-психологического обеспечения, существующих в социально-психологических и организационно-психологических подходах позволяет констатировать ряд различий. Они рассмотрены нами в психологическом контексте внутригруппового взаимодействия членов служебного коллектива, поскольку именно этот контекст имеет решающее значение для продуктивности деятельности. Выявленные различия могут условно быть представлены в континууме «субординации-ординации» взаимодействия руководителя и подчиненных ему сотрудников. В частности, показывая, что руководитель-лидер характеризуется возможностями закономерностей групповой динамики служебного коллектива и потенциала его членов, а руководителю-организатору свойственно использовать

общеорганизационный потенциал для решения проблем коллектива, при этом не допуская нарушения его членами общеорганизационных стандартов и требований. Соответственно, у руководителей обоих типов существуют определенные особенности в осуществлении морально-психологического обеспечения вверенного служебного коллектива. Их анализ следует провести, раскрывая психологическое значение руководителя служебного коллектива во взаимодействии и взаимоотношениях его членов.

Теоретические представления о влиянии руководителя служебного коллектива на морально-психологическое состояние подчиненных сотрудников

Роль руководителя служебного коллектива в организациях с субординационным взаимодействием характеризуется единоначалием в части принятия решений и подчинением ему других членов коллектива. Конечно, влияние руководителя служебного коллектива на участников служебного коллектива находится в зависимости не только от уровня единоначалия и субординации отношений, но и отношения к руководителю подразделения со стороны подчиненных ему сотрудников. Соответственно, высокий уровень единоначалия и субординации отношений повышает силу влияния, тогда как негативное отношение подчиненных снижает [2].

К функциям руководителя служебного коллектива исследователи относят разные виды организационных, координирующих, управленческих действий. Так, О. В. Зуева, А. В. Зорин отмечают, что руководитель должен координировать взаимодействие различных подразделений, опираясь на фактическое положение дел; владеть информацией, уметь анализировать и верно передавать ее подчиненным; контролировать выполнение ими обязанностей и отдельных поручений [4].

К социально-психологическим аспектам влияния руководителя исследователи относят формирование и поддержание благоприятного социально-психологического климата в служебном коллективе. Важно подчеркнуть, что под данным понятием могут быть рассмотрены совершенно разные аспекты деятельности руководителя – формирование служебного коллектива на первичном этапе его формирования [5], повышение эффективности совместной деятельности [6], в т. ч. – готовности к совместной деятельности [7], сплочение служебного коллектива [8], профилактику конфликтов [9] и деструктивного поведения [10], соблюдение служебной дисциплины и законности [11]. Можно заключить, что социально-психологический климат является комплексным образованием, характеризующим влияние руководителя служебного коллектива на взаимодействие и взаимоотношение подчиненных ему сотрудников.

Обращаясь к психологическим аспектам влияния руководителя на подчиненных, отметим, что данное направление исследований применительно к сотрудникам органов внутренних дел разрабатывается преимущественно в контексте воздействия руководителя на социально-психологический климат и образующие его проявления взаимодействия и взаимоотношений. С. В. Духновский связывает профессиональное самоотношение сотрудников органов внутренних дел с характером внутригрупповых отношений и значением руководителя служебного коллектива в их нормализации [12]. Характеризуя проблематику профессионального развития женщин-сотрудников органов внутренних дел, Л. Н. Костина подчеркивает значение руководителя в адаптации и профессиональном становлении сотрудниц-женщин [13]. В. В. Вахнина и П. П. Бугров рассматривают мотивацию сотрудников органов внутренних дел, обращая внимание на ее проявления у руководителей подразделений [14]. Ю. А. Кравцова изучает проявление взаимоотношений сотрудников в особых условиях деятельности, показывая их требования к психологическим параметрам служебных коллективов [15]. С. В. Горностаев раскрывает влияние руководителя на уровень служебной лояльности подчиненных сотрудников через феноменологию служебного коллектива [16]. Рассматривая влияние самооценки сотрудников на взаимоотношения внутри служебного коллектива, Р. И. Канунников заключает, что адекватный уровень самооценки свойственен коллективам с благоприятным уровнем климата [17].

Известны отдельные работы, раскрывающие психологические аспекты влияния руководителя. В исследовании А. А. Сарсеновой через призму влияния руководителя подразделения на деятельность и самоотношение сотрудника характеризуются субъективные предпосылки формирования служебной лояльности [18]. Опираясь на результаты анализа подразделений Госавтоинспекции Свердловской области, Т. В. Мальцева и О. А. Коновалова констатируют, что потребительское отношение к сотрудникам, незаинтересованность в создании

сплоченного коллектива, а в некоторых случаях даже создание определенных ситуаций, приводящих к разрыву межличностных отношений, выражается в росте нервно-психических перегрузок, нарушении режима суточной жизнедеятельности сотрудников [19]. Проблематику психологической безопасности подчиненных сотрудников рассматривает С. Г. Еремеев, акцентируя внимание на риске харрасмента со стороны лиц, обладающих формальным и неформальным статусом в служебном коллективе [20]. Е. В. Котельникова анализирует проявления психологического насилия в межличностных отношениях сотрудников органов внутренних дел, конкретизируя значение руководителя служебного коллектива в противодействии им [21]. Подчеркнем, что негативное влияние руководителя рассматривается в контексте его профессиональной некомпетентности [22], недостаточного развития личных и деловых качеств [23].

Обобщая различные виды влияния руководителя служебного коллектива на подчиненных ему сотрудников, выделим виды, оказывающие влияние на его морально-психологическое состояние:

1) организация деятельности сотрудника, проявляющаяся в определении цели деятельности, обосновании нормативных правовых средств и условий ее достижения, мотивации и регуляции деятельности, оценки результата;

2) формирование самоотношения (отношения к себе) сотрудника, находящее отражение в его профессиональной и личной самооценке, Я-образе и Я-концепции;

3) поддержка субъективно-значимых сфер жизнедеятельности сотрудника, выражающаяся в предоставлении ресурсов (информационных, временных и иных), достижения личных, семейных и иных целей.

Данная характеристика устанавливает связь между влиянием руководителя служебного коллектива на процессы деятельности, самоотношения и самореализации сотрудника, с одной стороны, и морально-психологическим состоянием сотрудника – с другой. Таким образом, морально-психологическое состояние ставится в зависимость не только от личных и деловых качеств сотрудника, а от организационных, социально-психологических и субъективных факторов служебной деятельности, которые в совокупности влияют на переживание сотрудником своей профессиональной деятельности, формируют его отношение к служебному коллективу и себе как его участнику. Данные выводы и составляют основания для построения модели влияния руководителя служебного коллектива на подчиненных сотрудников и их морально-психологическое состояние.

Модель влияния руководителя служебного коллектива на морально-психологическое состояние подчиненных сотрудников

Выполненный в предыдущих разделах статьи анализ показал, что психологическое значение руководителя для служебного коллектива предполагает синтез функций организатора и лидера, вовлечение не только в деятельность подчиненных сотрудников, но и их отношения к себе, друг другу и выполняемой деятельности.

Модель поведения руководителя служебного коллектива, как продемонстрировало изучение материалов социально-психологических исследований, наряду с планированием, контролем и оценкой деятельности не исключает функций наставничества, оказания психологической помощи, которые в равной мере влияют на морально-психологическое состояние личного состава.

В этой связи влияние руководителя видится целесообразным рассмотреть в двух наиболее значимых контекстах – взаимодействия и взаимоотношений членов служебного коллектива выступающих и основанием морально-психологического состояния и формой его проявления в деятельности и отношении сотрудника органа внутренних дел [24]. Представление о влиянии руководителя приводится в виде теоретической модели (рисунок 1).

Модель упорядочивает и конкретизирует разнонаправленные и разнородные представления о влиянии руководителя на морально-психологическое состояние членов служебного коллектива. Структура модели предполагает два ключевых направления ответственности руководителя служебного коллектива – взаимодействие его членов и их взаимоотношения, обобщая в каждом по три аспекта организационного воздействия – определение (регламентацию), формирование и регуляцию.

Модель раскрывает значение руководителя служебного коллектива в части организации, регуляции и контроля, оценки результатов оперативно-служебной деятельности членов

служебного коллектива (характеристика «руководитель-организатор») а также в части регламентации и регуляции взаимоотношений членов коллектива (в т. ч., формировании ценностно-нормативных основ межличностных отношений, самоотношения, регуляции направленности, разрешении конфликтов).

Рис. 1. Влияние руководителя на взаимодействие и взаимоотношения членов служебного коллектива

Fig. 1. Influence of the head of the service team on the interactions and relationships of the service team members

В рамках организации взаимодействия руководитель обеспечивает соблюдение и, при необходимости, совершенствование нормативной правовой регламентации служебной деятельности подчиненного ему служебного коллектива, формирует их направленность на продуктивность оперативно-служебной деятельности и ориентирует на качество достигаемых результатов, регулирует взаимодействия членов служебного коллектива с учетом внешних и внутренних условий осуществляемой ими деятельности.

В контексте взаимоотношений задачами руководителя служебного коллектива выступает регуляция направленности членов служебного коллектива, предполагающая единство направленности сотрудников в ценностях и нормах осуществления порученной им деятельности, определение руководителем единых ценностей и норм отношений для членов служебного коллектива, формирование самоотношения и самооценки членов коллектива.

С учетом изложенного ясно, что влияние руководителя служебного коллектива на морально-психологическое состояние подчиненных ему сотрудников зависит от принятия им позиции организатора взаимодействия и взаимоотношений. Активность руководителя по регламентации ценностей, целей и норм деятельности и отношений определяет важнейшие компоненты групповой структуры и динамики. Последовательность руководителя в формировании направленности членов коллектива во взаимодействии и взаимоотношениях демонстрирует единство требований к ним и их постоянство в любых условиях оперативно-служебной деятельности. Конечно, значение руководителя на разных этапах развития служебного коллектива варьируется [25], в этой связи включенные в нее показатели имеют существенное значение для вновь создаваемых коллективов, в т. ч. действующих в особых условиях деятельности.

Применение модели видится полезным для оценки способности руководителя служебного коллектива достигать и поддерживать морально-психологическое состояние членов служебного коллектива.

С этой целью каждый показатель модели может быть представлен в виде критерия. Шкала оценивания может разрабатываться с учетом предмета оценивания. Например, в учебных целях шкала оценивания может иметь значения «знает/не знает», «умеет/не умеет», «способен/не способен». В целях контроля и оценки сотрудника, замещающего должность руководителя, могут использоваться значения «выполнено/не выполнено», «результативно/не результативно». В зависимости от цели опроса ему могут быть подвергнуты как сами руководители (кандидаты на замещение руководящей должности), так и подчиненные сотрудники. Полученный результат может использоваться для оценки деловых качеств сотрудника, замещающего должность руководителя служебного коллектива или планируемого к назначению на нее.

3 заключение

В статье рассматривалось влияние руководителя служебного коллектива на морально-психологическое обеспечение деятельности подчиненных сотрудников. В ходе обобщения социально-психологических и организационно-психологических концепций были описаны функции руководителя служебного коллектива, раскрывающие его значение для организации, регулирования и формирования взаимодействия и взаимоотношений служебного коллектива. Через призму эмпирических исследований влияния руководителя на социально-психологические процессы служебного коллектива были синтезированы показатели, характеризующие морально-психологическое состояние подчиненных сотрудников. В результате обобщения представлений о значении руководителя служебного коллектива и его влиянии на морально-психологическое состояние сотрудников была разработана теоретическая модель влияния руководителя. Она демонстрирует роль руководителя в определении (регламентации), формировании и регуляции ключевых аспектов взаимодействия и взаимоотношений членов служебного коллектива.

Разработанная модель может применяться в рамках опроса личного состава, сгруппированного в виде служебных коллективов, нацеленного на изучение морально-психологического состояния. Тем самым будет расширен арсенал методов подготовки сотрудников, замещающих должности руководителей, а также восполнена потребность в совершенствовании методик, применяемых психологами для изучения роли руководителя и отношений в служебном коллективе.

Направлениями дальнейшего исследования выступает апробация представленной модели на выборке руководителей подразделений органов внутренних дел, верификация представленных в статье положений в исследованиях социально-психологического климата, психологических проблем взаимодействия и взаимоотношений членов служебного коллектива.

Список источников

1. Солодовников С. Ю. Относительные преимущества субординационного и ординационного управления в инновационной сфере // Экономическая наука сегодня. 2019. № 9. С. 122-131.
2. Ванюшина И. Н. Принцип субординации на государственной службе Российской Федерации и службе в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 3 (53). С. 73-84.
3. Духновский С. В., Злоказов К. В. Социально-психологический климат и внутригрупповые отношения в служебном коллективе // Кадровик. 2023. № 12. С. 88-97.
4. Зуева О. В., Зорин А. В. Стиль управления в органах внутренних дел как один из факторов формирования социально-психологического климата служебного коллектива // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 4. С. 138-145; <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-4-138-145>.
5. Астафьев Н. В. Обучение руководителей и формирование служебных коллективов сводных отрядов полиции и оперативных групп в процессе первого этапа подготовки к служебной командировке на территорию Северо-Кавказского региона Российской Федерации // Право и образование. 2015. № 10. С. 115-124.
6. Мишин А. А. Взаимосвязь психологического климата в служебном коллективе с эффективностью служебной деятельности // Прикладная юридическая психология. 2021. № 3 (56). С. 71-75. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2021.3\(56\).071-075](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2021.3(56).071-075).
7. Морозов В. А., Калинин С. В., Левченко А. А. Формирование готовности сотрудников полиции к выполнению задач в служебном коллективе ОВД России // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 135-136.
8. Нежкина Л. Ю. Изучение сплоченности служебного коллектива сотрудников органов внутренних дел // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 4 (23). С. 94-98.
9. Гайнуллина А. В. Психологические проблемы деятельности руководителя по профилактике конфликтов и поддержанию благоприятного социально-психологического климата в служебных коллективах // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 40-42. <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10100>.
10. Михайлова Т. В., Джонов А. В. Проблемы деструктивных взаимоотношений в служебных коллективах органов внутренних дел // Прикладная психология и педагогика. 2018. Т. 3, № 4. С. 80-88. https://doi.org/10.12737/article_5c0809025f5f47.13738257.
11. Сумина Е. А., Чиннов А. Г. Соблюдение служебной дисциплины сотрудниками органов внутренних дел как один из факторов эффективности деятельности служебного коллектива // Академическая мысль. 2020. № 4 (13). С. 119-122.
12. Духновский С. В. Отношения в служебном коллективе и профессиональное самоотношение сотрудников органов внутренних дел // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 2 (26). С. 19-26. <https://doi.org/10.47475/2409-4102-2024-26-2-19-26>.

13. Костина Л. Н. Об исследовании проблем профессионального развития женщин - сотрудников органов внутренних дел МВД России / Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сборник материалов IV Международного симпозиума психологов, г. Рязань, 7–8 апреля 2022 г. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. Ч. II. С. 101–106.

14. Вахнина В. В., Бугров П. П. Психологические особенности профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел // Академическая мысль. 2020. № 1 (10). С. 114–118.

15. Кравцова Ю. А. Особенности проявления групповой психологии в особых условиях служебной деятельности // Научное мнение. 2024. № 12. С. 102–106. https://doi.org/10.25807/22224378_2024_12_102.

16. Горностаев С. В. Служебная лояльность как фактор служебной деятельности: административно-правовой и феноменологический подходы // Психология и право. 2017. Т. 7, № 1. С. 68–79. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070106>.

17. Канунников Р. И. Взаимосвязь самооценки и характера взаимоотношений в служебном коллективе у сотрудников органов внутренних дел // Психолог : сетевое издание. 2022. № 6. С. 111–121. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2022.6.38604>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38604.

18. Сарсенова А. А. Отношение к деятельности, руководителю и самоотношение сотрудника правоохранительных органов как детерминанты его служебной лояльности // Российский девиантологический журнал. 2022. Т. 2, № 2. С. 201–210. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-201-210>.

19. Мальцева Т. В., Коновалова О. А. Психологические аспекты деятельности руководителя органов внутренних дел и их влияние на социально-психологический климат в служебном коллективе (на примере Госавтоинспекции Свердловской области) // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2023. Т. 12, № 3. С. 70–78. <https://doi.org/10.12737/2306-1731-2023-12-3-70-78>.

20. Еремеев С. Г. Харассмент: современный взгляд на проблему // Прикладная юридическая психология. 2022. № 1 (58). С. 28–35. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.1\(58\).028-035](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.1(58).028-035).

21. Котельникова Е. В. Феномен «психологическое насилие»: сущность, формы проявления и распространенность в межличностных отношениях сотрудников органов внутренних дел / Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, г. Рязань, 9–10 апреля 2020 г. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 342–349.

22. Гайнуллина А. В., Рябова М. Г. Психологический потенциал современного руководителя органов внутренних дел как основа эффективного управления социальными процессами в служебных коллективах // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 3. С. 34–38. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-3-34-38>.

23. Марьин М. И., Терезулова О. А. Особенности формирования благоприятного социально-психологического климата в территориальных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 443–448. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2024.68.4.011>.

24. Духновский С. В., Злоказов К. В. Субъективная оценка внутригрупповых отношений: описание опросника и возможности его использования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (74). С. 106–112.

25. Верстова М. Е., Полежаева С. А., Поляков А. Н., Романовский И. Л. К вопросу о функциональной структуре системы управления ОВД в контексте решения современных задач правоохранительной деятельности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 2. С. 50–55.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 159.9.072
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-294-303>

Личностные характеристики саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы

Наталья Анатольевна Самойлик, доктор психологических наук, доцент

Кузбасский институт ФСИН России
Новокузнецк, Кемеровская обл. – Кузбасс (654066, пр. Октябрьский, д. 49), Российская Федерация
nat-samojlik@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>

Аннотация:

Введение. Исследование направлено на изучение личностных характеристик саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Анализируется комплекс личностных особенностей женщин с разным уровнем саморегуляции, а также преобладающие стили контроля и управления своим поведением у осужденных, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы. Гипотеза исследования – предположение о том, что в ходе отбывания уголовного наказания поведение осужденных женщин отличается уровнем саморегуляции; личностные характеристики осужденных влияют на реализацию конкретного стиля поведения женщин в исправительном учреждении. Выборку исследования составили осужденные женщины в количестве 328 человек в возрасте 25–35 лет, отбывающие уголовные наказания.

Методы исследования: теоретические (анализ, синтез и обобщение информации), эмпирические (психодиагностическое тестирование). Методики, используемые в исследовании: «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» (В. И. Моросанова) и «Индивидуально-типологический опросник» («ИТО») (Л. Н. Собчик).

Результаты. Выявлены достоверные различия проявления личностных особенностей осужденных женского пола с разным уровнем саморегуляции поведения. Доказано, что осужденным женщинам с низким показателем саморегуляции свойственны такие личностные характеристики, как агрессивность, замкнутость, спонтанность, сензитивность, лабильность. Данный комплекс личностных проявлений соответствует гипостеническому типу поведения. У отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях женщин со средним уровнем саморегуляции проявляется ригидность, спонтанность, интроверсия, что обуславливает формирование гиперстенического типа поведения. В группе осужденных с низким уровнем саморегуляции наиболее выражены программирование и гибкость стилей контроля и управления своим поведением. Женщины со средним показателем саморегуляции предпочитают гибкость и программирование при реализации поведенческих стратегий при отбывании наказаний за совершенные уголовные преступления.

Ключевые слова:

личностные особенности, саморегуляция, стили саморегуляции, саморегуляция поведения, стили саморегуляции поведения, осужденные женщины

Для цитирования:

Самойлик Н. А. Личностные характеристики саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 294–303. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-294-303>.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024;
одобрена после рецензирования 03.11.2024;
принята к публикации 27.12.2024.

Original article

Personality characteristics of self-regulatory behaviour of convicted women serving sentences in prisons

Natalia A. Samoylik, Doc. Sci. (Psy.), Docent

Kuzbass Institute of the Federal Penal System of Russia
49, Oktyabrsky pr., Novokuznetsk, Kemerovo region – Kuzbas, 654066, Russian Federation
nat-samojlik@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>

© Самойлик Н. А., 2025

Abstract:

Introduction. *The study aims to investigate the personal characteristics of self-regulation of convicted women behaviour serving sentences in places of liberty deprivation. The complex of personal characteristics of women with different levels of self-regulation is analysed, as well as the prevailing styles of behaviour control and self-management of convicted prisoners serving criminal sentences in places of liberty deprivation. Hypothesis of the study is the assumption that during serving a sentence the convicted women behaviour differs in the level of self-regulation; the personality characteristics of the convicted people influence the realisation of the specific style of behaviour of women in correction facilities. The sample of the study was made up of 328 convicted women aged 25-35 years serving criminal sentences.*

Methods: *theoretical (analysis, synthesis and generalisation of information), empirical (psycho-diagnostic testing). The methodical techniques used in the study: "Style of self-regulation of behaviour - SSP-98" (V. I. Morosanova) and "Individual-typological questionnaire" (L. N. Sobchik).*

Results. *Reliable differences in the display of the personality characteristics of female convicts with different levels of self-regulation were revealed. It was proved that convicted women with low self-regulatory index have such personality characteristics as aggressiveness, introversion, spontaneity, sensitivity, labiality. This complex of personality manifestations corresponds to a hypogenic type of behaviour. Women with a medium level of self-regulation, who are serving criminal sentences in correctional institutions, have rigidity, spontaneity and introversion, that determine hyperstenic type of behaviour. In the group of convicted with low level of self-regulation programming and flexibility of control styles and behaviour management are mostly expressed. Women with a medium self-regulatory rate prefer flexibility and programming in the behavioural strategies implementation when serving sentences for criminal offences.*

Keywords:

personality traits, self-regulation, self-regulation styles, self-regulation of behaviour, styles of behaviour self-regulation, convicted women

For citation:

Samoylik N. A. Personality characteristics of self-regulatory behaviour of convicted women serving sentences in prisons // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P.294-303. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-294-303>.

The article was submitted September 4, 2024; approved after reviewing November 3, 2024; accepted for publication December 27, 2024.

Введение

Специфика социального статуса человека, осужденного к лишению свободы, не только обуславливает его положение в структуре системы исполнения уголовных наказаний, но и в большей степени характеризует его с точки зрения прогноза осуществления делинквентного поведения как во время отбывания наказания, так и после освобождения. Безусловно, систематическая реализация данной формы поведения демонстрирует отсутствие потребности человека к осуществлению саморегуляции, которая, согласно Б. А. Гунзуновой, «предполагает подчиненность активности живого существа внутренним факторам, придающим ей избирательный, целостный, организующий, упорядочивающий характер» [1, с. 3]. Существенно расширяет понимание саморегуляции в функциональном ракурсе К. А. Абульханова-Славская, утверждая, что именно саморегуляция «обеспечивает целевое и смысловое соответствие действий субъекта, своевременность, пропорциональность действий» [2, с. 26]. В то же время, как констатирует В. И. Моросанова, саморегуляция – понятие метапредметное, проявляющееся «не только в достижении конкретных целей, но и при решении более широких задач жизнедеятельности, таких как самовоспитание, личностное и профессиональное становление» [3, с. 17]. Таким образом, саморегуляция, выступая в качестве одного из уровней координации и управления активности человека, определяет специфику отражения и моделирования действительности, зависящую от условий и личностных качеств личности. При этом именно личностные черты «определяют способность человека преодолевать субъективные и объективные трудности ... и наряду с индивидуальным регуляторным профилем являются основой для формирования индивидуальных стилей саморегуляции в конкретных видах деятельности» [4, с. 40].

Наиболее остро проблема саморегуляции поведения встает при изучении женской преступности, которая в последние годы изменяется не только качественно, но и количественно. По мнению А. Е. Михайлова и И. А. Тараканова, «специфика общественной опасности женской преступности выражается в том, что она подрывает основы традиционных духовно-нравственных и семейных ценностей» [5, с. 100]. Поэтому можно утверждать, что женская преступность выступает своеобразным индикатором духовно-нравственного и морального благополучия в современном обществе. Вместе с тем мотивация преступного поведения женщин не является сиюминутной и спонтанной, а зачастую формируется вследствие длительного стресса или конфликта, обусловленного неудачами в личной или профессиональной сферах и проявляющегося в неспособности разрешить сложившуюся ситуацию эффективными

способами. Данную особенность отметил Ю. М. Антонян, говоря о том, что женщины «...более эмоционально и остро реагируют на неактивные стороны окружающей действительности; травмы, связанные с производственными и семейными конфликтами, разводами, неустроенностью личной жизни, могут носить у них более затяжной и глубокий характер» [6, с. 257]. В подобных условиях деформации у женщин подвергается прежде всего личностная сфера. Эффективные поведенческие стратегии заменяются на девиантные, навыки самоконтроля и саморегуляции утрачиваются и замещаются длительными периодами эмоциональных переживаний, приводящих в итоге к совершению уголовных преступлений.

Проблематика саморегуляции поведения женщин, совершивших преступные действия, акцентируется в условиях исправительного учреждения, что обусловлено отрицательным влиянием пенитенциарного социума, закрытостью среды, ограниченностью круга общения и невозможностью удовлетворения индивидуальных влечений и потребностей. Наиболее типичными формами поведения осужденных в подобных условиях являются агрессия, конфликты, провокации, аффекты, сопровождающиеся всплесками негативных эмоций и переживаний. Все это дает основания предполагать дефицитность саморегуляции поведения у осужденных женщин.

Цель исследования заключалась в изучении личностных характеристик саморегуляции поведения женщин, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях, расположенных на территории Сибирского территориального органа. Для проведения исследования была сформирована группа осужденных женщин ($N = 328$) в возрасте 25–35 лет ($M = 29,63$; $\sigma = 0,04$). При формировании выборки не учитывался уголовно-правой статус женщин, при этом акцент делался на факт осуждения независимо от вида совершенного деяния.

Гипотеза исследования состояла в предположении, что в ходе отбывания уголовного наказания поведение осужденных женщин отличается уровнем саморегуляции; личностные характеристики осужденных влияют на реализацию конкретного стиля поведения женщин в исправительном учреждении.

Методы

Анализ личностных характеристик саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, осуществлялся методом поперечных срезов с использованием следующих психодиагностических методик: опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» (В. И. Моросанова) и «Индивидуально-типологический опросник» («ИТО») (Л. Н. Собчик). В основе разработанной В. И. Моросановой методики лежит идея о том, что «стилевыми особенностями саморегуляции являются типичные для человека и наиболее существенные индивидуальные особенности самоорганизации и управления внешней и внутренней целенаправленной активностью, устойчиво проявляющееся в различных ее видах» [7, с. 120]. Индивидуально-типологический опросник направлен на анализ выраженности базовых свойств личности, определяющих ведущие поведенческие тенденции, что соответствует цели настоящего исследования [8]. Диагностика проводилась в групповой форме (малые группы) и на основании письменного согласия осужденных женщин.

Математико-статистическая обработка данных была выполнена на основе программного обеспечения IBM SPSS Statistics 23.0. Достоверность полученных результатов определялась с помощью U-критерия Манна-Уитни. Также в исследовании применялись методы первичной обработки данных – значение среднего показателя величины (M), частотный (процентный) анализ.

Результаты

На первом этапе исследования была проведена диагностика выраженности уровня саморегуляции поведения в группе осужденных женщин. На рисунке 1 наглядно видно, что у 62 % осужденных женщин присутствует низкий показатель саморегуляции поведения, отражающий несформированность мотивации к осознанному планированию и программированию своего поведения, а также проявлению ситуативной зависимости и подчиненности мнению окружающих людей. Возможно, это и послужило одним из лидирующих факторов совершения противоправных действий. Следует заметить, что возможность компенсации неблагоприятных для достижения поставленной цели личностных особенностей у представителей данной группы испытуемых значительно снижена.

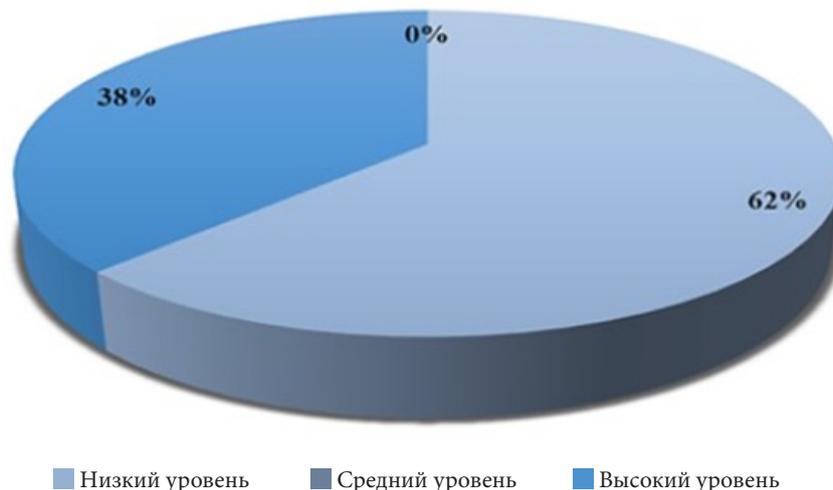

Рис. 1. Выраженность уровня индивидуальной саморегуляции у осужденных женщин

Fig. 1. Expression of the individual self-regulation level in convicted women

Результаты исследования показали, что для 38 % осужденных женщин характерен средний показатель выраженности саморегуляции поведения. Они не способны самостоятельно определять стратегию своего поведения, не могут адекватно и мобильно реагировать на изменение внешних условий социальной среды, выдвижение и достижение цели у них частично осознано. Однако присущая им потребность в развитии индивидуальной саморегуляции детерминирует понимание необходимости ценностно-смыслового осознания и рефлексии совершенных действий и поступков. В данном случае речь идет именно о поведенческих актах, которые имели место в прошлом, т. к. произвольное прогнозирование личностной активности в данной группе осужденных женщин не выражено.

Необходимо подчеркнуть, что в группе осужденных женщин не обнаружены респонденты с высоким уровнем индивидуальной саморегуляции, в то время как именно потребность в саморегуляции среди исследователей признается значимым фактором сдерживания преступного поведения и профилактики рецидивной преступности [9].

Для проведения сравнительного анализа личностных характеристик саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, на основании диагностики были образованы две группы. В первую группу вошли женщины с низким уровнем индивидуальной саморегуляции ($N = 205$); вторая группа сформирована из осужденных со средним уровнем индивидуальной саморегуляции ($N = 123$). Для каждой группы респондентов был построен личностный профиль на основании методики «ИТО» (Л. Н. Собчик), определены стили саморегуляции поведения, затем полученные результаты анализировались с помощью U -критерия Манна-Уитни.

Рассмотрим результаты исследования в первой группе (рисунок 2; таблица 1). Осужденным женщинам с низким показателем индивидуальной саморегуляции присущи агрессивность ($M = 8,41$), проявляемая в реализации неконструктивной модели самоутверждения в пенитенциарном социуме, а также преобладание в межличностном и межгрупповом взаимодействии провокационных высказываний и действий. Вероятно, подобное поведение обусловлено отсутствием у респондентов осознаваемой потребности к самоконтролю и неспособностью адекватного управления своими эмоциями и поступками. Следует отметить, что замкнутость и аутичность ($M = 7,16$), характерные для данной группы женщин, выражаются в неуверенности, низком уровне адаптивности и ригидности ($M = 6,75$). При этом инертность индивидуальных установок и подозрительность не позволяют осужденным женщинам самостоятельно принимать жизненно важные решения, что в итоге приводит к развитию проблемных или конфликтных ситуаций как личностного, так и социального характера, вследствие чего в условиях изоляции пенитенциарного учреждения нередко у осужденных женского пола наблюдаются

эмоциональные вспышки, причина которых, как правило, кроется в отсутствии эффективных стратегий саморегуляции индивидуального поведения.

Рис. 2. Представленность личностных характеристик осужденных женщин с низким уровнем индивидуальной саморегуляции (М)

Fig. 2. Representation of the convicted women personality characteristics with low level of individual self-regulation (M)

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа выраженности личностных характеристик осужденных женщин в зависимости от уровня саморегуляции поведения (U-критерий Манна-Уитни)

Table 1

Results of the comparative analysis of the expression of the convicted women personality characteristics according to the self-regulation level (U-test of Mann-Whitney)

Шкалы методики «ИТО»	U	Уровень значимости	Среднее значение	
			1 группа, n = 205	2 группа, n = 123
Агрессивность	654,0	0,048*	4,9	3,83
Экстраверсия	691,5	0,002*	4,32	6,39
Спонтанность	626,0	0,049*	5,9	7,05
Агрессивность	684,0	0,007*	8,41	5,44
Ригидность	639,5	0,021*	6,75	7,08
Интроверсия	705,0	0,095*	7,16	5,32
Сензитивность	672,0	0,05*	6,46	4,71
Тревожность	768,5	0,462	3,59	3,99
Лабильность	635,5	0,016*	5,25	4,89

Примечание - * Здесь и далее в таблице 2 выделены достоверно значимые различия.

В диапазоне умеренно выраженных личностных особенностей в первой группе осужденных находятся спонтанность (M = 5,9), сензитивность (M = 6,46) и лабильность (M = 5,25). Полученные результаты свидетельствуют о лидировании мотивации рискованного

поведения, демонстрирующего субъективно ожидаемое неблагоприятное и возможную неудачу в деятельности. Кроме того, полная или частичная зависимость от социального окружения исправительного учреждения способствует формированию избыточной эмотивности, которую можно наблюдать в демонстративности, мнительности и повышенной тревожности. По мнению Л. Н. Собчик, такие личностные особенности характеризуют гипостенический тип поведения с выраженными чертами неврастения и делинквентности [10].

Представители второй группы со средним уровнем саморегуляции поведения отличаются высокими показателями ригидности ($M = 7,08$) (рисунок 3; таблица 1). При этом снижение подвижности, переключаемости и выраженности адаптации психических процессов к меняющимся требованиям среды связаны у осужденных женщин прежде всего с эмоциональными процессами, которые не проявляются внешне, но приводят к качественному расстройству эмоционального спектра, провоцируя появление эмоциональной негибкости. В связи с этим А. Н. Певнева утверждает, что «эмоциональная ригидность высвечивает индивидуальные различия в способах переработки информации и проявления однообразных эмоциональных откликов на изменившиеся предметы эмоций, константность оценки событий, а также адаптивные способности и свойства личности» [11, с. 92]. Очевидно, что полюс эмоциональной реактивности может рассматриваться как значимый компонент индивидуальной саморегуляции поведения среди осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Рис. 3. Представленность личностных характеристик осужденных женщин со средним уровнем индивидуальной саморегуляции (M)

Fig. 3. Representation of the convicted women personality characteristics with average level of individual self-regulation (M)

На основании полученных результатов диагностики осужденных женщин со средним уровнем сформированности индивидуального стиля саморегуляции поведения можно констатировать высокие показатели проявления спонтанности в течение всего периода отбывания наказания ($M = 7,05$). В данном контексте нельзя не согласиться с авторским подходом Н. В. Ореховой, утверждающей, что «спонтанность является именно тем субъективным свойством личности, от которого зависит детерминация самой деятельности, обеспечивающая сообразность ее протекания внутренним устремлениям» [12, с. 17]. Спонтанность, которую Э. Фромм обозначил понятием «модус бытия» [13], показывая тем самым ее роль в жизни

человека, определяет способность к самопроизвольности, осмысленности, продуктивности и открытости. Среди осужденных женщин данные личностные характеристики практически не представлены, а спонтанность выражается в повышенном уровне импульсивности, которая в некоторой степени выступает защитной реакцией на условия пенитенциарной среды. Кроме того, у женщин второй группы выражена избыточная общительность ($M = 6,39$), дающая возможность расширения социальных контактов и поведенческой раскрепощенности, но при этом наблюдается отсутствие тенденции к самоанализу и самоконтролю. Такие осужденные женского пола отличаются самоуверенностью и нежеланием соблюдать требования сотрудников исправительного учреждения и нормативных документов, регламентирующих процесс отбывания уголовных наказаний. В соответствии с теорией Л. Н. Собчик, сочетание данных индивидуальных особенностей свойственно гиперстеническому типу личности, одной из особенностей которого является чрезмерная чувствительность к давлению окружающих ($M = 4,71$).

Данные, приведенные в таблице 1, показывают, что достоверно значимые различия по U-критерию Манна-Уитни были обнаружены по шкале экстраверсии ($p = 0,002$), позволяя предположить, что осужденные со средним показателем индивидуальной саморегуляции предпочитают обращенность в мир реальных явлений ($M = 6,39$), нежели ограниченность круга взаимодействия, характерную для женщин первой группы ($M = 4,32$).

Способность контролировать свое поведение согласно имеющимся внутренним личностным мотивам в большей степени присуща осужденным женщинам со средним уровнем саморегуляции ($p = 0,049$), но тем не менее у данной группы респондентов наблюдается потребность в действиях рискованного характера и направленность на реализацию лидерских задатков ($M = 7,05$). Однако в условиях пенитенциарного социума эти тенденции трансформируются под влиянием психологической работы, целью которой является формирование позитивной адекватной самооценки осужденных женского пола.

В то же время у женщин с низким уровнем сформированности саморегуляции поведения более выражена агрессивность ($M = 8,41$), что подразумевает предпочтение реализации «неконструктивной формы адаптации человека к неблагоприятным ситуациям» [14, с. 152]. Наиболее часто у данной группы осужденных встречается генерализованная форма агрессии, реализуемая через физическое воздействие для удовлетворения личных примитивных потребностей ($p = 0,007$). Осужденные второй группы менее склонны проявлять агрессивное поведение ($M = 5,44$), хотя выраженность данного показателя свидетельствует о его акцентуированности в структуре их характера.

Результаты диагностики демонстрируют, что осужденные второй группы более ригидны ($M = 7,08$), а значит, у них неразвиты стратегии приспособления к изменению внутренних и внешних условий. Им не свойственно идти на компромисс или менять свою систему взглядов и убеждений. Очевидно, что присущие женщинам этой группы консерватизм и в некоторой степени инертность интегрируются в качественную характеристику саморегуляции индивидуального поведения и в условиях лишения свободы приводят к демонстративности, эгоцентризму и аффективному поведению. Высокие показатели ригидности выявлены и у женщин первой группы ($M = 6,75$), но при этом осознанное планирование своего поведения у них частично представлено.

Сравнительный анализ выраженности личностных характеристик осужденных женщин с разным уровнем индивидуальной саморегуляции показал, что респонденты первой группы более замкнуты и склонны к глубоким внутренним переживаниям ($M = 7,16$). Озабоченность личностными проблемами и сосредоточенность, а в некоторых случаях и застревание на них детерминируют развитие социальной пассивности и отгороженности. Устойчивая модель подобного поведения обуславливает деформацию представлений о контроле и регуляции своего поведения, что в итоге препятствует последующей ресоциализации осужденных женщин.

Также осужденные женщины с низким уровнем индивидуальной саморегуляции отличаются выраженной сензитивностью ($p = 0,05$). В процессе межличностного и межгруппового взаимодействия у них можно наблюдать мнительность, самобичевание, впечатлительность ($M = 6,46$). Полученный результат согласуется с показателями по шкале «лабильность» ($M = 5,25$), отражающими немотивированную смену настроения, конфликтность и слабый внутренний контроль. Все это может свидетельствовать о резистентности поступков и поведения женщин, приводящей к нарушению режима отбывания наказаний и показывающей степень

осознания мотивации саморегуляции. Осужденные второй группы также характеризуются впечатлительностью ($M = 4,71$), однако для них это один из способов получения новых эмоций и профилактики негативных переживаний. Кроме того, на основании результатов исследования лабильности у них формируется потребность в сочувствии, сопереживании и прочных эмоциональных контактах в небольших по объему группах ($M = 0,016$).

Рассмотрим далее результаты представленности стилей индивидуальной саморегуляции осужденных женщин на основании диагностики по методике «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» (В. И. Моросанова). На рисунке 4 и в таблице 2 можно увидеть общую картину предпочтения женщинами стилей саморегуляции в процессе отбывания уголовного наказания.

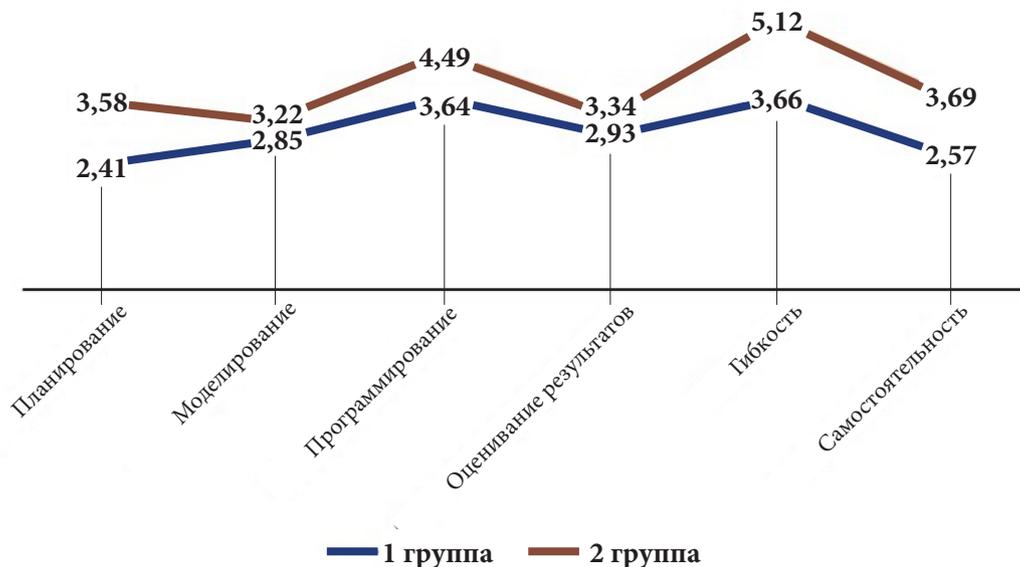

Рис. 4. Представленность стилей индивидуальной саморегуляции женщин в группах (M)

Fig. 4. Representation of individual self-regulation styles in groups (M)

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа выраженности стилей саморегуляции поведения осужденных женщин в группах

Table 2

Results of the comparative analysis of the self-regulatory styles expression in convicted women in groups

Стили саморегуляции поведения	U	Уровень значимости	Среднее значение	
			1 группа, n = 205	2 группа, n = 123
Планирование	559,5	0,011*	2,41	3,58
Моделирование	430,0	0,295	2,85	3,22
Программирование	562,0	0,026*	3,64	4,49
Оценивание результатов	448,5	0,174	2,93	3,34
Гибкость	596,0	0,003*	3,66	5,12
Самостоятельность	538,5	0,054*	2,57	3,69

Так, у представительниц первой группы осужденных потребность в планировании развита слабо, планы неустойчивы и диффузны, поставленная цель редко бывает достигнута, планирование недействительно и малореалистично ($M = 2,41$). Они предпочитают не задумываться

о своем будущем, а постановка целей носит ситуативный характер. Осужденные второй группы характеризуются более выраженной потребностью в осознанном планировании деятельности, реалистичностью планов и самостоятельностью их выдвижения ($M = 3,58$).

В результате сравнения индивидуальной сформированности осознанного программирования своих действий в группах осужденных было выявлено, что женщины с низким уровнем саморегуляции не способны прогнозировать последствия своих действий, предпочитают действовать импульсивно, что в итоге приводит к несоответствию полученных результатов поставленным ранее целям ($p = 0,026$). Их действия отличаются импульсивностью, что не позволяет им самостоятельно прогнозировать и реализовать поведенческий алгоритм в соответствии с имеющейся ситуацией и долгосрочными перспективами ($M = 3,64$). Подобное поведение влечет за собой ряд проблем, среди которых можно отметить рассогласование в целях и результатах своего поведения и деятельности, зачастую не способствующее осознанию ошибочных действий, выступающих одним из лидирующих факторов совершения повторных преступлений. Осужденные второй группы склонны продумывать способы своих действий для достижения намеченных целей, моделировать поведение и оперативно реагировать на изменения ситуации ($M = 4,49$).

Осужденные женщины с низким уровнем сформированности индивидуальной саморегуляции характеризуются неуверенностью в меняющейся обстановке и системными сложностями организации процесса адаптации к жизненным переменам ($p = 0,003$). Они не могут адекватно реагировать на ситуацию, быстро и своевременно планировать деятельность и поведение, что психологически усугубляется в ситуации изоляции, ограничения в удовлетворении потребностей и свободы ($M = 3,66$). Неудачи при выполнении деятельности приводят к эмоциональным срывам, а в критические моменты и к суицидам. Женщины, у которых диагностирован средний уровень индивидуальной саморегуляции, отличаются регуляторной гибкостью, которая проявляется в умении оперативной трансформации механизмов и способов саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий ($M = 5,12$). В условиях отбывания уголовного наказания они проявляют пластичность регуляторных процессов, выражающуюся в объективной оценке, перестраивании планов своей деятельности и недопущении развития внутриличностного конфликта.

Необходимость внешней поддержки в большей степени присутствует у осужденных женщин с низким уровнем сформированности индивидуальной саморегуляции ($p = 0,054$). Очевидно, что данный показатель тесно связан с утратой у осужденных навыков контроля своего поведения, которое, по мнению Е. А. Сергиенко, «актуализирует индивидуальные способности (ресурсы) человека в соответствии с целью и задачами (внешними и внутренними)» [15, с. 140]. По сравнению с женщинами второй группы планы и программы индивидуальных действий они разрабатывают несамостоятельно, а также часто и некритично следуют чужим советам, не применяя элементы рефлексивности ($M = 2,57$). Осужденные, у которых саморегуляция находится на среднем уровне, более направлены на реализацию регуляторной автономности в планировании и осуществлении поведенческих актов ($M = 3,69$). Подобное поведение способствует развитию анализа, контроля и оценки промежуточных и итоговых результатов деятельности, что является условием профилактики рецидивной преступности среди женщин, отбывающих наказание.

3 заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Актуальность исследования личностных характеристик саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, не вызывает сомнений и обусловлена несколькими аспектами. Во-первых, наблюдаемое увеличение роста женской преступности в современном обществе определяет необходимость комплексного изучения индивидуальных факторов, способствующих совершению делинквентных поступков. Во-вторых, искажение личностной сферы осужденных женского пола, напрямую коррелирующее с эмоциональным состоянием и навыками саморегуляции поведения, характеризует специфику

совершения уголовных преступлений. В-третьих, обеспечение успешного процесса ресоциализации осужденных женщин и профилактики рецидивной преступности невозможно без коррекции психологических механизмов саморегуляции женщин на этапе отбывания наказания.

2. В среде осужденных женщин преобладает низкая выраженность саморегуляции поведения, проявляющаяся в несформированности мотивов осознанного планирования и реализации индивидуальной активности, послуживших причиной совершения противоправных действий. Осужденные женщины со средним уровнем саморегуляции отличаются несамостоятельностью в построении стратегии своего поведения. Однако свойственное им ценностно-смысловое осознание необходимости регуляции поведения и деятельности способствует формированию навыков произвольности. В то же время в выборке не выявлено осужденных с высоким уровнем индивидуальной регуляции поведения.

3. Для осужденных женщин с низким показателем саморегуляции свойственны такие личностные характеристики, как агрессивность, замкнутость, спонтанность, сензитивность, лабильность. Данный комплекс личностных проявлений соответствует гипостеническому типу поведения. У женщин со средним уровнем саморегуляции, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях, проявляются ригидность, спонтанность, интроверсия, что обуславливает формирование гиперстенического типа поведения.

4. В группе осужденных с низким уровнем саморегуляции наиболее выражены программирование и гибкость стилей контроля и управления своим поведением. Женщины со средним показателем саморегуляции предпочитают гибкость и программирование при реализации поведенческих стратегий при отбывании наказаний за совершенные уголовные преступления. Полученные результаты являются далеко не исчерпывающими, однако позволяют определить направления дальнейших исследований в данной сфере.

Список источников

1. Гунзунова Б. А. Теоретические подходы к исследованию саморегуляции произвольной активности субъекта деятельности // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2010. № 5. С. 3–7.
2. Абульханова-Славская К. А. Стратегии жизни. Москва : Мысль, 1991. 299 с.
3. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». 2021. № 1. С. 3–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>.
4. Моросанова В. И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». 2010. № 1. С. 36–45.
5. Михайлов А. Е., Тараканов И. А. Женская преступность: современное состояние и тенденции // Ученые записки. 2020. № 2 (34). С. 99–103.
6. Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. Москва : Российское право, 1992. 252 с.
7. Моросанова В. И. Стилевые особенности саморегуляции личности // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 118–127.
8. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности : Теория и практика психодиагностики. Санкт-Петербург : Речь, 2008. 624 с.
9. Коноплева И. Н., Князева С. О., Дебольский М. Г., Красненкова С. А. Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве // Психология и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 27–41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>.
10. Собчик Л. Н. Индивидуально-типологический опросник : практическое руководство к традиционному и компьютерному вариантам теста. Москва : Компания Боргес, 2010. 59 с.
11. Певнева А. Н. Структурная организация эмоционального компонента ригидности // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024. № 1. С. 91–99.
12. Орехова Н. В. Спонтанность как психологическое понятие // Сибирский психологический журнал. 2014. № 51. С. 7–19.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. Москва : АСТ, 2024. 288 с.
14. Корытченкова Н. И., Ахвердова О. А., Смагина С. С. Интегральные характеристики агрессивности личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4 (68). С. 152–156. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-4-152-156>.
15. Сергиенко Е. А. Контроль поведения как основа саморегуляции // Южно-Российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 4. С. 130–146. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-130-146>.